

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
ЮЖНОГО УРАЛА

К. В. САЛЬНИКОВ

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
ЮЖНОГО УРАЛА

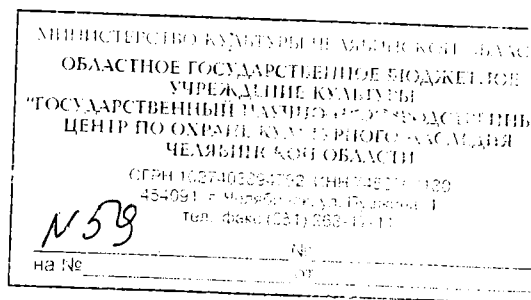
А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

УФИМСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ】

К. В. САЛЬНИКОВ

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

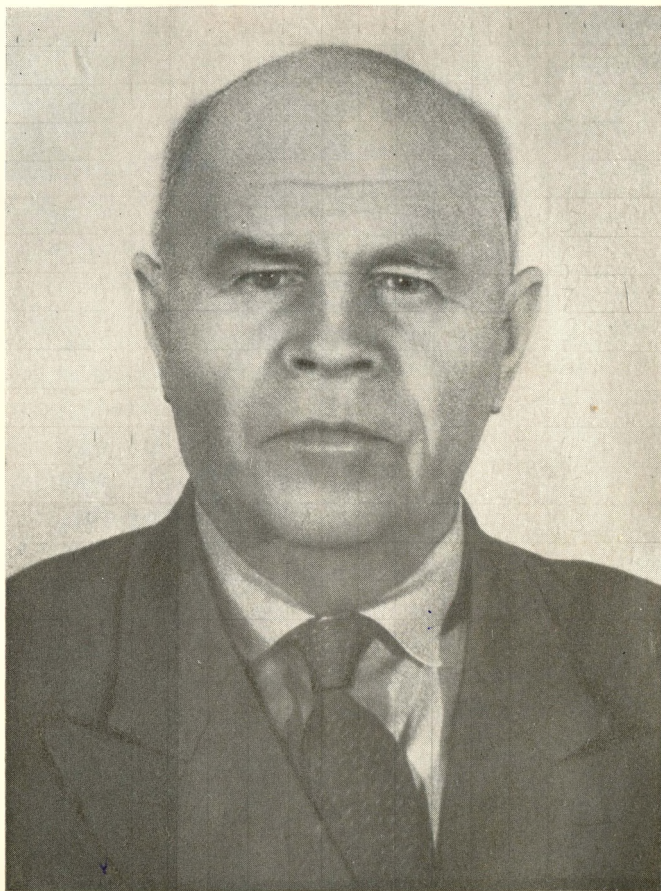
Москва 1967

Очерки освещают основные этапы исторического развития древних племен, обитавших на территории Башкирии и соседних областей во II — начале I тысячелетия до нашей эры. Книга представляет собой обобщающий труд, в котором впервые на широком историческом фоне с максимально возможной полнотой разработаны вопросы происхождения, истории, хозяйственной деятельности и общественного строя разноплеменного населения Южного Урала в эпоху бронзы.

Ответственный редактор

О. Н. БАДЕР

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ
САЛЬНИКОВ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Южный Урал — не только страна разнообразной и удивительно яркой по красоте природы, но и очень древней и сложной истории. Эта история еще недостаточно отражена в литературе, особенно ее наиболее ранний период, предшествовавший появлению письменности и изучаемый преимущественно археологами. Само собою понятно, что этот начальный период, к тому же наиболее продолжительный по времени, не может исключаться из общего исторического процесса, ибо только на его основе можно понять всю сложность культуры и этнического состава населения позднейших исторических эпох.

Монография К. В. Сальникова является обобщающим трудом, основанным на материале многолетних, преимущественно личных раскопок автора. В книге впервые на широком историческом фоне с наивозможной полнотой излагаются вопросы происхождения, истории, сложных взаимоотношений, хозяйственной деятельности и общественного строя разнородного населения Южного Урала, главным образом Башкирии, на протяжении II и начала I тысячелетия до н. э., т. е. эпохи бронзы.

Монография, освещающая историю населения Южного Урала в эпоху бронзы, важна и для разработки древней истории соседних территорий: Поволжья, Северного Прикаспия, Казахстана, Западной Сибири, поскольку археологические культуры древних племен, о которых идет речь в книге, распространены не только на Урале, но и на перечисленных территориях.

Итоги исследований, содержащиеся в предлагаемой читателю книге, составили основу докторской диссертации, блестяще защищенной К. В. Сальниковым в Институте археологии АН СССР в марте 1966 г.

Книга представляет интерес не только для археологов, историков, этнографов, антропологов, географов, палеозоологов, палеонтологов, ботаников, металлургов, техников и многих других специалистов, но и для широкого контингента учителей и учащихся, краеведов и туристов.

Хочу особенно подчеркнуть специальный интерес, который представляют археологические памятники Южного Урала для туристов. Касаясь лишь территории, затрагиваемой в настоящей книге, но расширяя хронологические рамки, можно рекомендовать вниманию туристов многие замечательные и очень эффектные археологические памятники, описание части которых интересующиеся найдут в этой книге. Это такие памятники, как Смеловская II пещера у пос. Смеловский между Магнитогорском и Верхне-Уральском, где жили охотники на мамонтов, гиен, пещерных медведей, диких лошадей и других животных не менее 30 тысяч лет тому назад; Каповая пещера на берегу р. Белой, на территории Государственного башкирского заповедника, в которой сохранились уникальные рисунки древнекаменного века 20-тысячелетней давности; Ключевая, Бурановская и другие пещерные стоянки древнекаменного века в верхнем течении р. Юрюзани; стоянки среднего каменного века у с. Романовки близ Уфы и на озерах юго-восточной Башкирии (Абзелиловский и соседние районы); неолитическая стоянка у с. Давлеканово на р. Дёме и на тех же озерах юго-восточной Башкирии; многие поселения и курганы бронзовой эпохи в Башкирии, Челябинской, Курганской и Оренбургской областях, перечисленные в настоящей работе; наконец, многочисленные памятники железного века, сведения о которых имеются в литературе или можно получить в Уфимском институте истории, языка и литературы.

Автор настоящей монографии — Константин Владимирович Сальников — по праву принадлежит к числу наиболее заслуженных и известных советских археологов. Еще четверть века назад, в предвоенные годы, он уже был крупнейшим археологом Урала. Мы обязаны К. В. Сальникову многочисленными новыми археологическими исследованиями в области Среднего и главным образом Южного Урала, подытоженными в десятках опубликованных им за это время работ.

Можно сказать без преувеличения, что современная археология Южного Урала эпохи энеолита, бронзы и раннего железа создана преимущественно К. В. Сальниковым.

Главными достижениями его систематических исследований на Южном Урале следует считать изучение многочисленных памятников андроновского типа и создание периодизации андроновской культуры на Южном Урале; открытие и изучение своеобразной южноуральской группы памятников абашевской культуры, что явилось в свое время полной неожиданностью; выявление особой срубно-андоновской группы памятников смешанного населения; открытие и описание новых баборыкинской и черкасульской культур; выявление культуры курмантау; создание общей исторической концепции для бронзовой эпохи Южного Урала. О достижениях автора в области изучения Урала эпохи неолита и железа здесь говорить не буду, но они тоже очень значительны. Необходимо учитывать, что население Урала почти всегда представляло собой часть более крупных территориальных объединений, поэтому и научные концепции К. В. Сальникова, созданные на южноуральском материале, имеют неизмеримо более широкий научный резонанс.

Исследования и научные выводы К. В. Сальникова всегда основательны, тщательно продуманы, очень объективны и надежны. Эта основательность и серьезность являются неотъемлемыми главными чертами репутации К. В. Сальникова как ученого.

Внезапная кончина Константина Владимировича является огромной потерей для советской археологии. Она произошла в тот момент, когда его монография еще не была отредактирована, и это лишило нас возможности выяснить и уточнить ряд вопросов, неизбежно возникающих при редактировании любой работы. Поэтому мы не коснулись существа научных определений и построений автора. Та же печальная причина сделала крайне затруднительными и даже невозможными определения масштабов публикуемых рисунков и фотографий некоторых предметов.

О. Н. Бадер

Южный Урал — огромная территория: горный хребет и прилегающие низменности Приуралья и Зауралья, куда входят современные Челябинская, Курганская, Оренбургская области и Башкирская АССР.

В природном отношении Южный Урал представляет пеструю картину: лесистые горы, лесостепь и степь. Это явилось одной из причин неоднородности древнего населения. Условия обитания в степной и лесостепной полосе в корне отличались от условий жизни в лесах и горах, это накладывало свой отпечаток и на хозяйственную деятельность и на этнографические особенности племен, живших в различных природных зонах Южного Урала.

Не меньшую роль играло разнообразие исторических связей. Племена Зауралья развивались в зависимости от исторических путей древнего населения Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Обитатели юго-западного Приуралья разделяли исторические судьбы племен Поволжья и Прикамья.

Взаимосвязи этих разнотных элементов создавали очень сложную обстановку в историческом развитии древнего населения Южного Урала, в особенности в эпоху бронзы, когда развитие скотоводства побудило местные племена к расширению своих территорий, что и приводило к передвижению и столкновениям с соседями.

От эпохи бронзы на Южном Урале сохранились памятники абашевской, андроновской, черкаскульской, срубной, курмантауской археологических культур.

Территория распространения большинства этих культур выходит далеко за пределы Южного Урала, поэтому изучение южноуральских памятников имеет не узко местное значение. Выяснение исторических процессов, протекавших в эпоху бронзы на Южном Урале, позволит полнее представить этническую историю населения Восточной Европы, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии того времени.

Первые шаги в области знакомства с археологическими памятниками Южного Урала были сделаны еще в XVIII в. академиками Палласом, Ле-

скими, Рычковым. Исследования памятников эпохи бронзы начина-
ся в середине XIX столетия. В коллекции из раскопок краеведа
Н. Зырянова в районе Шадринска у с. Замараева имеется керамика
троновского типа; обломки сосудов бронзового века найдены были в
х годах Ф. Д. Нефедовым при раскопках курганов в Оренбургской
ласти. Несколько курганов андроновской культуры вскрыл в 1893 г.
ле города Кургана А. Гейкель. На первое десятилетие XX столетия
дают систематические исследования памятников бронзового века
ильскими археологами Н. К. Минко, В. Я. Толмачевым, В. П. Бирюко-
м.

Но вследствие любительского характера большинства раскопок невоз-
жно было выяснить по ним ход исторического развития и этнический
тав населения Южного Урала в эпоху бронзы. Тогда не существовало
е представления об археологических культурах бронзового века Ура-
Они были выделены лишь в советское время, когда исследования па-
тников эпохи бронзы приобретают систематический характер.

тее тридцати лет прошло с того момента, как произошло первое зна-
ство советской археологической науки с памятниками абашевской
туры, но до сих пор она вызывает много вопросов и споров. Основ-
м препятствием на пути к познанию истории абашевских племен дол-
время была немногочисленность известных памятников. Обычно об
шевской культуре составлялось представление только по данным рас-
ок Абашевского могильника (Смолин, 1928; Кривцова-Гракова,
7) *. Некоторым дополнением служили материалы Верхне-Кизыль-
го кладя, селища Баланбаш и весьма скромные сведения о раскопках
П. Ефименко в Чувашии (Ефименко, 1929, стр. 170, 171; Третьяков,
8).

В 50-е годы данные об абашевских памятниках значительно пополни-
ь. Были опубликованы материалы Куфтина по раскопкам курганов
р. Оке близ с. Земского (Алихова, 1956), продолжены исследования в
зии (Акимов, 1950; Мерперт, 1960); открыты новые памятники в
рии (Калинин, 1952), Марийской АССР (Евтюхова, 1959; Халиков,
9) и на Южном Урале (Сальников, 1950, 1951, 1952, 1954, 1957а,
ва, 1958); издан сборник «Абашевская культура в Среднем По-
жье» (МИА, № 97, 1961), где, наконец, увидели свет материалы о
копках П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, в Чувашии (Ефименко,
тьяков, 1961). Опубликованы результаты последних исследований

---

* Здесь и далее в скобках даны ссылки на опубликованные и рукописные рабо-
тископ которых приведен на стр. 392—405.

абашевских курганов Н. Я. Мерпертом в Чувашии (Мерперт, 1961) и А. Х. Халиковым в Марийской республике (Халиков, 1961). В сборнике предпринят обзор всех опубликованных сведений об абашевских памятниках (Евтюхова, 1961, 1961а), пересматривается датировка, предлагаются гипотезы о происхождении этой культуры, делаются попытки проследить этапы развития и пути передвижения абашевских племен (Смирнов, 1961; Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 82—96; Халиков, 1961, стр. 218—226).

Среднее Поволжье является основным районом обитания абашевцев, но не единственным. В районе Среднего Дона, где у с. Тюнино абашевские погребения были обнаружены еще в 1910 г. (Иессен, 1934), за последние годы П. Д. Либеровым исследован ряд абашевских курганов, и в составе культурного слоя нескольких поселений встречена близкая к абашевской керамика (Либеров, 1964). Не нужно забывать и об отдельных памятниках на Оке и Верхней Волге: с. Огубь близ г. Малоярославца Калужской области (раскопки В. А. Городцова 1921 г., колл. ГИМ, инв. № 54721), с. Земское в Рязанской области (Алихова, 1956), Шуя в Ивановской области и озера Плещеево и Кухмарь в Ярославской области (Третьяков, 1948; Крайнов, 1962). Отдельные предметы абашевского облика встречаются и в Нижнем Поволжье: в Саратовской, Куйбышевской и Ульяновской областях.

На Южном Урале первым по времени обнаружения абашевским памятником следует считать происходящую, по-видимому, из погребения коллекцию бронзовых украшений, которая была доставлена в 1900-х годах в музей Оренбургской ученой архивной комиссии из с. Кусеево (Баймакский район Башкирской АССР; хранится в Оренбургском музее). На наличие на Южном Урале памятников абашевской культуры было обращено внимание лишь в 1928 г., когда Н. Н. Бортвиным (N. N. Bortvin, 1928) был опубликован как прилегающий к абашевской культуре Верхне-Кизыльский клад. На месте находки клада на берегу р. Малый Кизыл нами было открыто поселение абашевской культуры, названное Мало-Кизыльским (Сальников, 1950), на котором в 1949 и 1950 гг. вскрыты часть жилища, жертвенная площадка и несколько погребений (Сальников, 1951б, 1952). Вначале находки абашевских вещей на Южном Урале были встречены с недоверием. Казалось невероятным, что так далеко от Чувашии, где исследованы курганы, давшие наименование этой культуре, могли обитать те же или родственные племена (Шмидт, 1935, стр. 59, прим.). Однако вскоре последовали новые открытия памятников абашевской культуры в Южной Башкирии.

Селище Баланбаш, исследованное экспедицией ГАИМК в 1934 г. на трассе Уфа — Ишимбай, явилось первым поселением абашевской культуры на Южном Урале (Дмитриев, Сальников, 1941). В 1951 г. были возобновлены раскопки селища Баланбаш (Сальников, 1954). На протяже-

нии 1951—1953 гг разведочный отряд (руководитель В. П. Викторов) Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета по берегам р. Белой открыл три селища абашевской культуры: Урняк, Беретовское I, Береговское II и ряд пунктов находок абашевской керамики.

В Башкирии были произведены раскопки в 1953 г. на селище Урняк (под руководством К. В. Сальникова), в 1954 г. на поселениях Береговское I и II (под руководством В. П. Викторова), в 1955 г. на поселении Береговское I (под руководством К. В. Сальникова). В том же году А. В. Збруевой на западе Башкирии, у дер. Метев-Тамак исследовано несколько погребений в могильнике, относящемся, по нашему мнению, к абашевской культуре.

Близкий к Метевтамакскому могильник исследован в 1962 г. Г. И. Матвеевой и в 1963 г. К. В. Сальниковым в Альшеевском районе у с. Нижне-Чуракаево. На крайнем северо-востоке Башкирии у с. Юкалекулево в 1964 г. исследованы курганы абашевской культуры Н. А. Мажитовым и К. В. Сальниковым. Разведочные раскопки произведены автором на открытых А. П. Шокуровым абашевских поселениях в Кушнаренковском районе у дер. Князевой и в Кармаскалинском районе у с. Нижний Тюкун. Кроме того, абашевская керамика в составе культурного слоя на многослойных памятниках или в виде отдельных находок известна в Башкирии в следующих пунктах: Салихово I, Ахмерово I, Ишеево II, Озерки II, Ильмурзино, Уршак, Давлеканово, Романовка II, III, VIII, Октябрьский, Новые Турбаслы, Биктимирово.

Расширяется наше представление об абашевской территории и в Зауралье. К единичным сосудам Алексеевского поселения (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 43 и 50) и Мало-Кизыльскому селищу (Сальников, 1954) сейчас можно прибавить курганы с абашевской посудой, исследованные в 1958 г. В. С. Стоколосом у с. Степного в Челябинской области (Стоколос, 1962), и захоронение под Царевым Курганом на Тоболе, открытое нами в 1959 г. (Сальников, 1962в, стр. 41). Нельзя не упомянуть также о находке А. С. Новиченко фрагмента абашевского острореберного сосуда на андроновском поселении 15 в Домбаровском районе Оренбургской области (Сальников, Новиченко, 1962).

Из перечисленных памятников и находок явствует, что Южный Урал, бесспорно, являлся одним из основных районов обитания абашевских племен. Здесь открыты первые поселения этой культуры.

*

Андроновские памятники на Урале стали изучаться много раньше и шире абашевских. И все же в досоветский период можно отметить очень немного работ: раскопки А. Гекеля в 1893 г. у г. Кургана (Heikel, 1894), Н. К. Минко и М. П. Черноскутова в окрестностях Челябинска (Минко,

отчеты, 1907—1909 гг., Чернскутов, 1910), В. П. Бирюкова (1926) и В. Я. Толмачева (ОАК, 1913—1915, стр. 17) у с. Бакленского, разведки в бассейне р. Синары, где им открыты в начале 900-х годов близкие андроновским поселения черкаскульской культуры.

Систематические исследования памятников андроновской, как и других культур эпохи бронзы на Урале, начинаются в послеоктябрьский период.

В 1921 г. Б. В. Соколовым были проведены раскопки на могильнике у пос. Алексеевского на р. Тоболе, продолженные в 30-х годах О. А. Кривцовой-Граковой, а в 1948 г. на соседнем поселении она изучила также несколько жилищ. В 1924—1925 гг. С. Н. Дурылиным к югу от Челябинска исследовано около двух десятков курганов в районе раскопок Н. К. Минко (Дурылин, 1927, 1927а). По среднему течению р. Урала и его притокам вели работы в 1926 г. М. П. Грязнов (1927), в 1933 г. Б. Н. Граков (1935), в 1936 г. Г. В. Подгаецкий (1940).

На конец 30-х годов падает возобновление археологической работы в Челябинской области, где по поручению Челябинского музея К. В. Сальниковым велись раскопки в 1936 г. могильника у с. Федоровки близ г. Челябинска (Сальников, 1940), в 1938 г. курганов на оз. Алакуль и Щучанском районе Курганской области (Сальников, 1952а), в 1939 г. селища у с. Кипель Куртамышского района Курганской области (Сальников, 1957). В послевоенные годы велись раскопки поселения у с. Замараево Шадринского района Курганской области (Сальников, 1948), в 1948 г. — селища и курганов у с. Ново-Бурино (Сальников, 1959б), а в 1951 г. селища у с. Мало-Казахбаево Буринского района Челябинской области. В том же году О. А. Кривцова-Гракова исследовала Садчиковское поселение близ Кустаная (Кривцова-Гракова, 1951).

С 1949 г. началось систематическое обследование территории Челябинской области, в процессе которого открыты сотни погребальных сооружений и много поселений андроновской культуры: в 1949 г. В. П. Бирюковым на р. Караболке, в 1950 г. им же по верхнему течению р. Миасса, В. И. Фоминой в верховьях р. Урала, К. В. Сальниковым по р. Бахте, Н. П. Кипарисовой в 1950—1952 гг. по рекам Уй, Увелька, Санарка (Сальников, 1954а; Кипарисова, отчеты, 1951, 1952). Возобновились начатые в 30-х годах Б. Н. Граковым работы на юго-востоке Оренбургской области: С. А. Поповым в 1955 г. открыт ряд поселений и могильников в Адамовском районе по р. Джарлы (Попов, 1957). В Домбаровском районе по рекам Киймбай, Ушкаты местным краеведом А. С. Новиченко на протяжении многих лет открыто более 50 памятников (Сальников, Новиченко, 1962), чем было положено начало изучению Еленовского микрорайона, продолженное в 1949 г. А. А. Формозовым (1951), в 1950 г. К. В. Сальниковым, в 1954 г. Н. П. Кипарисовой (отчет, 1954), в 1959, 1961 гг. Е. Е. Кузьминой (Кузьмина, 1962). На востоке Башкирии в 1961 и

1962 гг. А. П. Шокуров открыл местонахождения андроновской керамики по верхнему течению р. Белой, М. Х. Садыкова в 1963 г. зарегистрировала несколько поселений в верховьях р. Сакмары.

Раскопки за последние 15 лет были сосредоточены в ряде микрорайонов. В 1948 и 1950 гг. в окрестностях Магнитогорска у пос. Первомайского и на р. Малый Кизыл вскрыты курганы К. В. Сальниковым (Сальников, отчеты 1948, 1950), в 1951 г. там же В. И. Фоминой (отчет, 1951), в 1952, 1953 гг. А. И. Россадович у пос. Агаповка (Сальников, 1952; Россадович, отчет, 1953), в 1961 г. В. С. Стоколосом у с. Спасского. В том же году произведены раскопки Нижне-Спасского поселения К. В. Сальниковым (отчет, 1961) и селища у Спасского моста В. И. Фоминой (отчет, 1961). В другом микрорайоне, Уйско-Увельском, исследованы могильники: в 1952 г. у поселков Кинзерский и Уразаевский (Сальников, отчет, 1952), в 1958 г. три могильника в окрестностях с. Степное изучил В. С. Стоколос (1962), в 1959—1960 гг. курганы у Троицка Г. И. Матвеева (1962).

В Еленовском микрорайоне одно погребение вскрыто в 1950 г. К. В. Сальниковым (1962), а в 1959 и 1961 гг. Е. Е. Кузьминой произведены раскопки на поселении Ушкатты (Кузьмина, 1962) и на могильниках Ушкатты I и II, Атакен-сай Шандаша, Байту I, Турсумбай (Кузьмина, 1962) и Купухта (Кузьмина, 1963). В непосредственной близости от этого района, в пределах Казахстана, в 1956—1958 гг. В. С. Сорокин полностью исследовал могильник Тасты-Бутак I, содержащий 57 каменных оградок. Начаты раскопки также другого могильника и поселения (Сорокин, 1962, 1962а). Севернее, в районе Орска, у пос. Адамовского, произвели раскопки курганов С. А. Попов в 1955 г. (Попов, 1957), в 1959 г. З. А. Федорова-Давыдова у пос. Хабарное (Федорова-Давыдова, 1961) и М. Г. Мошкова у пос. Новый Кумак (Мошкова, 1962).

В Курганской области К. В. Сальников вел раскопки в 1957—1958 гг. близ г. Шадринска на поселении Баборыкино II (Сальников, 1961), а в 1959 и 1960 гг. на могильнике у г. Кургана (Сальников, отчеты, 1959, 1960).

*

Систематические исследования памятников срубной культуры в Приуралье начались в 20-х годах экспедициями Самарского краеведческого общества Самарского музея под руководством В. В. Гольмстен в Куйбышевской и западных районах Оренбургской области. Погребения срубной культуры были раскопаны и около 300 селищ обследованы, собран керамический материал.

К 20-м же годам относятся первые упоминания о находках памятников, по-видимому, срубного времени и в более северных районах, на территории Башкирии (А. В. Шмидт, 1929, стр. 5).

Стало возможным с уверенностью говорить о наличии в Башкирии памятников срубной культуры после работ Уфимской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры под руководством П. А. Дмитриева (Дмитриев, Сальников, 1941).

Южным отрядом экспедиции (руководитель К. В. Сальников) изучены курганы у хутора Кашкара близ Ишимбая, два погребения в обрыве берега р. Белой близ с. Большой Куганак, открыто селище на левом берегу р. Куганак. В 1938 г. М. И. Касьяновым исследован могильник у дер. Чубук-Каран (Ахмеров, 1955).

Начиная с 1951 г. на территории Башкирии развернулись широкие разведочные работы, в ходе которых открыто несколько сот новых памятников срубной культуры. Более 50 поселений в 1951—1955 гг. обследовано Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского университета в бассейне среднего течения р. Белой отрядами В. П. Викторова и В. Д. Викторовой. Энергичная разведочная деятельность А. П. Шокурова привела к открытию в нижнем течении р. Белой и ее притоков более 500 археологических памятников, в том числе более 200 — срубной культуры.

С 1962 г. экспедицией Башкирского университета по берегам р. Демы открыто несколько десятков поселений той же культуры (Матвеева, 1963).

Разведки Викторových, Шокурова и Матвеевой показали, что на территории западных районов Башкирии срубные поселения располагаются столь же густо, как и на территории Куйбышевской области и в Нижнем Поволжье.

В 50—60-х годах велись исследования срубных погребений как в южных районах Башкирии: Мелеузовском (раскопки Г. Н. Матюшина), Давлекановском (Матвеева, 1962), Кармаскалинском (Садыкова, 1959, стр. 163), так и в северной половине республики: в Чекмагушевском (раскопки А. В. Збруевой, А. П. Шокурова, Н. А. Мажитова, К. В. Сальникова), Бакалинском (раскопки А. П. Шокурова) районах. Особо следует отметить раскопки курганов в западной части Оренбургской области, где памятники эпохи бронзы сочетают черты срубной и андроновской культур, как это было установлено в 1937 г. при раскопках курганов у с. Погромного близ Бузулука (Сальников, 1950), а за последние годы подтверждено работами Оренбургской экспедиции Академии наук СССР под руководством К. Ф. Смирнова. Эта особенность присуща и памятникам Южной Башкирии. В итоге можно сказать, что западная Башкирия и юго-западное Приуралье в эпоху бронзы входили как северо-восточная окраина в огромную территориальную провинцию срубной или срубно-хвалынской культуры. Однако история срубных племен Башкирии значительно отличалась от истории их собратий в Поволжье.

Как видно из изложенного, археологические источники для создания этнической истории населения Южного Урала накоплены немалые. На их основе создана значительная литература. Однако обобщающих работ, в которых делались бы попытки ставить вопросы исторического развития населения Южного Урала, имеется немного. Истории племен срубной культуры посвящена работа О. А. Кривцовой-Граковой «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» (1955). История андроновских племен Приуралья рассматривается в труде О. А. Кривцовой-Граковой «Алексеевское поселение и могильник» (1948), а также в исследовании К. В. Сальникова «Бронзовый век южного Зауралья» (1951). В монографии К. Ф. Смирнова «Савроматы» (1964) уделено внимание взаимоотношению срубных и андроновских племен. Попытку проследить историю абашевского населения Урала представляет собою работа К. В. Сальникова «Абашевские племена на Южном Урале» (1954). Этих трудов далеко не достаточно для того, чтобы более или менее ясно представлять себе те исторические процессы, которые имели место в столь важную эпоху, как бронзовый век.

В предлагаемой читателю работе автор ставит перед собой задачу обобщить большой и разнообразный накопленный материал, познакомить читателя с культурой и проследить ход исторического развития разнотемного населения Южного Урала в эпоху бронзы. К сожалению, результаты раскопок многих памятников остаются неопубликованными. Поэтому автор принужден был нередко вносить в работу источниковедческий элемент.

Состояние источников привело к неоднородной структуре разделов монографии. В тех случаях, когда определенная сторона культуры хорошо освещена в литературе, и новые материалы не внесли существенных изменений, мы опускаем соответствующий параграф повествования. Так сделано автором в отношении общественного строя, идеологии андроновских племен и такой части их хозяйства, как керамическое производство. Им уделено было место автором в работе «Бронзовый век южного Зауралья». Наоборот, этим сторонам культуры абашевских племен, недостаточно освещенным ранее, отведена особая глава. Памятники черкаскульских и курмантауских племен настолько слабо изучены, что их культура и история могла быть изложена лишь в самой общей форме.

Кроме литературных источников, в работе использованы отчеты Южно-Уральской археологической экспедиции и Уральского университета, Башкирского университета, Башкирского филиала Академии наук СССР, Уфимского института истории языка и литературы АН СССР, Челябинского, Курганского, Оренбургского и Магнитогорского музеев, руководителем которых был автор, и материалы курганов эпохи бронзы из раскопок Н. А. Мажитова, Г. Н. Матюшина, А. П. Россадовича.

Привлечены также отчеты дореволюционных археологов и их коллекции, хранящиеся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, в музеях Башкирской АССР и Челябинской, Свердловской, Оренбургской и Курганской областей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ПЛЕМЕНА
АБАШЕВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

/

ПАМЯТНИКИ

Абашевская культура, долгое время известная только по курганным могильникам, теперь представлена рядом селищ, обнаруженных главным образом на Южном Урале, где открыто семь поселений, пять селищ исследовано: Баланбаш, Урняк, Береговское I (нижний слой), Береговское II и Мало-Кизыльское (рис. 1). Первые четыре расположены по берегам

Абашевские поселения среднего течения р. Белой в Южной Башкирии, последнее — близ г. Магнитогорска на берегу р. Малый Кизыл, правого притока р. Урал. Об абашевских поселениях в Среднем Поволжье имеются неопределенные сведения. В отчете о результате разведок казанских археологов упоминается открытие на границе Татарской и Чувашской АССР семи абашевских поселений (Калинин, 1952), но характеристики культурного слоя, в частности керамики, не дается. На территории Чувашии к абашевской культуре относят исследованные за последние годы поселения у сел Яндашево, Тохмеево и Шоркино и на Криюшинской дюне (Смирнов, 1961а, стр. 51—66). Тип керамики первых трех памятников, как он представляется по описанию и иллюстрациям, не позволяет согласиться с отнесением его к абашевской посуде. Что касается Криюшинской дюны, то она является памятником многослойным. Отложился здесь и абашевский слой, в составе которого, кроме абашевской керамики с желобчатым орнаментом (Сальников, 1954, рис. 24—31), найдено также спиральное серебряное колечко абашевского типа (Третьяков, 1948, стр. 39, рис. 21).

О поселениях абашевской культуры можно иметь представление только по исследованиям на Южном Урале. Селища Баланбаш, Урняк и Мало-Кизыльское расположены на высоких обрывистых берегах, оба селища у с. Береговки оказались в несколько иных топографических условиях. Реки Нугуш и Белая сливаются возле этого села. Широкая древняя пойма изрезана идущими в разных направлениях многочисленными старицами различного возраста. Более древние — совсем сухи и ограничены пологими задернованными берегами. В других сохраняются озера и болотца, а берега их круты и обрывисты.

Оба Береговских селища связаны с древними старицами первого типа. Площадь селищ не превышает 5000 м² (см. табл. 1).

Надо, впрочем, отметить, что часть селищ Баланбаш, Урняк и Мало-Кизыльское не сохранилась: на первых двух — смыта р. Белой, на третьем — уничтожена карьером. Границы селищ Береговское II определены приблизительно.

Что касается жилищ, то о них составлены недостаточно ясные представления. Ни на одном поселении не найдено землянок. Можно думать, что жилища были наземными или слегка углублялись в почву. При большой мощности чернозема, который на селище Урняк достигал 0,70—0,85 м, на Береговских — 0,50 м, трудно в однородном грунте обнаружить и ямки от столбов.

Вполне определенные остатки жилища встречены только на Мало-Кизыльском селище. На современной поверхности они выглядели в виде небольших едва заметных впадин. Раскоп открыл половину прямоугольного слегка углубленного одной стороной в землю жилища. Лишь частичное углубление основания жилища было вызвано необходимостью получить горизонтальный пол на наклонной поверхности. Ряд ямок от столбов, идущих вдоль жилища, отделяет южную его треть от остальной площади. Это при отсутствии ямок вдоль стен заставляет предполагать двускатную асимметричную крышу, которая была приподнята над южной стенкой, обращенной к реке, где был, по-видимому, вход, а за северной стенкой крыша опиралась на землю. Стены и, возможно, крыша были присыпаны землей, на что указывают мелкие обширные углубления в грунте, обнаруженные за пределами жилища в юго-западной части раскопа, и которые можно рассматривать как выемку, откуда бралась земля для отопления хижины. В жилище найдены очаги-кострища, скопления костей, много керамики, в том числе раздавленные сосуды, кремневый наконечник стрелы, каменный отбойник, а также погребение ребенка. Большое скопление культурных остатков встречено и возле жилища, к югу от него, вокруг небольшого очажка перед предполагаемым входом. Здесь были найдены каменная модель булавы, кремневый наконечник стрелы, каменный пест, каменная мотыга, обломок глиняного вкладыша.

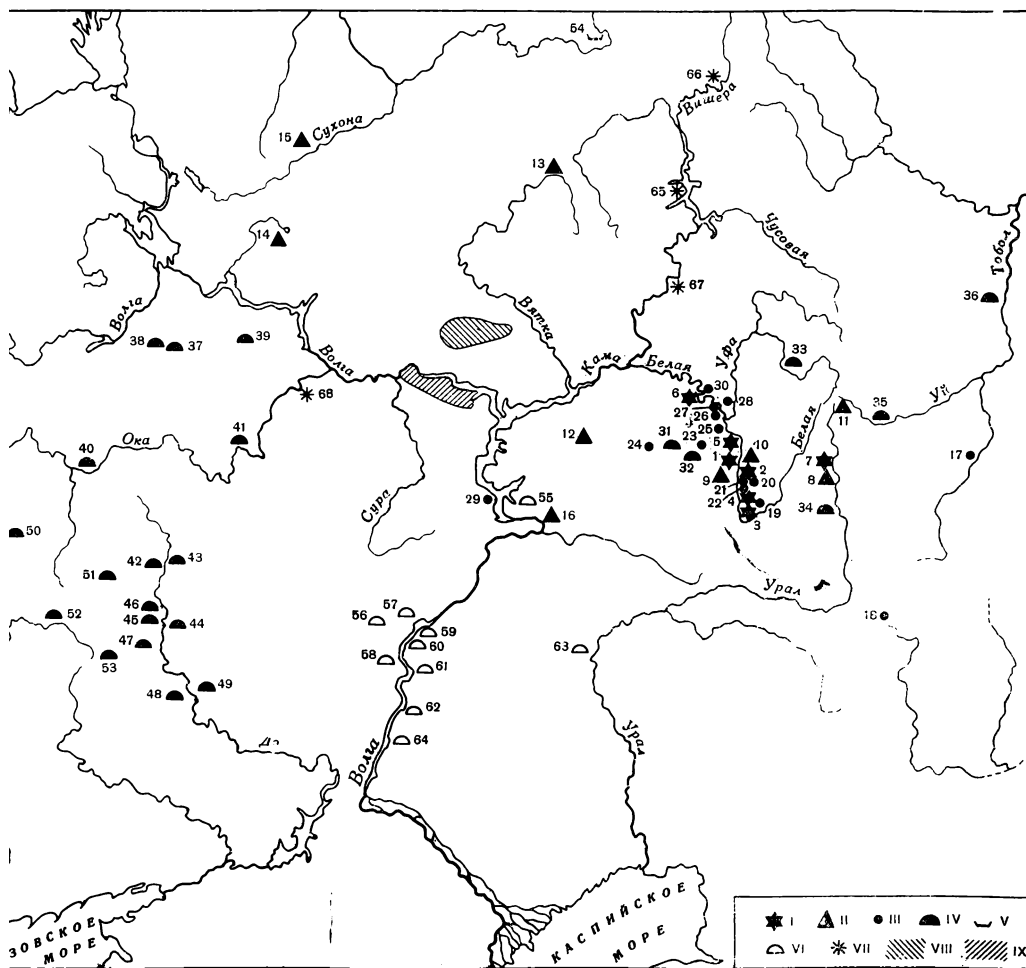
Жилище было вытянуто с запада на восток. Очаги находились в восточной половине вошедшей в раскоп части жилища. Поскольку их рас-

Таблица 1. Площадь абашевских поселений Южного Урала

Селище	Площадь, в м ²
Баланбаш	400
Урняк	1200
Береговское I	2400
Береговское II	1400
Мало-Кизыльское	5000

положение, вероятно, тяготело к середине жилища, то исследованная часть, площадь которой равна 56 м^2 , по-видимому, представляет половину жилища, вся площадь которого, следовательно, была равна приблизительно 100 м^2 .

Очаги в жилище и вне его — это простые кострища, состоящие из прокаленного участка грунтового пола, окруженного и перекрытого углистыми и золистыми прослойками. В районе очагов пол был также покрыт сплошной зольно-сажистой прослойкой.

По-видимому, нечто подобное было вскрыто и на Береговском II селище, где в небольшой раскоп площадью 80 м² попал угол прямоугольного углубления, врезанного на 5—10 см в грунт. Пол углубления был очень неровен и покрыт темным сажистым заполнением. Вдоль одной прямой стенки прослежены три ямки от столбов диаметром 0,20—0,30 м. На участке раскопа, совпадающем с описанным углублением, насыщенность культурного слоя выше, чем на прочей площади. В раскоп попала незначительная часть жилища. По ней можно лишь сделать заключение о том, что жилище было прямоугольным, как и на Мало-Кизыльском селище. Но конструкция его имела и свои особенности. Наличие ямок от столбов вдоль стенок, чего не было в жилище на первом поселении, указывает на иное устройство стен. Эти столбы не только поддерживали крышу, но и служили основой деревянных стен, в то время как на Мало-Кизыльском поселении деревянных конструкций стенок жилища не было.

Еще более незначительны следы жилища на селище Урняк. Единственный признак его — культурные остатки, обнаруженные в центральной части раскопа. Здесь культурный слой проникает на максимальную глубину — 0,70 м, в то время как на других участках он не углубился ниже 0,50—0,60 м.

На основании исследованных на Южном Урале селищ можно сделать три вывода: 1) жилища у абашевского населения были прямоуголь-

---

1. Карта памятников абашевской культуры

I. Поселения: 1 — Баланбаш; 2 — Урняк; 3 — Береговское I; 4 — Береговское II; 5 — Нижний Тюкун; 6 — Князево; 7 — Мало-Кизыльское

II. Клады: 8 — Верхне-Кизыльский; 9 — Красноярский; 10 — Долгая гора; 11 — Веселова; 12 — Ильдеряково; 13 — Коршуновский; 14 — Галичский; 15 — Морозовский; 16 — Царево-Курчанский (на Волге)

III. Местонахождения керамики: 17 — Алексеевка; 18 — Киимбай № 15; 19 — Озерки II; 20 — Ахмерово I; 21 — Ишеево II; 22 — Салихово I; 23 — Давлеканово; 24 — Октябрьский; 25 — Уршак; 26 — Романовка I, II, VIII; 27 — Ильмузино; 28 — Турбаслы; 29 — Русская Бекташка; 30 — Биктимирово

IV. Могилики курганные: 31 — Метев-Тамак; 32 — Нижне-Чуракаево; 33 — Юкалекулево; 34 — Кусеево; 35 — Степное; 36 — Царев курган (на Тоболе); 37 — Кухмарский; 38 — оз. Плещеево; 39 — Шуя; 40 — Огубь; 41 — Земское; 42 — Тюнино; 43 — Никольское; 44 — Частые курганы; 45 — Нижняя Ведуга; 46 — Кондрашевка; 47 — Мастогино; 48 — Марки; 49 — Новый Кулак; 50 — Немеричи; 51 — Замарайка; 52 — Н. Реутца; 53 — Верхний Псел

V. Бескурганное погребение: 54 — Ульяново

VI. Курганы с абашевской керамикой: 55 — Хрящевка; 56 — Аткарск; 57 — Чардым; 58 — Карамыш; 59 — Бородаевка; 60 — Покровск; 61 — Скатовка; 62 — Бережновка; 63 — Переметная; 64 — Быково I

VII. Находки абашевских украшений: 65 — Базов бор; 66 — Писанный камень; 67 — Басенский борок; 68 — Подборица-Щербининская

VIII. Основная группа абашевских памятников Волго-Вятского междуречья

IX. Основная группа абашевских памятников Правобережья средней Волги

ными, наземными; 2) поселения не отличались большими размерами, в чем абашевцы уступали другим племенам бронзовой эпохи южного Приуралья — андроновским и срубным; 3) сравнительно малочисленным, следовательно, было и население каждого поселка.

Погребения

На Южном Урале пока не открыто такого обилия абашевских могильников, как в Чувашии и Марийской республике, но сейчас уже нельзя говорить, что только для этого края характерны абашевские поселения. В шести пунктах Южного Урала — от западной границы Башкирии до г. Кургана — известны погребальные памятники абашевской культуры: могильники у сел. Метев-Тамак, Нижне-Чуракаево, Юкалекулево, Степное, курган на р. Тоболе и погребения на Мало-Кизыльском селище.

Могильник Метев-Тамак. В 1955 г. во время земляных работ возле с. Метев-Тамак Кандринского района БАССР было вскрыто несколько погребений. Научный сотрудник Башкирского краеведческого музея Р. Б. Ахмеров их исследовал, и, собрав небольшую коллекцию, представил ее в музей Башкирии. В нее входят покрытый абашевским орнаментом ребристый с крышкой сосуд того же типа, что и сосуд из Верхне-Кизыльскогоклада, несколько обломков от других сосудов, бронзовое шило, бронзовый двулезвийный своеобразной формы нож с асимметричной рукояткой, несколько костяных наконечников стрел с длинными черешками, бронзовые привески-розетки абашевского типа.

А. В. Збруевой там же вскрыто еще четыре могилы, которые она определяет как памятник смешанной культуры, усматривая в погребальном обряде и инвентаре черты абашевской, срубной и андроновской культур (Збруева, 1958). Стенки могил были обложены каменными плитами и деревом и покрыты также деревом. В каждой могиле найдены костяки одного взрослого и одного-двух детей. Костяки были сильно смешаны. Удалось установить положение лишь нескольких погребенных: один взрослый лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой к северу, при нем детский скелет «лежал, видимо, в вытянутом положении», по А. В. Збруевой. В другой могиле детский костяк лежал «на спине, головой на запад, ноги отогнуты к северу». Большую роль в погребальном ритуале играл огонь. На дне могил обнаружены следы кострищ, на покрытиях могильных ям также разводились костры, некоторые кости обожжены. Возле могил найдены полубоженные кости животных, по-видимому, остатки тризны. Среди костей животных оказался человеческий череп плохой сохранности.

В могилах найдено много различных вещей: сосуды, бронзовые ножи, браслеты, бляшки, пронизки, бусы, перстни, крючок, костяные наконечники стрел и костяной диск. Сосуды сделаны из глины с примесью толченых раковин и покрыты сложным орнаментом, в который входят кан-

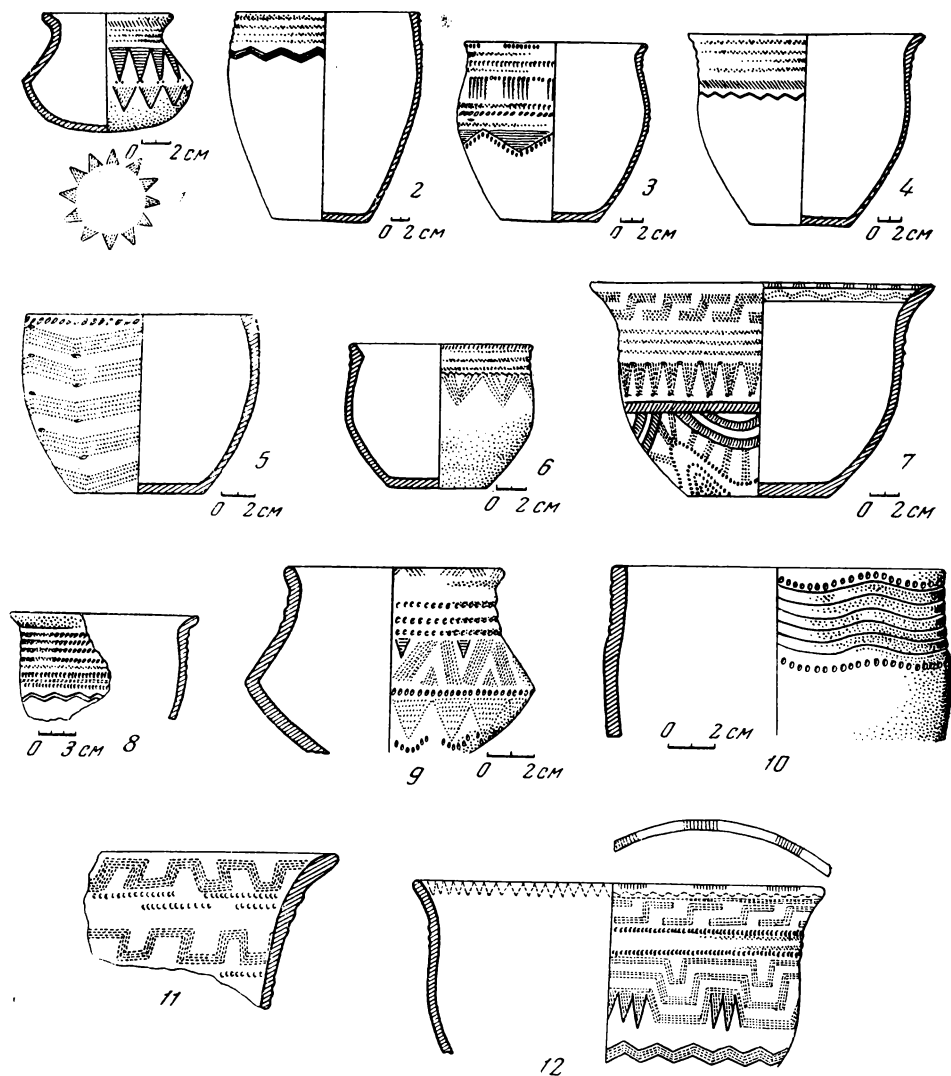
нелюры, резная елочка, ямки, заштрихованные ромбы, узкие треугольники, заштрихованные горизонтальными вдавлениями, тупые зигзаги и другие элементы, обычные на абашевской посуде Южного Урала. На одном фрагменте горла сосуда прочерчены грубые меандровидные фигуры.

На наш взгляд, описанный могильник оставлен абашевским населением. Трудно согласиться с А. В. Збруевой относительно того, что здесь сильно ощущается стороннее влияние, которое она усматривает в некоторых чертах погребального обряда и типах вещей. Лишь браслеты из бус на ногах не находят себе аналогий в абашевских памятниках. Мелкие медные круглые бусы, спиральные пронизки, перстни со спиральными завитками и несомкнутые браслеты, аналогии которым А. В. Збруева видит в инвентаре андроновского Алексеевского могильника, столь же обычны и в абашевских погребениях (ср. Смолин, 1928; Акимова, 1950, стр. 178, рис. 15, 3, 7; Алихова, 1956). К тому же браслетов с несомкнутыми концами того типа, что в могильнике Метев-Тамак, в андроновских погребениях нет. Сходство с андроновскими могилами, действительно, имеется, например, обкладка стен каменными плитами. Но можно и этой, в общем не типичной для абашевской культуры черте, указать аналогию в Кухмарском могильнике Ярославской области, раскопанном Д. А. Крайновым в 1960 г. (Крайнов, 1962). Костяному диску из Метев-Тамакского могильника полная аналогия имеется в погребении на Мало-Кизыльском селище.

Такой важный для определения этноса элемент культуры, как керамика, А. В. Збруева справедливо относит к абашевской культуре, за исключением двух сосудов, типичных, по ее мнению, для срубной культуры. Действительно, такие сосуды встречаются в памятниках срубной культуры, но очень редко. Форма их не настолько сложна, чтобы нельзя было допустить конвергентного возникновения ее в разных культурах.

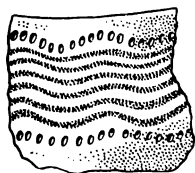
Н и ж н е - Ч у р а к а е в с к и й м о г и л ь н и к. Расположен в 200 м от северо-восточной окраины с. Нижне-Чуракаево Альшеевского района БАССР и состоит из восьми могильных сооружений, представляющих собою оградки из каменных плит или невысокие земляные курганы, также обставленные у основания каменными плитами, превышающими 1 м в высоту.

Первоначально могильных сооружений было много больше; значительная часть, по словам местных жителей, была уничтожена при пахоте. Сохранились лишь могильники, расположенные на непаханной земле. Семь могильных сооружений раскопаны: четыре в 1962 г. экспедицией Башкирского университета под руководством Г. И. Матвеевой (Матвеева, 1963), три — в 1963 г. экспедицией Башкирского филиала АН СССР под руководством К. В. Сальникова (Сальников, 1966).

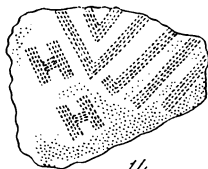

2. Сосуды, орудия и украшения

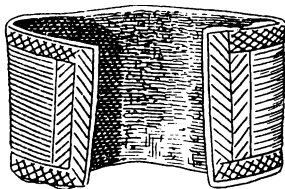
1 — 14 — Нижне-Чуракаево; 15 — 27 — Северо-Бирский могильник. 1—14 — глина; 15, 18—21,

13

14

15

16

17

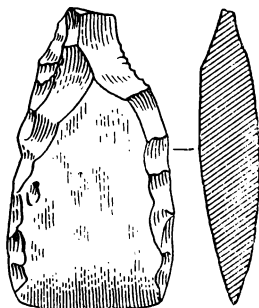
18

19

20

22

23

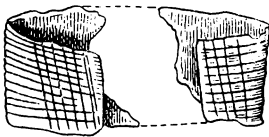
27

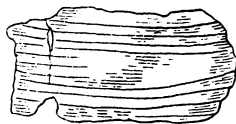
24

25

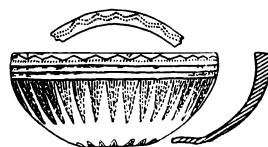
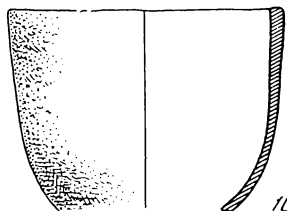
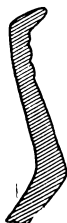
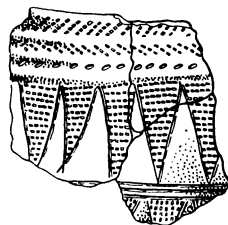
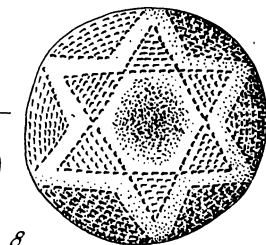
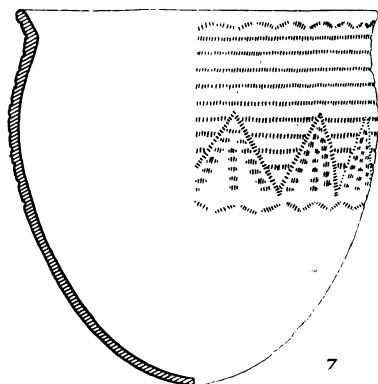
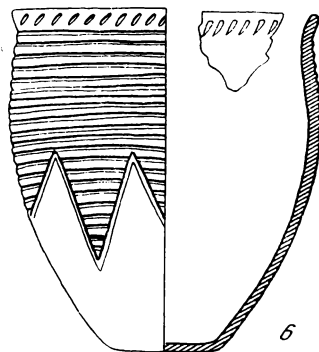
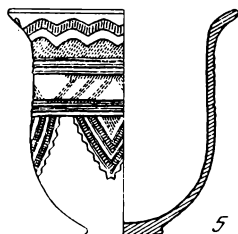
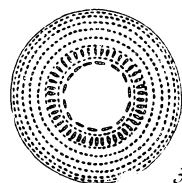
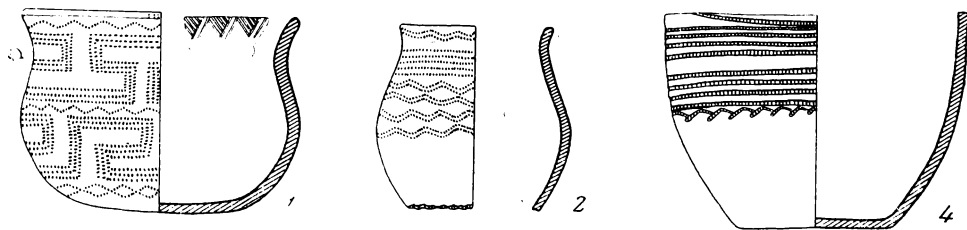
26

27

0 2 cm

23—27— бронза; 16, 17— кость; 22— камень

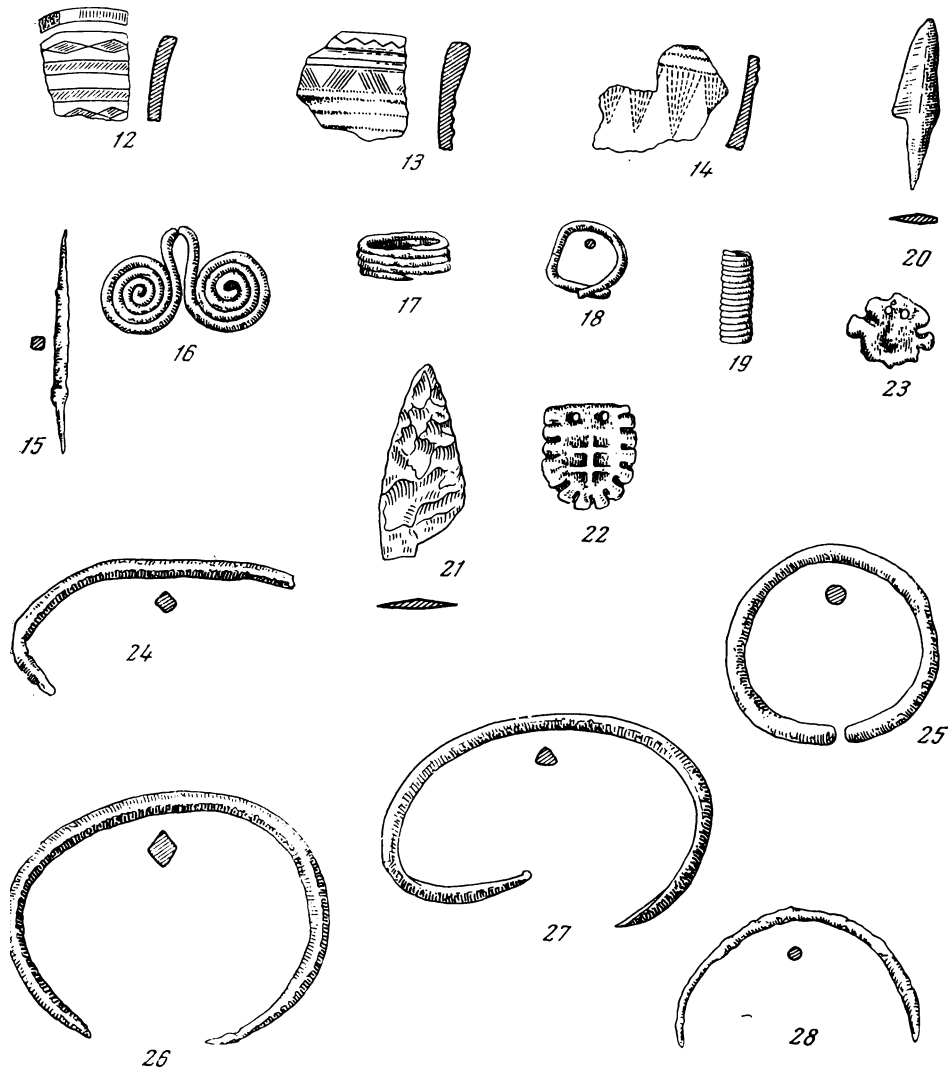

0 3 cm

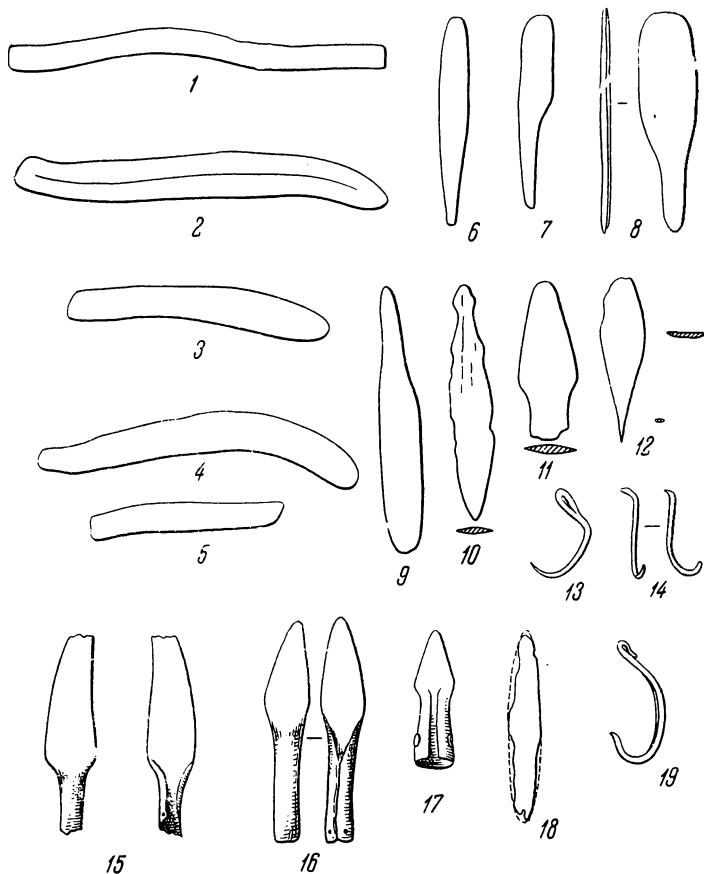
11

• Сосуды и изделия из металла и камня

1—8— Мало-Кизыльское селище; 9—28— Юкалекулевский могильник. 1—14— глина; 15—20, 22—28— бронза; 21— камень

4. Медно-бронзовые орудия

- 1, 2 — Красный Яр;
 3 — Мало-Кизыльское погребение;
 4, 5, 19 — Баланбаш;
 6, 7 — Царев курган на Волге;
 8, 12 — Метев-Тамак;
 9 — Береговское II;
 10, 11, 13 — Нижне-Чуракаево;
 14 — Мало-Кизыльское;
 15 — Копейск;
 16 — Ош-Пандо;
 17 — Баланово;
 18 — Кысы-нуль

В оградках, раскопанных Г. И. Матвеевой, оказалось по одной могиле. В сооружениях, исследованных в 1963 г., в центре находились одна-две могилы взрослых, а среди плит оградок детские погребения. Всего за два года вскрыто 14 погребений. Для конструкций могил характерно обрамление стенок крупными каменными плитами, иногда такие каменные ящики покрывали и сверху тщательно пригнанными друг к другу плитами. К плитам изнутри примыкали бревенчатые срубы, перекрытые плахами. В одном случае на бревнах сруба заметны были поперечные полосы, нанесенные красной краской, и прослеживалась облицовка срубов берестой (курган 2, исследованный Г. И. Матвеевой), в двух случаях (курган В и оградка Б) деревянное покрытие могил было застлано тремя слоями бере-

сты. На бревнах покрытия в кургане В под берестой заметны были обугленные участки. В некоторых могилах на дне оказались подсыпки из мела или золы, угли.

Из 14 вскрытых могил в двух (погребение 3 кургана В и курган 3) оказались трупосожжения, в остальных могилах погребение было совершено по способу трупоположения. К сожалению, не сохранилось ни одного ненарушенного погребения. В большинстве кости были разбросаны в беспорядке, и невозможно было установить положение костяка. Только в двух случаях в оградке А удалось определить ориентировку погребения: в погребении 1 по положению остатков черепа можно предполагать положение костяка головой на запад; в погребении 4 по части неповрежденных костей определяется положение костяка на спине со свалившимися на сторону ногами, ориентировка его на северо-запад.

В могилах встретились и кости домашних животных. В двух случаях — кости овцы: в погребении 2 оградки А лежали кости ног и черепа барана и двух овец, а в погребении 2 кургана В такие же кости овцы.

Инвентарь погребений состоял главным образом из сосудов обычных абашевских форм, содержащих в глине примесь толченых раковин (рис. 2, 1—14). Из медно-бронзовых изделий найдены: нож-кинжал срубного типа (рис. 4, 10), небольшой плоский ножичек или наконечник дротика (рис. 4, 11), крючок (рис. 4, 13), спиральная височная подвеска, реберчатая пронизка, кусочек проволоки, бусинки, круглая плоская бляшка с отверстиями.

Погребальный обряд и состав могильного инвентаря, в особенности характер керамики, не оставляют места сомнению относительно принадлежности памятника племенам абашевской культуры. Укладывание умершего на дне могилы на спину с подогнутыми вверх коленями широко применялось абашевцами. Проволочные височные подвески, медные крючки обычны для находок в абашевских могильниках. Большинство сосудов относится к типичным для абашевской культуры формам: колоколовидной, острореберной и баночной. Форму отдельных экземпляров скорее можно назвать горшечной (рис. 2, 3, 6), в чем надо видеть местную особенность, но и горшечной формы сосуды сохранили специфичное ребро на внутренней стороне шейки. Орнамент на керамических изделиях не выходит за пределы обычного для приуральской абашевской керамики.

Все же нельзя не отметить и некоторые особенности Нижне-Чуракаевского могильника. Широкое использование для устройства погребальных сооружений камня зафиксировано еще на двух абашевских могильниках: в Башкирии у с. Метев-Тамак (Збруева, 1958) и за пределами Приуралья в Кухмарском могильнике в Ярославской области (Крайнов, 1962). Относить употребление камня при устройстве могильных сооружений только за счет влияния андроновской культуры, на наш взгляд, нельзя. Такое

явление, как сказано выше, наблюдалось в Ярославской области, куда влияние андроновцев не доходило. По всей вероятности, абашевцы широко применяли оградки, но устраивали их из дерева. Это же удалось проследить Н. Я. Мерперту в курганах Среднего Поволжья у с. Пикшик (Мерперт, 1961) и А. Х. Халикову у с. Вилатово (Халиков, 1961).

В других же случаях ямки от столбов ограждения могли и не улавливаться исследователями. Впрочем, мы далеки от мысли полностью отметить влияние андроновцев на абашевские племена Приуралья. Если оградки из каменных плит нельзя считать чуждыми для абашевской культуры, то крепление камнем стенок могильных ям могло быть перенято у андроновцев, влияние которых на орнаментацию абашевской керамики давно доказано. Встреченные в некоторых могилах Нижне-Чуракаевского могильника угли, кучки золы, меловая подсыпка, как проявление ритуала огня, обычны для абашевских могильников. Углистые пятна на деревянном покрытии погребения 1 в кургане В, как и кострища на покрытиях в Метев-Тамаке, могут рассматриваться как проявление того же ритуала. Подобный обряд известен в памятниках абашевской культуры и за пределами Приуралья.

Обрушившиеся перекрытия с углистыми включениями неоднократно наблюдались в могилах Второй Вилатовской (Халиков, 1961, стр. 174, 176) и в Туруновской (Евтюхова, 1961а, стр. 31—32) группах абашевских курганов в Марийской АССР. Трупосожжения в детском погребении 3 кургана В и в оградке 3 описываемого памятника можно отнести за счет влияния андроновского погребального обряда. Хотя в Среднем Поволжье раскопано много абашевских погребений, трупосожжение встречено только один раз (Евтюхова, 1961а, стр. 29). Общие с андроновским погребальным обрядом черты нами усматриваются и в использовании оградок вокруг погребений взрослых для захоронения детей, для чего иногда часть оградки разбиралась, и ее камни шли на устройство детской могилы. Такое явление встречено нами в могильнике федоровского этапа у пос. Кинзерского в Челябинской области, А. М. Оразбаевым в могильнике Ельшибек (Оразбаев, 1959, рис. 5).

Юкалекулевский могильник. На северо-восточной окраине с. Юкалекулево Кигинского района БАССР, в березняке, на огородах и на дворе школы находятся 12 земляных курганов диаметром 7—18 м, при высоте 0,25—1,10 м. В 1964 г. семь курганов было исследовано экспедицией Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР. Могильник открыт Н. А. Мажитовым. Курганы 1 и 2 исследованы им же, остальные — К. В. Сальниковым. Под тремя насыпями (5, 6, 7) оказалось по одной могиле, другие три кургана содержали по несколько могил: в первом — 4, во втором — 2, в четвертом — 3. В кургане 3 могила не была обнаружена. Наиболее интересным оказался курган 1, а в нем центральное погребение 1, представлявшее собой огромную коллективную могилу

размером $4,10 \times 2,60$ м, глубиной 0,95 м, в которой в разных позах лежало 13 костяков чрезвычайно плохой сохранности. По расположению остатков черепов и длинных костей устанавливается положение костяков: десять лежали вытянуто на спине головой на юго-запад, северо-восток, северо-восток-восток; три костяка оказались в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад и север.

Остатки сильно истлевших костяков обнаружены были еще в пяти могилах: в погребении 2 кургана 1 по длинным костям определяется вытянутая на спине поза погребенного, головой на северо-северо-запад; в погребении 4 кургана 1 в северном конце прослежены остатки детского черепа; в погребении 1 кургана 4 детский костяк лежал головой на юго-восток-восток; в погребении 2 кургана 4 в северо-западном конце могилы найден детский череп; под курганом 7 сохранилась без черепа верхняя половина костяка, лежавшего на спине головой на северо-запад, левая рука в локте была несколько отброшена в сторону, так что кисть должна была лежать на животе или на тазу, кости ног были смещены, очевидно, грызунами. Положение ног установить нельзя. В погребениях 3 кургана 1, 2 кургана 2, 3 кургана 4 и в погребениях курганов 5 и 6 не было обнаружено ни костей, ни предметов могильного инвентаря. В погребениях 1 и 2 кургана 4 и в погребении 4 кургана 1 найдено было по одному сосуду; в погребении 1 кургана 2, кроме сосуда, стоявшего в юго-западном углу могилы, найден в могильной засыпке бронзовый наконечник стрелы (рис. 3, 20). В погребении 2 кургана 1 на каждой руке покойника было по одному браслету (рис. 3, 24, 27). Большинство предметов происходит из коллективного погребения кургана 1. Хотя остатки костяков лежали очень уплотненно, в некоторых случаях, возможно, и в два ряда, тщательная расчистка позволила связать предметы с определенными костяками. На груди костяка 2 на двух ремешках, продетых в спиральки, находилась бляшка-розетка (рис. 3, 22). В головах костяка 3 стоял сосуд (рис. 3, 9), в области груди найдены обломок бляшки-розетки (рис. 3, 23), обломки спиралей (рис. 3, 19), спиральное проволочное колечко в три оборота (рис. 3, 17), шило (рис. 3, 15). На правой руке костяка 4 был надет браслет (рис. 3, 26). Такой же браслет был на левой руке костяка 5, а на правой — браслет, круглый в сечении (рис. 3, 25), в области таза — очевидная привеска (рис. 3, 16) и пронизка на ремешке. У левой височной кости костяка 6 лежала проволочная круглая височная подвеска (рис. 3, 18). В области таза костяка 11 найден обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 3, 21). Раздавленный сосуд обнаружен был между черепками костяков 4 и 6. Отдельные черепки ветречены в выбросе из могилы 1 кургана 1 и в насыпях курганов 3, 4, 7 (рис. 3, 12—14). Черепки в насыпях, очевидно, оказались в результате разграбления погребений. Той же причиной объясняется и отсутствие костяков в ряде могил. В кургане 5 был прослежен хорошо заметный грабительский ход, нарушивший

стенку могилы. Станным в этих условиях является ненарушенность коллективного погребения в кургане 1. Соседний крупный курган был, по словам местных жителей, ими раскопан в 1958 г., путем заложения шурфа $3 \times 1,5$ м. При этом были найдены кости шести человек и много бронзовых предметов: браслеты, перстни, наконечники стрел, сосуд. Вещи не сохранились. Следовательно, и этот богатый курган избежал разграбления в древности.

Причины, приведшие к сооружению коллективных погребений, трудно установить. Предположение видеть в кургане 1 братскую могилу погибших в бою воинов можно поставить под сомнение. Многие костяки в этом погребении по своим небольшим размерам могут рассматриваться как принадлежавшие подросткам или женщинам.

Погребальный обряд и в особенности могильный инвентарь Юкалекулевского могильника позволяют уверенно отнести его к абашевской культуре. Следует отметить некоторые особенности погребального обряда: не во всех случаях вырыта более или менее глубокая могильная яма. В кургане 7 умерший был помещен почти на древней поверхности. Также, очевидно, обстояло дело и в кургане 3, где могила не была найдена, а костяк при захоронении на древней поверхности мог не сохраниться, поскольку и в грунтовых могилах в местных условиях сохранность костей чрезвычайно плохая. В отличие от более южных памятников, в данном могильнике не обнаружено следов андроновской культуры. Наоборот, можно отметить в керамике некоторые черты, сближающие ее с керамикой коренного населения Урала. Так, например, лишь в части сосудов обнаружена традиционная абашевская примесь к глине — толченые раковины. У большинства керамики могильника никакой заметной примеси не обнаруживается, а несколько сосудов сделаны из глины с большой примесью толченого талька. Последнее следует рассматривать как местную замену раковин под влиянием зауральских культур. Такая примесь господствовала в абашевской керамике Мало-Кизыльского абашевского селения, население которого было тесно связано с коренными уральскими племенами.

Следует отметить значительные различия между абашевскими могильниками Башкирии. Для юго-западных памятников (Нижне-Чуракаево, Метев-Тамак) характерно в погребальных сооружениях широкое использование камня, нередко и бескурганые захоронения. На северо-востоке, если Юкалекулевский могильник не окажется исключением, погребения совершались в земляных курганах без применения камня. На очень небольшом количестве керамики этого памятника рискованно делать выводы, но нельзя не отметить, что среди найденных сосудов андроновское влияние не наблюдается. Можно в этом видеть и хронологический признак. На ранний, по сравнению с другими могильниками, характер Юкалекулева указывает преобладание такого архаичного способа захоронения,

как положение на спине и даже с вытянутыми ногами. Ямка, окруженная лучами-треугольниками, на дне чашки из погребения 1 кургана 4 заставляет вспомнить аналогичные черты на фатьяновско-балановской посуде.

Погребение под Царевым курганом. На берегу р. Тобола близ г. Курган в 1959 г. обнаружено абашевское погребение, представляющее собой самый восточный памятник этой культуры.

Насыпь огромного Царева кургана сарматского времени высотой около 6 м, диаметром до 100 м покрыла могильник бронзовой эпохи. Во время раскопок кургана было исследовано 13 могил, большинство которых являлись типичными андроновско-алакульскими неглубокими погребениями, и лишь одна (№ 10) резко отличалась от андроновских не только характером могильного инвентаря, но и устройством самой могилы. Захоронение было совершено в могильной яме глубиной 2,65 м от уровня древней поверхности. Форма могильной ямы была сильно искажена в результате древнего ограбления и обвалов песчаных стенок, достигая на уровне грунта размеров $4,25 \times 3,50$ м. По очертаниям у дна первоначальная форма предположительно определяется как прямоугольная, $3,50 \times 2$ м, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Могила была покрыта бревенчатым накатником, обломки которого оказались в заполнении могильной ямы. На краю юго-восточной стенки лежали и частично сползли в могилу кости ног и черепа четырех коров и череп овцы. У северной стенки лежали длинные кости и череп одной коровы и одной овцы, очевидно также сползшие с края могилы. Кости ног животных во всех случаях были рассечены.

На дне могилы в южной части встречен обломок бедренной кости взрослого человека, кремневый наконечник стрелы и четыре копыта лошади, а у северной стенки — остатки детского костяка и череп коровы. В заполнении могилы найдено несколько черепков от сосудов абашевского типа.

В 1,5 м к северо-востоку от могилы находилась яма овальной формы 2×1 м, глубиной 1 м, густо заполненная костями ног и черепами нескольких коров и одной овцы, поверх которых лежал полный костяк собаки. Кости коровы и овцы в большинстве рассечены. Яма с костями, несомненно, представляет собою составную часть соседнего погребального сооружения. На это указывает как состояние костей в яме и в могиле (рассеченность костей ног животных), так и нахождение обеих ям под общей насыпью кургана, который был воздвигнут над описываемым погребением. Последнее удалось установить благодаря тому, что стенка траншеи, которой был разрезан сарматский курган, оказалась в 2 м от описываемого погребения, и на этой стенке хорошо была заметна «лента» на месте древнего дерна, который покрывал курганообразную насыпь, состоящую из чернозема и грунтового выкида. Против могильной ямы насыпь понижается, очевидно, в результате оседания после провала накат-

ника. По всей видимости, в стенке раскопа зафиксировалась стратиграфия пола кургана, который покрывал описываемое погребение. Высота этой пола равняется 1,35 м; следовательно, в центре курган был еще выше.

В 1,50 м к юго-западу от могилы в толще древнего чернозема и на его поверхности, на площади $2,50 \times 1,30$ м обнаружены обломки черепа и костей человека и черепки сосудов абашевских типов. Часть этих черепков относится к сосудам, найденным в могиле. Это убеждает нас в том, что данный комплекс представляет собой грабительский выкид из могилы. Он находился за пределами насыпи абашевского кургана. В могиле и грабительском выкиде собраны обломки не менее четырех сосудов, сделанных из глины с примесью толченых раковин. Один сосуд удалось восстановить. Он имеет абашевскую форму — острореберной вазы верхне-кизыльского типа с орнаментом, состоящим из желобков, групп насечек в шахматном порядке и треугольников вершиной книзу с горизонтальной заштриховкой (рис. 13, 9). Фрагменты других сосудов орнаментированы также узкими треугольниками, стороны которых прочерчены острием, а горизонтальная заштриховка сделана гребенчатым штампом.

Кременевый наконечник стрелы длиной 3 см имеет треугольную форму с прямым основанием, на котором заметен облом черешка.

Описанное погребение рассматриваем как абашевское прежде всего на основании керамики. Ориентировка могилы по линии северо-запад — юго-восток совпадает с ориентировкой большинства погребений абашевской культуры в Среднем Поволжье (Евтюхова, 1961а, стр. 35—40, табл. 1), но площадь и глубина могильной ямы не имеет аналогии в абашевских могильниках Поволжья так же, как и столь массовое захоронение костей жертвенных животных. Такие крупные размеры могильных ям не типичны и для андроновских памятников. В частности, глубина соседних с описываемым погребением андроновских могил не превышает 1,30 м, и лишь самая крупная могила имела площадь 5×2 м.

В погребении костей животных выражается особенность зауральских абашевских памятников, возникшая, очевидно, под влиянием алакульских племен. Специфический состав костей коров и овец, представленный черепами и концами ног, объясняется, по-видимому, тем, что мы здесь имеем те остатки туш съеденных или принесенных в жертву животных, которые вместе со шкурой обычно оставляются на жертвенных местах племенами, практикующими жертвоприношения. Такой же состав костей коровы в ямке возле могильной ямы зафиксирован в андроновском могильнике на оз. Алакуль (Сальников, 1952а), в срубно-андоновских курганах у с. Погромное (Сальников, 1950а). Кости ног коровы в анатомическом порядке во множестве найдены на жертвенной площадке абашевского Мало-Кизыльского селища близ г. Магнитогорска.

Наконечник стрелы треугольной формы неизвестен в среде абашевских памятников, для которых характерны черешковые формы. На нашем на-

конечнике чувствуется облом черешка. Очевидно, и здесь мы имеем близкий к сейминскому тип стрелы.

Могильник Степное I. Интересный могильник был исследован в 1958 г. В. С. Стоколосом в центре Челябинской области у с. Степное Пластского района. Под курганами высотой 0,70—1,30 м оказались погребения с ориентировкой северо-запад — юго-восток и западо-восток, нарушенные древними грабителями. Находки состоят из керамики двух типов: абашевской и алакульской, причем первая найдена в могильных ямах, а вторая — вне могил. Следует отметить, что алакульская керамика представлена типичными для этого этапа андроновской культуры сосудами. На абашевских сосудах зачастую ощущается влияние алакульской керамики.

Оба последних памятника в разной степени отражают процесс ассимиляции абашевского населения андроновскими племенами. Община, оставившая курган на р. Тоболе, пользовалась типично абашевской посудой, но переняла у соседних андроновцев обычай помещения остатков жертвоприношения животных в особую ямку рядом с могильной ямой, внеся в этот обычай черты, не свойственные андроновским могильникам. Кости жертвенных животных абашевцами измельчались, чего не наблюдается у андроновцев, но имело место на Мало-Кизыльском поселении.

Курганы у с. Степного, очевидно, были насыпаны несколько позднее. Здесь абашевская посуда как в отношении формы, так и орнамента, теряет свою чистоту. Наблюдается глубокое проникновение андроновских черт в керамику местных абашевцев. Но это не дает нам права при исследовании истории абашевских племен на Урале игнорировать описываемый памятник.

Погребения на Мало-Кизыльском селище. Отдельные погребения и человеческие кости были найдены при исследовании некоторых абашевских поселений. В 1949 г. на Мало-Кизыльском селище по соседству с жертвенной площадкой было вскрыто погребение молодого человека, обнаруженное среди кострищных пятен в небольшой впадине без улавливаемых границ на глубине 0,70 м от современной поверхности. Костяк сильно обожжен, отчего сохранность костей чрезвычайно плоха.

Костяк лежал на спине головой к востоку-северо-востоку, левая нога вытянута, правая согнута так, что пяточная кость почти касается коленной чашечки левой ноги. Кости рук почти не сохранились. У таза были обнаружены фрагменты костей левого предплечья, а также несколько фаланг у таза и на тазу. Незначительные фрагменты предплечья и плечевой правой руки были несколько откинута вправо. Правая рука, видимо, была согнута в локте так, что кисть покоилась на груди, где сохранились отдельные фаланги. У правого локтя находилось костяное пряслице в виде плоского диска, сделанное из бедренной головки какого-то животного. У правого плеча оказался медный, слегка изогнутый нож без черенка

(рис. 4, 3) типа орудий Верхне-Кизыльского клада. Вокруг костяка найдено несколько необожженных костей ног коровы в сочлененном состоянии. В обряде имеются многие черты, знакомые по наблюдениям при раскопках могильника у с. Абашева. Исследователи этого могильника — В. Ф. Смолин и О. А. Кривцова-Гракова (Смолин, 1928; Кривцова-Гракова, 1947) отмечают большое значение огня в погребальном ритуале Абашевского могильника: посыпка углем и кучка угля в могилах и возле них, жертвенники в виде углублений, заполненных углистым слоем, жаровня в могильной яме, очажные пятна вблизи могил и т. п. Роль огня в погребальном обряде абашевцев отмечена и в других могильниках Чувашской и Марийской АССР (Евтюхова, 1961а). Помещение умершего в совсем незначительную по глубине впадинку, а не в могильную яму также известно в Чувашии. В кургане Е Васюковского могильника установлен особый обряд, отличный от других курганов: «первоначальное захоронение без могильной ямы на поверхности земли с легкой присыпкой трупа землей» (Калинин, 1952, стр. 55).

Таким образом, многие черты погребального обряда роднят обитателей Мало-Кизыльского селища с племенами абашевской культуры Чувашии.

Описанным погребением не ограничиваются находки костей человека на Мало-Кизыльском селище. В жилище, по-видимому под полом, было обнаружено трупосожжение ребенка, состоящее из кальцинированных мелких косточек. Определялся только череп, сохранившийся в виде грудки костей, среди которых были молочные зубы; здесь же встречены фрагменты серебряных височных спиралей абашевского типа и бронзовый браслет из круглого прута с заходящими друг на друга концами. Несколько поодаль найдено еще два также небольших детских бронзовых браслета, один на другом, но другой формы — желобчатой. К северу от черепа сохранилось небольшое пятно прокала. Под полом жилища помещалось, судя по находкам, возможно, и не одно детское погребение.

Может быть, надо рассматривать как трупосожжение интересный комплекс находок, обнаруженных в отрезке рва, который был вскрыт к югу от жилища. Ров неопределенного назначения шириной 1,1—1,4 м при глубине 1,4 м от современной и около 1 м от древней поверхности имел почти отвесные стенки.

Заполнение рва и прилегающие участки культурного слоя содержали, кроме обычных находок — костей и черепков, массу включений в виде зольных и глинистых пятен, отчего слой получил пеструю окраску. Над рвом и возле него найдены бронзовые четырехгранное шило и крючок. С самого верха в заполнении рва попадались необычные находки, которые были сосредоточены в западной половине вскрытого отрезка. При прохождении первого штыка в заполнении западного конца рва найден комок охры диаметром в 0,2 м, кусок стекловидной массы и костяк телят, лежавший на правом боку головой к западу. Череп животного отсутствовал.

Восточнее, в толще заполнения рва, кроме костей, отдельных черепков и нескольких крупных костей, разбросано было много мелких бронзовых украшений: спиральные и трубчатые пронизки, полушарные бляшки, бляшки-розетки абашевского типа, обоймицы и т. п., а также бронзовое шило и два обломка четырехгранных стержней. Слой, содержащий эти находки, был насыщен углем, иногда прослеживались кусочки обожженных веток. Часть бронзовых украшений также подверглась, видимо, действию огня. Тут же встречались необожженные обломки костей животных. Особенно много их в нижних серых золистых слоях заполнения рва, причем кости были намеренно сильно измельчены: разрублены вдоль даже бабки (коровы), перерублены на мелкие куски ребра. Кости не подверглись разложению, чему, должно быть, способствовала зола, которая тонким слоем покрывала дно и густо пропитывала заполнение рва.

Насыщенность заполнения рва находками резко падала в восточной части рва, где найдены только отдельные кости животных.

К югу от рва, на уровне древней поверхности, в небольшом углублении найден полный костяк теленка, лежавшего на правом боку, головой к юго-востоку. На тазовых костях обнаружена часть раздавленного сосуда. Костяк был завален крупными камнями.

Принимая во внимание преднамеренное ритуальное захоронение во рву и на его краю телят, можно высказать предположение, что набор бронзовых украшений со следами пребывания в огне, найденный в золе, представляет собой остатки трупосожжения. Сожжение, очевидно, было совершено на краю рва, где на месте костра обнаружен большой зольник диаметром 2 м, толщиной до 0,40 м.

К северу от жилища также были встречены кости человека, но обстановка, в которой они были обнаружены, заставляет видеть в них не погребение, а следы какого-то ритуального умерщвления, может быть, человеческого жертвоприношения. В этой части раскопа оказались два очага-кострища, окруженные углистым слоем. Углубление большого очага заполнено слоем черепков (около 300) от двух раздавленных крупных круглодонных сосудов. Возле кострищ найдены кости человека: нижняя половина бедренной и верхняя половина большой берцовой, обугленная фаланга, а также кальцинированные мелкие кусочки костей, часть которых лежала маленькой грудкой в ямке.

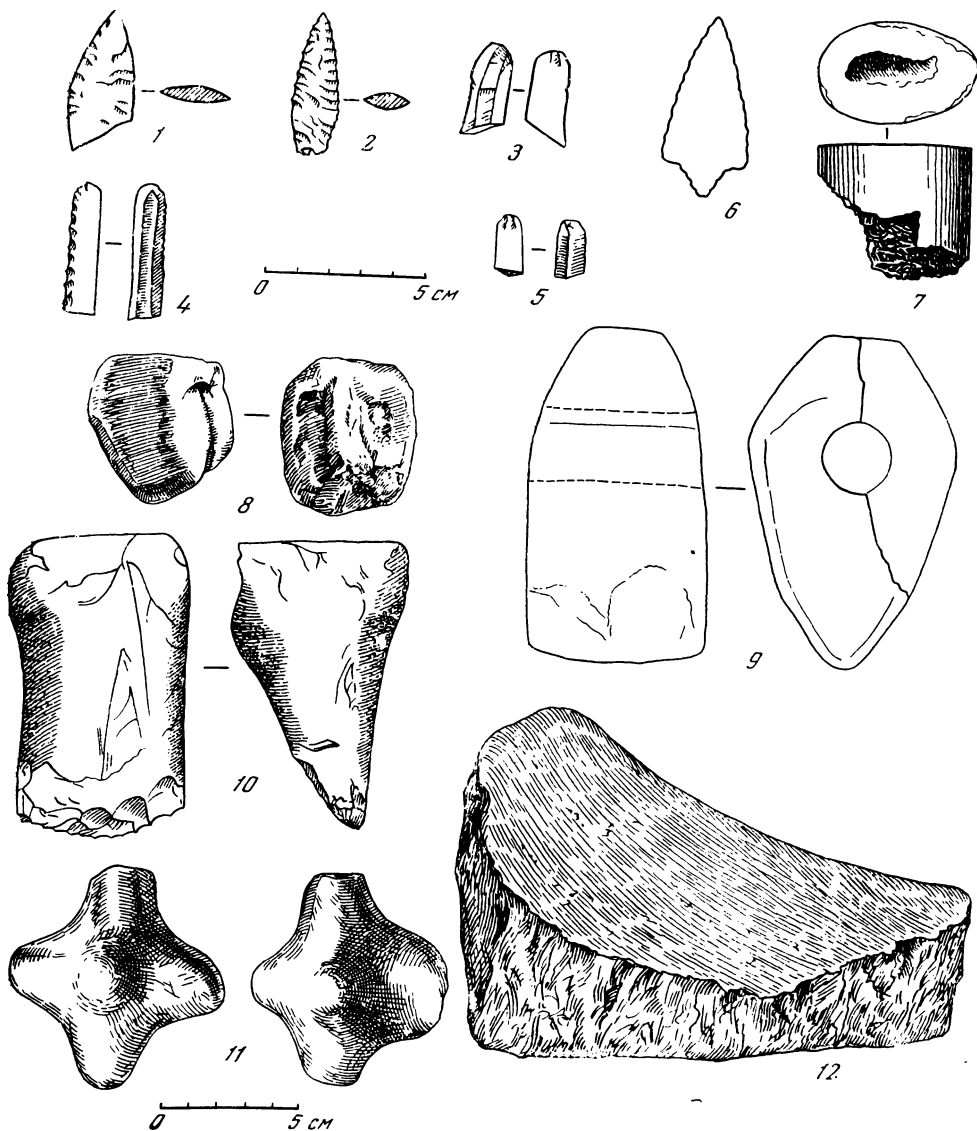
К югу от кострищ, в восточной стенке раскопа, в толще чернозема обнаружены кости предплечья человека и возле них два бронзовых браслета, вставленных друг в друга. В сделанной в стенке раскопа выемке (кв. VII-2) найден неполный костяк человека, лежащий в черноземе, по-видимому, на уровне древней поверхности. Костяк, ориентированный по направлению к северо-востоку, лежал в странном положении — спиной кверху, кости рук вытянуты к северу, причем левая согнута в локте так, что кисть должна была (она не сохранилась) прикасаться к ребрам.

Отсутствуют кости ног. От черепа сохранилась лишь нижняя челюсть, лежащая возле шейных позвонков. Недостающие кости были удалены в древности. Возле костяка обнаружены бронзовый браслет и серебряное височное кольцо абашевского типа.

Остатки костяка нельзя рассматривать как погребение. Перед нами бесспорные следы насильственной смерти и древнего расчленения трупа. Часть его была удалена, другая небрежно брошена. Найденные у соседнего кострища обломки бедренной и берцовой костей, обожженные и обугленные мелкие косточки могут принадлежать данному костяку. Об этом как будто говорит тот факт, что в слое возле него также были встречены обугленные косточки. Костяк принадлежал женщине, о чем можно заключить по находкам возле него височного кольца и браслетов. На 2 м южнее костяка, в восточной стенке раскопа, на той же глубине, найден обрывок нити бус или венчика, состоящий из трех изделий: бронзовой спиральной пронызки, квадратной бронзовой и удлиненной серебряной обоймицы. Не исключена возможность, что и эти украшения относятся к тому же костяку.

По-видимому, погребения на территории поселения практиковались абашевскими племенами. Находки таких погребений на Мало-Кизыльском селище не единственный случай. В 1953 г. на селище Урняк в толще культурного слоя в 4—5 м друг от друга были встречены такие необычные для состава культурного слоя находки, как бронзовый браслет и бронзовая бляшка-розетка. Среди остеологических материалов с селища оказалось три кости человека (определение В. И. Цалкина). Эти находки предположительно можно отнести к разрушенному погребению.

Набор бляшек, пронызок, розеток из металла, обнаруженный во рву на Мало-Кизыльском селище, относящийся, по-видимому, к трупосожжению, дает полное основание считать, что костюм абашевских женщин на Южном Урале не отличался от того нарядного костюма, который хорошо рисуется по находкам в абашевских могильниках Чувашии: у с. Абашева (Смолин, 1928, рис. 11); у с. Яндашева (Смирнов, 1952, табл. XIV, рис. 10—15), у с. Алгаши (Ефименко, 1929, стр. 171—172). П. П. Ефименко по наблюдениям при раскопках богатого погребения у с. Алгаши рисует некоторые элементы нарядного женского костюма. «Лицо погребенной до половины было закрыто плащом или покрывалом, по краям обшитым в три ряда бронзовыми трубочками-витушками. Вдоль правой и левой руки шли в сложном узоре ряды трубочек, витушек и бляшек, явственно нашитых на ткань или войлок, от которого сохранился довольно толстый слой разложившегося вещества. Они составляли красивые кружки-розетки, фестоны и узорчатые полоски, набранные из этих мелких украшений. На груди слева на шнурке или ремешке, с напущенными на нем бронзовыми трубочками, свешивалась от плеча крупная очковидная привеска; ниже ее лежал снова ряд трубочек из более

5. Изделия из камня

1—6, 9—12— Мало-Кизыльское; 7, 8— Урняк

крупных розетковидных литых бляшек от какого-то убора» (Ефименко, 1929).

Следовательно, если в устройстве могил Метев-Тамакского и Нижне-Чуракаевского могильников усматриваются некоторые не характерные для абашевской культуры черты, то погребения на Мало-Кизыльском селище носят вполне абашевский характер, как, впрочем, и основная масса инвентаря в могилах Метев-Тамакского могильника.

Третьим видом памятников, имеющим наравне с поселениями и погребениями важное значение для изучения абашевских племен Южного Урала, являются клады.

Клады

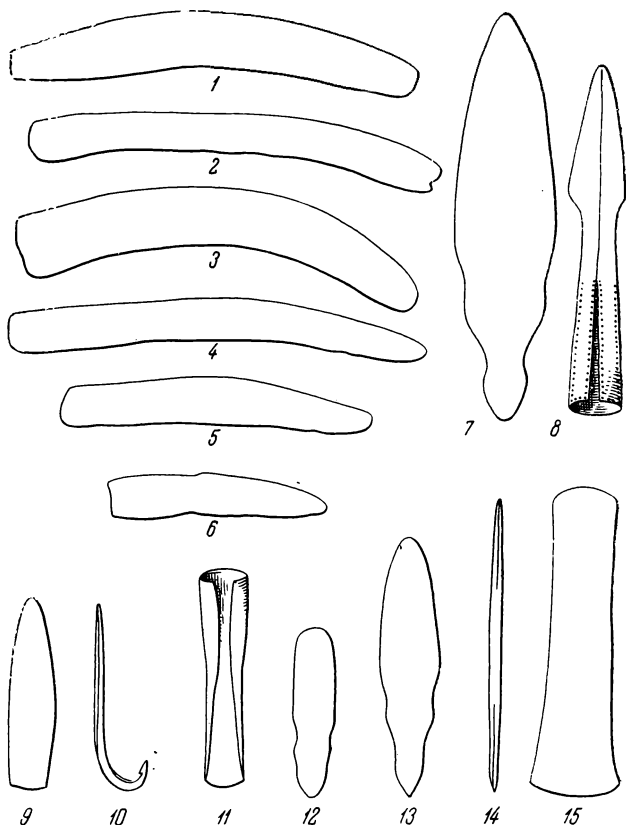
С территории Южного Урала и Приуралья происходит ряд кладов и находок металлических изделий, среди которых много своеобразных форм, не характерных для срубной и андроновской культур. Есть достаточно оснований видеть в них произведения абашевских мастеров. Кроме хорошо известного Верхне-Кизыльского клада (Bortvin, 1928), мы рассматриваем как абашевские клад из дер. Красный Яр на р. Белой в 15 км от г. Стерлитамака, доставленный в Государственный исторический музей в 1895 г. Ф. Х. Мандисоном (ГИМ, инв. № 30887—30889), клад Москательникова из дер. Ильдеряковой на юго-востоке Татарии, клад М. А. Веселовского из бывшего Троицкого уезда (Спицын, 1928), а также клад, найденный в 1945 г. Я. Е. Усенюк у Долгой горы (Куш-тау) в Стерлитамакском районе Башкирии (Ахмеров, 1951), и находки на Царевом кургане на Волге близ г. Куйбышева (Збруева, Смирнов, 1939).

Самый крупный клад — Верхне-Кизыльский — найден в 1924 г. на р. Малый Кизыл у пос. Верхне-Кизыльского. Клад, как установлено в 1948 г., был найден на территории Мало-Кизыльского абашевского селища (Сальников, 1950). Он содержал остросереберный сосуд, аналогии которому можно найти почти во всех абашевских памятниках, и разнообразные медно-бронзовые изделия, среди которых также много абашевских форм: втульчатое копье, пластинчатые орудия, кривые ножи или серпы, шило, топоры, рыболовный крючок, ножи срубного типа, втульчатое долото, плоский топор, желобчатые браслеты и гривны, бляшки-розетки, пронизки, спиральные кольца и т. п. (рис. 6; 7, 21—25).

Клад из с. Красный Яр, состоящий из двух медных пластинок и наконечника копья (рис. 6, 1), может быть назван кладом условно. Обстоятельства находки этих вещей неясны. В краеведческом музее Башкирской АССР хранится с дореволюционного времени подобный наконечник копья. Считается, что он и второе такое копье найдены вместе с тремя черепами в размыве берега р. Белой у с. Красный Яр (Булычев, 1902, стр. 7, табл. 1, 2). Весьма вероятно, что из двух упоминаемых Булычевым копий одно осталось в Уфе, а другое оказалось в Москве. В таком

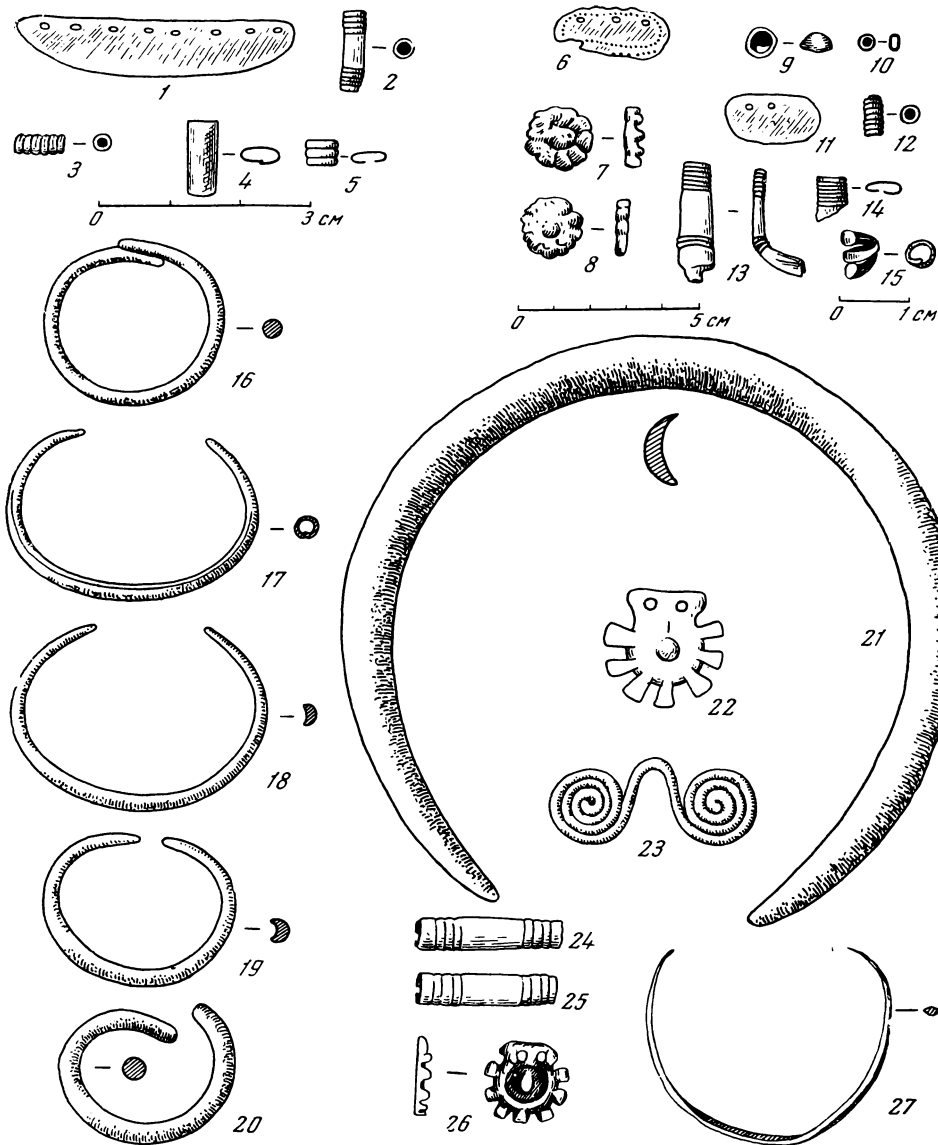

**6. Медно-бронзовые орудия.
Верхне-Кизыльский клад**

случае вещи из с. Красный Яр происходят из могильника, связанного с поселением Баланбаш, находящимся на окраине этого села. Не исключено, что бронзовые вещи найдены на самом селище, которое интенсивно в прошлом размывалось р. Белой. Две кованые ножевидные пластинки, входящие в состав клада, во многом близки орудиям из Верхне-Кизыльского клада (рис. 4, 1, 2).

В клад Москательникова из дер. Ильдерякова на юго-востоке Татарии входят кривой серп, долото, три вислообушных топора, копье втульчатое, копье черешковое, две ножевидных пластинки. Часть вещей имеет абашевскую форму, а обнаружен клад в 100 км западнее находок абашевской керамики у г. Октябрьского. Принадлежность этого комплекса к той же культуре весьма вероятна.

7. Предметы украшения из металла

1—20— Мало-Кизыльское селище; 21—25— Верхне-Кизыльский клад; 26, 27— селище Урняк

Клад М. А. Веселовского из бывшего Троицкого уезда Оренбургской губернии, хранящийся в Антропологическом музее Московского университета, по описанию А. А. Спицына, состоит из вислообушного топора, прямого серпа, клепаного кривого ножа, долота и копья со втулкой. По-видимому, вещи собраны и доставлены не М. А. Веселовским, как пишет А. А. Спицын, а М. А. Веселовым. В 1888 г. на золотых приисках в Балбуке Тунгатаровской волости Троицкого уезда Оренбургской губернии (50 км к югу от г. Миасса) М. А. Веселова проездом на гору Ирмель посетил Д. Н. Мамин-Сибиряк и видел у него коллекцию бронзы: ножи, копья и т. д., собранные в разных местах при работах на приисках. М. А. Веселов собирался выслать ее в Московское археологическое общество («Древности», т. XIV, вып. 1, протоколы). Если это собрание или часть его поступила в Антропологический музей Московского университета, то кладом рассматривать эти вещи нельзя. Но эти находки указывают на то, что здесь можно встретить абашевские памятники. Бывшая Тунгатаровская волость лежит близ истока р. Урала, на 100 км севернее места находки Верхне-Кизыльского клада и на таком же расстоянии к северо-западу от могильника у с. Степного. Некоторые предметы из этого собрания и по описанию А. А. Спицына схожи с абашевскими формами: «прямой серп» (типа верхнекизыльских? — К. С.), «кривой нож».

Клад, обнаруженный у Долгой горы (рис. 8, 3—9), найден в 1,5—2 км от абашевского селища Урняк, лежащего по другую сторону этой же горы. В районе находки клада, по среднему течению р. Белой, в настоящее время известно несколько десятков срубных и пять абашевских поселений. Бронзовые орудия срубной культуры хорошо известны, но среди них нельзя указать ни одного предмета, сходного с вещами, входящими в клад Долгой горы. Наконечники копья и дротика из клада ближе всего к фатьяновскому наконечнику из Ош-пандо (Степанов, 1950, рис. 17).

Находки на Царевом кургане обнаружены при земляных работах. Кроме отдельных изделий, здесь обнаружены две группы бронзовых предметов. В первую входили вислообушный топор, два ножа и поблизости находился браслет из круглого прута. Во второй группе было три серпа своеобразной формы, два плоских тесла (клиновидных топора), два браслета из толстого прута, желобчатое долото и костяной наконечник стрелы (Збруева, Смирнов, 1939).

Если рассматривать эти группы как два комплекса синхронных предметов, то вопрос о их культурной принадлежности решается довольно просто. Часть орудий (нож с выступами, плоские тесла, желобчатое долото) нередко в памятниках срубной культуры, но все эти формы не чужды и абашевским комплексам; все они входят в Верхне-Кизыльский клад. Зато другие вещи тех же групп изделий с Царева кургана типичны только для абашевской культуры. Аналогичный царевокурганскому ко-

стояной наконечник стрелы с длинным черешком и пером с шипами найден в Башкирии на селище Урняк. Браслеты из круглого прута с несомкнутыми заостренными концами найдены на селищах Урняк и Мало-Кизыльском, в курганах и у с. Тюнина, в абашевских курганах Чувашии. Узкий ланцетовидный нож близок находке 1954 г. на селище Береговское II. Вислообушные топоры того типа, что найден на Царевом кургане, характерны для лесной полосы, точнее для Среднего Поволжья и Приуралья (Городцов, 1916, стр. 152—153, табл. VIII, рис. 20, 21). Из числа отдельных находок на Царевом кургане бронзовый нож с двумя параллельными лезвиями, округлым концом и асимметричным черешком (Збруева, Смирнов, 1939, табл. 1, рис. 14) (рис. 4, 7) своей редкой формой повторяет нож из Метев-Тамакского могильника (Башкирский музей). (рис. 4, 8). Подобное оружие, но с симметричным черешком известно среди предметов Верхне-Кизыльского клада (рис. 6, 12).

Таким образом, обе группы бронзовых изделий и отдельно найденный нож на Царевом кургане можно отнести к абашевской культуре. Оригинальные формы серпам, входящим в один из этих комплексов, имеются некоторые аналоги на абашевской территории.

О. А. Кривцова-Гракова (Кривцова-Гракова, 1955) царевокурганские находки безоговорочно рассматривает как вещи срубной культуры, видимо, на том основании, что они обнаружены на территории расселения срубных племен. Можно спорить о том, кто оставил на Царевом кургане описываемые вещи: представители срубных или абашевских племен, но нет сомнения, что в составе этих находок представлены и срубные и абашевские типы. Причем все предметы, которые мы относим к абашевской культуре, неизвестны на срубных памятниках. Вещи же срубных форм встречаются в абашевских комплексах.

Металлические изделия абашевских форм известны и за пределами абашевских памятников.

Нельзя обойти молчанием замечания А. В. Шмидта (ESA, III, стр. 122—131) и А. А. Спицына о близости Верхне-Кизыльского клада к кладу, найденному у дер. Коршуновой в Вятской губернии. А. А. Спицын даже конструирует коршуновскую культуру (Спицын, 1928), к которой относит, кроме Коршуновского и Верхне-Кизыльского кладов, еще ряд кладов: 1) М. А. Веселовского из Троицкого уезда, 2) Москательникова из дер. Ильдеряковой Бирского уезда*, 3) из с. Красный Яр Стерлитамакского уезда, 4) из пос. Морозовского Вельского уезда Вологодской губернии. При этом А. А. Спицын считал весьма возможным, что «по накоплениям материала придется коршуновскую культуру близко примкнуть к абашевской».

---

* На территории бывшего Бирского уезда деревни с таким названием нет. С. Ильдеряково находится в Аксубаевском районе на юго-востоке Татарской АССР.

Действительно, перечисленные клады в той или иной степени связаны с абашевской культурой. Из шести кладов «коршуновской культуры» четыре — Верхне-Кизыльский, Ильдеряковский, Красноярский и Веселова, как показано выше, оставлены абашевскими племенами. Заслуживает внимания почти полная аналогия формы наконечников копий из Верхне-Кизыльского и Коршуновского кладов, вплоть до такой детали, как точечный орнамент на втулке. Сближение с абашевской культурой увеличится, если действительно «с этими вещами найден был медный топор» галичского типа, о чем предположительно говорит А. А. Спирын. Морозовский клад остался для нас недоступным. Последние два клада, Коршуновский и Морозовский, находящиеся за пределами абашевской территории, следует рассматривать лишь как доказательство широкого распространения продукции абашевских литейщиков в среде других племен.

Особого внимания заслуживает Галичский клад. Много лет его культурная принадлежность служит объектом споров и источником различных предположений (Спицын, 1903). Отдельные голоса раздавались и в пользу уральского происхождения Галичского клада (Asperlin, 1877, стр. 67—68; Городцов, 1928, стр. 51). П. Н. Третьяков в 1931 г. видел в этом кладе один из памятников абашевской культуры (Третьяков, 1934, стр. 133). Но взгляд этот не получил общего признания. Галичский клад до сих пор остается странным, чужеродным телом на фоне окружающих археологических памятников, неразгаданной загадкой. Связать его с абашевской культурой мешает его удаленность от традиционной абашевской территории, которую долгое время видели лишь в районах Чувашской АССР. По той же причине еще совсем недавно отказывали в Верхне-Кизыльскому кладу в принадлежности к абашевским памятникам (Смирнов, 1952, стр. 13, прим.). Новые открытия позволили Верхне-Кизыльский клад с полным основанием считать одним из интереснейших абашевских памятников. Если поблизости от места находки Галичского клада не открыты абашевские памятники, то соседство его с территорией фатьяновской культуры уже заставляет отнести к нему с особым вниманием. Не случайно по всей фатьяновской территории прослеживаются следы обитания абашевских племен.

Галичский клад, найденный в 1835 г. вблизи Галичского озера у с. Туровского, содержал изделия из меди, бронзы и серебра: вислообушные топоры, ножи, браслеты, бляхи, пронизки, полушарные бляшки, медные пластинки, очковидные привески, изображения животных, человекообразные фигуры. Многие из них имеют аналогии среди инвентаря абашевских памятников. Вислообушные топоры относятся к тому типу, который распространен преимущественно в лесной полосе на территории фатьяновских, абашевских и горбуновских племен. Ланцетовидный нож (Спицын, 1903, табл. XXXI, рис. 6) находит себе аналогию в ноже из абашевского поселения Береговское II. Их сближает и ланцетовидная форма и четы-

рехгранный стержень для насада на рукоятку. А. А. Спицын считает, что ножи Галичского клада кованые. Нож из Береговского II также, по-видимому, кованый, на что указывает продольная горизонтальная расщепленность его лезвия.

Браслеты Галичского клада представлены двумя видами: желобчатым и круглым с заходящими заостренными концами. Желобчатые браслеты обычны в памятниках абашевской культуры. Браслеты из круглого прута с заостренными концами теснейшим образом связываются с абашевскими памятниками. Браслеты с заходящими заостренными концами найдены на Мало-Кизыльском поселении (Сальников, 1952, рис. 23, 10, 22). Полушарные мелкие бляшки, спиральки и очковидные привески также нередки в абашевских памятниках Урала (Сальников, 1952, рис. 23; Bortvin, 1928). Может быть, такая черта скульптурной каменной головки с селища Урняк, как плоская форма темени в виде горизонтальной площадки (Сальников, 1957а, стр. 84, рис. 35), аналогична подобной детали человекообразных бронзовых изображений из Галичского клада. Не случайно, конечно, совпадение формы «полумесяцев» на голове одной из галичских человеческих фигур и такого нигде, кроме абашевской керамики, не встречающегося элемента в орнаментике, как сечковидные лопасти. В обоих случаях, надо полагать, мы имеем дело с передачей какого-то одинакового символа.

Таким образом, среди предметов Галичского клада многие находят себе аналогию в инвентаре абашевских памятников Урала.

Рассмотрение некоторых кладов, найденных за пределами интересующей нас территории, вызвано тем, что абашевские медно-бронзовые изделия, где бы они ни были найдены, по происхождению связаны с Уралом или Приуральем. Источником металла для племен II тыс. до н. э. в северной части Восточной Европы давно считается Урал (Фосс, 1949, стр. 40).

Второй очаг древней металлургии усматривается в районе устья р. Камы (Збруева, 1957). Но несмотря на большое число происходящих из этого района медно-бронзовых изделий, лишь единицы имеют абашевские формы. Следовательно, последние происходят из другого очага, надо полагать, уральского.

ХОЗЯЙСТВО

Исследования абашевских поселений на Урале позволили поставить вопрос о характере хозяйства абашевских племен. В других районах, где абашевские памятники представлены только могильниками, этот вопрос нельзя было поднимать из-за отсутствия в погребениях соответствующих материалов.

Хозяйство абашевцев на южном Урале носило тот же характер в общих чертах, что и хозяйство других племен степи и лесостепи в эпоху бронзы. Основными отраслями, несомненно, являлись скотоводство и земледелие. Прочие виды хозяйственной деятельности — охота, рыболовство, собирательство — играли незначительную роль.

Мы располагаем зоологически изученными костями животных из культурных слоев трех абашевских поселений: Баланбаш, Урняк и Мало-Кизыльское и погребения под Царевым курганом на р. Тоболе. По материалам этих памятников можно составить представление о скотоводстве абашевских племен.

Скотоводство

При исследованиях на селище Баланбаш в 1934 г. были получены кости всех домашних животных: коровы, овцы, козы, лошади и свиньи. На первом месте по количеству стоят кости коровы — 130 костей, что составляет 61% остеологического материала, собранного на селище; затем следует мелкий рогатый скот — 46 костей (22%) и свинья — 32 кости (14,2%). Меньше всего оказалось костей лошади — 6 экземпляров, что составляет 2,8%. Костей диких животных не встречено. Следовательно, потребность в мясном питании удовлетворялась полностью за счет мяса домашних животных. Охота не играла почти никакой роли. А это, в свою очередь, свидетельствует о развитости скотоводства, о его ведущей роли в экономике абашевских общин. В. И. Громова, которой мы обязаны определением костей с селища Баланбаш, дает краткую характеристику породных свойств каждого вида животных, важную для суждения о степени развития скотоводства. Она отмечает присутствие костей двух пород коровы, резко отличающихся друг от друга —

мелкой и крупной. Первая мельче всех существующих пород и может быть названа карликовой. Вторая настолько крупна, что трудно сказать, заимствованная ли это с юга, из степей, крупная домашняя порода или особо крупные кости принадлежат дикому туру.

Кости свиньи также принадлежат очень крупной породе, лишь немногим уступающей по размерам дикому кабану. В. И. Громова находит возможным поэтому высказать предположение о недавнем приручении кабана здесь же, на месте. Коза была также крупной породы, ясно выраженного типа *prisca*, обычного для Западной Европы. В отличие от прочих животных, лошадь представлена, наоборот, очень мелким экземпляром (Дмитриев, Сальников, 1941, стр. 132; Громова, 1940, стр. 93).

Костные остатки с селища Урняк, территориально близкого к селищу Баланбаш, рисуют в основном аналогичное соотношение видов животных в стаде. Но на этом поселении, кроме того, найдены по две кости лисицы и бобра (см. табл. 2).

Таблица 2. Состав остеологического материала на поселениях абашевской культуры

Поселение	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошадь		Свинья		Собака		Дикие животные			Источники сведений
	число костей	%	число костей	%	число костей	%	число костей	%	число костей	%	вид животного	число костей	%	
Балан- баш	214	61	46	22	6	2,8	32	14,2	—	—	—	—	—	Раскопки 1934 г. К. В. Сальникова, определение В. И. Громовой
Урняк	344	77,8	44	9,9	7	1,6	41	9,1	—	—	лисица бобр	2 2	1,6	Раскопки 1953 г. К. В. Сальникова, определение В. И. Цалкина
Мало- Кизыль- ское	512	77,3	117	17,6	24	3,6	—	—	6	0,9	косуля	4	0,6	Раскопки 1950 г. К. В. Сальникова, определение И. А. Дуброво

Известные отличия от приуральских поселений наблюдаются на зауральском Мало-Кизыльском селище. Прежде всего, здесь абсолютно отсутствуют кости свиньи, так хорошо представленные на селищах Баланбаш и Урняк. На Мало-Кизыльском селище найдены кости домашней собаки некрупной породы, значительно мельче волка. Кости диких животных также малочисленны — 0,6% от общего числа костей. Принадлежат они си-

бирской косуле. И. А. Дуброво, определявшая костные остатки с Мало-Клязьмского селища, отмечает и для этого памятника варьирование размеров костей коровы. «Однако размеры даже самых крупных значительно мельче, чем размеры их у современного серого украинского скота. Большая часть остатков принадлежит очень мелкой форме, сходной с современной владимирской и ярославской породами».

Размеры лошади, по мнению И. А. Дуброво, приближаются к размерам лошади Пржевальского.

Интересные данные получены при определении костей животных, обнаруженных при абашевском погребении под Царевым курганом на р. Тобол. Среди девяти-десяти особей крупного рогатого скота комолой породы оказались коровы, быки и волы. Скот этот отличался крупными размерами — его высота в холке 120—135 см (определение В. И. Цалкина), что выделяет его даже среди крупного рогатого скота современных пород (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Рост крупного рогатого скота в холке (в см)
(по В. И. Цалкину)

<i>Скот</i>	<i>Коровы</i>	<i>Быки</i>	<i>Волы</i>
Современный:			
Киргизии	99—125	109—128,5	—
Монголии	94—123	103—125	—
Якутии		101—124	до 135
Из абашевского погребения под Царевым курганом . . .		120—135	—

На составе скота отдельных памятников сказались особенности ландшафта районов обитания абашевских племен на Урале. Чрезвычайно мелкие размеры коровы характерны для лесной полосы не только в глубокой древности, но и в эпоху древней Руси и в конце XIX столетия. В. И. Цалкин (Цалкин, 1956, стр. 48) приводит слова Павла Алеппского, путешественника XVII в. по московской земле: «коровы в этой стране очень малы, с теленка, по причине сильного холода». В лесной полосе Европейской России в XIX в. за подобными породами скота закрепилось народное название — горемычка. Ее убойный вес не превышал 3—8 пудов. Эти особенности горемычки развились в неблагоприятных условиях содержания, систематической бескормицы (Цалкин, 1956, стр. 48). Примитивные формы ухода за скотом, особенно в условиях леса, привели к измельчанию домашнего скота по сравнению с их исходными дикими формами и на ранних этапах скотоводства. Этим и объясняются мелкие породы коровы и лоша-

ди и у абашевских племен. Изложенному как будто противоречит наличие в находках на селище Баланбаш наравне с костями мелкой породы скота костей крупных коров и свиней.

Замечания В. И. Громовой о том, что особо крупные кости коровы (в том числе встречены и рога) могут принадлежать дикому туру, хорошо согласуются с интересной мыслью, высказанной С. К. Даль по поводу подобных находок в курганах Армении (Кировакан) и Грузии (Триалети). «С. К. Даль, обработывавший кости быков из Кироваканского кургана, определил их как кости туров (*Bos primigenius* Baj) и предположил, что одомашнение этих крупных по размерам рогатых животных является побочной линией одомашнения, наряду с разведением мелких по размеру рогатых животных, известных еще с энеолита. Это... объясняет существование в Закавказье, в эпоху бронзы, двух видов крупного рогатого скота: одного — низкорослого и другого — высокорослого». Животные крупных размеров, кости которых найдены в курганах Армении и Грузии эпохи бронзы, были, вероятно, упряжными, они доставляли погребальные повозки к могилам (Пиотровский, 1955, стр. 7). Найденные при абашевском погребении под Царевым курганом большие кости крупного рогатого скота, очевидно, отражают то же явление. На волах умерший был доставлен к месту погребения, а затем они, наравне с другими животными, были принесены в жертву.

Современный серый украинский скот, как доказал А. А. Браунер, стоит ближе всех других пород к родоначальнику крупного рогатого скота — туру (Боголюбский, 1940, стр. 54).

Высокорослая порода у абашевских племен могла происходить от прирученных диких форм и играть роль транспортного животного. Малочисленные находки костей лошади и ее исключительная низкорослость подтверждают возможность и целесообразность использования крупного рогатого скота для упряжки. Сейчас учеными доказано, что не только в абашевское время, но и значительно ранее знакомые со скотоводством племена пользовались рогатым скотом как тягловой силой. Части деревянных примитивных арб известны среди памятников ямной культуры на Украине и в Нижнем Поволжье. На абашевской территории о том же говорят находки глиняных моделей колес в Балановском могильнике.

Если разведению крупного рогатого скота природные условия не благоприятствовали, то широкая пойма р. Белой в ее среднем течении, соседние горы, покрытые дубняком, благоприятствовали разведению свиней, а поразительно крупные размеры их, на что обратила внимание В. И. Громова, позволяют думать о местном приручении. Дикий кабан еще сравнительно недавно водился в Прикамье и Приуралье, что получило свое отражение и в топонимике: Свиньи горы на Каме, река Донгус — левый приток р. Урала близ Оренбурга (донгус — в переводе с татарского — свинья). Паллас пишет, что в его время на Донгусе охотились на диких кабанов (Паллас,

1773, стр. 318 и 354). Напротив, природные условия Южного Зауралья не благоприятствовали существованию диких кабанов и разведению домашних свиней. В многочисленных поселениях и погребениях андроновской культуры степной и лесостепной полосы Зауралья кости кабана и домашней свиньи ни разу не встречены. Нет их и в находках на абашевском Мало-Кизыльском селище. Естественного корма для свиньи здесь не было, а земледелие, как будет показано ниже, не было так высоко развито, чтобы давать корм для скота.

Скотоводство давало сырье для изготовления одежды, обуви и предметов домашнего обихода. Широко использовалась кожа, о чем можно судить по частым находкам в памятниках абашевских племен Южного Урала металлических орудий для обработки кожи. Особенно интересны некоторые орудия из Верхне-Кизыльского и Красноярского кладов (см. ниже раздел «Металлургия», стр. 54—70).

Может быть, благодаря применению тягловой силы волов абашевские племена и могли совершать те переселения на значительные расстояния, которые столь типичны для их истории. Как транспортное животное использовалась и лошадь, на что указывает находка костяного пса на селище Баланбаш (рис. 8, 19).

Малочисленность костей диких животных среди костных остатков и состав охотничьих животных подтверждают, что не охота и не рыболовство служили источником питания. О рыболовстве можно говорить больше предположительно. Обитатели берегов рек, в особенности такой большой реки, как Белая, не могли не заниматься рыболовством. Костей рыб в памятниках не встречено, но бронзовые крючки, а также бронзовый гарпун изклада у Долгой горы позволяют все же судить о характере рыболовства. Отсутствие на абашевских селищах грузил от сетей, столь распространенных на памятниках рыболовецких племен, в свою очередь свидетельствует о незначительной роли рыболовства. Оно носило индивидуальный характер: ловили на крючок, били гарпуном. Массовый лов сетями не применялся.

Земледелие

Памятники абашевской культуры Южного Урала дали небольшое количество земледельческих орудий, но если учесть малочисленность изученных и даже просто открытых абашевских памятников в этом районе, то о земледельческом хозяйстве и наличное число орудий расскажет достаточно красноречиво. Мы имеем орудия и для взрыхления земли (мотыги), и для уборки урожая (серпы), и для переработки продуктов земледелия (зернотерки). Их конструкция, степень совершенства служат одним из мерилов развития и удельного веса земледелия в хозяйстве абашевских племен.

Мотыга известна среди находок на Мало-Кизыльском селище. Она сделана из крупной гальки длиной 10,5 см, с утолщенным одним концом и заостренным другим. Последний покрыт сплошь сколами, сделанными

частью, видимо, преднамеренно для заострения орудия, частью получившимися в процессе работы. Форма гальки с широким противоположным лезвию концом и плечиками возле него весьма удобна для прикрепления к Г-образной рукоятке (рис. 5, 10). Абашевское население Южного Урала широко пользовалось для изготовления всевозможных орудий и для использования в быту гальками самых разнообразных форм, которые в изобилии приносят уральские реки.

У других племен эпохи бронзы — андроновской и срубной культуры — мотыги имеют иную форму, но размеры их совпадают с размерами малокизыльской. Таковы мотыги из Алексеевского поселения (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 28, 1), мотыги, найденные близ г. Пугачева и г. Оренбурга (хранятся в Оренбургском музее) (Сальников, 1951, стр. 130, рис. 16), мотыга из дер. Кодак Уржумского уезда Вятской губернии (хранится в археологическом кабинете Казанского университета). Такое совпадение в размерах говорит о близости систем земледелия в этих районах у различных племен.

Из находок на абашевских памятниках Южного Урала серпы представлены только одним экземпляром, обнаруженным в 1951 г. на селище Баланбаш (рис. 4, 4). Орудие это характеризуется средней степенью изогнутости. Способ скрепления с рукояткой не выяснен; наиболее вероятным является скрепление при помощи острого, слегка изогнутого стерженька, который был найден поблизости от места находки серпа. Незначительная ширина, одинаковая почти по всей длине, также характерна для этого серпа.

Полную аналогию нашему серпу на Южном Урале мы указать не можем. С серпами Верхне-Кизыльского клада его роднит лишь малая ширина и слабая изогнутость, но характер изгиба и способ скрепления с рукояткой у них совсем разные. К тому же, как нам пришлось убедиться при осмотре верхнекизыльских находок, нельзя согласиться с Н. Н. Бортвиным, что орудия, обозначенные в его статье под № 2,2 и 2,3, — серпы (Bortvin, 1928). Более оснований, как показано ниже, видеть в них орудия для обработки кожи.

Больше абашевских серпов найдено в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье (Тихонов, 1960, табл. XXII).

Нельзя не отметить, что серп с селища Баланбаш стоит ближе к подобным находкам с территории распространения андроновских памятников, чем к серпам срубной культуры. В северной части ареала срубных серпов известен устойчивый тип: массивный, широкий, с сильным изгибом и значительным сужением к рукоятке. Для скрепления с ней серп снабжен обычно крючком. Серпы андроновской культуры характеризуются в большинстве случаев небольшой изогнутостью, небольшой шириной, отсутствием крючка. Таковы серпы из кургана у Тулайкина аула в районе Орска (Гракова, 1935, рис. 67, 6), из станицы Павловской близ Оренбурга (Саль-

ников, 1954, рис. 13,1), два серпа с оз. Сыкандык у с. Старикова Красноармейского района Челябинской области из находок 1949 г. колхозника-краеведа С. Х. Хайруллина (Сальников, 1954а, рис. 30).

Конструкция серпа с селища Баланбаш как будто характеризует абашевскую систему земледелия как менее развитую, нежели у соседних срубных племен.

Во всех исследованных абашевских поселениях найдены обломки каменных плит, которые можно рассматривать как части зернотерок. На селище Баланбаш в 1934 г. открыта плита, разбитая на две половины, подквадратной формы по 0,80 м в стороне. В середине плиты — округлое углубление диаметром до 0,40 м. На всех поселениях обнаружены песты и терочные камни.

Описанные орудия, связанные с земледелием, показывают, что эта отрасль труда в хозяйстве абашевских племен Южного Урала играла немалую роль, вероятно, такую же, как у племен срубной и андроновской культур. Небольшими каменными мотыгами нельзя было возделывать крупные поля.

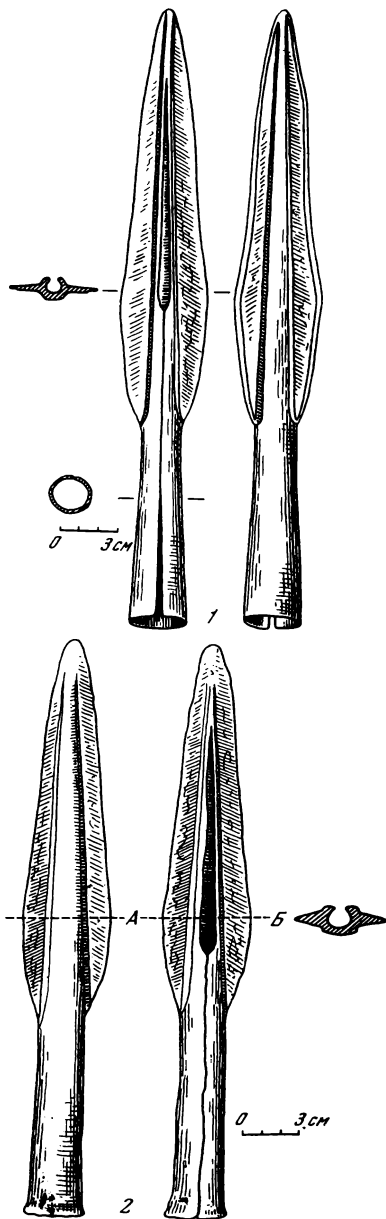
Степные племена эпохи бронзы как в Европейской части СССР (срубные), так и в Сибири и Казахстане (андроновские), использовали для посевов пойменные участки. Абашевские поселения Южного Урала расположены в степи и также связаны с широкими поймами рек. При той же высоте технической вооруженности и том же природном окружении нет основания думать, что абашевские племена могли обрабатывать участки земли вне поймы. Как известно, мотыжное земледелие эпохи бронзы в условиях засушливого ксеротермического периода сосредоточивалось в поймах, в поисках более влажной почвы, а также и вследствие невозможности поднять степную целину каменными мотыгами.

Оба Береговские поселения расположены в древней Нугуш-Бельской пойме, где и для пойменного мотыжного земледелия и для выпаса скота были самые благоприятные условия. Три прочих абашевских селища Южного Урала, наоборот, находятся на высоких обрывистых берегах, но возле них простираются также широкие, заросшие кустарником поймы. Срубные племена для расчистки пойменных участков под посевы пользовались особыми бронзовыми орудиями — косарями-секачами. Орудия этого типа у абашевцев неизвестны.

Рассмотрев абашевские орудия, связанные с земледелием, можно сделать вывод, что эта отрасль хозяйства стояла близко к земледелию срубных и андроновских племен, но все же, по-видимому, несколько уступала срубному земледелию. Срубники выработали более совершенные серпы, более успешно могли расчищать пойму от кустарника бронзовыми секачами. Но одинаково небольшие размеры мотыг абашевцев и срубников не позволяют говорить о высоком уровне развития земледелия у последних.

Металлургия

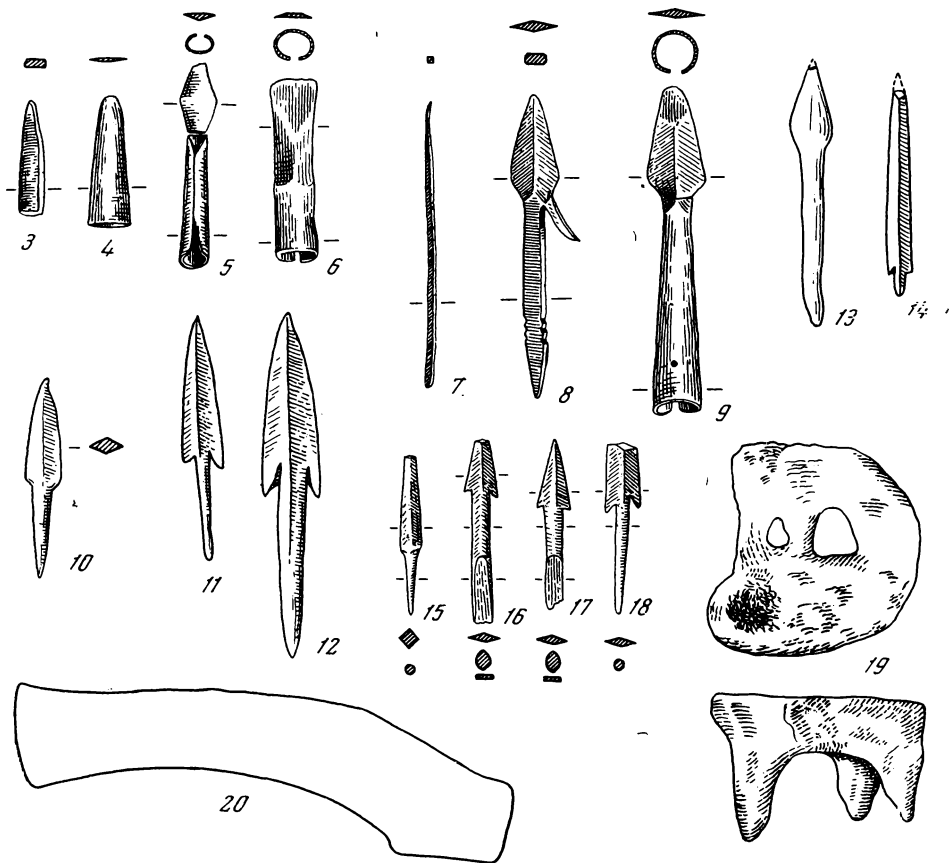
У абашевского населения Урала высоко было развито искусство обработки меди и бронзы, причем плавка руды велась не на месте добычи, а на поселениях. Мы не можем указать ни одного абашевского селища, которое не дало бы следов изготовления медных и бронзовых изделий. Кусочки медной руды и медного шлака, обломки плавильных чаш и глиняных вкладышей («пишек») встречены на всех поселениях. Особенно часты находки обломков плавильных чаш, иногда с ошлакованными краями. О размерах металлургического производства говорит такой факт, как находка на селище Баланбаш в раскопках 1961 г. на ограниченной площади 71 обломка плавильных чаш, которые относились не менее, чем к 50 сосудам. На то же указывают случаи обнаружения кладов медно-бронзовых вещей абашевских типов на Урале (Верхне-Кизильский, у Долгой горы, Красноярский и др.) и за его пределами (Коршуновский, Галичский). Как известно, находки медно-бронзовых вещей на поселениях эпохи бронзы — явление чрезвычайно редкое по понятным причинам: металлом дорожили, поврежденные предметы шли на переплавку, а не выбрасывались. Но на поселениях абашевской культуры находки металлических изделий нередки. На селище Баланбаш найдены медно-бронзовые серп, нож, шильце, «шпиль», спиральное колечко, крючок; на селище Урняк — браслет, бляшка-розетка; на Мало-Кизильском — вислообушный топор, клиновидный топор, поделка в виде зигзага из ленты, два шила, обломки стержней, крючок, разнообразные украшения: пронизки, бляшки-розетки, полушарные, овальные и других форм бляшки, браслеты. Встречены металлические орудия и при раскопках абашевских

поселений у с. Береговка. Медно-бронзовые орудия и украшения найдены во всех могильниках абашевской культуры Башкирии: Нижне-Чуракаевском, Метев-Тамак, Юкалекулевском. На Мало-Кизильском селище, кроме многочисленных медно-бронзовых изделий, найден браслет из свинца, который является, по-видимому, уникальным для памятников эпохи бронзы Урала и соседних территорий и служит лишним доказательством высокого уровня развития металлообработки у абашевских племен Урала.

8. Изделия из бронзы и кости

1 — Красный бор; 2 — Бахмутино; 3—9 — Долгая гора (Куштау); 10, 15—19 — Метев-Тамак; 11 — Царев курган на Волге; 12 — Урняк; 13, 14 — Тауш-касы; 19 — Баланбаш; 20 — Мало-Кизильское; 1—9, 20 — бронза; 10—19 — кость

В большом ходу у абашевцев было и серебро, что выделяет их из среды других племен Южного Урала эпохи бронзы — андроновской и срубной культур. В состав Верхне-Кизыльского клада входила желобчатая гривна, обложенная тонким серебряным листом. Галичский клад также содержит ряд серебряных изделий. На Мало-Кизыльском селище и на многих других памятниках от Урала до Чувашии встречены оригинальной формы спиральные височные колечки, изготовлявшиеся из серебра.

Приведенные факты указывают на то, что для абашевских племен металл был широко доступен. Значительное число абашевских памятников было открыто в двух районах — в Чувашской и Марийской республиках и на Урале. Источником металла могли быть только Урал и Приуралье, где распространены легко доступные для первобытных рудокопов медистые песчаники. На Южном Урале насчитывается около 2800 месторождений медистых песчаников (Тихонов, 1960, стр. 14). Есть они и в юго-западной Башкирии в бассейне рек Демы и Ика, в районе распространения абашевских памятников. Древние разработки меди, связанные с деятельностью абашевских рудокопов, по всей вероятности, велись во многих пунктах, на что указывает разнородность найденных на абашевских памятниках руд. На селище Баланбаш встречены кусочки медистого песчаника, а на поселении Урняк — конгломерат.

Свинец добывался, по-видимому, также на Урале. Такую ценную составную часть бронзы, как свинец, если бы он привозился со стороны, не стали бы тратить на изготовление браслета, найденного на Мало-Кизыльском селище. Некоторые топонимические данные могут также служить косвенным доказательством известности месторождений свинца на Южном Урале еще в абашевское время. Это реки Большой и Малый Кургаш близ г. Нязе-Петровска и дер. Кургаш-Ялга в 35—40 км к северо-западу от Сатки, на северо-западе Челябинской области, р. Кургашла, впадающая в р. Белую справа, несколько южнее г. Ишимбай. На тюркских языках, в частности на башкирском, слово «кургаш» обозначает п олово и свинец, а «кургашла» значит свинцовая или оловянная.

На Урале на базе его рудных богатств должны были сложиться и развиваться многие формы металлических изделий, распространенные в среде абашевских племен далеко на западе и на востоке, у соседних андроновских племен. Не случайно, что целый ряд металлических предметов у этих двух групп племен одинаков, не случайно также, что по богатству и разнообразию набора украшений с абашевским женским костюмом (Смолин, 1928, рис. 11; Ефименко, 1929, стр. 171—172; Сальников, 1952, рис. 23) может соперничать лишь костюм андроновских женщин (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 7; Сальников, 1952, стр. 58, рис. 8).

Урал давал металл и срубным племенам. Все это не могло не сказаться на близости форм металлического инвентаря у абашевских, срубных и андроновских племен. Мы видим немало предметов, которые совершенно

одинаковы в памятниках этих племен. Но кроме того, абашевцы создали и развили свои формы металлических изделий, используя уральский металл. На Урале в районе расселения абашевских племен сложился особый очаг металлургии. Из абашевских памятников, а также из района расселения абашевских племен происходит ряд типов медно-бронзовых орудий труда, оружия и личных украшений, которые несвойственны другим соседним племенам. Находки этих изделий наиболее часты на Урале и в Приуралье. Уже давно связывают с абашевскими племенами бляшки-розетки (Третьяков, 1948; Смирнов, 1952), серебряные спиральные височные колечки (Третьяков, 1948; Смирнов, 1952), браслеты с заостренными концами (Кривцова-Гракова, 1955), слабо изогнутые серпы (Сальников, 1954). Анализ распространения металлических изделий на Урале и в Приуралье позволил Б. Г. Тихонову считать абашевскими, сверх того, копья с несомкнутыми втулками верхнекизыльского типа и некоторые типы плоских топоров (Тихонов, 1960).

Рассмотрим медно-бронзовые изделия, которые можно считать типичными для абашевского населения Южного Урала (рис. 4, 6).

Значительную группу среди абашевских предметов составляют орудия, сделанные из слегка изогнутых пластин типа «серпов» и ножей Верхне-Кизыльского клада, опубликованные Н. Н. Бортвиным (Bortvin, 1928). Просмотр этих орудий в Свердловском музее убедил нас, что ни тот, ни другой термин не применим к четырем изделиям, изображенным у Н. Н. Бортвина на рис. 1—4 табл. 2. На наш взгляд, все эти четыре изделия имеют прямое отношение к обработке шкур и кожи и могут рассматриваться как скобели-тупики. Особенно выразительно орудие, изображенное на рис. 2, 2. Это слабо изогнутая пластинка, заточенная с вогнутой стороны, длиной 20 см, шириной в средней части около 3 см. Оба конца на протяжении 2—2,5 см сужены проковкой с вогнутой стороны до ширины 2 см. Естественно напрашивается предположение, что концы сужены для укрепления в двух рукоятках. Двуручность обязательна для скобеля-тупика (рис. 6, 1). Два других изделия также заточены с вогнутой стороны и несколько длиннее описанного. На них незаметны следы крепления к рукояткам, что, впрочем, не дает основания для отрицания такого крепления (рис. 6, 2, 4). Они могли тыльной стороной полностью вставляться в деревянную основу, как это делают со своими железными скобелями ханты (Прыткова, 1953, стр. 127—128, рис. 1—6). Четвертое орудие длиной 20 см, шириной 8 см несколько сужается к одному концу. Заточены у него вогнутая сторона и широкий конец (рис. 6, 3). Это изделие изогнуто значительно сильнее прочих, что побудило Н. Н. Бортвина видеть в нем серп. Такому определению противоречит заточка широкого конца, перпендикулярного вогнутому лезвию. По-видимому, описываемый предмет представляет собою сложное орудие: соединение скобеля со стругом. В качестве струга и мог служить заточенный конец. Например, стругом для очистки

шкур от мездры у хантов, по свидетельству Н. Ф. Прытковой, служили узкие металлические пластинки, вставлявшиеся в длинную двуручную рукоятку (Прыткова, 1953, стр. 126, рис. 1—2). Два предмета из Верхне-Кизыльского клада, несмотря на изогнутость, являются двулезвийными ножами. У одного из них хорошо выражена рукоятка, отделенная от лезвия перехватом (рис. 6, 6), у второго вогнутый край заточен на всю длину, а противоположная сторона — лишь до перегиба, от которого начинается рукоятка (рис. 6, 5). В обоих случаях рукоятка, по-видимому, обматывалась кожей; вряд ли здесь можно предполагать деревянную обкладку.

Сопоставление конструкции всех верхнекизыльских пластин заставляет предполагать, что все они выполняли по несколько функций: по мере надобности употреблялись и как ножи, и как тупики-скобеля и, может быть, как серпы. К той же категории вещей относится орудие из Красноярского клада, представляющее собою пластинку длиной 18,5 см, шириной 1 см, отлитую в односторонней форме. У этого орудия наиболее острой частью является середина выгнутой стороны. Вогнутая сторона более тупая, но несет на себе как будто следы сглаженности от работы. По-видимому, прямые концы орудия закреплялись в рукоятку (ГИМ, инв. № 30889/95). Следовательно, и это орудие может быть тупиком (рис. 4, 1).

Однолезвийный изогнутый нож с лезвием, заточенным на всю длину, найден на селище Баланбаш (рис. 4, 5). Более оформлен двулезвийный нож из погребения на Мало-Кизыльском селище. Он представляет собою отлитую в односторонней форме слегка изогнутую пластинку с округлыми концами. На одном конце путем сплющивания краев ковкой образована рукоятка. Лезвия, наоборот, несколько оттянуты проковкой, причем с вогнутой стороны лезвие длиннее, чем с выгнутой (рис. 4, 3).

Абашевским серпом надо признать орудие, найденное на селище Баланбаш (рис. 4, 4). Оно во многом напоминает пластины Верхне-Кизыльского клада, но отличается от них большей асимметричностью, явным следом отлома рукоятки. Близкой к серпу из Баланбаша является вторая пластина из Красноярского клада (рис. 4, 2; ГИМ, инв. № 30888/95). Она также отлита в односторонней форме, имеет длину 18 см, ширину 2 см и утолщенную тыльную сторону в 0,3 см (у серпа из Баланбаша 0,3—0,4 см), но иначе оформленный конец для скрепления с рукояткой. Он приострен, чем напоминает одно из орудий Верхне-Кизыльского клада (рис. 6, 3), более других похожее на серп.

Можно указать еще находки пластинчатых орудий в районе Южного Урала. В Оренбургском музее хранится обломок сильно деформированного изогнутого пластинчатого орудия, найденный на севере Оренбургской области, у с. Зобова Шарлыкского района. Другая сходной формы пластинка из находок в районе златоустовского Урала имеется среди коллекций мисского музея.

Орудия, подобные описанным, не бытовали у племен андроновской и срубной культур. Вне абашевских памятников известен лишь один случай находки пластинчатого орудия абашевского типа. Это нож из кургана срубной культуры, исследованного у г. Аткарска Саратовской области (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 12, 12), близкий ножу из погребения на Мало-Кизыльском селище. Таким образом, имеются все основания считать, что пластинчатые орудия созданы были абашевскими племенами, возникли на уральской почве, восприняв форму ранее употреблявшихся каменных пластин.

Другой формой, сложившейся в пределах абашевской культуры, надо признать ланцетовидные ножи разных вариантов. Объединяющим признаком служит такая профилировка орудий, при которой лезвие незаметно переходит в черешок рукоятки: грань между лезвием и черешком, если отвлечься от заточенности первого, неуловима. Ланцетовидные ножи резко отличаются не только от ножей с выступами срубного типа, но и от полтавкинско-катакомбных. Простейшая форма ланцетовидного ножа представлена в кладе Царева кургана (рис. 4, 6). Сильнее выделяется черешок у ножа из Галичского клада и с селища Береговского II (рис. 4, 9). У последнего конец сильно расширяется, делается тупым, что сближает его с другим типом абашевских ножей — широкими тупоконечными ножами. Последние найдены в могильнике у с. Метев-Тамак на западе Башкирии (рис. 48, 12); (Збруева, 1958, рис. 5, 14) и в кладе Царева кургана (рис. 4, 7). Много общего с метевтамакским ножом у маленького ножа с тупым концом и параллельными лезвиями из Верхне-Кизыльского клада (рис. 6, 12), хотя здесь черешок четко отделен от лезвия двумя выемками на пластинчатой отливке (Тихонов, 1960, стр. 78). Таким образом, это орудие изготовлено типично абашевским способом и может быть также включено в группу пластинчатых.

И ланцетовидные и тупоконечные ножи не имеют ничего общего с ножами Нижнего Поволжья ямно-полтавкинского времени начала II тыс. до н. э., которые ведут свое происхождение с Северного Кавказа. Для последних характерен резко отделяющийся от клинка черешок и заостренный конец. Эти предшествующие по времени орудия не могут служить исходной формой для абашевских ножей, так как происхождение последних не связано с Нижним Поволжьем и Северным Кавказом, у них местные уральские корни. В основе ланцетовидных и тупоконечных абашевских ножей, по-видимому, лежит близкая форма безчерешкового ножа из энеолитической стоянки Кусы-Куль близ г. Миасса (рис. 4, 18)*, которая датируется первой половиной II тыс. до н. э.

Бронзовые наконечники копий, происходящие с территории абашевской культуры, по всей вероятности, имеют также местное происхождение.

* Раскопки автора 1937 г., хранится в Челябинском музее.

Этих предметов известно немного. Объединяющим для них признаком является несомкнутость кованой втулки. И в этом отношении они сближаются с фатьяновскими копьями из Балановского могильника (рис. 4, 17) (Кривцова-Гракова, 1947а, рис. 9, 12) и из поселения Ош-пандо (рис. 4, 16) (Степанов, 1950, рис. 17). Самыми близкими к копьё из Ош-пандо из найденных на Урале являются копьё клада у Долгой горы (рис. 8, 9) и случайная находка у г. Копейска близ Челябинска (рис. 4, 15). Прочие абашевские копьё имеют более развитую форму. Наконечники из Верхне-Кизыльского и Коршуновского кладов почти идентичны (рис. 6, 8). Абашевскими надо считать и более сложные формы копьё, например копьё, происходящее из Красноярского клада (рис. 8, 1). Оно отличается очень крупными размерами, его длина почти вдвое превышает длину верхнекизыльского копьё. У красноярского орудия намечается на середине пера в продолжение втулки образование трубки, которая типична для позднейших литых копий. Аналогичное копьё найдено в низовьях р. Уфы у с. Бахмутино (рис. 8, 2) и хранится в Стерлитамакском музее. Особенности красноярского и бахмутинского копий состоят также и в том, что сужение пера к втулке происходит постепенно, а не резко, как на верхнекизыльском наконечнике.

Несмотря на некоторые различия, все наконечники копий абашевских памятников датируются одним временем, поскольку в состав кладов, их содержащих, входят другие однотипные предметы. Клады Верхне-Кизыльский и Красноярский связываются через пластинчатые орудия. Коршуновский клад, включающий копьё верхнекизыльского типа, содержит клинки ножей, одинаковые с найденными в кладе у Долгой горы (рис. 8, 4).

Несколько кованых копий с несомкнутой втулкой известны среди находок на территории Чувашии и Татарии (Третьяков, 1948, рис. 20, 13; Tallgren, 1916, pl. VI, 7, pl. VIII; 5; Шрукенберг, 1901, табл. I, 3, табл. II, 5, 9). Форма некоторых из них близка абашевским. Все они не связаны с определенными комплексами и могут происходить из памятников абашевской культуры. Недавняя находка копьё с несомкнутой втулкой на поселении Заюрчим на Каме (Бадер, 1959 б, рис. 47, 6) имеет, очевидно, абашевское происхождение. Металлургия к турбинским племенам пришла с юга, с абашевской территории. Население Прикамья обязано абашевцам приобретением первых навыков освоения медных месторождений еще на гаринском этапе (Бадер, 1959б, стр. 119).

Большая примитивность фатьяновско-балановских наконечников копий по сравнению с абашевскими породила мнение о генетической зависимости последних от первых (Тихонов, 1960, стр. 33). Не оспаривая развитие абашевских копий, в особенности такой формы, как найденной в кладе у Долгой горы, из наконечников типа Ош-пандо, не можем не высказать предположение, что этот последний тип сам происходит с абашевско-уральской территории. Аналогичный наконечник найден и по другую

сторону Уральского хребта — близ Челябинска, в г. Копейске при закладке новой шахты (рис. 4, 15) (хранится в Челябинском музее). Обращают на себя внимание в обоих наконечниках — ошпандинском и копейском — две характерные черты: примитивность формовки втулки и асимметричность пера. Первое должно указывать на древность формы, второе, может быть, можно объяснить происхождением от слабо изогнутых пластин, из которых, как показано выше, абашевцы изготовляли разнообразные предметы. На территории срубной культуры копыя, близкие верхнекизыльскому типу, входили в состав инвентаря Покровского могильника (Рыков, 1927, рис. 24). Последний содержит и другие предметы сейминско-абашевских типов и, таким образом, отражает северные связи срубных племен.

Не рассматривая нередкие в абашевских памятниках находки металлических орудий таких форм, которые встречаются и в других культурах: шилья, крючки, долота, клиновидные плоские топоры, ножи-кинжалы с выступами у основания рукояти, несколько подробнее остановимся на вислообушных топорах.

Непосредственно из памятников абашевской культуры происходит только один вислообушный топор, найденный на территории Мало-Кизыльского поселения (рис. 8, 20). Он относится к тому типу, который В. А. Городцов именует узковислообушным (Городцов, 1916), а Б. Г. Тихонов включает в понятие камского типа (Тихонов, 1960). Эта разновидность рядом переходных форм связывается с предшествующим ему по времени фатьяновским вислообушным топором. По-видимому, между ними имеется и генетическая связь. Волго-Камье в археологической литературе давно выделяется в особую область с густыми находками вислообушных топоров (Tallgren, 1916, pl. XVI, 1; Спицын, 1928, стр. 483, рис. 1). Сейчас увеличилось число находок на Урале. Б. Г. Тихонов найденные на Урале и в Приуралье вислообушные топоры делит на три типа: фатьяновский (первая половина II тыс. до н. э.), камский (конец второй четверти II тыс. до н. э.) и южноуральский (вторая половина II тыс. до н. э.). Наличие переходных форм между первым и вторым типами затрудняет их разграничение. Их можно слить, учитывая район преимущественного распространения, в северный фатьяно-камский тип. Для него при значительном числе разновидностей объединяющим признаком будет косой срез верха втулки, в то время как у южноуральских топоров верх втулки находится в одной или почти в одной плоскости с верхней гранью топора. Нет четкой границы между районами распространения двух типов, на которые мы предлагаем разделить найденные на Урале вислообушные топоры, но она все же чувствуется. Большинство топоров фатьяно-камского лесного типа тяготеет к западному склону Урала, а южноуральского типа — больше распространены в южном Приуралье и юго-восточном Зауралье.

Различно, по-видимому, и их происхождение. Лесной тип развился из кавказских форм (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 59—60). На Кавказе име-

ются топоры, близкие по форме втулки (Куфтин, 1944, табл. II, 3—4; Джапаридзе, 1951, рис. 3, а). Дальнейшее развитие эта форма получила в Волго-Камье. О. Н. Бадер связывает такие топоры с балановскими культурными комплексами (Бадер, 1957, стр. 180). Ближе к истине мнение А. Х. Халикова, который считает возможным именовать этот тип топоров абашевским (Халиков, 1961 а). На широкое распространение таких топоров в районах абашевской культуры указывает и О. А. Кривцова-Гракова (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 60). Производство их абашевцами доказывается находками овальных в сечении глиняных вкладышей («шишек») на селищах Баланбаш, Береговское II, Мало-Кизыльское. Фатьяно-камского типа топоры найдены в ряде комплексов, территориально близких к абашевским памятникам или связанных с ними по происхождению: у дер. Миловка близ Уфы (ГИМ), в имении Соловка Бугурусланского уезда (Эрмитаж, колл. № 65), в Горбуновском торфянике, в Галичском кладе и на Царевом кургане, на Ананьинской дюне, и в других пунктах устья Камы (опубликованы Тальгреном и Штукенбергом).

Иная территория распространения и иное происхождение у топоров южноуральского типа. Топоры с прямым срезом верха втулки также есть и на Кавказе (Куфтин, 1944, рис. 8, 5; Крупнов, 1951, рис. 7, 6), но они характеризуются более широким лезвием в сравнении с южноуральскими и, может быть, являют собой так же, как и южноуральские, особую ветвь развития от общего корня — древнейших месопотамских трубчато-вислообушных топоров, которые имеют прямой срез верха втулки (Куфтин, 1944, рис. 7). Ссылаясь на наличие общих черт южноуральских топоров со среднеазиатскими гребневислообушными, Б. Г. Тихонов высказывает предположение о влиянии на эти топоры топоров из Средней Азии. Можно думать, что южноуральский тип развился из месопотамских форм через Среднюю Азию, в то время как фатьяно-камский вырос из того же корня, но при посредстве Кавказа. Есть достаточно оснований видеть в вислообушных топорах лесного типа орудия фатьяновско-балановских, абашевских и приказанских племен. Южноуральский тип связан с более южными уральскими источниками меди, которые разрабатывались срубными и андроновскими племенами. Абашевские племена топорами этого типа, по-видимому, не пользовались, неизвестны им были и кельты. Сейминского типа кельты бытовали на Урале и в Прикамье севернее района обитания абашевских племен, а южнее их территории известны находки других типов кельтов, связанных со срубной культурой.

Значительное число металлических изделий в памятниках абашевской культуры представлено украшениями. В подавляющем большинстве они происходят из погребений. Состав абашевских металлических украшений хорошо устанавливается по материалам из могильников на территории Чувашии. Но если мы обратимся к тем немногим абашевским памятникам Урала, где встречены украшения, то картина несколько не изменится.

Все, без исключения, предметы, известные с территории Чувашии, мы видим и в уральских памятниках: в Верхне-Кизыльском кладе, на селищах Урняк и Мало-Кизыльское, в могильнике у сел Метев-Тамак и Юкалекулево. Все украшения можно признать типичными для абашевской культуры, настолько часты их находки, но в одну категорию надо отнести такие типы предметов, которые абсолютно несвойственны другим культурам эпохи бронзы, к другой — предметы, встречающиеся и в соседних культурах. Чисто абашевскими надо считать бляшки-розетки (рис. 7, 7; 8, 22, 26), найденные в Абашеве, Алгашах, Катергине, Яндашеве, Огуби, Турунове, Ульянове (Буров, 1965), Кусееве, Мало-Кизыльском селище (рис. 7, 7, 8), Верхне-Кизыльском кладе (рис. 7, 22), Урняке (рис. 7, 26), Юкалекулево (рис. 3, 22, 23); височные спиральные серебряные колечки (рис. 7, 15) из Абашева, Алгашей, Катергина, Второго Виловатова, Тапшер, Нарташей, Пикшика, Земского, Тауш-касы, Тюрлемы, Троицкого, Турунова, Кугунура, Вильял, Васюкова, Криушей, Переславль-Залесского, погребения на Мало-Кизыльском селище; пронизки с ребристыми концами (рис. 7, 2, 24, 25) (Абашево, Алгаша, Встрече-Кизыльский клад, Мало-Кизыльское селище); браслеты круглые, треугольные или овальные в сечении с несомкнутыми заостренными концами (рис. 3, 24—28; 7, 27) (Абашево, Алгаша, Катергино, Туруново, Тапшер, Троицкое, Тюрлема, Тауш-касы, Пикшик, Второе Виловатово, Земское, Тюнино, Переславль-Залесский, Царев курган, Метев-Тамак, Урняк, Юкалекулево).

Перечисленные четыре вида украшений в андроновских памятниках совершенно неизвестны. У срубных племен Поволжья зарегистрировано только три случая проникновения абашевских бронзовых украшений. В Покровском могильнике и в кургане у г. Аткарска найдены браслеты описанного выше типа. Их абашевское происхождение признает и О. А. Кривцова-Гракова (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 15, 17, 18). В Покровском могильнике и в Аткарских курганах северное влияние сказывается, как отмечалось выше, и в находках орудий абашевских типов. В одном из срубных поселений у с. Бережновки оказались абашевского типа цилиндрические пронизки с поперечными рубчиками на концах (Синицын, 1959, рис. 31, 6). Интересно, что глиняный сосуд, входящий в инвентарь той же могилы, орнаментом из глубоких желобков также тяготеет к абашевской культуре, а браслету из круглого прута с заходящими один за другой концами имеются аналогии в курганах у с. Туруново (Марийская АССР), в находках на Мало-Кизыльском селище и в Галичском кладе.

Более многочисленна группа украшений, которые бытовали наравне с абашевскими также и у андроновских племен, — это желобчатые браслеты (рис. 7, 18, 19), очевидные привески (рис. 3, 16; 7, 23), полуплоские бляшки с отверстиями (рис. 7, 9), трубочки-спиральки (рис. 3, 19; 7, 3, 12), спиральные перстни, а также более редкие — желобчатые гривны (рис. 7, 21), полые браслеты (рис. 7, 17), гладкие пронизки

(рис. 7, 1), согнутые из пластинок, и кольцевидные бусинки из проволоки. Более того, за некоторыми из перечисленных украшений закрепилось представление об их андроновском происхождении. Таковы прежде всего желобчатые браслеты (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 66—69). Между тем, они известны лишь в западных районах распространения андроновской культуры, на востоке их нет. С. В. Киселев при перечислении андроновских украшений Южной Сибири браслетов совсем не упоминает (Киселев, 1951). Поскольку желобчатые браслеты обычны и в абашевских памятниках, в том числе и таких удаленных от андроновских пределов, как Галичский клад и курганы у с. Тюнино, племена абашевской культуры, на наш взгляд, имеют больше основания считаться творцом этого типа украшений. Желобчатые браслеты представлены почти в каждом абашевском могильнике (Абашево, Алгаши, Катергино, Тюнино, Таушкасы, Юкалекулево), входят в состав кладов (Верхне-Кизыльский, Галичский), найдены на Мало-Кизыльском селище. Нет сомнения, что многие, если не все, описываемые типы украшений изготовлялись и западноандроновскими племенами. Это хорошо доказывается находками матриц на Алексеевском селище. Но по насыщенности такими украшениями абашевские памятники богаче андроновских. Если сейчас ограниченность материала еще не позволяет установить, в среде каких племен вырабатывались эти формы, то рассматривать все их как типичные только для андроновской культуры все же нельзя.

С большим основанием можно отнести к андроновским формам кольцевидные бусы, согнутые из отрезков проволоки, и трубчатые браслеты на деревянном каркасе. Первые встречены только в одном абашевском памятнике — могильнике Метев-Тамак, для андроновских же погребений они — весьма обычны. Браслеты на деревянном каркасе найдены лишь на Мало-Кизыльском селище, в то время как с андроновской территории они известны шире.

Таким образом, абашевские памятники весьма богаты металлическими изделиями, что в первую очередь объясняется благоприятными природными условиями. Не подлежит сомнению, что Урал питал значительную, если не сказать огромную, территорию металлом. В разработке медных месторождений южного Приуралья в эпоху бронзы участвовали андроновские и срубные племена. В более северных районах Южного Урала ведущая роль, по-видимому, принадлежит абашевским племенам. Уже сейчас при наличии ограниченного материала выделяется значительное число форм орудий и предметов украшений, которые с полным основанием можно назвать абашевскими: орудия из изогнутых пластин — типики, скобели и ножи верхнекизыльского типа; серпы баланбашского типа; ланцетовидные и тупоконечные ножи, копья верхнекизыльского и красноярского типов; бляшки-розетки, височные серебряные колечки, пронизки с ребристыми концами, круглые, треугольные или овальные в сечении браслеты

с несомкнутыми заостренными концами. Возможно абашевское происхождение желобчатых браслетов.

С абашевской культурой тесно связан и один из способов плавки руды — плавка в плоских чашах на ножках. Этот способ у абашевских племен был заимствован их соседями — племенами среднего и южного Зауралья, которые также пользовались медными месторождениями Урала. Единичные находки обломков плавильных чаш баланбашского типа известны на андроновском поселении у с. Кипель, на стоянках эпохи бронзы близ Свердловска: Коптяки 2, Коптяки 5, Палкино. На стоянке Коптяки 5 найден обломок оплакованного края такой чаши (колл. Свердл. музея).

Вопрос об источниках металла, о месторождениях меди, которыми пользовались абашевские племена, в последнее время проясняется. Спектральный анализ состава металлических изделий абашевских памятников Среднего Поволжья, проведенный Е. Н. Черных (1964), позволил ему говорить о двух источниках абашевского металла. Одним источником предположительно являются медистые песчаники Среднего Поволжья и Приуралья. Другое месторождение, дававшее мышьяковистую медь, было общим для абашевцев и турбинцев. Состав мелких примесей в изделиях из мышьяковистой меди, найденных на территории расселения этих племен, показывает, что это не кавказский металл. Абашевский мышьяковистый металл, очевидно, уральского происхождения. Сравнительно легкодоступное месторождение мышьяковистой меди известно в зауральской юго-восточной Башкирии, в районе Бакр-Узяна (по сообщению Е. Н. Черных). Выборочный анализ 24 металлических предметов из абашевских памятников Южного Урала, сделанный в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР под руководством Е. Н. Черных, показал (см. табл. 4), что только четыре вещи не содержат мышьяка, в остальных установлена концентрация этого элемента в размерах 0,25—2,5%. Весьма интересно, что все 12 предметов из Зауралья, а именно из состава Верхне-Кизыльского клада и из находок на Мало-Кизыльском селище, изготовлены из мышьяковистой меди, а из 12 предметов приуральских памятников (Баланбаш, Урняк, Долгая гора, Нижне-Чуракаево, Береговское) четыре вещи мышьяка не содержали. Имеется различие и в составе второстепенных примесей. Зауральские предметы не содержат примеси олова, за исключением копыя из Верхне-Кизыльского клада (0,001%), в то время как этот элемент обнаружен в семи из двенадцати приуральских находок, правда в очень незначительной концентрации (0,0007—0,007%). Золото (0,001—0,03%) содержится в десяти предметах из Зауралья и только в двух из Приуралья. Очень устойчиво во всех предметах содержание серебра (0,025—0,04%, в одном случае — 0,9%, в другом — 0,0013%) и никеля (0,0015—0,08%), а также железа (0,001—0,75%). Важно отметить, что самая низкая концентрация железа (0,001—0,002%) оказалась в трех из четырех предметов, не содержащих

Т а б л и ц а 4. Результаты спектрального анализа металлических изделий из абашевских памятников

<i>Место находок</i>	<i>Предметы</i>	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Fe	Ni
Верхне-Кизыль-ский клад	Копье	0,001	—	1,8	0,011	0,04	0,01—0,3	0,045	0,07
	Нож (?)	?	—	2,4	0,008	0,03	0,01—0,03	0,06	0,07
	Браслет	?	—	2,2	—	0,03	0,01—0,03	0,1	0,08
	Гривна	—	0,0035	0,25	—	0,03	—	0,14	0,004
	Серп	—	0,002	0,65	—	0,025	0,003—0,01	0,17	0,025
	Бляшка-розетка	—	?	1,9	—	0,03	—	0,12	0,003
	Тесло (?)	—	0,006	0,6	—	0,05	<0,001	0,05	0,04
Мало-Кизыльское селище	Браслет МКС-12	?	—	1,7	—	0,03	0,01—0,03	0,75	0,06
	Браслет МКС-11	—	—	2,2	—	0,03	0,01—0,03	0,8	0,06
	Рыболовный крючок	—	—	0,6	—	0,025	<0,001	0,05	0,01
	Шило	—	0,011	1,4	—	0,04	0,003—0,01	0,4	0,017
	Стержень-заготовка	—	0,5	2,5	?	0,03	0,01—0,03	0,03	0,05
Баланбаш	Стержень Б-1057	0,0008	?	0,3	—	—	—	0,05	0,007
	Нож (Серп)	0,0007	0,001	—	—	0,03	—	0,001	0,002
	Шило	—	—	1,6	—	0,9	0,003—0,01	0,12	0,03
	Обломок серпа	0,0008	0,0015	0,07	—	—	—	0,12	0,0015
Селище Урняк	Бляшка-розетка	0,007	—	—	—	0,04	—	0,002	0,003
	Браслет	0,005	—	—	—	0,0013	—	0,002	0,0035
	Сплёск СУ-1800	?	0,005	0,5	—	0,02	?	0,35	0,007
Нижне-Чуракаево	Нож	0,001	—	2,0	—	0,025	—	0,08	0,06
	Обломок ножа	—	—	—	—	0,03	—	0,15	0,015
Клад у Долгой горы	Шило	?	0,001	1,6	—	0,02	—	0,16	0,0025
	Гарпун	—	—	1,4	—	0,03	—	0,12	0,004
Береговое селище	Шило	0,25	0,01	0,7	0,06	0,4	0,003—0,01	0,003	0,013

мышьяка. Таково же сочетание в двух группах абашевских металлических изделий из Среднего Поволжья.

Можно прийти к заключению, что по составу металла абашевские памятники Южного Урала также делятся на две группы, но в то время как на Средней Волге найдено лишь несколько предметов из мышьяковистого металла, на Южном Урале в эту группу входит подавляющее большинство известных изделий.

После анализа предметов из памятников Южного Урала с большей уверенностью можно говорить об уральском, точнее зауральском, происхождении части абашевского металла вообще и металла южноуральских памятников в особенности. Мало-Кизыльское селище и Верхне-Кизыльский клад, найденный на территории этого поселения, расположены всего в 100 км от бакр-узякского месторождения мышьяковистой меди, которое, очевидно, и служило источником металла для зауральских абашевцев. То же месторождение, по-видимому, давало металл и абашевским племенам западной Башкирии и Среднего Поволжья. Анализ шлаков с селищ Баланбаш и Урняк обнаружил в них до 0,5—1% мышьяка. Следовательно, предметы из мышьяковистой меди не поступали сюда в готовом виде, а отливались из зауральской руды обитателями этих поселений.

Находки в абашевских поселениях на берегах среднего течения р. Белой медистых песчаников и конгломератов указывают на использование здесь и местных ресурсов.

Добыча металла и изготовление металлических изделий абашевскими племенами на Урале производились не только для удовлетворения внутренних потребностей, а в известной мере и для обмена, и не только с соседними племенами. Анализ ранних медно-бронзовых изделий из могильников турбинской культуры Прикамья указывает на их зауральское происхождение и исключает использование для их изготовления ближайших к месту их находки месторождений пермских медистых песчаников (Бадер, 1964, стр. 162—163; Черных, 1964, стр. 103).

В металлических изделиях турбинских могильников обнаруживается присутствие мышьяка (Абрамович, 1956), что связывает их с абашевским металлом. Кстати, и большинство форм медных изделий из этих могильников также находит себе аналогию среди абашевских памятников. Только около XIII в. до н. э. племена Прикамья начали добывать металл из местных руд — медистых песчаников (Бадер, 1956, стр. 32), вероятно, перенимая методы металлургического производства у абашевцев.

Уральский металл шел, как показал химический анализ, к абашевским племенам Среднего Поволжья. Типологические сопоставления позволяют напомнить о знаменитом Галичском кладе, не говоря уже о таких более близких комплексах абашевских изделий, как Коршуновский клад и находки на Царевом кургане. Отдельные абашевские изделия проникали в среду племен срубной культуры Нижнего Поволжья. По лесной полосе

уральские изделия абашевских форм доходили до Прибалтики. В Эстонии в могильнике Кивисааре, относящемся к концу II тыс. до н. э., найден серп или кривой нож (Янитс, 1952, рис. 15, 6), аналогичный орудиям из абашевских памятников Урала. Приведенные примеры свидетельствуют о мощи уральского металлургического очага, связанного с деятельностью в этой области прежде всего абашевских племен.

Возникновение абашевской металлургии нужно относить к сравнительно раннему времени. Пластинчатые орудия и абашевские ножи выглядят архаично и своеобразно. Все металлические предметы абашевских памятников Урала относятся к середине II тыс. до н. э. и не выходят за пределы его третьей четверти.

Широкое распространение медных месторождений, наличие медистых песчаников и конгломератов, нередкие находки кусков и глыб самородной меди создавали на Южном Урале условия, благоприятствовавшие самостоятельному возникновению металлургии меди. Бесспорным доказательством того, что население Южного Урала вполне самостоятельно дошло до разработки рудных богатств и освоило изготовление металлических изделий, мы не располагаем, но такую возможность полностью отрицать нельзя.

Уже в памятниках первой половины II тыс. до н. э. в этом районе появляются изделия из меди, на что указывает находка ножа на поселении Кысы-куль. На Каме подобные находки относятся к концу III тыс. до н. э., а от второй четверти II тыс. до н. э. сохранились первые следы плавки (Тихонов, 1960, стр. 57). Своеобразие ряда форм абашевских металлических предметов также говорит в пользу самобытности южноуральского металлургического очага.

При том уровне развития скотоводства и земледелия, которого достигли абашевские племена, не требовалось повседневного напряжения сил всей родовой общины, что типично для охотничье-рыболовецких племен. Абашевцы имели возможность выделить необходимую рабочую силу для добычи руды, ее плавки и изготовления металлических орудий и других предметов. Больше того, в абашевских общинах имелись мастера, специализировавшиеся на производстве металлических изделий. Прекрасной иллюстрацией этому положению может служить исследованное А. Х. Халиковым в Марийской АССР у с. Пепкино Горно-Марийского района погребение металлурга. При нем был найден целый набор инструментов литейщика: глиняная форма для отливки вислобушного топора, два глиняных тигля-чаши баланбацкого типа, молот и растиральная плита для измельчения руды, каменные и костяные молоточки, шлифовальный (Халиков, доклад на пленуме Института археологии АН СССР, 1961).

В середине II тыс. до н. э. абашевский металлургический очаг достиг такого развития, что полностью обеспечивал потребности населения в металле, и появилась возможность снабжать им соседей. Весьма показатель-

но, что проникавшие с востока вещи сейминских типов как бы обходили районы расселения на Урале абашевских племен, их поток шел более северным путем из Западной Сибири в Прикамье, Среднее Поволжье и далее на запад. Влияние среднеобского очага (Косарев, 1963) на Южный Урал можно полностью отрицать.

Этого нельзя сказать о связи абашевцев с другим древнейшим в нашей стране металлургическим очагом — Кавказом. Существует мнение, что топоры камского (абашевского) типа происходят через фатьяновский тип от кавказских топоров новосвободненского типа (Городцов, 1915; Тихонов, 1960, стр. 57), а балановские наконечники копий — от черешковых копий новосвободненского этапа развития бронзы Северного Кавказа (Тихонов, 1960, стр. 34). Типологическая схема развития топоров: новосвободненский — фатьяновский — камский — не вызывает возражения, но ограничивать Средним Поволжьем район, где происходило формирование фатьяновского типа топоров, не следует. Основание для такого ограничения видят в широком распространении фатьяновского типа в Среднем Поволжье (Тихонов, 1960, стр. 61). А почему этот процесс не мог протекать и на Южном Урале? Правда, здесь находок топоров меньше, но все же они есть. У с. Кара-Якупово Чишминского района в Башкирии (рис. 24, 13; хранится в Ленинграде, в Эрмитаже, колл. № 363), близ ст. Колтубанка в Оренбургской области (рис. 23, 13; Гольмстен, 1928) и у с. Старый Буян Куйбышевской области (рис. 23, 14; ЗРАО, 1896, рис. 35) обнаружены топоры, близкие новосвободненским. Природные же ресурсы говорят в пользу Южного Урала, а не территории фатьяновской культуры. Развитие балановских копий можно было связывать со Средним Поволжьем, пока их находки ограничивались этим районом. Но обнаружение того же типа наконечников в г. Копейске близ Челябинска позволяет на этот вопрос взглянуть по-иному. Не обязательно генетическую цепочку в данном случае тянуть с Кавказа. Как показано выше, некоторые формы балановских копий могли развиваться из пластинчатых орудий.

Вообще следует заметить, что при решении вопроса об истоках той или иной формы количественный признак не всегда можно возводить в абсолют. Не нужно забывать историю археологических открытий в соответствующей области. Среднее Поволжье, район устья Камы богаты находками медно-бронзовых орудий. Но многочисленность бронзовых изделий с этой территории рискованно относить за счет более высокого уровня развития местной металлургии по сравнению с другими районами, в том числе и Южным Уралом, где находок металлических изделий меньше. Своим богатством коллекции, происходящие из района Казани, обязаны энергии собирателей-казанцев: Лихачева, Н. Ф. Высоцкого, В. И. Заусайлова и др.

На уровне современных знаний можно говорить о существовании в эпоху бронзы металлургических очагов как в Нижнем Прикамье (Збруева, 1957), так и на Южном Урале. Весьма вероятно, что они взаимно влияли

друг на друга. Эта вероятность усилится, если принять во внимание, что в обоих районах обитало родственное население: и тот и другой район связаны с обитанием абашевских племен.

Изделия из камня и кости

Широкое пользование металлом объясняет, почему в абашевских памятниках мало изделий из камня. Камень, а также кость привлекали для изготовления таких предметов, где применение металла было нецелесообразно. Из металла делали предметы, которые требовали при изготовлении большой затраты времени и определенных навыков — это наконечники стрел (Мало-Кизыльское и Береговское I селища, рис. 5, 6, погребение у г. Кургана), ножевидные пластинки с ретушью (Мало-Кизыльское селище; рис. 5, 3—5), сечение ножевидной пластинки, может быть, вкладыш (Баланбаш). Но там, где можно было использовать для работы камни, например гальки, без обработки или с затратой небольших усилий, их широко применяли. На всех абашевских памятниках бросается в глаза большое число разнообразных галек и обломков плит. Гальки по форме и следам от работы определяются как песты, терочники, отбойники, утюжки, ложила, молоты — дробители руды. На Мало-Кизыльском селище из гальки путем небольшой подправки сделана мотыга (рис. 5, 10). Нередки находки плит, а еще чаще их обломков, которые использовались в качестве зернотерок и для шлифования каменных изделий (рис. 5, 12). Имеются две находки, которые свидетельствуют о местном изготовлении шлифованных и сверленных каменных орудий. На селище Урняк найден крупный обломок сверленного топора-молота (рис. 5, 9), а на поселении Баланбаш — каменный стержень, получившийся при изготовлении полым сверлом отверстия, очевидно, такого же топора.

Два кремневых наконечника стрел, обнаруженных на Мало-Кизыльском селище, имеют листовидную форму (рис. 5, 1, 2), масса аналогий которой известны на памятниках лесных культур, в том числе и на Урале. Подобная форма не встречается в степных памятниках: для андроновских наконечников бесчерешковых стрел характерной надо признать подтреугольную форму с широким основанием; у малокизыльских же наконечников наибольшая ширина находится в средней части, а к основанию они суживаются. На селище Береговское I было также найдено два кремневых наконечника, но другой формы — черешковые. Условия находки их на этом двуслойном памятнике таковы, что трудно определить, к какому из слоев они относятся: к абашевскому или срубному. Впрочем, один из этих наконечников, по его форме, больше основания рассматривать как абашевский (рис. 5, 6). Его треугольное перо в основании заканчивается коротким широким также треугольным черешком. Полная аналогия этому наконечнику имеется в Абашевском могильнике (Смолин, 1928, рис. 24), и вообще этот близкий сейминским тип часто встречается в абашевских

комплексах (см. сводку — Мернерт, 1961, стр. 155). Очевидно, ту же форму имел наконечник из погребения у г. Кургана, но черешок у него отломан.

Из других каменных изделий надо отметить найденную на Мало-Кизыльском селище модель булавы с шестью массивными выступами (рис. 5, 11). Предмет изготовлен из какой-то мягкой породы. Один из выступов модели толще других. Он, вероятно, служил для формовки втулки булавы. Сверленный топор-молот с селища Урняк сохранился почти на две трети полной величины, что позволяет точно восстановить его форму. Он стоит близко к некоторым наиболее простым типам фатьяновских топоров, но не может быть отнесен ни к одному из типов классификации Городцова. Ближе всего он к форме топора, рисунок которого Городцов приводит в тексте (Городцов, 1916, рис. 3, 4), а также к некоторым орудиям из фатьяновских могильников: Балановского (Бадер, 1940, рис. 21, 2), Фатьяновского (Спицын, 1903а, рис. 50), Вауловского (Крайнов, 1941, табл. I, 2—4) и Лихачевского (Бадер, 1937, стр. 25, рис. 5), но отличается от них узким обухом. Для топора-молота с селища Урняк характерно очень близкое к обуху расположение отверстия и перегиба щек. Его можно назвать ромбическо-клиновидным с узким обухом. Чтобы закончить перечисление каменных изделий, надо указать на находку на селище Урняк скульптурного грубого изображения головы человека. Как предмет ритуального назначения эта скульптура будет рассмотрена ниже.

Для изготовления орудий труда, предметов быта и вооружения абашевскими племенами применялись также кость и рог. Много предметов из этих материалов найдено на селище Баланбаш: листовидный наконечник стрелы, полную форму которого трудно восстановить из-за отсутствия черешка; обломок однолезвийного ножа, очень схожего по форме с некоторыми бронзовыми абашевскими ножами; обломок рукоятки, по-видимому ножа, со сквозным отверстием; поделка в форме лопаточки неизвестного назначения, долотовидное узкое лопило на конце необработанного обломка длинной кости.

Особенно интересна костяная поделка в виде округлой формы столика на трех заостренных ножках и с двумя отверстиями сверху (рис. 8, 19). По аналогии с псалиями из шахтных городищ Микен XVI—XV вв. до н. э. (Лесков, 1964) это изделие можно уверенно рассматривать как псалий и на этом основании утверждать, что абашевским племенам Приуралья в середине II тыс. до н. э. было знакомо транспортное коневодство.

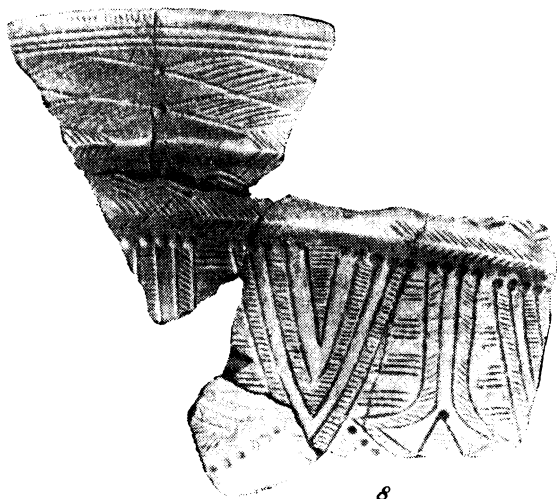
На том же поселении найдены также три обломка кости и кусок рога, которые не представляют собою законченных изделий, но несут на себе следы обработки: на куске трубчатой кости видны четкие признаки поперечного отпила, на другом куске кости и на куске рога ясно заметны продольные срезы, образующие грани. Длинные ровные следы срезов указывают на предварительную подготовку кости распариванием.

С селища Урняк происходят костяные наконечник стрелы с длинным черешком, шило и ложило на конце трубчатой кости. Сюда же можно присоединить два предмета ритуального назначения: бабку и мелкую кость с грубо пробитыми сквозными отверстиями в середине. Костяные стрелы, аналогичные или близкие найденной на селище Урняк (рис. 8, 12), известны и на других абашевских памятниках: среди находок на Царевом кургане (рис. 8, 11) и в могильнике у с. Метев-Тамак (рис. 8, 10, 15—18). Очевидно, типичными для абашевской культуры надо признать костяные наконечники стрел с длинным черешком, хотя в Чувашии в могильнике Тауш-касы один из двух найденных там наконечников имел очень короткий черешок (Акимова, 1950); этим наличием жалец он близок кремневым наконечникам сеймитского типа (рис. 8, 14). Жальцами снабжены и костяные наконечники из могильника Метев-Тамак, селища Урняк и из Царева кургана на Волге.

Кремневый и костяной инвентарь абашевских памятников Южного Урала слишком малочислен, чтобы он мог много дать для характеристики культуры. Ограничимся лишь констатацией факта применения камня и кости для изготовления орудий, необходимых в земледелии, охоте, металлургии, домашнем быту и, вероятно, в военном деле.

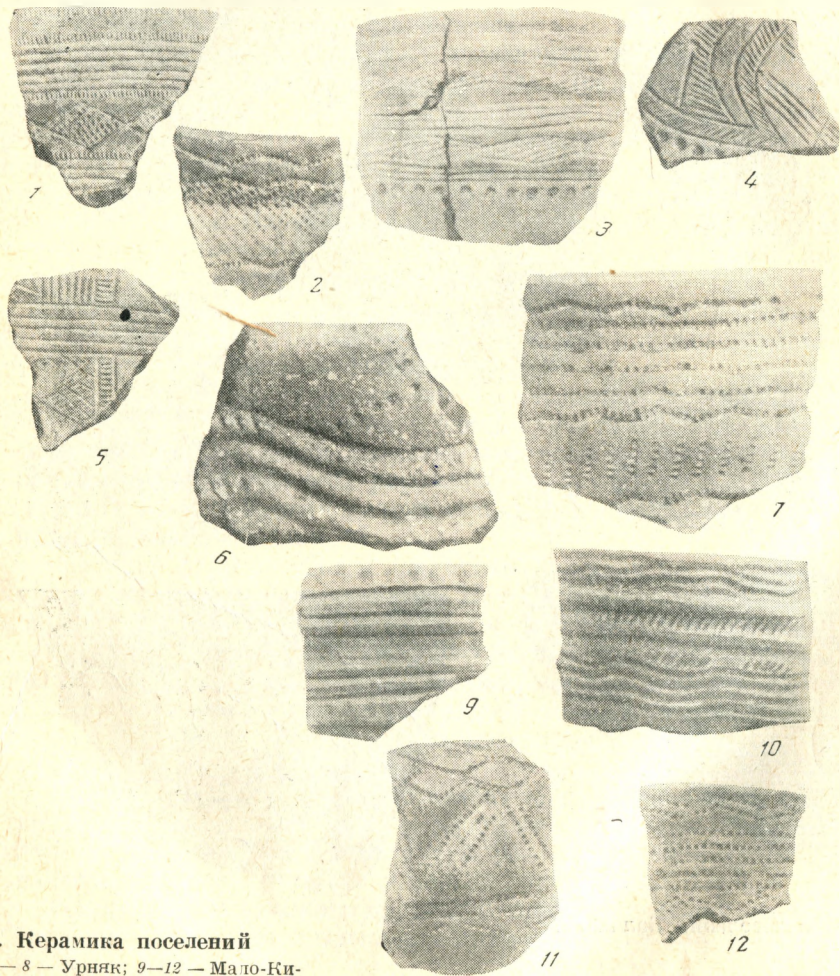
Исключение составляет костяной псалий с селища Баланбаш. Он служит ярким доказательством использования лошади в качестве транспортного животного, а далекие аналогии ему в странах Средней Европы и Восточного Средиземноморья середины II тыс. до н. э. свидетельствуют о направлении связей и подтверждают датировку приуральского Абашева.

Керамика абашевских памятников Южного Урала по своему назначению разбивается на бытовую и производственную. Основная масса представлена бытовой посудой, меньшее количество обломков принадлежит плавильным чашам на ножках. Посуда южноуральских абашевских поселений в основной массе представлена одинаковыми типами и одинаковыми элементами орнамента. И все же в керамике каждого памятника имеются особенности, носящие до-

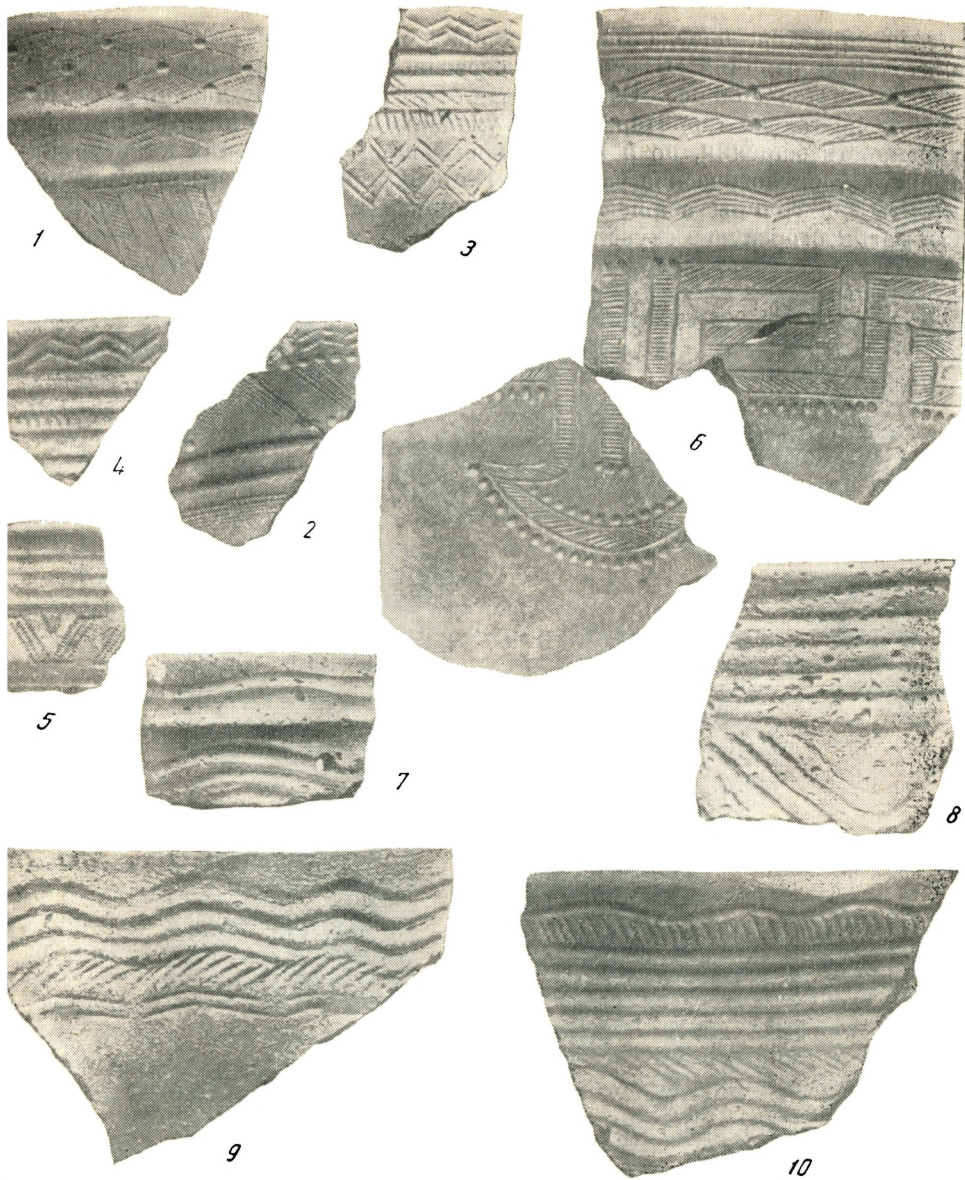

кальный характер: посуда близких территориально поселений не имеет значительных отличий. В керамике обособленных памятников своеобразие сказывается сильнее. Следует отметить, что в этом явлении имело значение не только территориальная удаленность и связанная с этим затрудненность общения, но и неодинаковые влияния соседних культур и, возможно, хронологические различия. По особенностям в керамике можно наметить три группы абашевских памятников Южного Урала: башкирскую, магнитогорскую и зауральскую.

9. Керамика поселений

1 — 8 — Урняк; 9—12 — Мало-Кизильское

10. Керамика поселения Баланбаш

В глине бытовой посуды башкирской группы памятников (в эту группу мы включаем все поселения и отдельные находки керамики в западной Башкирии, а также могильники Метев-Тамак Юкалекулевский и Нижне-Чуракаевский) обычна большая примесь толченых раковин. Поверхность посуды тщательно сглаженная, иногда лощеная, но от выпадения частичек раковин на ней получаются характерные рябинки. При очень большой примеси раковин уменьшается степень прочности, и черепок в изломе легко крошится, что крайне затрудняет реставрацию посуды. Плавильные чаши отличаются грубостью лепки, неровностью поверхности, часто отсутствием примеси раковин. Для бытовых сосудов крупных размеров это дополнение к глине также не характерно.

В Магнитогорском районе, где исследовано только одно Мало-Кизыльское селище, плавильных чаш не найдено. Другая здесь и примесь к глине. Вместо толченых раковин пользовались примесью талька, которая включалась в глину иногда в большом количестве, что типично для восточноуральской керамики и других культур. Эта особенность керамики Мало-Кизыльского поселения обеспечивала ей хорошую прочность и устойчивость на излом. Изредка встречаются обломки сосудов с грубым штриховым заглаживанием внутренней поверхности, чем они напоминают неолитическую посуду лесного Зауралья.

Такой же состав глины прослеживается и в керамике Юкалекулевского могильника, в котором часть сосудов имеет примесь раковин, а в глину другой части включены зерна талька.

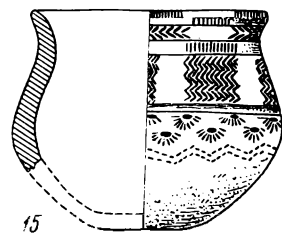
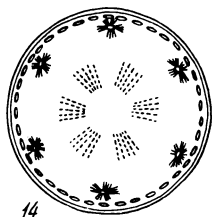
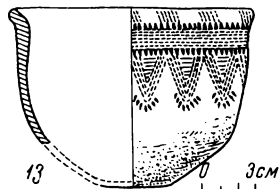
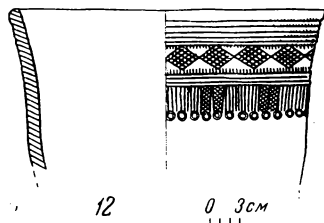
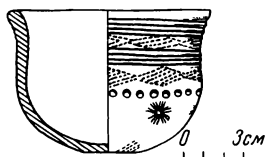
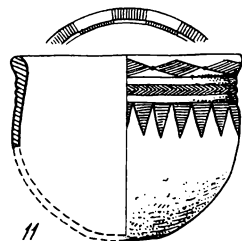
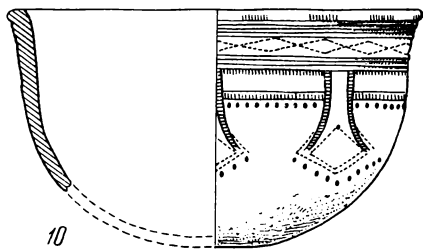
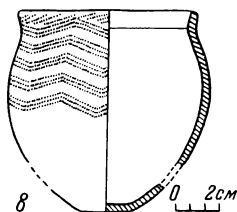
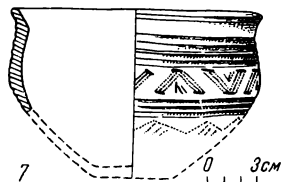
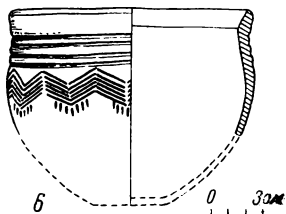
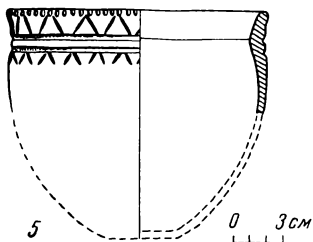
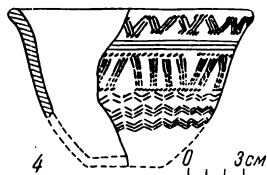
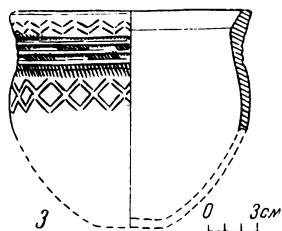
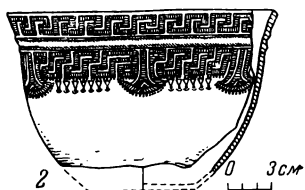
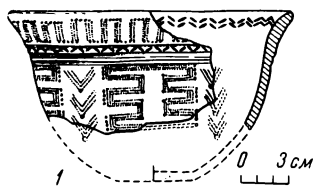
Зауральскую группу составляют могильники у с. Степного и у г. Кургана. По составу теста сосудов в одних случаях наблюдается полная аналогия с посудой из стерлитамакских памятников (черепок рыхлый, с большим количеством толченой раковины), в других примесью служат, как и в магнитогорском районе, зерна талька и, наконец, в некоторых сосудах в глине нет никакой примеси.

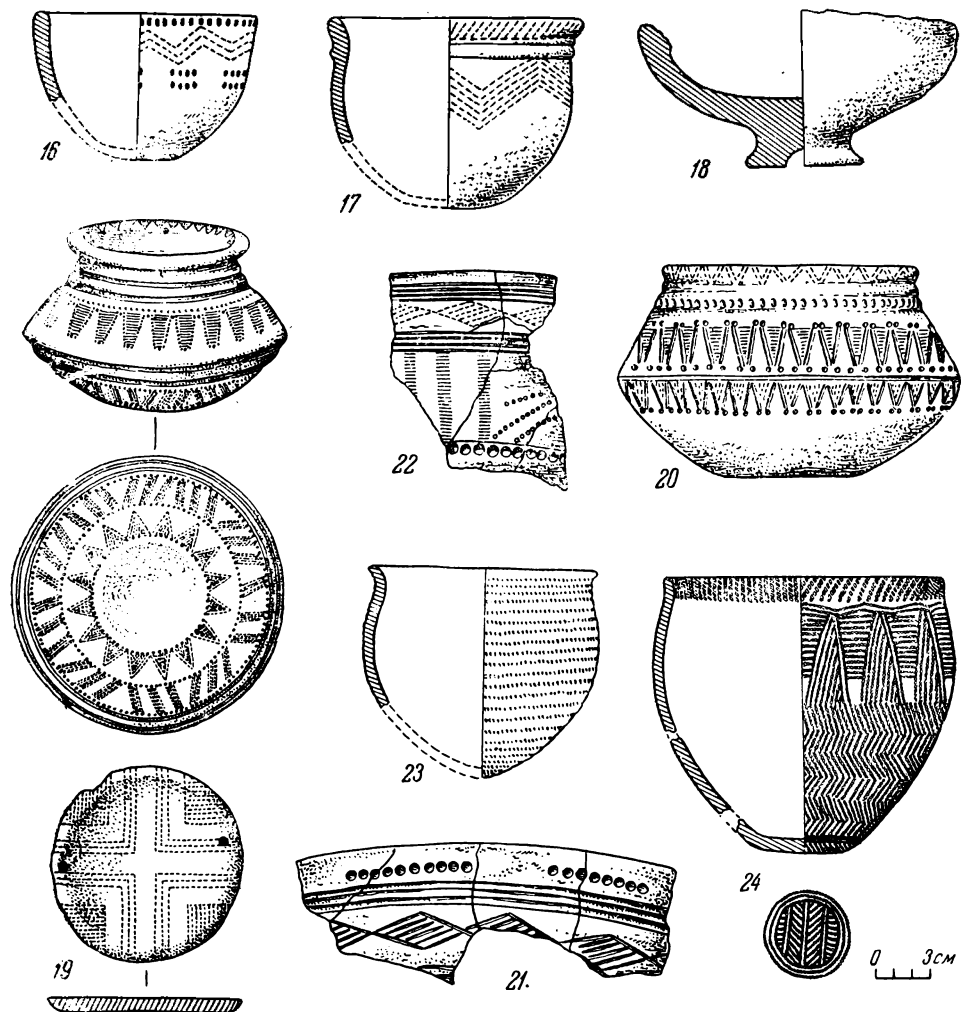
Описание форм сосудов и орнамента керамики целесообразнее сделать по каждому району в отдельности. Начнем с башкирского, где исследования произведены на четырех селищах и трех могильниках.

Первую группу составляют довольно многочисленные сосуды колоколовидной формы. У них нет выраженного горла, часто диаметр устья сосуда превышает диаметр тулова; край обычно отогнут, но без резкого ребра изнутри. Дно плоское, с мягким переходом к стенкам (рис. 11, 1, 2, 4 10, 12, 14).

Вторая группа широко представлена горшками с низким широким горлом, округлым туловом, диаметр которого незначительно превышает диаметр устья сосуда. Край отогнут с резким ребром изнутри. Форма дна аналогична форме дна сосудов первой группы (рис. 11, 3, 5, 6, 8).

Третья группа занимает промежуточное место между первой и второй. С первой ее сближает превышение диаметра устья над диаметром тулова,

11. Сосуды

1—9, 18, 20— Баланбаш; 10—17— Урняк; 19— Метев-Тамак; 21, 22— Береговское II; 23; 24— Чебаркуль

со второй — довольно выпуклое тулово и достаточно четкое ребро изнутри у края (рис. 11, 13, 17).

В четвертую группу входят не часто встречающиеся небольшие сосудики с суженным горлом, расширенным туловом, острым ребром на половине высоты. Они известны по находке в Верхне-Кизыльском кладе (рис. 11, 15, 19, 20).

В пятую группу можно отнести некоторые сосуды, занимающие по форме промежуточное положение между горшками и острореберными сосудиками (рис. 11, 7).

Шестая группа представлена небольшим количеством маленьких чашечек, иногда со сферическим дном (рис. 11, 9, 16). Круглодонность для крупных сосудов не установлена, но не исключена.

В седьмую группу можно объединить несколько сосудов баночной формы.

Наконец, восьмую группу составляют плавильные чаши на ножках (рис. 11, 18).

Большинство сосудов украшено богатым и разнообразным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, резьбой или оттисками округлого острия (ямки). Часто на одном сосуде применялись все технические приемы нанесения орнамента. Орнаментальная полоса лишь в единичных случаях заходит на нижнюю половину сосуда. В большинстве случаев на одном сосуде комбинируются различные элементы узора, что на первый взгляд затрудняет группировку керамики по типам орнамента. Но на основе преобладающих в рисунке мотивов можно выделить сосуды с орнаментом: 1) геометрическим, 2) желобчатым, 3) волнисто-желобчатым, 4) зигзагообразным. Кроме того, есть небольшое количество фрагментов, не входящих ни в одну из этих групп.

Ни одного фрагмента круглого или конического дна на селищах Башкирского района не встречено, за исключением днищ очень маленьких сосудов-чашек. Абашевскую посуду этого района следует признать в основном плоскодонной. Обломки плоских днищ во всех случаях характеризуются мягким, без резкой грани переходом к стенкам, чем абашевская посуда отличается от сосудов срубных и андроновских племен.

Бросается в глаза, что, несмотря на большое количество фрагментов, найденных на селище Баланбаш, в керамике этого памятника не встретились некоторые рисунки, присущие другим памятникам того же района, — селищам Береговское II и Урняк. На ряде сосудов с орнаментом геометрического типа, происходящих с двух последних селищ, значительное место в рисунке занимают пояса, состоящие из крупных прямоугольников, ограниченных вертикальными заштрихованными полосами. Внутри эти прямоугольники в одних случаях заполнены полосами из ромбической сетки (Береговское II), в других — заштрихованными ромбами (Урняк, рис. 9, 5). У керамики селища Урняк можно отметить еще ряд особенно-

стей. Заштриховка вертикальных полос не всегда производилась горизонтально, как на Баланбаше, а иногда перекрещивающимися наклонными линиями (рис. 11, 12). Известен один сосуд, орнамент которого состоял только из нескольких рядов полос, заполненных группами вертикальных линий в шахматном порядке. Орнаментальная зона на некоторых сосудах заканчивалась группами вертикальных заштрихованных полос и вертикальных отрезков прямых линий в различных сочетаниях (рис. 11, 12). Наконец, из 1623 фрагментов, найденных на селище Урняк, ни на одном не обнаружен меандровый орнамент, столь обычный на других поселениях башкирской группы.

К особенностям орнаментики сосудов с селища Береговское II надо отнести отдельные случаи расположения ямок вдоль края сосуда группами по 8—12 с интервалами (рис. 11, 21), а также образование из четырех ямок крестообразной розетки. Большой удельный вес, чем в других поселениях, занимают фрагменты с геометрическим орнаментом, но нет меандровых узоров. Впрочем, при небольшом количестве обломков керамики (255) такой подбор мог получиться и случайно.

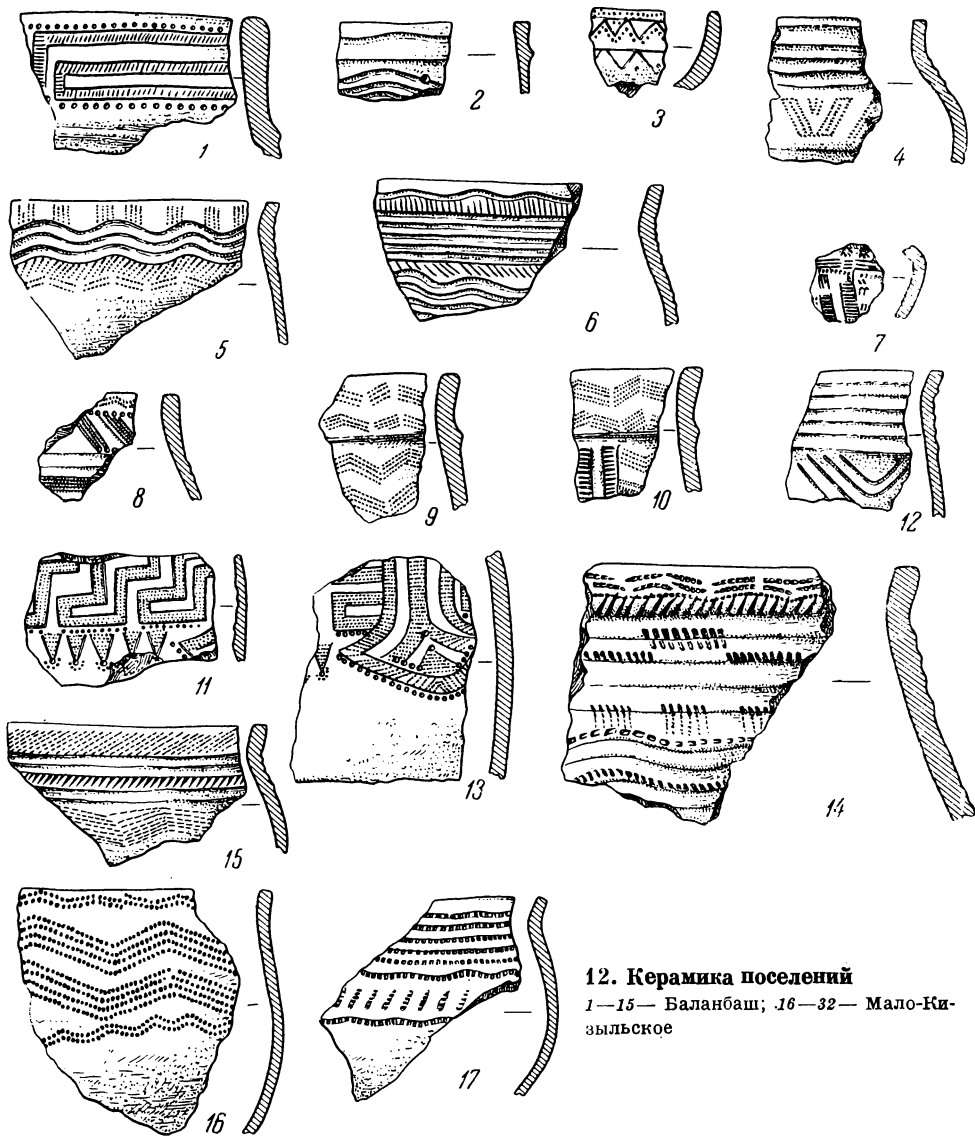
Производственная керамика представлена тиглями в форме мелких круглых чаш на одной, часто полый, ножке.

Самые обильные находки обломков чаш сделаны на селище Баланбаш, где их оказалось 71 экземпляр на строго ограниченной площади.

Описанными группами не исчерпывается все разнообразие орнаментальных типов керамики. За пределами этих групп остаются редкие единичные фрагменты, украшенные рядами резных елочек, поясков из ромбов, вписанных по два-три один в другой, полосами горизонтальных прочерченных линий, которые перемежаются рядами насечек и др.

Характеризуя керамику абашевских памятников Башкирского района, следует отметить случаи находок незначительного количества обломков посуды срубной культуры: на селище Урняк найдено 20 черепков, на селище Береговское II—3 черепка. На селище Баланбаш среди 200 фрагментов керамики встречен только один обломок, который лишь грубой обработкой и наличием на поверхности штрихов от сглаживания гребенчатым штампом сближается со срубными типами, но орнамент в виде «шагающей гребенки» заставляет видеть в нем скорее обломок от сосуда местного неолитического доабашевского типа, пережиточно продолжавшего существовать в абашевской среде.

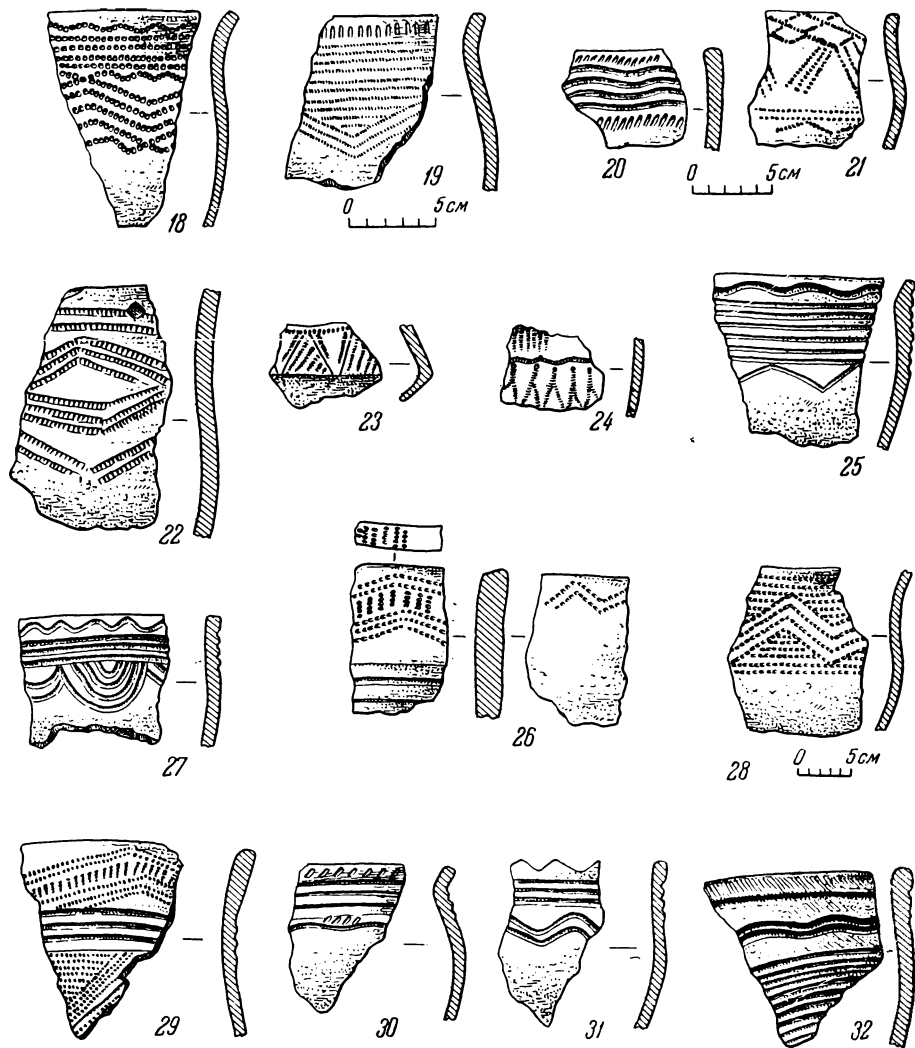
По форме и орнаменту абашевская керамика Магнитогорского района, представленная находками на Мало-Кизыльском селище, также разнообразна и несколько отличается от керамики памятников башкирской группы. Наиболее распространенным на Мало-Кизыльском селище типом являются горшки с низким широким горлом, со слабо отогнутым наружу, а иногда и прямым краем, округлым туловом, диаметр которого незначительно превышает диаметр устья сосуда (рис. 3, 6, 7). Этот тип сосудов

12. Керамика поселений

1—15— Баланбаш; 16—32— Мало-Кизильское

почти совпадает со вторым типом посуды памятников башкирской группы и отличается от последнего отсутствием иногда у края резкого ребра на внутренней стороне и наличием у некоторых экземпляров не уплощенного, а круглого дна (рис. 3, 7).

Прочие типы сосудов представлены единичными экземплярами: горшки с более выраженной шейкой (рис. 3, 2), низкие чаши без горла и с суженным дном (рис. 3, 4), чашки со слабо выраженным горлом и широким дном (рис. 3, 1), остросереберные маленькие сосудики того же типа, что и сосудики из Верхне-Кизыльскогоклада (рис. 3, 3), сосуды вазообразной формы с широким отгибом-раструбом края и узким дном (рис. 3, 5).

За исключением единичной находки — сосуда вазообразной формы с плоским поддоном, днища всех остальных сосудов отличаются мягкими, иногда совершенно незаметными переходами от стенок. Граница между стенкой и дном образует всегда очень тупой угол, как и на посуде селищ башкирской группы.

У малокизыльской керамики преобладающими элементами орнамента являются пояски прямых и волнистых желобков, дополненные насечками, и оттиски крупнозубой гребенки, образующие прямые и зигзагообразные пояски. Иногда гребенка втиснута так глубоко, что получаются желобки (рис. 3, 7).

Украшение верхней части сосудов широкой полсой, состоящей из горизонтальных поясков желобчатых или гребенчатых оттисков и заканчивающейся снизу треугольными лопастями, заполненными такими же поясками, — наиболее характерная и своеобразная черта керамики Мало-Кизыльского селища (рис. 3, 6, 7). Желобчатый орнамент вполне совпадает с соответствующими узорами на керамике селищ башкирской группы.

Типично абашевскими являются остросереберные небольшие сосудики верхнекизыльского типа (рис. 3, 3). Уникальный вазообразный сосуд (рис. 3, 5) близок сосуду из абашевского кургана у с. Тюнино (Иессен, 1934, стр. 96, рис. 1, 1) (рис. 13, 15). Но столь распространенные у абашевской керамики Башкирии элементы орнамента, как круглые ямки и меандр на посуде Мало-Кизыльского селища, встречены только по одному разу. А широко представленные на малокизыльской посуде узоры, составленные из гребенчатых оттисков, наоборот, не всегда находят себе аналогии в абашевской керамике. Эти элементы широко распространены в лесной полосе Урала.

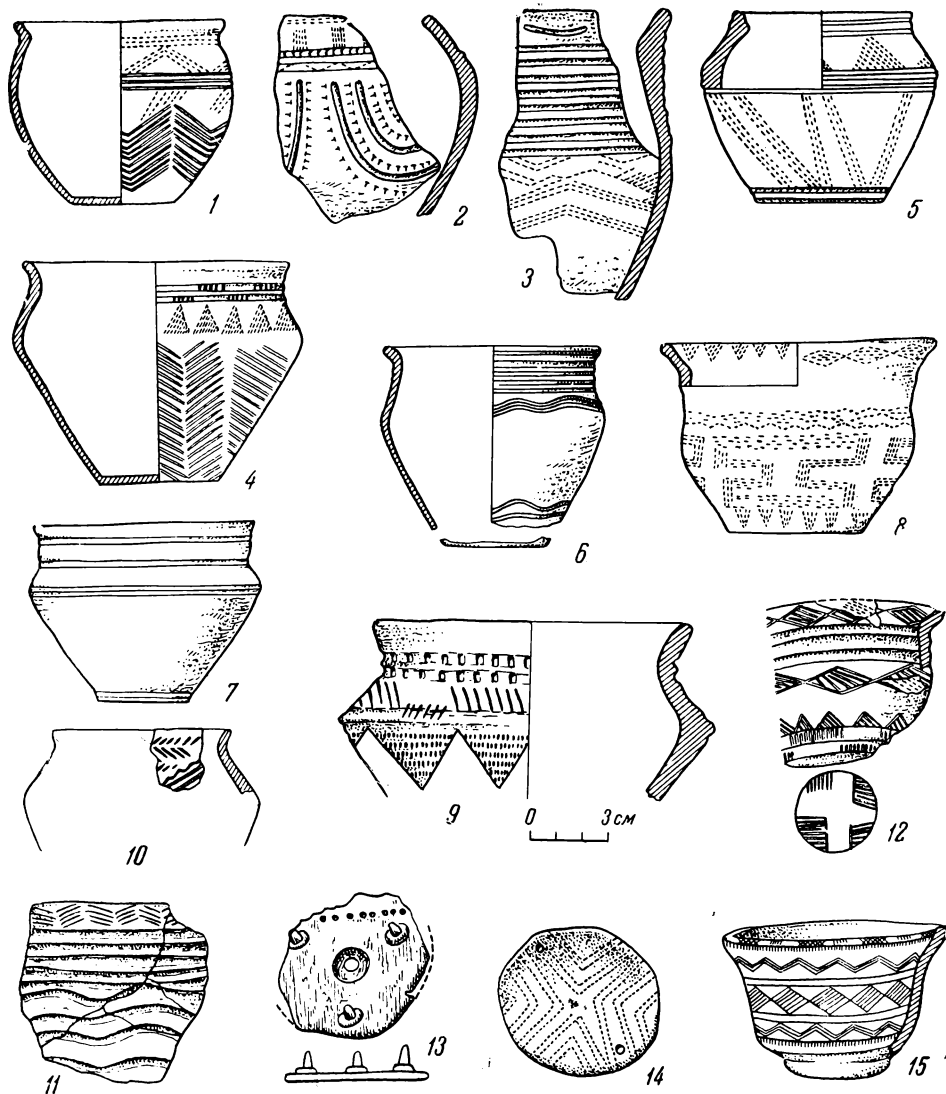
За счет влияния андроновской культуры можно отнести орнамент в виде групп зигзагов из оттисков гребенчатого штампа и наличие на одном сосуде гребенчатого меандра (рис. 3, 1), но последний сочетается с зигзагами и пояском незаштрихованных ромбов, совсем не характерными для андроновской керамики, да и сама форма сосуда не андроновская. По внутреннему краю сосуда проходит узкая орнаментальная полоса, что абсолютно не свойственно андроновской керамике.

Таким образом, при многих общих чертах с керамикой абашевских памятников Башкирского района керамика Мало-Кизыльского селища имеет особенности, которые заставляют рассматривать этот памятник как оставленный особой группой абашевских племен, подвергшихся сильному влиянию со стороны представителей других уральских культур.

В отличие от башкирской и магнитогорской групп памятников, зауральскую составляют не поселения, а могильники. Но не в этом кроется причина особенностей их керамики, как будет показано ниже.

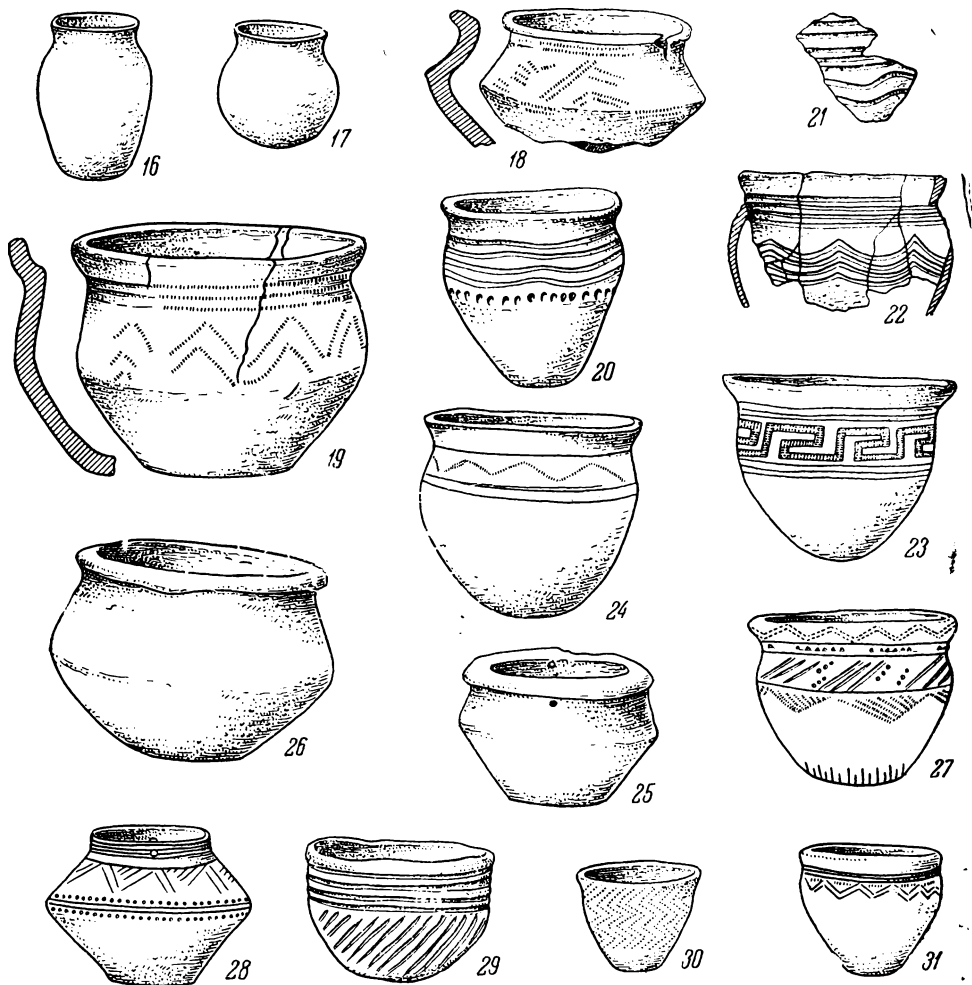
В погребении у г. Кургана сохранились обломки нескольких сосудов, сделанных из глины с примесью толченых раковин и покрытых типичным абашевским орнаментом. Один небольшой сосуд, который удалось реставрировать, имеет острореберную форму верхнекизыльского типа и украшен нарядным орнаментом, в который входят желобки с насечками, группы насечек, расположенные в шахматном порядке, горизонтально заштрихованные треугольники, расположенные вершинами книзу (рис. 13, 9). Форма этих треугольников несколько отличается от характерных абашевских. Вместо узких вертикально вытянутых мы видим равносторонние треугольники, обычные для алакульской посуды, но заштриховка сохраняет абашевскую горизонтальную направленность. На обломках других сосудов из этого погребения треугольники сохранили полностью абашевские очертания.

Весьма своеобразно выглядят сосуды небольшой коллекции, происходящей из курганов у с. Степного Челябинской области. Все восемь сосудов или формой, или характером орнамента, или тем и другим прежде всего напоминают абашевскую посуду, хотя типичными для этой культуры признать их нельзя. Вместе с тем их нельзя отнести и к столь обычной для этих мест андроновской посуде. Вполне абашевскую форму и орнамент имеет один сосуд, судя по сохранившемуся крупному фрагменту. Он имеет профиль абашевских колоколовидных сосудов, покрыт рядами широких желобков и группами зигзагов из оттисков гребенчатого штампа (рис. 13, 3). Второй сосуд с плоским дном, с характерно отогнутым краем имеет несколько выше середины выраженное ребро, выше которого орнамент состоит из абашевских элементов: желобков с группами насечек, расположенных в шахматном порядке, и удлиненных треугольников, но вершинами не книзу, а вверх и с заштриховкой параллельно одной из сторон, в чем, очевидно, сказывается андроновское влияние. Ниже ребра орнамент выглядит совсем по-алакульски: вся поверхность до дна покрыта резными зигзагами (рис. 13, 4). Еще три сосуда несколько напоминают описанный таким же отгибом края, расширением на середине или в верхней трети стенок. Один из них покрыт богатым гребенчатым орнаментом, состоящим из меандровидных фигур, ромбов и узких треугольников. Последние помещены и на внутреннем крае сосуда. Второй сосуд этой группы орнаментирован рядами прямых и волнистых желобков, третий украшен резными поясками (рис. 13, 6—8).

13. Вещи из абашевских

1—8— Степное; 9— Царев курган на Тоболе; 10— Селище 15 на Киймбае; 11, 12— Алексеевка;
 30— Мاستюгино; 21, 23— Нижняя Ведуга; 24— Никольское; 25— Карамыш; 26, 27, 31—
 1—12, 14—31— глина;

ПАМЯТНИКОВ

13—Кондрашевка; 14—Замарайка (Орловская); 15—17—Тюнино; 18, 19, 22—Частые курганы; Скатовка; 28—Чардым; 29—Бережновка; 30—Бородаевка
13—кость

В особую группу можно выделить два сосуда (рис. 13, 1, 5) округлой ормы с желобками на половине высоты, а также вдоль края. Украшены ли насечками, треугольниками, гребенчатыми и резными зигзагами. Последние имеют тот же характер, что и на первом сосуде. Наконец, большой фрагмент средней части сосуда (рис. 13, 2) с желобками в виде горизонтальных поясков и гирлянд также имеет абашевский характер.

Сосуды, у которых сохранились нижние части, имеют плоские днища. о здесь не наблюдается той мягкости перехода от днищ к стенкам, которая столь типична для абашевской керамики Башкирии. У сосудов из степных курганов днища вполне выражены, хотя у одного из них (рис. 13, 1) днище несколько приближается к абашевским.

При всем своеобразии формы, орнамента, состава теста керамика из курганов с. Степного все же должна рассматриваться как абашевская, которая подверглась некоторому андроновско-алакульскому влиянию.

В заключение описания абашевской керамики Южного Урала надо отметить, что она имеет известные отличия от керамики абашевских памятников Среднего Поволжья. Но не настолько они велики, чтобы можно было уральские памятники выделять в особую баланбашскую культуру, как предполагает А. П. Смирнов (Смирнов, 1957). Ссылаются на такие особенности баланбашской керамики, отличающие ее от абашевской, как тескодонность сосудов, наличие своеобразных элементов орнамента — чешуеобразные фигуры, звездчатые навершия, узкие треугольники (Смирнов, 1957, стр. 16), примесь в глине раковин, якобы отсутствующая в абашевской посуде (там же, стр. 17).

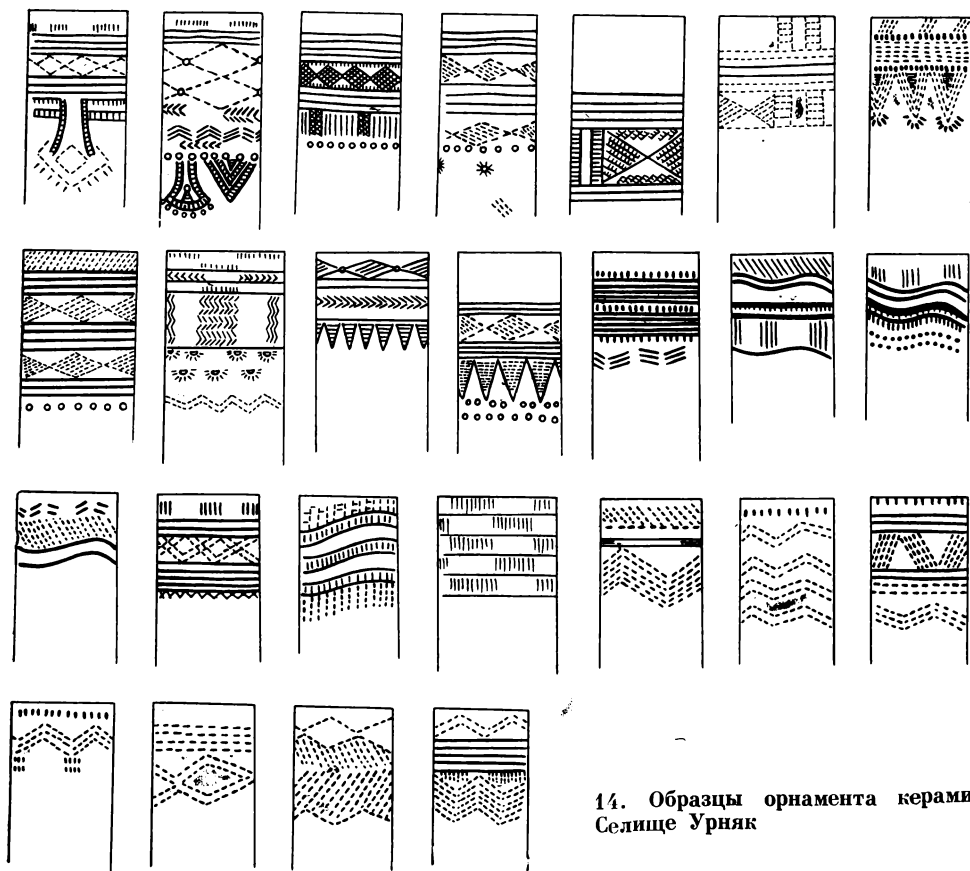
Все сомнения относительно однокультурности памятников Башкирии и Чувашии основаны исключительно на недостаточности опубликованных памятников как на Урале, так и в Среднем Поволжье. В частности,

П. Смирнов имел возможность для сравнения привлечь только по одному памятнику в каждом районе: Абашевский могильник и селище Баланбаш.

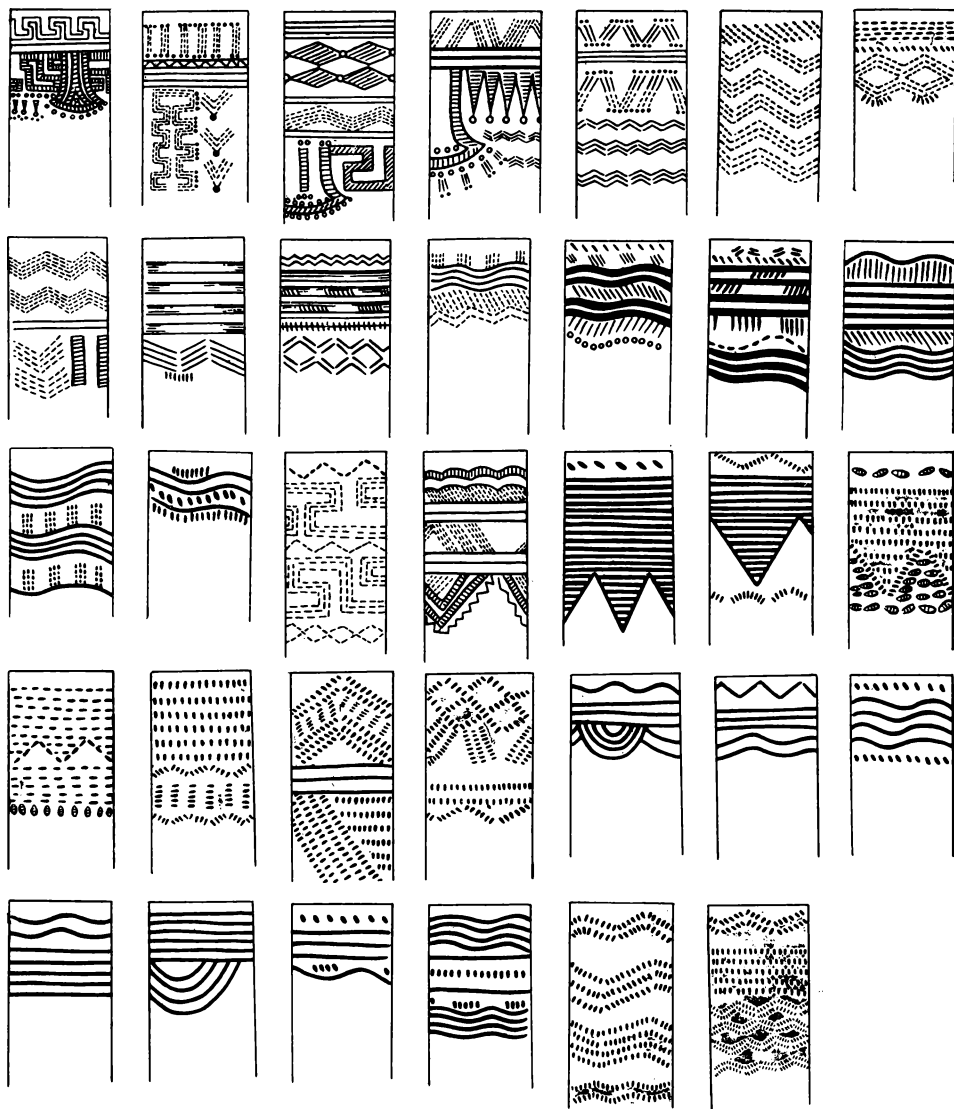
Немало затрудняет сравнение абашевской культуры Южного Урала и Поволжья различие категорий памятников: поселения в первом районе, гребеня — во втором. Типы сосудов, помещавшихся в могилы, не могли охватывать всю посуду, бытовавшую в хозяйстве. Это усиливало кажущееся расхождение в характере керамики абашевского населения двух районов. Необходимость учитывать различие категорий памятников мы отмечали и ранее и высказывали мысль, что на селищах Чувашии, когда они будут открыты, должны встретиться те формы посуды, которые есть в поселениях Башкирии и отсутствуют в могилах Чувашии (Сальников, 1954). Новые исследования подтвердили правильность этого предположения. Чувашии «часть посуды из насыпей курганов относится к особому типу, погребениях крайне редкому, но, несомненно, принадлежащему к этой культуре» (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 67). Н. Я. Мерпертом при

раскопках абашевских курганов у с. Пикшик под насыпями «на поверхности материка, в небольших зольных скоплениях трижды найдены отдельные фрагменты глиняных сосудов. Принадлежность их к абашевскому кругу керамики не вызывает сомнений, но, вместе с тем, они отличаются от сосудов, обычных для погребений. Это фрагменты больших толстостенных сосудов с крепкой фактурой и сравнительно хорошим обжигом» (Мерперт, 1961, стр. 141).

Интересно, что во всех случаях встречающиеся в насыпях и под ними фрагменты керамики отличаются обычно крупными размерами и особым составом глины. «Ни органических, ни раковинных остатков в глине не наблюдается», — пишут П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков про обломки крупных сосудов из насыпей курганов у деревень Алгаш и Катергино,

14. Образцы орнамента керамики.
Селище Урняк

15. Образцы орнамента керамики: верхние два ряда и две левые фигуры третьего ряда — селище Балабаш; далее — селище Мало-Кизыльское

отмечая при этом богатый орнамент сосудов (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 76, 77, рис. 19, 9; 20, 22). Нарядность свойственна и обломкам крупных сосудов из насыпей курганов у с. Пикшик (Мерперт, 1961, рис. 5, 8; 15, 4). Все перечисленные признаки характерны и для той части керамических находок в абашевских селищах Башкирии, которые не имеют аналогий в посуде абашевских могил Поволжья. Если большая примесь в глине толченных раковин обязательна для небольших и средних размеров сосудов башкирских поселений абашевской культуры, то массивные сосуды с богатой орнаментацией так же, как подобные сосуды Чувашии, не имеют раковинной примеси.

Крупные исследования, осуществленные за последние годы, неизмеримо увеличили материал из абашевских памятников, что позволяет окончательно ликвидировать сомнения относительно культурной принадлежности поселений типа селища Баланбаш. В Поволжье так же, как и в Башкирии, абашевская посуда в большинстве имеет в глине примесь толченных раковин, а крупные нарядные сосуды часто лишены этой примеси. Не так редка плоскодонная посуда в Поволжье, как казалось по данным одного Абашевского могильника.

Нет существенного различия и в орнаментации. Узкие треугольники — совсем не специфическая особенность селища Баланбаш. Пышность орнамента абашевских сосудов Башкирии теперь, после находок нарядной керамики в абашевских курганах Поволжья, не только в насыпях, но и в могилах (Евтюхова, 1964, рис. 3), также уже нельзя объяснить как локальную особенность.

Аналогии в орнаменте абашевской посуды обоих основных районов этой культуры не ограничиваются сопоставлением отдельных элементов узора. Целые сложные композиции орнамента почти полностью совпадают, в чем нетрудно убедиться, взглянув на рис. 14, 15.

Доказывая однокультурность памятников Башкирии и Поволжья, мы отнюдь не собираемся отрицать некоторые особенности южноуральского варианта абашевской культуры, что нами уже отмечалось (Сальников, 1954).

К средневожской керамике особенно близка посуда башкирской группы поселений. Основные формы сосудов в обоих районах одинаковы. Плоскодонность, считавшаяся особенностью керамики уральских памятников, нередко и у сосудов из Марийской АССР.

Больше своеобразия в орнаменте сосудов абашевских памятников Башкирии. Наравне с элементами и целыми композициями, обычными и для средневожской керамики, в орнаментации керамики башкирских поселений абашевской культуры большое место занимают желобки и меандровые узоры. Последние обычно считаются типичными для андроновской культуры. Видимо, вне связи с последней их не следует рассматривать при анализе орнаментации абашевской керамики, поскольку такие узоры

Балабаш	Береговое I	Береговое II	Мало-Кизильское	Степняк	Воронежская область
X	X	X		X	
X		X			
X	X	X		X	
X			X	X	
X	X	X	X		X
X	X	X	X	X	X
X	X		X	X	X
X					
		X			
X	X			X	
			X	X	
			X		X
X					
X					
X					X
X					
X	X				
X	X	X	X	X	X

№ п/п	Элементы орнамента	Чудашская АССР	Марийская АССР	Урюк	Балабаш	Береговое I	Береговое II	Мало-Кизильское	Степняк	Воронежская область
26				X	X					
27					X					
28					X					
29					X					
30					X					
31					X					
32					X					
33					X			X	X	X
34					X			X		
35				X	X			X		
36				X	X	X		X		
37				X				X		
38				X				X		
39				X				X		
40				X						
41				X						
42				X						
43				X						
44				X				X		
45						X				
46							X			
47								X		
48								X		
49									X	
50									X	

таблица элементов орнамента керамики абашевских памятников

полностью отсутствуют в Среднем Поволжье и широко представлены на Урале. Но абашевцы, восприняв меандровые узоры от андроновцев, их переработали. Не всегда на абашевской посуде меандры имеют те же очертания, что и на андроновской керамике.

Другую группу элементов, отличающих орнамент башкирских памятников от орнамента керамики Среднего Поволжья, составляют узоры, чуждые андроновской культуре, но обычные для памятников лесной полосы Урала. Таковы незаштрихованные ромбы, ромбы, вписанные друг в друга, шагающая гребенка. В отличие от меандровых, эти узоры встречаются лишь в единичных случаях и не могут считаться типичными для башкирской группы памятников. Шире они представлены, как отмечалось выше, в Магнитогорском районе — на Мало-Кизыльском селище.

Вообще к востоку от Урала строгость формы и орнамента абашевской керамики нарушается. В Магнитогорском районе наблюдается сильное влияние местных лесных культур, в зауральском — андроновской культуры.

Несмотря на значительные различия керамики памятников этих районов от абашевской посуды не только Среднего Поволжья, но и абашевских поселений Башкирии, ставить вопрос о выделении в Зауралье особой культуры нет оснований. Зауральские памятники оставлены абашевскими группами, далеко оторвавшимися от основного массива абашевской территории и ассимилированными иноплеменным населением.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ИДЕОЛОГИЯ

Как показано выше, абашевские племена Южного Урала были скотоводами и мотыжными земледельцами. Приведенные таблицы состава стада свидетельствуют о развитости у абашевцев скотоводства. Следовательно,

Общественный строй

эти племена стояли на той ступени развития, для которой типичны господство мужчины в семье и обществе (Ф. Энгельс). На патриархальные отно-

шения в обществе указывают парные погребения, а также насильственное умерщвление женщины, похороненной в одной могиле с умершим мужчиной. В эпоху бронзы такие погребения широко распространены у многих племен. Еще в могильниках племен фатьяновской культуры встречаются совместные погребения мужчин и женщин, свидетельствующие о патриархальных отношениях (Арциховский, 1954, стр. 82). Малочисленность исследованных на Урале могильников лишает нас возможности опереться на подобные приведенным данным о степени общественного развития местных абашевских племен.

Во всех абашевских могильниках погребения содержали по одному костяку. Парных взрослых погребений в опубликованных абашевских могильниках не зарегистрировано. Лишь в Абашевском могильнике, раскопанном О. А. Граковой в 1945 г., отмечена находка в одном погребении костей двух человек. В могиле 6 кургана 9 найден, очевидно, погибший в бою воин: его костяк лишен черепа, а в правом боку между ребрами лежал наконечник стрелы. От другого покойника найдены были только кости ног без ступней. Никаких других костей на дне могильной ямы не обнаружено (Кривцова-Гракова, 1947). Исследователь не отмечает признаков нарушения последнего костяка грабителями. Очевидно, это не была женщина, сопровождавшая воина в загробный мир, а здесь надо искать другое объяснение.

Таким образом, парные погребения абашевцами не практиковались. Но следует ли отсюда делать вывод об отсутствии у абашевцев патриархальных отношений? Патриархальные отношения могли отразиться в погребальном обряде в другой форме. Так, обращает на себя внимание «се-

мейный» характер конструкции некоторых надмогильных сооружений могильника Нижне-Чуракаево. Оградки А и Б из каменных плит имели овальную форму и содержали каждая по два взрослых погребения. Мало вероятно, что оба погребения совершены были одновременно. По-видимому, при захоронении первого умершего сразу сооружалась оградка овальной формы с расчетом оставить место для устройства впоследствии второй могилы. Детские погребения помещались внутри каменной оградки или возле нее, причем зачастую соответствующий участок оградки разбирался, и камни использовались на устройство каменного ящика детской могилы.

Развитая форма скотоводства неизбежно выдвигала мужчину как поставщика основных средств существования, защитника стад и как воина на первое место, что не могло не привести к возникновению патриархальных отношений.

На базе скотоводства хозяйственными единицами вместо рода или его части сделались большие патриархальные семьи, между которыми возникало некоторое имущественное различие. Наравне со скромными погребениями стали возможны такие, как заключенное в могиле 2 кургана VI Абашевского могильника, где при женском костяке найдена масса бронзовых и серебряных украшений, медное шильце, костяное кольцо, изделие из белемнита. Еще богаче погребение 3 в кургане 1 у с. Алгаши (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 11, 12, 13). Накопление богатств выразилось и в сравнительно частых находках кладов бронзовых изделий абашевских типов.

Развитие скотоводства неизбежно должно было вызвать грабительские набеги и, следовательно, сооружение укрепленных городищ. Отсутствие их у абашевцев породило представление, что селища этого времени не нуждались в защите. Но так ли это было на самом деле? Городища с земляными валами и сохранившимися до наших дней рвами среди памятников культур эпохи бронзы на интересующей нас территории, действительно, неизвестны. В других районах они появляются довольно рано. Еще на заре эпохи бронзы, в энеолите, у ранних земледельцев и скотоводов трипольской культуры возникает необходимость в защите своих поселений. Общеизвестно круговое расположение жилищ на трипольских поселениях, которое обычно рассматривается как вызывавшееся необходимостью ограждения стад. А в 1951 г. на трипольском поселении Поливанов Яр, расположенном на мысу, было обнаружено два ряда рвов, защищавших селище с напольной стороны (Пассек, 1953). «Фатьяновские поселения обычно обнаруживаются на городищах, перекрытых поздними слоями, которые датируются сетчатой и грубой керамикой городецкого типа (Степанов, 1954, стр. 55). П. Д. Степановым в описанных условиях изучены фатьяновские поселения Ош-пандо (Степанов, 1950), Ашна-пандо (Степанов, 1951), Хула Сюче (Степанов, 1954), Эндимеры (Лисицына, 1955, стр. 148). Таковы же, по-видимому, культурные слои у сел Таганаши и Калугино в Чувашии (Степанов, 1954). Нельзя относить за счет случайности неодно-

кратные находки фатьяно-балановских поселений на месте более поздних городищ. Должны были существовать какие-то до известной степени сходные условия, заставлявшие людей в столь различные эпохи выбирать для поселения одни и те же места. Но если для эпохи городецкой культуры это стремление вполне понятно, то для фатьяновско-балановского времени, на первый взгляд, причина неясна. И все же именно потребность в защите, а ничто иное, заставляло фатьяновцев поселяться на труднодоступных речных мысах, надо полагать, ограждая свои поселки первичными защитными сооружениями, хотя бы в виде тына.

Нечто подобное можно предполагать и относительно расположения абашевских поселений. Выше уже указывалось, что селища Баланбаш, Урняк, Мало-Кизыльское оказались на высоких обрывистых берегах рек. Первое находится на мысу, второе — у впадения овражка в пойму р. Белой. Возможно, что топографическое положение Мало-Кизыльского селища было аналогично положению первых двух, но оно частично разрушено карьером, и первоначальное расположение его сейчас установить невозможно.

Если защитные сооружения трипольского времени можно объяснить необходимостью защиты скота от хищных животных (Пассек, 1953, стр. 57), то присутствие у фатьяновско-балановских племен большого числа боевых каменных топоров, а у абашевских также и бронзовых наконечников копий, заставляют искать другие причины. Нередки, очевидно, были вооруженные столкновения. В этой связи следует напомнить находки наконечников стрел в погребениях могильников Метев-Тамак и Юкалекулёво. Состав костных остатков на поселениях указывает, что охота в хозяйстве абашевцев играла незначительную роль. Снабжение умерших стрелами должно свидетельствовать об использовании их в военном деле. Возможно, что необходимость защиты усугублялась враждебными отношениями с аборигенным населением, на территорию которого проникали абашевцы при своих неоднократных расселениях. Обнаруженные А. Х. Халиковым в 1960 г. в Марийской АССР и Н. А. Мажитовым в 1964 г. в Башкирии братские могилы абашевских воинов — лучшая иллюстрация к этому положению.

Наступательно-оборонительные действия неизбежно вели за собой усиление у абашевского населения власти племенных вождей, символом которой могли служить булавы, а существование их у абашевцев Южного Урала доказывается находкой модели на Мало-Кизыльском поселении.

Идеологические представления   Для суждения о религиозных представлениях уральских абашевцев богатый материал дали раскопки Мало-Кизыльского селища, которое оказалось не только поселением, а целым комплексом разнородных памятников. Кроме жилища, здесь обнаружены жертвенное место и несколько погребений.

Жертвенная площадка была слегка врезана в грунт. На отдельных участках удалось проследить ограничивающие ее отвесные земляные стенки. На площадке выявлено три прямоугольных углубления — остатки очагов.

В юго-западной части площадки обнаружен огромный участок, представляющий собой ряд тесно расположенных, часто сливающихся кострищных пятен, границы которых невозможно проследить. Пятна по существу сливаются в одно огромное кострище приблизительно площадью 20 м². Весь этот участок раскопа дал особенно много пережженных мелких костей, хотя много таких измельченных костей встречалось и вне кострищного пятна.

На кострище, в северо-западной его части, обнаружены три сильно обожженных костяка коровы. Костяки лежат в ряд, на боку, головами к западу.

К западу от описанной жертвенной площадки раскоп захватил часть другой прямоугольной, углубленной на 0,42 м от уровня грунта, площадки, стенки которой ориентированы почти прямо по сторонам горизонта.

Местами глинистый под площадки был прокален. В двух местах, на которых обнаружены кострища площадью 0,50×0,75 м, отмечено также много небольших прокаленных пятен, слившихся и перекрывающих друг друга. Среди кострищных пятен в небольшой впадинке без улавливаемых границ было обнаружено погребение молодого человека, кости которого сильно обожжены.

Культурный слой на жертвенных площадках содержал большое количество чрезвычайно мелких пережженных косточек черного и синевато-белого цвета, значительно меньше — необожженных костей, и лишь изредка в нем встречались отдельные черепки. В ряде мест найдены необожженные кости ног коровы, как правило, в сочлененном состоянии: бабки и копыта.

Описанные находки и наблюдения были сделаны на раскопках I и II. Они убеждают нас в том, что вскрытый здесь участок памятника носит явно ритуальный характер. Малочисленность бытовых остатков и, наоборот, большое количество пережженных мелких косточек, остатки трех преднамеренно целиком сожженных коров, много кострищ на большой площади — все говорит в пользу трактовки вскрытой площади в качестве места жертвоприношений. Совершенно иным был состав культурного слоя в раскопе III, где было обнаружено жилище. Здесь на площади в 214 м² найдено более 1000 обломков сосудов и много орудий и бытовых вещей, в то время как в раскопах I и II при той же площади оказалось только 36 черепков.

На площадке I раскопа присутствие очагов в виде прямоугольных ям не противоречит определению этого участка памятника как места жертвоприношений В. Ф. Смолин (Смолин, 1928) отмечает находку очаж-

ного углубления прямоугольной формы среди могильных ям в одном из курганов Абашевского могильника. Наши очаги имеют такую же странную, необычную для очажных ям в жилищах форму. Последняя может получить объяснение при сопоставлении с жаровней, обнаруженной О. А. Кривцовой-Граковой в погребении 1 кургана 3, раскопанного ею в Абашевском могильнике. Эта жаровня представляла собой деревянный прямоугольный ящик, заполненный землей и песком. На дне углубления, сделанного посередине жаровни, лежали сильно обугленные кости животных, а под ними находился прокаленный песок. Следует полагать, что и для устройства очагов на жертвенном месте Мало-Кизыльского поселения применялись деревянные рамы, вставлявшиеся в яму для укрепления ее стенок, чем и объясняется прямоугольная форма очагов. Таким образом, очаги описанного устройства характерны для культовых памятников абашевской культуры. К тому же можно считать, что очаги непосредственно связаны с могильником, остатком которого, несомненно, является костяк, обнаруженный в раскопе 1, и с группой раздавленных сосудов и тусов, которые были найдены на краю канавы в 1948 и 1949 гг. Большая часть могильника, по-видимому, была уничтожена обрывом и канавой. Обнаруженный в 1949 г. в этом районе клиновидный топор, а также глиняные «стаканчики», находки которых в прошлом при работах на огороде, по словам хозяина огорода Е. Левина, были нередки, по-видимому, надо рассматривать как доказательства разрушения могильника. Н. Н. Бортвин также упоминает о находках нескольких маленьких горшочков вместе с кладом, один из которых сохранился и входит в состав клада.

Жертвенная площадка или несколько соединенных вместе площадок были углублены в грунт и, по всем данным, имели покрытие или, во всяком случае, достаточно высокие и прочные ограждения. Наличие хотя и небольшого числа ямок от столбов, и в особенности остаток деревянной стенки, прослеженной между северо-восточной ямкой и земляной стенкой, заставляют предполагать здесь мелкие полуземлянки или одну большую полуземлянку со стенами и крышей.

Сохранность костей конечности коровы в сочлененном состоянии могла быть обеспечена только в том случае, если они лежали внутри какого-то ограждения. В противном случае их неизбежно растащили бы собаки. Следовательно, здесь была не просто площадка, а и более сложное сооружение, окруженное оградой, а может быть, и покрытое крышей. Найденные на площадках кости конечностей коровы, заведомо отделенные от туши, отброшенные целиком и не потревоженные в дальнейшем, принадлежат, безусловно, жертвенным животным. И археологические и этнографические материалы дают много примеров, когда конечности а также головы жертвенных животных исключались из жертвоприношения, оставались вне жертвенного костра. Нечто подобное обнаружил Б. Б. Пиотровский в Кармир-блуре. При раскопках дворца урартийского

наместника в крепости Тейшебаши в 1949 г. была вскрыта небольшая изолированная кладовая (комната № 26), заваленная толстым слоем пережженных костей животных. Просмотр 35 000 костей из этого собрания показал, что они все принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту и что среди них совершенно отсутствовали кости головы и нижних частей конечностей. Исследователь приходит к выводу, что описанную кладовую надо рассматривать как хранилище костей, убравшихся с жертвенников после жертвоприношений. «На это указывает сильный обжиг костей, а также своеобразный отбор частей мяса, к которым эти кости относились. Мы хорошо знаем, что при жертвоприношении особое значение имела шкура быка и других животных, отделенная вместе с головой и конечностями, именно теми частями, кости которых отсутствуют в промадной куче остатков костей в комнате № 26» (Пиотровский, 1950, стр. 33). Среди необожженных костей Гляденовского костяка также «в особенно значительном количестве попадались копыта жеребят» (Спицын, 1901, стр. 233).

То же явление наблюдалось в недалеком прошлом этнографами у ряда народов Сибири и Урала. При жертвоприношениях хантов «шкуры убитых жертв, а также головы и ноги оставлялись вблизи храма и развешивались на ближайших деревьях» (Теплоухов, 1880).

Жертвенная площадка на Мало-Кизыльском селище показывает, что возникновение описанных обрядов жертвоприношений надо относить к еще более раннему времени. Полной аналогии мы здесь не видим, по ее и нельзя ожидать у племен, живших в различных районах и стоявших не на одной ступени развития. В частности, на Мало-Кизыльской жертвенной площадке при наличии костей нижних частей конечностей отсутствуют черепа. Не исключено, что они так же, как на Гляденовском костяке (Новокрещенных, 1914, стр. 33 и 41), хранились в одном месте, а этот участок памятника в раскоп не попал.

Упомянутое выше погребение молодого человека на Мало-Кизыльском селище находилось в необычной для могильника обстановке: его окружали несколько небольших кострищных пятен и кости нижних частей конечностей коровы в сочлененном состоянии. Кострищные пятна можно сопоставить с кучками углей и очажками в Абашевском могильнике, исследованном О. А. Кривцовой-Граковой, но кости коровы здесь оказались в таком же состоянии, как на основной жертвенной площадке. Поэтому мы склонны считать, что погребение молодого человека было совершено на жертвенной площадке, а кострищные пятна и кости коровы связывать с последней. Чем объясняется такое почетное положение этого погребения, за недостатком данных сказать трудно.

Более ясно другое погребение, найденное на том же селище — трупосожжение одного или двух детей, очень раннего возраста, которое было вскрыто в полу жилища. Вопрос, не имеется ли здесь случайного совпадения разновременных памятников: поселения и могильника, неоднократно

но возникавший перед исследователями, когда они сталкивались с таким странным на первый взгляд явлением, как погребение в жилище, встал и перед нами. Сопровождающие трупосожжение ребенка украшения абашевского типа определяют погребение как одновременное с поселением, в пределах одной эпохи. Допустить, что между временем захоронения и временем возникновения поселения, или наоборот, прошел небольшой срок, нельзя. При том уважении к могилам своих сородичей, которое типично для первобытности, трудно допустить, что место погребения было забыто к моменту постройки жилища, да в этом случае дело бы не ограничилось одной могилой. Тем более нельзя допустить, что погребение было совершено после того, как поселение было оставлено жителями. Могила была вырыта настолько мелкой, что не удалось проследить ее очертаний, но выше костей ребенка и вещей, их сопровождавших, продолжал нарастать культурный слой, следовательно, жилище оставалось обитаемым и после совершения захоронения. Таким образом, захоронение было совершено в жилище в момент его обитания.

Захоронения младенцев в жилище известны у многих племен, как по археологическим, так и по этнографическим данным.

В Туркмении на поселении эпохи бронзы (время Анау III) под лапами и стенами глинобитных жилищ обнаружено десять детских захоронений (Литвинский, 1952, стр. 49). На раннетрипольском поселении Лука-Врублевская в углублении пола одного из жилищ встречены кости ребенка месячного возраста, которые С. Н. Бибиковым трактуются как культовое захоронение. В связи с данной находкой С. Н. Бибиковым привлечено большое число аналогий, что избавляет нас от необходимости перечислять их. Отметим лишь, что обычай погребения детей в жилищах, возникнув в глубокой древности, сохранился до недавнего времени (Биби-ков, 1953, стр. 194—199). Еще в XIX в. в ряде русских районов умерших детей хоронили в сенях или возле дома (Смирнов, 1952, стр. 39). Захоронения не только детей, но и взрослых на поселениях, вблизи жилищ возникают в палеолите и существуют (детские) до современности. Эти поздние погребения представляют собою пережиток отдаленного прошлого эпохи родового строя. В родовом же обществе захоронения возле жилищ отражают теснейшую связь, существующую, по мнению первобытного человека, между живущими членами рода и их умершими сородичами. С. Н. Бибиковым высказана интересная мысль, что, «уточняя дальше связанные с этим обрядом воззрения, мы неизбежно придем к идее возрождения, обратимости, в конечном счете вполне созвучной идее плодородия, увеличения семьи, рода и благополучия его. Может быть, этим объясняются погребения в доме чаще всего молодых индивидуумов» (Биби-ков, 1953, стр. 197).

Идея обратимости, вера в возрождение животных широко распространена у многих охотничьих племен. У этих племен в недавнем прошлом

существовали различные обряды, которые направлены были на обеспечение возрождения убитых на охоте животных. Для этого кости животных тщательно собирали, оберегали от порчи и потери, собирали в определенном месте или погребали, бросали в воду и т. п.

Эти воззрения могли распространяться при известных условиях и на погребения людей, в особенности рано умерших.

В тесной связи с теми же воззрениями, по-видимому, стоят наблюдения, сделанные на другом участке раскопа III Мало-Кизыльского селища, где во рву и возле него были найдены захоронения двух телят. Ритуальный характер одного из этих погребений, обнаруженного на краю рва, подчеркивался находкой на тазовых костях части раздавленного сосуда. Костяк был завален крупными камнями. Рядом со вторым костяком теленка, который находился во рву, в зольном слое на дне рва оказался набор бронзовых украшений, по-видимому, связанный с трупопожжением, и большое число мелко изрубленных костей животных. Обращает на себя внимание бесцельность, с утилитарной точки зрения, сильной измельченности костей: на мелкие куски перерублены ребра, разрублены вдоль даже бабки (коровы). Такое состояние костей заставляет искать объяснение в каком-то культовом обряде.

И в обряде захоронения детей и в измельчении костей животных, по-видимому, получили свое отражение те же воззрения обратимости, возрождения. У скотоводов-абашевцев эти воззрения должны были принять иную форму, чем у охотничьих племен. Охотник заботился лишь о том, чтобы кости его охотничьей добычи снова обросли мясом, чтобы не были утрачены кости употребленного в пищу животного, вследствие чего оно не могло бы «воскреснуть». Скотовод заботился не только о восстановлении стада, но и о размножении его. Какие-то магические обряды и призваны, видимо, были содействовать увеличению стада через возрождение из каждого кусочка кости нового животного. Чем мельче будут изрублены кости, тем больше появится в стадах молодых животных. Не вызывавшееся практической необходимостью измельчение костей животных, расчленение на части даже бабок коровы наблюдалось нами в абашевском погребении и связанной с ним яме, наполненной черепами и костями ног коров и овец, при раскопках в 1959 г. Царева кургана на р. Тоболе (Сальников, 1962 в). Важно отметить, что в описанной яме кости коров и овец перекрывал полный костяк собаки. Кости животных являлись символом стада, охраняемого собакой.

Изобразительное искусство представлено в абашевских памятниках Урала лишь орнаментом на посуде да уникальной находкой на селище Урняк скульптурой каменной головки человека. Она представляет собою кубической формы кусок песчаника (3×3×3 см), на одной из плоскостей которого выбито грубое изображение человеческого лица. Лоб низкий, почти отсутствует. Хорошо очерченный большой прямой нос переходит

в лоб без переносицы. Глаза переданы небольшими выбоинками, асимметрично расположенными по обе стороны носа: одна ниже другой. Подбородок и рот сколоты, но под носом видна небольшая не совсем горизонтальная черта на месте рта (рис. 5, 8). Близкая аналогия этой скульптуре усматривается в медных фигурках Галичского клада, в особенности в фигурке, изображенной в работе А. А. Спицына на таблице XXXI, 7 (Спицын, 1903). Несмотря на то, что эта фигурка изготовлена из другого материала, она обладает рядом черт, характерных для урняжской головки: горизонтальный срез темени, длинный прямой нос, отсутствие переносицы. Оба изображения говорят нам о племенах, оставивших их, как о европеоидах.

Особенности другой металлической фигурки — идола из Галичского клада (Спицын, 1903, табл. XXX, 5) — легко сопоставляются с некоторыми элементами орнамента на абашевской керамике. Речь идет о сечкообразных фигурах, входящих в состав рисунка на абашевских сосудах Башкирии. Голова упомянутого идола снабжена тремя отростками в форме сечковидных фигур. Этот элемент еще раз подтверждает абашевское происхождение Галичского клада. Более того, он связывается с конкретной локальной группой абашевских памятников — с башкирской, поскольку в других районах в орнамент абашевских сосудов такой мотив не входил.

Рисующийся по археологическим данным общественный строй абашевских племен, как весьма близкий к общественному строю племен других культур эпохи бронзы, определяется одинаковым уровнем развития всех этих племен, стоявших на ранних стадиях патриархально-родового устройства. Памятники ритуального порядка косвенно подтверждают патриархальный характер общественного строя. Глубокое проникновение в ритуал обрядов, связанных с интересами скотоводческого характера, свидетельствует о сравнительно давнем знакомстве абашевских племен со скотоводством и его большой роли в хозяйстве, что неизбежно вело к сложению патриархальных отношений. То же подтверждается скульптурными изображениями из Урняжского селища и Галичского клада, в особенности последнего. В них, по-видимому, получил отражение столь широко представленный в погребальных обрядах культ огня: отростки на фигурках идолов должны передавать лучи или языки пламени. Вместе с тем, в фигурках надо видеть, по всей вероятности, фигуры мужских предков. Для обществ с матриархально-родовым строем характерны зооморфные, тотемические предки.

ДАТИРОВКА

В советской археологической науке долгое время существовало мнение, что абашевские племена обитали в последней четверти II тыс. до н. э. Такую дату предложила О. А. Кривцова-Гракова, считая, что восточно-фатьяновские (балановские) племена жили в Чувашии в третьей четверти II тыс., а абашевская культура возникла в процессе дальнейшего развития фатьяновской (Кривцова-Гракова, 19476, стр. 98) *.

Основываясь на стратиграфических наблюдениях, произведенных в 1955 г. при раскопках двухслойного поселения Береговское I на р. Белой, в докладе на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в декабре 1956 г. нами была предложена (см. СА, 1957, № 2, стр. 311), а затем в ряде статей (Сальников, 1959, 1959а) обоснована более ранняя датировка абашевской культуры Южного Урала — третья четверть II тыс. до н. э. В пользу такой даты можно привести много доказательств. Обнаруженный на селище Баланбаш костяной псалий (рис. 8, 19) находит себе аналогии среди предметов из шахтных гробниц Микен, датирующихся XVI в. до н. э. (Лесков, 1964). Очевидно, если допустить некоторое запаздывание, связанное с проникновением этой формы в Приуралье, баланбашский псалий должен датироваться не позднее XV в. до н. э.

На поселении Береговское I найден кремневый наконечник стрелы сейминского типа (рис. 5, 6), в ряде абашевских памятников Башкирии (Урняк, Метев-Тамак) встречены костяные наконечники стрел своеобразной формы, в которых можно видеть копирование в кости сейминских кремневых наконечников (рис. 8, 12). Близок к сейминским и медный наконечник Юкалекулевского могильника (рис. 3, 20). Сейчас общепризнанной считается датировка Сейминского могильника, доказанная Марией Гимбутас: середина XV — середина XIV в. до н. э. (Gimbutas, 1956, стр. 169).

* Ссылаясь на ту же работу, О. Н. Евтюхова ошибочно приписывает О. А. Кривцовой-Граковой датировку абашевской культуры третьей четвертью II тысячелетия до н. э. (Евтюхова, 1961, стр. 6 и 11).

Весьма обычные в абашевских памятниках серебряные спиральные в полтора оборота височные колечки найдены на Мало-Кизыльском поселении при детских костях и во рву в составе украшений в предполагаемом трупосожжении. Височные колечки этой формы широко распространены как в смысле территориальном, так и хронологическом. Они известны в памятниках Восточного Средиземноморья в III тыс. до н. э. На территории нашей страны бытовали в первой половине II тыс. до н. э. на Кавказе и в Причерноморье, в частности в катакомбной культуре. Позднее середины II тыс. эти украшения не заходят. Для срубной культуры типична другая форма височных подвесок. Интересно, что единственный случай находки височных колец абашевской формы на Нижней Волге, в памятниках срубной культуры, связан с Покровским могильником, инвентарь которого во многом перекликается с абашевскими памятниками.

Кроме упомянутых височных колец, из этого могильника происходят наконечники стрел сейминского типа, бронзовые копья с несомкнутой втулкой, небольшие сосудики, по форме близкие к сосуду из верхнекизыльскогоклада. Дата Покровского могильника убедительно уточнена Н. Я. Мерпертом — XV в. до н. э. (Мерперт, 1962, стр. 21).

Вислообушный топор, обнаруженный на Мало-Кизыльском селище, относится к абашевскому (камскому по Тихонову) типу и является почти аналогичным происходящему из Горбуновского торфяника, который А. Я. Брюсов относит ко второй четверти II тыс. до н. э. (Брюсов, 1953, стр. 17). Правда, Б. Г. Тихонов для топоров камского типа определяет более длительный период существования — от второй четверти II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н. э. (Тихонов, 1960, стр. 60—62). Столь поздняя верхняя дата вызвана находкой подобного топора на Ананьинской дюне, откуда происходят бронзовые орудия предананьинского времени, но на той же дюне найдены и более древние изделия. Следовательно, состав культурного слоя на Ананьинской дюне не является одновременным. Все прочие случаи датированных находок бронзовых топоров не выходят за пределы третьей четверти II тыс. до н. э. К этому времени следует отнести и топор с Мало-Кизыльского селища.

Происходящий с территории этого селища Верхне-Кизыльский клад датируется Б. Г. Тихоновым XIV—XII вв. до н. э. На определение этим исследователем дат отдельных типов вещей и целых комплексов металлических изделий, связанных с абашевской культурой, влияла старая датировка этой культуры последней четвертью II тыс. до н. э. Архаичность форм большинства орудий, входящих в Верхне-Кизыльский клад, позволяет несколько удревить время его существования, не вынося его за пределы третьей четверти II тыс. до н. э.

Не менее убедительные доказательства дает рассмотрение керамики абашевских памятников Южного Урала.

Как говорилось выше, керамика из районов Стерлитамака и Магнитогорска имеет свои особенности, но в том и в другом случае анализ формы и орнаментации сосудов позволяет уточнить дату абашевской культуры. При этом становится ясным, что датировка последней четвертью II тыс. не может быть обоснована, и, наоборот, делается несомненным существование абашевской культуры в третьей четверти II тыс. до н. э.

Среди керамики селищ Мало-Кизыльского и Баланбаш встречены единичные обломки с орнаментом, нанесенным «шагающей гребенкой». В числе 20 абашевских черепков, оказавшихся на срубном поселении Салихово I, найден один фрагмент с таким же орнаментом. Этот мотив в Прикамье и на Урале широко был распространен в первой половине II тыс. до н. э., делается редким в третьей четверти этого тысячелетия, а в четвертой, например на борском этапе (с XIV в.) турбинской культуры, по свидетельству О. Н. Бадера, совсем не встречается (Бадер, 1961, стр. 184).

Такая датировка абашевских памятников поддерживается исследованием срубной керамики юго-западной Башкирии.

Классификация срубной керамики детально разработана О. А. Кривцовой-Граковой (Кривцова-Гракова, 1955). Ею выделяется небольшая группа поселений срубной культуры, «сохранивших и в форме посуды, и особенно в способах нанесения орнамента элементы полтавкинского времени». К архаическим элементам орнамента полтавкинского происхождения, пережиточно бытующим в начале срубного времени, О. А. Кривцова-Гракова относит круги, сделанные вдавлениями трубочки и оттисками веревочки. Наличие пережиточных элементов в керамике срубных поселений — явление довольно редкое. «Переход от полтавкинской к срубной культуре длился недолго. Из общего числа поселений срубной культуры, известных в настоящее время, лишь очень немногие сохраняют в керамике черты предшествующей эпохи» (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 33).

Оба указанных полтавкинских элемента мы видим на керамике срубных поселений юго-западной Башкирии. Кружковый орнамент встречен на посуде селищ Береговское I и Салихово I. Из раскопок 1955 г. на селище Береговское I происходит 13 черепков срубной культуры с веревочным орнаментом. На втором поселении на керамике, кроме кружкового орнамента, оказались петельки, оттиснутые веревочкой.

Таким образом, на селище Салихово I сосуществовали на срубной керамике кружковый и веревочный орнамент, а на абашевской — «шагающая гребенка». И то и другое ставит этот памятник в ряды ранних, никак не выходящих за пределы третьей четверти II тыс. до н. э. Скорее его можно датировать началом второй половины II тыс. до н. э. Еще более интересные выводы получаются из сопоставления срубной и абашевской керамики на селище Береговское I, где имеется возможность привлечь и стратиграфические данные.

На селище Береговское I в трех раскопах вскрыто три полуземлянки. В состав культурного слоя в районе первого жилища и в его заполнения входила керамика только срубной культуры. Раскопы II и III дали и срубную и абашевскую керамику, причем заполнение жилищ состояло почти исключительно из срубной керамики; на полу землянок найдены раздавленные сосуды срубного типа (табл. 5). Принадлежность жилищ к срубной культуре не вызывает сомнения. Вне жилищ ясного стратиграфического различия в залегании срубной и абашевской керамики не наблюдается. Но статистическим методом это различие улавливается. Особенно хорошо это удастся проследить в раскопе III, в который входили раскопанная часть жилища (35 м²) и значительная площадь межземляночного пространства (77 м²).

На всей площади раскопа (112 м²) обнаружено 844 фрагмента керамики, в том числе абашевской 314 и срубной 530. Почти вся абашевская керамика (84,4%) найдена за пределами жилищной впадины, в то время как большинство срубной оказалось в жилище (67,4%).

Для решения вопроса о последовательности обитания представителей двух культур на памятнике показательны условия залегания абашевских фрагментов. Если бы абашевцы поселились здесь после срубников, надо думать, что в этом случае абашевская керамика сравнительно равномерно должна была бы разместиться на площади раскопа, перекрывая и заплывшую впадину срубного жилища. Мы же видим (табл. 6), что на 1 м² внежилищной части впадины приходится 3,5 черепка абашевской керамики, а на впадину от жилища — 1,1. Если же взять только верхние слои заполнения землянки, то вторая цифра спустится до 0,03 на глубине до 40 см и до 0,4 на глубине 40—80 см. Различие в густоте залегания абашевской керамики вне жилища и в жилище мы объясняем тем, что абашевский слой отложился ранее срубного, а при сооружении срубной землянки он был выброшен на сторону. В землянку же абашевские черепки попали двумя путями. При сооружении срубного жилища абашевские черепки могли оказаться в засышке крыши, а оттуда, когда она обрушилась, проникнуть и в яму-погреб внутри жилища. На полу и в слое 0,5 м над полом в жилище найдено 9 абашевских черепков, а в яме-погребе — 10. Если бы абашевцы заселили памятник после срубников, когда яма-погреб и пол землянки, а может быть, и вся землянка, заплывли, абашевские черепки не могли бы проникнуть столь глубоко в жилище. Что касается абашевских черепков, оказавшихся в верхних слоях заполнения жилища, то они были занесены туда с краев жилищной впадины в процессе наполнения последней.

Таким образом, статистико-стратиграфические наблюдения на поселении Береговское I убеждают нас в том, что первоначально на этом двухслойном памятнике существовало абашевское поселение, которое позднее было перекрыто наслоениями срубного селища, полуземляночные жили-

Таблица 6. Количество фрагментов керамики на 1 м² в раскопе III Береговского I селища

Культура	В среднем на всей глубине, в см	На глубине, в см			
		до 40	40—80	80—100	На полу и в яме
П а м е ж з е м л я н о ч н о м п р о с т р а н с т в е					
Абашевская . . .	3,5	0,3	2,8	0,3	—
Срубная	2,2	0,5	1,5	0,2	—
П а п л о щ а д и ж и л и щ а					
Абашевская . . .	1,1	0,03	0,4	0,4	0,25
Срубная	10,2	0,1	1,1	1,4	7,6

ща которого врезались в абашевский культурный слой и частично разрушили его. Если верхний, срубный слой носит ранний характер, недалеко ушел от полтавкинского времени, тем более абашевское поселение нельзя датировать временем позднее середины II тыс. до н. э.

За пределами территории абашевских племен известны находки типично абашевских металлических изделий в памятниках, которые не моложе третьей четверти II тыс. до н. э. Сюда относятся абашевские вещи, найденные на р. Вишере на жертвенном месте под Писаным камнем и на поселении Базов Бор, которые датируются гаринским этапом турбинской культуры (XIX—XIV вв. до н. э.; Бадер, 1961, стр. 185).

Наконец, Галичский клад, уральское, абашевское происхождение которого признается большинством исследователей, таким знатоком древностей лесной полосы Восточной Европы, как М. Е. Фосс, датируется XIV—XIII вв. до н. э. (Фосс, 1962, стр. 12).

Таким образом, ряд достаточно точно датированных предметов из находок на абашевских памятниках Южного Урала, а также некоторые стратиграфические наблюдения на этих памятниках позволяют с уверенностью датировать их третьей четвертью II тыс. до н. э.

Очевидно, появление абашевского населения на Южном Урале следует отнести к значительно более раннему времени. К такому выводу можно прийти на основании сравнения керамики на разных памятниках. Датировка селища Баланбаш по костяному псалю XV в. до н. э. подтверждается прямоугольными меандрами в составе орнамента на сосудах селищ Баланбаш, Береговское I, могильник Нижне-Чуракаево. Такой орнамент типичен для алакульского этапа андроновской культуры, нижняя дата

которого на основании данных последних лет определяется XV в. до н. э. Для керамики селища Урняк меандр совершенно чужд, не встречен он и на селище Береговское II.

Последние два памятника, надо полагать, были обитаемы до распространения влияния андроновской культуры в Приуралье, их уверенно можно датировать по этому признаку концом или серединой второй четверти II тыс. до н. э.

Довольно ранним представляется Юкалекулевский могильник. Среди небольшой коллекции керамики с этого памятника нет керамики с признаками влияния андроновской культуры, что, впрочем, могло произойти и по причине территориальной отдаленности. Скорее, здесь сказалось влияние более северных уральских культур, а также пережиточные черты, характерные для фатьяновско-балановской посуды, особенно ярко проявившиеся в ямке, окруженной лучами-треугольниками на дне чашки из погребения I кургана 4 (рис. 3, 11).

Орнаментация придонной части сосудов в том же стиле наблюдается также на селищах Урняк (рис. 11, 14) и Баланбаш (Дмитриев, Сальников, 1941, табл. XXI, 10).

Делать на основании этих сопоставлений вывод о прямой генетической зависимости абашевских племен от фатьяновско-балановских трудно. Однако исключать эти сопоставления из числа доказательств возможности включения отдельных фатьяновско-балановских групп в процесс сложения абашевской культуры не следует.

Юкалекулевский могильник выглядит архаичнее других и по особенностям положения костяков. В большинстве случаев погребенные были положены не только на спину с подогнутыми ногами, но чаще вытянуто. И все же этот памятник нельзя удревнять далее XV в. до н. э. Металлический наконечник стрелы отнести к более раннему времени нет оснований.

Мало-Кизыльское селище можно уверенно рассматривать как заселенное населением смешанного происхождения. Металлические украшения, одна группа керамики, погребальный обряд полностью совпадают с общабашевскими или типичными для абашевских памятников на территории Башкирии. Другая группа керамики тесно связана с коренным населением Зауралья эпохи ранней бронзы. Описывая керамику, мы приводили много аналогий. Существование такой керамики в Зауралье падает на первую половину II тыс. до н. э. и, по всей видимости, не выходит за пределы начала второй половины II тыс. до н. э. (Кипарисова, 1960, стр. 9; Бадер, 1964, стр. 139). Однако Мало-Кизыльское селище не может датироваться ранее XV—XIV вв. до н. э., поскольку среди находок на нем находится один сосуд (рис. 3, 1), орнаментированный гребенчатым меандром алакульского типа. Следовательно, на этом памятнике уже сказывалось влияние андроновской культуры, хотя и в очень слабой степени.

Упомянутый сосуд по форме чужд андроновской посуде и наравне с меандром украшен гребенчатым зигзагом и незаштрихованными ромбами местного лесного, доандроновского типа. Не противоречат этой дате и вещи Верхне-Кизыльского клада, найденного на площади селища.

Мы предвидим возражения против столь ранней датировки Мало-Кизыльского селища в виде указания на сосуд с поддоном (рис. 3, 5). В археологической литературе укоренилось представление о сосудах на поддонах эпохи бронзы как о явлении позднем, возникшем на базе высокого развития металлургии. Высокое искусство в металлургическом производстве позволяло создавать сложные формы металлической посуды, которые потом копировались в глине (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 45). Однако имеются факты, противоречащие этой гипотезе. Сосуды на высоких поддонах на Кавказе найдены в энеолитическом Каякентском поселении (Мунчаев, 1961, табл. VI, 5). У племен абашевской культуры широко применялись плавильные чаши на ножках, которые, может быть, и явились в некоторой мере прообразом для придачи вазовидному сосуду поддона. Даже если связывать возникновение поддона с существованием металлической посуды, то не будет большой смелостью предполагать у абашевцев наличие металлических сосудов. Абашевские племена, по всем данным, были, вероятно, обладателями богатых уральских залежей меди и имели высокоразвитую металлургию.

В культурах, тесно связанных с медными месторождениями, металлическая посуда могла изготавливаться на ранних ступенях развития. Известно, что уже в Майкопской культуре такие сосуды существовали.

Наиболее поздними памятниками следует считать могильники Метев-Тамак, Степное I и погребение под Царевым курганом на Тоболе. Во всех них в том или ином виде сказалось более сильное влияние андроновской культуры, а в материалах первого могильника, возможно, и срубной. Однако и эти памятники нет оснований датировать позднее третьей четверти II тыс. до н. э.

Говоря о датировке абашевских памятников Приуралья, нельзя не упомянуть о попытке использовать радиоуглеродный метод. Возраст древесины из Нижне-Чуракаевского могильника, исследованной в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, был определен в пределах 1060 ± 70 лет до н. э. (XII—X вв. до н. э.).

В точности определенной даты позволим себе усомниться. За пределы третьей четверти II тыс. до н. э. выносить абашевские памятники, в том числе и Нижне-Чуракаевский могильник, невозможно. В составе его инвентаря имеется бронзовый нож-кинжал срубного типа. Такие орудия найдены во многих памятниках срубной и андроновской культуры третьей четверти II тыс. до н. э. Для последней четверти характерны уже другого типа ножи.

В итоге можно предварительно наметить периодизацию абашевских памятников Южного Урала. Ранний этап: селища Урняк, Береговское II, Романовка; средний этап: селища Баланбаш, Береговское I, Мало-Кизыльское, могильники Нижне-Чуракаевский, Юкалекулевский; поздний этап: могильники Метев-Тамак и Степное I.

Ранний этап можно датировать концом первой половины II тыс. до н. э., средний — XV—XIV вв. до н. э., поздний — XIV—XIII вв. до н. э.

Исследования последних лет в Среднем Поволжье заставили пересмотреть и частично удревнить датировку абашевских памятников и этого района. Время сложения и бытования абашевской культуры в Чувашии теперь относят к середине и третьей четверти II тыс. до н. э. (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 89; Мерперт, 1961, стр. 155—156; Смирнов, 1961а, стр. 153; Халиков, 1961, стр. 219), а обитание абашевского населения на территории Марийской АССР — к последней четверти этого тысячелетия (Халиков, 1961, стр. 219).

Следовательно, абашевское население на Южном Урале обитало не позднее племен той же культуры в «классических» абашевских районах — на территории Чувашской и Марийской АССР, где открыто к настоящему времени значительное количество памятников.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Литература об абашевской культуре, представленная еще несколько лет назад ограниченным числом преимущественно небольших статей, за последние годы обогатилась рядом крупных работ, в которых сделаны важные обобщения, выводы, предложены новые теории происхождения культуры. Все это сделалось возможным благодаря введению в научный оборот

История вопроса

большого числа новых исследованных памятников.

Новые работы почти исключительно освещают абашевскую культуру на ее «классической» территории, которая благодаря раскопкам последних лет охватывает не только Чувашию и запад Татарии, но и значительную часть Марийской республики. Выводы и гипотезы, предложенные авторами работ, важны и для разработки истории абашевского населения Южного Урала.

До недавнего времени господствовала теория о генетической связи абашевцев с фатьяновцами (балановцами). Высказав первым мнение о преемственной связи между фатьяновской и абашевской культурами, О. Н. Бадер позднее, ссылаясь на различие антропологического типа представителей этих культур, признал такую связь маловероятной. О. А. Кривцова-Гракова при разработке периодизации фатьяновской культуры пришла к выводу, что наиболее поздняя восточная группа фатьяновских племен обитала на территории Чувашии в третьей четверти II тыс. до н. э., а абашевцы являются их потомками и, следовательно, время их бытования определяется четвертой четвертью этого тысячелетия (Кривцова-Гракова, 1947). Эта датировка абашевской культуры была принята другими исследователями (Смирнов, 1952; Брюсов, 1952; Сальников, 1954). Нами была сделана попытка проследить пути распространения абашевских племен из Среднего Поволжья на восток, в Приуралье. Десять лет назад представлялось, что абашевцы продолжали движение своих предков — фатьяновцев — в восточном направлении, достигли Башкирии, перешли через Урал и в начале I тыс. до н. э. дошли до берегов р. Тобола, а в дальнейшем были поглощены андроновскими племенами (Сальников, 1954, стр. 92).

Этой теории происхождения абашевской культуры продолжает придерживаться до последнего времени ряд исследователей. Большую роль фатьяновской культуре как одному из компонентов сложения абашевской культуры отводит А. П. Смирнов (1961а, стр. 51), рассматривающий абашевскую культуру как синтез трех культур: фатьяновской, срубной и местной. По-видимому, в фатьяновцах видит предков абашевцев и Д. А. Крайнов, когда относит погребение на стоянке Николо-Перевоз к позднему фатьяну, «ко времени возникновения абашевской культуры» (Крайнов, 1963, стр. 11).

Сейчас почти одновременно родились две новые гипотезы. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков истоки абашевской культуры ищут на западе, в среднеднепровской культуре, откуда через бассейн р. Оки ее носители достигают Чувашии и соседних районов. В то же время эти исследователи оговариваются: «Мы, однако, не предполагаем, что между среднеднепровской и абашевской культурами имелись непосредственные генетические связи; они были скорее, так сказать, «двоюродными сестрами» (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 87). Рассматривая среднеднепровскую культуру как важный компонент в сложении абашевской, Ефименко и Третьяков отмечают в последней черты, роднящие ее с фатьяновской и позднеэнеолитическими культурами, и отчасти ямно-катакомбной.

А. Х. Халиков выдвинул оригинальную, более прямолинейную гипотезу, согласно которой абашевская культура возникла в результате развития ямной общности в районе Окско-Донского междуречья. Но и он принужден был оговориться, что на формирование абашевского населения «определенные влияния могли оказывать и другие культурные группы — среднеднепровская на западе и окская на севере» (Халиков, 1964, стр. 226). На верхнем Дону известно несколько памятников, которые А. Х. Халиков, исходя из своей гипотезы, считает раннеабашевскими. Отсюда абашевцы, по его мнению, под натиском срубных племен продвигаются к северу на верхнюю и среднюю Волгу (там же, стр. 225), сначала занимают правобережье средней Волги, а затем, в последней четверти II тыс. до н. э., «обосновываются на короткое время» на территории Марийской АССР (там же, стр. 214). Дальнейшая судьба абашевских племен, по мнению этого исследователя, уже связана с Уралом. «Можно лишь с уверенностью полагать, — пишет А. Х. Халиков, — что в самом конце II тыс. до н. э. абашевские племена покидают Волго-Вятское междуречье и перемещаются далеко на восток, в Приуралье» (там же, стр. 184). П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков также рассматривают приуральские памятники как поздний восточный вариант абашевской культуры (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 89). Этой точки зрения придерживался в прошлом и автор настоящей работы (Сальников, 1954).

Не останавливаясь на подробном разборе новых теорий о происхождении абашевской культуры, считаем нужным отметить, что авторы обеих теорий не могли не обратить внимание на сложный состав исходных эт-

нокультурных элементов, на основе которых происходило формирование абашевской культуры, хотя по существу они оперировали абашевскими памятниками лишь Среднего Поволжья и немногими материалами со среднего Дона. Если же мы обратимся к абашевским памятникам всех районов, где они известны, то картина получится еще более красочная.

Площадь распространения абашевских памятников — обширна. Ее крайними точками являются на севере — оз. Плещеево, на юге — Подонье южнее Воронежа, на западе — район Брянска и Калуги, на востоке — г. Курган. Совершенно естественно, что в отдельных районах абашевские памятники представлены различными вариантами культуры. В одних случаях различия вытекают из своеобразия компонентов, послуживших основой для сложения культуры, в других носят хронологический характер и отражают разницу в исторической обстановке, в которой протекало развитие абашевских племен в каждом из этих районов.

Нам представляется, что можно выделить следующие районы обитания абашевских племен: средневожский (памятники на территории Чувашской, Марийской и на западе Татарской АССР), стерлитамакский (башкирский), магнитогорский, зауральский, среднедонской и нижневожский.

Чтобы приблизиться к разрешению столь сложной проблемы, как происхождение абашевской культуры, и выяснить этапы ее развития, следует проанализировать материал абашевских памятников по возможности каждого района, а не ограничиваться «классическим» районом — Средним Поволжьем.

Роль аборигенного населения в сложении абашевской культуры

В поисках предков абашевских племен авторы и сторонники всех основных существующих сейчас гипотез обращаются прежде всего к фатьяновской, среднеднепровской и ямной культурам. Густо абашевское население зафиксировано на территории Среднего Поволжья и Башкирии. Для этих районов племена перечисленных выше культур, в которых ищут предков абашевцев, являются пришлыми с юга или юго-запада. Следовательно, до их прихода здесь обитало какое-то другое население, культура которого не могла не отразиться в культуре абашевских племен. Более того, культура местных племен должна была представлять собою один из основных компонентов сложения абашевской культуры. Многое в абашевской культуре не будет понято, если мы не обратимся к памятникам коренного населения Среднего Поволжья и Приуралья.

Усматривая в абашевской культуре некоторые общие черты с фатьяновской, все же нельзя говорить о прямой преемственности. Форма абашевских сосудов сильно отличается от фатьяновских. Вместо горшков с

высоким узким горлом и бомбовидным круглодонным туловом, характерным для фатьяновских памятников, в абашевской культуре большое место занимают безгорлые, с широким устьем колоколовидные сосуды. Прототипы этим формам надо искать в другой среде.

Несмотря на территориальную разобщенность, средневожская и башкирская группы абашевских памятников настолько близки, в особенности в области формы и орнаментации керамики, что в этом надо видеть отражение единства их исторических судеб.

В предабашевское время, в эпоху позднего неолита и ранней бронзы, в первой половине II тыс. до н. э. на территории Чувашского Поволжья, кроме балановских племен (Бадер, 1963, рис. 145), обитали племена балахнинской и волосовской культур (Халиков, 1960, стр. 69—71). В районе нижнего течения р. Суры, по левому ее притоку — р. Пьяне, на дюнах и в пойме известны стоянки с кремнем и керамикой, в орнаментации которой имеются балахнинские и волосовские элементы (Степанов, доклад на пленуме ИИМК, апрель 1956 г.). Тем же племенам, по-видимому, принадлежат стоянки по р. Цивилю, обследованные в 1926 г. В. Ф. Смолиным, которые он относит к эпохе неолита и медного века. Керамика стоянок по р. Цивилю покрыта орнаментом из рядов круглых и овальных ямок, зубчатых параллельных линий и зигзагов, а также лунообразных углублений (Смолин, 1927). Характеристика этой орнаментации указывает на близость ее к балахнинской культуре (ср. Брюсов, 1952, рис. 14). Восточнее, в районе Казани, где открыты балахнинские и волосовские памятники, вместе с тем наблюдается общность этих культур с уральскими. На стоянках казанского Поволжья еще в III тыс. до н. э. «весь облик керамики тяготеет к керамическому материалу приуральского неолита» (Халиков, 1955, стр. 8), и здесь развитие керамики проходит через те этапы, которые наблюдаются на Урале: в энеолитическое время (первая половина II тыс. до н. э.) появляется орнаментация крупнозубчатым гребенчатым штампом с неполным заполнением орнаментального поля, днища уплощаются, края сосудов приобретают отгиб во внешнюю сторону (Халиков, 1955, стр. 8).

Давно замечено резкое отличие керамики волосовской культуры от древней ямочно-гребенчатой, ее пришлый характер, ее родственность уральской керамике. На ряде волосовских стоянок наблюдается иная, не типичная для окских культур, конструкция жилищ. Здесь открыты не круглые, а прямоугольные землянки, соединяющиеся друг с другом переходами. Такое устройство жилищ обычно на поселениях Прикамья. Все это заставляет говорить о сдвиге в первой половине II тыс. до н. э. значительных этнических масс из Прикамья на запад до района горьковского Поволжья (Брюсов, 1953, стр. 47; Бадер, 1953, стр. 57).

О. Н. Бадер убедительно доказал родственность волосовских племен турбинским племенам Прикамья. С другой стороны, усматривается

родственность населения Прикамья с неолитическими племенами, обитавшими на юге лесного Зауралья. Направление эволюции формы сосудов повсюду на огромной территории от Зауралья до низовьев Оки было одинаковым, повсюду в эпоху неолита получает распространение орнаментирование крупнозубым гребенчатым штампом, заглаживание тем же штампом или ему подобным инструментом внутренней поверхности сосудов. Основная масса сосудов в абашевских памятниках имеет такие формы, которые можно представлять как естественное завершение развития неолитических и энеолитических сначала прямостенных сосудов, а затем сосудов с несколько отогнутым горлом.

Итак, чувашское Поволжье в предабашевское время (первая половина II тыс. до н. э.) жило общей жизнью с Приуральем, оно было заселено племенами, этнически родственными уральским племенам эпохи неолита и энеолита. В эту среду и проникли с запада племена, близкие фатьяновско-среднеднепровским, смешение которых с аборигенами привело к формированию абашевской культуры.

В последние годы О. Н. Бадер поставил вопрос о возможности связать происхождение абашевской культуры с волосовскими племенами (Бадер, 1961а; 1964, стр. 174). Конечно, важно, что для волосовской керамики, как и для абашевской, характерна примесь к глине толченой раковины. Однако нам кажется недостаточным ограничивать предков абашевцев из среды местного населения только волосовскими племенами.

Примечательно, что столь характерные мелкие с округлым дном ямки в орнаменте абашевских сосудов, не находящие аналогии в других культурах, типичны для балахнинской посуды. Последняя «характеризуется ямочно-гребенчатым орнаментом, отличающимся типичными, неглубокими полшарной формы ямками, нигде больше не встречающимися в неолитической керамике» (Фосс, 1952, стр. 159, ср. рис. 83, 3).

Что касается башкирского района абашевской культуры, то несмотря на слабую изученность памятников первой половины II тыс. до н. э. на этой территории, с каждым годом умножаются доказательства, что здесь обитали племена, родственные энеолитическому населению Прикамья и Зауралья. На это указывает тип керамики со стоянок на р. Уфе, исследованных Л. Я. Крижевской (1959), на р. Белой в Белорецком районе, изученных Г. Н. Матюшиным (1962а), на р. Деме, открытых у г. Давлеканова Г. И. Матвеевой.

Для всех известных на Урале и в Приуралье погребений коренного доабашевского населения характерно положение умерших вытянуто на спине. Изредка такое положение наблюдалось и в абашевских могильниках в Среднем Поволжье (Абашево, Катергино). Наиболее вероятный источник этого обряда надо искать также в среде аборигенных племен эпохи энеолита.

Связи с фатьяновской культурой

Наиболее насыщенным и изученным абашевским памятником является средневожский район. Здесь родилась гипотеза о преемственной связи абашевской культуры с фатьяновской через самый восточный, чувашский, вариант последней. Решительные возражения эта теория встретила сейчас со стороны А. Х. Халикова. Он разыскал во многих культурах элементы орнамента, рассматриваемые сторонниками фатьяновской гипотезы как типичные для фатьяновской керамики, а преемственные и для абашевской, и на этом основании стал полностью игнорировать связи между фатьяновской и абашевской культурами (Халиков, 1961, стр. 221).

В свете новых данных от фатьяновской гипотезы происхождения абашевской культуры, как она была изложена много лет назад, следует отказаться. Но от фактов зависимости этих двух культур между собой уйти нельзя.

Приводя яркие, хотя и немногочисленные, примеры взаимоотношения фатьяновской и абашевской культур на территории Среднего и Верхнего Поволжья, Ефименко и Третьяков приходят к выводу, что «абашевская и предшествующая ей фатьяновская культуры хронологически близко соприкасались друг с другом, что одна из них непосредственно сменила другую» на территории Чувашии и соседних районов. Авторы считают, что «в фатьяновской культуре следует усматривать, по-видимому, лишь один из источников абашевской культуры», и одновременно допускают вероятность сосуществования на некотором отрезке времени этих двух культур (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 84—85). Со всем этим нельзя не согласиться.

В свое время нами была прослежена связь абашевской культуры с фатьяновско-балановской на элементах орнамента керамики (Сальников, 1954). Открытия и исследования последних лет в области фатьяновской и абашевской культур не позволяют считать абашевские племена прямыми потомками позднефатьяновского населения. Однако совершенно отрицать связь между фатьяновскими и абашевскими племенами нельзя.

Действительно, как заметил А. Х. Халиков (1961, стр. 221), отдельные орнаментальные элементы — заштрихованные ромбы, группы наклонных линий с чередующимся наклоном, многорядовый горизонтальный зигзаг, горизонтальная елочка и т. п. — можно встретить и на керамике других культур. Другую группу элементов орнамента, куда входят вертикальные заштрихованные полосы, группы насечек с интервалами, А. Х. Халиков относит к балановской и среднеднепровской керамике (Халиков, 1961, стр. 221). Не может вызывать сомнение идентичность шахматного узора на керамике абашевской и среднеднепровской культур.

Но дело не ограничивается совпадением отдельных элементов. Можно указать целые довольно сложные композиции орнамента, которые встре-

чаются, с одной стороны, на фатьяновской, с другой — на абашевской керамике как средневожского, так и башкирского района. Таковы лопасти из вертикальных зигзагов, которые оказались на сосудах из могильников Тауш-касы, Тюрлема и Туруново (Акимова, 1950, рис. 13; Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 22, 24; Халиков, 1961, табл. VI, 7, 8) и селища Урняк (рис. 12, 6).

Среди узоров на керамике Вауловского фатьяновского могильника можно отметить вертикальные и горизонтальные полосы, составляющие рамку прямоугольников, лишенных орнамента (Крайнов, 1944, табл. IX, 5).

Этот мотив мы видим на керамике абашевских селищ Урняк и Береговское II, с той лишь разницей, что в первом в рамку вписаны ромбы (рис. 9, 5), а во втором пустое пространство прямоугольника пересекает горизонтальная полоса из такой же ромбической сетки (рис. 11, 22).

Нередкие для фатьяновско-балановской посуды вдавления в центре дна, иногда с солярным орнаментом (Крайнов, 1964, табл. IV; X, 39; XII; Халиков, 1960, стр. 133; Бадер, 1963, рис. 138), встречаются на абашевской керамике памятников Башкирии. На дне чашки из Юкалекулевского могильника заметна вмятина, от которой на стенки переходят треугольные лучи (рис. 3, 11). Еще ближе к балановским группы лучей вокруг округлого уплощенного днища на сосуде из селища Урняк (рис. 12, 5. Ср. Бадер, 1963, рис. 138, 8).

Иногда даже форма фатьяновской посуды проникает в среду абашевских племен. Н. Ф. Калинин среди керамики Васюковского могильника отмечает как одну из разновидностей шаровидные сосуды с высокой цилиндрической шейкой, в которых он усматривает «форму, аналогичную фатьяновской посуде» (Калинин, 1952). В могильнике Теби-касы в Чувашии также один из сосудов с округлым туловом выглядит совсем по-фатьяновски (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 22, 5).

В области погребальных обрядов также усматривается известная близость племен абашевской культуры, с одной стороны, к фатьяновцам, а с другой — к местному неолитическому населению. Еще В. Ф. Смолин отмечал в Абашевском могильнике различие в положении костяков. В одних могилах покойники лежат на спине с ногами, согнутыми в коленях, в других — вытянуто (Смолин, 1928, стр. 30—31). Первый способ обычен в погребениях ямной культуры, но не чужд и фатьяновским памятникам. Он наблюдался в Козловском могильнике. В Горкинском могильнике такое положение костяка удалось проследить только в могиле 13, где погребенный лежал на спине с приподнятыми коленями. В других могилах кости не сохранились; можно предполагать, что и в них умершим было придано такое же положение (Кривцова-Гракова, 1938). Второй способ — положение вытянуто на спине — ведет свое происхождение от погребального обряда местных «неолитических» племен. Встречен он и в фатьянов-

ских могильниках: Лихачевском, Великосельском, Тимофеевском, Халдеевском (Крайнов, 1964, стр. 22).

Большая разница в устройстве могильников (фатьяновские — грунтовые, абашевские — курганные) сглаживается, если учесть, что в ряде случаев установлено возведение курганной насыпи над абашевскими могилами по прошествии некоторого времени, а до того могильник выглядел по-фатьяновски как грунтовой.

Говоря о погребальном обряде, нельзя не отметить близкие аналогии в коллективных захоронениях абашевской и фатьяновской культур с большим числом погребенных. В Абашевском могильнике одна из могил содержала 7 костяков (Смолин, 1928), в Пепкинском кургане, раскопанном А. Х. Халиковым, оказалось 28 костяков в общей могиле, в Юкалекулевском могильнике Н. А. Мажитов обнаружил в коллективном погребении 13 костяков: 10 лежали вытянуто на спине головой на юго-запад и северо-восток, 3 — на правом боку головой на юго-запад и север.

Весьма интересно сопоставление юкалекулевского коллективного захоронения с коллективным фатьяновским погребением на стоянке Николю-Перевоз в Московской области (Раушенбах, 1960). Из девяти костяков в этой фатьяновской могиле восемь лежали скорченно, один — вытянуто на спине; шесть костяков были ориентированы головой на юго-запад, три — на северо-восток (Раушенбах, 1960). Иначе говоря, в обоих случаях — в Юкалекулеве и Николю-Перевозе — погребенные имели одинаковую ориентировку: на юго-запад и северо-восток в обоих случаях умершие были положены и вытянуто на спине и скорченно на бок. По мнению Д. А. Крайнова, описанное фатьяновское погребение по характеру инвентаря относится к позднему фатьяну, «ко времени возникновения абашевской культуры» (Крайнов, 1963, стр. 11). Юкалекулевский могильник по ряду признаков — преобладание вытянутых на спине захоронений, ямочное вдавление фатьяновского типа на дне сосуда, отсутствие меандра в орнаменте керамики — мы рассматриваем как один из ранних памятников абашевской культуры Приуралья. Хронологически оба эти памятника были, очевидно, близки. При рассмотрении вопроса о фатьяновско-абашевских взаимоотношениях нельзя не учитывать следы проникновения фатьяновско-балановских племен или их вещей в сторону Приуралья. Особенно интересно относимое О. Н. Бадером к балановской культуре Верх-Савинское погребение в Куединском районе Пермской области на р. Буй (Бадер, 1963, стр. 214). Район погребения находится близ северной границы Башкирской АССР, в 150 км от поселения с абашевской керамикой у д. Князево Кушнаренковского района. Наиболее восточные находки фатьяновско-балановской керамики отмечаются на Самарской Луке (Алихова, 1958, рис. 7, 1) и на Гулькиной стоянке на р. Утке в Ульяновской области (Збруева, 1960, рис. 20, 8—11). Всего несколько десятков километров отделяет последние два памятника от поселения у с. Русская Бектяшка

в Ульяновской области, в состав культурного слоя которого входила абашевская керамика (Алихова, 1960, стр. 129, рис. 1, 1). Из такого близкого соприкосновения территорий расселения фатьяновско-балановских и абашевских племен еще рискованно делать вывод о их генетической зависимости. Однако для выяснения общих черт в керамике этих племен нет необходимости обращаться к территории чувашского Поволжья. Соседство было более близким.

Вместе с тем нельзя забывать о вполне возможных общих корнях фатьяновцев, балановцев и абашевцев, возникших далеко на западе в среде племен «шнуровой керамики».

Население абашевской культуры не может причисляться к племенам «шнуровой керамики». Однако события, протекавшие в среде последних, не могут не учитываться при рассмотрении вопроса о происхождении абашевской культуры. Как известно, переход на заре бронзового века к скотоводству и интенсивный рост населения привели к большим передвижениям среднеевропейских племен «шнуровой керамики», нуждавшихся в расширении пастбищных площадей («Очерки истории СССР, 1956, стр. 90). Распространение скотоводческого населения шло в восточном направлении.

Многие советские авторы связывают с этим движением происхождение фатьяновских племен, усматривая в них расселившиеся из Поднепровья племена среднеднепровской культуры (Брюсов, 1952; Фосс, 1952; Третьяков, 1953). В Поднепровье приводят М. М. Герасимова поиски (на материалах антропологии) истоков и балановской культуры (Герасимов, 1955).

Нам кажется, правильное искать предков фатьяновско-балановского населения не среди племен какой-либо из известных конкретных культур, а включать их в большую группу «близких друг другу среднеевропейских и восточноевропейских племен, известных в археологии под названием племен культуры шнуровой керамики», как это делают по отношению к фатьяновцам П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков (1961, стр. 82) и по отношению к балановскому населению О. Н. Бадер (1963, стр. 309). Такой подход подтверждается находкой на р. Белой у г. Бирска погребений с металлическими украшениями унетицкого типа. Позволим себе остановиться на этом памятнике подробнее, поскольку он не опубликован.

В 1965 г. нам удалось обследовать на северной окраине г. Бирска два погребения: одно было разрушено полностью, а второе потревожено при рытье котлована под корпус завода.

В первом погребении удалось найти в отвалах лишь сильно фрагментированный череп и ранее собранный в этом погребении инвентарь. В него входят: манжеты унетицкого типа (рис. 2, 15), спиральное проволочное колечко в 1,5 оборота (рис. 2, 18), второе такое же колечко в обломках, спиральное кольцо в 1,5 оборота из ребристой пластинки (рис. 2, 20, 21),

крупная из круглой проволоки спираль, крайний виток которой с одного конца раскован в пластинку (рис. 2, 19), зашлифованный клиновидный топорик (рис. 2, 22) и пять зубов хищника (собаки?) со сверлинами на концах (рис. 2, 16, 17).

Во втором погребении смещенными оказались черепа. Нами расчищены в этой могиле два костяка парного захоронения. Оба костяка лежали рядом головами на восток. Южный, более крупный, очевидно, мужской костяк лежал на спине со свалившимися влево ногами. Вероятно, первоначально ноги были поставлены коленями вверх. Правое предплечье лежало поперек живота, локоть левого был несколько отброшен в сторону, кисть — на животе.

Северный костяк очень молодого субъекта лежал скорченно на левом боку. Бедренные кости были согнуты под прямым углом к позвоночнику. Правое предплечье находилось в области живота, левая рука — вытянута вдоль туловища. На обоих предплечьях возле кисти обнаружены плохой сохранности браслеты-манжеты (рис. 2, 26, 27). В области шеи лежали очковидная привеска (рис. 2, 24) и крупная спираль из круглой проволоки с раскованным в пластинку одним концом (рис. 2, 23). В отбросе земли, находившейся, очевидно, в области черепа, было найдено спиральное кольцо в 1,5 оборота из ребристой пластинки (рис. 2, 25).

Под костяками прослежен мощный слой тлена черного цвета. По его остаткам на медных предметах удалось определить, что он состоял из перегнойной коры и травы.

Что касается конструкции погребального сооружения, то о ней ничего определенного установить не удалось. К моменту исследования почва и верхние слои грунта были на большой площади удалены бульдозерами. Весьма приблизительно можно считать, что глубина могилы достигала 1—1,5 м. Была ли над этими погребениями курганная насыпь, остается невыясненным.

Описанные погребения являются в полном смысле слова уникальными. Ничего близкого им не встречено ни в Приуралье, ни в ближайших областях. Положение на спине с поднятыми коленями характерно для погребений ямной, полтавкинской и абашевской культур. Присутствие второй формы — положение на боку — исключает ямную культуру. Следовательно, время захоронения в Севернобирском могильнике по обряду погребения падает на первые три четверти II тыс. до н. э. Могильный инвентарь позволяет определить дату более точно. Подавляющее большинство предметов находит себе полную аналогию в унетичкой культуре на территории Моравии и Силезии. Среди унетичских предметов имеются такие же манжетовидные браслеты (M. Ebert, 1924, t. 53, 9), проволочные спирали с расплюснутыми концами (Ebert, 1927/28, t. 81, S), весьма близкие бирским спиральные кольца из ребристых пластинок (Ebert, 1925, t. 33, 6). Не чужды унетичским памятникам очковидные под-

вески и проволоочные височные колечки в 1,5 оборота. Правда, два последних изделия очень широко распространены. Из территориально близких к бирскому могильнику культур они встречаются в абашевских могильниках.

Отдельные унетицкие предметы проникали на территорию Восточной Европы. Манжеты найдены в Мытищинском и Вороксинском могильниках фатьяновской культуры (Бадер, 1959; Крайнов, 1941, стр. 128), в погребении на Владыгинской стоянке (Цветкова, 1953), пластинчатые височные кольца — на фатьяновском памятнике Ярославской области Дикариха (Никитин, 1963, стр. 220, рис. 9, 1). В Балановском могильнике унетицкую форму имеют оригинальные височные кольца, сделанные из сложенной вдвое проволоки (Бадер, 1963, стр. 194, рис. 123, 14).

Для металлических украшений Северnobирского могильника характерна пластинчатость: манжеты, спиральки заканчиваются пластинчатыми концами, кольца имеют комбинированную конструкцию — проволоочная середина переходит к концам в ребристые пластинки. Комбинированность такого рода типична для унетицких украшений.

Височные кольца из ребристых пластинок нередко встречаются на западе Украины в памятниках культуры племен «шнуровой керамики» первой половины II тыс. до н. э. (Баран, 1961). В Словакии могильники, содержащие такие кольца, синхронизируются с раннеунетицкой культурой (Budinsky-Krička, 1965). Они имеют отличную от северnobирских форму, но пластинчатость и ребристость роднят их. Более близкие, нежели унетицкие, аналогии северnobирским украшениям трудно указать.

Унетицкие украшения Северnobирского могильника отличаются от единичных находок в фатьяновских памятниках своей многочисленностью и, если можно так выразиться, монолитностью. Это не отдельные предметы, случайно каким-то путем проникшие в состав инокультурных украшений, а цельный комплекс. Трудно себе представить, чтобы женщина местного происхождения украсила себя исключительно иноземными предметами. Такой выдержанный в унетицком стиле комплекс украшений мог принадлежать только женщине, теснейшим образом связанной с населением Средней Европы. Отсюда, однако, еще не следует, что данный комплекс является импортом или занесен группой среднеевропейского населения в Приуралье. Очень возможно, что анализ состава металла покажет местное производство унетицких вещей Северnobирского могильника так же, как Мытищинский браслет-манжета ничем не отличается от прочих фатьяновских вещей по характеру металла, не связанного с западными источниками (Черных, 1963, стр. 366; 1965, стр. 102).

Однако во всех случаях образцами могли служить только вещи среднеевропейских племен «шнуровой керамики».

Инвентарь погребений Северnobирского могильника не только лишний раз подтверждает культурные связи, существовавшие между племенами

Средней и Восточной Европы (Бадер, 1959, стр. 153), но указывает на проникновение выходцев из Средней Европы глубоко в восточном направлении, вплоть до Приуралья.

Подобные Севернобирским браслеты-манжеты бортицкого типа (по западной терминологии) характерны на территории Моравии для ранних унетицких памятников первой четверти II тыс. до н. э. (Брюсов, 1952, стр. 64—65). Очевидно, позднее начала второй четверти того же тысячелетия не может датироваться и комплекс из-под Бирска. Следовательно, еще в доабашевское время в Приуралье проникали группы племен среднеевропейского происхождения. В этой связи весьма заманчиво усматривать общие корни для таких своеобразных украшений, как трубочка с надетыми на нее спиральными кольцами из Балановского могильника (Бадер, 1963, рис. 123, 17) и крупные спирали с пластинчатым концом из Севернобирского могильника. Функционально оба украшения были близки: Балановское входило предположительно в состав шейной гривны (Бадер, 1963, стр. 192—193), спиралька Севернобирского могильника найдена также в области шейных позвонков.

Бирская находка, нам думается, является отличной иллюстрацией для доказательства существования еще в доабашевское время связи Приуралья со Средней Европой, более того, указывает на случаи, вероятно не частые, проникновения выходцев из племен «шнуровой керамики» так далеко на восток.

Можно ли видеть в людях, погребенных возле Бирска, предков абашевцев? Для вполне утвердительного ответа на этот вопрос данных недостаточно. Бирские погребения содержат общие с абашевскими захоронениями черты — положение на спине с поднятыми коленями, ориентировку головой на восток, очковидную привеску, проволоочные в 1,5 оборота височные кольца.

Прочие металлические украшения, ожерелье из зубов животных и кремневый клиновидный топорик в абашевских могильниках не встречаются. Однако подобные топорики и ожерелья обычны в могильниках фатьяновской и балановской культуры, а изредка встречаются в этих могильниках и некоторые металлические украшения унетицкого типа.

Таким образом, население Приуралья первой половины II тыс. до н. э. связывается, с одной стороны, с племенами Средней Европы, с другой, — с населением Верхнего и Среднего Поволжья. И до Приуралья докатилась мощная волна расселения скотоводческих племен культуры «шнуровой керамики».

Нам думается, что перечисленные факты служат солидными аргументами в пользу участия в сложении абашевской культуры племен «шнуровой керамики» при посредстве фатьяновско-балановского населения. Мы еще раз отмечаем, что фатьяновская гипотеза происхождения абашевской культуры в том виде, как она рисовалась в прошлом рядом исследо-

вателей, в том числе и автором настоящей работы, в свете новых фактов должна быть снята. В то же время в приведенных фактах связи абашевского населения с фатьяновско-балановским нельзя видеть только результат влияния, заимствований. Очевидно, какая-то часть фатьяновско-балановских групп была втянута в процесс формирования абашевских племен и внесла свою долю в сложение их культуры.

Особенности абашевских памятников Башкирии

Абашевские племена создали на Южном Урале мощный самобытный очаг древней медно-бронзовой металлургии, влияние которого сказывается далеко за пределами Урала. Не подлежит сомнению, что абашевские племена на Южном Урале играли в эпоху бронзы большую историческую

роль. Но были ли они аборигенами, имеющими глубокие местные корни, развилась ли абашевская культура Урала на базе местных более ранних культур или она принесена сюда пришлыми племенами?

Различие абашевских памятников Башкирии и Среднего Поволжья заключается в преобладании в первом районе поселений, которые пока не известны в Чувашии и Марийской АССР. Если же отвлечься от этого, можно сказать, случайного расхождения, которое в дальнейшем исчезнет, то облик абашевской культуры в Башкирии не содержит существенных отличий от культуры, рисующейся по памятникам Среднего Поволжья.

Керамика памятников башкирского района обитания абашевских племен близка посуде из памятников Средней Волги. Здесь мы видим те же орнаменты: ряды косых отрезков с чередующимся наклоном то в одну, то в другую сторону (рис. 11, 4), зигзаги (рис. 11, 8) и группы насечек (рис. 11, 10), узкие, горизонтально заштрихованные треугольники (рис. 9, 8; 11, 11), заштрихованные ромбы (рис. 10, 1, 6), вертикальные полосы (рис. 10, 6; 11, 12, 22) и пояски из ромбической сетки, круглые крупные ямки на углах ромбов и треугольников или по краю орнаментальной полосы (рис. 10, 1, 6).

В памятниках Башкирии некоторые абашевские элементы орнамента присутствуют в более сложной форме. Вертикальные заштрихованные полосы на селищах Баланбаш и Урняк заканчиваются внизу сложными сечкообразными расширениями, а последние в свою очередь обрамляются ямками и бахромой (рис. 9, 8; 10, 6). Круглые ямки того же назначения, что и в Чувашии, зачастую окружаются лучиками или «ресничками» (рис. 11, 14, 15). Характерными для района Стерлитамака являются сосуды, на которых выдавлены глубокие прямые и волнистые желобки, меандры и полосы из нескольких рядов гребенчатых зигзагов. Волнистые желобки влияют на форму соседних элементов орнамента — заштрихованных полос и рядов ямок, ограничивающих орнаментальную зону, которые также приобретают изогнутую форму (рис. 10, 9). К западу от Башкирии

три последних орнаментальных элемента на керамике памятников абашевской культуры редки.

С территории Чувашии известен единственный аналогичный баланбашевскому обломок сосуда с волнистыми желобками, найденный на дюнах у дер. Криуши (Третьяков, 1948, рис. 21). Желобками — прямыми и волнистыми — украшены некоторые сосуды из курганов близ г. Воронежа (Либеров, 1964, рис. 13, 20—22).

Меандры (рис. 13, 29) и полосы из нескольких рядов гребенчатых зигзагов также редки на керамике западных памятников.

Меандры в Среднем Поволжье неизвестны, но на среднем Дону встречаются на сосудах из курганов у с. Нижняя Ведуга и с. Новый Курлап (Либеров, 1964, рис. 42, 2; 60, 1).

Полосы из гребенчатых зигзагов в отдельных случаях встречаются на посуде, найденной на средней Волге (Халиков, 1961, табл. IX), но там преобладают резные зигзаги.

Как ни рискованно связывать характерный для керамики уральского абашева волнисто-желобчатый орнамент с подобным типичным на этой территории для эпохи неолита, другие корни этого мотива найти трудно. Вероятно, где-то, может быть в глубине горного Урала, почти не изученного археологами, волнистые желобки на сосудах продолжали сохраняться и в эпоху раннего металла. Относительно меандра и полос из групп зигзагов, нам думается, нет сомнения в их связи с андроновской культурой. Правда, в большинстве случаев меандр абашевцами был переработан и представлен в особом варианте, какой на андроновской керамике неизвестен.

Наконец, в орнамент абашевской керамики Башкирии вошли и такие изредка наблюдающиеся элементы, как шагающая гребенка, ромбы незаштрихованные или вписанные друг в друга (рис. 11, 3). Они находят аналогию в лесной полосе Урала и Зауралья, в керамике местных памятников эпохи неолита и ранней бронзы.

Таким образом, в орнаменте керамики башкирского района наблюдаются три источника: первый — общий со средневожским абашевским, в котором можно усматривать и некоторые среднеднепровско-фатьяновские традиции; второй — андроновский и третий — уральский.

В области погребального обряда основными являются средневожские аналогии. Однако в степных и, очевидно, поздних могильниках не исключено влияние андроновской культуры, выразившееся в широком применении камня для устройства погребальных сооружений. Некоторая зависимость от культуры андроновских и срубных племен сказалась в украшениях (пастовый бисер) и металлических орудиях (ножи срубного типа).

**Магнитогорский
вариант
абашевской
культуры**

В Магнитогорском районе на керамике уменьшается количество элементов орнамента, типичных для абашевских памятников Чувашии и Башкирии. Здесь только по одному разу встречены круглые крупные ямки и меандры (рис. 3, 1). Зато полосы из нескольких рядов гребенчатых зиг-

загов (рис. 12, 16), а также желобки, как прямые, так и волнистые (рис. 12, 20, 25, 27, 30—32), встречаются, может быть, чаще, чем в Приуралье. Желобки покрывают иногда большие площади поверхности сосуда. Наравне с резными желобками нередко желобки, образованные глубоким вдавлением крупного гребенчатого штампа (рис. 3, 7). Под Магнитогорском наблюдается много своего или заимствованного от соседних инوкультурных племен. Специфическими местными являются широкие пояса вдоль края сосуда, составленные из рядов желобков, причем внизу эта орнаментальная полоса заканчивается треугольными фестонами (рис. 3, 6, 7).

Наравне с уральско-лесными элементами, такими же, как изредка встречающиеся в стерлитамакском районе, здесь наблюдается еще ряд мотивов, характерных для керамики лесных, более северных памятников: горизонтальные или наклонные «лесенки» (рис. 12, 29), незаштрихованные ромбы в несколько рядов (рис. 12, 21), полосы из вертикальных или наклонных оттисков гребенки, заключенные между двумя зигзагами (рис. 12, 17), «гусенички» (рис. 3, 7), «шагающая гребенка» (рис. 12, 24).

Эти элементы орнамента на сосудах Мало-Кизыльского селища не свойственны или не типичны для абашевской керамики Чувашии и района Стерлитамака, но мы видим их, как указывалось выше, на лесной неолитической и энеолитической керамике Урала конца III — начала II тыс. до н. э. Они входят в состав орнамента на сосудах Кысыкульской (Сальников, 1962), Чебаркульской (Кипарисова, 1955), Первой Иткульской (Кипарисова, 1960) и других стоянок. Некоторые из них возникают еще в эпоху неолита. В энеолитическое время появляется гребенчатый штамп с крупными зубцами, отделенными друг от друга узкими прорезями. Глубокие оттиски этого штампа создавали впечатление желобков. Широкое применение подобный штамп получил позднее — на керамике Мало-Кизыльского селища (рис. 3, 7).

Прямостенные остродонные сосуды неолитического времени с ярко выраженным карнизиком на внутреннем крае приобретают в эпоху энеолита округленность стенок, край сосуда отгибается наружу, намечается шейка, карнизик смягчается, округляется, дно уплощается. Все эти черты сохраняются, иногда несколько видоизменяясь, в керамике Мало-Кизыльского селища. Особенно интересен сосуд из раскопок 1948 г. (рис. 3, 7). Его форма почти аналогична форме одного из сосудов с Чебаркульской стоянки (рис. 11, 23). Эти два сосуда сближает также и одинаковый орна-

мент из горизонтальных поясков, глубоко оттиснутых крупнозубым гребенчатым штампом. Глубокие оттиски придают поверхности сосудов гофрированный вид. Сосуд из раскопок 1948 г. (рис. 3, 7) сохранил еще округленное дно. У близкого к нему по форме сосуда (рис. 3, 6) мы видим уже дно плоское или, вернее, уплощенное, диаметр которого в три раза меньше диаметра устья. Такое соотношение диаметров устья и дна сосудов прослеживается также еще в эпоху энеолита на Чебаркульской стоянке (рис. 11, 24), где часто уплощенное дно сохраняет даже орнаментацию. На сосуде (рис. 3, 6) гофрированность поверхности достигается уже не глубокими оттисками гребенчатого штампа, а нарезкой глубоких желобков, но схема орнамента та же: сверху густо расположенные ряды желобков, уходящие ниже в треугольные фестоны. Зародыши таких фестонов можно видеть в близкой по композиции орнаментации верхней части чебаркульского сосуда (рис. 11, 24). Вдоль края этого сосуда идет пояс из наклонных оттисков гребенки и зигзаги. Им на малокизыльских сосудах соответствуют: на одном — ряд наклонных насечек, на другом — зигзаг из «гусеничек». Переходит на абашевскую керамику из энеолитического времени и манера орнаментировать внутренние края сосудов. Изредка встречаются на Мало-Кизыльском селище композиции из заштрихованных полос, не чуждые местной энеолитической керамике. Зигзаги из таких полос наблюдаются в орнаментации посуды Чебаркульской стоянки (Кипарисова, 1955, рис. 18, 1, 4). Заштрихованные полосы, правда, широко применялись в орнаментации балановских сосудов. Но Чебаркульская стоянка древнее и территориально ближе к Мало-Кизыльскому селищу.

Мы намеренно акцентировали внимание на уральских чертах в керамике Мало-Кизыльского селища, поскольку в этом особенно ярко проявляется его особенность и отличие от абашевских памятников других районов. Но не только уральские корни наблюдаются в керамике Мало-Кизыльского селища. С запада надо вести и такие элементы, как группы отрезков прямых линий с чередующимся наклоном (рис. 12, 21) и своеобразные абашевские ямки. Они чрезвычайно редки на зауральской абашевской керамике и очень распространены на западе. Вместе с тем нельзя не отметить, что такой типичный для абашевских памятников стерлитамакского района и Чувашии элемент орнамента, как ямки на углах заштрихованных ромбов, нередкое явление на керамике лесных памятников Зауралья середины II тыс. до н. э. (Раушенбах, 1956, рис. 13, 1), хотя в этом можно видеть и обратное влияние со стороны западноабашевских племен. Занимающие в орнаментации керамики Мало-Кизыльского селища большое место узоры из желобков прямых и волнистых вполне аналогичны мотивам на сосудах стерлитамакского, а отчасти и среднедонского районов.

Установленные на Мало-Кизыльском селище две группы керамики, несомненно различного происхождения, входят в единый культурный слой. На это указывает не только невозможность стратиграфически отделить

один тип от другого, но и наблюдающаяся в ряде случаев гибридизация: можно указать на некоторые сосуды, которые, имея абашевский профиль с характерным внутренним ребром на шейке, покрыты орнаментом местного зауральского типа. На стенках одного из этих сосудов (рис. 3, 7) мы видим отиски гребенчатого штампа в виде «гусеничек», ряды желобков образуют глубокие вдавления крупнозубой гребенки. В состав орнамента другого сосуда входит ряд наклонных отисков гребенки, заключенный между двух зигзагов.

Наконец, изготовление всех сосудов, в том числе и типично абашевской формы и орнаментации, из глины с примесью не толченых раковин, а зерен талька, говорит о глубоком проникновении элементов местной культуры в среду абашевского по происхождению населения Мало-Кизыльского селища.

Если обратиться к области идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде захоронений, встреченных на площади Мало-Кизыльского селища, то обнаружим также сочетание двух черт, очевидно, различного происхождения. С одной стороны, имело место трупосожжение или большое участие огня при погребениях, сопровождающихся типично абашевскими металлическими украшениями, а с другой — случаи захоронения животных.

Участие огня в погребальном ритуале типично для абашевских могильников Среднего Поволжья и Башкирии, но среди абашевских памятников мы не найдем аналогий двум случаям ритуальных захоронений телят, встреченных на Мало-Кизыльском селище (один костяк теленка не имел черепа). Погребения молодых животных известны на территории фатьяновских могильников. Скелеты козлят найдены в могильниках у с. Фатьянова (Спицын, 1903а) и у с. Говядинова под Костромой (Смирнов, 1947). В ряде фатьяновских могильников были захоронения свиней, причем в одной из могил Кузьминского могильника Московской области было найдено погребение свиньи без коловы и копыт (Бадер, 1939, стр. 114).

Но ближе и территориально и по содержанию к Мало-Кизыльским погребениям животных захоронения двух телят, обнаруженные на Кулькиной стоянке на севере Ульяновской области (Збруева, 1960, стр. 52). Скелеты телят найдены здесь в одном слое с двумя погребениями людей, которые, по всем данным, относятся ко времени не позднее первой половины II тыс. до н. э. Погребения были совершены, как это хорошо видно по разрезу могилы (Збруева, 1960, рис. 19, А), много ранее образования культурного слоя стоянки эпохи поздней бронзы. Костяки лежали вытянуто на спине, головой на восток, сопровождалась каменными бусами и привесками, на костях наблюдались слабые следы посыпки красной охрой, в головах одного из костяков охра заполняла небольшую ямку. Хотя А. В. Збруева допускает синхронность этих погребений с находками фатьяновской керамики в нижнем горизонте культурного слоя, больше осно-

ваний видеть в этих погребениях представителей местного, коренного, более древнего населения эпохи энеолита, начала II тыс. до н. э. Погребальный обряд захоронений, обнаруженных на Гулькиной стоянке, не имеет ничего общего с обрядом фатьяновских могильников, но весьма типичен для энеолитических погребений Урала. К этому времени и кругу памятников, по стратиграфическим данным, должны относиться и захоронения телят. Из той же среды племен проник аналогичный обряд к населению Мало-Кизыльского селища, а может быть, и к фатьяновским племенам.

Таким образом, культура абашевского населения Магнитогорского района, сложившаяся в середине II тыс. до н. э., имела сложное происхождение. Наравне с чертами, характерными для абашевских групп, обитавших к западу от Урала, в ее сложении немалую роль играла культура местных уральских племен.

Абашевская культура по Среднему Дону

Южную границу распространения предметов абашевского типа следует провести со среднего течения Дона почти прямо на восток — в район Саратова. И на Дону, и в Нижнем Поволжье известно небольшое число памятников, которые позволяют говорить о возможности выделения особых групп абашевских племен, обитавших в этих районах.

Большое значение для обоснования этой линии имеет район Среднего Дона, откуда известен ряд находок, которые уже давно связывают с абашевской культурой. Имеются в виду курганы у с. Тюнина в Воронежской области, раскопанные в 1888 г. Л. Б. Вейнбергом и в 1910 г. В. Н. Глазовым (Иессен, 1934).

Курганы у с. Тюнина, вследствие неполноты отчетных данных о раскопках Л. Б. Вейнберга и В. Н. Глазова, интересны лишь той частью коллекций, которые сохранились в описании авторов, зарисовках, а из раскопок В. Н. Глазова также в виде небольшой коллекции, находящейся в Государственном Эрмитаже (отдел ИКПО, колл. № 152). И Л. Б. Вейнбергом и В. Н. Глазовым были найдены круглодонные или со слегка уплощенным дном сосуды с выпуклыми боками, суженным горлом и слегка отогнутым венчиком. Из раскопок В. Н. Глазова происходит также сосуд другого типа — в виде колокола с сильно развернутым венчиком и выраженным суженным поддоном (рис. 13, 15), а также три бронзовых браслета. Сосуды первого типа или лишены орнамента или снабжены скромным орнаментальным пояском. Колоколовидный сосуд, наоборот, украшен сложным рисунком, состоящим из поясков резных-линий, зигзагов и заштрихованных ромбов. По краю сосуда и по низу орнаментального поля — ряды вертикальных насечек. По обрезу венчика нанесены типичные для абашевской посуды чередующиеся группы насечек поперечных и перекрещивающихся, разделенных интервалами (реконструкция сосуда —

рис. 1—2 в статье А. А. Иессена передает форму и орнамент неточно, что видно по фотографии фрагмента этого сосуда — рис. 3 к той же статье).

На основании особенностей керамики и браслетов из тюнинских курганов А. А. Иессен пришел к выводу, что они не имеют ничего общего со степными курганами срубной культуры и могут быть отнесены к абашевским памятникам. Сейчас появились дополнительные доказательства в пользу принадлежности описанных курганов к абашевской культуре. Аналогии им можно указать в абашевских памятниках Южного Урала. Некоторые сосуды из курганов у с. Тюнина имеют характерный внутренний профиль в виде резкого ребра на горле. Такое ребро обычно на абашевских сосудах (Сальников, 1954, рис. 8, 1, 3, 5, 6, 7). Очень близкую аналогию такой редкой форме как колоколовидный орнаментированный сосуд на поддоне из раскопок В. Н. Глазова (Иессен, 1934, рис. 1—2) имеем в одном из сосудов Мало-Кизыльского абашевского селища в Зауралье (рис. 3, 5).

Неорнаментированные тюнинские сосуды, форма которых восстановлена в основном по рисункам В. Н. Глазова, по-видимому, близки также некоторым абашевским Южного Урала (Сальников, 1954, рис. 8, 1) (рис. 11, 8).

Всего несколько десятков километров отделяет с. Тюнино от нового пункта находок керамики абашевского типа. В 1950 г. А. Н. Москаленко в разведочных шурфах близ с. Никольское Водопьяновского района Воронежской области нашел несколько сосудов с примесью толченых раковин в глине. Шурфы были заложены возле глиняного карьера, разрушившего погребения с сосудами катакомбного типа. Шурфовка А. Н. Москаленко дала посуду преимущественно баночной формы. Но один из них имеет довольно сильно отогнутый венчик (Москаленко, 1952, рис. 13, 24), резкое ребро изнутри и мягкий переход стенок в дно (сообщения А. Н. Москаленко). Этот сосуд по форме далек от посуды срубной культуры, но находит близкие аналогии среди абашевских сосудов, например, с селища Баллабаш. Второй сосуд баночной формы украшен «зигзагообразным орнаментом в виде широких борозд, расположенных в два ряда» (Москаленко, 1952, стр. 103). Орнаментация широкими бороздами-желобками, горизонтальными или волнистыми, обычна для абашевской керамики (Сальников, 1954).

За последние годы сделались известными еще несколько абашевских памятников на Среднем Дону: курганы у с. Кондрашевка, раскопанные в 1912 г. А. Н. Мартиновичем и А. Л. Дольским (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 88), курганы у с. Марки, исследованные в 1911 г. В. Н. Тевящевым (Либеров, 1964, стр. 113, рис. 46, 1), курган у с. Новый Курлак, вскрытый в 1962 г. Г. И. Кирюшиным (Либеров, 1964, стр. 146, рис. 60).

Много абашевской керамики получено при раскопках П. Д. Либеровым в 1958—1962 гг. курганов в Воронежской области. У с. Мастюгино

им было вскрыты несколько погребений абашевской культуры. Особенно характерен сосуд, сделанный из глины с большой примесью толченой раковины, удлинненно-колоколовидной формы с узким плоским дном, покрытый до половины высоты пятью рядами волнистых желобков, которые ограничиваются снизу рядом неправильной формы ямок (Либеров, 1961, рис. 1—2) (рис. 13, 20). Тем же исследователем абашевская керамика была найдена в насыпях курганов у с. Нижняя Ведуга и в урочище Частые курганы близ Воронежа (рис. 13, 18, 19, 21—23). Названные курганы не вызывают сомнения в принадлежности их к абашевской культуре. Для их керамики характерна, как и в других районах, примесь в глине толченых раковин. В орнамент также входят элементы, обычные для абашевской посуды: зигзаги, заштрихованные ромбы, горизонтальные и волнистые желобки, ряды ямок, прямоугольные меандры из заштрихованных лент.

В том же районе П. Д. Либеровым исследовано несколько поселений эпохи бронзы. Керамика среднедонских поселений, в отличие от керамики курганов, выглядит весьма своеобразно. В ней могут быть усмотрены лишь отдельные элементы абашевской культуры, главным образом в форме сосудов, как это можно судить по профилям венчиков. В орнаменте сохранилось мало специфически абашевских мотивов. Большое место в украшении стенок сосудов занимают ряды зерновидных, а не абашевских круглых ямок. (Либеров, 1964, рис. 21, 48, 57). Такие ямки-насечки типичны для местной катакомбной посуды. Ряды этих ямок-насечек сопровождаются даже гофрировкой края сосуда (Либеров 1964, рис. 19, 10; 20, 1, 6), что абсолютно чуждо абашевской керамике. Грубое штриховое заглаживание стенок сосудов (Либеров, рис. 21, 2; 57, 1, 2; 58, 2, 3) характерно для срубной керамики. Далеко не постоянное применение примеси к глине толченых раковин также отделяет керамику среднедонских поселений от керамики абашевских памятников.

Совершенно прав П. Д. Либеров, когда говорит, что «памятники Среднего Дона, абашевские по происхождению, в значительной части уже отходят от своих ранних прототипов, изменяют свою форму, в них появляется новая керамика с бедным орнаментом, не известная в ранних памятниках на территории Среднего Поволжья» (Либеров, 1964, рис. 153). От себя добавим: не известна она и в Приуралье. Чересполосное сосуществование на Среднем Дону абашевских, катакомбных и срубных племен, очевидно, и привело к концу эпохи бронзы в процессе контактов этих племен к формированию керамики, в которой сочетаются разнотипные элементы (Либеров, 1964, стр. 44, 158).

Датировать керамику с абашевскими элементами, встречающуюся на среднедонских поселениях эпохи бронзы, П. Д. Либеров считает возможным временем до начала I тыс. до н. э., усматривая в ней предпосылку к формированию посуды эпохи раннего железа (Либеров, 1964, стр. 75).

Что касается находок абашевской керамики в насыпях курганов этого района, то их, на наш взгляд, нельзя синхронизировать с поселениями, как это делает П. Д. Либеров.

Для обоснования поздней даты абашевской культуры на Среднем Дону он привлекает стратиграфические данные о взаимном расположении погребений в ряде курганов (стр. 129). Большое значение им придается находкам в кургане 3 у с. Нижняя Ведуга. Грунтовая могила этого кургана содержала погребение катакомбной культуры. По валиковой керамике, которую Т. Б. Попова относит к третьей четверти II тыс. до н. э., и по бронзовому ножичку П. Д. Либеров справедливо рассматривает это погребение как позднекатакомбное. А поскольку в насыпи того же кургана были найдены обломки двух несомненно абашевских сосудов, он делает вывод, что абашевская культура должна датироваться еще более поздним временем. Если бы абашевская керамика из насыпи рассматриваемого кургана происходила из впускного погребения, другого заключения нельзя было бы сделать, но в данном случае дело обстоит иначе. Здесь не было обнаружено никаких признаков погребения, а были найдены лишь отдельные абашевские черепки (а не сосуды) в первом штыке насыпи.

Захоронения на столь незначительной глубине не могло быть. Во втором штыке насыпи этого кургана также находились в разных местах обломки лепных сосудов, по-видимому не абашевских (стр. 91). Не имеет ли здесь место сооружение позднекатакомбного кургана на культурном слое предыдущего времени? Курган находился на склоне мыса, опускающегося к ручью. Следовательно, и топографические условия допускают возможность существования здесь поселения.

В итоге можно сделать заключение, что находки в кургане 3 у с. Нижняя Ведуга доказывают не позднюю, а, наоборот, раннюю датировку абашевской культуры на Среднем Дону. Она появилась в этом районе ранее позднекатакомбных памятников третьей четверти II тыс. до н. э. К этому выводу можно прийти на основании и других сопоставлений. Обоюдности с параллельными лезвиями ножа или кинжалы, найденному в грунтовом катакомбном погребении под насыпью кургана 3 у с. Нижняя Ведуга, П. Д. Либеров указывает ряд аналогий в позднекатакомбных памятниках на широкой территории, а на Среднем Дону в кургане 41 урочища Частые курганы и в грунтовом погребении 1 кургана 1 срубной культуры у с. Платава. На том основании, что в кургане 41 находилась типично абашевская керамика, а в кургане у с. Платова сосуд, отчасти по форме, а главным образом по меандровому орнаменту, может быть сопоставлен с абашевским сосудом из насыпи кургана 3 у с. Нижняя Ведуга, П. Д. Либеров стоит за датировку абашевских памятников поздним временем (Либеров, 1964, стр. 105).

Между тем, видеть в находках кургана 41 единый комплекс нет оснований. Курган был поврежден окопами и блиндажами, насыпь перекопа-

на, могилу обнаружить не удалось. На различной глубине и на большой площади найдены были обломки нескольких абашевских сосудов, описанный выше ножичек, бронзовое шило и железный наконечник стрелы (стр. 19). Находки же в кургане у с. Платава говорят в пользу ранней даты абашевской культуры. Нож упомянутого типа был найден во впускном погребении 4 вместе с баночным сосудом, а грунтовое погребение содержало сосуд, близкий к абашевским, украшенный меандром. Следовательно, во всех случаях ножи встречены были в памятниках, датирующихся позднее абашевских погребений. Последние могут датироваться началом второй половины II тыс. до н. э.

Меандр на абашевском сосуде из первого штыка насыпи кургана у с. Нижняя Ведуга может быть сопоставлен с меандром на андроновской керамике алакульского типа, который, по новейшим исследованиям в Южном Приуралье, датируется не позднее третьей четверти II тыс. до н. э.

На раннее появление на Среднем Дону абашевских племен указывает и то, что в кургане у с. Кондрашевка вместе с острореберным сосудом абашевского типа были найдены две поделки из кости в виде круглых блях с тремя стерженьками (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 31, 4). Не будет ошибочным видеть в этих бляхах псалии того же типа, что и найденные на абашевском селище Баланбаш (Дмитриев, Сальников, 1941, стр. 135, табл. XXI, 5) и на позднекатакомбных поселениях, которые по аналогии из шахтных гробниц Микен датируются серединой II тыс. до н. э. (Лесков, 1964, стр. 303).

Очевидно, абашевские племена обитали на Среднем Дону с середины II тыс. до н. э., продолжительное время сосуществуя, как полагает П. Д. Либеров, с племенами катакомбной и срубной культур. К концу эпохи бронзы вследствие взаимовлияния всех этих культур сложилась гибридная керамика, продолжавшая развиваться и в эпоху раннего железа.

Своеобразие керамики абашевских курганов среднедонского района заключается в том, что в ней проявляются связи абашевцев со средневропейской культурой в большей степени, нежели в керамике других районов. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков сближают высокие горшки с круглым или уплощенным дном из Тюнинских курганов с посудой среднеднепровской культуры. С другой стороны, в среднедонской посуде оказались черты, не свойственные средневожжской абашевской керамике, а весьма распространенные в Башкирии. Таковы волнистые желобки меандр и плоскодонность.

Местные истоки желобчатому орнаменту можно предполагать в найденной близ Тамбова на стоянке Красное озеро (Попова, 1961, стр. 145, рис. 5, 11, 12) желобчатой керамике с большой примесью в глине толченых раковин и профилем, в общем близким к некоторым типам абашев-

ской посуды. Особенно интересен один из опубликованных фрагментов (Попова, 1961, рис. 5, 12), на котором широкое поле из прямых желобков снизу как будто ограничивается рядом ямок, ниже которого видна часть дуги, может быть, волнистого желобка. Исследователь стоянки усматривает аналогии этой керамике прежде всего в сосудах ямной культуры. Описанная керамика найдена в 150—200 км от абашевских памятников на Дону — Тюнино, Никольское, Частые курганы и др. Однако, на наш взгляд, больше оснований в данном случае связывать желобчатый орнамент среднедонского абашева с Приуральем, поскольку меандр, несомненно, восточного происхождения.

Следы абашевской культуры на Нижней Волге

Несколько иной характер носят погребения с керамикой, близкой к абашевской, в районе Саратова.

Среди керамики курганных погребений эпохи бронзы в Нижнем Поволжье можно выделить некоторое число сосудов, которые и по форме и по орнаменту трудно отнести к посуде срубной культуры. В то же время эти сосуды имеют ряд черт, сближающих их с абашевской керамикой.

На основании тех скудных сведений, которыми мы располагаем (Рыков, 1927, 1931; Синицын, 1954, 1956, 1959; Смирнов, 1960), абашевская керамика Нижнего Поволжья представлена двумя типами.

Первый тип, примером которого может служить один сосуд из кургана 11 близ с. Скатовки (Синицын, 1956, рис. 31, 7), близок маленькому сосуду из Верхне-Кизыльского кладки. Для него характерна приземистость, острореберность, сильный отгиб пухлого венчика. На некоторых экземплярах данного типа под венчиком друг против друга помещены два отверстия, чем они еще больше сближаются с соответствующим типом абашевской посуды (ср. Сальников, 1950, рис. 25). Таковы сосуды из погребения 9 кургана 1 Чардымского городища (Рыков, 1931, рис. на стр. 34) (рис. 13, 28), из кургана у станции Карамыш Красноармейского района Саратовской области на правом берегу Волги (Максимов, 1956, рис. 70, 2), из погребения 4 кургана 5 могильника Быково 1 в Волгоградской области на левом берегу Волги. Того же типа сосуд из кургана 14 Покровского могильника (Рыков, 1925, рис. 6) имеет крышку с двумя отверстиями. Сосуд с крышкой такой же конструкции найден в разрушенной при земляных работах могиле абашевского могильника у с. Метев-Тамак в Башкирии (рис. 11, 19). Доставлен он в краеведческий музей Башкирской АССР, Р. Б. Ахмеровым.

Второй тип очень напоминает колоколовидные сосуды абашевских памятников плавным отгибом венчика, наличием, по-видимому, характерного перегиба на внутреннем крае. Переход стенок в днище такой же мягкий, как у абашевских сосудов. Местной особенностью, отличающей ниже-

волжские сосуды от классических абашевских, является некоторая остроугольность, не характерная для посуды на севере. В этом нельзя не видеть влияния формы срубной керамики. Сходство с абашевской посудой усиливается наличием на сосудах описываемого типа из погребений Нижнего Поволжья элементов орнамента, типичных для абашевской керамики и несвойственной срубной. Таковы два ряда зигзагов, помещенных вдоль края второго сосуда из с. Скатовки Саратовской области (рис. 13, 27) (Синицын, 1956, рис. 31, 8). На этом же сосуде под венчиком и на ребре проведены желобки. Наклонные желобчатые линии на плечиках и вертикальные у дна несвойственны срубной керамике. Группы насечек на венчике и плечиках также носят абашевский характер (Синицын, 1959, стр. 158, рис. 54, 4). Но под ребром идет ряд равнобедренных заштрихованных треугольников, обычных для посуды срубной культуры. На близком по форме к описанному сосуду из кургана 14 Покровского могильника (Рыков, 1927) орнаментальная полоса снизу ограничена совсем по-абашевски рядом круглых ямок, что абсолютно чуждо срубной керамике.

Выше уже отмечались абашевские черты в металлических изделиях из погребения 6 кургана 35 у с. Бережновки, на некоторые из них указал и автор раскопок. Горшок из этого погребения выделяется, по словам И. В. Синицына, из общей массы желобчатым орнаментом, который покрывает плечики и шейку (рис. 13, 29) (Синицын, 1954, стр. 82—84, рис. 30, 6). Отмеченную особенность орнамента этого сосуда можно объяснить лишь связями с абашевскими племенами. Другой сосуд из с. Бережновки, происходящий из погребения 5 кургана 35 (Синицын, 1954, рис. 30, 5), также во многом напоминает абашевские.

Погребения с абашевской керамикой сопровождаются зачастую на Нижней Волге и другими предметами северного происхождения: кремневыми наконечниками стрел сейминского типа, бронзовыми браслетами, наконечниками копий сейминского типа и т. п. Не случайно П. С. Рыков принужден был выделить группу погребений эпохи бронзы на Нижней Волге в особую стадию «С», характеризующуюся сейминским влиянием. В погребениях этой группы не только металлические предметы, но часто и сосуды имеют особую форму, отличную от инвентаря срубной культуры. П. С. Рыков эту форму называет вазообразной. В то же время стадия «С», по Рыкову, почти одновременна стадии «В», для которой типична керамика срубного типа.

В ряде случаев удается установить, что погребения с керамикой типов, близких к абашевским, отличаются особенностями в погребальном ритуале и инвентаре, выделяющими их из среды срубных памятников. Особенно ярко это проявилось в кургане 11 у с. Скатовки (Синицын, 1959, стр. 166—168, рис. 59, 60) и в погребении 4 кургана 5 у с. Быкова (Смирнов, 1960). В огромной могильной яме Скатовского кургана (1,5×3 м, глубина 2 м) лежал костяк взрослого человека скорченно на левом боку, лицом и грудью

вниз, головой на северо-восток. Следует отметить необычно слабую скорченность ног. В одном углу могилы находился костяк ребенка, на краю могилы — другой детский костяк. Оба детских скелета лежали на спине, вытянуто, головами на юго-запад, т. е. противоположно скелету взрослого. В могильный инвентарь входили три сосуда, 13 кремневых наконечников стрел в колчане, остатки лука и деревянной посуды, бронзовый нож, шило и два стержня, а также большой комок серой глины. На краю могилы — груда костей: черепа и ноги двух коров и трех овец и горшок с костями овцы. Все три сосуда, находившиеся в могиле, абашевского типа (рис. 13, 26, 27, 31); лишь поставленный на край могилы четвертый сосуд ближе к срубным формам. Слабая скорченность взрослого, положение на спине детских костяков несвойственны срубным поселениям, но встречаются среди абашевских. Может быть, комок серой глины у черепа взрослого следует рассматривать как имитацию золы и символ огня, большая роль которого в абашевском погребальном ритуале хорошо известна.

Многими чертами погребение 4 кургана 5 могильника Быково 1 сближается с погребением у с. Скатовка (Смирнов, 1960, стр. 180—187, рис. 6, 14, 15, 16; 7, 3). И здесь умершему была придана поза, абсолютно несвойственная погребенным срубной культуры. Верхняя часть туловища лежала на левом боку, позвоночник был прогнут, а таз и ноги находились в таком положении, как у погребенного на спине. Руки вытянуты вперед к лежащим против костяка сосудам. Ноги, слегка согнутые в тазобедренных суставах, были положены вытянуто почти параллельно друг другу. В могиле имелись два сосуда и бронзовый нож с выступами. Оба сосуда сделаны из глины с примесью толченой раковины. Один сосуд имел биколическую ребристую форму и два отверстия на венчике абашевского типа, второй — баночной формы, но вертикальной пропорции, не характерной для посуды срубных памятников. Первый сосуд орнаментирован резными поясками и зигзагами, рядами и зигзагами из насечек и крестообразными знаками, второй украшен оттисками гребчатого штампа, которые образуют ряд наклонных отпечатков вдоль края, ниже — зигзаг, а между ними два резных глубоких пояска.

Не только примесь раковины сближает сосуды этого погребения с абашевскими. Первый сосуд имеет широко распространенную в абашевских памятниках форму. Его орнаменту нет аналогий среди многочисленных горшков срубной культуры, он выполнен в абашевской манере. Слабая скорченность костяка, вытянутое положение ног также роднит это погребение с абашевскими, поза скелета Быковского погребения ближе всего к упомянутому костяку из скатовского кургана.

Создается впечатление, что и на Нижней Волге мы имеем дело не с проникновением отдельных вещей из более северных районов, а с продвижением сюда абашевских или близких им этнических групп. Описанные выше памятники Нижнего Поволжья, которые отличаются присутствием в их

инвентаре или погребальном обряде абашевских черт, являются гибридными, они — результат ассимиляции со срубными племенами, иногда слабой (Скатовка), но в большинстве случаев **значительной**.

На Нижней Волге не было многочисленного населения абашевской культуры. В противном случае во время раскопок, проведенных в этом районе в крупных масштабах, абашевские памятники выявились бы. Сюда проникли лишь отдельные малочисленные группы, которые, очевидно, в силу своей малочисленности были быстро поглощены срубными племенами, оставив небольшой след в их культуре.

К какому времени можно отнести появление на Нижней Волге абашевских групп? Находка в скатовском и быковском погребениях ножей с выступами срубного типа датирует их третьей четвертью II тыс. до н. э., но поза костяков в обоих погребениях, в особенности положение на спине детских костяков в Скатовке, указывает на начало этого отрезка времени.

Антропологический тип абашевцев

В связи с рассматриваемым вопросом небезынтересно будет обратиться к антропологическим данным. Проведенный М. М. Герасимовым детальный анализ черепов из могильников балановской и абашевской культур позволил ему убедительно доказать, что носители этих культур не были однородными в антропологическом отношении. Исследователь считает, что основным типом в Балановском могильнике был пришлый европеоидный средиземноморский. Но можно также увидеть следы смешения населения с аборигенными племенами балахнинской и волосовской культур. Первые дали псевдонегроидов, вторые — сублапоноидов. Еще более сложен антропологический тип абашевцев. На основании изучения пяти абашевских черепов М. М. Герасимов приходит к выводу, что основным антропологическим типом племен абашевской культуры является средиземноморский, «в большей или меньшей степени подвергшийся изменению в результате примеси местных типов древнего населения» (Герасимов, 1955, стр. 525). Одновременно автор счел необходимым оговориться, что «все изложенное, однако, еще не доказывает, что во всех случаях абашевские курганы будут содержать скелеты только этого типа, чему примером служат черепа алгашинского человека с очевидными признаками иного типа европеоида и череп из Катергина-Бишева, представляющий собой яркий вариант древнего метиса с псевдонегроидными чертами» (Герасимов, 1955, стр. 529).

Малочисленность изученных черепов заставляет относиться к выводам об антропологическом облике абашевцев с большой осторожностью. Однако, с другой стороны, в известной степени эта малочисленность особенно ярко подчеркивает большую смешанность носителей абашевской культуры. Особо надо отметить выраженную псевдонегроидность черепа из Катергина-Бишева, которая должна свидетельствовать, что здесь мы имеем иное

явление, чем слабые следы негроидности на черепе из могильника у с. Абашева, который М. М. Герасимов, как видно, признает за основной тип племен абашевской культуры. Считая абашевскую культуру дальнейшим этапом в развитии балановской, он, естественно, видит в основном абашевском типе потомков балановцев-европеоидов средиземноморского типа, которые подверглись некоторому смешению с аборигенами, что и сказалось, в частности, в слабой примеси негроидности. Череп из Катергина-Бишева, по нашему мнению, наоборот, свидетельствует, что псевдонегроидный тип входил как один из основных элементов в состав населения абашевской культуры. Это обстоятельство должно быть принято во внимание при решении вопроса о времени формирования абашевской культуры. Если бы абашевцы обитали в четвертой четверти II тыс. до н. э. и были прямыми потомками балановцев, у которых явно преобладал средиземноморский антропологический тип, то в абашевских черепах псевдонегроидная и иная примесь черт аборигенов проявлялась бы весьма слабо. Череп из Катергина-Бишева опровергает это мнение.

На этом основании, учитывая выводы, сделанные на археологическом материале, позволительно считать, что и антропологические данные подтверждают более раннее возникновение абашевской культуры, чем до сих пор представлялось. По-видимому, как балановская, так и абашевская культуры, создавались в процессе смешения пришлого из Поднепровья и аборигенного неолитического населения. Но степень участия представителей обоих компонентов в создании каждой из этих культур была не одинакова: в балановской господствовал пришлый элемент, в абашевской — местный иногда выступает в более чистом виде.

Антропологический материал убедительно свидетельствует о смешанном происхождении абашевского населения из двух основных компонентов: пришлого и местного. Не противоречит этому и археологический, хотя им оперировать труднее вследствие неизученности местных неолитических памятников. Допуская в эпоху неолита близкую родственность аборигенного населения берегов Волги к востоку от Оки с племенами Приуралья и Урала, о чем была речь выше, получим ту же картину. В материальной культуре абашевских племен, прежде всего в керамике, имеется немало близких уральским черт местного происхождения, но и некоторые элементы в орнаменте балановской посуды также тянут на восток, в среду энеолитических племен Урала. Все эти восточные элементы можно отнести предположительно, за счет местного, родственного уральскому аборигенного компонента, участвовавшего в сложении абашевской культуры, а в предшествующее время — до известной степени и балановской.

ВЕХИ ИСТОРИИ АБАШЕВСКИХ ПЛЕМЕН ЮЖНОГО УРАЛА

На основании археологических и антропологических материалов абашевская культура представляется как результат смешения разнородных этнокультурных элементов. Среди них важную роль играла, с одной стороны, какая-то ветвь племен, уходящих своими корнями в среду культур шнуровой керамики Средней Европы и Поднепровья, с другой — комплекс культур аборигенного населения лесостепи и южной части лесной полосы на территории, ограниченной нижним течением Оки, верховьями Дона и горьковско-куйбышевским отрезком Волги. К сожалению, эта территория слабо изучена.

Памятники предабашевского и абашевского времени известны только по ее окраинам. Здесь же имеются памятники с элементами культуры среднеднепровской, фатьяновско-балановской, волосовской, балахнинской, уральского энеолита, особого варианта древнеямной, а также абашевской на разных этапах развития. Здесь и следует искать наиболее ранние абашевские памятники.

Иначе говоря, мы считаем рискованным территорию формирования абашевской культуры ограничивать Окско-Донским междуречьем, как это делает А. Х. Халиков. Этот процесс охватил, очевидно, разнородное население довольно широкой области, куда включается и Окско-Донское междуречье.

Нельзя отрицать, что в абашевской культуре видное место занимает ряд элементов, происходящих из ямной культуры. Но придавать им ведущее значение едва ли можно. Этому прежде всего препятствует хронологический разрыв. Элементы ямной культуры могли проникнуть при посредстве других, более поздних культур. В этом плане пристального внимания заслуживает предположение Н. Я. Мерперта, что общие черты в абашевской и среднеднепровской керамике восходят к единой энеолитической подоснове (Мерперт, 1961, стр. 154).

Если наши с А. Х. Халиковым точки зрения относительно территории, на которой происходило сложение абашевской культуры, до известной сте-

пени сближаются, то нельзя согласиться с его дальнейшими рассуждениями о путях расселения абашевских племен: середина и третья четверть II тыс. до н. э. — Чувашия, четвертая четверть — Марийская АССР, конец II тыс. — Южный Урал (Халиков, 1961, стр. 219, 226). Такое позднее появление абашевцев на Урале никак не может быть согласовано ни с находками на их памятниках предметов, хорошо датированных концом второй — третьей четверти II тыс. до н. э., ни со стратиграфическими наблюдениями, о чем шла речь выше.

Кроме того, большую роль в сложении абашевской культуры и ее распространении на большой территории, надо полагать, играл уральский металл. Как можно относить появление абашевцев на Урале к концу II тыс. до н. э., если они, очевидно, с первых шагов своей истории пользовались уральским металлом. Если до грани II—I тыс. до н. э. абашевцев не было на Урале, как думает ряд исследователей, то какие племена Урала снабжали до этого времени их металлом? В третьей четверти II тыс. до н. э. в юго-западном Приуралье появляются уже срубные племена. Они разрабатывали местные рудные месторождения, но формы и химический состав их металлических изделий во многом отличны от абашевских. Последние созданы, очевидно, непосредственно уральской ветвью абашевских племен, живших здесь до прихода срубников. Присутствие в том же Верхне-Кизильском кладе орудий срубного типа — ножей-кинжалов с выступами — надо объяснять влиянием со стороны этих пришельцев. Наконец, новые находки на Среднем Дону заставляют сближать памятники этого района не со Средним Поволжьем, а с Южным Уралом. Такие элементы орнамента керамики, как меандры и желобки, прямые и волнистые, выявившиеся в памятниках Среднего Дона, типичны для южноуральского абашевского населения, на Средней Волге они неизвестны. Таким образом, и этот материал ломает схему А. Х. Халикова. Совершенно ясно, что между среднедонским и башкирским районами существовала непосредственная связь.

Очевидно, как уже говорилось, в северной части междуречья Дона, Оки и Волги, где наличествуют преабашевские памятники всех культур, ставших компонентами абашевской, протекали первые этапы ее сложения еще в конце первой половины II тыс. до н. э. Отсюда группы формирующихся абашевцев проникли, с одной стороны, в Чувашию и, возможно, на верхнюю Волгу, с другой — в Приуралье. В обоих этих районах в середине II тыс. заканчивалось сложение культуры абашевских племен, и на протяжении третьей четверти II тыс. до н. э. они составляли значительную часть местного населения.

Постараемся определить причины, которые заставили абашевцев так широко расселиться. Развитие скотоводства привело к перенаселению, и часть их предков в конце III — начале II тыс. до н. э. двинулась из Поднепровья к востоку. В поисках новых пастбищ они не могли расселяться

по степи, которая была занята скотоводческими племенами катакомбной культуры. Вот почему племена среднеднепровско-фатьяновской общности оказались на южной кромке лесной и в лесостепной полосе Центральной России, где обитали в то время еще охотничье-рыболовецкие племена поздне-неолитического типа. В результате смешения пришельцев с частью охотничье-рыболовецких племен в конце первой половины II тыс. до н. э. сложилась абашевская культура оседлых скотоводов и мотыжных земледельцев. Развитое скотоводство постоянно толкало абашевские племена на расширение территории обитания. В Поволжье наравне с абашевцами продолжала жить та часть фатьяновско-балановских скотоводческих племен, которая не приняла участия в формировании абашевской культуры. Юг издавна был занят скотоводами, поэтому абашевцы очень рано устремились к востоку, куда тянули их и месторождения меди. Правда, в Приуралье еще в первой половине II тыс. до н. э., до появления здесь абашевцев, уже проникли с юга ранние скотоводы полтавкинской культуры, но они расселились в основном южнее абашевцев. Их памятники почти не заходят севернее Стерлитамака, в то время как абашевские расположены главным образом севернее этой линии, где до абашевцев обитали мелкие племена охотников. Малочисленные группы охотников не могли препятствовать оседанию абашевцев и были поглощены последними, внося в орнамент их керамики некоторые свои мотивы. Абашевское население Среднего Поволжья и Приуралья находилось в постоянном тесном общении, на что указывает прежде всего большая близость форм и орнамента керамики. В частности, в обоих районах в составе орнамента занимают большое место своеобразные круглые неглубокие ямки, нигде в других районах распространения абашевских памятников не встречающиеся. Есть основание этот элемент в абашевском орнаменте вести от балахнинской культуры. Памятники последней имеются на средневолжской территории абашевской культуры и отсутствуют в Приуралье. Это может указывать на несколько более раннюю дату абашева на Средней Волге, по сравнению с Приуральем, или на переселения в оба района в близкое время из одной области, расположенной все же к западу от Волги.

Путь в Приуралье со средней Волги был проложен еще в доабашевское время фатьяновско-балановскими племенами, доказательством чего может служить погребение у с. Верхняя Сава на р. Буй, на границе Пермской области с Башкирской АССР. О. Н. Бадер доказательство обитания балановских групп на Средней Каме видит также в многочисленности находок на этой территории каменных сверленных топоров (Бадер, 1957а, стр. 60—61).

Не минуя территорию расселения фатьяновско-балановских племен, проникли на берега р. Белой еще на грани первой и второй четверти II тыс. выходцы из Средней Европы, оставившие на окраине Бирска погребения с украшениями унетицкого типа.

Трудно понять, что заставило людей, погребенных под Бирском, если в них видеть выходцев из Средней Европы, прийти в Приуралье. Что касается населения Среднего Поволжья в абашевское время, то его привлекали не только пастбища долин Приуралья, но, совершенно бесспорно, и месторождения меди: часть металла абашевских могильников Средней Волги, как показал спектральный анализ, имеет уральское происхождение (Черных, 1964). Уральские же абашевцы пользовались исключительно местной мышьяковистой медью (см. табл. IV на стр. 78).

Различие аборигенного населения, в среду которого проникли абашевцы при своем расселении, обусловило некоторое своеобразие культур последних на Средней Волге и в Приуралье. В Башкирии абашевцы застали местные уральские энеолитические племена, а также продвинувшееся сюда с юго-запада редкое население полтавкинской культуры. От первых в абашевскую керамику проникли некоторые несвойственные средневожским памятникам элементы орнамента. Полтавкинское влияние на абашевские сосуды выразилось в уплощении их дна, а также в применении мелкозубчатого штампа для нанесения гребенчатого орнамента. В абашевской культуре Среднего Поволжья сохранялись еще долго круглодонные сосуды, а при украшении посуды применялся крупнозубый штамп, который, очевидно, был заимствован у местных племен волосовской культуры.

Дальнейшая история абашевских племен тесно связана с событиями в среде племен срубной культуры.

Продвигающиеся из Южного Приуралья срубные, очевидно, количественно значительные, родо-племенные группы еще в третьей четверти II тыс. до н. э. достигли берегов р. Белой, потеснили абашевцев, заняли их места обитания, как мы видели на примере селища Береговское I. Допустимо на протяжении некоторого времени близкое соседство пришлых групп срубной культуры с остатками абашевского населения. Возможны были брачные связи между представителями обоих племенных объединений, свидетельством чему могут служить находки небольшого количества обломков абашевской керамики на срубных поселениях Башкирии.

Небольшие размеры абашевских поселений указывают на кратковременность обитания на них. Потесненные срубниками, абашевцы, по всей видимости, к концу третьей четверти II тыс. до н. э. сосредоточились восточнее, в горах, на восточном склоне Урала, где отдельные их группы уже ранее освоили редко заселенную охотниками территорию. Развитая медная металлургия со своеобразными типами изделий указывает на прочное освоение Урала абашевцами, хотя в горах мы пока не знаем памятников этой культуры, что объясняется слабой изученностью археологами горного Урала.

Следует допустить и значительную ассимиляцию, поскольку за пределами Башкирии, в тех районах, в которые, предположительно, продвинулись под давлением срубников абашевцы, их памятники известны в ограниченном количестве.

Основным направлением расселения абашевцев из Башкирии является Зауралье. Однако мы вовсе не хотим сказать, что все памятники к востоку от Урала оставлены абашевскими племенами, вытесненными из Башкирии.

Появление абашевских племен на восточном склоне Уральского хребта, в районе современного Магнитогорска, можно отнести к сравнительно раннему времени, к самому началу третьей четверти II тыс. до н. э. Среди керамики Мало-Кизыльского селища большое место занимают ранние формы. Может смущать плоскодонность керамики, а также вычурные формы на поддонах, например вазовидный сосуд (рис. 3, 5), который обычно относят к началу I тыс. до н. э. Но уплощенность дна на сосудах Южного Урала, очевидно, явилась результатом влияния полтавкинской культуры, керамика которой встречается на памятниках среднего течения р. Белой, а под Магнитогорском в непосредственном соседстве с Мало-Кизыльским селищем находится могильник полтавкинской культуры. В возникновении поддонов, очевидно, сказался богатый опыт изготовления плавильных чаш на ножках.

Относя Мало-Кизыльское селище к абашевской культуре, нельзя не заметить, что в форме и орнаменте керамики этого памятника большое место занимают элементы, идущие из среды уральского аборигенного населения.

Керамика явственно делится на две группы: местную и абашевскую со слабыми следами смещения. На восточном склоне Урала абашевцы оказались в гуще местного населения. Экзогамные браки привели к переносу местных форм посуды в среду абашевского населения. Наравне с местными формами сохраняются исконные абашевские виды сосудов, на которых местное влияние сказалось лишь в том, что вместо традиционной примеси к глине толченых раковин стали применять тальк. В этих фактах нельзя не видеть проявление процесса ассимиляции, хотя имело значение, конечно, и наличие месторождений талька. Как увидим ниже, абашевские группы, проникшие еще дальше на восток, сохранили при изготовлении керамики древний состав глины с примесью раковины. Но как далеко зашла ассимиляция? Можно ли обитателей Мало-Кизыльского селища и творцов орудий и украшений Верхне-Кизыльскогоклада считать абашевцами? Думаем, что да. Они сохранили наравне с частью керамики такие важные этнические признаки, свойственные абашевцам, как традиционный костюм, отделанный металлическими украшениями, найденными в составе клада и на селище. Обряд погребения и жертвоприношения, как показано выше, также имеют чисто абашевский характер.

Если бы на Мало-Кизыльском селище обитали выходцы из западного Приуралья, в орнаменте их керамики неизбежно занимали бы значительное место такие элементы, как меандр и круглые ямки, а тут найдено только по одному черепку с таким украшением, несмотря на близость андроновской территории. Очевидно, в горах Южного Урала сложилось абашевское население независимо от племен Приуралья и очень возможно, что оно теснейшим образом было связано с разработкой медистых залежей Урала. Мало-Кизыльское селище расположено всего в 100 км от месторождения мышьяковистой меди Бакр-Узяк. Не случайно, что на этом селище найден известный Верхне-Кизыльский клад.

Дальше к востоку, в Зауралье, на берега Тобола и Уя, абашевцы проникли самостоятельно, независимо от абашевского населения района Магнитогорска. Абашевцы, оставившие погребение возле г. Кургана, пришли непосредственно из Приуралья. Они сохранили в керамике традиционные формы, орнамент и примесь в глине толченых раковин. С большим основанием их можно считать вытесненными срубниками из Башкирии. Оказавшись на территории, которая была заселена андроновскими племенами, далеко от основного массива единоплеменников, оторвавшиеся и, надо полагать, малочисленные абашевские группы стали быстро растворяться в местной среде.

Если на Мало-Кизыльском селище ассимиляцию можно проследить по наличию керамики абашевской и местной (благодаря смешанным бракам), то в керамике курганов у с. Степного на р. Уй Пластского района Челябинской области сказалось более глубокое смешение двух этнических элементов (слияние на одном сосуде формы и орнамента, свойственных разным культурам). Заключительный этап исчезновения абашевского населения отразился также на составе материалов андроновского Алексеевского поселения близ г. Кустаная. Среди многих тысяч фрагментов керамики на этом памятнике встречен только один сосуд и несколько черепков абашевского типа (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 43 и 50, 1). Последние служили крышками на жертвенных сосудах. Поскольку жертвенные сосуды представлены алакульским типом, вопрос о принадлежности абашевской керамики на Алексеевском двухслойном памятнике решается в пользу алакульского времени. Очевидно, материалы Алексеевского поселения и Степных курганов позволяют прийти к выводу, что к началу последней четверти II тыс. до н. э. абашевские группы в Южном Зауралье оказались полностью ассимилированными андроновским населением.

Близкий описанному процесс протекал, очевидно, и на Среднем Дону и в Нижнем Поволжье. Особенности большей части керамики из курганов Среднего Дона не позволяют вести абашевское население в этот район со Среднего Поволжья и, наоборот, с полной несомненностью свидетельствуют о связях с Приуральем, о проникновении сюда абашевских групп

с востока. Трудно относить все среднедонские памятники к раннему времени, к эпохе формирования абашевской культуры.

На Среднем Дону обитание абашевцев не ограничилось серединой II тыс. до н. э. Они жили здесь и позднее. Как известно, из погребений абашевского типа у с. Тюнино происходят не только круглодонные сосуды, включенные А. Х. Халиковым в его таблицу (Халиков, 1961, табл. XIII, 4), но и плоскодонные, в том числе один на поддоне. Этой деталью и широким раструбом верха этот сосуд близок вазообразному сосуду из Мало-Кизыльского селища близ Магнитогорска (Сальников, 1952, стр. 54, рис. 24, 3).

Плоскодонные абашевского типа сосуды найдены у с. Никольского и в других пунктах Воронежской, Орловской и Курской областей (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 88, рис. 31). Наконец, раскопки П. Д. Либера под Воронежем дали абашевскую керамику, орнаментированную меандрами, прямыми и волнистыми желобками, т. е. узорами, которые до сих пор считались особенностью уральского варианта абашевской культуры. Меандр встречен в орнаментации керамики лишь среднедонского и уральского районов расселения абашевцев. Южное происхождение этого элемента бесспорно. В северных лесных культурах он неизвестен. На абашевскую посуду меандр мог попасть только с востока, будучи воспринят от андроновцев в Приуралье.

П. Д. Либеров справедливо подметил, что остросреберные абашевские сосудики, снабженные двумя отверстиями на венчике, распространены в памятниках Урала и Нижнего Поволжья. Из отсутствия такой керамики на Средней Волге и на Дону им делается вывод о поздней дате восточных памятников.

Несмотря на значительные раскопки в Чувашской и Марийской республиках, сосуды с отверстиями не встречены, но на Среднем Дону они были, и это служит лишним доказательством в пользу заселения Подонья с востока. О существовании в этом районе таких сосудов можно говорить на основании находки в курганах Орловской области, у дер. Замарайка, глиняных блях с двумя отверстиями и сложным рисунком, нанесенным гребенчатым штампом (рис. 13, 14) (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 31, 5).

Аналогичные изделия из глины у абашевского населения Башкирии служили крышками для остросреберных сосудиков с отверстиями. На крышке сосуда из Мете-Тамакского могильника нанесен орнамент (рис. 11, 19), близкий орнаменту на бляхе из Орловской области. В обоих случаях основой рисунка служит крест.

Южная граница абашевских памятников в Средней России почти совпадает с северной границей распространения катакомбной культуры (см. карту). Лишь в районе Воронежа погребения обеих культур встречаются даже в одних и тех же курганных группах (например в Кондрашевке).

По всей видимости, это произошло благодаря расширению катакомбными племенами своей территории к северу. Согласно сделанному П. Д. Либеровым уточнению датировки воронежского варианта катакомбной культуры эти памятники относятся к позднему этапу, ко второй половине II тыс. до н. э.

Абашевские же курганы, как мы старались доказать, предшествовали местным катакомбным памятникам. Впоследствии катакомбные племена ассимилировали на Среднем Дону абашевцев. Встречающиеся на здешних поселениях поздней бронзы среди разнородной керамики фрагменты с некоторыми элементами в форме и орнаменте, близкими абашевским, трудно признать абашевскими. Это, несомненно, продукт того смешения разнотипных элементов, когда, по совершенно справедливому замечанию П. Д. Либера, местные «древние племена в процессе контактов уже в эпоху бронзы создают общие формы, которые на базе трех культур (катакомбной, абашевской и срубной.— К. С.) получают свое окончательное развитие в эпоху раннего железа» (Либер, 1964, стр. 158).

Еще быстрее произошло рассасывание, по всей видимости, количественно незначительных абашевских групп, проникших в Нижнее Поволжье, надо полагать, также из Приуралья. Здесь чисто абашевских памятников не известно.

О причинах продвижения из Приуралья на Дон и нижнюю Волгу можно высказать лишь предположение. Расселившиеся из южного Приуралья к северу срубные племена вытеснили абашевцев из Башкирии в Зауралье. Может быть, часть их двинулась в западном направлении.

Исследователи памятников эпохи бронзы в куйбышевском Поволжье (А. Е. Алихова, Н. Я. Мерперт) все время отмечают элементы абашевской культуры в могильниках и поселениях срубной культуры, рассматривая их как влияние с севера, с абашевской территории Среднего Поволжья. Нам представляется, что не будет неожиданным при дальнейшем развертывании исследований в этом районе, особенно направленных на изучение древних поселений, обнаружение здесь более реальных следов обитания абашевцев. Пребывание их в этих местах было, по всей вероятности, очень кратковременным. Их скоро ассимилировали срубные племена, в памятниках которых отразились некоторые черты культуры предшественников.

Движение абашевцев с запада в сторону Среднего Поволжья, очевидно, объясняется сохранением с этим районом древних связей. Усматривая в абашевской керамике из-под Воронежа поздние черты, связывающие ее с Приуральем, мы не можем не учитывать, что некоторые материалы того района могут быть датированы ранним временем. Круглодонные сосуды из Тюнинских курганов сближаются с посудой среднеднепровской культуры (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 87). Отдельные памятники этого района А. Х. Халиков считает возможным относить к первой половине II тыс. до

н. э. (Халиков, 1961, стр. 225). Принимая гипотезу П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова о большой роли населения днепровского происхождения в сложении абашевской культуры, можно сделать вывод, что путь продвижения с Днестра на Среднюю Волгу должен был проходить вблизи верховьев Дона.

Также не сумели надолго обосноваться абашевцы и в Нижнем Поволжье, но следы их обитания имеются и там в виде примеси абашевской керамики в срубных погребениях. Срубные племена, являющиеся на Нижней Волге аборигенами, быстро поглотили пришельцев, и лишь отдельные богатые и сильные роды сумели противостоять на некоторое время этому процессу. Представителю одного из таких родов принадлежит погребение в кургане 11 у с. Скатовки, поражающее своими размерами и многочисленностью инвентаря. Оно отличается рядом абашевских черт в керамике и погребальном обряде, хотя чисто абашевским признать его нельзя.

Следы продвижения абашевцев, вероятнее всего с территории Башкирии, видны далеко на севере. Если находка абашевской бляшки-розетки у Писаного Камня на Вишере могла объясняться занесением каким-то путем только этого предмета, то после обнаружения на Вычегде типичного абашевского погребения (Буров, 1965) стало несомненным продвижением абашевцев в эти края. В пользу Башкирии как исходной территории проникновения на север абашевских групп свидетельствует находка Галичского клада. Сечкообразные отростки на голове одного из галичских идолов сопоставляются с подобным элементом орнамента на сосудах абашевских памятников только Приуралья, в других районах он неизвестен.

Лесной север Восточной Европы с глубокой древности был связан с Приуральем. Особенно оживленными были связи в средние века. Хорошо прослежен путь по Каме — Вычегде — Сухоне и их притокам, которым тогда пользовались (Горюнова, 1961, рис. 1, стр. 16—21; 150—152). Существование того же пути в абашевское время устанавливается по находкам отдельных вещей и памятников в различных его пунктах: Писаный Камень, Ульяново, Галич. Проникновение абашевских вещей на Галичское оз. по более короткому пути — рекам Белой — Каме — Волге, шедшему, к тому же, через земли средневожжских абашевцев, исключается. На средней Волге сечкообразные фигуры на керамике не наблюдаются.

Вместе с тем предполагать обитание на лесном севере абашевских племен нет основания. Те следы абашевской культуры, о которых шла речь выше, очевидно, отражают проникновение в эти места отдельных небольших групп. Вероятнее всего, в них надо видеть людей, тесно связанных с искусством изготовления металлических вещей.

Урал, как отмечалось выше, явился как бы той гранью в истории абашевских племен, за которой чистота их культуры идет на убыль. Уже под Магнитогорском, на Мало-Кизыльском селище, в материальной культуре обитателей сказывается сильная струя культуры местного коренного населения, с которыми абашевцы начали смешиваться, но тут этот процесс зашел еще недалеко, и основные абашевские черты население Мало-Кизыльского селища сохранило. Окончательное затухание абашевской культуры произошло в степях Зауралья в окружении андроновских племен. Группы же абашевцев, ушедшие из Приуралья на запад, поглощены были срубными и позднекатакомбными племенами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ПЛЕМЕНА
СРУБНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

ПАМЯТНИКИ

Все исследователи, занимавшиеся изучением памятников срубной культуры, согласно отмечают большую густоту населения в эпоху бронзы. И. В. Силицын говорит, что за советское время в Нижнем Поволжье зарегистрировано и частично обследовано свыше

Поселения 600 поселений эпохи бронзы (Силицын, 1949, стр. 195). Не ясно, вошли ли в это количество памятники, зарегистрированные только саратовскими археологами, или сюда включены также и результаты экспедиций В. В. Гольмстен, которой на территории бывшей Самарской губернии обследовано свыше 300 селищ, относимых ею к срубно-хвалынской культуре.

Работы, связанные с изучением срубной культуры в юго-западном Приуралье, ограничивались почти исключительно разведочным обследованием. Поэтому наши сведения о поселениях не выходят за пределы определения топографических условий их расположения, размеров и характера содержания культурного слоя, главным образом керамики. В 1934 г. автором, в 50-х годах В. П. и В. Д. Викторowymi и А. П. Шокуровым по р. Белой и ее притокам к югу от Уфы открыто и обследовано до 50 срубных поселений (Викторова, 1960). В 1962—1963 гг. экспедициями Башкирского университета под руководством Г. И. Матвеевой выявлено несколько десятков селищ по среднему течению р. Демы.

К северу от Уфы в бассейне р. Белой на территории Башкирии многолетние разведки А. П. Шокурова привели к открытию не одной сотни срубных поселений.

А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов, А. П. Шокров вели небольшие раскопки селищ в Чекмагушевском районе (у сел Ст. Тукмаклы, Ахметово и др.), но результаты этих интересных и важных работ остаются неопубликованными. Не опубликованы также данные о десятках срубных поселений, открытых в 20-е годы экспедициями В. В. Гольмстен в юго-западном Приуралье, на территории восточных уездов бывшей Самарской губернии.

По распространению главным образом поселений определяется в западном Приуралье граница области обитания племен срубной культуры.

На севере она подходит к устью Белой. Приблизительно на той же широте расположены наиболее северные памятники срубной культуры на Волге: Зеленовская стоянка на р. Утке (Збруева, 1960), в правобережной Татарии — по среднему течению р. Свияги (Калинин, 1952), в южной Чувашии — Байбатырево, Уразметово (Мерперт, 1962). На северо-востоке Башкирии срубные памятники неизвестны, здесь открыты курганы абашевские и черкаскульские. В юго-западной Башкирии и прилегающих районах Оренбургской области на ряде памятников прослеживается настолько сильное смещение срубных и андроновских черт в материальной культуре и погребальном обряде, что можно говорить об обитании здесь особого срубно-андроновского населения.

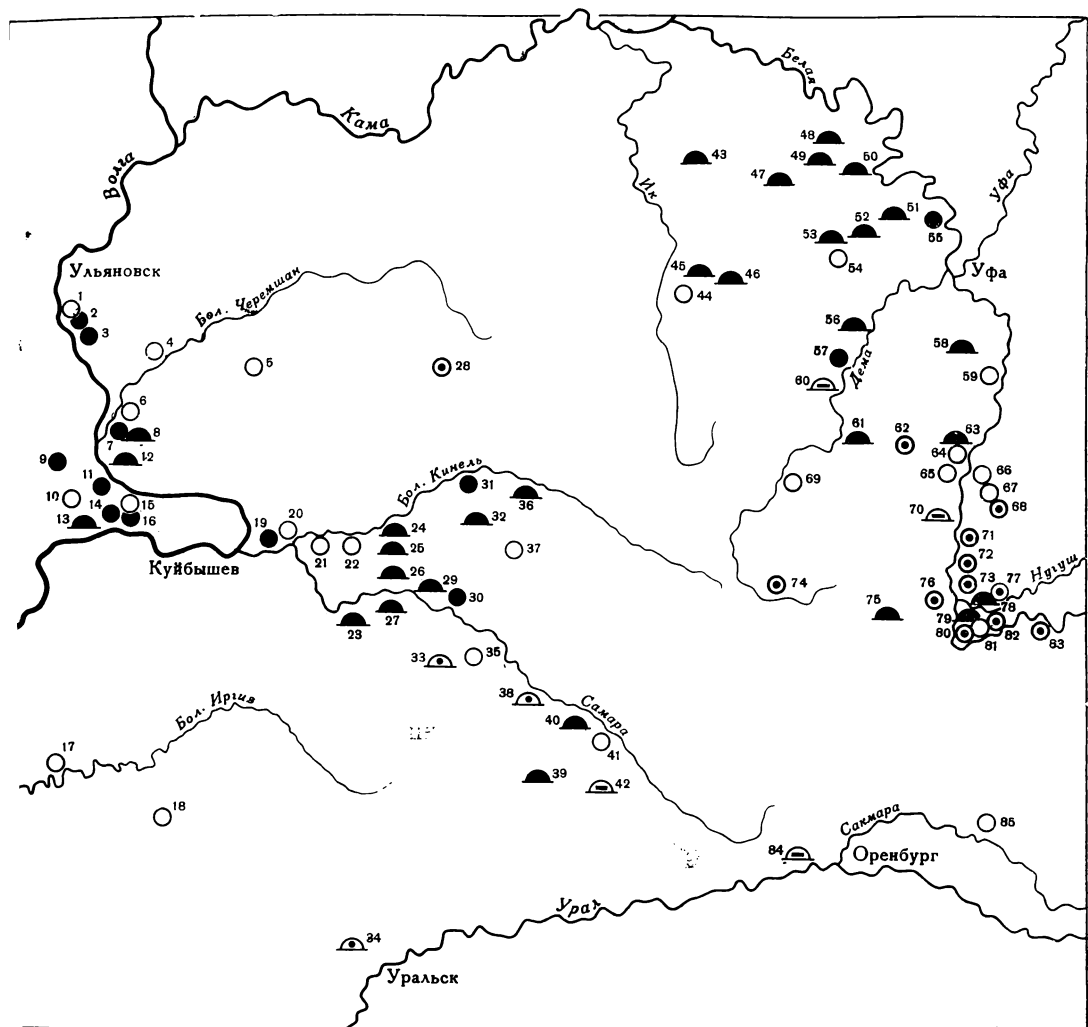
Все открытые в Башкирии и юго-западном Приуралье селища располагаются по берегам рек, преимущественно небольших, или на второстепенных притоках, старицах крупных рек, например Белой. Непосредственно на берегу среднего течения р. Белой срубных поселений обнаружено мало. Может быть, это связано с режимом реки, которая на памяти одного поколения сильно изменяет русло, размывая свои, сложенные в основном из глин, берега. Все это могло привести к уничтожению прибрежных поселений срубной культуры.

Часть селищ находится на надпойменной террасе, другая — в пойме, что в значительной мере связано с характером земледелия их обитателей и особенностями климата того времени. Поселения обнаруживаются в обрыве берегов или на пашне (обломки керамики, костей, скоплений золы). В ряде случаев удалось зафиксировать жилищные впадины.

На поселении Ялчакаево обнаружены четыре впадины, на селище Бурмак — три, Озерки III — четыре, Дерхсаново I — одна, Дерхсаново II — две, Туманча — четыре и лишь на селище Береговское I, площадь которого не распахивалась, сохранились следы восьми впадин. Диаметр этих восьми впадин определяется в пределах 10—22 м, а глубина достигает 1 м, но в большинстве случаев она меньше. Площадь жилищ довольно велика от 100 м² до почти 500 м².

Исчерпывающими данными о планировке и размерах срубных селищ и конструкции их жилищ мы не располагаем в связи с отсутствием детальных обследований, за исключением одного примера — поселение Береговское I. Этот памятник изучен наиболее полно.

Селище Береговское I было открыто разведочным отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции Уральского университета (начальник отряда В. П. Викторов) в 1953 г. В 1954 г. В. П. Викторовым было раскопано одно жилище и заложена разведочная траншея — раскоп II возле следов второго жилища (Викторова, 1960). В 1955 г. изучение селища было продолжено К. В. Сальниковым: раскопано полностью второе жилище и половина третьего, при помощи многочисленных шурфов удалось оконтурить площадь, занимавшуюся древним поселением

(Сальников, 1959). Оно расположено у с. Береговское Мелеузовского района Башкирской АССР на огромной пойме близ слияния рек Нугуш и Белой. Современное русло р. Белой расположено в 1 км от поселения, приблизительно на таком же расстоянии находится сейчас и р. Нугуш. В прошлом р. Белая или ее рукава проходили непосредственно около селища. Многочисленные старицы пересекают окрестности селища в разных направлениях. На мысу, образованном двумя старицами, и расположено селище, следы которого обнаруживаются в обнажении культурного слоя в обрыве берега одной из стариц, а также по заметным на поверхности памятника жилищным впадинам. Последних насчитывается восемь на площади селища в 10 000 м². Впадины имеют округлую форму, диаметр их от 12 до 22 м, и глубина 0,5—1 м. Выделяется своими размерами центральная, диаметр которой достигает 22 м. Раскопки показали, что впадины образовались на месте полуземлянок прямоугольной формы. Два полностью раскопанных жилища имели 100 и 70 м² площади. В центре полуземлянок находилось по несколько очагов в виде кострищ, каменных площадок и ям, а также глубокие хозяйственные ямы. Хозяйственные ямы поражают своими размерами: при диаметре 1—2 м глубина их колеблется от 1,1 до 3 м. Хотя на стенке одной ямы в жилище № 2 были замечены следы закала, а во всех ямах встречались угольки и маленькие полуобгорелые гнилушки и значительное количество черепков, признать все

---

17. Карта главнейших памятников срубной культуры Южного Урала и Приуралья (покровский и хвалынский этапы)

I—могильник с трупоположением; II—могильник с трупосожжением; III—могильник с андроновским обрядом трупоположения; IV—поселения покровского этапа; V—поселения покровского этапа с единичными находками андроновской культуры; VI—поселения хвалынского этапа
1—Крестово-городище; 2—Кайбелы; 3—Тургеневское; 4—Никольское; 5—Елховый куст; 6—Хрящевка; 7—Суская; 8—Хрящевка; 9—Муранское; 10—Воскресенское; 11—Актуши; 12—Ягодное; 13—Комаровка; 14—Моечное озеро I; 15—Комаровка-старица; 16—Комаровка-старица; 17—Успенское; 18—Максютово; 19—Грачев сад; 20—Безымянка; 21—Кинель; 22—Егорьевское; 23—Покровка; 25—Пустовалово; 26—Аверьяновка; 27—Лещевка; 28—Исаклы; 29—Борское; 30—Кривая Лука; 31—Подбельщина; 32—Березники; 33—Домашка; 34—Кардон Деркульский; 35—Старая Александровка; 36—Александровка; 37—Хутор Гуров; 38—Погромное; 39—Преображенка; 40—Кирсановка; 41—Сорочинское; 42—Ново-Белогорка; 43—Ново-Шурашла; 44—Самсык; 45—Агир-Тамак; 46—Н. Сардык; 47—Ново-Балтачево; 48—Верхний Аташ; 49—Именлекулево; 50—Тартышево IV; 51—Мамяково; 52—Ново-Баскаково; 53—Ст. Тукмаклы; 54—Ст. Тукмаклы; 55—Кумлекуль; 56—Ябалаклы; 57—Давлеканово; 58—Ст. Мусино; 59—Нижний Тюкун; 60—Давлеканово; 61—Чубук-Каран; 62—Ибракаево; 63—Куганак; 64—Куганак Левобережный; 65—Куганак Правобережный; 66—Урняк II; 67—Ишеево II; 68—Салихово I; 69—Демское; 70—Кошкара; 71—Юлдашево II; 72—Озерки I; 73—Береговка I; 74—Пономаревка; 75—Зяк-Ишметово; 76—Троицкое; 77—Хлебодаровка I; 78—Нугуш; 79—Туманча; 80—Тюбяк; 81—Туманча; 82—Бельское II; 83—Юмагузино; 84—Дубовое; 85—Гавриловка

ямы очажными мешает большая глубина их. Закал замечен у края ямы, а не в глубине, как это следовало бы ожидать, если бы мы имели здесь очажное сооружение. Закал, по-видимому, больше оснований относить за счет пожара, уничтожившего жилища. Во время пожара сгорели и какие-то деревянные конструкции, надо думать, обрамлявшие стенки ямы, и она быстро обсыпалась. Угольки и обугленные гнилушки также могли попасть в ямы во время пожара, а также намыться в них водой позднее, после гибели поселения. Но яму в жилище № 1 (раскопки 1954 г.) надо признать очажной. На дне ее оказался сплошной углисто-зольный слой мощностью до 10 см. Вместе с тем в этом жилище не обнаружено никаких других очажных сооружений.

Жилища разделены промежутками до 15—25 м, в некоторых случаях полуземлянки примыкают друг к другу по две почти вплотную, составляя как бы единый комплекс. Но видеть в них комплексы полуземлянок, объединенных коридорами-переходами, какие обнаружены на срубных поселениях близ Куйбышева и на территории приказанской культуры, у нас нет оснований. Близость расположения землянок, может быть, и свидетельствует о тесных связях обитателей жилищ каждого комплекса, но переходов между жилищами обнаружено не было. В жилище № 2 замечено два входа: один к берегу реки, другой в сторону жилища № 3. Видеть в последнем переход в соседнюю полуземлянку также нельзя, так как между жилищами № 2 и № 3 слишком большое расстояние — около 10 м.

В землянке № 1 ямки от столбов располагались продольно, в несколько рядов через середину жилища и у стен, возле которых сохранялись также следы сгоревшего дерева, по-видимому, от обрамления земляных границ котлована. Наличие ямок от столбов у стен заставляет думать, что кровля опиралась на столбы. Впрочем, не исключено, что крайние столбы придерживали крепления земляных стенок, и тогда кровля должна была опираться на края котлована (Викторова, 1960). Так рисуется саратовскими археологами конструкция кровли срубных жилищ на поселениях Нижнего Поволжья.

В жилище № 2 удалось установить только пять ямок от столбов. Два столба ограничивали вход в жилище, два других крупных размеров стояли по сторонам центральных ям и одна маловыразительная ямка оказалась возле боковой стены. В целом расположение ямок от столбов в жилище № 2 рисует нам иную конструкцию, отличную от устройства жилища № 1. По-видимому, покрытие здесь состояло из одного-двух срубов в форме усеченных пирамид того типа, какой реконструирован М. П. Грязновым на поселении у хутора Ляпичева (Грязнов, 1953). Такая конструкция не требовала столбов, и они имелись лишь у входа и в центре ям. Другая пара столбов могла служить опорами для каких-то связанных с ямами устройств.

Исследованная половина жилища № 3 не дала ни одной ямки от столбов. М. П. Грязнов допускает возможность сооружения пирамидальных срубов простым накладыванием рядов бревен друг на друга. У нас имеются доказательства, что срубные племена Приуралья достаточно совершенно владели искусством обработки дерева и могли сооружать настоящие срубы, которые исключают необходимость применять при постройке жилищ столбы. В. В. Гольмстен (дневник) при раскопках кургана 16 у с. Березняки отмечает, что бревна верхнего венца сруба входях друг в друга сверху через вырубленные пазы, а углы, кроме того, укреплены распорками из толстых бревен. Распространить реконструкцию М. П. Грязнова, которую он считает типичной не только для Ляпичевского поселения, а вообще для срубных поселений, полностью на жилища Береговского I поселения нельзя. Устройство жилища № 1 явно было совершенно иным и весьма близким по устройству к андроновским полуземлянкам. На памятниках срубной культуры известно только два жилища такой конструкции — на поселении Моечное озеро на Самарской Луке (Трубникова, 1958, стр. 184, рис. 2).

Что касается размеров жилищ, то они очень разнообразны. Известный исследователь эпохи бронзы Нижнего Поволжья И. В. Силицын считает средними размерами землянок срубной культуры 25—50 м², но отмечает и крупные жилища в 150—200 м² (Силицын, 1949, стр. 223). Новые открытия позволяют говорить о трех категориях срубных жилищ: маленьких — Сускан II (20 м²) (Мерперт, 1958, стр. 83); средних — Береговское I (70—100 м²), Ляпичево (100—200 м²) (Грязнов, 1953), Быковские (110—120 м²) (Попова, 1960), у Моечного озера (Трубникова, 1958), Сускан I Правобережное (120 м²) и крупных — Сускан I Левобережное (свыше 200 м²) (Мерперт, 1958, стр. 108, планы), Успенка, Максотово (около 200 м²) (Силицын, 1949). Особенно крупное сооружение, очевидно, было на Береговском I селище. В центре поселения сохранилась впадина диаметром 22 м², что позволяет предполагать на этом месте землянку площадью до 400 м². Принимая во внимание, что эта впадина занимала центральное положение на поселении, можно сомневаться, жилище ли это.

Численность населения Береговского I селища трудно определить с достаточной точностью, но, принимая во внимание обычную для первобытного общества плотность заселения жилищ, можно думать, что на 100 м² могло поместиться не менее 25 человек, а в восьми жилищах свыше 200 человек.

Из других срубных памятников на р. Белой надо отметить селища Салихово I, Демское, Куганакское Правобережное, Ибракаево (рис. 17).

Селище Салихово I на р. Селеук в Стерлитамакском районе открыто и прошурфовано в 1952 г. В. П. Викторовым. В 1953 г. нами на этом памятнике был заложен небольшой раскоп (44 м²). Культурный слой

состоял из обломков глиняных сосудов, костей домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней (определение В. И. Цалкина). Найдены также кремневый нуклеус, плоская галька с сильно зашлифованной одной плоскостью (лощило?).

В 1,5—2 км от Демского совхоза, на пашне у оз. Круглого, на высокой пойме р. Демы, учителем Н. П. Аверьяновым в 1959—1960 гг. собрана интересная коллекция. В 1960 г. памятник обследовал О. Н. Бадер. На поселении было найдено много бесформенных кремневых осколков и около 40 изделий: ножевидные пластинки и их сечения, концевой скребок, пластинка со скошенным краем, наконечники стрел с двусторонней обработкой и около 20 обломков керамики срубного типа, среди которых следует особо отметить два фрагмента, орнаментированные отриском веревочки.

В 1 км от с. Ведеринского на противоположном правом берегу р. Куганак в 1951 г. обследовано Куганакское Правобережное поселение с керамикой срубного типа. Культурный слой залегает в толще чернозема, который покрыт мощными пойменными отложениями, продолжающимися нарастать и в наши дни.

У с. Ибракаево Стерлибашевского района в 1950 г. при проведении дорожных работ был найден клад бронзовых орудий, состоящий из 11 крюкастых серпов, долота с несомкнутой втулкой и вислообушного топора южноуральского типа (рис. 30, 12—19). Р. Б. Ахмеров тогда же обнаружил здесь культурный слой с керамикой срубной культуры, среди которой оказался один фрагмент от андроновского лощеного сосуда (Ахмеров, 1955). Собранная на памятнике Южно-Уральской экспедицией Уральского университета в 1951 г. срубная керамика отличается грубой формой и особым составом глины.

Может быть, также с поселением связан другой клад, найденный в 1872 г. на берегу оз. Лазаревого у с. Миловки близ Уфы. В клад входило шесть крюкастых серпов, вислообушный топор камского типа и тесло с выступами (Булычев, 1902).

Выше мы познакомились с поселениями срубной культуры на территории Башкирии. Того же характера и столь же густо расположены селища в прилегающих районах Оренбургской области. В 20-х годах здесь большие разведочные работы провела В. В. Гольмстен. На территории бывших Бузулукского и Бугурусланского уездов она обследовала несколько десятков поселений, относимых по типу керамики к эпохе бронзы. Более определенно можно говорить о культурной принадлежности лишь нескольких памятников.

О. А. Кривцова-Гракова описывает как срубные селища у хутора Гурова близ с. Державина и Сорочинское на р. Самаре (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 37, 38). В 1929 и 1930 гг. в верховьях р. Демы в Пономаревском районе Оренбургской области несколько срубных селищ открыто было М. Г. Маткиным.

В 1955 г. ученики Боровской средней школы обнаружили в обрыве оврага близ с. Старая Александровка Бузулукского района керамику срубного типа с примесью в глине толченых раковин.

В Саракташском районе Оренбургской области у с. Гавриловки на берегу р. Чебенки под Каменной горой учителем А. А. Шешеловым открыто, а в 1955 г. С. А. Поповым обследовано селище с керамикой эпохи бронзы, костями животных и каменной мотыгой из песчаника.

Погребения На территории Башкирии погребения срубной культуры обычно покрыты курганными земляными насыпями, которые в большинстве случаев содержат по несколько могильных ям (рис. 17).

В кургане у с. Ново-Балтачево Чекомагушевского района (раскопки К. В. Сальникова, 1962 г.) в центре находилась крупная могильная яма (полностью разграбленная), с запада и севера ее окружали 12 могил небольшого размера, в которых были погребены и взрослые и дети, в одной могиле было парное захоронение.

В курганной группе Тартышево IV (Чекомагушевский район), состоящей из восьми насыпей, в исследованном кургане 3 (раскопки К. В. Сальникова, 1963 г.), оказалось шесть погребений, расположенных кольцеобразно под центром насыпи.

В раскопанном А. В. Збруевой в 1956 г. у с. Ново-Баскаково Чекомагушевского района кургане оказалось также шесть погребений А. В. Збруева (отчет за 1956 г.).

В неполностью вскрытых Н. А. Мажитовым в 1962 г. в Чекомагушевском районе курганах 2 и 8 соответственно у сел Верхний Аташ и Именле-кулево найдено также по несколько погребений: в первом — три, во втором — четыре. Надо ожидать, что всего под каждым из этих курганов было по семь — десять могил (Н. А. Мажитов, отчет за 1962 г.).

В 1962 г. Г. Н. Матюшин в кургане 2 на р. Нугуш в Мелеузовском районе вскрыл девять могил. Но имеется ряд могильников, для которых, по-видимому, характерен другой обряд, а именно: захоронение под каждой курганной насыпью только по два-три погребения. Таковы курганы 6 и 7, исследованные нами в 1934 г. у хутора Кашкара близ г. Ишимбая. Возможно, два разрушенных погребения, обнаруженные нами в том же году на краю пашины в обрыве р. Белой у с. Куганак, также были покрыты курганной насыпью, уничтоженной при пахоте (Дмитриев, Сальников, 1941).

Два кургана, вскрытые Г. М. Матвеевой в 1962 г. у г. Давлеканово, содержали каждый по два погребения (Матвеева, 1963).

При раскопках позднекочевнических погребений в дер. Старое Мусино Кармаскалинского района М. Х. Садыковой в двух курганах обнаружено по одной основной могиле срубного типа (Садыкова, 1959).

Наконец, следует указать на ряд случаев, когда курганные насыпи под срубными могильниками не зафиксированы, но заведомо безкурган-ных срубных могильников мы указать не можем.

По сохранившимся неполным дневниковым данным о раскопках М. И. Касьяновым в 1938 г. восьми срубных погребений у с. Чубук-Каран не видно, что их покрывали курганные насыпи (Ахмеров, 1955). Сохранившейся насыпи не было и над упомянутыми выше погребениями Куганак-ского могильника.

Одно погребение в скорченном положении с сосудом срубного типа было обнаружено в обресе оврага у с. Ябалаклы Чишминского района (Ахмеров, 1955, стр. 88). В 1955 г. на юге Башкирии в Мелеузовском районе у с. Зяк-Ишметово при рытье **силосной траншеи** разрушено было несколько погребений. Местная учительница Марьям Хусаинова доставила в Башкирский музей один детский и два взрослых черепа и три плоскодонных сосуда: 1) **острореберный, орнаментированный резными заштрихованными незакрытыми треугольниками**; 2) с мягким ребром горшечнобаночной формы, с гребенчатым орнаментом, состоящим из горизонтальных поясков и зигзагов; 3) баночной формы с выступающим рантом дна. Одно погребение вскрыто А. П. Шокуровым в 1955 г. у с. Мамякова Чекмагушевского района.

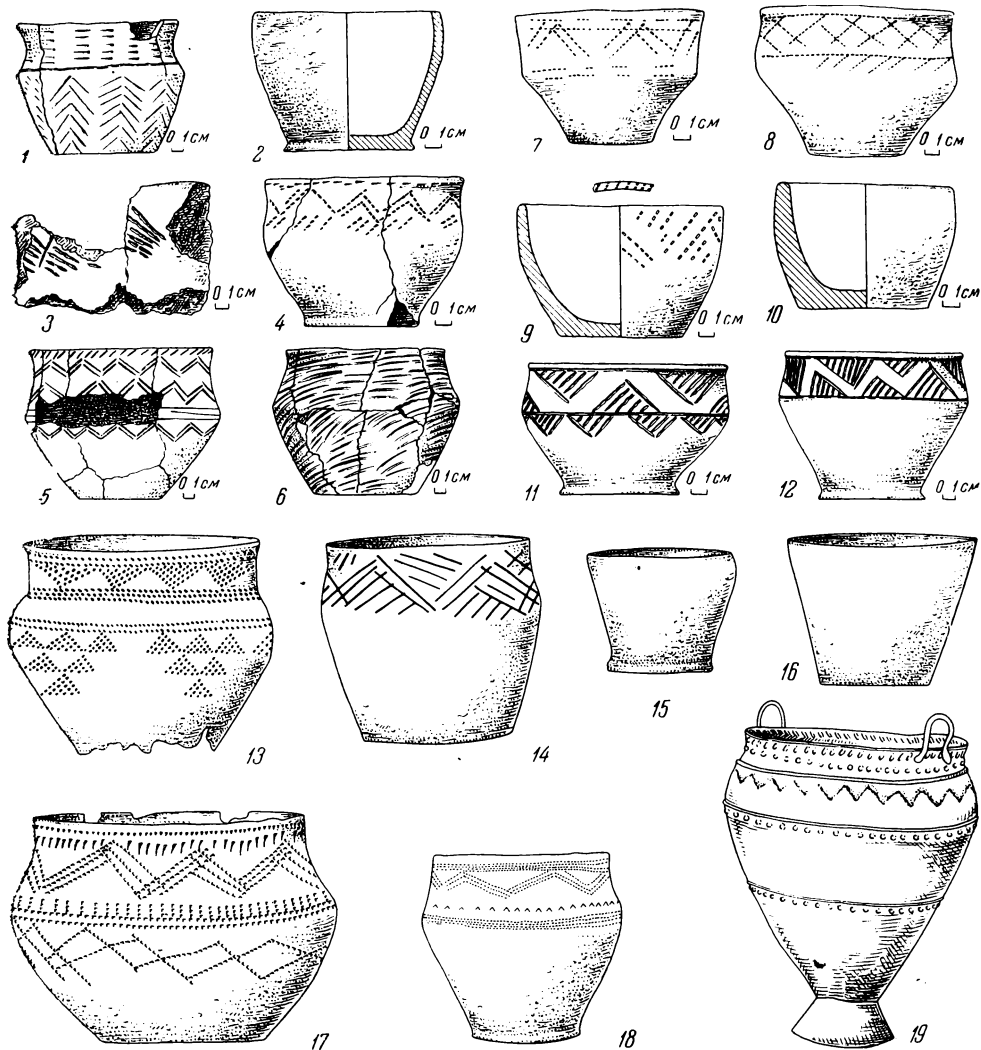
Тот же исследователь сообщает, что при земляных работах во время постройки свинарника в колхозе «Ирек» Тукмаклинского сельсовета Чекмагушевского района разрушено было три погребения, из которых сохранилось два сосуда (рис. 18, 10). В 1955 г. А. В. Збруева нашла здесь курганы и вскрыла еще три детских погребения (Збруева, доклад на Пленуме Института археологии в 1956 г.). При рытье **силосной ямы** в с. Ново-Шурашлы Бакалинского района также наткнулись на срубные погребения, в которых найдено, по сообщению учителя Бакалинской средней школы А. В. Коновалова, два сосуда (рис. 18, 7, 8).

В Башкирском музее хранятся отдельные сосуды срубного типа. Один числится как найденный в кургане близ г. Бирска (Ахмеров, 1955, стр. 89). Другой сосуд баночной формы происходит из кургана у дер. Асавбашево Аургазинского района, раскопанного в 1929 г. М. Касьяновым.

В 1962 г. в краеведческий музей Башкирской АССР доставлены два сосуда, случайно обнаруженные при земляных работах в дер. Агир-Тамак Туймазинского района (рис. 18, 11, 12).

Из приведенного перечня видно, что находки погребений срубной культуры на территории Башкирии — довольно частое явление.

Памятники юго-запада Башкирии смыкаются с памятниками той же культуры Приуралья на севере Оренбургской и востоке Куйбышевской областей. Таковы погребения, исследованные в 20-х годах В. В. Гольмстен в бывшем Бугуруслановском уезде у с. Березняки, в бывшем Бузулукском уезде у сел Покровка, Пустовалово, Кротовка, Борское, Лещевка,

18. Сосуды из могильников

1—6 — Тартышево IV; 7, 8 — Ново-Шурашлы; 9 — Мамяково; 10 — Старые Тукмаклы;
11—17 — Кошкара; 18 — Дубовое; 19 — Домашка. 1—18 — глина; 19 — бронза

Аверьяновка (Гольмстен, 1928), курган у с. Домашки, раскопанный В. П. Мизиновой и Данько в 1926 г. (там же), курган в 2 км к югу от Бузулуслана, раскопанный в 1928 г. В. В. Гольмстен в группе из 65 насыпей на возвышенности левого берега р. Кинель (В. В. Гольмстен, дневник экспедиции 1928 г., стр. 65), там же, где в 1910 г. два кургана срубной культуры были исследованы В. Я. Толмачевым (Толмачев, 1914). Этот список надо пополнить курганами, раскопанными Ф. Д. Нефедовым еще в 80-х годах прошлого столетия в Бузулукском уезде на сырте Елга близ с. Преображенского Любимовской волости. Среди коллекций, происходящих из курганов с сырта Елга, имеются черепки от острореберного сосуда срубного типа с резным орнаментом (Нефедов, 1899).

В оренбургском музее хранится небольшая коллекция, состоящая из двух сосудов срубного типа и бронзового браслета, найденная членом Самарского общества краеведения Плющенко у с. Кирсановки Бузулукского уезда во время его разведки в 1921 г. Наконец, надо учесть и курганы у с. Погромного, хотя смешанные черты погребального ритуала разрешают связывать эти погребения не только со срубной, но и с андроновской культурой. Наличие в могилах этих курганов таких характерных для срубной культуры черт, как положение костяков на левом боку с кистями рук у лица, головой к северу, не позволяет игнорировать курганы у с. Погромного при рассмотрении срубной культуры юго-западного Приуралья (Сальников, 1950).

Для района Оренбурга в эпоху бронзы характерны смешанные срубно-андроновские могильники. Кроме Погроменских курганов, можно указать на погребения в пос. Дубовое Чернореченского сельсовета, обнаруженные в 1953 г. при рытье погребов и обследованные Н. П. Кипарисовой (рис. 18, 18), а также на интересный курганный могильник, исследованный Э. А. Федоровой-Давыдовой в 1957 г. у с. Новая Белогорка Сорочинского района (Федорова-Давыдова, 1964).

Срубные погребения в Оренбургской и Куйбышевской областях представлены не только курганами, но и безкурганскими могилами. Таковы, по-видимому, погребения на дюнах, встреченные при разведках В. В. Гольмстен на берегах р. Самарки. В 1,5 км от ст. Лещевка Бузулукского уезда, на левом берегу р. Самарки, в вывейках дюн среди нескольких разрушенных погребений обнаружено одно сохранившееся: костяк лежал скорченно на левом боку, головой к северо-северо-западу, в головах стоял сосуд. В 3 км к западу от с. Борского также на дюнах открыто было в 1921 г. погребение, в котором костяк лежал скорченно на левом боку, головой к северу. Под костяком оказалась зольная подстилка, а в головах сосуд баночного типа. Другое погребение на дюнах было найдено в 1 км к юго-западу от предыдущего. И здесь костяк лежал скорченно на левом боку, головой к северо-западу. Перед лицом стоял сосуд баночной формы, у виска найдено бронзовое спиральное кольцо грушевидной формы (Куйбышевский областной

государственный архив, ф. Самарского общества краеведения, д. 330). И здесь, как в Башкирии, нет полной уверенности, что над описанными погребениями не были насыпаны курганы. На дюнах они могли быть легко развезены.

Подытоживая описание погребальных памятников, следует отметить, что исследованные срубные курганы содержали различное число могильных ям. Встречаются курганы с одной могилой, в других оказывается по две-три могилы, и в особую группу выделяются многомогильные курганы, в которых погребенных было от пяти до тринадцати (Ново-Балтачево). В этом отношении наш район аналогичен Нижнему Поволжью. К. Ф. Смирнов отмечает там такие же виды курганов (Смирнов, 1960, стр. 244).

Несмотря на ограниченное число погребальных памятников срубной культуры, изученных в Башкирии и юго-западном Приуралье, они дают устойчивый в основных чертах обряд погребения. Костяки покоятся скорченно на левом боку. Только в редких одиночных могилах встречаются костяки, лежащие на правом боку, да в парных погребениях такое положение придавалось женщинам, в то время как мужчины укладывались и в парных могилах на левый бок. Имеются, впрочем, и исключения, когда обоим костякам придавалось одинаковое положение. Очевидно, эти умершие не были брачными парами. Среди срубных погребений Поволжья, в отличие от андроновских, парные погребения редки, а захоронения в одной могиле мужчины и женщины лицом друг к другу — единичны.

Даже в таких крупных исследованиях, какие производились в Поволжье на новостройках, парных погребений насчитывается лишь около десятка. В огромном курганном могильнике у с. Быково на Нижней Волге среди 79 срубных погребений не встречено ни одного парного (Смирнов, 1960). В Бережновском I могильнике оказалось только одно погребение (п. 6, к. 25), где были захоронены взрослый и девочка 12—15 лет (Синицын, 1959). Не исключено, что здесь была захоронена брачная пара. Из старых исследований И. В. Синицын (1959, стр. 191) указывает на такие погребения в кургане у с. Чардым Саратовской области, раскопанном П. С. Рыковым.

Может быть, случаи парных погребений в срубных курганах Башкирии следует объяснить влиянием андроновской культуры, в могильниках которой парные погребения иногда достигают 50% от общего числа захоронений взрослых, причем, как правило, костяки обычно лежат лицом друг к другу.

Случай захоронения ничком, спиной вверх, встреченный нами в погребении 6 кургана 3 Тартышевского IV могильника является нередким среди срубных погребений, такие захоронения не встречаются в андроновских могильниках. В курганах у с. Быково, исследованных К. Ф. Смирновым, они составляют почти 10% (7 случаев из 79), отмечены они в Калиновском

(погребение 8, курган 17), Бережновском II (погребение 8, курган 2; погребение 1, курган 4) могильниках, среди курганов в юго-восточной группе у с. Бережновки (погребение 5, курган 3; погребение 8, курган 4; погребение 41, курган 25). В среднем Заволжье можно указать на такое положение костяков в погребениях 1 и 23 кургана 5 и в погребении 5 кургана 7 у с. Хрящевка (Мерперт, 1954, стр. 105, 125).

В погребении 3 кургана 3 в могильнике Тартышево IV встречено еще одно отклонение от обычного положения умерших. В этом погребении костяк подростка лежал на спине скорченно, с ногами, согнутыми влево. Обе плечевые кости были вытянуты вдоль тела, кости предплечья не сохранились. В этой позе нельзя не видеть реминисценцию погребального обряда ямно-полтавского времени.

Из 76 срубных погребений Башкирии и юго-западного Приуралья, в которых определяется положение костяка, северную ориентировку (север, северо-восток, северо-запад) имеют 69, и только 7 могил представляют собой исключение (см. табл. 7): одно в могильнике Чубук-Каран с южной ориентировкой, два полуразрушенных в Курганском могильнике — с западной, один в Давлекановском кургане с юго-западной и в трех погребениях костяки были обращены головой к востоку; два в Ново-Баскаковском и одно в Ново-Балтачевском могильниках.

В отношении четырех названных ниже погребений нет полной уверенности в правильности определения положения костяков в них. Погребение у Чубук-Карана сохранилось частично, от костяка уцелели только ребра. В размываемом рекой берегу куганакские погребения также найдены в сильно нарушенном состоянии, причем от одного сохранился только неполный череп. В Ново-Балтачевском погребении находились остатки сильно истлевшего детского костяка, положение которого можно было установить лишь сугубо ориентировочно. Юго-западная ориентировка одного из погребений в Давлекановских курганах легко объясняется: инвентарь этой могилы, как и положение костяка головой к юго-западу, носят андроновский характер. И лишь восточная ориентировка двух погребений Ново-Баскаковских курганов при северной ориентировке остальных погребений этого могильника трудно поддаются объяснению, поскольку памятник этот полностью не опубликован.

Своеобразен обряд погребения в кургане 2 у д. Александровки близ Бугуруслана, раскопанном в 1910 г. В. Я. Толмачевым (1914 г.). В группе, состоящей из 65 насыпей, исследовано два кургана. Первый содержал костяк, лежащий скорченно на правом боку головой к северу, и четыре сосуда баночной и острореберной формы срубного типа.

Курган 2 выделялся своими размерами: высота 2 м, диаметр 45 м. В центре кургана был сделан большой котлован, из которого был выбран чернозем, а на подпочвенном суглинке находилось сооружение в виде настила из горбылей длиной около 3,5 м, положенных плотно друг к другу.

Концы горбылей лежали на двух полубревнах длиной 5 м. Таким образом, получился настил площадью $5 \times 3,5$ м. Средине настила была прорублена грабительским ходом. Под настилом ни костей, ни трупосожжения не обнаружено, хотя на одном горбыле замечены следы обугливания.

Несмотря на разграбление, в могиле найдено три бронзовых нож-кинжала срубного типа ранней формы (рис. 21, 1—3), «обломок медной тонкой бляхи с колечком из медной пластинки и несколькими отверстиями по краю, в диаметре около 4 см», кремневый наконечник стрелы с опущенными крыльями и черешком (рис. 20, 3) и обломки двух сосудов с крупнозубчатым орнаментом.

Очевидно, мы имеем здесь кенотаф, полную аналогию которому можно указать в кургане 11 у с. Кайбелы, исследованном Н. Я. Мерпертом (1958, стр. 90—91, рис. 5). И там был настил, но менее обширный, покоившийся на древней поверхности, а под настилом богато орнаментированный сосуд и бронзовый нож. Следует напомнить еще кенотаф, обнаруженный у с. Быково, в погребении 5 кургана 1, хотя там имелась под настилом глубокая могильная яма (Смирнов, 1960, стр. 173—174), содержащая богатый инвентарь, а рядом с могилой лежали два костяка коня. По конструкции полной аналогией Александровскому кургану является курган 14, исследованный И. В. Синицыным в 1957 г. у с. Ровное в Саратовской области. Это также курган, выделяющийся своими размерами (высота 1,45 м, диаметр 24 м), в котором находилось только одно погребение срубного времени. Костяк покоился на древнем горизонте, в небольшом углублении (в Александровке также было небольшое углубление), вокруг которого был возведен удвоенечный сруб $3,2 \times 2,6$ м из массивных бревен с плоской крышей. У бедренных костей погребенного было поставлено три острореберных сосуда и один баночный. Курган хорошо датируется благодаря сосудам классической острореберной формы временем расцвета срубной культуры (покровским этапом) (Синицын, 1961).

Совершенно ту же конструкцию имело погребение 1 в кургане 2 у с. Пролейка в Волгоградской области (Синицын, 1956 а). Общим для всех упомянутых кенотафов и погребений с костяками является богатство инвентаря. Очевидно, все они были сооружены в честь погибших на стороне выдающихся членов племени, скорее всего вождей. В Быковском кургане, кроме инвентаря, на это указывают захоронения коней. Александровский курган, как и Кайбельский, выделялся своими размерами и богатством: помещение в могилу сразу трех металлических ножей — случай уникальный. Не нужно забывать, что погребение было разграблено и сохранился в нем, очевидно, не весь инвентарь.

Все срубные погребения Башкирии и юго-западного Приуралья сопровождаются малочисленным инвентарем, который состоит из одного-двух сосудов, ставившихся обычно перед лицом, и иногда костей животных, что также характерно для срубной культуры на всей ее территории.

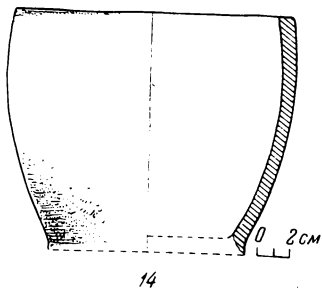
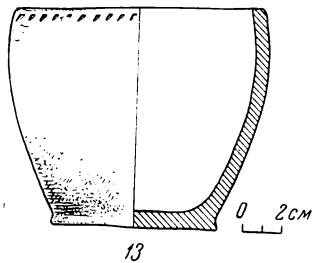
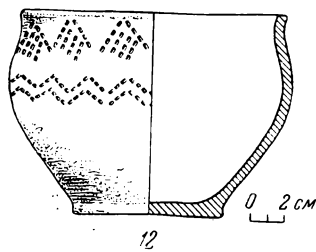
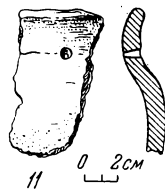
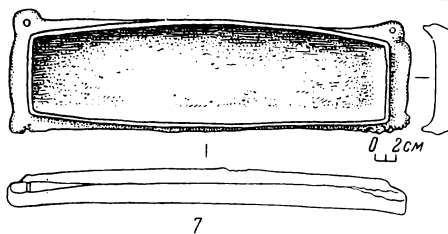
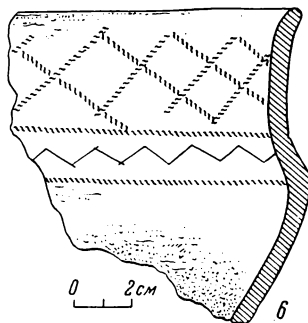
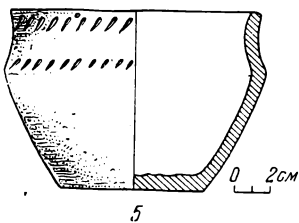
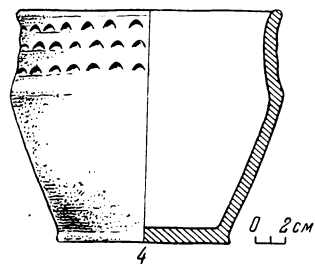
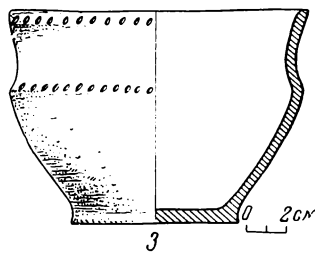
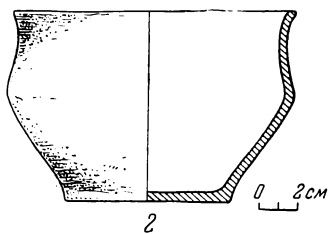
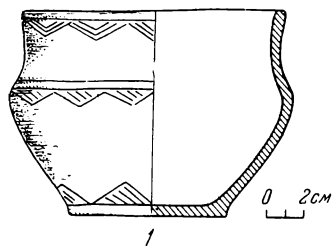
Б а ш к и р и я

Могильный	Курган	Погребение	Ориентировка	На каком боку	Могильный	Курган	Погребение	Ориентировка	На каком боку
Кашкара	7	1	северо-запад	на левом	Именлеку- лово	8	1	северо-восток	на левом
	7	2	северо-восток	то же			парное: 1	»	на правом
	6	1	»				костяк 2	»	на левом
	6	2	» (?)				2	северо-северо-восток	то же
Чубук-Каран		1	юг				3		»
	2	2	северо-восток	»			4		»
	5	5	»		Ново-Баскаково	1			
	6	6	»						
	7	7	северо-запад	»					
	8	8	»						
Куганак	1	1	запад				1	север	»
	2	2	»				2	»	»
			север				3	»	»
Маяково			северо-восток	»			4	»	»
Тукмаклы (четыре погребения)				»			5	северо-запад	»
							6	восток	на правом
Старо-Музино	4	3	»	на правом	Ново-Болтачево	1	1	север	на левом
							2	»	то же
Давлеканово	1	1	север	на левом			3	северо-запад	»
	1	2	юго-запад	то же			4	север	»
	2	1	северо-восток	»			6	северо-восток	»
	2	2	»	»					

Верхний Аташ	2	1	север	на правом		7	север	»
		парное: кость 1	»	то же		8	восток (?)	на правом
		кость 2	»	»		9	север	на левом
		3	»	»		10	»	то же
		парное:				11	северо-восток	»
		кость 1	северо-восток	на левом		13	север	»
		кость 2	»	на правом	2	»	»	»
					3	северо-восток	»	»
				Тартышево IV		4	север	(на спине)
					6	северо-восток	»	на левом
							северо-восток	(на животе)

Юго-западное Приуралье

Домашка		северо-восток	Лещевка			на левом
Березники (1923) (1926)	16	северо-запад	на левом		1	северо-северо-запад
Покровка		север	то же		2	север
Пустоволово	1	»	»	4	1	север
	2	»	»		2	»
Кротовка	2	»	»		4	»
	4	северо-запад	»		5	»
	3	север	»		6	»
	2	»	»	5	6	»
Александровка (Толмачев)	1	»	на правом	1	1	»
				(Гольмстен, 1928)	2	»
					3	»

Реже в состав могильного инвентаря включались орудия труда и предметы украшений: бронзовые плоские листовидные ножи с выступами у рукоятки (Кротовка, Александровка), ножны от таких ножей (Александровка), кремневые наконечники стрел с коротким черешком (Александровка), бронзовые желобчатые браслеты (Ново-Балтачево, Тартышево, Кротовка, Домашка, Пустовалово), спиральные височные кольца грушевидной формы или калачиком (Борское, Кротовка, Пустовалово), бляшки удлиненной формы или круглые с отверстиями или прорезами (Пустовалово, Домашки, Александровка), мелкие пастовые бусы (Пустовалово), бронзовые бусы и пронизки (Ново-Балтачево), грудки астроголов овец или коровы — игральные кости (Давлеканово, Ново-Балтачево), пряжка из ископаемой раковины (Тартышево), петлевидная бронзовая привеска (Ново-Балтачево).

Как погребальный обряд, так и состав могильного инвентаря в погребениях Башкирии и юго-западного Приуралья, ничем существенным не отличается от обряда и инвентаря срубных памятников Среднего и Нижнего Поволжья. Преобладание положения костяков на левом боку характерно для срубной культуры. Намечается некоторое различие в ориентировке. В Башкирии наравне с северной распространена северо-восточная ориентировка (см. табл. 8).

В погребениях юго-западного Приуралья, наоборот, решительно преобладает положение костяка головой к северу, как в районах Среднего Поволжья. Н. Я. Мерперт приводит следующие данные из раскопок Куйбышевской экспедиции: ориентировка к северу — 77 случаев, к северо-востоку — 15, к северо-западу — 18, прочие — 14 (Мерперт, 1954).

Надо особо отметить несколько погребальных памятников, которые отражают участие андроновских элементов в сложении культуры племен

19. Керамика из могильников и поселений

1, 2 — Старо-Мусино; 3—7, 12—14 — Давлеканово: 3, 6, 7 — курган 1, погребение 2; 4, 5, 14 — курган 2, погребение 2; 12 — курган 1, погребение 1; 13 — курган 2, погребение 1; 8—11 — Кумлекуль; 15, 16 — Туймаза; 17 — Карамыш

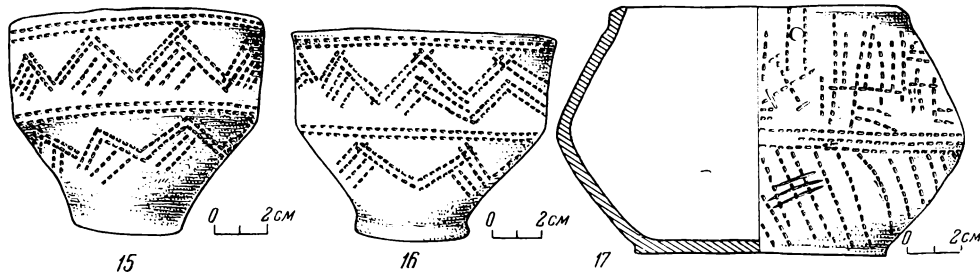

Таблица 8 Ориентировка срубных погребений

Ориентировка	Башкирия	Юго-западное Приуралье	Всего
Север	19	17	36
Северо-восток	21	1	22
Северо-запад	6	5	11
Запад	2	—	2
Восток	3	—	3
Юг	1	—	1
Юго-запад	1	—	1
Всего	53	23	76

поздней бронзы в юго-западной Башкирии. В этом отношении примечательны особенности кургана 7 у хутора Кашкара (Дмитриев, Сальников, 1941). До нас в хорошем состоянии дошли два грунтовых погребения взрослых и в насыпи три впускных детских погребения. Следовательно, курган представляет собой семейную усыпальницу. Учитывая состав погребенных под одной насыпью, можно предполагать, что один из костяков взрослых принадлежал мужчине, другой — женщине. При одинаковом скорченном положении на левом боку костяк погребения 1 (предположительно мужской) лежал головой на северо-запад, а костяк погребения 2 (предположительно женский) — головой на северо-восток. У обоих перед лицом стояло по одному сосуду, но тип их совершенно различен. Погребение 1 сопровождалось приземистым сосудом горшечно-баночной формы с широким горлом и округлыми боками. Орнамент, нанесенный оттисками крупнозубого гребенчатого штампа, состоит из поясков, рядов коротких вертикальных оттисков и небрежно сделанных зигзагов и ромбов (рис. 18, 17). Подобная орнаментация и по рисунку и по характеру выполнения встречается на нарядных сосудах в срубных памятниках.

Совсем иной облик у сосуда из погребения 2. Это горшок с довольно высоким горлом, с заметно отогнутым краем и значительно выпуклыми плечиками. Орнамент нанесен тонким гребенчатым штампом и состоит из нескольких рядов горизонтальных поясков и наклонно заштрихованных треугольников. Последние составляют на горле один ряд вершинами вниз, а на плечиках — группы из шести фигур, образующих треугольники или пирамидки вершинами вниз (рис. 18, 13). Орнамент четко делится на две зоны неорнаментированным поясом между ними. В этом сосуде

все: и форма, и зональное расположение орнамента, и рисунок в виде пирамидок из заштрихованных треугольников — абсолютно чуждо керамике памятников срубной культуры и, наоборот, типично для андроновской керамики алакульской стадии. Правда, на данном сосуде надо отметить некоторое отступление от алакульских форм Зауралья. На алакульских сосудах межзональный лишенный орнамента пояс обычно находится на нижней части горла. На сосуде же из кургана у хутора Кошкара он помещен на верху плечиков. Несмотря на это отличие, сосуд не теряет своего андроновского характера. Сосуды, найденные в насыпи рассматриваемого кургана, имели типично срубную форму: один — баночную, другой — баночно-острореберную (рис. 18, 14—16).

Таким образом, мужской и детские костяки сопровождалась сосудами срубных форм, а женский — андроновским сосудом. Связь с андроновской культурой погребения 2 подтверждается и составом костей животных: на краю могилы найдена кость лошади, несколько костей лошади встречено и в насыпи кургана поблизости от этого погребения, а в районе погребения 1, кроме костей лошади, оказались и кости овцы.

Вообще же для срубных погребений типично сопровождение их костями овцы и коровы. Как установлено многочисленными наблюдениями в Зауралье (Сальников, 1952а), такое же сопровождение характерно для алакульских погребений андроновской культуры, а на федоровской стадии с покойником погребалась только часть туши лошади. Отсюда можно сделать заключение о довольно ранней дате кургана у хутора Кашкара. Погребения этого кургана можно отнести ко времени, переходному от федоровского к алакульскому этапу, чему не противоречит и тип сосуда из могилы 2. В его орнаменте мы видим алакульскую зональность, ярко выражено горло сосуда, но отсутствие уступчика на плечах и гребенчатый нарядный орнамент сближают сосуд с федоровской керамикой.

Трудно представить, что в погребении 2 кургана у хутора Кашкара мог быть захоронен представитель срубного племени. Наоборот, тип сосуда говорит о принадлежности погребенного к андроновским племенам, а поскольку в целом курган все же является срубным и сооружен на территории срубных племен, естественно сделать вывод, что в этой могиле погребена женщина-андроновка, которая попала в среду срубных племен вследствие патрилокального брака и здесь изготовляла сосуды по обычаю своего племени. Один экземпляр этой посуды был помещен вместе с ней в могилу.

Процесс проникновения в срубную среду Башкирии андроновских групп не менее ярко отражен в Давлекановском могильнике, исследованном Г. И. Матвеевой (1963 г.). Курган 1 содержал две могилы. В одной умерший был погребен по обряду срубной культуры: на левом боку, головой на север и сопровождался сосудом обычного срубного типа (рис. 19, 12). Вторая могила содержала захоронение по андроновскому обряду:

костяк лежал на левом боку, головой на юго-запад, его сопровождали три сосуда: два горшка с уступчиком (рис. 19, 3, 6) и продолговатое блюдо, близкое к обычным в андроновско-федоровских погребениях Зауралья (рис. 19, 7). В этом погребении находились кости лошади, также обычные для федоровских погребений. На раннюю дату описанного андроновского погребения указывает и орнаментация одного сосуда, выполненная оттисками веревочки. В данном кургане мы видим редкий случай сочетания в керамике алакульской формы сосуда с полтавкинской орнаментацией веревочкой.

Из могильников срубной культуры связь с андроновскими племенами наблюдается в Погроменских курганах, где форма и орнаментация многих сосудов носят андроновский характер, а одна могила содержит трупосожжение (Сальников, 1950). Сильно влияние андроновской культуры также в керамике Нугушского могильника (раскопки Г. Н. Матюшина, 1962) (рис. 25, 9—17).

Взаимопроникновение элементов срубной и андроновской культур наблюдается также в ряде могильников в южном Зауралье, как будет показано ниже.

ХОЗЯЙСТВО

Основным источником существования племен срубной культуры, бесспорно, служило скотоводство. Кости домашних животных в большом числе обнаруживаются на всех поселениях и часты в могилах. Первая попытка

Скотоводство

установить состав стада и характер скотоводства у племен срубной культуры была сделана А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким в их сводной работе о племенах эпохи бронзы южных степей (Круглов, Подгаецкий, 1935). В их распоряжении был остеологический материал преимущественно погребального происхождения. Из поселений им удалось привлечь, особенно по восточным районам, очень ограниченный материал. Находки костей как на поселениях, так и в могилах, позволили авторам убедительно доказать, что в состав стада входили все основные виды домашних животных: корова, овца, коза, свинья и лошадь. Что касается удельного веса отдельных видов животных в стаде, то показания костных остатков из погребений расходятся с данными находок на поселениях. В могильных находках на первом месте оказываются кости овцы, в то время как на поселениях больше всего костей коровы. Авторы делают совершенно правильный вывод, что это расхождение объясняется особенностями погребального ритуала, в котором действительное положение общества, характер его хозяйства и уровень его развития могут отражаться искаженно.

В настоящее время изучение поселений срубной культуры значительно расширилось. Остеологический материал с нескольких поселений определен зоологами. На территории, близкой к интересующим нас районам, состав стада установлен для Максютковского и Успенского селений в Саратовской области (Синицын, 1949), поселений на р. Зимнице в районе сел Мокшан и Пустынь в Пензенской области (Кривцова-Гракова, 1941), селищ в Воронеже (Подгаецкий, 1941) и у с. Лукьяновки Курской области (Подгаецкий, 1941, стр. 164—168), а в Башкирии у сел Ибракаево Стерлибашевского района (Азмеров, 1955, стр. 85) и Салихово Ишимбайского района (раскопки К. В. Сальникова).

В восточных районах распространения памятников срубной культуры первым исследователем их была В. В. Гольмстен. На многочисленных обследованных ею в Среднем Поволжье срубно-хвалынских поселениях (Гольмстен, 1929, стр. 131) она отмечает находки чаще всего костей коровы, реже овцы, козы и изредка — лошади и свиньи. Те же виды домашних животных обнаружены на вновь исследованных поселениях Среднего Поволжья (Палкин, 1958, стр. 269), в Башкирии у сел Ибракаево и Салихово, в Мордовии у с. Пиксяси (Степанов, 1955, стр. 79), а в Саратовской области у сел Максютово и Успенка. Если к этому вспомним старые работы В. А. Городцова в Изюмском уезде Харьковской губернии и П. П. Ефименко в Чувашии у с. Байбатырово (Третьяков, 1948, стр. 41), то увидим, что видовой состав стада у племен срубной культуры одинаков на всей огромной площади ее распространения. Но удельный вес отдельных видов в стаде различных памятников колеблется.

В Приуралье костные материалы только двух памятников были научно определены по видовому составу домашних животных — Ибракаева и Салихова I (при ограниченном числе найденных костей). Но для них остается в силе подмеченное В. В. Гольмстен на большом числе обследованных ею на соседней территории памятников соотношение костей различных животных: на первом месте кости крупного рогатого скота, реже мелкого рогатого скота и изредка лошади и свиньи. Корова была основным источником мясного питания буквально во всех поселениях срубной культуры независимо от района их расположения. От 43 до 79,2% костей животных в культурных слоях срубных поселений падает на кости коровы.

Второе место в одних случаях занимают кости лошади, в других — мелкого рогатого скота. Особенно много костей овцы (26,4—29,2%) в самых юго-восточных селищах — Максютовском и Успенском, что, думается, находится в прямой зависимости от окружающей природной среды. Засушливые, жаркие степи — наиболее благоприятная обстановка для этого вида домашних животных (Боголюбский, 1940, стр. 23). В более северных районах, на территории юго-западной Башкирии, поголовье овец в стаде снижается до 14,3—16,6%, а в северо-западных районах срубной культуры падает до 6—8%. В большинстве случаев соответственно повышается роль лошади в мясном питании: в поселениях, где кости овцы найдены в небольшом числе, оказывается много остатков лошади. В Зимнице I овец — 7,3%, лошади — 31,5%, в селище Волчий Овраг соответственно 6,7 и 40%, в Лукьяновском — 8,24 и 34,25%. В срубных поселениях Башкирии процент овцы в стаде более высокий, в Салихово I — 14,3, в Ибракаево — 16,6% и соответственно понижается число лошадей до 8,9 и 20,8%, а в юго-восточных поселениях в Саратовской области при высоком уровне овцеводства — 26,4—29,2% в стаде количество лошадей падает еще ниже — 5,1—6,7%. Исключение из правила составляет Воронежское

селище, где при малом числе костей овец (1,6%) найдено еще меньше (4,5%) костей лошади. Воронежское поселение по роли лошади в мясном питании его обитателей стоит близко к саратовским селищам.

В. И. Цалкин, отмечая высокий процент костей лошади в остеологическом материале поселения Лукьяновка Курской области (34,4%) в сравнении с незначительным местом, занимаемым лошадьё в стаде срубных поселений Саратовской области (5,9%), видит причину в различии снежного покрова. «Лошадь, как известно, обладает высокой способностью самостоятельно добывать корм из-под снега. С другой стороны, в степной полосе, при низком, а иногда и вовсе непостоянном снеговом покрове создается обстановка, благоприятная для крупного и мелкого рогатого скота, оттесняющих лошадь на второй план» (Цалкин, 1958, стр. 269—270).

Природные условия в данном случае, несомненно, играли большую роль, но наравне с ними следует учитывать и характер использования того или иного вида домашнего животного в хозяйстве. Достаточно сопоставить удельный вес лошади в стаде двух срубных поселений — Лукьяновского (34,25%) и находящегося от него в 100 км к востоку — Воронежского (4,5), чтобы убедиться, что дело не ограничивается различием в природных условиях. Нам кажется, прав И. В. Сеницын, высказавший интересную мысль, что малое число костей лошади в культурном слое срубных поселений саратовской степи служит признаком не малого разведения лошади, а малого употребления ее в пищу: лошадь использовалась как ездовая и тяговая сила (Сеницын, 1949, стр. 219).

Максютовское и Успенское поселения И. В. Сеницын относит к концу II тысячелетия до н. э. В это время, как показали неоднократные находки псалий в памятниках срубной культуры, лошадь уже широко использовалась аналогичным образом (Смирнов, 1961, стр. 46—47).

Интересная зависимость от района, от природных условий устанавливается и в разведении племенами срубной культуры свиней. На саратовских поселениях, которые дали самые большие коллекции костей, остатки свиный почти отсутствуют. На Успенском селище не найдено ни одной кости свиньи, на Максютовском — всего три кости, что составляет 0,4% от общего числа костей. Степные условия не благоприятствовали разведению этого животного. Больше, чем в других районах, свиней разводили на пензенских стоянках: на поселение Зимница II кости свиный составляют 17,1%, на селище Волчий Овраг — 10%.

Срубные племена Башкирии свиней разводили в небольшом количестве. Кости этих животных стоят здесь на последнем месте: 4,2% костного состава в культурном слое селища Ибракаево и 5,4% селища Салихово I.

Состав стада приуральских поселений срубной культуры — значительный процент овцы и малое число свиный — характеризует природные условия того времени в юго-западной Башкирии и прилегающих районах

Таблица 9. Состав остеологического материала на поселениях срубной культуры

Поселение	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошадь		Сви́нья		Собака		Дикий зверюшко	
	количество костей	%	количество костей	%	количество костей	%	количество костей	%	количество костей	%	количество костей	%
1. Ибракаево	14	58,4	4	16,6	5	20,8	1	4,2	—	—	—	—
2. Салихово I	40	71,4	8	14,3	5	8,9	3	5,4	—	—	—	—
3. Зимница I	128	55,2	17	7,3	73	31,5	14	6,0	—	—	—	—
4. Зимница II	19	54,3	3	8,6	7	20,0	6	17,1	—	—	—	—
5. Волчий Овраг	13	43,3	2	6,7	12	40,0	3	10,0	—	—	—	—
6. Лукьяновское		52,03		8,24		34,25		4,97	—	—	—	0,52
7. Воронежское		79,2		7,6		4,5		8,1		0,5		0,1
8. Максютовское	503	65,8	212	26,4	39	5,1	3	0,4	11	4,5	6	0,8
9. Успенское	338	69,9	157	29,2	36	6,7	—	—	2	0,4	4	0,8
10. Срубные поселения Среднего Поволжья		54,6		21,1		15,9		5,4				

Примечание. Источник сведений: № 1 — Ахмеров, 1955; № 2 — Раскопки К. В. Сальникова 1958 г. Определение В. И. Цалкина; № 3—6 — Круглов, Подгаецкий, 1935; № 7—8 — Подгаецкий, 1941, стр. 160; № 9—10 — Синицын, 1949.

как лесостепные. Для выпаса свиньи использовалась обширная пойма рек Селеук и Белой возле Салихова I, и в настоящее время покрытая густыми зарослями кустарника. Известную роль в разведении свиней срубными племенами Башкирии, несомненно, сыграло влияние абашевской культуры. Число костей свиньи, например, на абашевском селище Баланбаш, достигало 12%.

Расселяясь к северу, племена срубной культуры принесли с собой разведение всех домашних животных, кроме свиньи. Свиноводство, надо полагать, было перенято ими от абашевцев. Последние же, как и другие племена южной лесной полосы, издавна и широко разводили этих животных.

Население чисто степных южных срубных селищ совсем не потребляло мяса свиньи так же, как и андроновские племена южного Приуралья и Западной Сибири.

Значение скотоводства в хозяйстве срубных племен не ограничивалось использованием мяса, молока, шерсти и т. п. Если еще у катакомбных и древнеямных племен существовали повозки, остатки которых обнаружены в погребениях Нижнего Поволжья и в Причерноморье, то нет никаких оснований сомневаться в использовании лошади в качестве тяглового животного и срубными племенами на всей территории их расселения. В башкирском Приуралье костяные псалии были известны еще предшественникам срубных племен — абашевцам.

Земледелие

Существование земледелия у племен срубной культуры доказывается многочисленными находками орудий труда, прямо или косвенно связанных с возделыванием полей под посевы, уборкой урожая и переработкой продуктов земледелия. Труднее, вернее невозможно, определить, сколь велика была роль земледелия в хозяйстве этих племен, в частности по сравнению со скотоводством. Причина этого кроется в характере тех находок, которые рисуют нам, с одной стороны, скотоводство, с другой — земледелие.

Эта отрасль хозяйства племен срубной культуры освещена в работах В. В. Гольмстен (1933), А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого (1935). Вопросы земледелия касаются в своих работах П. С. Рыков (1936), И. В. Силицын (1949) и ряд других авторов. Но все эти работы относятся к южным районам расселения племен срубной культуры, главным образом Среднего и Нижнего Поволжья. Открытия последнего времени на территории Башкирии подтверждают выводы, сделанные перечисленными авторами относительно характера земледелия срубных племен. Памятники этой культуры в юго-западном Приуралье дали достаточно находок для суждения о земледелии.

Большинство открытых в Башкирии, Оренбургской и Куйбышевской областях срубных поселений располагается по берегам рек на невысоких

надпойменных террасах, но в ряде случаев селища обнаруживаются в современной пойме, вследствие чего культурный слой оказывается покрытым мощными речными отложениями. Таково Куганакское Правобережное селище в Стерлитамакском районе Башкирской АССР, обследованное в 1951 г. Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета. Территория селища ежегодно заливается во время весенних разливов р. Куганак. Культурный слой залегает в толще погребенного чернозема, который покрыт мощными пойменными отложениями. В эпоху бронзы правый возвышенный берег р. Куганак, на котором располагалось селище, не заливался водой, что привело к образованию слоя чернозема, ныне покрытого речными отложениями. Но левый берег реки значительно ниже правого, по-видимому, он представлял собою пойму и в ксеротермический период. Эта шириной около 1 км древняя пойма вполне могла использоваться для земледелия.

В поймах расположены срубные селища Ишеево II и Салихово II у одноименных сел Стерлитамакского (бывшего Макаровского) района Башкирии. Из других поселений срубной культуры юго-западного Приуралья, лежащих на пойме, можно указать на селище близ г. Бугуруслана на левом берегу р. Б. Кинель, обследованное в 1928 г. В. В. Гольмстен (дневник экспедиции Самарского общества краеведения, 1928 г., стр. 65), и на селище на правом берегу р. Салмыш в 2—3 км ниже с. Ново-Никольское Шарлыкского района Оренбургской области. Пойма р. Салмыш здесь достигает 4 км ширины. Погребенный чернозем, содержащий культурные остатки на срубных поселениях, расположенных в современной пойме, является достаточно убедительным доказательством особых климатических условий в эпоху бронзы. Лишь большая, по сравнению с нашим временем, сухость климата могла привести к понижению уровня воды в реках, которые, очевидно, не знали весеннего половодья. На протяжении сотен лет на берегах образовывался чернозем, здесь поселялись люди, строили долговременные жилища-землянки. Где-то в конце эпохи бронзы, на грани II и I тыс. до н. э., климат изменился в сторону большей влажности, реки весной стали заливать прибрежные селища, люди покинули их, а на остатках поселений постепенно отложились мощные речные наносы. Так рисуются климатические условия в эпоху ксеротерма, совпадающие на Южном Урале с эпохой бронзы. Вокруг вопроса о ксеротермическом периоде в последние годы разгорелась оживленная дискуссия. В прошлом исследователи степных памятников сходились в едином мнении: эпоха бронзы совпадает с засушливым ксеротермическим климатом, степи распространены были в более северных широтах, а на территории современной степи были полупустыни.

Новые данные позволили ряду исследователей не только отрицать смещение климатических поясов к северу и вообще существование ксеротермического периода, но допустить даже более широкое распространение в

эпоху бронзы лесов в современной степи. В частности, на этой точке зрения стоят авторы интересной и своеобразной статьи «Археология и некоторые вопросы почвоведения» — Н. Я. Мерперт и А. И. Смирнов (1960). Они основываются в значительной мере на наблюдениях, сделанных при изучении памятников эпохи бронзы в Поволжье, и на мнении почвоведов, отмечая, впрочем, значительные расхождения среди почвоведов, палеогеографов и палеозоологов по вопросу о существовании и характере ксеротермического периода.

Очевидно, этот вопрос должен рассматриваться применительно к конкретной, не очень широкой территории. Важное место при определении природных условий в древности занимает спорово-пыльцевой анализ почв. Ссылаясь, в частности, на результаты такого анализа, произведенного Прикаспийской археологической экспедицией Е. И. Крупнова, авторы упомянутой выше статьи утверждают, что в эпоху бронзы в ныне засушливых районах были леса (Мерперт, Смирнов, 1960, стр. 5). Между тем, Е. П. Крупнов по поводу спорово-пыльцевого анализа, на который ссылаются Н. Я. Мерперт и А. П. Смирнов, пишет совершенно противоположное: «Важно отметить, что заключение Р. В. Федоровой о безлесном окружении современного с. Ачикулак в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) вполне согласуется с представлениями о суббореальном периоде, когда климат был более сухим и степи доходили до р. Окн, а в субатлантический период увлажнение климата способствовало произрастанию и в указанных районах лесов (в I тыс. до н. э. и позднее)» (Крупнов, 1954, стр. 105).

Спорово-пыльцевой анализ почв из памятников эпохи бронзы Волгоградской области привел к выводу, что «в Заволжье в эпоху бронзы доминировала степная и полупустынная растительность с островками лиственных и сосновых лесов, т. е. растительность в основном близка к современной данного района. Такой характер растительности согласуется с сухим и теплым климатом, который, по мнению многих авторов, был в эпоху бронзы» (Чигуряева, 1960).

Не лишне отметить, что в составе охотничьей добычи обитателей срубных поселений Среднего Поволжья встречаются кости сайги — животного, типичного для степных и полупустынных мест. Причем в количественном отношении среди костей других диких животных остатки сайги занимают далеко не последнее место, на основании чего В. И. Цалкин приходит к выводу, что «сайга была довольно обычна» в этом районе (Цалкин, 1958, стр. 262). А следовательно, природная обстановка до какой-то степени отличалась от современной большей сухостью. Характеристику природных условий Поволжья эпохи бронзы, очевидно, без особого риска можно распространить и на южное Приуралье. И здесь в то время, конечно, были леса в поймах, балках, по склонам гор, откуда и брали дерево строители жилищ и могильных сооружений эпохи бронзы. Од-

такое несколько большую сухость климата и, следовательно, более степной характер растительности на территории современной лесостепи нельзя отрицать на основании наблюдений на пойменных поселениях.

Вся территория расселения срубных племен в западном Приуралье представляла собою степь, которая доходила в Прикамье до современного Сарапула. Климатические условия принуждали срубные племена придерживаться поймы реки.

С поймой р. Белой связаны срубные поселения Береговское I, Озерки I, II и III в Мелеузовском районе Башкирии. На краю поймы р. Селеук расположено селище Салихово I. Как доказано работами В. В. Гольмстен (1933), М. П. Артамонова (1933) и К. В. Сальникова (1951, 1954), при засушливом климате в эпоху бронзы земледелие в степи было возможно только в поймах рек.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий (1935, стр. 148) не признают пойменный характер земледелия у племен срубной культуры, но их возражения не убедительны. Эти авторы считают, что пойменные наносы после высыхания настолько цементируются, что делаются малопригодными для обработки.

Аллювиальные почвы, как более увлажненные, благоприятствуют произрастанию сорняков, а не сухолюбивого проса. Обработка почвы под посев вряд ли древними земледельцами производилась после высыхания поймы. В погоне за влагой они должны были делать это сразу же след за спадом воды. Однако образующаяся впоследствии действительно довольно твердая корочка на поверхности поймы не служит препятствием для развития буйной луговой растительности. Не могла она мешать и посевам хлеба. Что касается засоренности посевов сорняками, то в этом отношении упомянутые авторы правы. Изучение остатков проса, сохранившихся в землянке, исследованной в 1933 г. Т. М. Минаевой на срубном поселении у Волгограда, показало, что посевы его были сильно засорены такими растениями, как *Amarantus*, *Retroflexus* L. и *Chenopodium allum*. Но эти наблюдения подтверждают, таким образом, как раз пойменный характер земледелия. Отрицательное влияние увлажненности аллювиальных почв на произрастание сухолюбивого проса, которое выдвигается А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким в качестве третьего возражения против того, что земледелие в эпоху бронзы имело пойменный характер, до известной степени преодолевалось древними земледельцами подбором соответствующих сортов хлеба. А. Д. Фурсаев, изучавший остатки проса из Волгоградского срубного поселения, определяет его как подвид проса *var. aniam, miliaceum* SSP. *Effusum* Alf, для которого характерна скороспелость при меньшей засухоустойчивости и урожайности. Положительными качествами этого вида проса является также нетребовательность к почве (Минаева и Фурсаев, 1934). Изложенное только подтверждает пойменный характер земледелия племен эпохи бронзы.

В последнее время Н. Я. Мерперт выдвинул теорию о подсечно-огневом характере земледелия срубных племен Среднего Заволжья, с чем связывает продвижение их к северу по мере уничтожения лесов. Против того, что в эпоху бронзы существовало подсечно-огневое земледелие, возражать не приходится. Но оно могло практиковаться в пойменных лесах и, таким образом, это не противоречит выводу о пойменном характере земледелия у племен срубной культуры и о существовании ксеротермического засушливого периода. А выводы А. Д. Фурсаева скорее говорят об отсутствии подсечно-огневого земледелия. Сорняк *Amarantus, retroflexus* L., сопровождавший найденные в Волгоградском поселении семена проса, произрастает на площадях с рыхлой почвой. Отсюда можно сделать вывод, что на полях людей срубной культуры «велась сплошная обработка почвы, повторявшаяся из года в год на одном и том же месте» (Фурсаев, 1934). Следовательно, подсечно-огневая форма земледелия исключается: продолжительная обработка одного и того же участка не характерна для нее. «Современные остальные земледельческие племена предпочитают расчищать новый участок, чем очищать от сорняков старый. Так, подсечно-огневая система необходимо оказывается связанной с частой сменой обрабатываемого поля» (Косвен, 1957, стр. 75).

П. Н. Третьяков (1932) указывает, что еще в прошлом столетии на севере Восточной Европы при подсечно-огневой системе поля меняли каждые четыре года. При такой периодичности трудно ожидать 70% засоренности сорняками, как показал анализ пробы проса из Волгоградского срубного поселения.

Поймы рек юго-западного Приуралья, как и поймы рек Поволжья, обычно густо зарастают кустарником. Их так же, как в Поволжье, необходимо было очищать от этих зарослей, для чего, по-видимому, служили косари сосново-мазинского типа. Ближайшие находки форм для отливки таких орудий относятся к окрестностям Куйбышева. Другая форма найдена у с. Воскресенского на севере Челябинской области (Tallgren, 1916; fig. 37). В БСЭ (т. 6, стр. 155, рис. 12) указание на находку этой формы близ Уфы ошибочно. Поскольку другие орудия, связанные с земледелием в Поволжье и в Приуралье, одинаковы, нет основания сомневаться, что племена срубной культуры Приуралья пользовались и косарями. Земледелие было примитивным. Для подготовки почвы к посеву служили каменные мотыги в виде массивных, уплощенной формы орудий, с рабочим краем, заостренным двусторонними сколами, с выемками по бокам и на утолщенном обухе для крепления к рукоятке. Такие орудия хранятся в Куйбышевском и Пугачевском музеях (Гольмстен, 1933; Силицын, 1949, стр. 221), близкие им орудия найдены в Пензенской области на поселении Волчий Овраг (Кривцова-Гракова, 1941, рис. 10) и на юге Башкирии у с. Тюканово на р. Куюргаза (рис. 20, 10) (хранится в Оренбургском музее, см.: Сальников, 1951, стр. 130, рис. 16).

При раскопках поселения срубной культуры Береговское I Мелеузовского района Башкирской АССР на р. Белой найден ряд массивных каменных предметов с приостренными концами и выемками для привязи к рукоятке.

В 1955 г. на полу жилища 2 (раскоп II) поселения Береговское I была обнаружена массивная галька длиной 22 см, толщиной 5 см, шириной 7 см с большим выступом в средней части. Оба конца гальки имеют следы сколов, а возле выступа выбит желобок, который вместе с выступом помогал укрепить орудие на Г-образной рукоятке ремнем или веревкой (рис. 20, 9). Интересно, что размеры описанной мотыжки близки к размерам орудия из поселения у с. Канаевки на р. Иргизе, описанного В. В. Синицыным (1949, стр. 221). В качестве мотыг могли употребляться деревянные, а также и металлические орудия типа плоских топоров. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий приводят хорошее доказательство в пользу скрепления плоских клиновидных медных топоров с рукояткой тем способом, который типичен для мотыг. Они ссылаются на погребение 2 в кургане 35 юго-восточной группы у г. Покровка, раскопанное П. С. Рыковым (Архив ЛОИА АН СССР, 1927 г., д. 136), в котором был найден топор этой формы, лежащий не плашмя, а на ребре. Такое положение возможно только в том случае, если этот медный предмет был прикреплен к рукоятке по способу скрепления мотыги или тесла (Круглов, Подгаецкий, 1935, стр. 73). Тем более плоские топоры, снабженные на обоих ребрах выступами (цапфами), рассчитаны только на такой способ крепления к рукоятке. Топоры с выступами в Приуралье найдены в составе клада у с. Миловки вместе с крюкастыми серпами (рис. 24, 3). В музее Татарской АССР хранятся подобные орудия из-под Елабуги. На плитке литейной формы с р. Зирган из Башкирии вырезано гнездо для отливки плоского топора с цифрами (рис. 20, 1). Таким образом, бронзовые мотыги-тесла не только применялись, но и изготавливались на территории Башкирии. Эти орудия были широко распространены в эпоху бронзы, а железные той же формы и размеров продолжали применяться в земледелии и в скифское время (Шрамко, 1961, стр. 87, рис. 11).

Уборка урожая производилась при помощи серпов, а не выдергиванием или срыванием колосьев руками. К такому выводу пришел В. Д. Фурсаев на основании большого количества зерен сорняков, обнаруженных в просе с селища у Волгограда. «Уборка проса руками давала бы более чистое зерно. Предполагать сбор сорняков вместе с просом едва ли имеется основание» (Минаева, Фурсаев, 1934). Еще более убедительно в пользу уборки серпами говорят многочисленные находки серпов. На площади распространения памятников срубной культуры известно немало находок бронзовых серпов стойкой формы, которая связана в подавляющем большинстве случаев со срубными поселениями, что позволяет именовать эту форму серпами срубного типа. Для них характерны значительная ширина

и массивность, средней степени изогнутость и наличие крючка, обращенного в противоположную от лезвия сторону. По предположению О. А. Кривцовой-Граковой, такие серпы не имели рукояток, а для захвата служил обернутый кожей конец возле крючка (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 63), который предохранял от соскальзывания с серпа кожаной обертки. Серпов этого типа на территории срубной культуры найдено не менее 50 экз., главным образом в Поволжье и Приуралье.

Примечательно, что наиболее многочисленные находки связаны с Приуральем. Клады бронзовых предметов, найденные у Миловки близ Уфы, Ибракаева в Стерлибашевском районе Башкирии и в Чистопольском районе Татарии, состояли преимущественно из серпов. В кладу с. Миловка входило 6 серпов (рис. 24, 2), Ибракаева — 11 (рис. 30, 14—19), Чистопольского района — 11. В с. Н. Красноярск Бугурусланского района Оренбургской области вместе с серпами найдена и форма для отливки этих предметов (Ахмеров, 1955). Последняя находка свидетельствует о местном производстве описываемых орудий. Единичные находки крюкастых серпов известны за пределами Приуралья и Поволжья: в степях Причерноморья вплоть до Днепра (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 32, 8, 9, 10), на Нижнем Дону (Круглов и Подгаецкий, 1935). Они связываются и здесь с территорией обитания срубных племен. Три крюкастых серпа найдено за пределами территории срубных племен — в Зауралье: у с. Катайского на северо-западе Курганской области, на оз. Мелком близ Свердловска и третий, неизвестного происхождения, хранится в Свердловском музее. Эти находки свидетельствуют о связях, существовавших между племенами эпохи бронзы Зауралья и юго-западного Приуралья. Для андроновской культуры Зауралья крюкастые серпы нельзя признать типичными. На андроновских памятниках обычны серпы другой формы.

Обработка продуктов земледелия производилась на каменных плитах — зернотерках, обломки которых обычно находят на срубных поселениях. Встречаются и целые зернотерки.

Очень интересно, что характер рабочей поверхности зернотерок полностью совпадает с размером зернотерки, обнаруженной И. В. Синицыным в срубном погребении 2 кургана 2 близ Максютковского поселения в Саратовской губернии. Диаметр рабочей поверхности зернотерки, лежавшей при костяке в этой могиле, равен 17 см (Синицын, 1949, стр. 220). Земледельческое хозяйство у всех племен срубной культуры носило однородный характер. Не будут поэтому ошибочными выводы, сделанные на материалах одного района, при применении их для характеристики состояния хозяйства срубных племен в других районах.

Растирание зерен производилось при помощи пестов формы, близкой к цилиндрической. Такие песты часты в находках на срубных поселениях. На селищах Башкирии для этой цели пользовались обычно естественными гальками подходящей формы. Округлая форма рабочей поверхности зерно-

ерок получалась в результате кругового движения пестом. Малые размеры зернотерок и пестов при таком способе растирания могли обеспечить получение ограниченного количества муки. А это, в свою очередь, отражало примитивность земледелия вообще. Несовершенство мотыг — грубость аменных, малые размеры металлических — препятствовали возделыванию более или менее крупных площадей. Поля, по всей видимости, были очень невелики. «Громадное количество сорняков говорит о продолжительности возделывания почвы» (Минаева, Фурсаев, 1954). Посевы из года в год на одном месте при сильной засоренности приводили к низким урожам.

Таким образом, все — от примитивности орудий возделывания почвы до несовершенства орудий обработки продуктов земледелия — говорит за то, что земледелие не могло играть большой роли как источник питания и должно уступить в этом отношении первое место скотоводству.

Все исследователи поселений срубной культуры согласно отмечают исключительную густоту расположения селищ при слабой насыщенности культурного слоя. Следовательно, поселения часто переносились на новое место. Вряд ли можно согласиться с В. В. Гольмстен, высказавшей предположение, что переносы были «связаны с экстенсивным характером земледелия: по истощении посевных участков, расположенных вблизи поселения, надо было искать новые и переносить свое жилье на другое место» (Гольмстен, 1933, стр. 35). Перенос полей можно допустить уже исходя из того, что отсутствие борьбы с сорняками в конце концов делало совершенно нецелесообразными посевы на старом поле. Но при ограниченных размерах возделываемых участков и небольшом числе обитателей на каждом селище не было необходимости переносить посев на столь большое расстояние, чтобы требовалось забрасывать довольно капитальные постройки и возводить новые. Для этого нужны были более веские основания. Убедительнее, на наш взгляд, предположение того же автора, высказанное позже (Гольмстен, 1940, стр. 129), что причину перенесения поселений надо искать в характере скотоводства. Скопление навоза и нечистот в жилье и вокруг него делало невозможным дальнейшую жизнь на этом месте и толкало на перенос поселения. Это объяснение представляется тем более убедительным, что имеются подобные примеры, отмеченные этнографами. Навоза иногда накапливают около дома такие массы, — говорит известный исследователь этнографии якутов В. Л. Серошевский, — что якуты из-за него бросают старые жилища и уходят на новые места» (Серошевский, 1896, стр. 155). Открытие на андроновском поселении у с. Алексеевки близ Бустаная признаков загонов для скота рисует нам систему скотоводства, близкую к старой якутской. Скотоводческое хозяйство срубных племен вряд ли существенно отличалось от андроновского.

Подводя итог рассмотрению основных отраслей хозяйства племен срубной культуры, можно сделать вывод, что основным источником питания

давало оседлое пастушеское скотоводство, подсобным занятием было земледелие. Скотоводство стояло на таком уровне развития, что вполне обеспечивало потребность в мясной пище. Охота абсолютно утратила свое значение. На большинстве срубных поселений среди находок костей совсем не встречаются остатки диких животных. На тех, где они оказались, их число не достигает 1% от общего количества найденных костей, и те принадлежат не мясным, а пушным животным: барсуку, лисице, зайцу, сурку, бобру и т. п. При сравнительно слабом развитии земледелия, которое к тому же давало исключительно зерно, собирательство, несомненно, должно было играть немалую роль в хозяйстве племен срубной культуры Башкирии. Поймы рек юго-западного Приуралья до сих пор богаты зарослями калины, черемухи, терновника, а в северных районах территории срубных племен были, по-видимому, и леса, где для собирательства имелись более обширные возможности.

Горное дело и металлургия

В составе находок на памятниках, а преимущественно из случайных находок с территории срубных племен происходит немалое число разнородных изделий из меди и бронзы, которые свидетельствуют лишь о применении местным населением металлических изделий в своей хозяйственной деятельности, военном деле и быту. Но находки, правда очень редкие, литейных форм, слитков меди, шлаков, наличие залежей медных руд и некоторых следов их разработки на территории распространения срубных памятников указывают на то, что часть срубных племен была знакома со всеми этапами древней металлургии — от добычи руды до изготовления предметов из металла.

Северо-восточная окраина территории срубных племен — юго-западное Приуралье — богата залежами медных руд того типа, который разрабатывался в глубокой древности, на заре металлургии.

Вдоль западного склона Южного Урала распространены медистые песчаники и конгломераты — разновидности окисленных руд. Их месторождения известны на юге Башкирии, в бассейне рек Демы и Сакмары, на территории Оренбургской области, в бассейне р. Урала. Широко известны наиболее богатые Карагалинские месторождения к северу от Оренбурга. Нередко медистые песчаники выходят на поверхность или залегают на глубине 2 м, что при небольшой твердости этих руд делало их легкодоступными и в условиях примитивной разработки в эпоху бронзы.

Медные рудники, разрабатывавшиеся в древности, на Урале известны, хотя специальных археологических исследований не было. Их открытия мы обязаны русским промышленникам XVIII—XIX вв., которые закладывали свои рудники на месте «чуждских копей». Эти работы приводили к гибели древних остатков рудников. По данным А. А. Иессена, количество мест, на которых на Урале в XVIII—XIX вв. добывалась медь, превышала

ет 8000, а сведения о древних работах имеются лишь в отношении не более 150 пунктов (Иессен, 1948, стр. 60). Большинство их расположено по восточному склону Урала, т. е. за пределами основной территории расселения срубных племен. С деятельностью последних связаны немногие памятники первобытного горного дела. На территории Башкирии можно указать лишь один памятник, несомненно оставленный населением срубной культуры. А. П. Шокуров открыл близ с. Нижний Сардык в Туймазинском районе, в 0,5 км от срубного поселения на горе, на площади в 1 га много ям разных размеров. Некоторые достигали глубины 4 м при площади 10×10 м. В отвалах найдены куски медной руды. Такая же руда найдена А. П. Шокуровым на соседнем селище срубной культуры (Шокуров, 1956). Очевидно, в этом пункте разработка велась из открытого карьера. В районе Оренбурга, где проводят обычно границу между срубными и андроновскими племенами, известны древние разработки медных руд и следы их плавки. Они связаны главным образом с месторождением по р. Каргале, в 40—60 км к северо-востоку от Оренбурга. В этой местности, а также по р. Уралу к востоку от города и в пределах Общего Сырта, к юго-западу от Оренбурга, залегают медистые песчаники: медная зелень и медная синь со средним содержанием меди в руде от 3,5 до 5,5% («Очерк горного дела в Тургайской области», 1896, стр. 18). Еще П. С. Паллас медистые песчаники этого района — между реками Сакмарой и Яиком и Самаркой и Током — относил к наиболее богатым (Паллас, 1773, стр. 647).

Если в других районах, например в Донбассе, в древности разрабатывались руды, содержащие 1% металла (Иессен, 1935, стр. 30), то племена Приуралья находились в условиях более благоприятных для развития металлургии.

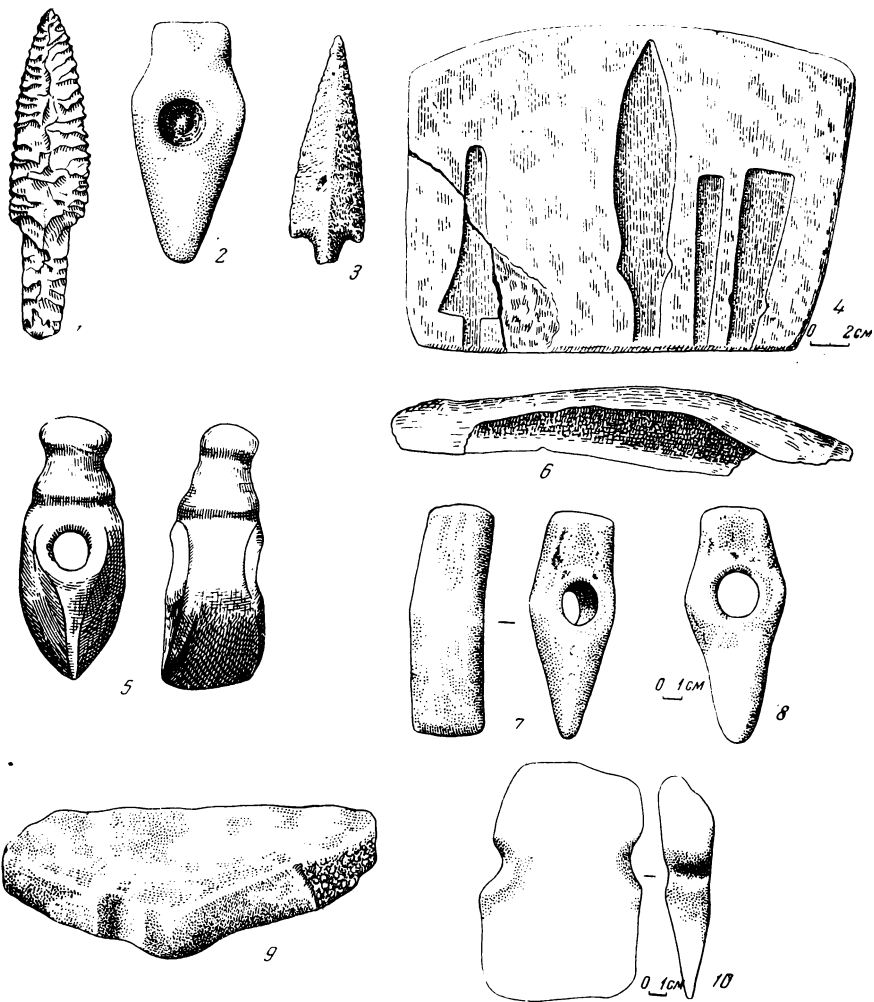
При разработках Каргалинских медных рудников неоднократно находили глиняные тигли и другие предметы, связанные с древней металлургией, которые, по распоряжению владельца рудников Пашкова, доставлялись в контору Воскресенского завода Стерлитамакского уезда (ныне с. Воскресенское) (протокол заседания Оренбургской ученой архивной комиссии от 9 декабря 1897 г. — «Труды ОУАК», вып. IV). К сожалению, дальнейшая судьба этих предметов неизвестна, как неясно и время, к которому они относятся. Есть косвенные основания думать, что эти находки связаны с разработками Каргалинского месторождения в эпоху бронзы срубными племенами. Медистые песчаники Приуралья, к которым относится и район Каргалинских рудников, начали разрабатываться в эпоху бронзы. На это указывает ряд находок слитков меди в форме лепешек округлой формы в районе Оренбурга. П. С. Паллас упоминает о такой находке вместе с тиглями из белой глины в древнем Сайгачем руднике на р. Бердянке к востоку от Оренбурга. Тут же оказались кости погибших рудокопов. В одном случае такие слитки были найдены вместе с вислобушным топором и крюкастым серпом срубного типа. Мы имеем в виду

находку у поселка Майорского в 30 км к северо-северо-востоку от Оренбурга (Оренбургский музей, книга поступлений № 3477). Известны находки медных слитков-лепешек в Шарлыкском районе Оренбургской области близ с. Ново-Никольского в верховьях р. Мурзала на пашне в урочище Маньяк, около оз. Каменоломни (сообщение учителя истории 24-й школы Оренбурга К. Т. Подковырова, 1940 г.). В начале 900-х годов около 30 фунтов круглых слитков меди нашел местный крестьянин в том же районе между селами Илькурган и Добринка (сообщение учителя В. М. Голубева). В 80-х годах прошлого столетия слитки меди найдены местными крестьянами в долу́ близ озера около сел Кунтузлутамак и Кизыл-Мечеть на р. Бузулук на юго-западе Оренбургской области (Ф. Д. Нефедов, 1899, стр. 39). Найдены круглые слитки меди у с. Алмалы Новосергеевского района в верховьях р. Б. Уран и у с. Васильевки Октябрьского района Оренбургской области на р. Янгиз (хранятся в Оренбургском музее). В 1954 г. в Оренбургский музей поступила коллекция предметов, найденных в Соль-Илецке при земляных работах. В коллекцию входил глиняный сосуд срубно-андроновского типа и два слитка меди в виде лепешек размером 22×18 см и 24×20 см при максимальной толщине в середине 1,5—2,5 см.

Особый интерес представляет находка у пос. Майорского — слиток вместе с вислообушным топором и серпом. Она позволяет датировать прочие находки медных слитков в виде лепешек эпохой бронзы. Вислообушный топор южноуральского типа из пос. Майорского имеет настолько узкое лезвие, что более удобен для использования в качестве кирки, нежели топора. Таким образом, этот комплекс связывается с разработками руд. Наконец, крюкастый серп по форме относится к срубной культуре, на территории которой найдено подавляющее большинство изделий этого типа. Поэтому, несмотря на андроновский тип вислообушного топора-кирки, находку у пос. Майорского нельзя отрывать и от срубных памятников.

Места добычи руд археологически в Приуралье не изучались. По аналогии с другими районами добычи меди в эпоху бронзы можно думать, что широко практиковались открытые разработки, но, возможно, были и довольно глубокие шахты. В начале 900-х годов в Каргалинских рудниках на глубине 22 м напали на древнюю штольню длиной около 260 м, шириной около 1,5 м и высотой 1—1,5 м. Нашли в ней «печурки с остатками углей и черепками от горшков» (Кастанье, 1910, стр. 38). Датировка этих находок не выяснена. Но поскольку на Кавказе окисленные руды разрабатывались не только открытым способом, но и ходами по жилам до глубины 60 м (Иессен, 1935, стр. 62—63), не исключено, что и Каргалинская шахта относится к эпохе бронзы.

Определеннее способ плавки руд. В районе Каргалинских рудников, как указывалось выше, известны частые находки медных слитков в виде лепешек диаметром около 0,20 м. Одна сторона их плоская, другая выпук-

20. Изделия из камня и кости

1 — Жидиловка; 2 — Зилим; 3 — Александровка; 4 — Зирган; 5 — Куван-
дык; 6, 9 — Береговское I; 7 — Туймазинский район; 8 — Стерлитамак; 10 —
Тюканово. 1—5, 7—10 — камень; 6 — кость

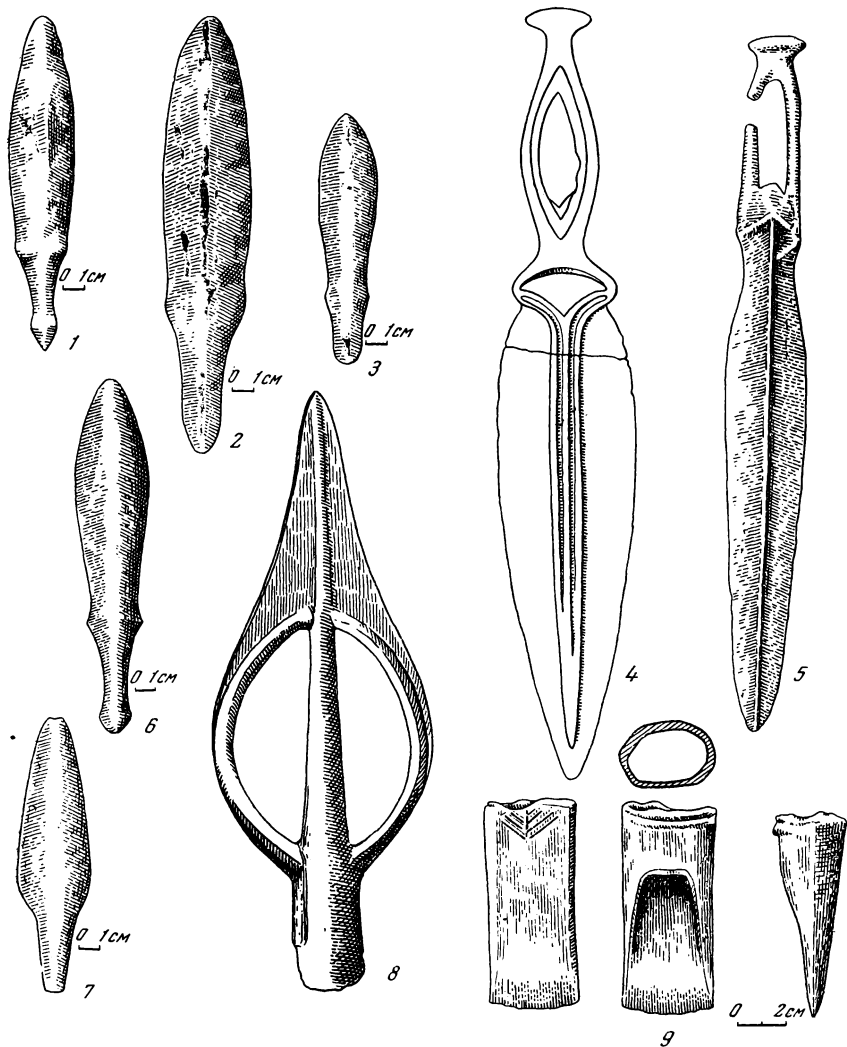
лая и менее гладкая. Они образовывались на дне плавильных ям, где оседала в виде лепешки почти чистая медь. Нижняя сторона этих слитков приобретала выпуклую неровную поверхность, соответственно форме дна плавильной ямы, а верхняя имела ровную поверхность, покрытую слоем шлака. Шлаковая корка при освобождении от нее медного слитка разбивалась каменными молотами. При небольших размерах слитков для этой цели достаточны были сверленные каменные топоры-молоты, находки которых известны близ Стерлитамака (рис. 20, 8) в Туймазинском районе (рис. 20, 7) и в других местах. Частые находки медных лепешек-слитков в районе Оренбурга указывают, что здесь в эпоху бронзы был как бы промышленный центр, откуда шло снабжение металлом населения не только соседних областей, но, может быть, и более отдаленных районов. Уральский металл распространялся к западу и югу, в области, где отсутствовали свои месторождения меди.

Уральского происхождения металлические изделия известны среди находок на срубных поселениях в районе Воронежа (Подгаецкий, 1941, стр. 160). Некоторые медные орудия Западного Казахстана, очевидно, происходят с Урала. Так, медь, из которой было изготовлено тесло, найденное в андроновском погребении на р. Эмбе, содержала небольшую примесь олова, никеля и цинка (Кузьмина, 1961а, стр. 91—92). Последние два элемента являются типичными для медных руд Урала (Тихонов, 1960, стр. 21).

В местах разработок, возможно, производилось «обогащения» руд путем дробления и отбора наиболее насыщенных металлом кусков. Такая «обогачительная фабрика» открыта на востоке Оренбургской области, возле Еленовского медного рудника, разрабатывавшегося андроновскими племенами (Формозов, 1951, стр. 118; Сальников, Новиченко, 1962, стр. 132).

Отливка медно-бронзовых изделий осуществлялась непосредственно на поселениях, где и найдено большинство каменных литейных форм. Форма для отливки косарей сосново-мазинского типа встречена на срубном селище у Грачева Сада на р. Самарке (Кривцова-Гракова, 1948, стр. 160). Из Мелеузовского района Башкирской АССР с маленькой речки Зирган происходит форма для отливки ряда предметов (рис. 20, 4), в том числе ножа срубного типа с расширением у основания лезвия (Tallgren, 1916, стр. 21, рис. 18; Тихонов, 1960, табл. I, 1) (хранится в Свердловском музее). Эта литейная форма, надо полагать, связана со срубными поселениями. Всего в нескольких километрах от р. Зирган открыт ряд срубных селищ: Кузнецовка, Благовещенское, Юмаково. В пос. Н. Краснойрке Бугуруславского района Оренбургской области найден клад, состоящий из нескольких серпов срубного типа и формы для их отливки (Ахмедов, 1955, стр. 82).

Еще на ямном этапе представители срубных племен обитали на крайнем юге Приуралья, в частности в Соль-Илецком районе Оренбургской области, где известны залежи медистых песчаников. Здесь открыты древнеямные погребения, одно из которых у с. Увак содержало два металличе-

21. Медно-бронзовые орудия

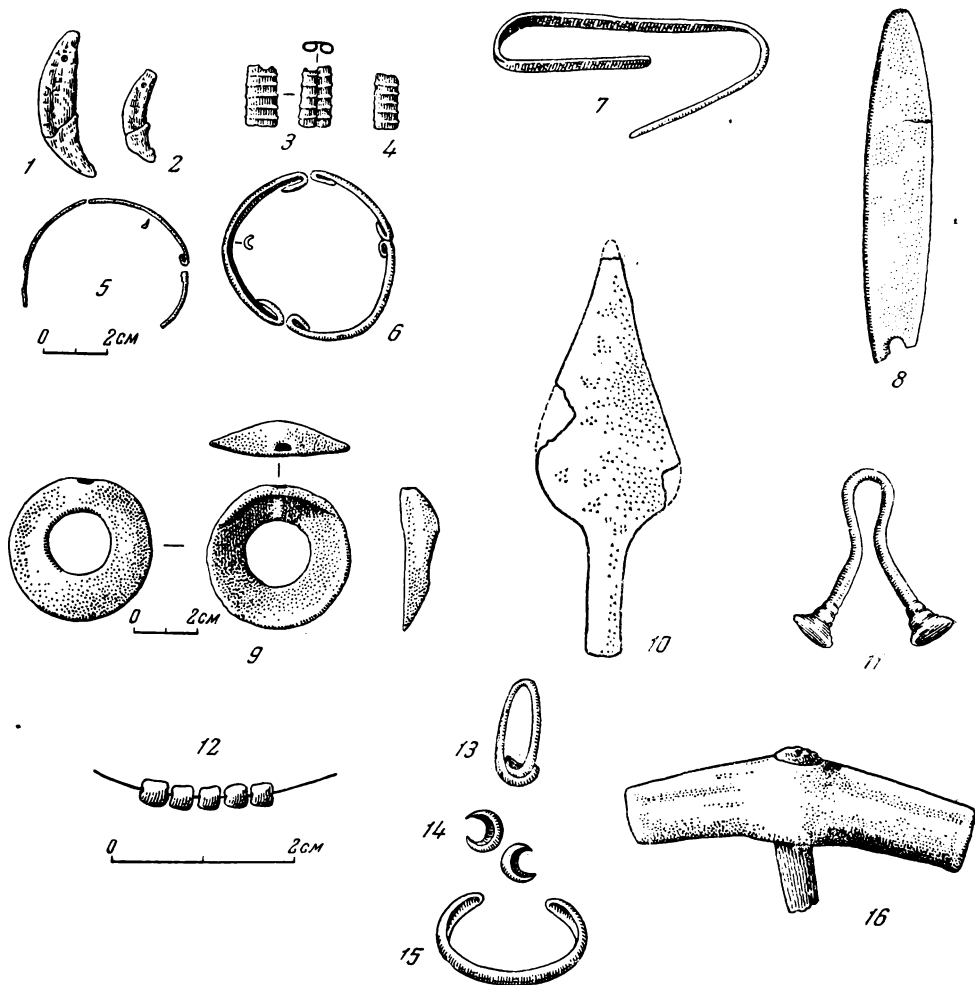
1—3 — Александровка; 4 — из Уфимской губернии; 5 — из Оренбургской губернии; 6 — Кротовка; 7 — Стерлитамак; 8 — Тимашево; 9 — Нарыс-тау

ких предмета: медный нож (рис. 22, 10) и уникальное изделие — медный молоток (рис. 22, 16) (Федорова-Давыдова, 1962). Находки металла в ямных погребениях, как известно, явление чрезвычайно редкое. Относительное богатство увакского погребения, казалось бы, позволяет предполагать начало разработки месторождений меди в Южном Приуралье еще в ямное время, и такая возможность допускается Е. Н. Черных (1963) и Н. Я. Ханиным (1960, стр. 158), которые считают, что уже в ту эпоху уральским металлом пользовалось население Нижнего Поволжья. При химическом анализе состава металла ножа и молотка из погребения у с. Увак это не подтвердилось, но и не было опровергнуто: по составу медь ножа приближается к самородной. Тип увакского ножа несколько не отличается от нижеволжских, аналогии которым известны на Северном Кавказе. Зависимость формы медных орудий южного Приуралья от кавказских сохраняется и в полтавкинское время (Сальников, 1962б, стр. 46—48, рис. 9). И все же нам кажется, что нет достаточных оснований для отказа от предположения, что население южного Приуралья в ямно-полтавкинское время использовало медные месторождения Урала. Кавказские формы медных изделий, по традиции, могли сохраняться и в то время, когда пришельцы из Поволжья перешли на местные уральские залежи меди. К сожалению, такой важный для решения этого вопроса комплекс, как металлические предметы из Колтубанского погребения, пока химически не анализировался. В несколько более северных районах Южного Урала эксплуатация медных руд в это время доказывается находкой на стоянке Кысы-Куль близ Миасса медного листовидного ножа (Сальников, 1962б, рис. 3, 7). Бесспорной, как было показано выше, является разработка срубными племенами южного Приуралья местных залежей медных руд на собственно срубном этапе, начиная с середины II тыс. до н. э.

Однако в среде срубного населения обращались металлические изделия, сделанные не только из медистых песчаников южного Приуралья, о чем можно судить даже на основании весьма ограниченного количества спектральных анализов. В металле ножа (рис. 30, 20), найденного в жилище селища Береговское I, содержались, как показал анализ, произведенный под наблюдением профессора Уральского политехнического института Г. П. Михайлова, естественные примеси олова (0,06%), свинца (0,02%), железа (0,02%), никеля (0,006%), мышьяка (0,003%), сурьмы (0,003%). Примеси мышьяка, никеля, сурьмы отсутствуют в медистых песчаниках и распространены в рудах Урала и Зауралья.

Серп и обломок вислообушного топора Ибракаевского клада из западной Башкирии содержали в металле, согласно спектральному анализу Е. Н. Черных, также характерные для зауральских руд примеси мышьяка (0,01—0,04%) и никеля (0,002—0,0035%).

Разработка мышьяковистых руд южного Зауралья начата была абашевскими племенами еще в конце первой половины II тыс. до н. э. Для металла

22. Вещи из погребений и поселений срубной культуры (ямный и покровский этапы)

1—6, 11, 12 — Ново-Балтачево; 7, 8 — Береговское I; 9 — Тартышево IV; 10, 16 — Увак;
13—15 — Кротовка

уральских памятников абашевской культуры, как уже говорилось выше, типично содержание значительного процента примеси мышьяка.

Срубное население, очевидно, продолжало разработку тех же месторождений. Этим могли заниматься племена, оставившие срубные памятники в районе Магнитогорска.

Из памятников срубной культуры происходят разнородные металлические изделия: ножи-кинжалы с выступами, ножи без выступов, кинжалы, серпы крюкастые, кельты, вислообушные топоры, тесла с выступами и без выступов, шилья, косари-секачи и разнообразные украшения: желобчатые браслеты, височные подвески, бусы, наконечники, нагрудные привески.

Ножи срубного типа с выступами найдены в массовом количестве в Нижнем Поволжье. Только в Саратовском музее их хранится более 40 экз. (Ханин, 1960, стр. 159). Единичные экземпляры их известны в западных районах андроновской территории и на некоторых абашевских памятниках Южного Урала. Из срубных памятников Южного Урала происходит небольшое число орудий этого типа. Три ножа найдено в 1910 г. В. Я. Толмачевым в кургане 2 у с. Александровки близ Бугуруслана (Толмачев, 1914) (рис. 21, 1—3), один — у с. Кротовка на р. Большой Кинель (Гольмстен, 1928, рис. 2) (рис. 21, 6). О местном производстве таких ножей свидетельствует находка в Мелеузовском районе БАССР на р. Зирган каменной литейной формы, на которой, наравне с другими, отливались ножи срубного типа (рис. 20, 4).

Ножи-кинжалы срубного типа характеризуются выступами в том месте, где клинок переходит в рукоятку. Это объединяет все разновидности ножей в единую группу, хотя по размерам выступы различны — от едва заметных до ярко выраженных. Не одинакова и форма выступов: округлая, треугольная. Сам клинок имеет листовидную форму, но различную ширину и разную степень заостренности к колющему концу. Последнее обстоятельство не во всех случаях позволяет считать эти изделия кинжалами. Иногда, правда довольно редко, конец орудия настолько широк, что навряд ли оно могло служить кинжалом. Это было оружие пастухов, скотоводов, служившее им в повседневной жизни как нож того типа, который входит в снаряжение скотоводов-бурят до наших дней. В случае нужды ими пользовались как кинжалами. Что ножи снабжались деревянными рукоятками, видно по некоторым следам, заметным на поверхности орудия. В. Я. Толмачев в кургане 2 у с. Александровки близ Бугуруслана обнаружил два ножа, причем возле одного сохранился обломок половинки деревянных ножен с выемкой для лезвия и отверстием для скрепления с другой половинкой (Толмачев, 1914, стр. 115). Эти ножи, следовательно, имели ту же форму и устройство, что и целые ножны, найденные в кургане 5 у с. Ягодного на Куйбышевгидрострое (Мерперт, 1954, стр. 61, рис. 10—11).

Все разновидности описываемых ножей с выступами можно разделить на два типа по форме стержня для насада рукоятки.

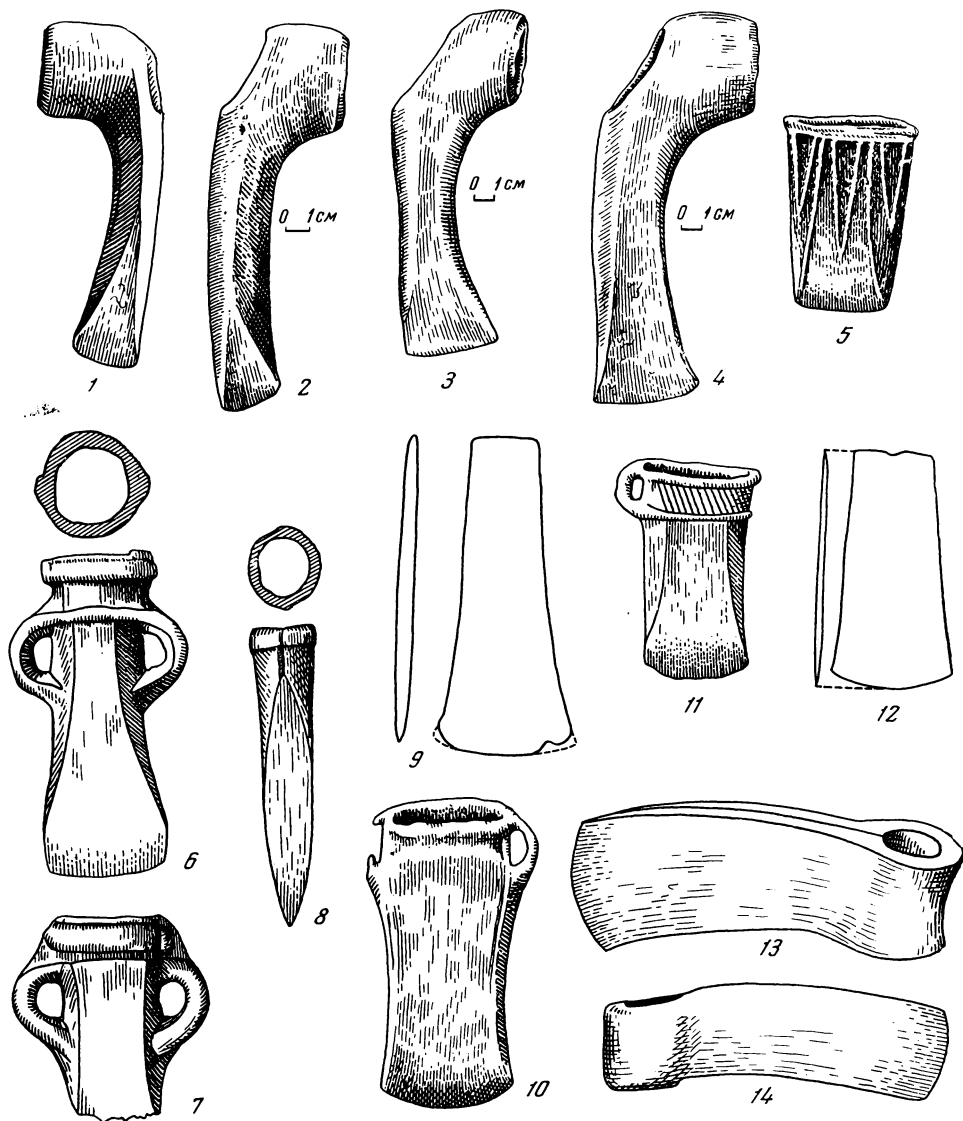
Первый тип отличается особенностью черешка для насада рукоятки, который заканчивается характерным расширением в форме змеиной головки. У второго типа черешок простой — в виде пластинки. Оба типа существовали одновременно и встречаются в одних и тех же районах, что хорошо доказывается находкой ножей обоих типов В. Я. Толмачевым в упомянутом выше кургане.

Выделяя, вслед за другими исследователями, плоские ножи с выступами на грани лезвия и черешка, как свойственные срубной культуре, нельзя не отметить, что племенам этой культуры не были чужды и ножи, лишённые выступов.

Некоторые из них связаны с полтавкинскими памятниками. Один такой нож (рис. 21, 7) найден в 1962 г. вместе с каменным сверленным топором-молотом на территории совхозного питомника у Стерлитамака (Стерлитамакский музей). Он, очевидно, происходит из разрушенного погребения, вероятнее всего, полтавкинское время. Идентичный нож обнаружен В. П. Шиловым в полтавкинском погребении 9 кургана 10 Калиновского могильника на Нижней Волге (Шилов, 1959, рис. 37, 1). Нож с несколько более крутыми плечиками найден в полтавкинском кургане II Мало-Кизыльского могильника под Магнитогорском (Сальников, 1951б, рис. 32, 1). Первой половиной II тыс. до н. э. Б. Г. Тихонов (1960, стр. 72) датирует подобные ножи из коллекции Заусайлова и публикации Штукенберга. Но можно указать ряд случаев происхождения подобных ножей из памятников второй половины II тыс. до н. э. В погребении 4 кургана 9 группы Быково I К. Ф. Смирнов нашёл такой нож вместе с глиняным горшком срубного типа и остатками деревянного сосуда с металлической обкладкой. К сожалению, обряд погребения остался неясным: ни костей человека, ни следов трупосожжения в могиле не оказалось. Но уступчик у могильной ямы заставляет вспомнить устройство полтавкинских могил, а острорёберная форма деревянного сосуда не позволяет относить это погребение к позднему этапу срубной культуры. Близкий по форме нож происходит из поселения срубной культуры у хутора Ляпичева на Нижнем Дону, которое М. П. Грязнов (1953, рис. 62, 3) датирует концом II тыс. до н. э. Но нередкие находки в составе керамики этого памятника фрагментов сосудов, орнаментированных отпечатками шнура и обвитой ниткой палочки, не позволяют слишком омолаживать описанный комплекс.

Все эти ножи продолжают и на покровском этапе сохранять раннюю форму, выработавшуюся ещё в ямно-полтавкинское время. Частые находки таких орудий на севере срубной территории и в Нижнем Прикамые, возможно, находятся в известной связи с традициями абашевской культуры, для которой типичны бесчерешковые и листовидные ножи.

Следует остановиться ещё на одном редком типе ножей. При раскопках 1955 г. на селище Береговское I возле центрального очага в жилище 2 был обнаружен нож необычайной формы в виде бесчерешкового листовидного

23. Медно-бронзовые орудия

1 — Майорский; 2 — Таган-таш; 3 — Бирск; 4 — Кутеромово; 5 — Кара-Якупово; 6, 9 — из Оренбургского музея; 7, 8 — Нижне-Павловка; 10 — Петер-тау; 11 — из Оренбургской губернии; 12, 13 — Колту-банка; 14 — Старый Буян

плоского двулезвийного орудия длиной 7,2 см, шириной 2 см, с округлыми концами (рис. 30, 20). Ближайшая аналогия этому ножу имеется среди коллекции из Покровского могильника близ г. Энгельса в Нижнем Поволжье (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 12, 10).

В конце II тыс. до н. э. на срубно-андроновской территории появляются орудия, более приближающиеся по форме к кинжалам. Это так называемые ножи киммерийского типа. В Приуралье они неизвестны, редки их находки и в Нижнем Поволжье. Они характерны для западных районов распространения позднесрубных племен (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 34, 38). Имеются их находки у зауральских андроновских и черкаскульских племен (см. соответствующие разделы). Отсутствие этой формы орудий в Приуралье объясняется, очевидно, слабой изученностью этого района, поскольку более совершенные формы кинжалов, развившиеся из позднесрубных ножей, найдены и в Приуралье. Один кинжал с прорезной рукояткой, завершающейся навершием в виде пуговицы, и с перехватом на переходе клинка в рукоятку хранится среди дореволюционных коллекций в Свердловском музее (инв. № 15304, а-204), где он значится как происходящий из Оренбургской губернии (рис. 21, 5).

На территории Южного Урала известны находки кинжалов сосновомазинского типа: в бывшей Уфимской губернии (ГИМ, инв. № 48724) (рис. 21, 4), около Златоуста, в пос. Тирляном Белорецкого района БАССР (Тихонов, 1960, стр. 77).

В южном Приуралье найдено два плоских тесла: одно у с. Сорочинского на западе Оренбургской области (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 13, 4) (рис. 24, 4), второе — без указания места находки хранится в Оренбургском музее (рис. 23, 9).

Плоские тесла с плечиками входят в состав кладов, найденных у с. Миловки близ Уфы (часть клада хранится в Москве, в ГИМе, вторая — в Башкирском музее) и у с. Ильдирыкова в Татарии (архив ЛОИА АН СССР, ф. А. А. Спицына, д. 292). На упоминавшейся выше литейной форме с р. Зирган имеется углубление для такого тесла.

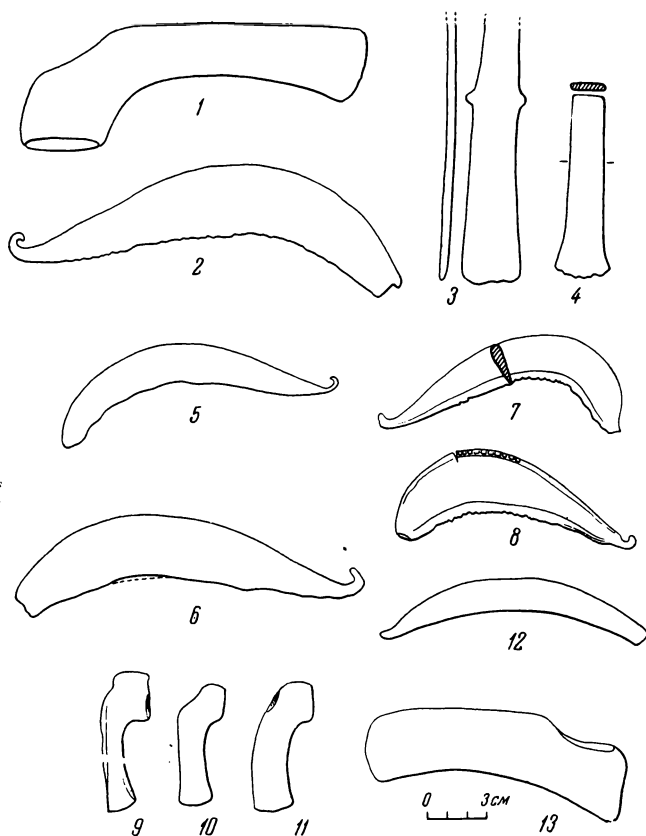
Долота с несомкнутой втулкой нам известны в составе кладов у с. Ибракаева (рис. 30, 13) (Ахмеров, 1955, рис. 31, 3) и с. Ильдирыкова, а литое долото с сомкнутой втулкой в 1945 г. найдено близ Оренбурга у с. Нижняя Павловка (Оренбургский музей) (рис. 23б) вместе с обломком кельта киммерийского типа.

Серпы с крючком в Приуралье найдены в составе клада из с. Миловки — 6 экз. (см. рис. 24, 2) (Булычев, 1902; ГИМ, инв. № 1102), из клада Ибракаевского селища — 11 экз. (см. рис. 30, 14—19; Ахмеров, 1955), у дер. Ильдирыковой — 23 экз. (Тихонов, 1960, стр. 67), у пос. Майорского близ Оренбурга (рис. 24, 6; Оренбургский музей), у д. Овсянки бывшего Бузулукского уезда — 5 экз. (см. рис. 24, 7, 8; Кривцова-Гракова, 1955, рис. 14, 10, 11) и в ряде пунктов Татарии. Значащийся как найденный

24. Медно-бронзовые орудия

1—3 — Миловка;
4 — Сорочинское; 5 — из
Башкирии; 6 — Майорский;
7, 8 — Овсянка; 9—10 —
Соловка; 11 — Сызрань;
12 — Павловка; 13 — Кара-
Якупово

в южной Башкирии серп из Свердловского музея инв. № 2281 (рис. 24, 5) происходит, вероятно, с территории южноуральских племен срубной культуры. У пос. Ново-Красноярка Бугурусланского района Оренбургской области найден клад, состоящий из крюкастых серпов и литейной формы для их отливки (Ахмеров, 1955).

Другого типа серп найден у станицы Павловской близ Оренбурга (Оренбургский музей, инв. № 295). У этого серпа нет крючка. Для крепления с рукояткой один конец его раскован и заточен. Изогнуто это орудие меньше, чем крюкастые серпы (рис. 24, 12). Оно сближается с зауральскими серпами андроновской культуры и с орудиями абашевской культуры.

К орудиям земледелия относятся также косари-секачи. В Приуралье такие находки неизвестны, а ближайшие происходят из Куйбышевской

области: в Ставропольском районе найден косарь (Мерперт, 1954, рис. 3, 6), а близ Куйбышева — обломок литейной формы (Кривцова-Гракова, 1948, стр. 160).

На находках проушных топоров в южном Приуралье можно проследить процесс их эволюции. Древнейшие топоры найдены в составе инвентаря погребения полтавкинского времени у пос. Колтубанка близ Бузулука (рис. 23, 13; Гольмстен, 1928, рис. 35). Несколько более позднего времени, но не позднее первой половины II тыс. до н. э., топоры из дер. Кара-Якупова Чишминского района Башкирии (рис. 24, 13) (Эрмитаж, колл. № 363) и из с. Старый Буян близ Куйбышева (рис. 23, 14) (Алабин, 1896, стр. 163, рис. 35). У двух последних топоров уже начинается формироваться вислый обух. Вполне сформировавшиеся вислообушные топоры — довольно частая находка на срубной территории Приуралья и Поволжья. Здесь представлены оба основных типа: камский и южноуральский. Топоры камского типа чаще встречаются в более северных районах (Тихонов, 1960, прил. 2). В Башкирии они найдены у дер. Кутеремово Калтасинского района (Бульчев, 1902, табл. XII, 3) (рис. 23, 4) у г. Бирска (там же, табл. IV, 7) (рис. 23, 3), в бывшем Бирском уезде (ГИМ, инв. № 40297), в кладе у дер. Миловка близ Уфы (ГИМ, инв. № 1100) (рис. 24, 1). Впрочем, происходят они и из южных районов: из с. Соловка бывшего Бугурусланского уезда (Гос. Эрмитаж, колл. № 65; рис. 24, 10), из бывшего Сызранского уезда — находка А. В. Толстого 1894 г. (Эрмитаж; рис. 24, 11), с Царева кургана близ Куйбышева (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 14, 3) и из северной части Саратовской области (Максимов, 1962, рис. 3).

Больше из южного Приуралья происходит южноуральских топоров с вислым обухом: из Стерлитамакского района (хранится в фондах УИИЯЛ АН СССР), из Ибракаевского клада (Ахмеров, 1955), из пос. Майорского близ Оренбурга (Оренбургский музей) (рис. 23, 1), из с. Соловка бывшего Бугурусланского уезда (Эрмитаж, инв. № 65) (рис. 24, 9), из-под Орска и 3 экз. из бывшей Оренбургской губернии (Тихонов, 1960, прил. 3, 5—8). Однако встречаются они и в Зауралье (см. раздел «Андроновские племена»), и в нижнем Прикамье, в Нижнем Поволжье и среднерусских областях (Тихонов, 1960, прил. 3).

Топоры-кельты у срубных племен не были в широком употреблении. Их мало найдено в Поволжье (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 60), единичны находки и в Приуралье. В Альшеевском районе БАССР у дер. Нарыстау найден в 1962 г. асимметричный кельт-тесло с «пещеркой» (хранится в Башкирском музее) (рис. 21, 9). Двуушковый кельт киммерийского типа происходит с городища Петер-тау в Илишевском районе БАССР (Ахмеров, 1951, рис. 37, 1) (рис. 23, 10) и два кельта хранятся в Оренбургском музее. Место находки одного из них (Оренбургский музей, инв. № 23) (рис. 23, 6) неизвестно, второй (рис. 23, 7) найден в 1945 г. вместе с бронзовым литым

долотом у с. Нижняя Павловка близ Оренбурга. Один кельт дербеденевского типа найден где-то в бывшей Оренбургской губернии (Тихонов, 1960, стр. 44).

Особняком стоит шестигранный кельт из дер. Кара-Якупово Чишминского района БАССР (Эрмитаж, инв. № 363) (рис. 23, 5). Шестигранность и орнаментация рельефными треугольниками сближает его с ананьинскими кельтами, но он несколько крупнее их ($10,5 \times 7$ см, в то время как для последних обычные размеры $7-9 \times 5-7$) (Збруева, 1952, стр. 108) и заметно суживается к лезвию, что не типично для ананьинских топоров, но характерно для дербеденевских.

В Эрмитаж караякуповский кельт поступил вместе с проушным медным топором ранней формы (рис. 24, 13). Если они и найдены были на одном памятнике, то отнесение данного кельта к эпохе бронзы делается еще более обоснованным.

Следует отметить позднюю дату (грань II и I тыс. до н. э.) всех описанных типов кельтов из находок в южном Приуралье. В то время здесь как бы переплетались влияния Прикамья, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Западной Сибири. Асимметричных кельтов-тесел много найдено в Зауралье. С кельтом из городища Петер-тау почти тождественны находки в Прикамье — на городище Грохань (Збруева, 1947а, рис. 19, 6), в Нижнем Поволжье (Максимов, 1962, рис. 2, 2) и на Кубани (Крупнов, 1958, рис. 1—8, 11). Оренбургские кельты близки найденным на Кавказе на р. Уруп (Иессен, 1951, рис. 11, 4) и на Малахайском городище в Марийской АССР (Халиков, 1962, табл. XIX, 6).

Еще более редки на территории срубных племен Приуралья находки наконечников копий. В 1920 г. у с. Тимашева Октябрьского района Оренбургской области был найден бронзовый наконечник копья с широкими прорезями (Оренбургский музей, инв. № 28) (рис. 21, 8). А. В. Збруева, относя большинство прорезных копий к ананьинской эпохе, выделяет ранний тип. «Этот тип характеризуется плоским широким пером, большими прорезями, разделенными сравнительно узкой втулкой и обведенными рельефными полосками, образующими почти замкнутый круг. Втулка — короткая, в поперечном разрезе круглая, сверху не доходящая до острия» (Збруева, 1952, стр. 96). Наконечник из Тимашева полностью соответствует этому описанию. Такие наконечники датируются А. В. Збруевой самым началом I тыс. до н. э. (там же, стр. 97).

Нередко встречаются и медно-бронзовые украшения, которые почти исключительно происходят из погребений. Курганы юго-западного Приуралья, как ни мало их было исследовано, дали широко распространенные в срубных погребениях Поволжья спиральные височные кольца грушевидной формы (рис. 22, 13) или калачиком и желобчатые браслеты (рис. 22, 15). На селище Береговское I найдена листовидная подвеска для кос (рис. 22, 8). С того же селища происходят две скобы, согнутые из бронзовой ленты

шириной 0,6 см. Они плотно прилегали друг к другу (рис. 22, 7). Их положение производит впечатление, что они охватывали какой-то узкий (шириной 4,5 см) тонкий предмет, вероятнее всего ремень, и, следовательно, также относятся к украшениям костюма. Вероятно, из погребения происходит маленькая коллекция Оренбургского музея (инв. № 2615), состоящая из предметов, собранных Плющенко в 1912 г. у с. Кирсановки Сорочинского района. В коллекцию входят обломки двух сосудов срубного типа и бронзовое массивное круглое в сечении кольцо или маленький браслет с почти смыкающимися концами.

Постепенно металл входил в широкий обиход. Медные пластинки использовались для починки деревянных предметов. Для этой цели, видимо, служила бляха со штифтиками из кургана у с. Кротовки (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 15, 9). А под конец срубного периода из металла стали готовить посуду вплоть до крупных котлов. Котел из Куйбышевского музея, опубликованный В. В. Гольмстен (1928, стр. 126 и 133, рис. 46), был найден у с. Домашки бывшего Самарского уезда. По справедливому замечанию О. А. Кривцовой-Граковой, судя по форме и орнаментации, он происходит от позднеандроновских глиняных сосудов, но по месту находки относится к территории срубной культуры. Общий источник металла — Урал — обуславливал и общие или близкие формы металлических изделий, бытовавших у племен Приуралья — срубных, абашевских и андроновских.

В быту срубных племен немалую роль играли изделия из камня. Из этого материала делали наконечники стрел (Александровка, Береговское I) (рис. 20, 3), топоры-молоты. Все найденные на территории Башкирии топоры-молоты со сверлами, сквозными (рис. 20, 7, 8) или неполными (рис. 20, 2), имеют близкую форму.

Своеобразно выглядит топор-молот вычурной формы из змеевика, найденный в Оренбургской области, в обрыве берега р. Урал на территории Кувандыкского совхоза и доставленный в 1953 г. учителем А. М. Дунаевым в Оренбургский музей (рис. 20, 5). Он имеет настолько парадный вид, что в нем скорее можно видеть булаву вождя, чем боевое оружие.

Другая находка, доставленная в 1936 г. в Оренбургский музей пастухом с. Жидиловки Тоцкого района Разгильдяевым, — каменный наконечник копья длиной 18 см является, по-видимому, копией металлических ножей-кинжалов (рис. 20, 1).

Керамическое производство

При ограниченности исследованных памятников срубной культуры и малочисленности найденных на них изделий из металла и камня керамика приобретает особое значение для решения ряда вопросов об историческом развитии племен в эпоху бронзы

Характеристику срубной керамики Башкирии и юго-западного Приуралья можно дать на основе анализа находок в погребениях и на селище

Береговское I с привлечением небольшого количества керамики из других поселений.

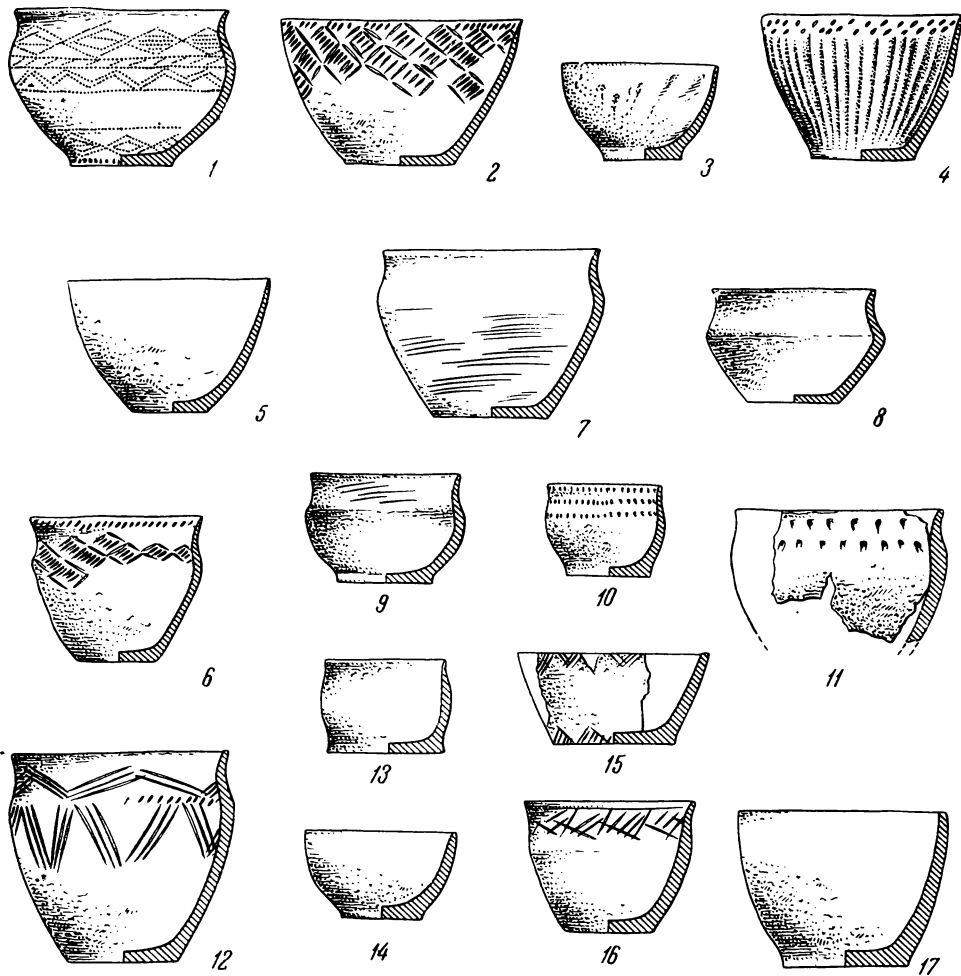
В керамику погребений срубных курганов Башкирии входят все обычные для памятников этой культуры типы сосудов: остросереберные (рис. 25, 8; 26, 2, 11; 27, 5, 6), баночные (рис. 25, 2—5; 26, 5, 6, 9, 12, 14; 27, 2, 4, 7, 13, 16), горшковидные (рис. 25, 1; 26, 3, 10, 13, 15—17; 27, 3, 17) и горшечно-баночные (рис. 26, 4, 7, 18; 27, 1, 8, 15) при характерных для всех них горизонтальных пропорциях. Остросереберные представлены единичными экземплярами, к тому же они значительно отличаются от классических сосудов этой формы из памятников Нижней Волги. Ребро их не так резко выделяется и обычно сочетается с хорошо выраженной шейкой и слегка отогнутым венчиком, иначе говоря, этот тип сосудов приближается к горшковидным. Баночные распадаются на несколько видов: а) с суженным и закрытым краем, б) с вертикальными стенками и в) чашевидные. Последние количественно преобладают. Горшков с выраженной шейкой немного. Самым распространенным типом можно считать сосуды горшечно-баночной формы. Что касается состава глины, то в качестве отошавшей примеси чаще всего применяются шмот, реже песок, но встречаются и известковые включения и дресва. Обработка поверхности небрежная, бугристая, с грубым штриховым заглаживанием, но у части сосудов стенки тщательно выровнены, хотя лощение не применялось.

Сосуды с богатым сложным орнаментом — явление редкое. Они обычно остросереберные и горшковидные, украшены оттисками гребенки, которые иногда переходят на нижнюю половину сосуда и даже имеют придонную зону. Обычно же орнамент не опускается ниже середины поверхности и состоит из ограниченного числа простых рисунков. Наиболее распространены горизонтальные пояски, зигзаги, заштрихованные треугольники. Часто треугольники лишены основания. Применялись оттиски гладкого и гребчатого штампа, чаще крупнозубчатого, нарезка и насечки. Нередки сосуды и баночной и горшечной формы, лишенные орнамента.

Следует отметить локальные особенности, в той или иной мере свойственные каждому могильнику, изученному в Башкирии.

Так, для сосудов Верхне-Аташевского могильника характерна орнаментация ромбами, которые располагаются по верху сосуда целыми полярами и рядами (рис. 25, 2, 6). Для Ново-Балтачевского могильника типична орнаментация заштрихованными треугольниками (рис. 26, 2, 10, 16—18). Погребения на р. Нугуш (раскопки Г. Н. Матюшина, 1962 г.) содержали сосуды, на поверхности которых отсутствовали штрихи от заглаживания. Несколько сосудов имели достаточно выраженные уступки на плечиках (рис. 25, 9, 12), в чем нельзя не усмотреть влияние соседей-андроновцев.

Срубные комплексы керамики хорошо представлены главным образом в более северных могильниках Башкирии: Ново-Балтачево (раскопки К. В. Сальникова, 1962 г.), Именлекулево и Верхне-Аташево (раскопки

25. Сосуды из курганов Башкирия

1—6 — Верхне-Аташево; 7, 8 — Именлекулево; 9—17 — Нугуш

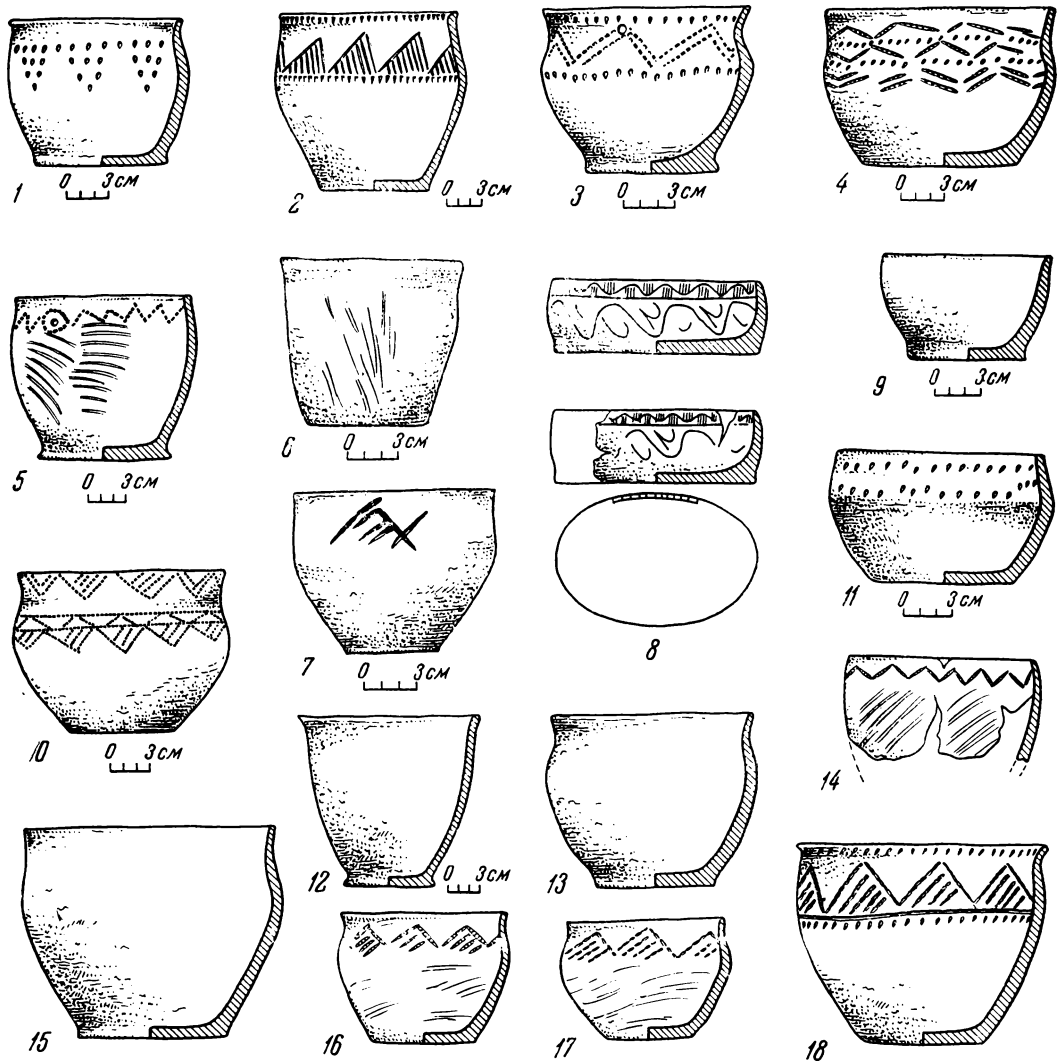
Н. А. Мажитова, 1962), Тартышево IV (раскопки К. В. Сальникова, 1963 г.). Могильники, расположенные южнее Уфы, иногда содержат, наравне со срубной керамикой, сосуды андроновской культуры. Последние обычно сопровождают отдельные погребения, не содержащие сосудов срубного типа, и в то же время эти андроновские могилы заключены под одной насыпью со срубными. Таковы погребения 2 в кургане 7 у хутора Кошкара (Дмитриев, Сальников, 1941) (рис. 18, 13), погребение 2 в кургане 1 у г. Давлеканова (Матвеева, 1963) (рис. 19, 3, 6), погребение в кургане 1 и погребение 1 в кургане 2 на р. Нугуш (раскопки Г. Н. Матюшина, 1962 г.). Керамика погребения у пос. Дубовое (рис. 18, 18) ближе к андроновской, нежели к срубной из погребений эпохи бронзы у с. Старо-Мусино (Садыкова, 1959). Следы андроновского влияния наблюдаются и в могильнике Чубук-каран (Ахмеров, 1955, рис. 33, 1). Заметим попутно, что и покрытие могильных ям каменными плитами в этом памятнике — черта андроновская.

Если сравнить погребальную керамику трех районов срубной культуры: Башкирии и юго-западного Приуралья, среднего Заволжья и Нижнего Поволжья, то можно, кроме общих черт, заметить и локальные особенности. Что касается формы сосудов, то баночные повсюду представлены всеми разновидностями: с закрытым вогнутым краем, с вертикальными стенками, с широким устьем в виде перевернутого усеченного конуса. На Нижней Волге много сосудов классической острореберной формы, близкой к бипирамидальной. Баночные и острореберные сосуды для Нижнего Поволжья настолько характерны, что ими обычно и ограничивается характеристика форм местной керамики (Синицын, 1960). Иное положение в более северных районах. На Средней Волге и в Башкирии у острореберных сосудов ребро обычно смягчено или сочетается с выраженной шейкой. Но встречаются и бипирамидальные сосуды — в погребении 5 Ново-Балтачевского могильника (рис. 26, 2, 11). Близок к этой форме сосуд из погребения 2 того же памятника.

В Башкирии много горшковидных сосудов, нередко они в среднем Заволжье. Срубная посуда этих двух районов, таким образом, сближается некоторыми формами с андроновской.

Что касается орнаментации, то основная масса элементов рисунка повсюду одинакова. Такой специфически срубный мотив, как заштрихованные треугольники, лишённые основания, наблюдается во всех трех районах. Есть и локальные особенности. Изредка встречающаяся в Башкирии орнаментация горла сосуда колонками горизонтальных насечек (рис. 18, 1) известна в среднем Заволжье (Мерперт, 1954, рис. 20, 3), но неизвестна на Нижней Волге. Группы ромбов верхне-аташевского типа (рис. 25, 2, 6) следует признать местным башкирским явлением.

Перейдем к ознакомлению с керамикой поселений. Много поселений зарегистрировано в западной Башкирии, но крупные работы были прове-

26. Сосуды из Ново-Балтачевского могильника

дены лишь на селище Береговское I, которое исследовалось в 1954 и 1955 гг., на селище Салихово I, а небольшие сборы проводились на многих селищах во время разведочного обследования. Из последних мы остановимся на анализе керамики с поселений Туманча, Нижний Тюкун и у Демского совхоза.

Керамика из раскопок 1954 г. на селище Береговское I (раскоп I) описана В. Д. Викторовой (1960). Мы ограничимся характеристикой посуды, полученной при работах в 1955 г. (раскопы II и III). Она представлена сосудами баночной, горшечно-баночной и горшечной форм. Найдены фрагменты лишь двух типично остросереберных сосудов (рис. 27, 5, 6).

Срез края у сосудов этих типов — горизонтальный или округлый, независимо от формы сосудов. Дно у многих сосудов переходит в стенки под тупым углом без выступа. У части сосудов выступ образован или расширением самого дна или искусственной вогнутостью нижней части стенок. В последнем случае иногда заметны вмятины от пальцев вдоль низа стенок у дна.

Баночные сосуды часто имеют прямые стенки, иногда край их значительно вогнут, в редких случаях слегка отогнут наружу. Обычно баночные сосуды лишены орнамента.

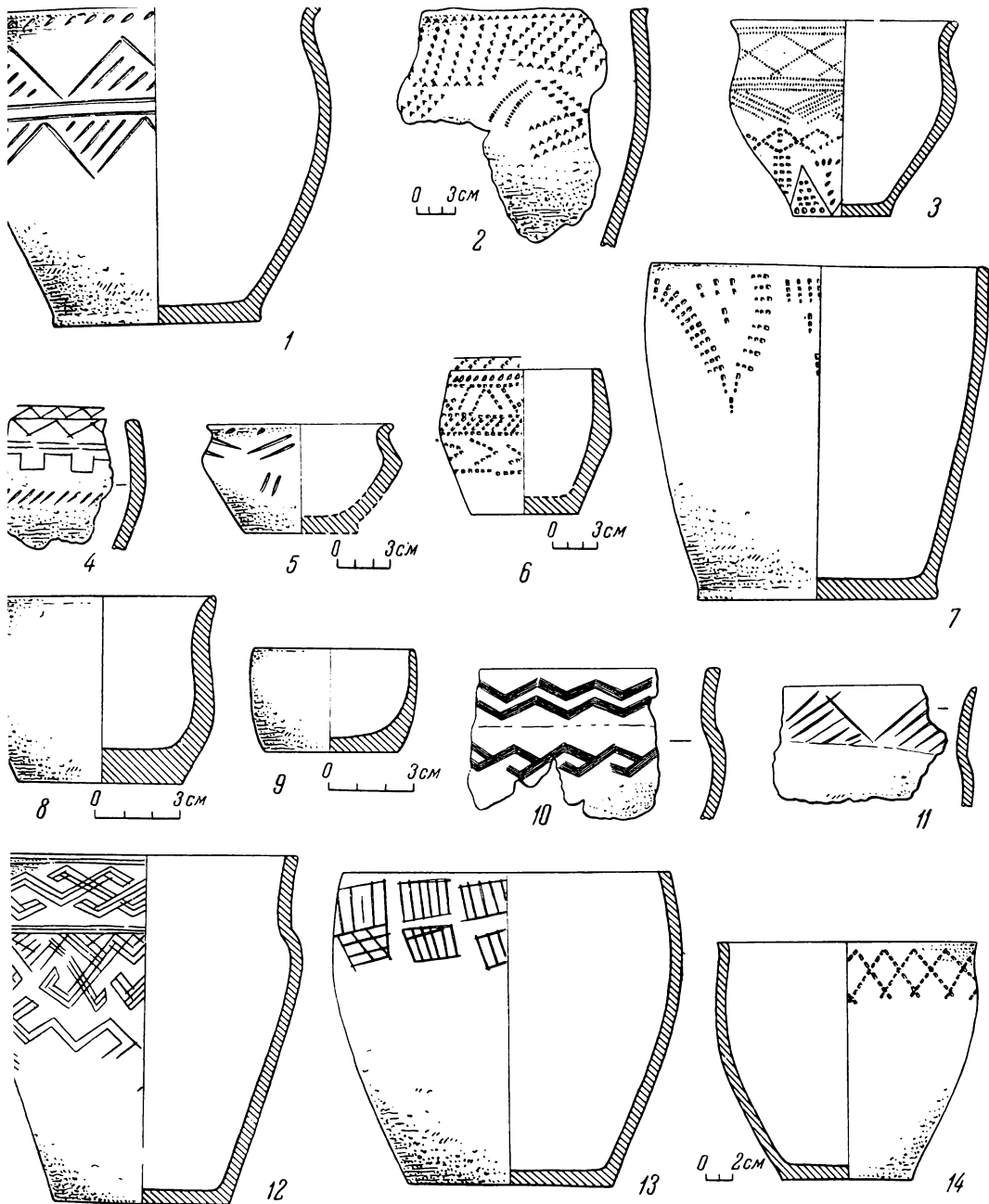
Сосуды горшечно-баночной и горшечной формы большей частью орнаментированы, но их орнамент состоит из очень несложных рисунков.

Размеры сосудов различны: от чашек меньше стакана до огромных корчаг ведерной емкости.

Сосуды, независимо от их формы, сделаны приблизительно из одинакового состава глины с примесью дресвы, шамота, песка, гальки (иногда довольно крупной). В изломе черепок черного цвета или двуслойный: у внешней поверхности тонкий слой желто-красного цвета. Поверхность сосудов в первом случае черная, во втором внешняя — желтая, желто-бурая или кирпичного цвета, внутренняя — черная. На стенках сосудов встречаются штрихи — следы сглаживания поверхности зубчатым инструментом или пучком травы. На внутренней поверхности штрихи идут горизонтально, на внешней — в разных направлениях. Редко встречающиеся фрагменты с лощением принадлежат сосудам, тщательно выработанным и нарядно орнаментированным. Лишенные лощения сосуды не отличаются тщательностью орнамента, их рисунки зачастую выполнены грубо и небрежно.

Единичные сосуды покрыты орнаментом по всей поверхности. Обычно же орнамент охватывает лишь узкую полоску вдоль края, иногда достигая середины сосуда, еще реже орнамент располагается в придонной зоне. О бедности орнаментовки можно судить по таким цифрам:

Орнаментированных фрагментов на селище найдено	162
неорнаментированных обломков венчиков	» 110
»	» стенок » 1059

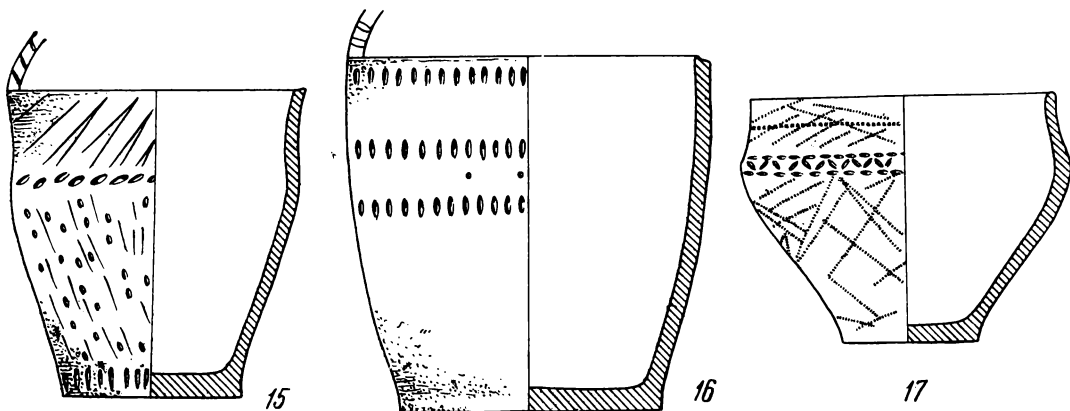

Нередки случаи, когда рисунки исполнены настолько небрежно, что это приводит порой к полной бессистемности в расположении оттисков штампа. Другая особенность заключается в асимметричности рисунка: орнаментальная полоса из зигзагов неожиданно переходит, например, в треугольники или перебивается группами насечек; ряд насечек разрывается несколькими заштрихованными треугольниками; орнаментальная полоса состоит из различных неповторяющихся фигур, образованных насечками, и т. п. (рис. 29, 11—14). Приведенные примеры подтверждают мысль В. В. Гольмстен и А. А. Формозова, что асимметричность рисунков указывает на пиктографическое значение орнамента на сосудах (Гольмстен, 1941; Формозов, 1953).

Пиктографическим можно считать и орнамент на одном баночном сосуде, где край охватывают два ряда прямоугольников, перекрещенных вертикально, горизонтально и наклонно несколькими линиями (рис. 27, 13).

Орнамент делался при помощи гребенчатого и гладкого штампа, резбой острием, нанесением различных ямок и насечек, реже — оттисками веревочки и полого штампа (см. табл. 10). Элементы, входящие в рисунки, очень просты: горизонтальные линии, зигзаги, пояски насечек, изредка заштрихованные треугольники и ряды наклонных оттисков, в единичных случаях — меандры, ромбы. Насечки и ямочные вдавления различных типов: овальные, круглые, полукруглые, уголковые, ногтевые, вдавления концов пальцев выступают самостоятельно, образуя пояски и треугольные группы, или в качестве дополнения к основному гребенчатому или резному орнаменту.

27. Сосуды поселения Береговское I (реконструкции)

Особо надо остановиться на четырех обломках сосудов необычного типа. Они выглядят как неширокие ленты с незначительным изгибом. И по ширине и по характеру изгиба их вполне можно приписать овальным блюдам той серии, которая часто встречается в Зауралье в андроновских погребениях федоровского типа. Но подобные сосуды известны и в срубных памятниках.

Т а б л и ц а 10. Орнаменты керамики Береговского I селища

Тип орнамента	Фрагменты	Тип орнамента	Фрагменты
Гребенчатый	45	Неорнаментированные обломки стенок	1059
Гладкий штамп и резьба . .	56	Неорнаментированные венчики	110
Насечки и ямки	47	Двигла	64
Веревоочный	13		
Полый штамп	1		

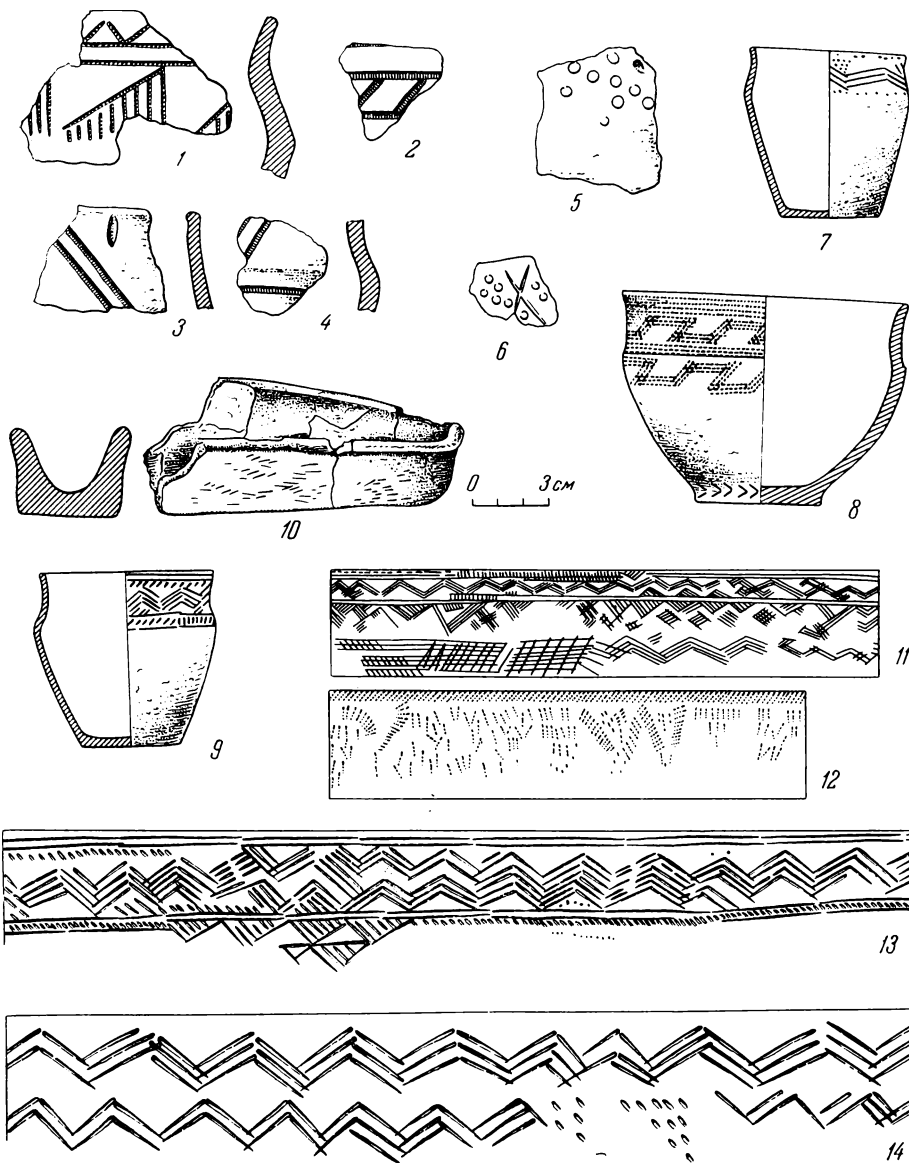
Уникальной является находка на селище в 1954 г. обломка плоской глиняной крышки, которые типичны для срубных памятников.

В керамике селища Береговского I заметна близость к андроновской посуде. Встречены единичные андроновские сосуды кожумбердынского типа с уступчиком и мелкогребенчатым орнаментом (рис. 28, 8) или орнаментированные резьбой и протасенной гребенкой алакульского типа (рис. 27, 10—12), часто с примесью в глине толченого талька. Применение иногда лощения поверхности, вертикальные пропорции ряда сосудов и большое число горшковидных форм также надо рассматривать как андроновское влияние.

И вместе с тем основная масса керамики сохраняет срубные черты, которые особенно ярко выражаются в наличии бипирамидальной разновидности остросереберных сосудов, в применении крупнозубчатого штампа (в находке глиняной крышки), в орнаментации заштрихованными треугольниками без основания, асимметричности орнамента пиктографического характера.

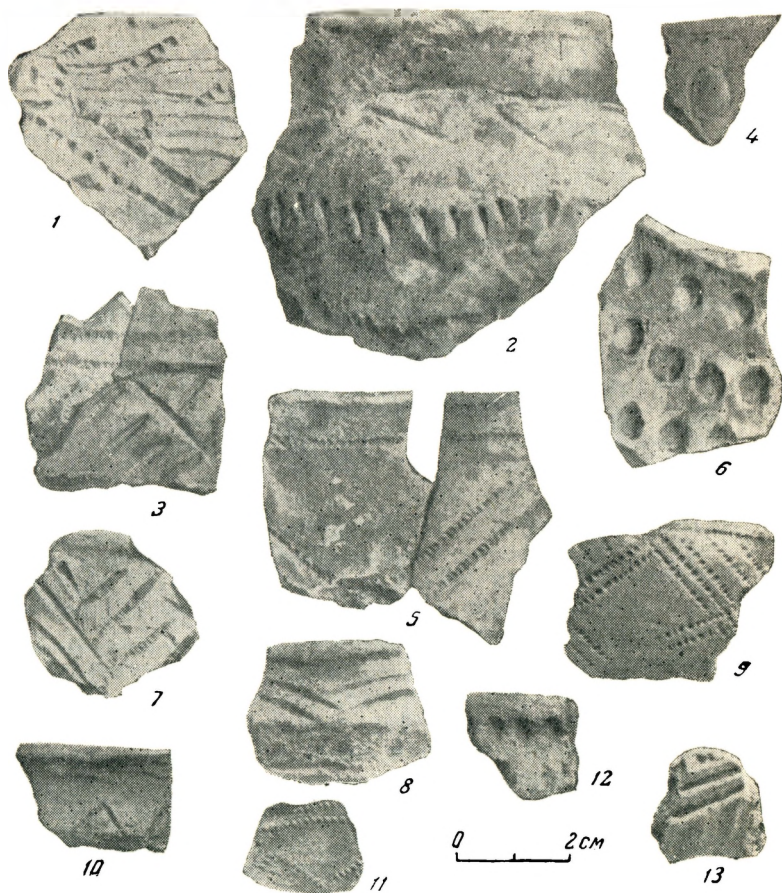
Керамика с селища Салихово I (раскопки К. В. Сальникова, 1953 г.) представлена обломками сосудов (около 1000 фрагментов), типичных для срубной культуры (рис. 29, 1—8, 14, 15).

Интересна примесь небольшого числа инокультурных фрагментов керамики, легко разделяющаяся на три группы. Первую группу составляют 20 экз. абашевских черепков с большой примесью в глине толченых раковин.

28. Керамика селища Береговское I

1—6 — обломки сосудов с веревочным и кружковым орнаментом; 7—9 — сосуды; 10 — обломок блюда; 11—14 — развертки асимметричных орнаментов

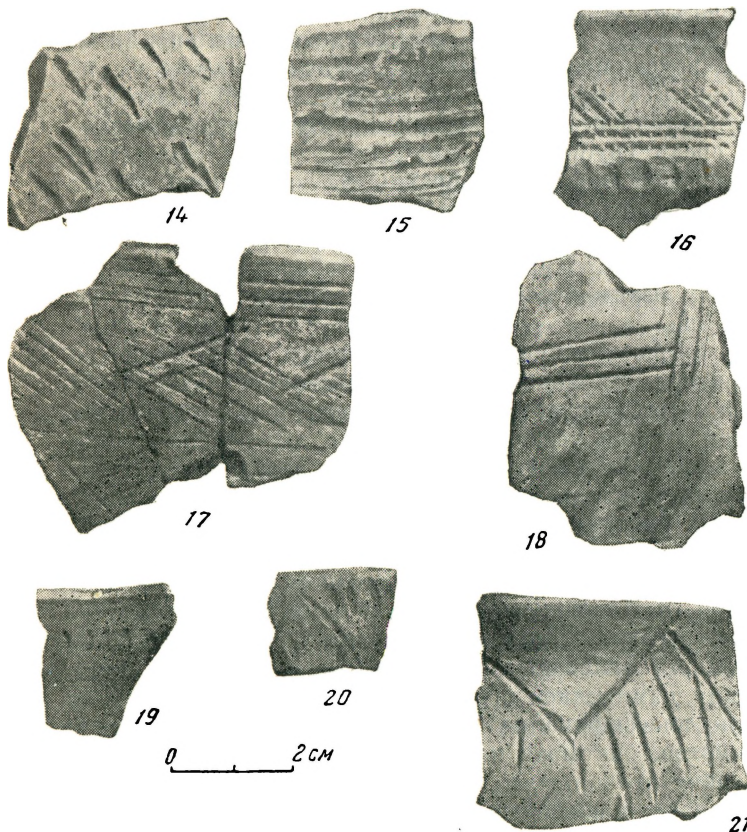
Во вторую группу входят три обломка сосудов, орнаментированных изгагами, которые прочерчены гребенчатым тонким штампом, — техника мотив орнамента типичные для андроновской посуды.

Третья группа представлена всего одним обломком горла сосуда, на котором вдоль края помещен пояс из мелких насечек, а ниже оттиснуто еривочкой петлевидное изображение (рис. 29, 4). Орнаментация при помощи оттисков веревочки не чужда ранним памятникам срубной культуры Юоволжья.

Нечто подобное наблюдается также на керамике усатовской культуры, де встречаются отпечатки «согнутой в полукруг веревочки» (Брюсов, 952, стр. 242). Это сопоставление, как и вообще наличие веревочного и

кружкового орнамента, заставляет Салиховское I поселение датировать сравнительно ранним временем и рассматривать его как синхронное с селением Береговское I.

С поселения у Демского совхоза в Башкирский краеведческий музей доставлено около 20 обломков керамики. Среди них есть орнаментированные оттисками крупнозубой гребенки, резбой, насечками, вмятинами концов пальцев. Два фрагмента принадлежат сосудам, которые орнаментированы оттисками веревочки. На одном обломке веревочкой оттиснут вдоль края пояс, от которого вниз отходят «веточки», а по округлому венчику — наклонные отпечатки той же веревочки. На втором толстом обломке от плечиков сосуда с небольшой примесью толченых раковин в глине орнамент сложнее: ниже двух веревочных поясов нанесен оттисками

29. Керамика срубных поселений Башкирии

1—8, 14, 15 — Салихово I; 9, 21 — Бельское II; 10 — Дерксаново II; 11, 13 — Туманча; 12 — Дерксаново I; 16 — Бурмак; 17—20 — Ибракаево

перевитой веревочки рисунок, состоящий из меандровидных фигур. Сборы на других селищах срубной культуры дали такую же керамику (рис. 29).

Помимо описанных выше комплексов керамики с поселений Башкирии, мы располагаем данными о керамике нескольких селищ, расположенных в соседних районах Оренбургской области: у хутора Гурова (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 37, рис. 7, 1—7), у с. Старая Александровка (Оренбургский музей), у с. Гавриловка и у нескольких памятников из сборов М. Г. Митина (Оренбургский музей).

Заканчивая характеристику керамики срубных поселений, следует остановиться на встречающихся на ряде памятников примесях обломков сосудов не массового характера. В одних случаях такие обломки являются пережитками, отзвуками предыдущей стадии — полтавкинского времени. Таковы фрагменты с кружковым орнаментом (Береговское I, см. рис. 28, 5, 6; Салихово I, Демское, Самсык, Пономаревское, Озерки I) и с оттисками веревочки (Береговское I, см. рис. 28, 1—4; Салихово I, см. рис. 29, 4; Демское, Тюбьяк, Старо-Александровское, Озерки), а также примесь в глине растительных остатков (Тюбьяк Ишеево II, Береговское I). Соответствующие поселения, следовательно, нужно считать достаточно ранними.

В других случаях среди срубной керамики встречаются единичные обломки сосудов андроновской формы или фрагменты сосудов, сделанных из глины с примесью толченого талька, или с орнаментацией андроновского типа (Береговское I, Салихово I, Юлдашево II, Ибракаево, Тюбьяк, Юмагузино, Троицкое, Озерки I, Куганакское Правобережное), которые свидетельствуют о тесных взаимоотношениях с соседними синхронными андроновскими племенами.

Нельзя не отметить также различие в составе глины, из которой изготовлялись сосуды. Срубные племена вообще пользовались различными примесями: дресвой, шамотом, толчеными раковинами, песком, известью. Причины этих различий трудно установить, но они, как увидим ниже, имели и локальное и хронологическое значение. Мы затрудняемся проследить, какие примеси господствовали на разных этапах развития срубной культуры и в разных районах ее распространения. Не всегда в публикациях при характеристике керамики этой стороне уделяется внимание. Более определенно положение с примесью толченых раковин. Она известна в посуде Нижнего Поволжья начиная с ямной культуры, но исчезает на хвалынской стадии. Таково положение и в юго-западном Приуралье. В. В. Гольмстен отмечает большую примесь толченых раковин в сосудах из ранних памятников срубной культуры у с. Березняки (срубное погребение, по классификации В. В. Гольмстен, 1928). В другой работе В. В. Гольмстен, описывая керамику из погребений со скорченными костяками, ориентированными головой на север, говорит: «Керамика эта весьма сходна с хвалынской, но существует между ними и

некоторое различие, так, например, в глине первой часто имеется примесь толченых раковин, не найденная до сих пор в хвалынской керамике» (Гольмстен, 1926). Ориентировка головой на север в юго-западном Приуралье характерна для срубных погребений покровского этапа.

Следовательно, примесь толченых раковин является хронологическим признаком. Но, с другой стороны, это и локальное различие. В Нижнем Поволжье примесь толченых раковин в срубной посуде имеет глубокие местные корни. Но по мере удаления на северо-восток положение меняется. К востоку от Бузулука и Бугуруслана памятники, содержащие керамику с примесью толченых раковин и лишенные такой керамики, расположены чересполосно, выявляя границу двух областей срубной культуры. Так, возле Бузулука, на селище у с. Старая Александровка и в курганах у с. Погромного обнаружена раковинная керамика так же, как в расположенных близ Бугуруслана курганах у с. Березняки, а в 30 км от с. Погромного выше по р. Самарке, у с. Кирсановки, в керамике из сбросов Плющенко этой примеси нет. Отсутствует примесь к востоку от ст. Бугуруслан, где на территории Пономаревского района Оренбургской области в 1929 и 1930 гг. М. Г. Маткин открыл ряд срубных поселений (Оренбургский музей, колл. № 2626, 2617). На селище у с. Гавриловки керамика состоит из обломков сосудов и с примесью раковин, и с примесью дресвы и гальки. В памятниках южной Башкирии, к югу от Мелеуза примесь раковин спорадически попадает, но совсем не обязательна. На селище Береговское I примесь раковин встречается в редких сосудах срубного типа. Севернее же ее совсем нет. Наоборот, в этих местах примесь толченых раковин — характернейший признак абашевской керамики. Отсутствие примеси из толченых раковин в глине керамики можно, таким образом, признать локальной особенностью срубных памятников Башкирии и, по-видимому, вообще северных районов. Нет этой примеси на Самарской Луке, не часто она и в керамике Мелекесских курганов (Попова, 1953, стр. 57).

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Первые попытки разделить срубную культуру на хронологические этапы по материалам Поволжья сделали П. С. Рыков (1927) и В. В. Гольмстен (1928), именуя эту культуру, первый — хвалынской, а вторая — срубно-хвалынской. По представлению П. С. Рыкова, в эпоху бронзы в Поволжье последовательно бытовали ямная и три стадии хвалынской культуры: А, В, С. Хвалынскую культуру он датировал 1600—1000 гг. до н. э. На неудачность выделения памятников Поволжья в особую хвалынскую культуру, противопоставляемую срубной культуре Подонья, и на невыдержанность деления на стадии указал еще П. Д. Рау (1928). Если стадия В является продолжением стадии А, то стадия С (1400—1100 гг.) хронологически почти полностью совпадает со стадией В (1300—1100 гг.), и памятники, относимые к стадии С, являются по существу вариантом памятников, включенных в стадию В. Одновременно П. Д. Рау убедительно выделил в так называемую *Poltavker Stufe* (полтавкинскую стадию) группу погребений, следовавших по времени за ямной культурой. В эту группу он отнес памятники стадии А Рыкова и некоторые погребения, сочтенные П. С. Рыковым ямными.

В. В. Гольмстен для раннего этапа развития срубной культуры сохранила городцовский термин, понимая под хвалынской культурой состояния общества в Среднем и Нижнем Поволжье в более позднее время и вводя также понятие переходной срубно-хвалынской культуры (Гольмстен, 1928). Соглашаясь с общей датой П. С. Рыкова для всей эпохи, В. В. Гольмстен не датирует отдельные этапы. В более развернутом виде периодизация эпохи поздней бронзы Среднего и Нижнего Поволжья получила свою характеристику в работах О. А. Кривцовой-Граковой (1941, 1948, 1955), которая выделяет два периода: первый возникает во второй четверти II тыс. до н. э. и переходит во второй в конце тысячелетия, его продолжительность — от XVI до XII в. до н. э. О. А. Гракова вслед за В. А. Городцовым изменяет второй период (конец II — первые столетия I тыс.) хвалынским (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 38 и 62).

Работа О. А. Гракова ценна в том отношении, что она определяет для каждого этапа основные характерные черты состава металлических изде-

лий и керамики. Особенно важно последнее, поскольку это позволяет определить дату памятников, открытых во время разведки, по которым мы располагаем ограниченным числом фрагментов керамики.

Для первого этапа характерны три формы посуды: баночная, остро-реберная и с выпуклыми боками. Последняя форма является как бы переходной между баночной и острореберной. Количественно преобладают обычно баночные бедно орнаментированные сосуды. Острореберные чрезвычайно редки. Они богаче орнаментированы, преимущественно зигзагами и треугольниками по верхней половине. Орнамент наносился зубчатым и незубчатым штампом, а также резьбой. Керамика второй стадии приобрела новые формы, в значительной степени под влиянием на керамику металлической посуды. Появляется отогнутая шейка, переходящая в выпуклый корпус, заостряется край сосуда, встречается суженное горло и поддоны. Но основной признак выражается в распространении палепных валиков. Орнаментация делается проще и грубее.

Относительно начальной даты срубной культуры единого мнения среди исследователей не существует. И. В. Силицын (1959, стр. 188) и Н. Я. Мерперт (1958, стр. 63) не соглашаются с О. А. Кривцовой-Граковой, выделившей полтавкинские памятники в особую культуру, предшествовавшую срубной, и видят в них ранний этап последней, относя, таким образом, возникновение срубной культуры к началу II тыс. до н. э. Но те же авторы совершенно справедливо замечают условность деления памятников эпохи бронзы Поволжья на этапы. «Погребения ямной культуры, погребения раннего (полтавкинской культуры.— К. С.) и позднего этапа срубной культуры генетически связаны между собой и представляются переходными этапами, звеньями единого исторического процесса» (Силицын, 1958, стр. 302). Следовательно, спор о полтавкинских памятниках носит чисто терминологический характер. К этому следует добавить, что нет никаких оснований игнорировать согласно всеми признаваемое существование заключительного хвалынского этапа, который характеризуется памятниками позднего (по О. А. Кривцовой-Граковой) или конца позднего этапа (по И. В. Силицыну) срубной культуры. Наиболее интересный памятник раннего периода (по О. А. Кривцовой-Граковой) — Покровский могильник близ г. Энгельса. Целесообразно поэтому собственно срубный этап именовать покровским. Таким образом, можно прийти к заключению, что в свете последних открытий и работ советских археологов определяются четыре этапа исторического развития племен эпохи бронзы Нижнего и Среднего Поволжья:

Ямный	III тысячелетие до н. э.
Полтавкинский	XX—XVII вв. до н. э.
Покровский (срубный) . . .	XVI—XIII вв. до н. э.
Хвалынский	XII—VIII вв. до н. э.

Находки в полтавкинских погребениях у сел Ровное, Бородаевка и Колтубанка топоров новосвободненского типа, очевидно, позволяют начало полтавкинского этапа отнести к первой четверти II тысячелетия до н. э., но обычные для этого этапа плоские ножи без выступов аналогичны ножам привольненского этапа среднекубанской культуры (Иессен, 1950). Следовательно, полтавкинский этап захватывает начало второй четверти II тысячелетия до н. э.

Установлению хронологических рамок срубно-хвалынских памятников уделено много внимания в трудах О. А. Кривцовой-Граковой. Сложение срубной культуры (покровского этапа. — *К. С.*) в Поволжье она относит к XVI в. до н. э. (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 62). При современном уровне наших знаний едва ли можно точнее определить начало покровского этапа. В последнее время С. В. Киселев уточнил эту дату до XVIII—XVII вв. до н. э. (Киселев, 1962, стр. 7). Нам думается, что для такого удревления оснований недостаточно. На эти столетия падает существование позднеполтавкинских памятников. Но со второй половины XVII в. допустимо начинать покровский этап: в памятниках этого времени имеются находки плоских тесел привольненского типа. Менее ясен конец покровского этапа, переход его в хвалынский. О. А. Кривцова-Гракова (1955, стр. 62) датирует его между XIII и XII вв. до н. э.

Наиболее характерной, бросающейся в глаза особенностью керамики поздних памятников являются налепные валики, округлость плечиков сосудов, отгиб заостренного края, возникновение поддона. Все эти новые черты — результат влияния формы и орнамента металлической посуды на глиняную. «С подъемом металлообработки формы керамики на хвалынской стадии постепенно меняются под явным влиянием бронзовой кованой посуды, вошедшей к этому времени в употребление» (Кривцова-Гракова, 1949). С выводом о зависимости новых черт в керамике бронзовой эпохи от форм металлической посуды нельзя не согласиться. Появление их нужно относить ко времени проникновения в быт нового, более пригодного для изготовления орудий труда металла — железа. Тогда бронза начала «высвободжаться», из нее стали делать меньше орудий и шире употреблять на изготовление бытовых предметов, в том числе посуды. Мелкие обломки бронзовых сосудов встречены, в частности, в насыпях курганов Алакульского могильника, синхронного памятникам покровского этапа срубной культуры.

Какими данными располагаем мы для определения времени проникновения железа в быт? Этот процесс трудно проследить в археологических памятниках: в культурном слое поселений утерянные или брошенные на поверхности железные предметы бесследно уничтожались коррозией. Не могли они сохраниться и в заброшенных жилищах, куда свободно проникал воздух. В могилы долго по традиции продолжали помещать только медно-бронзовые орудия. И все же число памятников

периода поздней бронзы, на которых встречены признаки знакомства с железом, увеличивается. Таково срубное поселение в Воронеже, на котором в 1936 г. Г. В. Подгаецкий (1941, стр. 157, 160) вместе с типично срубной керамикой нашел, наравне с медными, и железные шлаки. Последние содержали 5,1% закиси и 64,2% окиси железа, что заставляет видеть в них остатки кричного процесса получения железа. На другом срубном поселении — у оз. Моечного на Самарской Луке были встречены небольшие обломки железных вещей в непотревоженном культурном слое эпохи бронзы. Ссылаясь на подобные находки в ряде стоянок эпохи бронзы приказанской культуры, А. П. Смирнов приходит к заключению, что «XI—X вв. до н. э. могут считаться временем появления железных орудий в Восточной Европе» (А. П. Смирнов, 1954, стр. 19). На основе более широкого материала Б. Н. Граков идет дальше и считает, что «секрет выработки небольших крич сыродутным способом был известен на территории Европейской части СССР в течение почти всего II тыс. до н. э.» Дата ранней стадии срубной культуры им определяется в пределах XVII—XIII вв. до н. э. (Граков, 1958, стр. 8—9).

Следовательно, приведенные данные как будто усиливают аргументацию в пользу перехода срубных племен на хвалынский этап развития в XII в. до н. э. В VIII в. до н. э. на базе позднебронзовой культуры происходит сложение культуры савроматских племен.

Попытки более дробной периодизации предпринимаются на материалах микрорайонов срубной культуры.

Памятники среднего Заволжья полтавкинского и срубного времени Н. Я. Мерперт разделил, главным образом на основе наблюдений над различными конструкциями погребальных сооружений и сопровождающей их керамики, на пять хронологических групп: I — полтавкинские погребения; II — круглые курганы с одиночными захоронениями; III — круглые курганы-кладбища с множественными захоронениями; IV — длинные курганы-кладбища с множественными захоронениями; V — резко уплощенные длинные насыпи и бескурганные кладбища.

Керамика II—V этапов, которые соответствуют покровско-хвалынскому времени, эволюционировала, по представлению Н. Я. Мерперта, в сторону уменьшения в могилах количества острореберных сосудов, учащения случаев положения баночных сосудов, с переходом от форм горизонтальных пропорций к вертикальным.

На IV этапе этот процесс завершился «абсолютным господством сосудов с вертикальными пропорциями в виде горшков с выпуклыми боками и банок» (Мерперт, 1958, стр. 140) с одновременной заменой в орнаментации мелкозубчатого штампа крупнозубчатым. На последнем этапе (VIII—VII вв. до н. э.) в керамике преобладающей делается баночная форма, лишенная или почти лишенная орнаментации.

Эта схема относительной хронологии как локальное явление выглядит достаточно убедительно, но следует указать не совсем четкое разграничение III и IV этапов, что отмечено и автором периодизации на примере кургана 10 у с. Хрящевки. Сравнивая вообще керамику курганов III (курган 5 у с. Ягодного, МИА, № 42, рис. 7, 11, 12) и IV (курганы 4 и 5 у с. Хрящевки, МИА, № 42, рис. 20, 25, 28, 29; курган 10 у с. Хрящевки, МИА, № 61, рис. 23 и курган у с. Кайбелы, МИА, № 61, рис. 6) этапов, трудно усмотреть, что на четвертом этапе восторжествовали вертикальные пропорции.

Насколько ненадежно деление керамики по этапам, выделенным Н. Я. Мерпертом на основе конструкции курганов, видно хотя бы на таком примере. Курган 5 у с. Ягодного, по Мерперту, относится к III (покровскому) этапу, а ряд сосудов из этого кургана в более ранней своей работе (Мерперт, 1954, стр. 150) тот же автор приводит как образцы керамики второй стадии Кривцовой-Граковой, т. е. хвалынского этапа. Переход от мелкозубчатого к крупнозубчатому штампу только на IV этапе, очевидно, локальное явление. В других районах крупнозубчатый штамп характерен вообще для срубной керамики (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 30, 36) и даже считается «характерным для ранней группы сосудов срубной культуры», чему хорошим примером служит хотя бы курган 6 в Иловатской группе, где с сосудом биконическо-острореберной формы, сплошь орнаментированным оттисками крупнозубчатого штампа, лежал на спине костяк с подогнутыми ногами (К. Ф. Смирнов, 1959, стр. 313—334). С другой стороны, есть случаи, как на Комаровском поселении у оз. Моечного, где для керамики поздних, верхних горизонтов культурного слоя характерен среднезубчатый и мелкозубчатый штамп (Алихова, 1956, стр. 168), что, очевидно, следует связывать с усилением андроновского влияния, характерного для позднего периода существования этого поселения.

В Башкирии и юго-западном Приуралье мелкозубчатый штамп применялся на сосудах тех памятников, которые испытали значительное андроновское влияние, не вытесняя присущего срубной культуре крупнозубчатого штампа. Такое сочетание мы видим на поселении у с. Исаклы бывшего Бугурусланского уезда, которое О. А. Кривцова-Гракова (1955, рис. 7, 8—12) относит к первому периоду срубной культуры ее периодизации, т. е. по времени не позднее XIII в. до н. э. С андроновскими формами сосудов связана орнаментация мелкозубчатым штампом на ряде срубных поселений Башкирии к югу от Уфы. Более северные памятники дают характерную орнаментацию керамики крупнозубчатой гребенкой. Мы склонны и вертикальность сосудов относить за счет андроновского влияния, а также объяснять их функциональной особенностью — это посуда хозяйственного назначения, а не индивидуального пользования. Вот почему крупные сосуды вертикальных пропорций в массе найдены как на

ранних (Береговское I), так и на поздних (Сусканское, у оз. Моечного, Комаровское) поселениях, а в погребениях мы их не видим.

Интересные данные для периодизации памятников срубной культуры другого микрорайона — Самарской Луки — получены А. Е. Алиховой путем тщательного анализа керамики поселений (Алихова, 1960). Этот по существу первый этап стратиграфического деления памятников, расположенных на небольшой ограниченной территории, весьма ценен и для изучения срубной культуры в целом.

История племен срубной культуры Башкирии и юго-западного Приуралья теснейшим образом связана с историей племен Поволжья. Для определения даты срубных памятников Башкирии следует иметь в виду те же эталоны, в частности в области особенностей погребального обряда, керамики, изделий из металла. Но вместе с тем в башкирских памятниках мы видим нечто новое, т. е. черты, отражающие более тесные взаимоотношения с андроновскими племенами. Механически переносить на Приуралье нормы, выработанные при изучении памятников Поволжья, нельзя. Попытаемся, отталкиваясь от выводов исследователей срубной культуры Поволжья, проанализировать данные, накопленные при изучении аналогичных памятников интересующего нас района.

Для членения материалов какой-либо культуры на хронологические этапы благодатный материал содержится в изменениях погребального обряда, в эволюции форм бронзовых изделий и керамики.

Погребальные памятники ямной и полтавкинской культур на Южном Урале ничем не отличаются от соответствующих погребений Поволжья. На рассмотрении их не будем останавливаться. Об их характеристике речь шла в другой нашей работе (Сальников, 1962б).

Курганы покровского времени по числу могильных ям под каждой насыпью можно разделить на три группы: курганы с одним погребением, курганы с двумя-тремя погребениями, курганы с многими погребениями (6—13). В их территориальном распространении наблюдается известная закономерность. Курганы первой и второй группы расположены к югу от Уфы. Одномогильными являются два кургана у с. Старо-Мусино, курган 1 у с. Кротовки, курган 16 у с. Березники, курган 5 у с. Погромного, курганы 1 и 2 у с. Александровки, раскопанные В. Я. Толмачевым; третий курган в этой группе, исследованный в 1928 г. В. В. Гольмстен, содержал три погребения. С двумя-тремя могильными ямами были курганы 2 и 3 у с. Кротовки, курган у с. Пустовалово, два кургана (6 и 7) у хутора Кашкара, два кургана у г. Давлеканова, затем два погребения у р. Кутанак, очевидно, относились к общему кургану. Вероятно, в ту же группу следует включить курган 1 на р. Нугуш, в котором было обнаружено одно погребение и в отдалении от последнего в насыпи — отдельный сосуд, возможно, след детского захоронения с полностью истлевшим костяком, что чередно в срубных могильниках. К третьей группе относятся многомогиль-

ные курганы, расположенные к северу от Уфы: Ново-Баскаково (шесть погребений), Ново-Балтачево (тринадцать погребений), Тыртышево IV (шесть погребений), Верхний Аташ (три погребения под вскрытой половиной насыпи), Именлекулево (четыре погребения под вскрытой половиной насыпи) и лишь курган 2 на р. Нугуш, содержащий девять могильных ям, расположен к югу от Уфы. Вторым исключением следует считать срубно-андроновский курган 4 с семью могилами у с. Погромного.

Эти исключения и малочисленность исследованных в юго-западном Приуралья и в Башкирии курганов срубной культуры заставляют не считать разбивку на группы закономерностью, а видеть в этом хронологические различия. Не следует забывать, что курганы с небольшим числом (одна — три) могил отмечены на той территории, где рано и в сильной степени началось смешение с андроновцами, и для андроновских могильников характерны одномогильные курганы и оградки.

Сопровождающий погребения керамический материал многомогильных курганов не содержит более поздних черт по сравнению с сосудами из курганов с одним-двумя погребениями.

По керамическому материалу памятники срубной культуры юго-западного Приуралья и Башкирии относятся Кривцовой-Граковой к первому периоду или покровскому этапу принятой нами периодизации. Очевидно, по керамике погребальных памятников едва ли удастся выделить поздний этап. Даже на Нижней Волге, где изучено несравненно большее количество курганов срубной культуры, только единичные погребения содержат позднюю керамику. И по другим признакам попытки выделения поздних погребений не дают результатов (Смирнов, 1960, стр. 246 след.). Очевидно, такое явление следует объяснить отмеченным О. А. Кривцовой-Граковой сосуществованием на позднем этапе новых типов керамики со старыми, сложившимися во времена покровского этапа. Причем новых форм посуды в погребения не ставились. Известна только одна находка сосуда с валиком в могиле (Смирнов, 1960).

Несколько лучше обстоит дело с делением на этапы поселений. Черты, присущие более древней керамике поселений, — небольшая примесь обломков сосудов, орнаментированных оттисками перевитой веревочки и полый трубочки (гусиного пера). Такая орнаментация является, по наблюдению О. А. Кривцовой-Граковой, признаком древнейшей эпохи в срубных памятниках (Кривцова-Гракова, 1948, стр. 154). Оба эти элемента орнаментации распространены в синхронных с полтавкинской культурой памятниках катакомбной культуры Северного Кавказа (Иерусалимская, 1958, рис. 5). Оттиск веревочки на Нижней Волге украшает сосуды в памятниках, переходных от древнеямной к катакомбной культуре (Латынин, 1957, стр. 8—9), т. е. начала полтавкинского этапа.

Подобные ранние типы орнаментации в Башкирии отмечены на срубных поселениях Береговское I (рис. 28, 1—4), Салихово I, Самсык. Отзвуч-

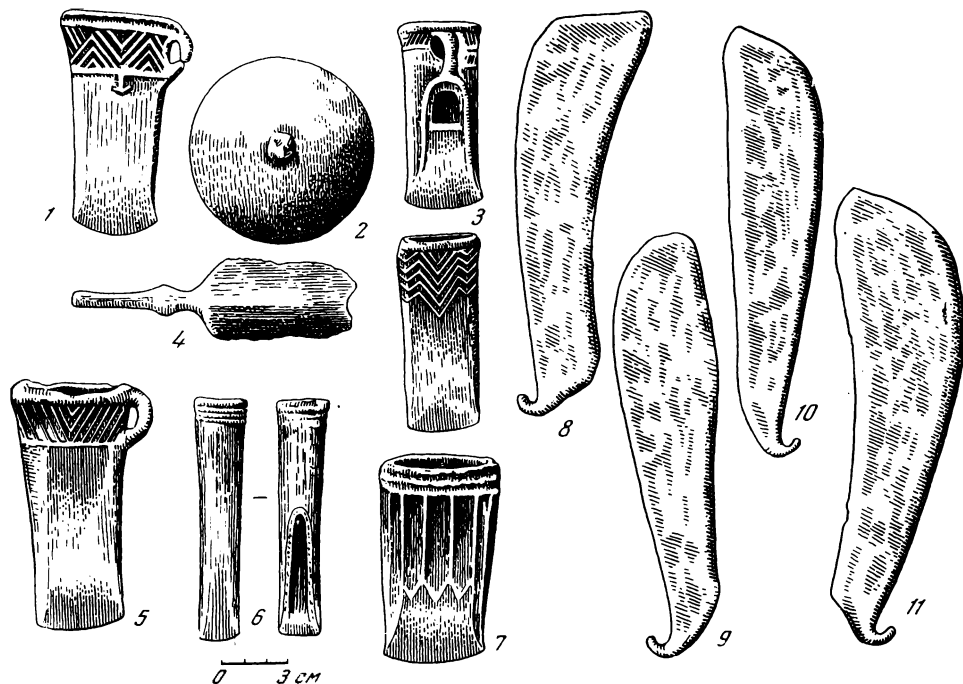

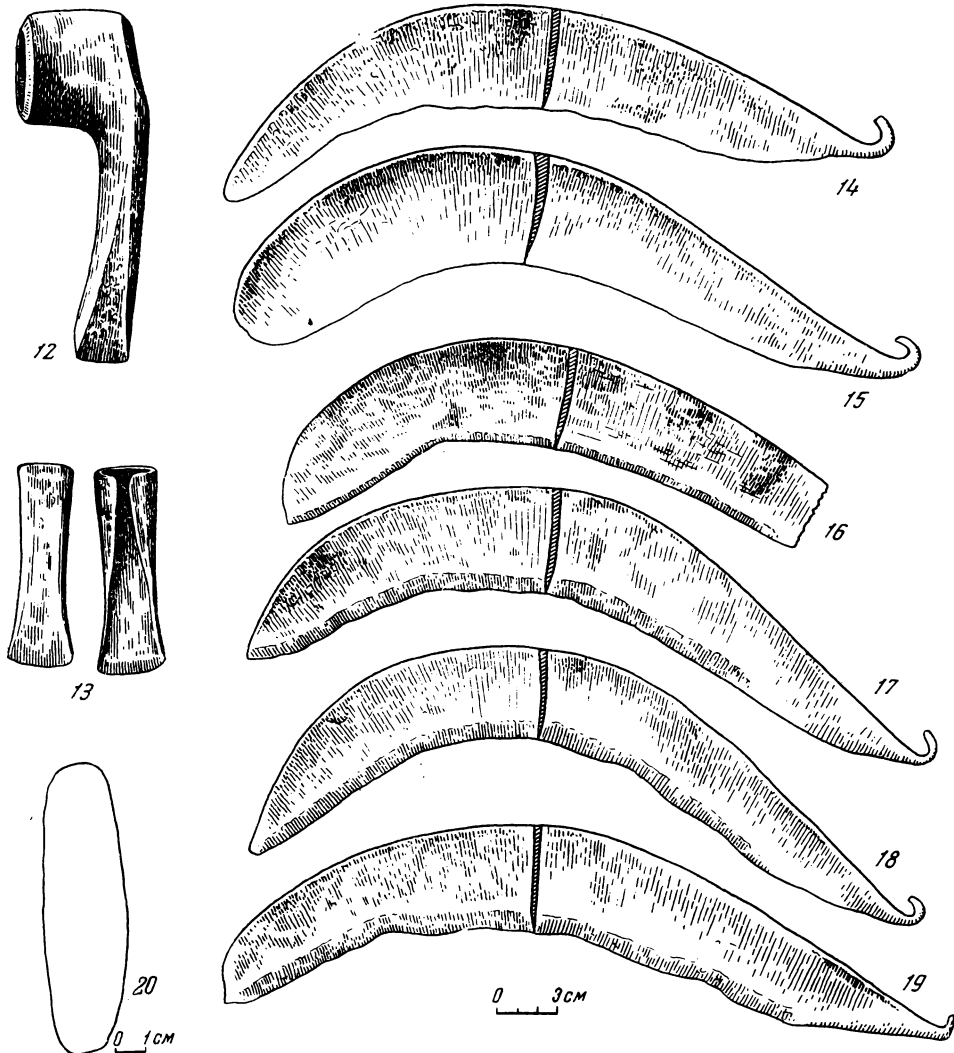
ком полтавкинского времени и доказательством сравнительно ранней датировки, наряду с указанными типами орнаментации, надо считать находки в некоторых срубных поселениях Башкирии небольшого числа обломков сосудов, изготовленных из глины с примесью растительных остатков. Такая керамика обнаружена разведками В. П. и В. Д. Викторовых на селищах Тюляково II (Тюбяк), Туманча, Ишеево II (Викторова, 1960, стр. 71), а также на поселениях Береговское I и Салихово II. Следует добавить, что два черепка этого типа с селища Тюляково II были украшены оттисками мелкозубчатой ребренки в виде вертикальной елочки, типичной для полтавкинской керамики, а венчик имеет изнутри уступ того типа, который отмечен у сосудов на полтавкинских поселениях Подгоры (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 2, 13, 15) и Захар-Калма у с. Марычевка (Сальников, 1962б, рис. 10, 3). Состав глины керамики этих поселений характеризуется большой примесью растительных остатков (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 24).

Большинство поселений Башкирии и юго-западного Приуралья по керамике с указанными чертами или даже без них, но при отсутствии хвалынских форм, относят к покровскому этапу, как и в Поволжье. Но на территории Куйбышевской и Саратовской области имеются поселения заведомо хвалынского времени. Ряд их из числа обследованных В. В. Гольмстен и из дореволюционных исследований перечисляется О. А. Кривцовой-Граковой (1955). В 50-х годах хвалынские поселения открыты работами Куйбышевской археологической экспедиции на Самарской Луке (Трубникова, 1954, 1958; Алихова, 1958). Особенно интересно Комаровское поселение, где не исключено двукратное обитание. Автор раскопок датирует этот памятник X—VIII вв. до н. э., сближая его с Алексеевским поселением андроновской культуры. В то же время бронзовые орудия, найденные главным образом в нижнем горизонте культурного слоя этого памятника, относятся к Привольненскому этапу «Среднекубанской группы курганов». А. Е. Алихова (1958, стр. 165) не видит в этом противоречия, поскольку А. А. Иессеном дана расширительная датировка (1700—1000). Но строго подойдя к схеме А. А. Иессена (1950, стр. 199), можно усмотреть, что в этот отрезок времени (700 лет) входит, кроме привольненского, костромской этап. Очевидно, на привольненский этап падает вторая — третья четверти II тыс. до н. э. Этим временем и следует датировать изделия из бронзы Комаровского поселения и ранние типы керамики. Разновременность наслоений на памятнике подтверждается наблюдением автора раскопок, что «сосуды, встреченные преимущественно в верхнем горизонте культурного слоя, в массе отличаются сравнительной тонкостенностью и орнаментацией жемчужинами, валиками, округлыми и угловыми ямками, желобками» (Иессен, 1950, стр. 177). Из этой характеристики видно, что большинство посуды верхнего горизонта культурного слоя имеет поздние формы, типичные для хвалынского этапа.

В Башкирии срубная керамика хвалынского этапа встречена в смеси с обломками сосудов других культур на поселении Кумлекуль на границе Уфимского и Чекмагушевского районов (рис. 19, 8—11; раскопки К. В. Сальникова, 1961, см. раздел «Племена черкасульской культуры»). Таким образом, по существу непоколебленной остается классификация керамики, данная О. А. Кривцовой-Граковой, и деление на этой основе срубной культуры на два хронологических этапа, за которыми мы закрепляем наименования покровского и хвалынского. Более дробное членение истории срубных племен требует усиления аргументации.

Бронзовые орудия благодаря ряду случаев совместного нахождения в памятниках на описываемой территории и в соседних районах можно свести в три хронологические группы: ямно-полтавкинскую, покровскую и хвалынскую. К полтавкинскому времени относится уникальное богатое погребение у пос. Колтубанка близ г. Бузулука (Гольмстен, 1929) (рис. 23, 12, 13), в котором найдены проушный топор и тесло, оба новосвободненского типа; и длинное шило с упором для рукоятки. Из отдельных находок этим временем датируется шило неизвестного происхождения, аналогичное колтубанскому, хранящееся в Оренбургском музее. Несколько

30. Медно-бронзовые орудия

1—11 — Дербеденевский клад; 12—20 — Ибракаевский клад

более поздние, нежели колтубинский, проушные топоры с формирующимися вислыми обухами из с. Каря-Якупово в Башкирии (рис. 24, 13) и из с. Новый Буян близ Куйбышева (рис. 23, 14) и нож без выступов из питомника Стерлитамакского совхоза (рис. 21, 7) должны быть включены в эту же группу.

Более многочисленны бронзовые изделия покровского этапа. Прежде всего надо указать на Ибракаевский клад, литейную форму с р. Зирган и находки у с. Миловки. Эти три комплекса включают все основные формы орудий и позволяют их синхронизировать: ножи-кинжалы с выступами, серпы крюкастые, тесла с выступами, долота с сомкнутой втулкой, вислообушные топоры южноуральского и камского типа. Данный перечень можно дополнить плоским теслом без выступов и уникальным ножом овальной формы без черешка из Береговского селища (рис. 30, 20). Выше были перечислены все случаи находок отдельных предметов указанных типов орудий. Можно еще раз напомнить о совместной находке в пос. Майорском крюкастого серпа и южноуральского вислообушного топора.

В третью группу входят орудия хвалынских типов: кельты киммерийские и дербеденевские, кельты-тесла с пещеркой, долота с сомкнутой втулкой, кинжалы сосново-мазинского и близкого типов, копья прорезные, косари, ножи-кинжалы киммерийского типа. Их поздняя дата и синхронность явствуют из находок аналогичных орудий в хорошо датированных комплексах: в кладе у с. Дербедень в Татарии (рис. 30, 1—7) (дербеденевский кельт, кельт-тесло с пещеркой, долото с сомкнутой втулкой, нож-кинжал с упором для рукоятки, близкой к киммерийским формам), в Сосново-Мазинском кладе в бывшем Хвалынском уезде на Нижней Волге (косари, кинжалы, кельты-тесла, долота с сомкнутой втулкой). Кельт киммерийский в Нижне-Павловке найден вместе с долотом с сомкнутой втулкой. Такой же кельт происходит из нижнего слоя городища Грохань, где найден был также нож-кинжал киммерийского типа (Збруева, 1947). В этот перечень надо включить также прорезные копья, которые датируются по близости с ананьинским предананьинским временем.

Очевидно, к хвалынскому этапу следует отнести серп из Павловки, форма которого заметно отличается от крюкастых серпов, широко распространенных на срубной территории. Павловский не имеет крючка для скрепления с рукояткой, он уже и менее изогнут, по сравнению с крюкастыми серпами, и близок орудиям, найденным на территории андроновских племен Зауралья — на Стариковском селище (Сальников, 1954а) и отливавшимся в литейной форме из станицы Кундравинской (рис. 52, 15). На оборотной стороне литейной формы вырезана форма для отливки плоского тесла поздней формы: с узким телом и широким лезвием. Такие тесла характерны на Северном Кавказе для костромского этапа (Иессен, 1950).

Сведем все находки бронзовых орудий на срубной территории Приуралья в таблицу (см. табл. 11).

Таблица 11. Медно-бронзовые орудия

Тип орудия	Памятник или место находки
Полтавкинский этап (XX—XVII вв. до н. э.)	
Топор-тесло плоский широкий	Колтубанка
Топор проушной широкий	Колтубанка, Старый Буян, Кара-Якупово
Шило длинное с упором для рукоятки	Колтубанка
Нож без выступов	Питомник Стерлитамакского совхоза
Покровский этап (XVI—XIII вв. до н. э.)	
Топор вислобушный камского типа	Миловка, Соловка, Кутеремово, Бирский район
Топор вислобушный южно-уральского типа	Ибракаево, Майорский, Соловка, Стерлитамакский район
Долото с открытой втулкой	Ибракаево
Серп крюкастый	Миловка, Ибракаево, Овсянка, Майорский, Ново-Красноярка, Южная Башкирия
Тесло с выступами	Зирган, Миловка
Тесло-топор плоский	Сорочинское
Нож срубного типа	Зирган, Александровка, Кротовка
Нож без черешка	Береговское I
Хвалынский этап (XII — начало VIII в. до н. э.)	
Копье прорезное	Тимашево
Кельт дербеденевский	Оренбургский музей, местонахождение не уточнено
Кельт киммерийский	Петер-тау, Нижне-Парловка
Кельт с пещеркой без ушка	Нарыс-тау
Долото с сомкнутой втулкой литое . .	Нижне-Павловка
Кинжал сосново-мазинского типа . .	Оренбургская губерния
Булава с пишками	У г. Бирска
Серп без крючка	Павловка
Нож киммерийский	В южном Приуралье не найдены
Косарь (литейная форма)	Воскресенское, Грачев Сад

Выше была сделана попытка установить относительную хронологию памятников срубной культуры. Сложнее их абсолютная датировка. Широкое распространение металлических орудий на огромных территориях, включающих области обитания ряда родственных и неродственных культур, делает эти предметы наиболее надежным источником определения абсолютных дат.

Б. Г. Тихоновым (1960) рассмотрен почти исчерпывающий список бронзовых изделий Приуралья и определено время бытования каждого типа. Большинство датировок, выведенных этим автором, на наш взгляд, не вызывает возражений.

Распределяя медно-бронзовые орудия по этапам, мы не можем настаивать на безусловности границ бытования каждого из перечисленных типов. Включенные в табл. 11 предметы характерны для соответствующего этапа, но некоторые из них появляются на предыдущем этапе или продолжают бытовать на последующем.

Так, топоры камского типа и плоские топоры-тесла возникают, по Тихонову, еще во второй четверти II тысячелетия до н. э. Вопреки мнению этого исследователя, другую форму топора-тесла, отличающуюся от первой наличием боковых выступов, на наш взгляд, трудно так безусловно относить к грани II—I тысячелетий до н. э. Отливка их в одной форме (найденной на р. Зирган) вместе с ножом срубного типа не поздней формы позволяет существование топоров-тесел с выступами отнести к 3-й четверти II тысячелетия до н. э. Не противоречит этому совместная находка такого топора-тесла с вислообушным топором камского типа и крюкастым серпом в Миловке.

Перечисленные в табл. 11 орудия полтавкинского этапа хорошо датируются новосвободненским типом топора Колтубанского погребения, близостью кара-якуповского топора к фатьяновским и привольненским типам ножей без выступов, что позволяет этот этап датировать XX—XVII вв. до н. э.

Для датировки покровского этапа первостепенную роль играют бронзовые наконечники копий сейминского типа. Их широкое распространение и убедительная датировка XVI—XV вв. до н. э. по находкам в микенских шахтных гробницах превратили сейминские копьа в своеобразный эталон, а время их бытования — в исходный момент для датировки ряда археологических памятников и культур. Много уделили им внимания для определения даты памятников срубной и западноандоновской культуры Н. Я. Мерперт (1962) и Е. Е. Кузьмина (1964а). Детальный разбор, проведенный ими существующей по этому вопросу новейшей литературы, избавляет нас от повторения такой работы.

Сейминские копьа найдены в южном Приуралье, в области, где срубные племена рано перемешивались с андроновскими. Они встречены в кургане Близнецы (рис. 51, 1) и орском погребении (рис. 51, 2). В обоих

случаях вместе с копьями найдены ножи срубного типа с намечающимися выступами, что позволяет время возникновения ножей относить ко времени бытования сейминских наконечников копий. Изготовление таких ножей (на р. Зирган) в одной литейной форме с теслами и выступами допускает синхронизировать их. А тесло этой формы входило в клад у с. Милловки, вместе с крюкастыми серпами и вислообушным топором камского типа. В Ибракаевском кладе крюкастые серпы сопровождались топором южноуральского типа и долотом с несомкнутой втулкой. Следовательно, большинство бронзовых орудий в различных комбинациях входит в комплексы одного времени, а именно середины II тысячелетия до н. э. Единичные находки ножа без ручки и плоских тесел на селище Береговское I не выпадают из этого времени. Береговский нож близок ножу из Покровского могильника XV—XIV вв. до н. э., а плоские тесла имеют форму, близкую таким орудиям привольненского этапа кубанской культуры (1700—1300 гг. до н. э.) (Иессен, 1950).

Таким образом, в целом покровский этап можно датировать XVI—XIII вв. до н. э.

Датировка бронзовых предметов, включенных в список орудий хвалынского этапа, несколько сложнее, поскольку большинство их на описываемой территории происходит из случайных находок, а также и потому, что датировка руководящих форм этого этапа менее устойчива.

За пределами этой территории, но в области распространения срубной культуры большинство хвалынских форм входит в состав известных Дербедневского и Сосново-Мазинского кладов, а также найдены совместно в нижнем слое городища Грохань. Находка на городище Грохань датируется XI—VIII вв. до н. э., а клады долгое время относили к X—VIII вв. до н. э. Сейчас нижняя дата Сосново-Мазинского клада может быть удревнена до XII в. до н. э. (Мерперт, 1962, стр. 21). Основанием для этого служит находка формы для отливки кельтов сосново-мазинского типа в городе Трое в VII-B слое, относимом К. Бледженом к 1200—1000 гг. до н. э. Опираясь на близость формы кельта с лобным ушком из Дербедневского клада к сосново-мазинским кельтам, и первый клад, очевидно, можно соответственно удревнить. Таким путем по металлическим орудиям хвалынский этап датируется XII — началом VIII в. до н. э.

ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СРУБНЫХ ПЛЕМЕН ЮЖНОГО УРАЛА

Срубные племена на Южном Урале не являются аборигенами. На раннем этапе своего развития они представлены памятниками ямной культуры, которая сложилась в III тысячелетии до н. э. в Нижнем Поволжье (Мерперт, 1961 а). В область формирования ямной культуры, очевидно, входил лишь крайний юго-запад Приуралья: ямные памятники известны в районе Бугуруслана и к югу от Оренбурга.

На той же территории, как показала О. А. Кривцова-Гракова (1955), позднее сложилась полтавкинская культура. В ее формировании играли известную роль племена катакомбной культуры, но основным компонентом надо считать культуру ямных племен. Генетическую связь между полтавкинской (раннесрубной по И. В. Силицыну) и срубной никто не оспаривает. Поэтому мы можем рассматривать полтавкинскую культуру как второй этап срубной культуры.

На протяжении полтавкинского этапа развитие скотоводства приводит к расселению степных племен в более северные районы, чему способствовало изменение климата в сторону большей засушливости. На полтавкинском этапе степные племена продвигаются на северо-запад до низовьев р. Оки, а в Приуралье достигают почти пределов Уфы, доходят в Зауралье под Магнитогорск. Кроме погребений у с. Киишки (20 км к югу от Уфы) и на II Мало-Кизыльском могильнике близ Магнитогорска, известны полтавкинские поселения на р. Самарке возле Бузулука. Просачиваясь в Приуралье, они должны были встретиться здесь с неолитическими или энеолитическими племенами, неизвестными со скотоводством, вытесняя и ассимилируя их (Сальников, 1962б).

Переходный от ямной культуры к срубной полтавкинский этап был сравнительно кратковременным. К XVI в. до н. э. укрепились новые формы хозяйства — скотоводство и земледелие, что привело к изменениям в общественных отношениях и в культуре населения — произошел переход на собственно срубный или покровский этап. Этот процесс протекал на всей территории расселения полтавкинских племен как к западу от Уральского хребта, так и в Зауралье. На многих поселениях покровского этапа

в керамике сохраняются полтавкинские элементы орнаментации, иногда растительная примесь к глине. Известны переходные от полтавкинского пережиточные формы погребального обряда.

Проникнув в Зауралье, пришельцы с Запада развивали свою культуру в том же направлении, что и племена Поволжья и юго-западного Приуралья. Это хорошо видно на следующем примере. К несколько более позднему времени в сравнении с полтавкинскими погребениями II Мало-Кизыльского могильника относится оригинальное погребение 5 в кургане 3 I Мало-Кизыльского могильника (I и II Мало-Кизыльские могильники отделены расстоянием в 1,5 км).

По форме могильной ямы и положению костяка на спине с согнутыми в коленях ногами (см. раздел «Племена андроновской культуры», рис. 38) это погребение можно сопоставить с полтавкинскими и даже ямными. Перед грудью умершего стоял плоскодонный неорнаментированный сосуд баночной формы со слабо выделенным низким горлом (рис. 37, 16). Форма сосуда несколько архаична, но не может быть все же удревнена за пределы покровского этапа. Северная ориентировка костяка также типична для этого времени и не встречается в более ранних памятниках.

Погребений, в которых костяки лежат на спине с упавшими на сторону согнутыми ногами, мало, но они есть во всех районах обитания срубных племен.

*

В конце первой половины II тыс. до н. э. в юго-западной Башкирии появляются абашевские племена. Они должны были столкнуться здесь с небольшими группами срубного населения на полтавкинском этапе их развития. Срубное население, вероятно, было еще настолько немногочисленным, что абашевским племенам нашлось место для расселения. Некоторое время, может быть, район обитания абашевцев, ограничивался более северной полосой, а срубники заселяли юг и юго-запад Башкирии. Но в дальнейшем, с увеличением притока срубников, в покровское время, поселения представителей обеих групп не только тесно соприкасаются, но и располагаются, по-видимому, чересполосно.

Мы не имеем достаточно фактов для суждения о характере взаимоотношений срубников с абашевцами. Включение в культурный слой ряда срубных селищ нескольких фрагментов керамики абашевской культуры не является достаточно веским доказательством мирного общения. Они могли отложиться в разное время в результате двукратного заселения, как это мы видели на селище Береговское I.

Мы не можем, например, один из ранних абашевских памятников Башкирии — селище Урняк — отнести к покровскому времени на том основании, что на нем найдено несколько обломков срубной керамики. Пос-

ледняя была сосредоточена в одном конце селища, уходящего в недоступный для раскопок огород. Думается, что в этой части памятника культурный слой отложился в результате двукратного обитания.

Материалы абашевских памятников убеждают, что сосуществование срубного и абашевского населения не могло продолжаться долго. Абашевцы были вынуждены уйти из Башкирии. Наоборот, совершенно несомненно тесное и вполне дружественное общение срубного населения Приуралья с андроновскими племенами.

*

Развитие скотоводческих племен в степной Башкирии протекало под сильным воздействием андроновской культуры. Мы не знаем пока андроновских поселений на юго-западе Башкирии. Есть основания думать, что их здесь и не было. Широкие разведочные работы в бассейне среднего течения р. Белой привели к открытию более 50 срубных поселений, густо расположенных по берегам рек и речек, и не обнаружили ни одного андроновского селища. Срубные племена прочно обосновались на этой территории к тому моменту, когда сюда стали вливаться с востока андроновские племена.

Большую роль в этом процессе играли, надо думать, экзогамные браки, приток андроновских женщин, как это хорошо удалось проследить на примере погребального обряда в кургане 7 у пос. Кошкара и в кургане 1 у г. Давлеканова. Однако браками дело не ограничилось. По-видимому, с востока проникали целые группы андроновского населения, которые вливались в срубные общины, не образуя особые поселения. Андроновские женщины приносили в эти места свои навыки лепки сосудов. Новые формы керамики и орнаментальные мотивы входили в быт, смешиваясь с местными. В качестве примера можно привести керамику с селища Береговское I. Здесь найдено небольшое число фрагментов от андроновских сосудов, на которых хорошо выражен уступчик на плечиках, в состав орнамента входят фигуры, выполненные «проташенной» гребенкой, в глине имеется большая примесь зерен талька. Эти сосуды явно зауральского происхождения. Примесь талька свидетельствует о тесных взаимосвязях не вообще с андроновскими племенами, а с андроновскими племенами Зауралья, где такая примесь на андроновских памятниках алакульской стадии широко распространена, в то время как для юго-восточного Приуралья (район Орск — Домбаровка) она не столь характерна.

В другую группу выделяются сосуды андроновской формы со значительно выраженным уступчиком, но без примеси талька в глине и с орнаментами в одних случаях чисто срубными, в других — андроновскими, но выполненными небрежно. Андроновские элементы орнамента в срубной среде были непонятными, их делали неумело, а иногда дополняли мест-

ными рисунками. Очень хорошо это можно проиллюстрировать на примере одного крупного сосуда. По форме его можно назвать андроновским. Орнамент на нем занимает верхнюю половину. На горле размещен сложный андроновский меандр, а на плечиках небрежно нанесенные меандровые мотивы дополняются, а местами перекрываются заштрихованными треугольниками и ромбами срубного типа (рис. 27, 12).

Андроновские элементы органически сливались с местными, придавая особый колорит керамике срубных племен юго-западной Башкирии и Приуралья. Взаимное проникновение элементов срубной и андроновской культуры давно отмечается многими исследователями памятников как той, так и другой культуры.

Сейчас накоплен большой материал, подтверждающий взаимное проникновение элементов этих двух культур на большой площади — от Волги до Тобола. В погребальных памятниках Оренбургской области Э. А. Федорова-Давыдова (1964) проследила уменьшение андроновских элементов и нарастание срубных по мере продвижения к западу.

Не все срубные общины испытывали влияние андроновцев или восточных соседей.

Несмотря на сильную андроновскую струю, надо признать, что срубная культура в Приуралье все же сохранила свое своеобразие: срубные элементы в культуре остаются преобладающими. Об этом говорит большое число баночных и типичных остросереберных сосудов, орнаментация характерным крупнозубым гребенчатым штампом и большее распространение орнамента из насечек и разнообразных ямок. Наконец, асимметричность в орнаменте не свойственна андроновской культуре и, наоборот, типична для срубной керамики не только Приуралья, Поволжья, но и далее в Причерноморье (Гольмстен, 1941; Формозов, 1953).

Чем объясняется и к какому времени относится такое тесное общение племен срубной и андроновской культур? Что стимулировало передвижения групп населения в эпоху бронзы? Очевидно, те же причины, которыми объяснял К. Маркс великие переселения древности, указывая на давление избыточного населения на производительные силы, заставлявшие варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства древнего мира. Чтобы продолжать быть варварами, они должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они взаимно лишали друг друга территории, необходимой для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключений великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы.

Разница лишь в том, что в эпоху бронзы на Южном Урале эти передвижения не были великими переселениями значительных людских масс.

Здесь происходило просачивание небольших групп — патриархальных семей, выделявшихся из сильно разросшихся родовых общин.

Развитие скотоводства у племен срубной культуры привело еще на полтавкинском этапе к расселению, в частности, на северо-восток, в Приуралье и Зауралье, куда в то время еще только начинали, в свою очередь, продвигаться андроновцы. И те и другие занимали новые территории, где обитали немногочисленные охотничьи племена с культурой неолитического облика. Редкое население в степных просторах не препятствовало проникновению скотоводов; поводов для враждебных столкновений между срубниками и андроновцами не было. Наиболее ощутимо взаимопроникновение и смешение на узкой полосе от Уфы до Оренбурга. Чем западнее, тем слабее проявляются элементы андроновской культуры в срубных памятниках покровского этапа, чем восточнее, тем они заметнее. Исключение представляет в Зауралье район Магнитогорска, где очень сильно влияние срубной культуры. Это объясняется ее местным развитием на базе проникших сюда полтавкинцев. Их могильник исследован под Магнитогорском (Сальников, 1962б). И южнее, в районе Актюбинска, известны погребения как с полтавкинским погребальным обрядом и близкой к полтавкинской посуде сосудами, так и погребения срубно-андроновского типа, во многом напоминающие аналогичные могильники под Магнитогорском. Если учесть к тому же давние находки срубной посуды из развеянных погребений на р. Каргале близ Актюбинска (Грязнов, 1927, стр. 202—203, рис. 23, 2), можно утверждать, что восточная граница площади, где происходило сложение собственно срубной культуры, следует отодвинуть, по крайней мере, до уровня Магнитогорск — Актюбинск, а вероятно, и восточнее.

Здесь, как и в Поволжье, происходило сложение срубно-покровской культуры. Этим следует объяснить присутствие в юго-восточном Зауралье, по традиции считающемся территорией расселения андроновских племен, элементов срубной культуры и даже срубных памятников. Андроновцы в этих краях были новоселами по сравнению со срубниками. Они обосновались здесь лишь в середине II тыс. до н. э. (см. раздел «Андроновские племена»).

Племена Поволжья привлекали на Южный Урал не только свободные земли, но и возможность эксплуатации рудных богатств Урала и Приуралья.

Первое знакомство с металлом у племен Поволжья произошло, как было показано выше, еще в эпоху ямной культуры, и особенно полтавкинской. Северокавказские формы медно-бронзовых орудий срубных памятников того времени указывали на связи с Кавказом. Долгое время считалось, что металл к срубным племенам в ямно-полтавкинское время шел лишь с Кавказа, а уральской медью стали пользоваться не ранее середины II тыс. до н. э. (Кривцова-Гракова, 1955). По новейшим данным, начало

использования медных месторождений Урала срубными племенами относится к ямному времени. Анализ металлических изделий эпохи бронзы Нижнего Поволжья убедил, что в ямно-полтавкинское время наравне с медью Кавказа в Поволжье поступала в ограниченном количестве «чистая» медь с некоторых месторождений Южного Урала (Черных, 1963). На покровском этапе срубные племена Поволжья уже полностью перешли на уральский металл.

Почему произошла такая переориентировка и кто поставлял металл срубным племенам Поволжья? Обычно считается, что изделия из металла, а также и его слитки шли в Поволжье от андроновских племен, на территории которых находятся в южном Приуралье залежи медных руд. Эта зависимость от андроновцев в области снабжения металлом убедительно была показана на примере металлических украшений, исследованных О. А. Кривцовой-Граковой. В свете новых открытий, позволивших расширить территорию обитания срубных племен далеко на северо-восток, в сторону Урала, эти представления надлежит пересмотреть. Если срубные племена Поволжья из-за отсутствия медно-рудных залежей на их территории пользовались уральской медью, то срубные племена Приуралья и Башкирии обладали собственными легкодоступными рудами. Да и к племенам Поволжья металл мог поступать не обязательно от андроновских племен, но и от приуральских срубных, а также от южноприуральских племен срубно-андроновской культуры. Роль срубных племен в развитии металлургии в степях на границе Европы и Азии не была столь пассивной, как это представлялось до сих пор.

Расселяясь на северо-восток, срубные племена сделались обладателями удобных для разработки богатых залежей меди Приуралья. Постепенно отпала необходимость в кавказском металле. Зауральские и приуральские андроновские и срубные племена черпали металл из одних и тех же источников — медистых песчаников Южного Урала. «Сплавы срубной культуры оказываются тождественными группам металла западных памятников андроновской культуры» (Черных, 1963). Проникновение отдельных групп представителей обеих культур на территорию Южного Урала приводило к заимствованию форм металлических изделий: украшений, орудий труда, предметов вооружения. Обычные для андроновских памятников желобчатые браслеты проникали на Волгу и далее к западу. Родины срубного типа ножей-кинжалов считается Нижнее Поволжье. Но их находки теперь не так уж редки в Зауралье в памятниках андроновской культуры алакульского этапа.

О времени проникновения андроновских групп в среду срубного населения имеется достаточно материала. На большинстве поселений и в погребениях срубной культуры андроновская керамика представлена кожумбердынскими формами алакульского этапа, но имеются находки и федоровской керамики. Как на яркий пример можно указать на ранний

слой Сусканского поселения (Мерперт, 1958, рис. 21). Самым ранним убедительным доказательством проникновения андроновцев в гущу срубного населения является известное погребение литейщика полтавкинского времени в Калиновском могильнике Волгоградской области; костяк принадлежал к андроновскому антропологическому типу. Правда, это пока уникальный случай. Очевидно, берегов Волги достигали немногие андроновцы, в то время как андроновская струя в керамике заходит западнее Поволжья. О. А. Кривцова-Гракова среди срубной керамики в курганах у с. Владимировки Воронежской области выделяет один сосуд (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 17, 7), имеющий и в форме и в орнаменте аналогии в андроновской культуре. К этому можно добавить, что красочные ромбовидные с крестовым и свастическим орнаментом медальоны, обрамляющие остросереберные сосуды в этом могильнике, имеют много общего в бронзовых бляхах, украшавших головной убор в погребении могильника Агаповка II под Магнитогорском (см. раздел «Андроновские племена»). Значительное число трупосожжений в срубных памятниках говорит о связях с андроновцами на федоровском этапе. Поразительное совпадение обряда трупосожжения, зарегистрированного в 10—15 случаях на территории срубных племен Приуралья и Поволжья, свидетельствует о продвижении, вероятно, небольших групп андроновцев, на запад (Смирнов, 1964, стр. 182, след.).

Взаимопроникновение срубных и андроновских групп началось рано, где-то на грани полтавкинского и покровского этапов, по периодизации истории срубных племен, или в конце федоровского этапа андроновской периодизации.

Еще недавно столь далекие проникновения племен бронзового века были малопонятными. Новые открытия, новые факты позволяют по-иному представлять себе межплеменные связи того времени. Находки колесниц в ямных погребениях, разведение лошадей андроновцами еще на федоровском этапе (Сальников, 1940), костяные псалии, обнаруженные в абашевских, срубных и андроновских памятниках Поволжья и Приуралья III — начала четвертой четверти II тыс. до н. э. (Смирнов, 1961; Лесков, 1964, стр. 302), свидетельствуют не только о развитии коневодства, но и об использовании лошади, а вероятно, и волов в упряжке. Короче говоря, люди бронзового века обладали техническими возможностями для сравнительно легкого и быстрого преодоления больших пространств. Население Приуралья находилось в связи не только с соседними племенами.

Общение простиралось на огромную территорию, оно шло путем поэтапной передачи достижений от одной группы племен к другой; по цепочке совершенствование орудий труда, предметов быта, конского снаряжения распространялось на тысячи километров. Только так можно себе представить удивительное сходство, почти тождественность костяных

срубно-андроновских псалий с костяными псалиями из Венгрии и бронзовыми из переднеазиатских стран (Смирнов, 1961), а костяного псалия из абашевского селища Баламбаш (Дмитриев, Сальников, 1941, табл. XXI, 5) с псалиями с Украины и из микенских гробниц.

*

• Те же выводы об исторических процессах в эпоху бронзы на широкой площади Приуралья и Поволжья можно сделать и на антропологическом материале.

Для степной полосы Восточной Европы, Западной Сибири, Урала и Казахстана в эпоху бронзы характерно европеоидное население. В эпоху древнейшей культуры в Нижнем Поволжье был представлен протоевропейский (кроманьонский) тип. В более грацильной форме он сохраняется в юго-западном Приуралье и Нижнем Поволжье в погребениях срубной культуры (Дебец, 1936), население которой рассматривается Г. Ф. Дебецом (1948, стр. 106) и М. М. Герасимовым (1955, стр. 473) как вероятные потомки древнейших племен. В некоторых районах Нижнего Поволжья (волгоградское Заволжье) срубная культура представлена наравне с описанным также и другим, по В. В. Гинзбургу, — средиземноморским типом, который был распространен в этом районе еще в первой половине II тыс. до н. э., т. е. еще в полтавкинское время, и свидетельствует о связях с предкавказскими степями (Гинзбург, 1959, стр. 540). Средиземноморские черты имело население Актюбинской области. Сюда относится погребение в кургане Ак-Джар (раскопки В. С. Сорокина) и основная масса костяков андроновского могильника Тасты-Бутак I.

Установленное по археологическим данным смещение населения южного Приуралья еще на федоровско-полтавкинском этапе подтверждается данными антропологии. Чрезвычайно интересно в этом отношении заключение В. В. Гинзбурга о том, что в двух погребениях Калиновского могильника «мужские черепа раннего бронзового века (первая половина II тыс. до н. э. — *К. С.*) обладают ясно выраженным андроновским типом» (Гинзбург, 1959, стр. 540). В калиновском погребении полтавкинской культуры был захоронен андроновский литейщик. Таким образом, проникновение андроновских групп в Нижнее Поволжье началось еще до середины II тыс. до н. э. В итоге взаимопроникновения родо-племенных групп срубного и андроновского происхождения сложилась материальная культура со смешанными срубно-андроновскими чертами. Наиболее ярко они проявились за пределами изучаемой территории в таком замечательном памятнике, как могильник таза-багтябской культуры Кокча III в Хорезме, который в эпоху бронзы заселяли северные степные племена. На широких степных просторах между Волгой и верховьями Тобола сложился срубно-андроновский метисный тип уже к началу второй половины

II тыс. до н. э. Метизация хорошо прослеживается на материале могильника Тасты-Бутак I на севере Актюбинской области (Гинзбург, 1962, стр. 197) и в могильнике Кокча III в Хорезме, причем в Хорезме она была осложнена примесью третьего элемента — экваториального типа, связанного с суярганской культурой. По мнению Т. А. Трофимовой, в Хорезме «срубно-андроновские племена, вероятно, пришли уже смешанными между собой», а присутствие в том же могильнике второго компонента — экваториального — указывает, что его включение продолжалось во время формирования могильника (Трофимова, 1961, стр. 143). В этом — основное различие антропологического состава двух описанных могильников, и этим определяется главное направление связи: движение населения в третьей четверти II тыс. до н. э. шло не из Средней Азии в Приуралье и Поволжье, а наоборот.

Этногенетический процесс в среднем Заволжье, к северу от Куйбышева, протекал в иной форме. Значительный антропологический материал из раскопок Н. Я. Мерперта в Ставропольском районе относится к потомкам древнейшего населения, здесь не обнаружено ни средиземноморской, ни андроновской примеси. Продвижение сюда населения происходило, очевидно, из более северных, нежели Волгоградская область, районов Нижнего Поволжья, а именно с территории Саратовской области, куда не проникали предкавказские средиземноморские группы, а андроновская иммиграция, по всей вероятности, шла вначале южнее. Правда, ранний слой на Сусканском поселении содержал керамику федоровского этапа андроновской культуры, но вернее его можно относить к черкаскульским, североандроновским группам, проникшим из Зауралья другим, северным путем.

Особенность населения северных срубных племен Заволжья заключается в том, что здесь проявляется в антропологическом материале «небольшая, но вполне определенная примесь монголоидного типа» (Дебец, 1954, стр. 487).

Г. Ф. Дебец монголоидные черты усматривает в шести брахицефальных погребениях. Позволю себе привести их список с краткой характеристикой (см. табл. 12).

Анализ погребального обряда перечисленных погребений заставляет нас убедиться, что два первых, бесспорно датирующихся совсем иной эпохой, не относятся к населению бронзового века. Остальные четыре характеризуются чертами, не обычными в погребениях срубной культуры. В двух костяки лежат на правом боку. Один из них имеет юго-восточную ориентировку. Сосуды в этом погребении поставлены не перед лицом, а у таза и за спиной. Из 124 погребений, полученных раскопками курганов у сел Ягодное и Хрящевка, ориентировка которых определена, юго-восточная отмечается Н. Я. Мерпертом только в двух случаях (из них одно с монголоидным черепом), а положение на правом боку — в пяти случаях

Т а б л и ц а 12. Данные о срубных захоронениях с монголоидными чертами черепов

Моги́льник	Но́мер кургана	Но́мер погребения	Ориенти́ровка	Поло́жение костьа	Про́чие черты
Ягодное	1	1	Северо-запад	Скорченно на левом боку	Кисть правой руки у таза, погребение вводное, на уровне погребенной почвы
Хрящевка	9	2	То же	Скорченно на правом боку	
»	8	7	Юго-восток	То же	Сосуды, лежащие у таза, за спиной

(из них два с монголоидными черепами). В погребении 1 кургана 1 у с. Хрящевки, хотя костьяк лежит на левом боку и имеет северо-западную ориентировку, нередкую в описываемых курганах, но в положении рук — отклонение: кисть правой руки помещена перед тазом. Следует также отметить, что данное погребение является вводимым, закопанным очень мелко. Погребение 1 кургана 2 у с. Хрящевки, лишенное, к сожалению, погребального инвентаря, имеет типичную для андроновской культуры юго-западную ориентировку, которая в данных курганах зарегистрирована только в трех случаях, из них два падают на курган 2 у с. Хрящевки. Этот курган вообще можно было бы рассматривать в целом как андроновский. В нем обнаружено три погребения: два с юго-западной ориентировкой, костьяки скорченные, на левом боку, а третье — сарматское впускное. Но монголоидные черты одного скорченного костьяка невозможно увязать с принадлежностью к андроновской культуре.

Итак, все четыре погребения эпохи бронзы, костьяки которых имеют монголоидные признаки, теми или иными особенностями отличаются от обычных погребений срубной культуры. Очевидно, их следует рассматривать как захоронения представителей иных культур, по той или иной причине оказавшихся в составе срубных общин, в частности положение на правый бок и тяготение к востоку в ориентировке типично для погребений на Балыском поселении в приказанском Поволжье и, по всей вероятности, связано с обрядом местного коренного населения. Может быть, и под хрящевскими курганами были захоронены представители местных племен, еще не полностью поглощенных срубниками.

«Распространение срубной культуры на север, в пределы лесостепной полосы сопровождалось ассимиляцией части древнего местного населения монголоидного типа срубными племенами» (Дебец, 1954, стр. 493).

М. М. Герасимов отрицает наличие у племен срубной культуры Нижнего Поволжья даже тех слабых и редких признаков монголоидности, кото-

рые отмечают другие авторы (Дебец, 1948, стр. 86; Трофимова, 1951, стр. 100; Глазкова, Чтецова, 1960, стр. 286). Но и здесь она может иметь то же происхождение, что в куйбышевском Заволжье, поскольку по правобережью Волги следы северных культур по керамике прослеживаются до Саратова.

Относительно Башкирии «антропологи дали заключение, что население срубных стоянок было европеоидным, без каких-либо признаков монголоидности» (Збруева, 1958, стр. 237), хотя здесь можно было ожидать встретить следы древнего местного населения, родственного племенам Урала, где метисные типы были широко распространены.

Рассмотрение антропологического материала, таким образом, подтверждает установленные по археологическим данным пути передвижения населения эпохи бронзы, приведшего к смешению срубных и андроновских племен и к ассимиляции первыми древнего монголоидного населения в Поволжье.

*

Поскольку очень рано, еще на полтавкинском этапе, началось расселение срубных племен на Южный Урал и в Зауралье и на этой территории происходил переход их на покровский этап, трудно установить, продолжалось ли продвижение срубников к востоку в Зауралье на покровском этапе. Вероятнее, что этого не было.

Но к западу от Уральского хребта продвижение на север продолжалось и в покровское время. Следов проникновения срубных групп на полтавкинском этапе на территорию южной Башкирии севернее Уфы нет, покровские же памятники известны в значительном количестве и севернее. В третьей четверти II тыс. до н. э. срубные племена в Башкирии доходят до низовьев р. Белой, вытесняя остатки абашевского населения. Этот процесс наблюдается и на соседней территории. А. Х. Халиков (1960, стр. 158) считает, что к началу четвертой четверти II тыс. до н. э. срубные племена, двигаясь на север по левобережью Волги, заселили южные и восточные районы Татарии.

Как ни мало число изученных памятников срубной культуры Башкирии и Приуралья, можно все же уверенно говорить о различии исторических судеб срубного населения в отдельных частях этой территории. Намечается три района: северобашкирский, южнобашкирский и оренбургский. Граница между двумя первыми протекает несколько южнее Уфы.

В северобашкирском районе не наблюдается проникновение андроновских групп. Очевидно, заселение этих мест срубными племенами произошло рано, до распространения андроновского влияния на территорию Башкирии, и, вероятнее всего, шло не с юга, а с юго-запада, из среднего Поволжья. В Туймазинском районе найдены сосуды, украшенные круп-

нозубчатой гребенкой, причем орнамент спускался далеко ниже середины тулова сосуда (рис. 19, 15, 16), что является отзвуком полтавкинского времени. Некоторые другие сосуды имеют оригинальную форму, не известную на памятниках южнее Уфы: верхняя половина их имеет вид цилиндра, а нижняя — опрокинутого усеченного конуса при узком днище (рис. 18, 7). Аналогию этим сосудам можно указать в кургане 5 у с. Ягодного (Мерперт, 1954, рис. 11, 11) и в могильнике у с. Пиксяси в Мордовии (Степанов, 1955, рис. 29, 2). Мы склонны согласиться с Н. Я. Мерпертом, который относит этот могильник к началу третьей четверти II тыс. до н. э. (Мерперт, 1958, стр. 81). Отмеченные аналогии заставляют поставить вопрос о возможности продвижения срубных племен в северную Башкирию с запада. В этой связи следует указать на редкий вид орнаментации, который встречен был нами на одном сосуде из кургана 3 могильника Тартышево IV. Горло этого сосуда покрыто колонками горизонтальных насечек, а все тулово до дна — оттисками гладкого штампа, образующими елочку (рис. 18, 1). Подобная орнаментация года неизвестна в памятниках Нижнего Поволжья, но наблюдалась на ряде сосудов в кургане 4 у с. Хрящевки (Мерперт, 1954, рис. 20, 3, 23), сплошное же покрытие поверхности орнаментом опять напоминает полтавкинские примеси. Важно отметить, что этот сосуд найден в погребении 3, где умершему была придана поза, характерная для древних захоронений, — на спине с подогнутыми ногами. К особенностям северобашкирского района надо отнести также многомогильность здешних курганов.

Для южнобашкирского и оренбургского районов, в отличие от северобашкирского, типичным является прежде всего постоянно сказывающееся в той или иной форме влияние андроновской культуры. Наряду с более редкими на юге многомогильными курганами здесь чаще встречаются насыпи с одиночными погребениями. Возможно, и в этом сказалось андроновское влияние.

В свою очередь, южнобашкирский район отличается от оренбургского некоторыми особенностями. Последний теснее связан с Нижним Поволжьем, что выражается в присутствии в глине керамики примеси толченых раковин, чего нет в сосудах срубных памятников Башкирии. В курганах Оренбуржья встречается сопровождение погребений костями коровы (черепа и кости четырех конечностей). Эти остатки жертвенных животных находятся обычно на краю могилы или в особой ямке возле могилы. В Башкирии такие находки неизвестны. Та и другая особенность оренбургского района наблюдается в курганах у с. Погромного и нередко встречается в погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья (Синицын, 1958, стр. 305—306). В итоге можно сказать, что население Оренбуржья было теснее связано с исконной срубной территорией — Нижним Поволжьем. По существу, эти два района составляли одно целое еще с эпохи ямной культуры.

Т а б л и ц а 13. Ориентировка некоторых срубных погребений Заволжья и Южного Урала

Район раскопок	Исследовано срубных погребений	Ориентировка погребений							Источник сведений
		С	СВ	СЗ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	
Среднее Заволжье	124	77	15	18	4	2	—	3	5 Мерперт, 1954, стр. 141
Быковские курганы	58	26	23	1	1	3	1	—	3 Смирнов, 1960, стр. 241—244
Калиновский могильник . . .	18	3	10	—	2	1	1	—	1 Шилов, 1953, стр. 417
Низовья Еруслана (раскопки 1954—1955 гг.)	112	13	50	1	41	2	1	2	2 Синицын, 1960, стр. 148
Саратовское Заволжье . . .	87	—	84	—	—	1	1	—	1 Синицын, 1959
Волгоградское Заволжье . . .	63	34	18	—	7	1	1	1	1 Смирнов, 1959
Баширия	53	19	21	6	3	—	1	1	2
Юго-западное Приуралье . .	23	17	1	5	—	—	—	—	—
Всего	538	189	222	31	58	10	6	7	15

Интересно сопоставление ориентировки погребений по крупным районам. Бесспорным является повсюду тяготение к северу. Как явствует из табл. 13, большинство погребенных помещали в могилу головой на север, северо-восток и северо-запад. Исключением является район низовьев Еруслана, где часто встречается восточная ориентировка, но в этом районе от срубных не были отделены полтавкинские погребения, за счет которых и оказалось так много костяков с восточной ориентировкой (табл. 13).

Весьма показательны цифры по трем крупным районам: Нижнему Поволжью, среднему Заволжью и Башкирии с юго-западным Приуральем. Взяв три основных направления, мы получим такую картину (табл. 14).

Преобладающей для среднего Заволжья является северная ориентировка, для Нижнего Поволжья — северо-восточная. Описываемый нами район — Башкирия и юго-западное Приуралье — занимает промежуточное положение, но ближе стоит по количеству погребений с северной ориентировкой к среднему Заволжью и имеет равное с последним число погребений с северо-западной ориентировкой, которая, можно сказать, абсолютно не наблюдается на Нижней Волге. Пока не решен вопрос вообще о причинах ориентировки погребенных, рискованно делать выводы на основании приведенных подсчетов. Можно лишь высказать рабочую гипотезу, что с северной и северо-западной ориентировкой связаны более поздние захоронения, поскольку для предшествующего этапа — полтавкинского — характерна устойчивая восточная и северо-восточная и поскольку срубное население в среднее Заволжье, Башкирию и юго-западное Приуралье проникло позднее.

Т а б л и ц а 14. Ориентировка срубных погребений некоторых районов между Уралом и Волгой

Район	Ориентировка погребенных						Всего	
	С		СВ		СЗ		кол-во	%
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
Среднее Заволжье	77	70	15	13,6	18	16,4	110	100
Башкирия и юго-западное Приуралье	36	52,2	22	31,8	11	16	69	100
Нижнее Поволжье	76	28,9	185	70,4	2	0,7	263	100

Анализ ориентировки погребенных поддерживает предположение о том, что в Приуралье срубное население в значительной мере проникало из среднего Заволжья или было с последним тесно связано.

Для суждения о хвалынском этапе срубной культуры на территории Южного Урала мы располагаем ограниченным материалом: бронзовые орудия этого времени ни в погребениях, ни в поселениях не найдены. Все они происходят из случайных находок и, таким образом, могут лишь свидетельствовать об обитании здесь позднесрубного населения.

Наиболее типичная для хвалынского этапа керамика — сосуды с валиком — не сопровождала умерших в могилу. Горшок с налепным валиком встречен был в погребении только один раз в Волгоградской области (курган 15, погребение 3; Смирнов, 1960, стр. 211, рис. 15, 14).

Несколько лучше обстоит дело с поселениями. О. А. Кривцова-Гракова говорит о большом количестве открытых в Куйбышевской области В. В. Гольмстен селищ хвалынского времени, меньше их известно на Нижней Волге, но наиболее характерное поселение с керамикой хвалынского типа расположено в том же районе у с. Ивановки. В Башкирии они слабо прослеживаются. На селище Хлебодаровка I в 1953 г. В. П. Викторовым во время разведочного обследования был обнаружен сосуд-корчага крупных размеров с валикообразным утолщением по краю и насечками по внешнему и внутреннему краю обреза. Может быть, раскопки на селище Хлебодаровка I и позволили бы определить его как относящееся к хвалынскому этапу.

Типичнейшая хвалынская керамика в небольшом количестве была обнаружена в 1961 г. автором при раскопках на селище Кумлекуль на севере Уфимского района. На этом памятнике обломки сосудов, украшенных валиками со спускающимися усами, с насечками по валикам и фрагменты сосудов с отогнутым венчиком встречены в смеси с керамикой других поздних культур: курман-тау, черкаскульско-маковский. Столь редкие находки сосудов хвалынских типов заставляют согласиться с О. А. Кривцовой-Граковой, что ранние формы срубной керамики продолжали бытовать и в хвалынское время. Сосуды с валиком, очевидно, не приобрели широко-го распространения. Это мешает выделению позднесрубных поселений.

Следует оговориться, что керамика с валиками в памятниках северо-западных районов Башкирии и в куйбышевском Поволжье нередко обнаруживается, но с валиками другого типа и происхождения. Мы подразумеваем керамику андроновского типа.

Появление валиков на сосудах срубной и андроновской культуры протекало одновременно, но в разной форме. Для срубной культуры характерны валиковые сосуды того типа, классическим представителем которого являются сосуды из Ивановского селища близ Хвалынска (Кривцова-Гракова, 1955). Концы валиков на этих сосудах часто свисают вниз в виде своеобразных усов, обычно сопровождаются очень скромным орнаментом

в виде рядов насечек, или все украшение сосудов ограничивается только валиками. Такова керамика Кайбельского поселения на Волге (Мерперт, 1958, рис. 24) и Муранского на Самарской Луке (Алихова, 1960).

Валики на позднеандроновской посуде замараевского типа имеют совсем иной вид. Они не столь массивны, как хвалынские, часто имеют трехгранное сечение, нередко слабо выражены и почти обязательно сопровождаются не только рядами насечек, но и более сложным орнаментом: многорядовой елочкой, наклонными колонками из горизонтальных или наклонных насечек, наклонными полосами с горизонтальной заштриховкой.

Этот тип валиковой керамики мы видим на селищах Подбельщина, Грачев Сад, Тургеневское (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 8, 1—9; 9, 16, 17). На андроновские элементы в керамике селища Подбельщина обращает внимание и О. А. Кривцова-Гракова. Она совершенно права, датируя этот памятник началом хвалынского этапа.

К северу от Уфы близкая к описанной позднеандроновской керамика характеризуется особым составом глины. Она имеет большую примесь толченых раковин. Мы выделяем памятники с такой керамикой в особую, родственную андроновской, черкаскульскую культуру. На селище Кумлекуль (раскопки автора 1961 г.), где эта посуда богато представлена, встречены также фрагменты с примесью талька и слюды, что еще больше подчеркивает их зауральское происхождение.

На Моечном I поселении также обнаружена керамика «наряду с характерной для срубной культуры... и другого типа, имеющая аналогии в поздних андроновских памятниках». Последняя залегала преимущественно в верхних горизонтах культурного слоя (Алихова, 1958, стр. 177). Следует заметить, что среди валиковой керамики андроновского типа на этом памятнике встречаются фрагменты и ивановского типа (Алихова, 1958, рис. 12). Такое явление наблюдалось и в северной Башкирии. На селище Кумлекуль наравне с валиковой керамикой черкаскульского типа с примесью в глине толченых раковин обнаружено было несколько фрагментов с валиковыми усами от срубных сосудов, не имевших такой примеси.

Очевидно, и на хвалынском этапе продолжали в некоторых районах срубной территории по соседству обитать общины срубного и черкаскульского происхождения.

Процесс скрепления позднесрубных и проникавших из Зауралья позднеандроновских и черкаскульских общин протекал, очевидно, главным образом в южной полосе Приуралья и в среднем Заволжье. Именно в этих местах расположены поселения хвалынского этапа: Подбельщина, Кривая Лука, Кайбелы, Муранское, Актуши, Грачев Сад, Тургеневское, оз. Моечное.

В Башкирии поселения с валиковой керамикой ивановского типа неизвестны. Единственным исключением является селище Кумлекуль, хотя разведочными обследованиями охвачено на этой территории более сотни

срубных поселений. Очевидно, здесь дольше бытовала керамика ранних форм. Весьма вероятно, что до конца эпохи бронзы на севере Башкирии сохраняется очень мало представителей срубной культуры, на что указывает малочисленность керамики хвалынского типа. Срубное население в конце II тыс. до н. э. ассимилируется черкаскульцами и племенами культуры курмантау. Памятники этих обеих пришлых культур довольно многочисленны (см. ниже соответствующие разделы).

В хвалынский этап стали намечаться различия в культуре населения южной Башкирии и южного Приуралья, с одной стороны, и населения центральной и северной Башкирии — с другой, которые ярко проявились в начале эпохи железа.

На юге срубно-андроновское смешанное население на грани железного века трансформируется в савроматские племена степных кочевников (К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 182 след.). Их северные соседи, будучи ассимилированы пришлыми с севера финно-угорскими группами, вместе с пришельцами легли в основу формирования населения с ананьинско-карабызской оседлой культурой.

И в том и в другом случае генетическая связь племен эпохи раннего железа с их потомками эпохи поздней бронзы улавливается чрезвычайно слабо. Знакомство с железом, как показано выше, на ряде памятников устанавливается в довольно раннее время. Но с окончательным переходом из века бронзы в век железа происходит огромный сдвиг во всем укладе жизни древнего населения, что не могло не отразиться на материальной культуре.

Более устойчивым оказался антропологический тип населения. В физическом облике савроматов Поволжья и Приуралья отмечается как андроновский антропологический тип, так и тип, восходящий к срубному населению эпохи бронзы (Дебец, 1956).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ПЛЕМЕНА
АНДРОНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

ПАМЯТНИКИ

Материалы поселений, по сравнению с данными могильников, разностороннее освещают экономику, быт и общественное устройство общества. В этом отношении Зауралье находится в более выгодном положении, нежели другие районы андроновской территории. Здесь

Поселения

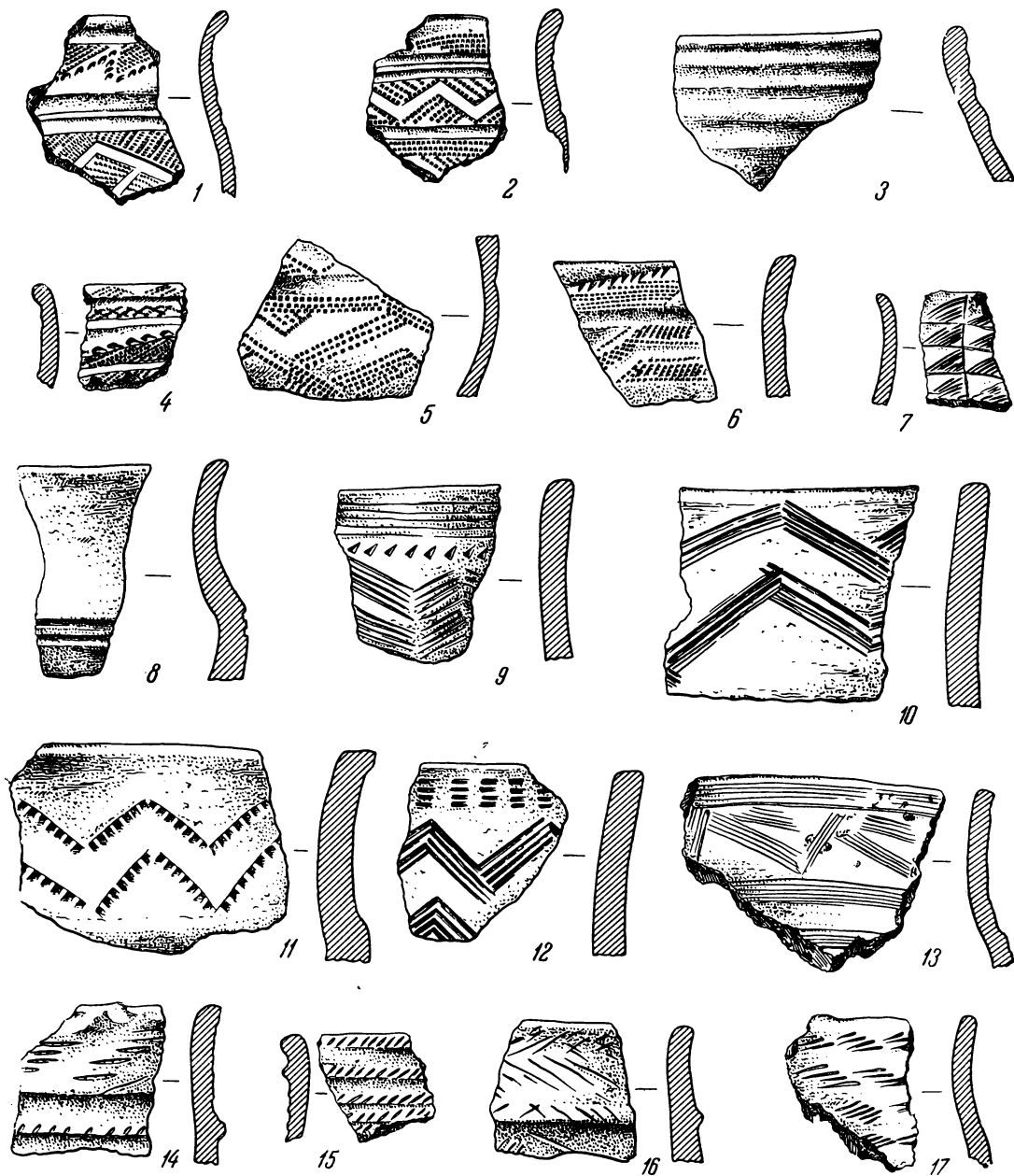
селища исследовались сравнительно широко (рис. 41).

Андроновских поселений в южном Зауралье открыто около сотни. Подавляющее большинство их обследовано поверхностно. На них собраны небольшие коллекции, в которые входят несколько обломков керамики, изредка орудия труда, на некоторых установлена стратиграфия и зафиксированы следы жилищ.

Девять селищ раскопано. Многолетние исследования О. А. Кривцовой-Граковой на Алексеевском поселении близ Кустаная сделали этот памятник своеобразным эталоном (Кривцова-Гракова, 1948). Ценные сведения содержатся в публикациях результатов работ на поселениях Садчиковском (Кривцова-Гракова, 1951), Замараевском (Сальников, 1948, 1954), Кипельском (Сальников, 1957), Ново-Буринском (Сальников, 1959б), Баборыкино II (Сальников, 1961), Тасты-Бутак (Сорокин, 1962), Ушкатты (Кузьмина, 1962), Нижне-Спасское (см. ниже). Еще двадцать три андроновских поселения Зауралья в той или иной степени освещены в литературе (Сальников, 1954а).

Кроме того, К. В. Сальниковым, А. С. Новиченко (1962) и Е. Е. Кузьминой (1962) опубликована суммарная характеристика поселений Еленовского микрорайона, где зарегистрировано на ограниченной территории несколько десятков памятников. Позволим себе поэтому на описании всех упомянутых выше памятников не останавливаться. Но приведем краткие сведения о памятниках, не получивших отражение в литературе, главным образом открытых, изученных или дополнительно исследованных за последние годы.

М а л о - К а з а х б а е в с к о е. При раскопках городища сарматского времени и соседнего с ним кургана, находящихся в 0,5 км выше д. Малой

31. Керамика Нижне-Спасского селища

1—6 — Федоровский этап; 7—13 — алакульский этап; 14—17 — замараевский этап

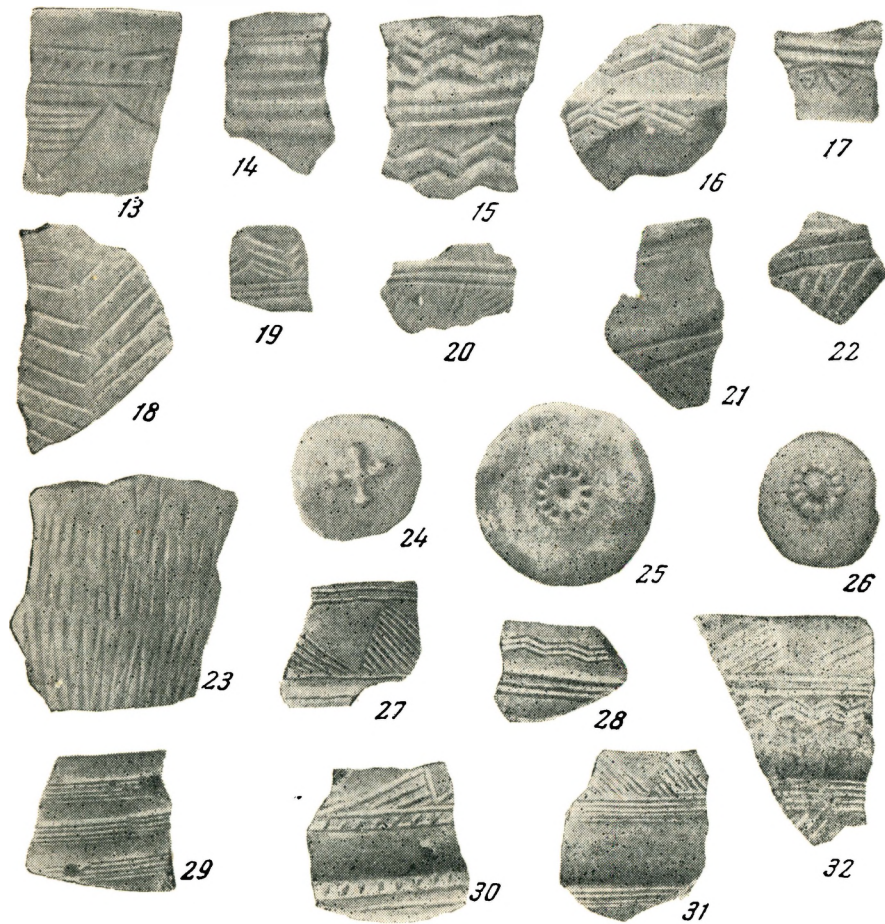

Казахбаевой Буринского района Челябинской области, на правом берегу р. Караболки, близ устья ручья Канды-Елга, экспедицией Челябинского музея под руководством К. В. Сальникова в 1951 г. был обнаружен андроновский культурный слой, разрушенный при сооружении городища и насыпке курганов.

Культурный слой прослежен на протяжении более 200 м, но он слабо насыщен находками. Больше всего керамики, относящейся к поселению, оказалось в насыпи раскопанного кургана. Очевидно, курган был насыпан из снятого с большой площади чернозема, содержавшего культурные остатки. Всего в насыпи кургана найдено 407 обломков посуды, большин-

32. Керамика алакульского этапа

1—7 — селище Баборыкино II; 8—12 — насыпь Мало-Казахбаевского кургана;
13—26 — селище Ялым; 27—32 — селище Кипель

ство которых относится к алакульскому типу (рис. 32, 8—12), несколько черепков имеют неолитический облик.

Нижне-Спасское. В 4 км выше с. Спасского Верхнеуральского района, на правом берегу р. Урал, в 1950 г. отрядом В. И. Фоминой (Южно-Уральская археологическая экспедиция Уральского университета и Челябинского музея) было открыто поселение площадью 36 000 м², на котором обнаружено десять жилищных впадин и собрана керамика андроновского типа (Сальников, 1954а, стр. 224—226). В 1961 г. отрядом К. В. Сальникова (экспедиция Башкирского филиала АН СССР и Челябинского музея) в противоположных концах селища было заложено два раскопа, чтобы обнаружить хронологические различия.

В раскоп I была вписана впадина, которая оказалась следом полуземлянки площадью 6 × 8 м. На полу жилища находилось два очага, а в выступе одной стены — овальная яма 1,90 × 1,45 м, глубиной 2,15 м, укрепленная плетнем. Яма могла служить погребом или колодцем. Раскоп II, площадью 244 м², охватывал половину огромной впадины на другом конце поселения. При этом оказалась вскрытой часть полуземлянки площадью 145 м², а размер всего жилища определяется в 230 м². Внутри него обнаружены также яма-хранилище, подобная найденной в раскопе I, очаг и два кострища.

Керамика, входившая в культурный слой раскопов, была различной. В раскопе I 93,4% сосудов представлено алакульскими формами, несколько сосудов относилось к федоровскому этапу, и не оказалось ни одного черепка замараевского типа. В раскопе II найдено 22% замараевской керамики, остальная относилась к предыдущим этапам (рис. 31).

Баборыкино II. В 160 м к западу от с. Баборыкино в 1957 г. Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского университета открыто многослойное поселение Баборыкино II. В южной части его — в раскопе V, на площади в 312 м², основную массу находок составляла керамика, относящаяся к андроновской культуре. Этим же временем датируется одна землянка и две ямы-погребки. Керамика, как на большинстве андроновских поселений, представлена типами, характерными для всех основных этапов: федоровского (рис. 44, 1—8, 18—29), алакульского (рис. 32, 1—7) и замараевского. Важны топографические наблюдения на этом памятнике.

Поселения эпохи неолита располагались в северной части, наиболее удаленной от реки, на дюне. Андроновское селище занимало площадку у основания дюны, ближе к реке. Стоянки послеандроновского времени — сарматской, каменогорской и бакальской культур — находились на поверхности дюны. Очевидно, площадь между дюной и рекой, ныне заливаемая весенними водами, в андроновскую эпоху была доступна для жилья благодаря засушливому климату ксеротермического периода (Сальников, 1961).

Ялым. Близ с. Ялым Курганского района и области, на берегу старицы р. Тобола, краеведом М. Р. Уфимцевым в 1957 г. было открыто поселение с андроновской керамикой. Собрано 23 фрагмента, орнаментированных исключительно нарезкой: зигзаги, заштрихованные равнобедренные треугольники. Один черепок от придонной части стенки покрыт рядами «шагающего гладкого штампа», ряд фрагментов от плечиков с уступчиком. Все это при отсутствии гребенчатого орнамента позволяет датировать поселение алакульским этапом (рис. 32, 13—23). Кроме керамики, найдены обломок кирпичика кипельского типа, половинка глиняного шаровидного грузила, дисковидная глиняная литейная форма для отливки розетки-привески с выпуклинами и обычной для алакульских памятников крестовидной привески с полушариками на концах (рис. 32, 24—26); два костяных и один кремневый наконечники стрел; пожевидная кремневая пластинка, небольшой обломок медного ножа и две скобочки для починки сосудов, кусочек медной руды (коллекция Курганского музея).

В 1963 г. М. Х. Садыковой по берегам верхнего течения р. Сакмары близ сел Муллакаево и Чингизово Баймакского района и сел Юлдыбаево, Акназарово и Большое Араслангулово Хайбуллинского района открыты следы поселений с керамикой андроновского типа.

Поселения на р. Джарлы. На крайнем востоке Оренбургской области, в Адамовском районе, по р. Джарлы и ее притокам Кунгурлюку и Кийме экспедицией Оренбургского и Орского музеев под руководством С. А. Попова в 1955 г. открыто 11 стоянок бронзовой эпохи с керамикой алакульского и замараевского типов (Попов, 1957).

Новые исследования поселений андроновской культуры Зауралья не внесли существенных изменений в характеристику этого вида памятников, данную нами 15 лет назад (Сальников, 1951, 1954а).

Топографические условия расположения андроновских селищ весьма определены. В основном они обнаруживаются на низких берегах рек на самом краю современной поймы, а иногда и в пойме.

Площадь селищ часто превышает 10 000 м², а в отдельных случаях достигает 36 000 м². Соответственно на каждом поселении насчитывается по 10—20 жилищ, как об этом можно судить по впадинам округлой формы. Лишь на нескольких поселениях встретились жилища сравнительно небольших размеров — диаметром 7—9 м. Обычно же диаметр их колеблется между 11 и 20 м, достигая иногда 27—30 м. Глубина большинства впадин равняется 0,30—0,50 м, изредка доходит до 1,5 м. В этих пределах оказывается глубина жилищ и на исследованных Замараевском, Кипельском, Ново-Буринском селищах. При всегда прямоугольной форме длина жилища иногда значительно превышает ширину, и в этом случае оно делится в середине земляной перемычкой, по существу представляя собою тесно сближенные две полуземлянки (Замараевское, Черниговское, у Белого Камня).

Конструкция жилищ нередко имеет значительные различия, связанные главным образом с расположением в той или иной географической зоне. Основой стен полуземлянок в лесостепной полосе обычно служили столбы, расположенные с неодинаковыми интервалами (в Кипельском селище большими, нежели в Замараевском). Перекрытия представляются как двухскатные или четырехскатные и значительно отличаются от перекрытий описанных жилищ степного Алексеевского поселения. Очевидно, бедность лесом привела к необходимости основу стен сооружать, как предполагает О. А. Кривцова-Гракова, из плетня, отчего в плане получалась несколько округлая форма, а крыша куполообразная, подобно покрытию казахской юрты. Те же причины породили своеобразную конструкцию жилищ в Еленовском микрорайоне, где для крепления стен полуземлянок использовали каменные плиты (Сальников, Новиченко, 1962; Кузьмина, 1962).

Обитатели андроновских поселений практиковали различное устройство очагов. На Кипельском и Алексеевском селищах в жилищах пользовались двумя очагами, один помещался в центре, другой — в углу. На Замараевском поселении, наряду с поверхностными кострищами, найдено несколько глубоких и обширных очажных ям.

Полуземлянками различной конструкции не исчерпывались формы жилых сооружений. Строились и наземные хижины, следы которых устанавливаются лишь по ямкам от столбов и очагам. На Кипельском селище с такими поверхностными постройками связываются интереснейшие устройства — небольшие печи с полусферическим сводом, сделанные из отлично обожженных кирпичиков. Под развалом такой печи было погребено четыре раздавленных сосуда. Можно уверенно говорить о том, что изобретателями этих древнейших кирпичей были женщины — на поверхности кирпичей хорошо видны углубления, сделанные пальцами небольших размеров.

Материалы селищ вместе с данными могильников позволяют судить об общественном устройстве племен андроновской культуры. Полуземлянки крупных размеров, очевидно, служили жилищем большой патриархально-семейной общины, состоявшей из нескольких десятков человек. Поселения, на территории которых обнаруживается 10—20 жилищ, представляли собою поселок рода или крупной его части. Зарегистрированные случаи тесного расположения поселений — восемь на протяжении 30 км на р. Бахте, четырех на протяжении 20 км на верхнем течении Урала — позволяют предположительно видеть в такой группировке расселение племени.

На огромной площади южного Зауралья, где сосредоточены андроновские памятники, зарегистрировано 100 могильников этой культуры; на 60 из них были проведены раскопки. Облик внешних сооружений, устройство могильных ям, погребальный обряд и инвентарь далеко не однородны. Причины различий памятников кроются и в природных условиях, не одинаковых на севере и на юге южного Зауралья, и в хронологической неоднородности; сказывалось и влияние соседних племен.

Могильники

Для классификации памятников, для разбивки их на локальные и хронологические группы (без чего невозможно проследить историческое развитие первобытных племен) андроновские могильники, в сравнении с поселениями, дают более благодарный материал.

Исследование андроновских памятников в Зауралье протекало неравномерно: в одних районах зарегистрировано значительное количество селищ и могильников, произведены их раскопки, другие участки археологической карты эпохи бронзы Зауралья остаются белыми пятнами. Обследованные могильники наиболее густо расположены в четырех районах: при Челябинском, орско-домбаровском, уйско-увельском и магнитогорском и отдельные редкие памятники остаются за пределами этих групп. На основании внешнего вида надмогильных сооружений и основных особенностей погребального обряда попытаемся дать суммарную характеристику могильников каждого района.

Могильники при Челябинского района. Широкие исследования андроновских могильников были осуществлены в районе Челябинска в 1907—1911 гг. Н. К. Минко, в 1924 г., 1925 г.— С. Н. Дурылиным, в 1928 г.— С. И. Руденко, в 1936 г.— К. В. Сальниковым.

Н. К. Минко всего раскопал не менее 125—130 курганов (Дурылин, 1927), в том числе, очевидно, большинство принадлежавших эпохе бронзы, но результаты раскопок памятников этого периода им не опубликованы. Отчеты же сохранились лишь за 1907—1909 гг., в них описываются раскопки 87 курганов, из них более 40 относящихся несомненно к эпохе бронзы (Минко, отчеты 1907, 1908, 1909 гг.) (список могильников см. в приложении к работе К. В. Сальникова «Бронзовый век южного Зауралья»).

В отчетах Минко об устройстве курганов и могил говорится редко. Чаще упоминается об обкладке стенок могил деревом и лишь в двух случаях отмечается обкладка стенок могильных ям камнями. В самом большом (высота до 1,5 м) кургане 4 (1907 г.) в могильнике Смолино I оказался составленный из крупных плит (4 плиты — 4 стенки, толщина — 10 см) каменный ящик без крышки; в восточной части могилы находилась груда пережеженных костей. В кургане 17 (1909 г.) у с. Исаково стенки могилы были обложены крупными неотесанными камнями.

В кургане 6 (1907 г.) могильника Смолино II над могилой сохранился «ряд небольших каменных плит, под которыми черепки раздавленного

сосуда». Сожжения не найдено, а в кургане 7 у основания местами сохранились врытые наполовину в землю камни, очевидно, остатки кольца, а под дерном груды камней на черноземе, видимо, на древнем горизонте. Местные жители рассказывали Минко, что вокруг курганов были оградки из камней, но они их разобрали на постройки (Минко, отчет 1907 г.).

Минко в письме к Кастанье (1910, стр. 25—26) делит исследованные им курганы на три вида: 1) обыкновенная земляная насыпь, имеющая вид опрокинутого блюда, иногда с незначительной впадиной на вершине; 2) такая же, но с незначительной канавой вокруг основания и 3) основание земляной насыпи обложено небольшими каменными плитами.

В том же районе в 1924 г. С. Н. Дурылин раскопал восемь курганов: четыре у с. Смолино, два у с. Сухомесово и два у с. Исаково. При этом каменные оградки не отмечены. На одном смолинском кургане «северный скат под поверхностью дерна оказался обложенным гранитом (до 15 кусков по 0,15—0,35 м длины)» (Дурылин, 1927). Не упоминает этот автор о сооружениях из камня и при описании своих раскопок 1925 г. (Дурылин, 1927а). Вследствие несовершенства методов раскопок Минко и Дурылина можно предположить, что в ряде случаев оградки под периферийными частями насыпей остались незамеченными. И все же создается впечатление, что оградки вокруг курганов или вокруг могил под насыпями для памятников в районе Челябинска не являются типичными. При исследовании Федоровского могильника, когда насыпи убирались полностью, из шести вскрытых курганов каменные кольца имели только два, а тщательный осмотр всего могильника показал, что признаки каменных сооружений есть лишь у небольшой части курганов (Сальников, 1940).

Такое же впечатление оставляют курганные могильники, открытые на берегу р. Миасса выше Челябинска в 1951 г. отрядом В. П. Бирюкова археологической экспедиции Челябинского музея (Сальников, отчет 1951 г.). Общий характер этих могильников позволяет видеть в них памятники андроновского времени того типа, который широко изучался в ближайших окрестностях Челябинска (Минко, Дурылин, Сальников).

По территориальной и по культурной близости целесообразно включить в причелябинский район три могильника на р. Караболке: Больше-Караболский, Ново-Буринский (Сальников, 1959б), Больше-Казахбаевский, а также расположенный в 70 км восточнее Челябинска Алакульский могильник. На основании материалов из раскопок Н. К. Минко (1907—1909 гг.), С. Н. Дурылина (1924, 1925 гг.) и К. В. Сальникова (1936, 1938 гг.) были выделены три этапа развития андроновских племен ✓ Зауралья — федоровский, алакульский и замараевский (Сальников, 1951). Погребальный обряд у них настолько различен, что любое погребение легко отнести к тому или иному этапу.

Могильники представляют собою группы курганов (от 10 до 148) и лишь в единичных случаях — одиночные курганы. Последние и по об-

ряду погребения и по инвентарю резко отличаются от сгруппированных в могильники.

Все курганы земляные. Раскопано свыше 50 насыпей. Только в двух у с. Федоровки обнаружены вокруг могил кольца из камней, скрытые насыпью. С. И. Руденко упоминает о камнях вокруг насыпи одного кургана у д. Нурбаковой, да у с. Смолино Н. К. Минко отмечает частично сохранившиеся у основания одной насыпи камни и два случая каменных выкладок внутри насыпи, и С. Н. Дурылин указывает на третий такой случай. Как правило, курган содержал только одну могилу. Исключением являются два кургана у с. Смолино и 39 (1936) у с. Федоровки, в которых оказалось по две, очевидно, одновременно сооруженных могилы.

В 30% могил причелябинского района обнаружены обкладки стен деревом — «срубы», во многих, вероятно, дерево не дошло до нас, и только в трех — Федоровка, курган 11; Исаково, курган 17 (1909) и Смолино, курган 4 (1907) — оказались каменные ящики, а в кургане 18 у с. Исаково северная часть могилы была «обложена рядом круглых камней».

К сожалению, ориентировку могил Минко не указывает, и этот элемент характеристики погребального обряда остается недостаточно ясным. В Федоровском могильнике в четырех случаях имеем обычное расположение могил с запада на восток и в двух — с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Если учесть, что одна из последних могил имела большие размеры (длина 4,15 м, ширина 1,50 м) и содержала две грудки пережженных костей, лежавших вдоль восточной-юго-восточной стенки, а против них у западной-северо-западной стенки стояли сосуды, очевидно, эту могилу надо рассматривать как своеобразную форму парного погребения, из которых каждое ориентировано по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Следовательно, и оно не нарушило андроновские обычаи. Такая же ориентировка могил (запад-северо-запад — восток-юго-восток) зафиксирована во всех трех исследованных С. И. Руденко курганах у д. Нурбаковой. Н. К. Минко и С. Н. Дурылин отмечают расположение с запада на восток могильных ям в двух курганах с трупосожжением у с. Сухомесова. Очевидно, для причелябинского района характерна обычная для андроновских могильников ориентировка по линии запад — восток. Анализ результатов исследования памятников эпохи бронзы Н. К. Минко, С. Н. Дурылиным, С. И. Руденко и К. В. Сальниковым в районе Челябинска показывает, что одни могильники содержали трупосожжения (Смолино I и II, Сухомесово, Сосновка II, Исаково II и III, Федоровка, Ново-Бурино, Большая Караболка), другие — трупоположения (Исаково I и IV, Чурилово II, Сосновка I, Нурбакова, Алакуль). Лишь относительно могильника Исаково V может показаться, что в него входили погребения с обоими обрядами. Но в данном случае следует учесть, что в этот могильник нами условно объединены все курганы, раскопанные Н. К. Минко в 1909 г. у с. Исаково, поскольку по отчету невоз-

можно установить, к какому из ранее исследованных могильников относится тот или иной курган. По всей видимости, раскопки 1909 г. велись в разных могильниках у с. Исаково. Таким образом, есть все основания утверждать, что в каждом могильнике причелябинского района погребения совершались только по одному обряду: или трупосожжения, или трупоположения.

Могильники орско-домбаровского района. В 1926 г. по левым притокам р. Урала к западу от г. Орска М. П. Грязновым (1927) было зарегистрировано более двух десятков могильников, состоящих из каменных оградок и земляных курганов, обложенных по поверхности камнем. Большинство могильников небольшие. Лишь в единичных памятниках насчитывается более десятка могил: Киргильда II—12 каменных оградок и 3 кургана; Урал-сай — 19 каменных оградок и 5 курганов; Кунак-бай — не менее 40 каменных оградок и 5 курганов; могильник на речке Калмытей-сай — 14 курганов и много каменных оградок. В четырех могильниках — Киргильда I, II, Кунакбай-сай и Урал-сай в каменных оградках могилы обнаружили андроновские погребения. Вскрытые в могильнике Урал-сай три кургана, обложенные по поверхности камнем, показали принадлежность основных погребений под их насыпями к той же культуре.

По берегам р. Урала разведками Южно-Уральской археологической экспедиции АН СССР 1933 г. (руководитель Б. Н. Граков) открыто много могильников, среди которых привлекают внимание памятники, состоящие из каменных оградок или из оградок и земляных курганов, нередко окруженных также камнями. Характер этих памятников очень красочно описывается Б. Н. Граковым на примере группы XLII, состоящей из 12 курганов и 17 каменных колец. «Все курганы земляные, но так или иначе декорированные камнем, или по основанию их выложено из камней кольцо, иногда очень широкое, или камнем выложена поверхность насыпи. На вершине одного из курганов выложены две овальные каменные оградки, ориентированные с запада на восток; у другого такая же оградка, ориентированная с севера на юг. Диаметр курганов: средний — 8—10 м, наибольший — 14 м; высота — от 0,1 до 0,8 м. Каменные кольца иногда заключают внутри невысокую насыпь; изредка внутри кольца лежат отдельные камни. Диаметр колец — от 3 до 7 м» (Граков, 1935, стр. 99).

Только один могильник в районе, обследованном Б. Н. Граковым, состоит полностью из каменных оградок. Это группа XXXIII, в которую входит двенадцать крутых оградок диаметром 3,5—8 м и один каменный ящик. В других могильниках сочетаются каменные кольца с земляными курганами. Группа XLVII состоит из девяти каменных оградок диаметром 2,2—14 м и расположенных между ними семи земляных курганов, обставленных по основанию каменными кольцами. В группе XXXIV одна каменная оградка без насыпи и шесть земляных курганов. У одного из

последних по основанию выложено кольцо из нескольких рядов камня общей шириной до 1,5 м, у двух — вся насыпь сплошь покрыта камнем. В группе LIVa, насчитывающей 13 каменных оградок и 18 земляных курганов, у части курганов вокруг насыпи заметна круглая оградка из камней, у других камни видны на поверхности. Есть могильники, состоящие только из курганов, например группа LXI, в которой сохранилось пять земляных насыпей, но по основанию одной имеется кольцо из камней, четыре по всей поверхности обложены камнем.

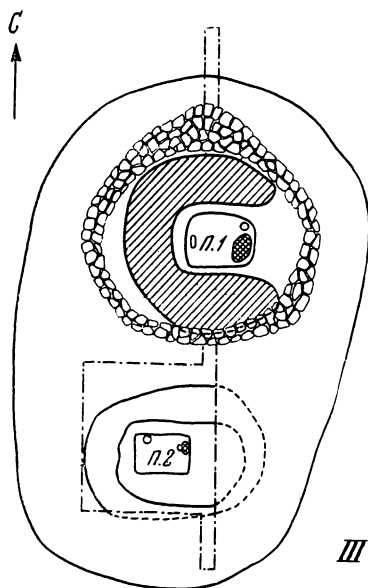
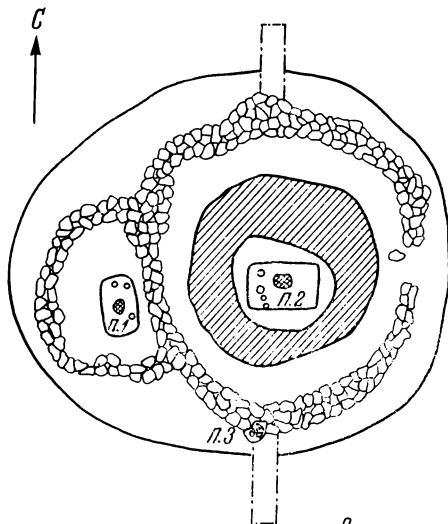
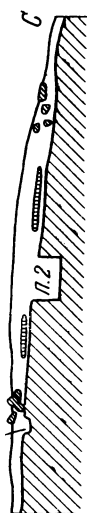
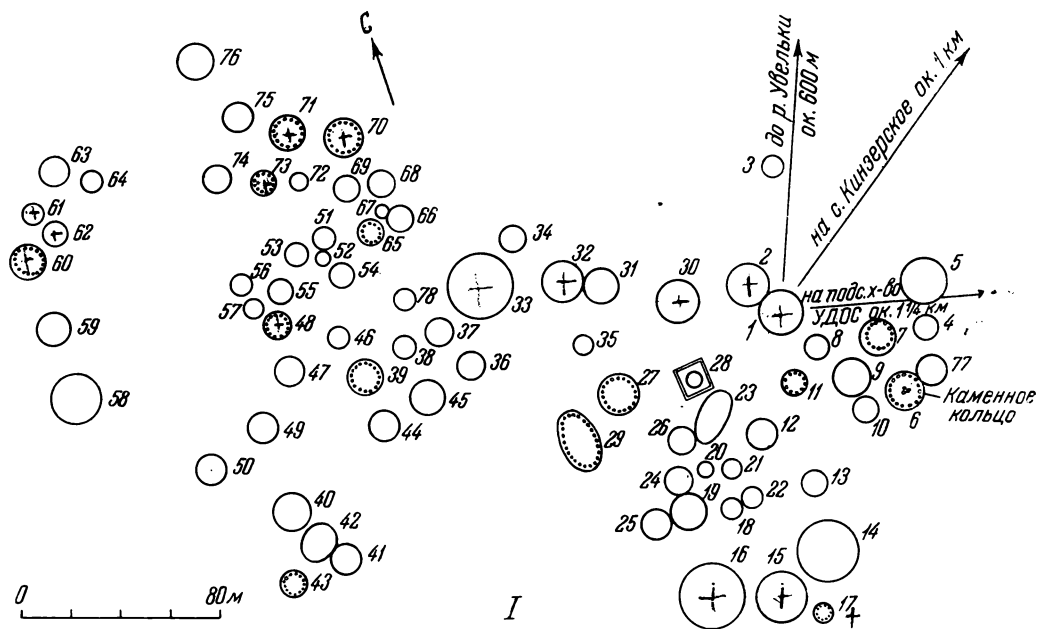
Тот же характер имеют могильники на крайнем юго-востоке Оренбургской области, в Домбаровском районе, где на берегу р. Ори в 1930 г. Б. Н. Граков исследовал Кожумбердынский могильник, а в бассейне небольших речек Киимбай и Ушкаты и их притоков за последние 25 лет краеведом А. С. Новиченко открыто более десяти могильников (Сальников, Новиченко, 1962), обследованных позднее Н. П. Кипарисовой (отчет 1954 г.) и Е. Е. Кузьминой (1962). К этому же типу относится исследованный В. С. Сорокиным (1962) могильник Тасты-Бутак I.

Нам уже приходилось отмечать (Сальников, 1951, стр. 100), что для южных, степных районов Зауралья характерны андроновские могильники, состоящие из каменных оградок, которые дополняются курганами. Новые открытия подтвердили и уточнили это положение. В орско-домбаровском районе каменные оградки представляют собою господствующую форму надмогильных сооружений, но лишь редкие могильники состоят исключительно из каменных оградок (Ново-Аккермановка, группа XXXIII, Тасты-Бутак I). Обычно они дополняются курганами, но земляные насыпи последних или обложены по всей поверхности камнем или окружены каменным кольцом по основанию. Имеется единственное исключение: исследованные М. Г. Мошковой (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964) в Ново-Кумакском могильнике андроновские курганы представляют собою чисто земляные насыпи.

Принадлежность погребений с каменными оградками к андроновской культуре доказана раскопками М. П. Грязнова (1927), Б. Н. Гракова (1935), Кривцовой-Граковой (1948), Г. В. Подгаецкого (1940), В. С. Сорокина (1962), Е. Е. Кузьминой (1962), Э. А. Федоровой-Давыдовой (1961).

Все могильники обладают устойчивой ориентировкой: погребенные лежат головой на запад или юго-запад. Обряд трупосожжения исключительно редок.

Могильники уйско-увельского района. В средней полосе Челябинской области намечается еще один микрорайон, где часть памятников относится к типам, широко представленным на юго-востоке Оренбургской области. К западу от Троицка, по берегам рек Уя и Увельки известно несколько могильников, состоящих из каменных оградок и земляных курганов, обложенных по основанию камнями. Отличаются они

от памятников орско-домбаровского района тем, что здесь преобладают земляные насыпи курганов с оградками из камней у основания, а оградки без насыпей встречаются крайне редко. Можно допустить, что каменные оградки были разобраны местным населением на хозяйственные нужды, как это оказалось на Уразаевском II могильнике. Но и на хорошо сохранившихся крупных могильниках, например на Уразаевском I, Кинзерском (рис. 33, 1) и Шабунинском, оградки, лишенные насыпей, представлены единицами или полностью отсутствуют, а земляные курганы с оградками по основанию не являются в количественном отношении, по сравнению с чисто земляными насыпями, преобладающими. Зарегистрированы могильники, состоящие только из земляных курганов без камней.

Занимая промежуточное положение относительно орско-домбаровского и причелябинского районов, группа памятников по верхнему течению р. Уй и по р. Увельке представляет более пеструю картину, нежели могильники других районов. Если в орско-домбаровском районе господствующим видом надмогильных сооружений являются каменные оградки, а вокруг Челябинска — земляные курганы, то по берегам Уя и Увельки в равной мере представлены и те и другие. Как ни мало исследовано здесь раскопками могильников, все же имеющиеся данные позволяют отметить значительную пестроту не только надмогильных сооружений, но и погребального обряда и инвентаря, а также этнокультурного состава населения, захороненного в могильниках. Как пример местных памятников можно взять исследованные нами курганы у пос. Кинзерского. Поскольку памятник не опубликован, остановимся на его описании подробнее.

В Кинзерском могильнике из 77 курганов, часть которых обложена у основания камнем, раскопано две насыпи (Сальников, отчет 1952 г.) (рис. 33, 1). В каждой оказалось по две — три последовательно сооруженные могилы с трупосожжением. Наличие в одном кургане оградок с пристройками неизвестно в причелябинском районе, но такая планировка при отсутствии земляной насыпи — не редкость на юге, в орско-домбаровском районе. Сочетание земляной курганной насыпи с каменной оградкой, часто скрытой под насыпью, трупосожжение, находка глиняного блюда (рис. 33, 1). В каждой оказалось по две-три последовательно сооруженных элемента сплошной полосой без деления на зоны, наличие нескольких сосудов с желобчатым орнаментом (рис. 34, 1, 3, 4) свойственны могильникам федоровского типа в районе Челябинска, где они широко исследованы. Правда, для андроновской керамики федоровского этапа считается типичным нарядный орнамент, состоящий из сложных геометрических фигур, нанесенных оттисками гребенчатого штампа. Посуда кинзерских курган-

33. Кинзерский могильник

I — общий план; II — план и разрез кургана 71; III — план кургана 73.

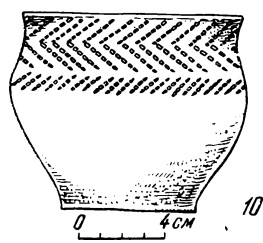
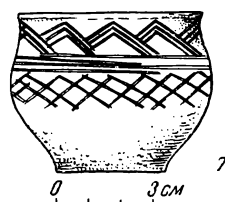
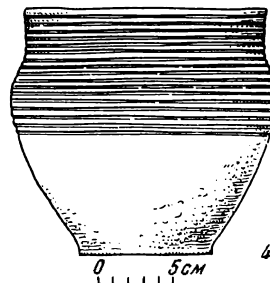
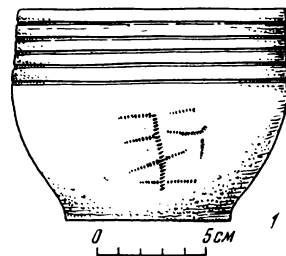
1 — чернозем; 2 — грунт; 3 — выход; 4 — камни; 5 — выход; 6 — каменное кольцо; 7 — сосуды;

8 — жоненные кости человека; 9 — траншея

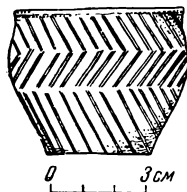
34. Сосуды из Кинзерского могильника

1 — 3, 5 — курган 71, погребение 2; 4, 7, 10 — курган 71, погребение 1; 6 — курган 71, погребение 3; 8, 11 — курган 73, погребение 1; 9, 12 — курган 73, погребение 2

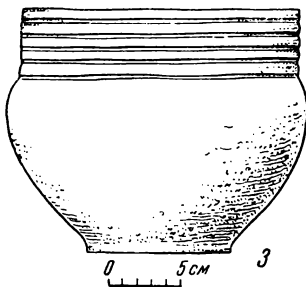
нов как будто отступает от этого правила, поскольку здесь мы не видим сложных геометрических фигур, даже треугольники занимают скромное место; нередко для нанесения орнамента пользовались резьбой. Но и под Челябинском скромный рисунок и резной орнамент встречаются на сосудах из погребений с Федоровским обрядом. Среди посуды из Федоровского могильника имеется сосуд и блюдо, орнаментированные резными рисунками (Сальников, 1940, табл. 1, рис. 10 и 12). На блюде, кроме того, мы видим такой же бордюр из мелких вдавлений, ограничивающих орнаментальную полосу, как на одном из кинзерских сосудов (рис. 34, 12). Горизонтальные и вертикальные зигзаги, расположенные иногда широкими полями, украшают ряд сосудов Кинзерского могильника, находят себе аналогии в федоровской керамике. Таковы сосуды с округлым плечиком из кургана 7 с трупосожжением, раскопанного Н. К. Минко в 1908 г. у с. Смолино. Горшок из погребения 1 этого кургана орнаментирован резными вертикальными зигзагами (рис. 48, 2), а сосуд из погребения 2 — полосой горизонтальных зигзагов из оттисков «слепой» гребенки (рис. 48, 4). Кинзерскому сосуду с орнаментом в виде равнобедренных треугольников (рис. 34, 8) близок сосуд из погребения 1 с трупосожжением в кургане 2, раскопанном С. Н. Дурылиным в 1924 г. близ с. Смолино (Дурылин, 1927, стр. 69, рисунок справа). Следует все же напомнить, что сосуды, орнаментированные резными зигзагами, как горизонтальными, так и вертикальными, размещенными широкими полосами и даже покрывающими всю или почти всю поверхность сосуда, особенно широко распространены на более поздней андроновской керамике — алакульской (ср. Алексеевский могильник, рис. 45, 15) и кожумбердынской (Царево-Курганский могильник). Но в обоих этих случаях орнамент начинается от плечиков, а на горле помещается другая, особая зона орнамента, или горло остается свободным от рисунка, что связано с выра-

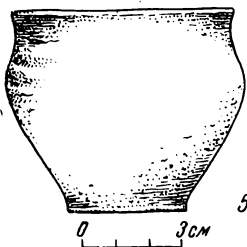

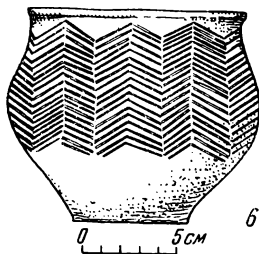
2

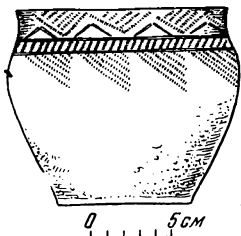
3

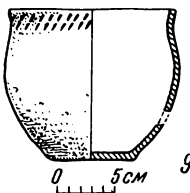
5

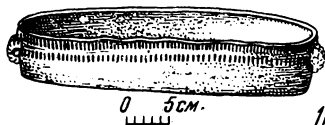
6

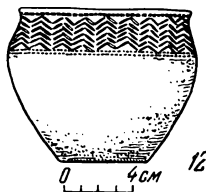
8

9

11

12

женным уступчиком, появляющимся на посуде в послефедоровское время. В большой близости зигзагового орнамента на посуде разных этапов андроновской культуры надо видеть проявление их генетической связи.

В итоге можно уверенно поместить Кинзерский могильник среди памятников федоровского этапа.

Так же следует датировать двумогильный курган с прямоугольной оградой в Уразевском II могильнике (Сальников, Отчет 1952 г.), где остатки кремации не прослежены, но в одной из могил огонь был разведен на накатнике, а сосуд, найденный во второй могиле, орнаментирован так же, как некоторые кинзерские сосуды: верх его покрывают ряды насечек «в елочку» и поясok из угловых вдавлений. Синхронность сооружения обеих могил в этой оградке, на что указывает строгая параллельность их расположения, заставляет вспомнить о подобной планировке в некоторых курганах Федоровского могильника.

Могильники с кожумбердынским типом керамики представлены в уйско-увельском районе круглыми оградками с небольшой насыпью в Бирюковском могильнике

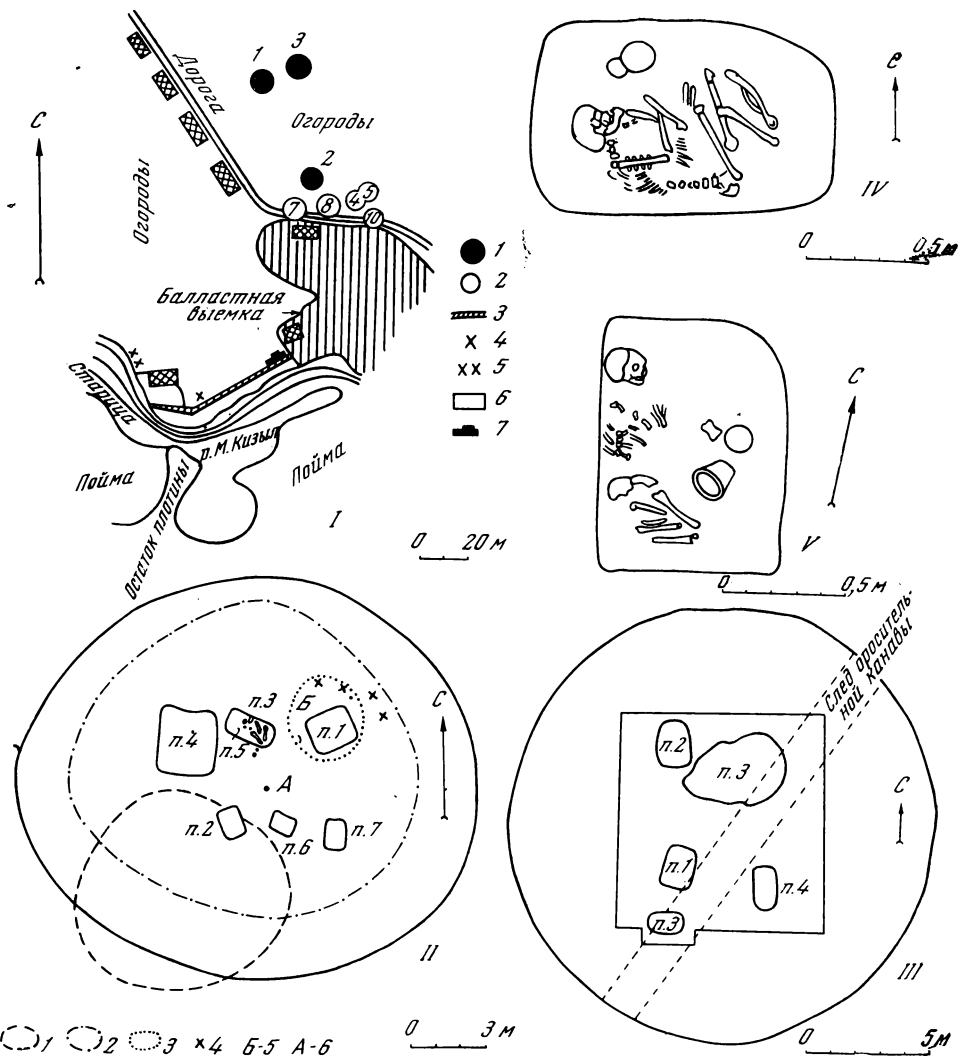
(Кипарисова, Отчет 1950 г.) и одиночной прямоугольной оградкой у с. Степное (Стоколос, 1962), в которой при разрушенном труположении был найден сосуд кожумбердынского типа.

Алакульский этап в уйско-увельском районе лучше всего рисуется по материалам могильника Степное I (Стоколос, 1962), в погребениях которого найдены сосуды с уступчиками и скудной орнаментацией, ограничивающейся почти исключительно равнобедренными треугольниками того типа, который хорошо представлен в Алексеевском и Алакульском могильниках. В целом, по скудным данным, которыми мы располагаем, все же можно констатировать, что в уйско-увельском районе развитие андроновской культуры шло в той же последовательности, что и в более северных районах. Федоровский этап перерастает в алакульский, но на этой ступени андроновские племена уйско-увельского района оказываются в соседстве с проникшими сюда абашевскими и срубными группами. Ассимиляция андроновских и абашевских племен особенно ярко проявилась в таком памятнике, как могильник Степное I, исследованный В. С. Стоколосом, а в соседнем могильнике — Степное II — сильно сказалось влияние племен срубной культуры (Стоколос, 1962). Последние оставили свой большой след в памятниках Магнитогорского района.

Могильники Магнитогорского района. Все известные здесь могильники эпохи бронзы состоят из земляных курганов без какого бы то ни было использования в их устройстве камня, что позволяет выделить их в особый район. В него входят могильники Первомайский, Мало-Кизыльский I, Мало-Кизыльский II, Агаповка II, одиночный Смеловский курган и три группы у с. Спасского. Спасские могильники, исследованные в 1961 г. экспедицией Челябинского музея (под руководством В. М. Стоколоса), не опубликованы. Мы располагаем материалами первых пяти могильников, исследованных Южно-Уральской экспедицией под нашим руководством. На них и построим характеристику памятников Магнитогорского района. В первых четырех могильниках раскопано 11 курганов, в которых оказалось 39 погребений бронзовой эпохи. Ни по одному из упомянутых могильников материалы раскопок не опубликованы. Мы вынуждены поэтому на их описании остановиться несколько подробнее.

В Первомайском могильнике из семи курганов раскопан один с двумя погребениями: взрослого и ребенка, лежавших на левом боку, головой к северу. Погребения сопровождалось сосудами (рис. 37, 4, 6). В могиле взрослого найдено также несколько пастовых бусинок.

В Мало-Кизыльском I могильнике, состоявшем из девяти курганов, исследованы три насыпи (рис. 35, 1). В кургане 1 было пять могил бронзовой эпохи (рис. 35, 2), в кургане 2 — четыре, кургане 3 — пять могил (рис. 35, 3). Большинство погребений содержали трупоположение, кости лежали скорченно на левом боку, преобладала северная ориентировка. Но в каждом кургане одно погребение отступало от этого правила: в первом оказалось трупосожжение, во втором — костяк в сидячем положении, в третьем — костяк на спине. Все костяки в I Мало-Кизыльском могильнике сопровождалось одним-двумя сосудами (рис. 37) и лишь

35. Мало-Кизыльский I могильник и Мало-Кизыльское селище

I — план могильника и селища.

I — курганы раскопанные; 2 — курганы не раскопанные; 3 — оросительная канава; 4 — место находки клиновидного топора; 5 — место находки Верхне-Кизыльскогоклада; 6 — постройки; 7 — разведочная траншея 1948 г. на селище

II — план кургана 1.

I — современная яма; 2 — граница вскрытой площади; 3 — зольник; 4 — кости животных;

III — план кургана 3; IV — план погребения 3 кургана 3; V — план погребения 7 кургана 1

в погребении 1 кургана 1 найдены желобчатые бронзовые браслеты и белые пастовые бусины. На краю могилы 1 в кургане 2 находились череп и кости ног коровы. В трех могилах кургана 1 найдены отдельные кости животных.

Под насыпью кургана 3 I Мало-Кизыльского могильника заключалось пять могил, в том числе четыре с труположением на левом боку: три с северной ориентировкой и одно — с западной (рис. 35, 3), пятая могила (рис. 38) — ориентированная длинной осью с запад-юго-запада на восток-северо-восток огромная овально-удлиненной формы яма длиной 3,75 м, шириной 2,25 м. Ко дну яма резко суживалась, так что дно представляло собой узкую полосу шириной всего 0,40 м при длине 2,70 м. Вся площадь дна была покрыта сплошной толщей в 0,60 м зольного слоя с угольками и кусочками полуобгоревших гнилушек. В западной половине на зольном слое покоился костяк, головой на север, на спине, с упавшими влево ногами, левая рука вытянута вдоль туловища, а правая согнута в локте так, что предплечье лежит поперек живота. Перед животом стоял раздавленный плоскодонный неорнаментированный сосуд горшечно-баночной формы со слегка выделяющимся горлом, слепленный грубо из глины с примесью шамота (рис. 37, 16).

Во II Мало-Кизыльском могильнике два исследованных кургана дали погребения эпохи бронзы. Курган, раскопанный в 1951 г., вполне аналогичен курганам I Мало-Кизыльского могильника. Он содержал пять могил. В четырех умершие были положены скорченно на левый бок, головой на северо-северо-запад или на северо-северо-восток и сопровождались сосудами (рис. 37, 14, 15). В пятой могиле, с ориентировкой на северо-северо-запад ($2 \text{ м} \times 0,90 \text{ м}$), оказались только женские человеческие кости, ссыпанные у южной стенки грудкой (Фомина, Отчет 1951 г.). Второй курган, раскопанный в 1950 г., значительно отличался от описанных выше. Под его насыпью находилась только одна могила, покрытая накатником из бревен и сильно разрушенная грабительской ямой. Костяк оказался в полном беспорядке. На краю могилы стоял сосуд (рис. 37, 17), во многом близкий срубным типам, а в 1,5 м от края — грудка костей, состоящая из черепа и ног коровы.

В тринадцати погребениях трех описанных могильников определяется ориентировка костяков: десять лежали головой на север и только три на запад. Попытки связать различие ориентировки с определенными типами сосудов ни к чему не привели. В ориентированном по-срубному — головой на север — погребении 2 кургана 2 Мало-Кизыльского I могильника оказалось два сосуда с уступчиком андроновского типа. Сидячее положение костяка, встреченное в погребении 1 кургана 2 того же могильника, абсолютно не известное в андроновской культуре, не чуждо погребальному обряду срубных племен Нижнего Поволжья (Синицын, 1959, стр. 190).

Погребальная керамика Первомайского, I и II Мало-Кизыльских мо-

гильников отличается грубостью выделки, орнамент применяется редко, он беден и груб. Все это черты, обычные для посуды срубной культуры и нехарактерные для андроновской. Отсутствие лощения и примеси талька в глине, заглаживание в ряде случаев наружных и внутренних стенок грубыми штрихами — все это обычно для керамики срубных памятников. Неупотребление талька в данном случае особенно показательно. Предпологать отсутствие нужного материала под Магнитогорском нет основания. На расположенном в 100 м от I Мало-Кизыльского могильника Мало-Кизыльском поселении абашевской культуры керамика содержит большую примесь талька.

Среди посуды описываемых могильников мы видим банки с расширяющимися кверху прямыми стенками срубного типа, приземистые горшки, а также другие сосуды, имеющие уступчик на плечиках, и банки с округлыми боками и суживающимся краем андроновско-алакульского типа (рис. 37, 2, 11, 13). Некоторые сосуды II Мало-Кизыльского могильника близки к срубным остроредерным. Один из них (рис. 37, 15) почти аналогичен сосуду из-под Актюбинска (Грязнов, 1927, рис. 23, 2), который уже давно расценивается как доказательство проникновения срубных форм на восток (Граков, 1930, стр. 12).

В кургане 5 (раскопки 1950 г.) сосуд (рис. 37, 17) по зональному расположению и тщательности выполнения орнамента сближается с андроновскими, но сильная разлатость, приземистость формы тянет его к срубным памятникам. Аналогичу ему можно найти далеко на западе в курганах срубной культуры у с. Пиксяси в Мордовии (Степанов, 1955, рис. 29, 1, 2).

Большие раскопки были произведены в 1952 и 1953 гг. А. И. Россадович на могильнике Агаповка II. Все курганы представляют собой земляные насыпи. В пяти исследованных курганах вскрыто 19 погребений эпохи бронзы. И здесь под каждой насыпью сосредоточено по четыре — шесть могил. Только один курган оказался исключением. Он заключал в себе одно погребение. Для всех могил характерна ориентировка по линии север — юг, иногда с небольшим отклонением. Лишь две могилы (курган 3, погребение 2 и курган 4, погребение 3) были ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. В большинстве могил прослеживается деревянный накатник, в двух (курган 4, погребение 4 и 5) — покрытие каменными плитами. Обрамление стен камнем или деревом не встречено. Во всех случаях, где это удалось установить, костяки покоились скорченно на левом боку, головой на север, лишь в погребении 3 кургана 4 оказалась ориентировка на северо-восток. Два погребения содержали трупосожжения, но и в них остатки кремации и инвентаря помещались в северном конце могильной ямы. Следует оговориться, что в то время как одно трупосожжение не вызывает сомнения (курган 4 погребение 1) во втором случае (курган 2 погребение 5) кальцированных костей не об

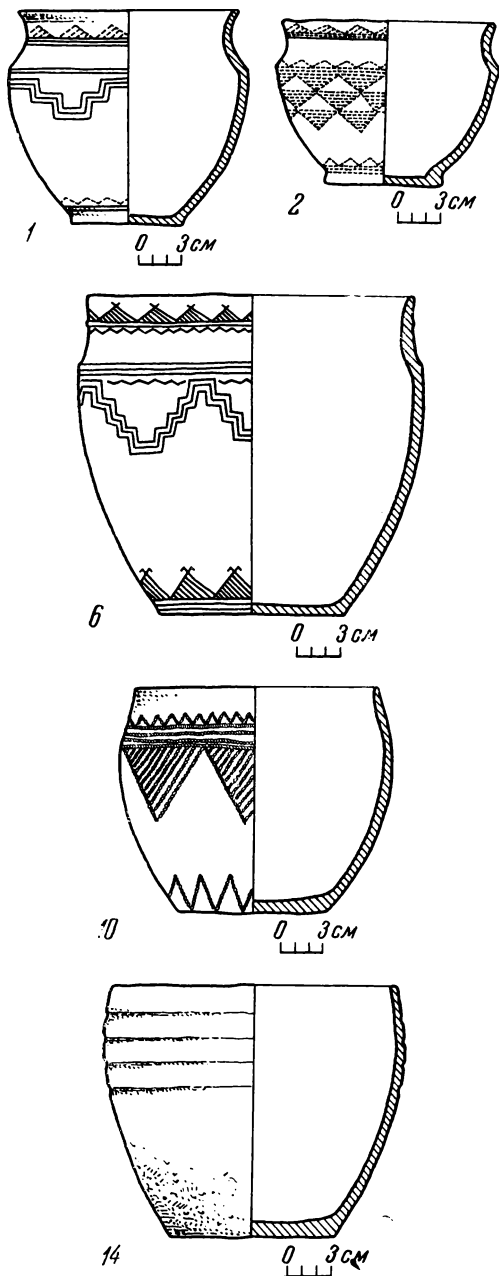
36. Сосуды из Царево-Курганского могильника на Тоболе

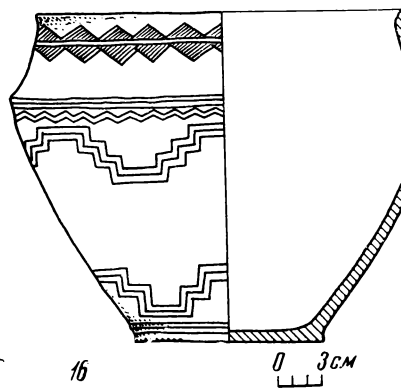
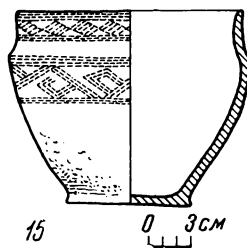
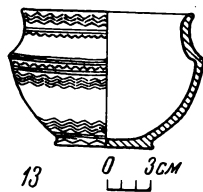
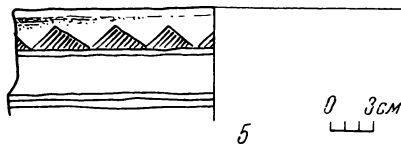
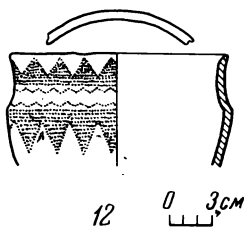
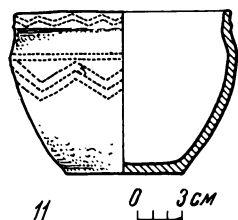
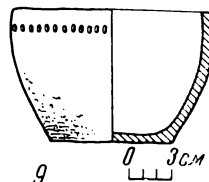
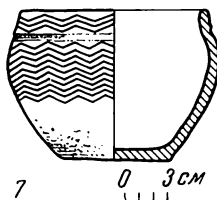
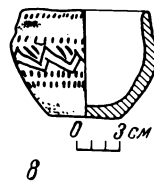
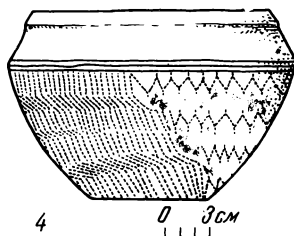
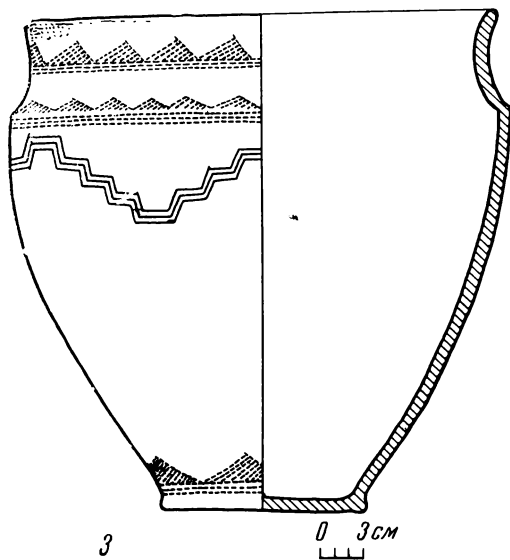
наружено, но в северном конце оказались кучки золы и кусочки обугленного дерева, а возле них два сосуда и ребра крупных животных (лошади?). Такие же ребра, но бывшие в огне, были найдены возле кучки пережженных костей в погребении 1 кургана 4. В погребениях, совершенных по способу трупоположения, таких костей не найдено. Если вспомнить, что в Федоровском могильнике трупосожжения сопровождалась ребрами лошади, сомнения в наличии кремации и во втором погребении отпадут.

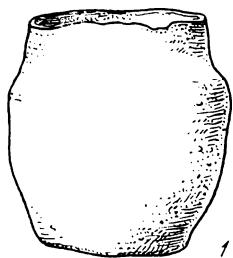
Погребальный обряд в описанном могильнике, таким образом, сочетает черты, свойственные, если судить по наблюдениям в районе Челябинска, двум этапам андроновской культуры: федоровскому (трупосожжение) и алакульскому (трупоположение), но северная ориентировка погребенных и могильных ям абсолютно не свойственна андроновской культуре.

В могильнике Агаповка II андроновская струя сильнее, нежели в предыдущих могильниках, но наравне с андроновскими чертами в погребальном обряде и инвентаре значительное место занимают элементы срубной культуры. Могильник Агаповка II также следует рассматривать как срубно-андроновский.

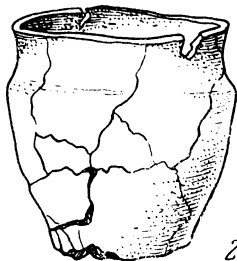
Наиболее выдержанно андроновским в этом могильнике является курган 1. Вся керамика здесь имеет андроновско-алакульскую форму: сосуды горшечной и горшечно-баночной формы с уступчиком на плечиках и чашки алакульского типа. Орнамент

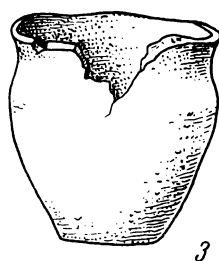

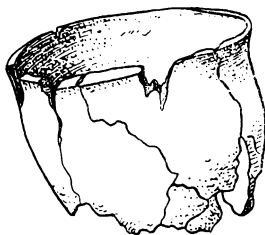
1

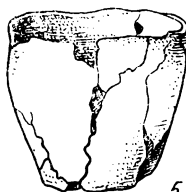
2

3

4

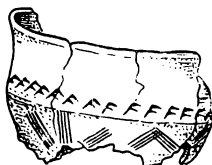
5

6

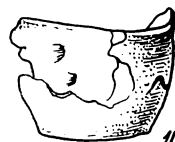
7

8

9

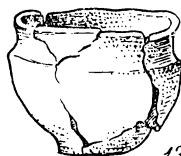
10

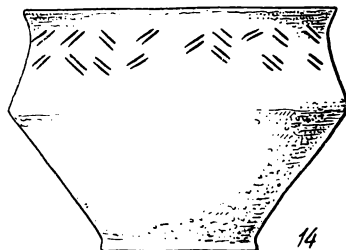
11

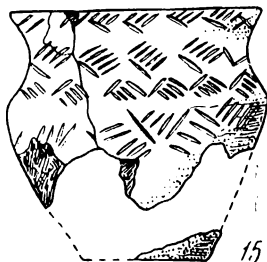
12

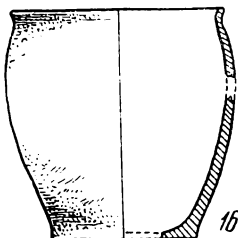
13

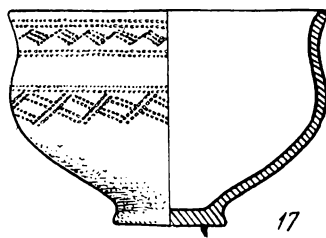
14

15

16

17

нанесен оттисками или протаскиванием мелкогребенчатого штампа, он состоит из меандровых элементов и зигзагов (рис. 39, 1—7). Того же типа обломки сосудов из кургана 3.

В кургане 2 к эпохе бронзы относятся два погребения — 5 и 8. Керамика погребения 5 имеет андроновский тип и по форме и по орнаменту (рис. 39, 8, 9). В погребении 8 этого кургана единственный сосуд не находит аналогий среди андроновской посуды. Грубая обработка поверхности, небрежно выполненный резной орнамент в виде крупных треугольников, заштрихованных насечками, типичны для керамики срубной культуры (рис. 39, 16). То же погребение является единственным в данном могильнике, где под черепом оказалась красная краска, чуждая андроновским могильникам.

Еще пестрее состав инвентаря в кургане 4. Шесть погребений в этом кургане как бы делятся на две группы: в западной половине расположены могилы (3, 4, 5), содержащие не свойственные андроновским памятникам грубые сосуды в виде чашек (рис. 39, 13—15), аналогии которым находятся в срубных могилах Башкирии (Верхне-Аташево, раскопки 1962 г., Чубук-Коран), Среднего (см. МИА, 42) и Нижнего Поволжья (см. МИА, 60 и 78), хотя две из этих могил были перекрыты каменными плитами — по-андроновски. В восточной половине этого кургана другая группа могил (1, 2, 6). Погребение 1 по обряду (сожжение), а погребение 6 по составу украшений имеют андроновский тип. В погребении 2 найдено три сосуда: один с уступчиком алакульского облика (рис. 39, 11); второй, острореберно-бипирамидальный по форме (рис. 39, 10), обычен для срубных памятников; там же имеются аналогии в орнаменте (ср. Синицын, 1960, стр. 131, рис. 49, 8); третий — баночный сосуд с небольшим перехватом на шейке (рис. 39, 12) почти полную аналогию имеет в срубном слое Береговского I селища в Башкирии.

Таким образом, в могильнике Агаповка II переплетаются черты, свойственные и андроновской и срубной культурам. К какому этапу развития первой можно отнести этот памятник? Ни один сосуд не может быть отнесен к федоровскому этапу. Но нельзя рассматривать посуду этого могильника как типичную для алакульского этапа. Хотя многие сосуды

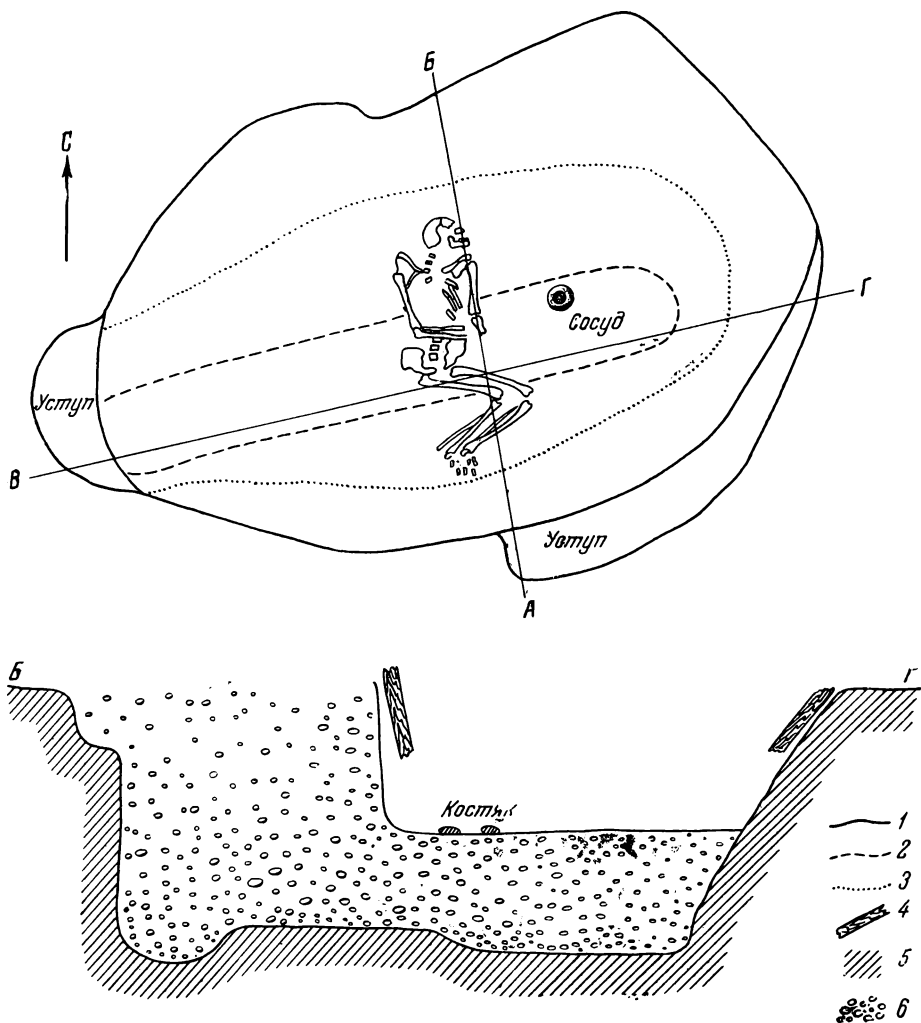
37. Сосуды из курганов Магнитогорского района

Мало-Кизыльский I могильник: 1, 11 — курган 3, погребение 3; 2, 13 — курган 2, погребение 2; 3, 12 — курган 3, погребение 4; 5 — курган 1, погребение 7; 7 — курган 1, погребение 1; 8 — курган 2, погребение 1; 9 — курган 1, погребение 2; 10 — курган 1, погребение 6; 16 — курган 3, погребение 5

Первомайский могильник: 4 — курган 3, погребение 1; курган 3, погребение 2

Мало-Кизыльский II могильник: 14 — курган 1, погребение 1; 15 — курган 1, погребение 2;

17 — курган 5

38. План и разрез погребения 5 кургана 3, Мало-Кизыльский I могильник

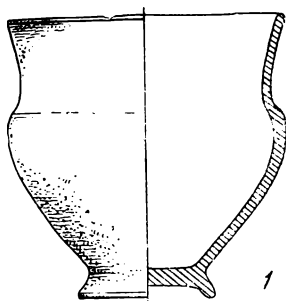
снабжены ярко выраженным уступчиком, другая черта алакульских сосудов — неорнаментированная полоса на шейке — здесь отсутствует. Ближе к алакульским по этому признаку сосуды из погребения 5 кургана 2, но форма одного (раздутые бока, приземистость) (рис. 39, 9) при наличии уступчика как бы представляет гибрид посуды двух этапов, а орнамент этого сосуда совпадает с орнаментом на одном из сосудов Ново-Буринского могильника федоровского этапа (рис. 45, 7). Другие же сосуды Агаповских курганов сохраняют федоровские традиции однозональной орнаментации.

Меандровый орнамент на сосудах из погребения 5 кургана 1 и погребения 1 кургана 3 относится к тому типу, который наиболее распространен в могильниках орско-домбаровского района на керамике кожумбердынского типа (Кожумбердынский, Тасты-Бутак I, Киргильда I), а не федоровского или алакульского. Красная краска под черепом в погребении 8 кургана 2 тоже говорит о раннем времени захоронения. Она нередка в полтавкинских погребениях и не характерна для собственно срубных.

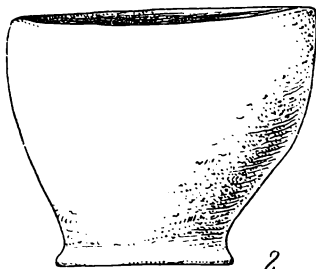
Таким образом, во всех могильниках под Магнитогорском мы видим погребения под земляными курганами без применения при сооружении насыпей и могил камня, а также сосредоточение под одной насыпью нескольких могил. Все это характерно для могильников срубной культуры. Особенно показательна ориентировка погребенных. Из 24 погребений, где удастся установить ориентировку, в 18 случаях костяки лежали головой на север (иногда с небольшими отклонениями к востоку и западу), в двух — на северо-запад, в одном — на северо-восток и в трех — на запад (см. табл. 15). Северная ориентировка постоянна для могильников срубной культуры Поволжья, в то время как для андроновской типичной является ориентировка западная и юго-западная. Много срубных черт и в керамике: грубость и бедность орнамента сосудов, отсутствие в глине посуды примеси талька, применение штрихового заглаживания поверхности. В наиболее чистом виде все эти срубные черты установлены в I и II Мало-Кизыльском и Первомайском могильниках. В инвентаре могильника Агаповка II больше андроновских черт, но погребальный обряд и здесь ближе к срубному.

Трупосожжения в могильниках под Магнитогорском не обязательно рассматривать как андроновский элемент в этих памятниках. Трупосожжения известны и на срубной территории, что считается обычно доказательством проникновения федоровско-андоновских племен на запад, в срубную среду. Под Магнитогорском они во всех случаях находились под одной насыпью с труположением: из пяти-шести могил под курганом одна содержала трупосожжение.

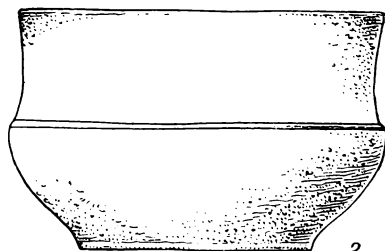
Для всех них характерно отсутствие сопровождающего инвентаря. Лишь в погребении Агаповского могильника найдены традиционные

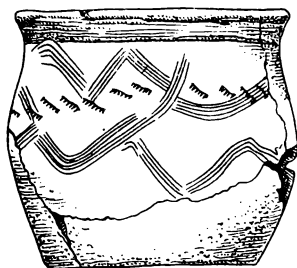
1

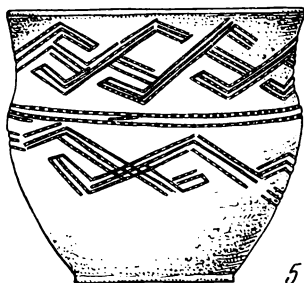
2

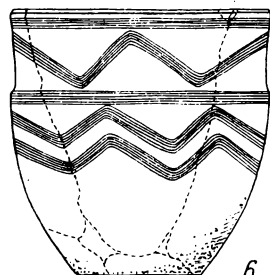
3

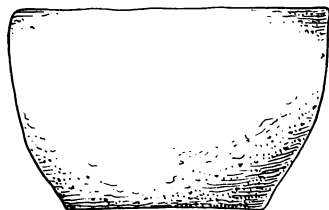
4

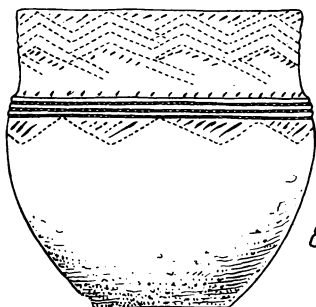
5

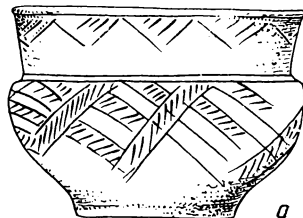
6

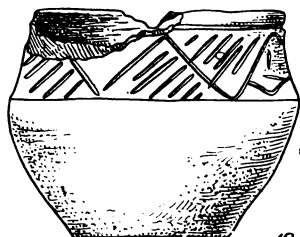
7

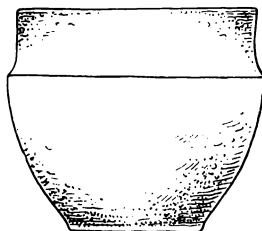
8

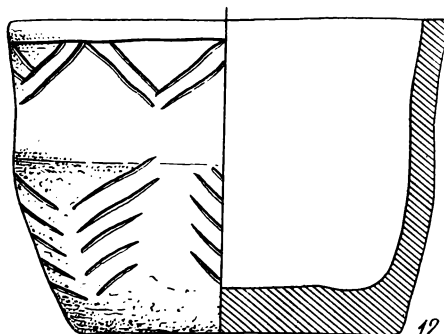
9

10

11

12

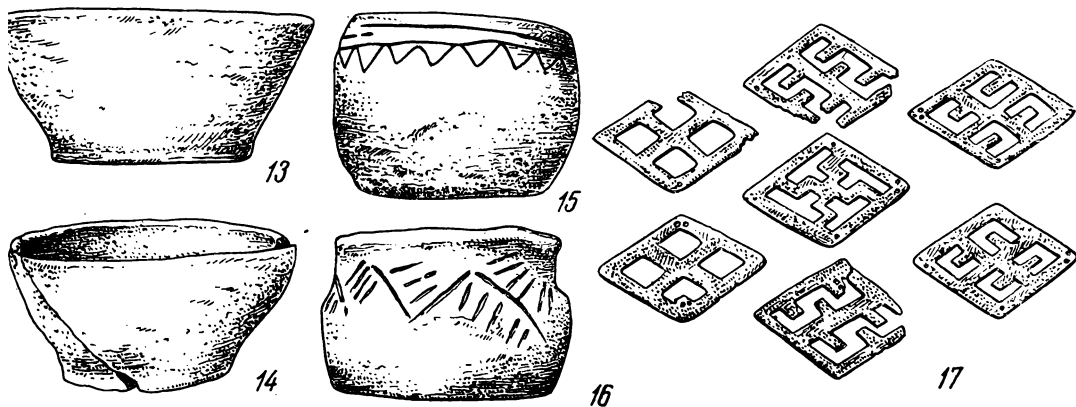
ребра лошади — остатки обычной напутственной пищи в подобных погребениях Челябинского района (Сальников, 1940, 1951). Все они являются не основными в многомогильных курганах, а включены под общую насыпь досыпкой грунта, или впущены в готовую насыпь. Следовательно, и при отсутствии инвентаря можно утверждать, что обряд трупосожжения во всех случаях лишь представляет древние традиции раннеандроновского федоровского этапа, но продолжали его применять в некоторых случаях и позднее.

Особенно интересна могила 4 в кургане 1 Мало-Кизыльского I могильника, где обряд трупосожжения дополнялся элементами, свойственными не андроновским, а срубным могильникам. В этой могиле под обвалившимся накатником по дну были рассыпаны тонким слоем мелкие жже-ные человеческие косточки, среди них в самом центре могилы найдено несколько небольших кусочков мела. Восточная половина дна могильной ямы была покрыта берестой. В северо-восточном углу на площади 1×1 м на бересте обнаружены большие пятна красной краски. У восточной и западной стенок оказалось по одной ямке от столбов. Никаких вещей в могиле не найдено.

Посыпка дна мелом и употребление красной краски в Поволжье применялись как при трупоположении, так и при сожжении. Много общего

39. Вещи из могильника Агаповка II

1, 2 — курган 1, погребение 1; 3 — курган 1, погребение 2; 4, 5 — курган 1, погребение 5; 6, 7 — курган 1, погребение 6; 8, 9 — курган 2, погребение 5; 10—12 — курган 4, погребение 2; 13 — курган 4, погребение 3; 14 — курган 4, погребение 4; 15 — курган 4, погребение 5; 16 — курган 2, погребение 8; 17 — курган 4, погребение 6

Т а б л и ц а 15. Погребальный обряд в могильниках эпохи бронзы
Магнитогорского района

Могильник	№ кургана	№ погребения	Положение костяка				Ориентировка	Дополнительные сведения
			на левом боку	на правом боку	на спине	сидя	сожжение	
Первомайский . . .	3	1	+				Север	
		2					»	
Мало-Кизыльский I	1	1	+				Северо-северо-запад	
		2		+	(?)			
		4					+	
		6	+				Северо-запад	
		7	+				Северо-северо-запад	
	2	1				+		
		2	+				Север	
		3					Запад (?)	
		4	+				Запад	
	3	1	+				Север	
		2	+				»	
		3	+				Запад	
		4	+				Север	
		5			+		»	Парное погребение
	5			Разрушено			Северо-юг	
	1	1	+				Северо-северо-запад	
		2	+					
		3		Разрушено			Северо-северо-восток	
		4					Северо-запад	
		5		В насыпи				Погребение ребенка
Агаповка II	1	1		Разрушено				
		2	+				Северо-юг	
		4		Разрушено			Северо-северо-запад — юго-юго-восток	
		5	+				Север	
		6					»	

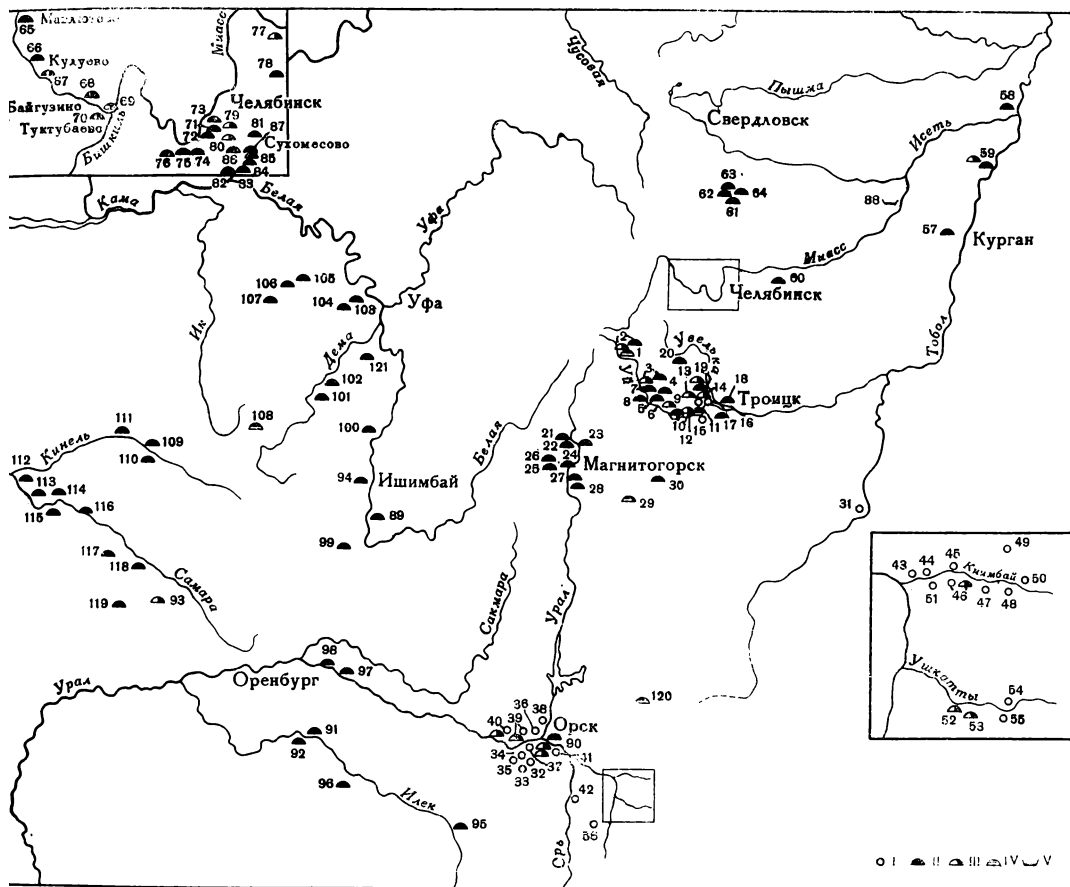
Таблица 15 (окончание)

Могильник	№ кургана	№ погребения	Положение костяка					Ориентировка	Дополнительные сведения
			на левом боку	на правом боку	на спине	сидя	сожжение		
Агаповка II	2	3		Разрушено					
		4							
		5					+	(?)	Северо-юг
		8	+						Север
	3	1		Разрушено					Северо-юг
		2		Разрушено					Северо-восток — юго-запад
	4	1					+		Северо-юг
		2		Разрушено					Север
		3	+						Северо-восток
		4	+						Северо-северо-запад
	5	5	+						Север
		6	+						»
				Разрушено					Парное погребение

с описанным погребением в погребении 5 кургана 2 у с. Макаровки в саратовском Поволжье (Синицын, 1947, стр. 78—81). В этой могиле, содержащей остатки трупосожжения, также применены были и посыпка дна мелом, и подстилка (бересту в данном случае заменял слой хвоща), и посыпка красной краской. Наконец, столбы в середине противоположных стен могилы заставляют вспомнить конструкцию землянок на поселениях срубной культуры Поволжья, где опорой крыши служили также столбы, поставленные у середины стены (Синицын, 1949, стр. 199). Таким образом, даже исконно андроновский обряд — трупосожжение — пропитан элементами срубного погребального обряда.

На промежуточной территории между Поволжьем и Зауральем полную аналогию многомогильным курганам с включением одной могилы с трупосожжением представляет курган 4 у с. Погромного на западе Оренбургской области (Сальников, 1950).

Следует все же оговориться, что господство под Магнитогорском земляных курганов с захоронениями срубно-андроновского населения

40. Схематическая карта расположения могильников эпохи бронзы

I — каменные оградки; II — земляные курганы; III — земляные курганы с оградками у основания или под насыпью; IV — земляные курганы с каменными плитами на могилах; V — грунтовый могильник

1 — Уйское I; 2 — Уйское II; 3 — Бирюковский; 4 — Степное I; 5 — Степное II; 6 — Степное III; 7 — Степное IV; 8 — Степное V; 9 — Степное VI; 10 — Ключевский; 11 — Осиновка; 12 — Уразаевский I; 13 — Уразаевский II; 14 — Уразаевский III; 15 — Водопьяновский; 16 — Санарка; 17 — Троицкая ГРЭС; 18 — Троицкий; 19 — Кинзерский; 20 — Табуино; 21 — Спасское I; 22 — Спасское II; 23 — Спасское III; 24 — Мало-Кизыл I; 25 — Мало-Кизыл II; 26 — над Смеловской пещерой; 27 — Первомайский; 28 — Агаповка II; 29 — Черниговский; 30 — у башни Тамерлана; 31 — Алексеевка; 32 — Урал-сай; 33 — Кунак-бай; 34 — Киргильда I; 35 — Киргильда II; 36 — Ново-Аккерман; 37 — Тулайкин аул; 38 — группа XXXIII; 39 — группа XLII; 40 — группа

не является абсолютным. В. С. Стоколос у с. Спасского в 1961 г. раскопал земляной курган, содержавший трупосожжение с типичной Федоровской нарядной керамикой с меандровым орнаментом (Стоколос, Отчет 1961 г.).

В заключение характеристики могильников Магнитогорского района следует особо рассмотреть одиночный курган у с. Смеловского. В кургане оказалось два погребения: разрушенное основное и впускное, сильно поврежденное грызунами. В обеих могилах погребенные были положены на правый бок, головой на юг. На краю второй могилы стоял неорнаментированный бомбовидный сосуд с узким прямым горлом и плоским дном (рис. 15, 19). Положение костяка и тип сосуда позволяют отнести курган к замараевскому этапу.

Подводя итоги описанию могильников эпохи бронзы южного Зауралья, можно прийти к заключению, что открытие более десяти лет назад (Сальников, 1951) на андроновских могильниках нескольких типов надмогильных сооружений новыми исследованиями подтверждаются и уточняются. Сейчас можно говорить о следующих типах надмогильных сооружений: каменные оградки, земляные курганы, земляные курганы с каменными оградками под насыпью или у ее основания, земляные курганы с каменными плитами на могилах, могилы без внешних признаков. Южный Урал представляет собой контактную зону между племенами андроновской и срубной культур. Не всегда можно с полной уверенностью определить культурную принадлежность того или иного могильника. Все это затрудняет проведение границы между районами расселения андроновских и срубных племен. Поэтому при составлении карты могильников эпохи бронзы Южного Урала учтены не только андроновские памятники, но и могильники срубной культуры. На карте (рис. 40) нанесены все основные

XLVII; 41 — группа LIVa; 42 — Кожумбердынский; 43 — Шарабас; 44 — Жаилган; 45 — Байта; 46 — Байту I; 47 — Могильник № 13; 48 — Еленовка; 49 — Шандаша I; 50 — Турсумбай; 51 — Купухта; 52 — Ушкатты III; 53 — Ушкатты I; 54 — Могильник № 44; 55 — Атакен-сай; 56 — Тасты-Бутак I; 57 — Курганская; 58 — Томилово; 59 — Вагина; 60 — Алакуль; 61 — Большое Казах-баево II; 62 — Ново-Бурино; 63 — Больше-Караболский; 64 — Майя; 65 — Мавлютово; 66 — Кулево; 67 — Кулукаево; 68 — Байгазина; 69 — Бишкиль; 70 — Туктубаева (Курбакова); 71 — Сосновка I; 72 — Сосновка II; 73 — Сосновка III; 74 — Черняки I; 75 — Черняки II; 76 — Черняки III; 77 — Федоровка; 78 — Чурилово II; 79 — Смолино I; 80 — Смолино II; 81 — Сухомесово; 82 — Синеглазово; 83 — Исаково I; 84 — Исаково II; 85 — Исаково III; 86 — Исаково IV; 87 — Исаково V; 88 — Бахлавский; 89 — Нугуш; 90 — Ново-Кумак; 91 — Близнецы; 92 — Увакский; 93 — Ново-Белогорка; 94 — Кошкарка; 95 — Ульке I; 96 — Соль-Илецк аул № 1; 97 — Ваньки-на-шишка; 98 — Неженка; 99 — Язк-Ишметово; 100 — Куганак; 101 — Давлеканово; 102 — Яблыклы; 103 — Мамаково; 104 — Тукмаклы; 105 — Верхне-Аташево; 106 — Именьлекулево; 107 — Ново-Балтачево; 108 — Чубок-Каран; 109 — Бугуруслан; 110 — Александровка; 111 — Березняки; 112 — Кротовка; 113 — Пустовалово; 114 — Аверьяновка; 115 — Лещевка; 116 — Борское; 117 — Погромное; 118 — Кирсановка; 119 — Преображенка; 120 — Адамовка; 121 — Старо-Мусино; 122 — Хабаровое I

наиболее крупные могильники, а также все раскопанные, хотя бы и отдельные погребения андроновской культуры. Особенности конструкции срубных курганов не позволяют определить их до вскрытия погребений. Поэтому мы ограничиваемся включением в карту только тех памятников, принадлежность которых к срубной культуре не вызывает сомнения. На карте обозначены и могильники, имеющие смешанные срубно-андроновские признаки, отнесение которых к той или другой культуре затруднительно.

Распределение памятников по карте отражает неравномерность изученности различных микрорайонов исследуемой территории. Все же улавливается известная закономерность в распространении каждого вида надмогильных сооружений по территории южного Зауралья. При почти полном господстве в надмогильных сооружениях южных районов каменных конструкций роль их по мере удаления на север уменьшается. Правда, в отдельных случаях камень применялся в устройстве курганов под Челябинском и еще севернее, у д. Вагиной в Курганской области, но под Челябинском находки камня в курганах редки, а в Курганской области культурная принадлежность памятника остается не выясненной.

Разнородность надмогильных сооружений отмечается на всей огромной территории распространения андроновских памятников (Сорокин, 1962, рис. 6). Причины этой пестроты остаются неясными. В западных районах андроновской территории решительно преобладают земляные курганы на севере, в лесостепи, и бескурганные каменные оградки на юге, в степных районах.

Можно в некоторых случаях смело говорить о зависимости типа могильника от этнокультурного состава населения, оставившего тот или иной памятник. Особого внимания в этом отношении заслуживает значительная группа хорошо исследованных могильников в районе Магнитогорска, которые состояли из чисто земляных курганов, хотя находятся они на юге, в степной местности; это можно объяснить влиянием срубной культуры, которая в этих могильниках сказывается и в погребальном обряде, и в керамике.

В каждом локальном районе заметна и хронологическая разница между отдельными видами надмогильных сооружений. В северных районах оградки из камней вокруг могил встречаются, но на могильниках федоровского этапа они не часты, на памятниках кожумбердынского типа редки (Степное III, Бирюковский), а на алакульских вообще не отмечены. На юге же на всех могильниках камень в устройстве надмогильных сооружений применялся очень широко.

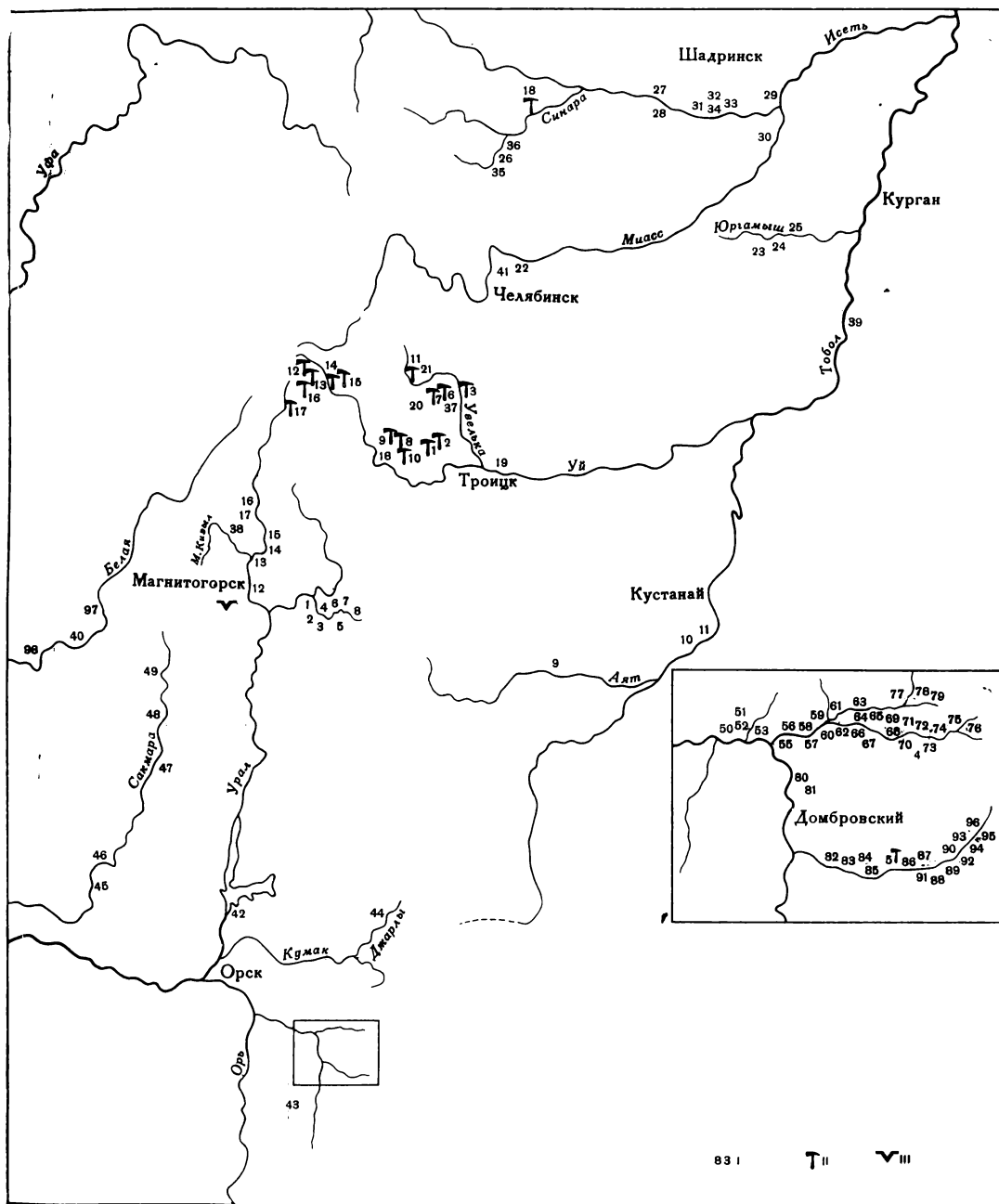
О древних рудниках на восточном склоне Южного Урала писали еще академики XVIII в. П. Паллас и И. Лепехин. «Все рудопромышленники, — писал Лепехин, — единогласно уверяют, что жившая некогда чудь самую лучшую руду отбирала. Она никогда порядочно руды не добывала, но лазя под землей наподобие кротов, отковыривала лучшую руду кабаньими

Рудники

клыками». Лепехин указывает на «чудские копи» у с. Багаряк и д. Казаковой на севере теперешней Челябинской области (Лепехин, 1802). По следам этих «чудских копей» зачиналась на Урале русская горнодобывающая промышленность. В горных архивах сохранились дела XVIII в. «о найденных русскими промышленниками чудских рудников в верховьях р. Уя на территории Учалинского района БАССР; на реках Увелька, Санарка, Кабанка и их притоках в центральной части Челябинской области» (Малахов, 1908, стр. 22—27; Талицкая, 1953, стр. 291—294; см. карту — рис. 41). Часть этих рудников в 1950—1954 гг. удалось обнаружить и обследовать разведочному отряду Н. П. Кипарисовой (см. ниже). Еще одно место древней добычи меди известно в Домбаровском районе Оренбургской области, где рудники датируются находками на них андроновских вещей. Куски породы из отвалов Еленовского рудника использовались для сооружения оградок вокруг могил соседнего андроновского могильника, что свидетельствует о разработке рудника в андроновское время. Для датировки более северных рудников эпохой бронзы нет столь убедительных данных, но высокое развитие у андроновского населения горнометаллургического производства и густая сеть памятников этого времени в районе расположения рудников позволяют предполагать, что их эксплуатировали еще в эпоху бронзы.

Каменский рудник. В Пластском районе Челябинской области, на левом берегу р. Каменки, притока р. Санарки, в 2—2,5 км выше устья находится пять древних выработок (рис. 42, 2). Они расположены в 250—300 м от реки, на высоком берегу, в степи между пашнями, против полевого стана колхоза с. Каменно-Санарского. Рабочие стана называют выработки змеиными ямами. Они расположены двумя группами — три более крупные рядом на самом высоком месте, в 120 м от них чуть ниже еще две. Самая большая из трех выработок, № 1, представляет собой яму неправильной круглой формы диаметром сверху 8—12 м, внизу — 5—7 м (рис. 42, 4). На высоте 2,5 м от дна сделан горизонтальный подкоп, который через 3 м опять опускается вертикально узким колодцем на глубину 6 м от поверхности. От разрушения краев образовалась осыпь, заполнившая часть подкопа и колодца, но оставившая узкий пролаз. Стенки выработки слоистые, серо-зеленого цвета, поверхностная часть легко крошится.

Две другие выработки в этой группе представляют собой ямы глубиной в 2 м, одна (№ 2) продолговатая 5×10 м, вторая (№ 3) — почти круглая, диаметр 5 м.

83 I

T II

V III

Выработка № 4 — яма диаметром 3 м, глубиной 1 м; № 5 — продолговатая яма 5 × 7 м, глубиной 3 м. Внизу имеется два подбоя в толщу скалы (Кипарисова, Отчет 1950 г.).

Рудник на р. Санарке. По словам местных жителей, на р. Санарке ниже впадения в нее р. Каменки расположено урочище Синий Камень. Там так же, как и на р. Каменке, имеются ямы в скале и в них камень синего и зеленого цвета. По-видимому, это тот рудник, о котором говорит Малахов (Кипарисова, Отчет 1950 г.).

Усть-Кабанский рудник. В Увельском районе Челябинской области, на левом берегу р. Увельки, против устья р. Кабанки, на вершине горы Тушкан в 1951 г. разведочный отряд (руководитель Н. П. Кипарисова) археологической экспедиции Челябинского музея обнаружил следы древних разработок медных руд, упоминавшиеся М. В. Малаховым (1908).

В этом руднике зарегистрировано четырнадцать выработок, из них — пять на южном склоне горы, в степи, три — вблизи них на самом перевале и шесть — на северном склоне в березовом лесу, в 150—170 м от выработка южного склона. Все выработки представляют собой круглые неглубокие ямы, поросшие травой; по краям некоторых ям еще видны отвалы из мелких камней, сильно сглаженные, тоже заросшие травой. На многих сланцах из отвалов видны кусочки малахита. Почти на всех выработках степной части горы растут березы.

41. Схематическая карта расположения андроновских поселений и рудников

I — поселение; II — медный рудник; III — золоторазработки

Поселения: 1 — Усть-Бахтинское; 2 — Нижне-Бахтинское; 3 — Трибиянское; 4 — Обрыв; 5 — Левобережное Бахтинское; 6 — Бахтинское; 7 — у Белого камня; 8 — Черниговское; 9 — Асенкритовское; 10 — Алексеевское; 11 — Садчиковское; 12 — Агаповское; 13 — у горы Мохнатой; 14 — Нижне-Алексеевское; 15 — Верхне-Алексеевское; 16 — у Спасского моста; 17 — Нижне-Спасское; 18 — Вирюковское; 19 — Бобровское; 20 — Демаринское; 21 — Варламовское; 22 — Стариковское; 23 — Таловское; 24 — Кипельское; 25 — Третье Кипельское; 26 — Ново-Буринское; 27 — Замараевское; 28 — Бармаковское; 29 — Ближне-Кубасовское; 30 — Бакалановское; 31 — Баборыкино III; 32 — Баборыкино I; 33 — Баборыкино VI; 34 — Баборыкино II; 35 — Мало-Казахбаевское; 36 — Усть-Караболское; 37 — Увельское (ЮУГРЭС); 38 — У Грязной луки; 39 — Ялым; 40 — Старо-Субханкулово; 41 — Хайруллинское; 42 — Таналыкское; 43 — Тасты-Бутак; 44 — Джарлы (11 поселений); 45 — Араслангулово; 46 — Акназарово; 47 — Юлдыбаево; 48 — Чингизово; 49 — Муллакаево; 50 — № 21; 51 — № 20; 52 — № 23; 53 — № 24; 55 — № 19; 56 — № 11; 57 — № 10; 58 — № 10а; 59 — № 9; 60 — № 5; 61 — № 17; 62 — № 6; 63 — № 15; 64 — № 15а; 65 — № 13; 66 — № 4; 67 — № 42; 68 — № 41; 69 — № 1; 70 — № 40; 71 — № 37; 72 — № 27; 73 — № 3; 74 — № 28; 75 — № 29; 76 — № 39; 77 — № 45; 78 — № 46; 79 — 47; 80 — № 57; 81 — № 58; 82 — № 55; 83 — № 54; 84 — № 53; 85 — № 52; 86 — № 36; 87 — № 35; 88 — № 43; 89 — № 34; 90 — № 33; 91 — № 49; 92 — № 33а; 93 — № 32; 94 — № 32а; 95 — № 31; 96 — № 44; 97 — Ново-Мунасиново; 98 — Ново-Акбулатово

Рудники: 1 — Каменский; 2 — Санарский I; 3 — Усть-Кабанский; 4 — Еленовский; 5 — Ушкяттинский; 6 — Коелгинский; 7 — Черная Устья; 8 — Санарский II; 9 — Санарский III; 10 — Санарский IV; 11 — Кунушевский; 12 — Кизьякаевский; 13 — Давыдовский; 14 — Тунгатаровский I; 15 — Тунгатаровская II; 16 — Каснатинский; 17 — Ургун; 18 — Казаковский

Золоторазработки: Кусевский рудник

Размеры выработок (Кипарисова, отчет 1951 г.)

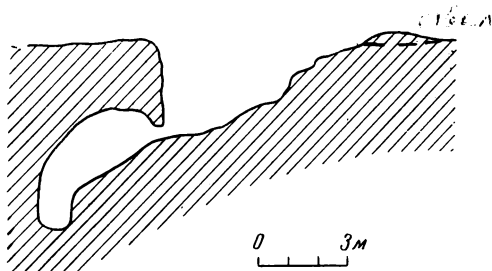
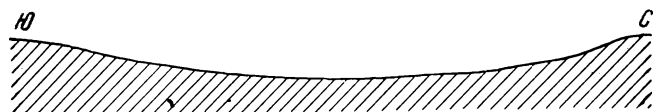
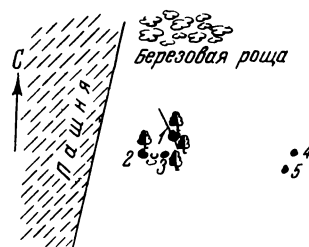
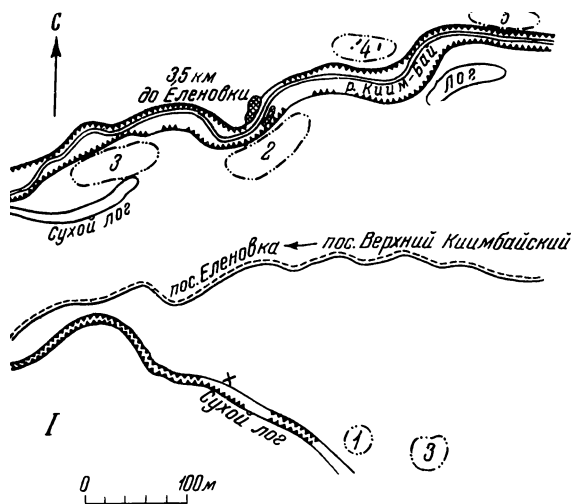
Номер выработки	Диаметр, в м	Глубина, в м	Местонахождение
1	8	1,5	На перевале
2	8	0,35	Там же
3	5	0,70	»
4	17	2,75	На южном склоне
5	10	1,80	Там же
6	4	1,0	»
7	15	3,15	»
8	10×6	1,10	»
9	5	1,0	На северном склоне
10	9	1,45	Там же
11	6,5	1,25	»
12	8	0,50	»
13	10,5	2,0	»
14	8,5	1,45	»

Еленовский рудник. В Домбаровском районе Оренбургской области, в 4,5 км к востоку от пос. Еленовка, в 0,5 км от левого берега р. Кимбай находится медный рудник в виде открытого карьера 46×37 м, глубиной до 4 м (рис. 42, 3). Памятник открыт в 1918 г. краеведом А. С. Новиченко. В 400 м от рудника, на прибрежной дюне, на площади 120×58 м в большом количестве рассеяны мелкие кусочки руды как на поверхности, так и на глубине 15—20 см. Очевидно, здесь производилась первичная обработка руды — обогащение. Ни возле карьера, ни на дюне никаких признаков плавки руды не обнаружено. Это делалось на поселениях (Формозов, 1951; Сальников, Новиченко, 1962, стр. 132).

Ушкаттинский рудник. В 30 км от Еленовского рудника, на соседней речке Ушкатты, в 1937 г. геологи А. И. Рыбалкин и С. К. Нечитайло открыли другой древний медный рудник, также представляющий собой открытые карьеры. Один из них достигает длины 130 м при ширине до 12 м, три других незначительного диаметра (5—8 м). Химический анализ показал, что ушкаттинская руда содержит от 2,5 до 5,9% меди (Левитский, 1941).

Кусеевский золотодобывающий рудник. В 2 км от с. Кушеево Баймакского района БАССР, на склоне горы Тукан находятся заброшенные выработки золота, где работа велась старателями до 1935 г.

По словам участника этих разработок бывшего старателя Абдрахмана Гарифуллина и местного жителя Хедията Латыпова, современные разработки были организованы по следам древних, что и привело к уничтожению последних. По словам Гарифуллина, древние выработки выглядели как маленькие шахты, в которых можно было работать только лежа на

42. Древние рудники

I — схематический план памятников в районе Еленовского рудника

1 — рудник; 2 — «обогагательная площадка»; 3 — могильник; 4 — Нижне-Киимбаевское селище; 5 — Верхне-Киимбаевское селище; 6 — Киимбаевская стоянка

II — Каменский рудник;

III — Еленовский рудник (разрез);

IV — разрез Каменского рудника

боку. На стенках шахт заметны были следы копати. На месте выработки находили каменные хорошо шлифованные песты из зеленого «нездешнего» камня и ступки в виде каменных плит диаметром 30—40 см, с углублением в середине. Древние разработки золота на горе Тукан местные старики-башкиры приписывают легендарному народу суксун. Гарифуллин подробно описал, как выглядели песты, найденные в древних разработках. По форме, размерам и материалу они выглядят как типичные для памятников андроновской культуры (Сальников, Отчет 1952 г.).

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Погребальный обряд складывается из устройства надмогильных сооружений, способа захоронения (труположение, трупосожжение), положения и ориентировки костяка, сопровождающего инвентаря.

Погребальный обряд

Подробно остановимся на устройстве надмогильных сооружений и ориентировке костяков, попутно отмечая способ захоронения.

В могильниках эпохи бронзы южного Зауралья наблюдаются следующие типы надмогильных сооружений:

1) оградки круглой («кольцо»), овальной, реже прямоугольной формы, составленные из каменных плит или глыб, окружающие бескурганную могилу;

2) такие же оградки вокруг основания земляного кургана;

3) земляные курганы, обложенные по поверхности камнем, благодаря чему они выглядят как сооруженные из камней;

4) земляные курганы, под насыпями которых заключены «каменные кольца» (оградки) вокруг грунтовой могилы. Иногда отдельные камни таких оградок заметны на поверхности;

5) земляные курганы, под насыпями которых заключены грунтовые могилы, покрытые каменными плитами;

6) земляные курганы, лишенные каменных сооружений;

7) грунтовые могильники без внешних признаков.

Грунтовые бескурганные могильники мы не рассматриваем, учитывая их единичность.

Остальные могильники подразделяются на три более общие группы, каждая из которых связывается с определенной территорией, монолитна в хронологическом отношении и отличается единообразием погребального обряда.

Могильники первой группы, характеризующиеся различными видами надмогильных сооружений с обязательным участием камня в их устройстве при отсутствии земляных насыпей, типичны для юга Зауралья. Севернее р. Уя они неизвестны, а в массе открыты в орско-домбаровском рай-

оне. Они содержат трупоположения на боку (преимущественно на левом), головой на запад или юго-запад и керамику кожумбердынского и алакульского типа.

Памятники второй группы — сооружения из камня в одном могильнике с земляными курганами — распространены в уйско-увельском и Челябинском районах. Они содержат трупосожжения, в единичных случаях — трупоположения и сопровождаются керамикой федоровского типа.

Третья группа могильников, состоящих только из земляных курганов, распространена также в уйско-увельском, Челябинском, а также в Магнитогорском районах; в первых двух районах чересполосно с памятниками второй группы. В уйско-увельском районе они содержат трупоположения, преимущественно на левом боку, с неустойчивой ориентировкой, датируются алакульской керамикой, в Челябинском наряду с подобными могильниками имеются земляные курганы с трупосожжением федоровского этапа. Для Магнитогорского района характерны многомогильные курганы с трупоположением на левом боку и преимущественной ориентировкой головы на север, датирующиеся керамикой алакульского и срубного типа.

*

Выше погребальные памятники были расклассифицированы по различию надмогильных сооружений и их связи с территорией распространения, погребальным обрядам и хронологическим этапам.

Прежде чем обратиться к описанию погребального обряда могильников эпохи бронзы Южного Урала, следует установить господствующую ориентировку погребений андроновской и срубной культур в районах, достаточно удаленных от контактной зоны.

В Нижнем и Среднем Поволжье, где за последние годы исследована не одна сотня срубных погребений, характерной ориентировкой является северная и северо-восточная.

Большое число погребений с восточной ориентировкой в низовье Еруслана, очевидно, дают полтавкинские могилы, поскольку И. В. Сивинцын не отделил их от срубных.

Массовые раскопки в Нижнем Поволжье в 1952—1954 гг. К. Ф. Смирнова (Смирнов, 1959, стр. 312), в 1951—1953 гг. И. В. Сивинцына (Сивинцын, 1959, стр. 190—191) также показали, что в срубных погребениях господствует северная и северо-восточная ориентировка.

Совершенно иная ориентировка в андроновских могильниках Южной Сибири и Казахстана. Для могильников Минусинской котловины характерна юго-западная ориентировка (Теплоухов, 1927, стр. 80). В могильнике Орак (Жомарова, 1961, стр. 48) 40 погребений ориентированы к юго-западу и только одно — на северо-восток. Западная и юго-западная ориен-

тация является господствующей в андроновских могильниках на Верхней Оби (Грязнов, 1956а), в Центральном (Акишев, 1953, стр. 6) и Северном Казахстане (Оразбаев, 1958, стр. 237, 246). То же наблюдается в юго-восточном Зауралье, в орско-домбаровском районе, что видно из табл. 16.

Т а б л и ц а 16. Ориентировка срубных погребений в Нижнем и Среднем Поволжье

Пункт или район раскопок	Север	Северо-восток	Юго-запад	Восток	Юго-восток	Юг	Юго-запад	Запад	Источник
Среднее Заволжье	77	15	18	4	2	—	3	5	Мерперт, 1954, стр. 141
Быковские курганы	26	23	1	1	3	1	—	3	Смирнов, 1960, стр. 241—244
Калиновский могильник . . .	3	10	—	2	1	1	—	1	Шилов, 1959, стр. 417
Низовье Еруслана (раскопки 1954—1955 гг.)*	13	50	1	41	2	1	2	2	Синицын, 1960, стр. 148

* В памятниках низовья Еруслана в подсчет вошли вместе полтавкинские и срубные погребения.

Следовательно, в орско-домбаровском районе такой важный момент погребального ритуала, как ориентировка покойника, полностью совпадает с характерным для андроновских погребений.

Сложнее обстоит дело в памятниках южного Зауралья, исследованных в более северных районах, нежели та группа могильников, о которых шла сейчас речь. На первый взгляд может показаться, что здесь нет устойчивой ориентировки.

Следовательно, на основании ориентировки погребенных можно прийти к заключению, что население юго-восточного Приуралья в эпоху бронзы теснейшим образом было связано с андроновскими областями Западного и Центрального Казахстана. Это, очевидно, были племена андроновской культуры. Обитатели же района Магнитогорска находились под сильным влиянием срубной культуры, вернее, образовались в результате смешения представителей андроновской и срубной культур, причем в погребальном обряде черты, свойственные срубной культуре, превалировали (табл. 17, рис. 51).

Своеобразно подобное смешение сказалось и в Алексеевском и в Алакульском могильниках, но более сильным здесь оказалось хронологическое отличие от других могильников. В них уже проявился тот процесс,

Т а б л и ц а 17 Ориентировка андроновских погребений орско-домбаровского района

Могильник	Всего наблюдений	Запад	Юго-запад	Северо-запад	Юг	Юго-восток	Восток	Северо-восток	Север	Источник
Тасты-Бутак I . . .	94	69	9	4	6	—	—	—	6	Сорокин, 1962, стр. 35
Ульке I	1	1	—	—	—	—	—	—	—	Сорокин, 1958, стр. 78
Кожумбердынский	6	—	6	—	—	—	—	—	—	Кривцова-Гракова, 1948, стр. 165—169
На притоках Урала ниже Орска .	8	6	1	—	—	—	1 (?)	—	—	Грязнев, 1927
Ново-Аккермановский	9	6	1	2	—	—	—	—	—	Подгаецкий, 1940, стр. 79—80
Еленовский	1	—	1	—	—	—	—	—	—	Сальников, Новиченко, 1962, стр. 131
Купухта			+							Кузьмина, 1963, стр. 67
Ушкатты I		+								Кузьмина, 1962, стр. 86
Атакен-сай, Шандаша		+	+							Кузьмина, 1962, стр. 87
Ново-Кумакский	5	+	+							Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964

Т а б л и ц а 18. Ориентировка погребенных в могильниках южного Зауралья

Могильник	Всего наблюдений	Запад	Юго-запад	Северо-запад	Юг	Юго-восток	Восток	Северо-восток	Север
Агаповка II	8	—	—	—	—	—	—	1	7
Первомайский	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Мало-Кизыльский I	11	3	—	1	—	—	—	—	7
Мало-Кизыльский II	3	—	—	1	—	—	—	—	2
У с. Спасского	32	—	—	1	1	—	1	—	29
Царево-Курганский	4	—	1	—	—	2	—	1	—
Алакульский	26	3	—	—	16	—	—	—	7
Алексеевский	18	—	—	—	4	2	12	—	—
Всего	104	6	1	3	21	4	13	2	54

который привел в конечном результате к заключительному этапу развития культуры эпохи бронзы Зауралья. В редких замараевских погребениях отмечена восточная и южная ориентировка костяков. Изменение ориентировки в этом направлении, отход от западной и северной ориентировки предыдущего этапа начался уже в алакульский период, как это можно видеть на примере Алексеевского и Алакульского могильников.

Мы установили значительное разнообразие погребальных обрядов, которое практиковалось в эпоху бронзы в южном Зауралье. Естественно возникает вопрос, чем объясняется такая неоднородность?

Очевидно, причин много. Нельзя не видеть, что камнем широко пользовались для укрепления стенок могил и устройства надмогильных сооружений в степной местности, а на севере, в лесостепи, для этой цели применяли дерево и земляные насыпи. Бесспорно и хронологическое различие обрядов: сожжение применялось на федоровском этапе, трупоположение — на алакульском. Не малую роль в сложении погребальных обрядов сыграло и то, что Зауралье представляло собой контактную срубно-андроновскую зону. В таких элементах погребального обряда, как северная ориентировка, многомогильность курганов, в ряде случаев и сооружение чисто земляных курганов, явственно проявляется влияние срубной культуры.

Относительная хронология

Во всех обобщающих работах делались попытки создать периодизацию истории андроновских племен соответствующего района.

Для западной части территории андроновской культуры, куда входит и южное Зауралье, существует периодизация, состоящая из трех сменяющих друг друга этапов: федоровского, алакульского и замараевского (Сальников, 1948, 1951).

Напомним основные черты, характеризующие памятники каждого этапа. В могилах федоровского этапа оказываются остатки трупосожжения в виде грудки пережженных костей, кости лошади (ребра, тазовые, лопатки), глиняные прямоугольные блюда и сосуды горшечной формы с округлыми плечиками и плавным профилем. Орнамент на этих сосудах покрывает сплошным полем венчик, шейку и плечики и нанесен обычно оттисками гребенчатого штампа, а резной орнамент встречается реже. В рисунке преобладают такие мотивы, как «косые» треугольники, сложные меандры, ряды широких желобков (рис. 45, 1—8).

Могилы алакульского этапа содержат костяки, скорченно положенные на бок, с подогнутыми ногами и руками: они сопровождаются обычно костями коровы или овцы (череп и кости конечностей) и сосудами горшечной формы с уступчиком на грани шейки и плечиков. Блюда в погребениях с трупоположением никогда не обнаруживали. Для сосудов горшечной формы характерны неорнаментированные полосы в нижней части шейки, а орнамент на них располагается тремя зонами: по венчику, по плечикам

и у дна. Впрочем, последняя зона нередко отсутствует. Орнамент на эти сосуды чаще наносился резьбой, хотя встречаются и оттиски гребенчатого штампа. Наиболее распространенными мотивами орнамента на сосудах с уступчиком являются равнобедренные треугольники и зигзагообразные полосы, меандры встречаются редко и обычно простых прямоугольных форм. Наряду с горшками в небольшом количестве найдены сосуды баночной и острореберной формы (рис. 45, 9 — 15).

Таким образом, могильники двух первых этапов андроновской культуры южного Зауралья различаются и обрядом погребения, и составом костей животных, и формой и орнаментом сосудов.

Третий, замараевский, этап представлен главным образом материалами поселений, а погребений известно лишь несколько. По составу глины, орнаменту, технике его нанесения и по форме замараевская керамика резко отличается от сосудов предыдущих этапов. Орнамент в виде поясков из косых насечек, елочки, ромбической сетки нанесен почти исключительно нарезкой, грубо, небрежно. Часто на шейке сосудов имеются рельефные валики, в некоторых случаях орнаментированные горизонтальной резной или гребенчатой елочкой. Поверхность многих сосудов шероховата от прироста песка.

Что касается формы сосудов, то для замараевского этапа характерны горшки с сильно выпуклыми боками и крутыми плечиками — это приближает их к бомбовидным сосудам сарматского времени. Некоторые наблюдения на Замараевском, Ново-Буринском, Нижне-Спасском и других поселениях Зауралья подтверждают позднюю дату керамики замараевского облика по сравнению с посудой первых этапов андроновской культуры.

По аналогии с южным Зауральем намечена периодизация Центрального (Акишев, 1953) и Северного Казахстана (Оразбаев, 1958). Последний этап развития племен эпохи бронзы в первом районе, вследствие его специфики, назван не замараевским, а дындыбаевским, а во втором он выделен в особую замараевскую культуру. Не отходят от трехчленной схемы и исследователи эпохи бронзы Восточного Казахстана. По А. Г. Максимовой (1959), племена Восточного Казахстана проходят через ранний (федоровский), средний (алакульский) и поздний (синхронный карасуку) этапы.

Районированию и периодизации памятников андроновской культуры посвящена интересная работа М. Н. Комаровой (1962). Она разделяет андроновскую культуру на три хронологических этапа: 1) окуневский, 2) федоровский и 3) алакульский. Памятники первого этапа известны только в Енисейских степях*, федоровские памятники же открыты на западе Казахстана и в Средней Азии. Памятники третьего этапа — ала-

---

* Раскопки последних лет показали, что окуневские могильники представляют не ранний этап андроновской, а особую окуневскую культуру (Максименков, 1964).

кульского, широко представленного на западе андроновской территории, М. Н. Комарова усматривает в отдельных погребениях в Восточном Казахстане и на Енисее. Она делает вывод, что малочисленность этих памятников на востоке объясняется пробелами в наших знаниях. Через эту стадию развития, по ее мнению, прошли андроновские племена во всех районах их обитания (Комарова, 1962, стр. 61, 62, 68—70). В конце II тыс. до н. э. андроновская культура трансформируется на востоке в культуры карасукскую и дындыбаевскую, а на западе — в замараевскую. Таким образом, заключительный этап развития племен эпохи бронзы, по мнению М. Н. Комаровой, выходит за пределы андроновской культуры. Поскольку эти поздние культуры являются результатом развития андроновской культуры, а не принесены извне новым населением, схема М. Н. Комаровой не ломает членения эпохи бронзы, в частности южного Зауралья, намеченного автором настоящей работы (Сальников, 1951, стр. 114—115).

С. С. Черников, давая этапам андроновской культуры Восточного Казахстана новые наименования: канайский, мало-красноярский и трушинковский, синхронизирует их соответственно с федоровским, алакульским и замараевским. Кроме того, он выделяет новый, самый древний этап — усть-буконьский, близкий по материалу и синхронный окуневскому району Минусинска (Черников, 1960, стр. 94—104 и рис. 20).

В отличие от А. Г. Максимовой и М. Н. Комаровой, которые алакульский этап на востоке выделяют на основании единичных памятников, близких классическим алакульским памятникам западных районов, С. С. Черников свой мало-красноярский этап конструирует весьма неубедительно. В памятниках, относимых к этому этапу, оказывается керамика, с одной стороны, федоровского типа, с другой — замараевская валиковая, которую С. С. Черников пытается отделить от другого вида замараевской керамики — с грубым орнаментом, рассматривая их как разновременные (Черников, 1960; 1962, стр. 225).

Из изложенного можно видеть, что большинство исследователей, специально останавливавшихся на вопросе периодизации андроновской культуры, в основу кладут трехчленное деление, дополняя его иногда еще одним, самым древним этапом (Комарова, Черников), имеющим узко локальный характер.

Совершенно с иных позиций подходит к проблеме периодизации андроновских памятников О. А. Кривцова-Гракова (Кривцова-Гракова, 1948; 1951, стр. 178—180). В развитии андроновской культуры так же, как и срубной, она усматривает только две основные стадии. «Первая из них относится ко времени, когда вся керамика выполнялась без каких бы то ни было налепов, вторая начинается с появления посуды с налепными валиками» (Кривцова-Гракова, 1951, стр. 180). Возникновение этого типа керамики О. А. Кривцова-Гракова относит «к довольно ранней эпохе последних поселений федоровского типа», к тому времени, когда еще не

сформировались горшки с уступчатым плечиком. Короче говоря, развитие типов андроновской керамики в Зауралье она представляет себе в такой последовательности: федоровский — валиковый (замараевский. — *К. С.*) — алакульский, причем валиковая керамика сосуществовала с другими типами, являясь посудой кухонной, а не поздней формой, характерной лишь для последнего этапа развития андроновской культуры.

Некоторому пересмотру подверг предложенную мною периодизацию и В. С. Сорокин (1962, стр. 88), который основы ее все же не затрагивает, а, наоборот, в споре с О. А. Кривцовой-Граковой встает на мою сторону. В. С. Сорокин считает, что «применяемая в настоящее время большинством исследователей хронологическая периодизация западного варианта андроновской культуры может остаться прежней» (Сорокин, 1962, стр. 88), но с некоторыми оговорками. Рассматривая вслед за О. А. Кривцовой-Граковой Алексеевский могильник как кладбище обитателей соседнего поселения, которое на основании валиковой и грубо орнаментированной керамики относится к замараевскому этапу, он и Алакульский могильник, поскольку его посуда аналогична сосудам Алексеевского, датирует замараевским временем. «Для второго этапа нужно считать характерным широкое применение меандровидных мотивов в орнаментации глиняных сосудов, отдельные факты погребений по способу трупосожжения, как пережиток погребального обряда предшествующей ступени развития, и отсутствие керамики с наленными валиками на поселениях» (Сорокин, 1962, стр. 88). Что касается керамики, то здесь предлагается характерным для второго этапа считать тот тип посуды, который нами еще в 1948 г., на основании главным образом памятников в районе Орска, выделялся как переходный между федоровским и алакульским типами (Сальников, 1948, стр. 25—26). Вполне правомерно усматривая в этом попытку четырехчленного деления андроновской культуры (федоровский, «орский», алакульский и замараевский этапы), В. С. Сорокин, несмотря на увеличение числа могильников «орского» типа, среди которых видное место занимает тщательно и полно им исследованный Тасты-Бутак I, не видит достаточных оснований «для выделения самостоятельного «орского» этапа андроновской культуры как этапа, предшествующего алакульскому с рядом характерных, присущих только ему признаков». В частности, одним из препятствий к такому выделению является, по его мнению, отсутствие одних последних поселений с алакульской керамикой (Сорокин, 1962, стр. 83).

Наконец, за последнее время некоторые исследователи (Федорова-Давыдова, 1960, 1964, 1965; Мошкова, 1964; Косарев, 1965; К. Ф. Смирнов, 1965) ставят под сомнение генетическую зависимость федоровской и алакульской керамики, они высказывают предположение, что посуда алакульского типа возникла в южном Приуралье независимо от федоровской и эти два вида андроновской керамики развивались параллельно на соседних территориях.

Как мы видели из краткого обзора, по вопросу хронологического членения памятников андроновской культуры разногласия исследователей заключаются в следующем.

1. Как рано возникла посуда с наклепными валиками: на федоровском этапе, на алакульском этапе или она является керамикой третьего — замараевского — этапа;

2. Предшествует ли алакульская (по К. В. Сальникову) посуда замараевской или, как думают О. А. Кривцова-Гракова и В. С. Сорокин, они синхронны;

3. Является ли посуда орско-кожумбердынского типа вариантом керамики алакульского этапа или переходной от федоровских форм к алакульским. Представляет ли в последнем случае орско-кожумбердынская посуда керамику, характерную для второго этапа развития андроновской посуды, а сосуды Алакульского и Алексеевского могильников входят ли в состав посуды замараевского этапа, или следует выделить еще один этап, представленный керамикой первого типа, и в существующей периодизации поместить его между федоровским и алакульским.

4. Не представляет ли алакульская керамика посуду особой культуры, существовавшей параллельно с федоровской на соседней территории.

Немалую роль в возникновении этих разногласий сыграли многократные наблюдения совместного залегания в культурном слое андроновских поселений керамики, характерной для двух-трех этапов.

Предложенная нами (Сальников, 1951) периодизация андроновской культуры южного Зауралья содержала три этапа исторического развития андроновских племен: федоровский, алакульский и замараевский. Это деление хорошо доказывается материалами могильников. Погребальные памятники удивительно монолитны. Ни в одном погребении не встречено сочетания керамики разных этапов. Такой однородности не наблюдается в материалах поселений. До недавнего времени не были известны поселения, где бы присутствовал какой-либо один тип керамики. В культурных слоях обычно залегает совместно, стратиграфически не разделяясь, посуда, типичная для двух-трех этапов. Отсюда родилось представление, что с возникновением на новом этапе нового типа посуды старые типы также продолжали изготавливать и, таким образом, на поселениях замараевского этапа бывали три типа керамики. Возникло противоречие, заключающееся в том, что аналогичного сосуществования разноэтапной керамики нигде в могильниках не встречено, которое разрешалось теорией консерватизма погребального обряда. Полагали, что новейший тип керамики не попадал в могилы, куда, по традиции, ставилась посуда предыдущего этапа. Следовательно, могильники с алакульской керамикой могли быть оставлены населением, обитавшим на селищах, в культурном слое которых присутствовала и замараевская посуда. Казалось, что это хорошо доказывает

ся, в частности, Алексеевскими могильником и поселением, где мы видим как раз такое сочетание.

Прежде чем перейти к разбору перечисленных выше спорных проблем периодизации андроновской культуры, необходимо выявить причины, приводящие к сосредоточению на одном поселении разновременных типов керамики. О. А. Кривцова-Гракова уверена в сосуществовании всех типов андроновской керамики (1952, стр. 162, 172, 178) и на этом основании Алексеевское и Садчиковское селища датирует поздним этапом по сосудам с налепными валиками. Мною также допускалась возможность сосуществования более ранних форм керамики, федоровской и алакульской, на поздней стадии андроновской культуры с замараевским типом. Процесс изменения формы и орнамента керамики андроновских поселений Зауралья представлялся нам как последовательное появление на каждом этапе новых типов с сохранением типов предыдущих этапов.

К такому выводу приводили частые случаи находок на андроновских селищах в одном слое разновременных типов керамики. При наличии на таких селищах, например на Замараевском и Ново-Буринском, трех типов керамики: федоровской, алакульской и замараевской, объяснение следовало искать: 1) или в долговременном непрерывном обитании, 2) или в неоднократных последовательных заселениях одного и того же пункта, 3) или в сосуществовании ранних форм посуды одновременно с поздней. В последнем случае всю толщу культурного слоя следовало относить к позднему этапу. Первые два объяснения казались менее приемлемыми. Трудно допустить непрерывное обитание на одном месте многих поколений на протяжении 400—500 и более лет при сравнительно небольшой мощности культурного слоя. Маловероятными казались частые случаи территориальных совпадений разновременных поселений в степных просторах.

Новые материалы заставляют пересмотреть эти заключения. В ряде случаев на поселениях с двумя типами керамики удается доказать двукратность заселения. Очень хорошо это прослеживается на селище Кипель I, где землянки, сооруженные в алакульское время, совершенно не содержат федоровской керамики (Сальников, 1951, стр. 114, рис. 5. По недосмотру редакции, схемы на рис. 5 помещены ошибочно в обратном порядке). Имеется целая группа селищ, где абсолютно отсутствуют федоровские сосуды. В 1955 г. в Адамовском районе, на востоке Оренбургской области, по поручению Оренбургского музея, С. А. Попов обследовал берега небольшой степной речки Джарлы и открыл несколько андроновских поселений. Ни одного черепка федоровского типа при этом не было обнаружено, хотя с отдельных селищ фрагменты посуды исчисляются сотнями. Вся керамика представлена только алакульскими и замараевскими типами.

✓Наконец, на поселения Нижне-Спасское в раскопе I из 89 сосудов 85 относятся к алакульскому времени и только 4 — к федоровскому и не ока-

залось ни одного черепка замараевского типа. В то же время в раскопе II, отстоящем от первого на 150 м, обнаружена керамика всех эпох андроновской культуры. Очевидно, на разных участках этого поселения люди жили в разное время. Ряд селищ содержит керамику только алакульского типа при полном отсутствии федоровских фрагментов: Тасты-Бутак, Ялым, Мало-Казахбаевское. Все это доказывает, что теория о переживании ранних форм посуды до конечного этапа андроновской культуры должна быть отброшена. Конечно, не во всех случаях, когда на поселениях обнаружена керамика двух соседних этапов, надо видеть двукратность заселения. Возможно и однократное существование поселка в конце раннего этапа и в начале следующего, что могло занимать сравнительно небольшое время.

Что же заставляло людей неоднократно выбирать для поселения одни и те же участки на берегах рек? Несомненно, хозяйственная целесообразность. Люди предпочитали селиться в таких местах, где был хороший доступ к воде и безопасность от разливов. Но не на всем протяжении берега и не на любой реке могли селиться люди, не всегда берега были удобны для хозяйственной деятельности оседлых скотоводов-земледельцев. Мне уже приходилось отмечать, что андроновские селища в Зауралье обычно располагаются на таком отрезке течения реки, где имеется широкая пойма, которая была лучшим хозяйственным угодьем при засушливом климате того времени (Сальников, 1951, стр. 102; 1954а, стр. 248).

На андроновской территории мы имеем дело с этапами развития одних и тех же племен, вследствие чего могут возникать теории о переживании архаичных форм керамики в поздних памятниках. Но на территории юго-западной Башкирии также нередки случаи совпадения разновременных поселений; причем здесь двуслойные поселения создавались племенами не родственными, а совершенно разного происхождения: абашевскими и срубными. О переживании старых форм на позднейших поселениях здесь не может быть и речи, а между тем можно указать ряд селищ со следами двуслойности. На селище Береговское I эта двуслойность хорошо установлена раскопками (подробности изложены в разделах «Племена абашевской культуры» и «Племена срубной культуры»).

И абашевские и срубные племена юго-западного Приуралья были оседлыми скотоводами-земледельцами. Их интересовали одинаковые сельскохозяйственные угодья. Следствием однородности хозяйственных интересов и является совпадение их поселений в одних и тех же пунктах.

Теперь перейдем к разбору спорных проблем в области периодизации андроновской культуры.

1. Утверждение О. А. Кривцовой-Граковой о появлении валиковой керамики еще на федоровском этапе, очевидно в его конце, основано на ошибочной оценке Ново-Буринского селища как памятника федоровского этапа на том основании, что его культурный слой содержал наряду с валиковой федоровскую керамику, а связанный с ним Ново-Буринский

могильник также близок к федоровскому по погребальному обряду (Кривцова-Гракова, 1951, стр. 178). Между тем, в культурный слой Ново-Буринского селища входили все основные типы андроновской керамики, относящиеся ко всем трем этапам. В отличие от других андроновских поселений, на этом памятнике удалось сделать некоторые наблюдения стратиграфического порядка, которые дают возможность прийти к выводу, что поселение представляет собой памятник многослойный, а жизнь здесь протекала не непрерывно. В раскопе II было прослежено наложение двух разновременных жилищ, различающихся окраской культурного слоя. Очаги верхнего жилища залегали на поверхности отложений, образовавшихся во время существования нижней, более ранней землянки. На верхних очагах и возле них найдена замараевская керамика, которой не было в нижних горизонтах культурного слоя, как показано в табл. 19.

Следовательно, существовал период в жизни Ново-Буринского поселения, когда замараевская керамика еще не возникла. Этот период отражен в отложениях раскопа I, расположенного в 70 м к югу от раскопа II. В нем на площади 92 м² не встречено ни одного замараевского черепка, все керамические находки состояли из обломков посуды федоровского и алакульского этапов.

К такому же заключению мы пришли при раскопках в 1939 г. Кипельского селища, на котором хорошо прослеживается последовательность жизни федоровского и алакульского поселений при полном отсутствии керамики замараевского типа (Сальников, 1951, стр. 118; 1957, стр. 207—208).

Т а б л и ц а 19. Распределение типов керамики по горизонтам раскопа II Ново-Буринского селища

Горизон- ты	Тип керамики					
	федоровский		алакульский		замараевский	
	кол-во фрагментов	%	кол-во фрагментов	%	кол-во фрагментов	%
1	6	10,8	12	12	5	14,3
2	13	23,2	39	39	11	31,3
3	8	14,3	26	26	8	23,0
4	10	17,8	10	10	10	28,6
5	15	26,7	9	9	1	2,8
6	4	7,2	4	4	—	—
Всего	56	100	100	100	35	100

Следовательно, не только федоровской, но и алакульской посуде не сопутствовали особые «кухонные» сосуды, характерным признаком которых являются налепные валики. Для приготовления пищи на ранних этапах андроновской культуры служили те же сосуды, которые мы видим и в погребениях того времени, о чем, кстати, свидетельствует нагар, нередко наблюдающийся на внутренних стенках сосудов, найденных в могилах.

Впрочем, О. А. Кривцова-Гракова, настаивая на делении андроновской культуры на два этапа, принуждена под давлением фактов все же отметить существование некой «средней поры». «Если бы материал раскопок близ пос. Алексеевского ограничивался одним могильником и жертвенным холмом, эти памятники пришлось бы отнести к средней поре (разрядка наша. — *К. С.*) развития андроновской культуры, к периоду, следовавшему непосредственно за Кожумбердынским могильником, когда окончательно выработались основные формы андроновской керамики — горшок с уступчатым плечом» (Кривцова-Гракова, 1948, стр. 161). Таким образом, О. А. Кривцова-Гракова принуждена признать, что керамика Алексеевского могильника и жертвенного места характерна для средней поры андроновской культуры. Эта средняя пора по нашей периодизации и является алакульским этапом, предшествующим замараевскому, когда возникают и развиваются поздние формы керамики с валиками.

Валиковая керамика отсутствует и на поселении Тасты-Бутак, где посуда представлена формами алакульского типа (Сорокин, 1962, стр. 84). Как же можно говорить о возникновении валиковой керамики в федоровское время?

Особенно показательны результаты раскопок автора в 1961 г. на Нижне-Спасском селище на р. Урал в Верхнеуральском районе Челябинской области (материалы не опубликованы), где было заложено два раскопа в противоположных концах памятника на впадинах, отстоящих друг от друга на 150 м.

Как видно из табл. 20, жилища, следами которых являются исследованные впадины, относятся к разному времени. Если датировка жилища в раскопе II затруднительна, поскольку культурный слой здесь содержал керамику трех этапов андроновской культуры, отражая, очевидно, неоднократность обитания на этом участке поселения, то жилище в раскопе I безошибочно можно датировать алакульским временем. Полное отсутствие в раскопе I замараевской керамики лишний раз подтверждает правильность отнесения ее к послеалакульскому времени.

Как видно из изложенного, теория раннего возникновения керамики замараевского типа не выдерживает критики. Посуда с налепными (и не налепными) валиками представляет собой не «кухонные» горшки, бытовавшие в одно и то же время с сосудами федоровского и алакульского типа, а позднюю форму керамики заключительного замараевского этапа развития андроновской культуры.

2. Перейдем к рассмотрению второй спорной проблемы: какое место в шкале относительной хронологии занимают такие могильники, как Алексеевский и Алакульский, и сосуществовала ли, в частности, представленная в них керамика алакульского типа с валиковой или предшествовала последней?

Т а б л и ц а 20. Керамика Нижне-Спасского селища
(по орнаментированным фрагментам)

Тип керамики	Раскоп I		Раскоп II	
	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%
Федоровский	4	4,4	46	35
Алакульский	85	93,4	56	43
Замараевский	—	—	30	22
Срубный	2	2,2	—	—
Всего	91	100	132	100

О. А. Кривцова-Гракова видит в этих двух типах керамики одновременную посуду различного назначения, поскольку оба типа залегают в нерасчленяемом стратиграфически культурном слое Алексеевского поселения и находятся в могильнике, территориально связанном с поселением. Неожиданным союзником О. А. Кривцовой-Граковой оказался В. С. Сорокин. Он убедительно возражал против раннего возникновения валиковой керамики, отстаивая ее позднее появление — в самом конце андроновской культуры в послеалакульское время, но типичной для алакульского этапа он считает керамику кожумбердынского типа (см. ниже), а посуду Алакульского и Алексеевского могильников относит к замараевскому этапу, синхронизируя ее с валиковой керамикой (Сорокин, 1962, стр. 88).

В. С. Сорокин справедливо противопоставляет керамику Алакульского и Алексеевского могильников керамике могильников, содержащих посуду кожумбердынского типа. Привлечение более широкого материала убеждает, что могильники алакульского этапа по типу керамики могут быть разбиты на две группы. Сосуды одной группы могильников — Алексеевского, Алакульского, Степное I (рис. 43, 7, 8), Бакланского (ОАК, 1913—1915, стр. 173—175; коллекция Шадринского музея), Троицкого (Матвеева, 1962, рис. 43, 9), у башни Тамерлана (Стоколос, 1962а, рис. 43, 12, 13), а также найденные на Российской улице Челябинска и бывшей коммуне Степной (Челябинский музей) (рис. 43, 10, 11) отличаются приземистостью, бедностью орнамента, который почти ограничивается зигзагами и рав-

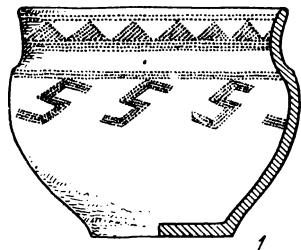
победренными треугольниками; сосуды других могильников — большинства памятников орско-домбаровского района и могильника Царево-Курганского (рис. 36) — характеризуются более богатым рисунком и сложностью формы, что сближает их с федоровской посудой.

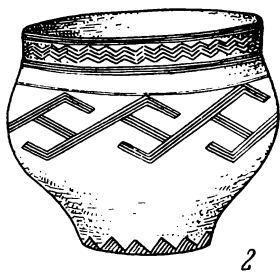
Таким образом, можно говорить о двух вариантах андроновской керамики, пришедшей на смену федоровской. Один вариант (типа Алакульского и Алексеевского могильников) будем называть алакульским, а второму присвоим наименование кожумбердынского.

В. С. Сорокин различию типов алакульской керамики придает хронологическое значение. На той же точке зрения стоит и Е. Е. Кузьмина, которая по степени удаленности орнамента керамики от узоров федоровской посуды разбивает андроновские могильники Еленовского микрорайона на два основных хронологических типа — первый и третий, выделяя еще второй — переходный (Кузьмина, 1964а).

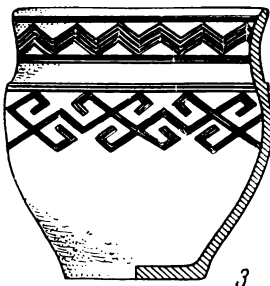
Керамика могильников первого типа, по периодизации Е. Е. Кузьминой, может быть сопоставлена с кожумбердынским вариантом керамики алакульского этапа, а керамика третьего типа могильников — с алакульским вариантом. Керамика второго, по Е. Е. Кузьминой, типа могильников нам представляется как получившаяся в результате смешения. Упомянутая статья Е. Е. Кузьминой посвящена периодизации андроновских могильников Еленовского микрорайона. Поскольку среди керамики этих памятников нет сосудов с валиками, она не касается отношения алакульской керамики к замараевской. Наоборот, В. С. Сорокин уделяет этому вопросу много внимания. Этот исследователь вслед за автором раскопок безоговорочно могильник, жертвенное место и поселение у с. Алексеевки рассматривает как одновременный комплекс, и поэтому синхронизирует керамику алакульского и замараевского типа, относя их к замараевскому этапу (Сорокин, 1962, стр. 88).

Двукратность обитания на Алексеевском селище, на наш взгляд, убедительно доказали

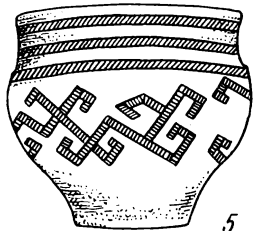
2

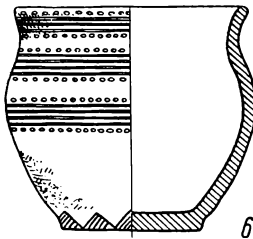
3

43. Сосуды алакульского этапа

1 — 6 — кожумбердынский тип;
1, 6 — Купухта; 2, 5 — Кожумбер-
дынский; 3 — Тасты-Бутак I;
4 — Алексеевка. 7—14 — алакуль-
ский тип; 7, 8 — Степное I;
9 — Троицкий; 10, 11 — Степная
коммуна; 12, 13 — у башни Тамер-
лана; 14 — Тасты-Бутак I

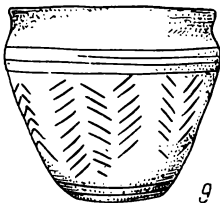
5

6

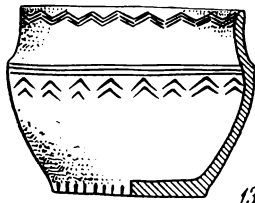
8

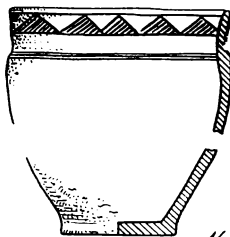
9

11

13

14

А. М. Оразбаев (1958, стр. 278) и М. Н. Комарова (1962, стр. 70—71), обратившие внимание на различное состояние алакульской и замараевской керамики: алакульская представлена измельченными фрагментами, а замараевская — крупными обломками и целыми сосудами.

Если еще несколько лет назад нельзя было указать ни одного поселения, которое характеризовалось бы керамикой алакульского типа, то сейчас положение изменилось.

Описанные выше селища: Мало-Казахбаевское, Ялым, Нижне-Спаское I представляют собой однослойные андроновские поселения с керамикой алакульского типа (рис. 32, 1—23); обломки сосудов с валиками полностью отсутствуют.

Изложенное убедительно доказывает, что имеются все основания для отнесения к алакульскому этапу керамики не только кожумбердынского типа, но и алакульского, представленного в могильниках Алакульском и Алексеевском. Возражения В. С. Сорокина, считающего, что эти и им подобные могильники относятся к замараевскому этапу (Сорокин, 1962, стр. 88), нельзя признать обоснованными. И парадокс, заключающийся в том, что Алакульский могильник не относится к алакульскому этапу, созданный рассуждениями В. С. Сорокина, таким образом ликвидируется. Алакульский могильник занимает свое законное место среди памятников одноименного этапа. Но в то же время настала пора более четко разграничить две группы могильников, из которых одна характеризуется керамикой алакульского типа, а другая — кожумбердынского.

3. Итак, мы подошли к рассмотрению проблемы о месте на шкале относительной хронологии памятников, представленных большинством могильников орско-домбаровского района, характеризующихся керамикой кожумбердынского типа.

Устанавливая характерные черты, свойственные памятникам федоровского и алакульского этапов, мы в свое время вынуждены были сделать оговорку, что они стойки в районе Челябинска, в других же районах наблюдаются особые разновидности, в которых можно усматривать хронологические особенности. «Так, в Орском районе мы не знаем погребений с трупосожжением, но в то же время мы не знаем здесь пока и раннего типа сосудов. Обычные же для орских могил сосуды являются разновидностью поздних федоровских сосудов Челябинского района. Слабое подчеркивание уступчиков на плечиках этих сосудов, более частое употребление в орнаменте гребенчатого чекана и сложных меандровых элементов, обычных для федоровской стадии, заставляют признать орские сосуды более древними, чем уступчатые челябинские, т. е. поместить их между федоровскими и алакульскими. Отдельные находки типичной уступчатой керамики в Орском районе отбрасывают предположение о локальности отмеченных особенностей керамики Орского района» (Сальников, 1948, стр. 26).

За последние 15 лет накоплен новый материал, который не внес существенных изменений в наши представления об особенностях андроновской керамики Орского района. По-прежнему местные могильники включают керамику преимущественно со смешанными федоровско-алакульскими чертами кожумбердынского типа. За эти годы здесь не обнаружено ни одного федоровского сосуда; лишь более определенным стало существование в этих местах могильников с керамикой чисто алакульского типа. Таковы исследования Е. Е. Кузьминой могильники Атакен-сай и Шалдаша и раскопанное нами погребение в Еленовском могильнике (Кузьмина, 1964а).

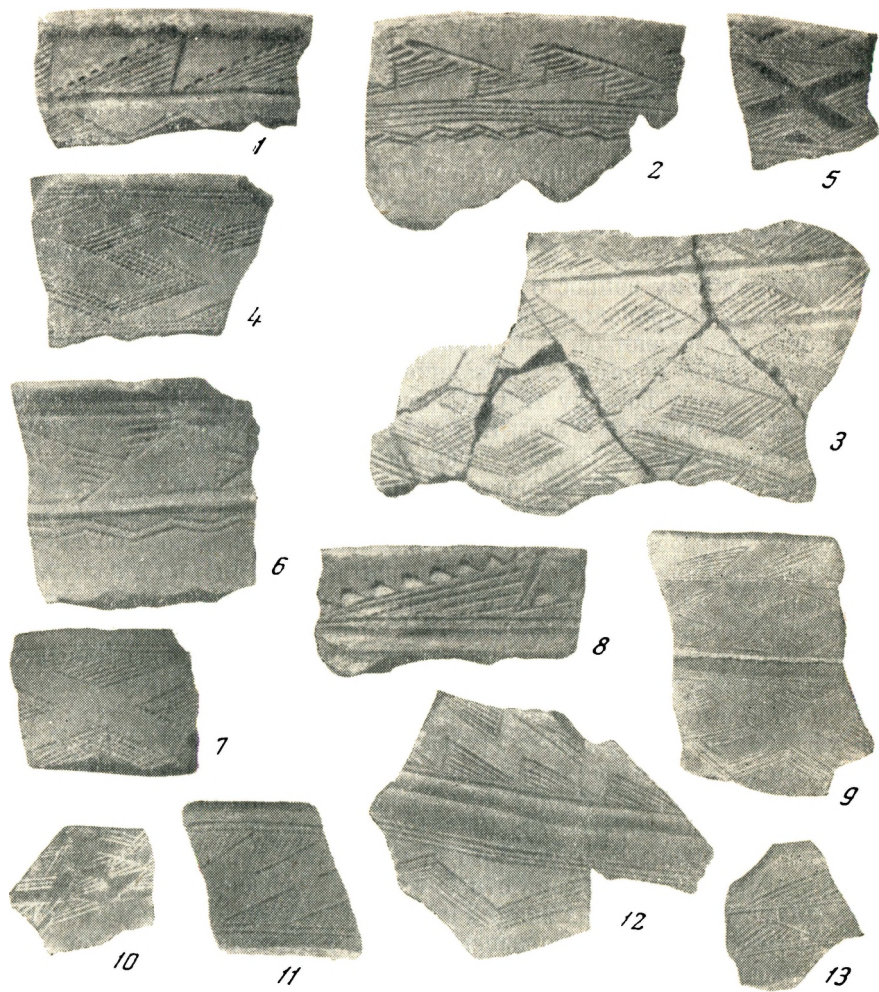
По-прежнему вопрос о месте могильников с керамикой кожумбердынского типа в хронологической шкале андроновских памятников остается до конца не решенным. Е. Е. Кузьмина различие между кожумбердынской и алакульской керамикой объясняет хронологически (Кузьмина, 1964а). Близок к этому взгляду В. С. Сорокин (1962, стр. 89), который абсолютную дату могильника Тасты-Бутак I выводит, исходя из степени удаленности его керамики от посуды федоровского типа.

С мнением этих исследователей трудно согласиться. Оба типа керамики обнаруживаются совместно не только в одних и тех же могильниках, но и в одних погребениях. В Кожумбердынском могильнике большинство погребений содержало сосуды кожумбердынского типа, но в кольце Е оказался типично алакульский горшок (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 70). Оба типа сосудов найдены в погребениях могильников Ново-Кумакского (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964а), Хабарное (Федорова-Давыдова, 1964, рис. 1), Байту (Кузьмина, 1964, рис. 1). Оба типа керамики находились совместно в некоторых погребениях, например в Алексеевском могильнике в погребении 14 (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 54, 11, 12); в Царево-Курганском могильнике в погребениях 7, 8, 11; в Тасты-Бутак I — в оградках 4 и 43, в могиле 5 в оградке 10, в могиле 3 в оградке 20 (Сорокин, 1962, рис. 9—11; 26—29; 69—73; 123—124). Следовательно, кожумбердынские сосуды синхронны алакульским, в них нельзя видеть локальный вариант федоровской керамики, они относятся к послепедоровскому времени.

По состоянию наших знаний к настоящему времени нам представляется, что могильники кожумбердынского типа характеризуют не особый этап, а лишь особый вариант алакульских памятников.

Чем вызвано существование двух вариантов алакульских памятников: имеются ли тут различия хронологического, локального или этнического порядка? На этот вопрос удобнее ответить после разбора четвертой спорной проблемы.

4. Последнее время в археологической литературе поднимается вопрос, не «являются ли так называемые федоровский и алакульский этапы андроновской культуры ее локальными вариантами или отдельными культурами, принадлежавшими различным группам племен, жившим на соседних территориях?» (Федорова-Давыдова, 1960). Иначе говоря, высказывается

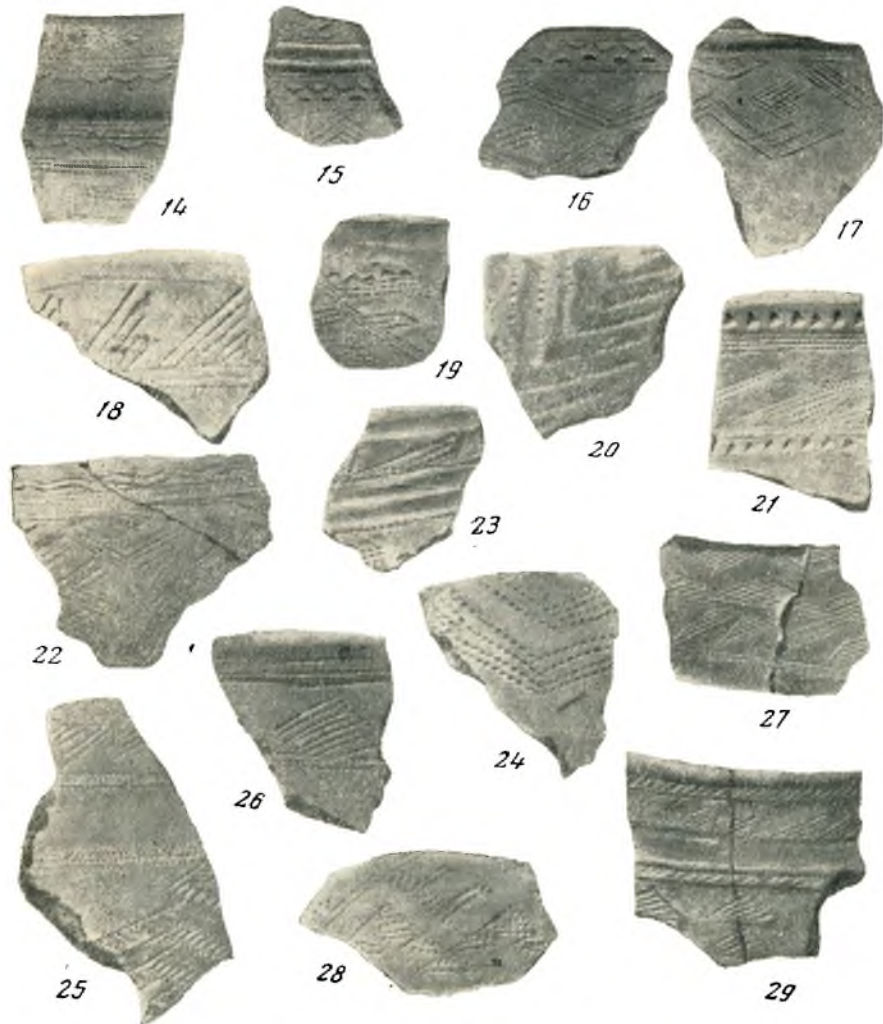

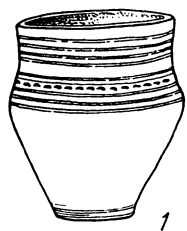
сомнение в существовании генетической связи между памятниками федоровского и алакульского типа, эти группы памятников рассматриваются как синхронные. Следует расчленить два момента: локальность алакульских памятников и их отношение к федоровским.

Давно является аксиомой неравномерность развития андроновских племен, наличие локальных вариантов. На востоке Оренбургской области и в Западном Казахстане неизвестны памятники ярко выраженного федоров-

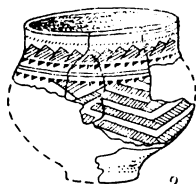
44. Керамика федоровского этапа

1—8, 18—29 — селище Баборыкино II; 9—17 — селище Кипель I

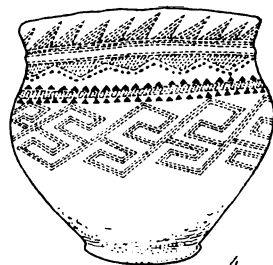
1

2

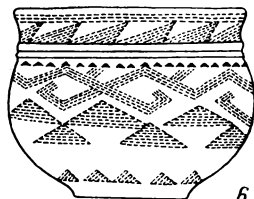
3

4

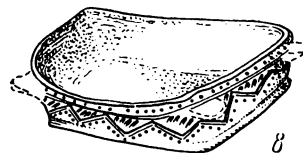
5

6

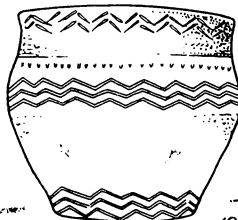
7

8

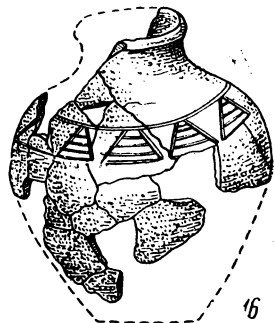
9

10

11

16

12

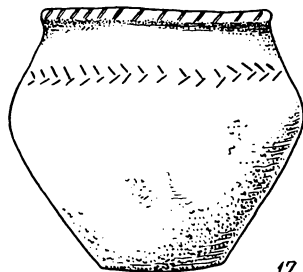
13

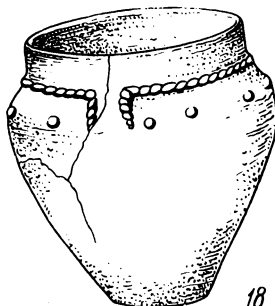
14

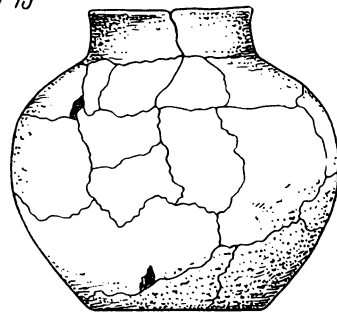
15

17

18

19

0 5 CM

ского типа, а в Восточном Казахстане нет алакульских памятников. Правда, существует и обратное мнение. М. Н. Комарова считает, что через алакульский этап прошли и восточные андроновские племена, в подтверждение чего приводит три сосуда алакульского типа из могильника Малый Койтас (Комарова, 1962, рис. 7, 4—6), а малочисленность последних объясняет пробелом в наших знаниях. Мы хорошо знаем алакульские памятники в Северном и Центральном Казахстане, возможно, они достигают западных пределов Восточного Казахстана, на что указывают упомянутые сосуды из Малого Койтаса. Но восточные районы андроновской территории все же лишены их, и вряд ли можно это объяснить слабой изученностью. Исследований там было немало.

В нашу задачу не входит анализ памятников андроновской культуры на всей огромной ее территории. Посмотрим, в какой зависимости находятся алакульские памятники от федоровских в западных районах.

Выше мы рассмотрели особенности андроновских могильников южного Зауралья и Приуралья по отдельным районам. Коротко напомним различия в составе керамики. Памятники с федоровской керамикой сосредоточены главным образом в причелябинском районе. Южнее известно только два пункта: Кинзерский могильник на р. Увельке и одно погребение в Спасском II могильнике. Могильники с керамикой кожумбердынского типа сосредоточены почти исключительно в орско-домбаровском районе, севернее керамика кожумбердынского типа обычно входит в состав погребального инвентаря вместе с другими типами — алакульским и срубным. Могильники с керамикой алакульского типа имеют наиболее широкое распространение: во всех районах южного Зауралья и в южном Приуралье до западных районов Оренбургской области. Наконец, надо выделить могильники, в которых встречается еще керамика срубного типа, сочетающаяся в одних случаях с кожумбердынской, в других — с алакульской, а в третьих — и с той и с другой. Такие могильники неизвестны лишь в причелябинском районе. В других же местах, прежде всего под Магнитогорском, срубные черты в могильниках проявляются не только в керамике, а распространяются и на другие элементы погребального обряда. Проследим, в каком соотношении находятся различные типы керамики по каждому району и попытаемся определить причины отмеченных выше различий.

Расчленение андроновской культуры на три этапа (стадии) было произведено в свое время на материалах причелябинского района. С него

---

45. Сосуды из андроновских памятников

1—8 — федоровского этапа; 1, 4, 8 — Федоровка; 2 — Больше-Караболский; 3 — Сухомесово, 1924
9—15 — алакульского этапа; 9, 10, 12 — Алакуль; 11, 13—15 — Алексеевка
16—19 — замараевского этапа; 16, 18 — Алексеевское поселение; 17 — Черняки, 1908, курган
36; 19 — курган над Смеловской пещерой

и начнем анализ керамики. Здесь на узкой территории хорошо выделяются две группы могильников: федоровская и алакульская. Их хронологическая последовательность была стратиграфически установлена по материалам Кипельского селища. Таким образом, синхронность федоровских и алакульских памятников исключается. Можно ли видеть в алакульцах племена, пришедшие в лесостепные районы с юга, как предполагает Э. А. Федорова-Давыдова? Это бы доказало отсутствие генетической связи между федоровцами и алакульцами, и тем самым этапы андроновской культуры превратились бы в варианты.

Такое допущение отпадает, если удастся проследить автохтонное развитие андроновского населения от федоровского к алакульскому этапу. А такая возможность имеется. В керамике и обряде погребения некоторых федоровских могил можно заметить возникновение таких черт, которые позднее сделались типичными для памятников алакульского этапа.

В кургане 16 (1907 г.) у с. Исаково в могиле с трупосожжением найдено три сосуда, украшенных мелкогребенчатым штампом. На шейке двух оказалась полоса, лишенная орнамента, как на алакульских сосудах, но в то же время на одном из этих сосудов видим такой типично федоровский элемент, как «косой» треугольник, никогда не встречающийся на алакульской посуде (рис. 47, 12, 13). Еще ближе к алакульским сосудам стоит горшок из федоровского погребения с сожжением в кургане 1 (1924 г.) у с. Смолино. При федоровской форме с округлыми плечиками он имеет близкий к алакульскому бедный резной орнамент и просвет на шейке (рис. 46, 4). Второй сосуд из этого погребения покрыт желобчатым орнаментом федоровского типа, который дополняется не свойственными федоровской керамике равнобедренными треугольниками (рис. 46, 5).

В кургане 7 (1907 г.) у с. Смолино, содержащем два одновременных погребения (в одном — трупосожжение, в другом ни костей, ни следов керамики не встречено), все сосуды имели федоровскую форму с округлыми плечиками, но в то время как большинство горшков было покрыто типично федоровским богатым гребенчатым или желобчатым орнаментом (рис. 49, 2, 3), на одном сосуде орнамент может быть сближен с алакульским. Он состоял из резных равнобедренных треугольников и зигзага заштрихованной ленты (рис. 49, 4).

В кургане 2 (1924 г.) у с. Исаково при костяке в могильной яме стояло два сосуда с алакульским уступчатым плечом, но обычный на таких горшках просвет на шейке отсутствовал. Один из этих сосудов был покрыт вертикальными зигзагами (рис. 47, 3, 4). Этот орнаментальный мотив встречается, хотя и нечасто, как на алакульской, так и на федоровской посуде, например, на сосуде из погребения 15 Царево-Курганского могильника с трупоположением. Два сосуда в этой могиле имели типично алакульскую форму и орнамент (рис. 36, 1, 3), третий был почти сплошь покрыт вертикальными зигзагами (рис. 36, 4). Аналогичные последнему сосуды найде-

ны при трупосожжениях в могильниках федоровского этапа: в Кинзерском (рис. 34, 2) и в Смолинском (курган 7 погребение 1, 1908 г.).

Керамика, нарядно по-федоровски орнаментированная гребенчатым штампом, но с просветом по шейке, широко представлена на селищах За-мараевское и Баборыкино II.

Для алакульской посуды обычна орнаментация нарезкой или гладким штампом, а также методом «проташенной» гребенки; широкое распространение имеют зигзаги, располагающиеся группами или целыми широкими полями. Все эти черты зарождаются еще в недрах федоровского этапа. Орнамент проташенной гребенкой нанесен на обоих сосудах федоровской формы из погребения с сожжением в кургане 8 из раскопок 1907 г. у с. Смолино (рис. 48, 10, 11), то же мы видим на сосуде из могилы 1 в оградке 10 могильника Боровое федоровского времени (Оразбаев, 1958, стр. 257, табл. II, 9). Поля из резных зигзагов имеются на федоровских сосудах Кинзерского могильника (рис. 34, 6), такие же сосуды в могильнике Боровое находились вместе с сосудами с нарядным гребенчатым федоровским орнаментом в одной могиле (оградка 14, погребение Ж), что указывает на их одновременность. Широкие полосы гребенчатых зигзагов можно указать на сосудах федоровского типа из погребений с сожжением в курганах у с. Смолино (курган 7 погребение 2, 1908 г.) и с. Сухомесово (курган 2, 1924 г.). На сосуде из первого погребения зигзаги дополняются рядами широких желобков на горле (рис. 48, 4). Вместе с ним найден второй нарядный сосуд федоровского типа и блюдце (рис. 48, 5, 6). Во втором погребении при трупосожжении оказалось три сосуда федоровского типа и блюдо (рис. 46, 12, 13, 15). Один сосуд покрыт рядами зигзагов. По орнаменту его можно сблизить с уступчатым горшком из алакульского погребения с труположением в кургане 1 (1924 г.) у с. Исаково (рис. 47, 7).

В кургане 27 (1909 г.) у с. Синеглазова оказался сосуд кожумбердыкского типа (рис. 47, 8), черепки сосуда с федоровским профилем (орнамент на фото Минко не ясен) и берцовая кость лошади. Ни трупосожжения, ни костей человека в могиле не оказалось, но кости лошади характерны для федоровских погребений с трупосожжением, остатки которого не всегда сохраняются. Поэтому вероятнее датировать это погребение федоровским этапом.

Эволюция керамики федоровского типа к алакульскому хорошо прослеживается на материалах Кинзерского могильника на р. Увельке. Погребальный обряд в этом памятнике ничем не отличается от федоровского: трупосожжение, оградки из камней вокруг могилы, перекрытие земляной насыпью, блюдца, сосуды горшечной формы без уступчиков. Однако у части горшков стенки не округлые, как у федоровской посуды, а прямые, как у алакульских сосудов, и украшены они не обычным для федоровской посуды нарядным сложным гребенчатым орнаментом, а преимущественно резным, состоящим из столь типичных для алакульской керамики равнобедренных и прямоугольных треугольников и многорядных зигзагов (рис.

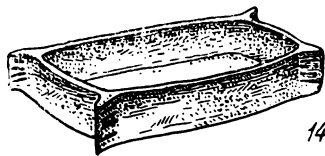
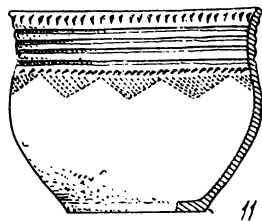
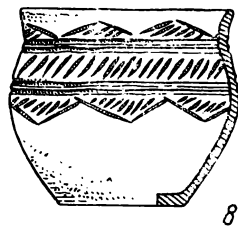
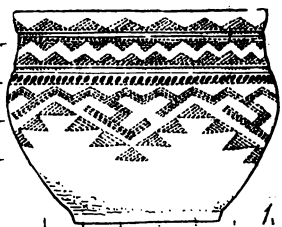
34, 6, 8, 12). Из федоровских мотивов на посуде Кинзерского могильника сохраняются ряды широких желобков (рис. 34, 1, 3, 4). Особенности керамики этого памятника позволяют считать его позднефедоровским.

Таким образом, среди андроновской посуды причелябинского, а также уйско-увельского районов можно выделить сосуды переходного типа, которые служат доказательством генетической зависимости алакульской керамики от федоровской.

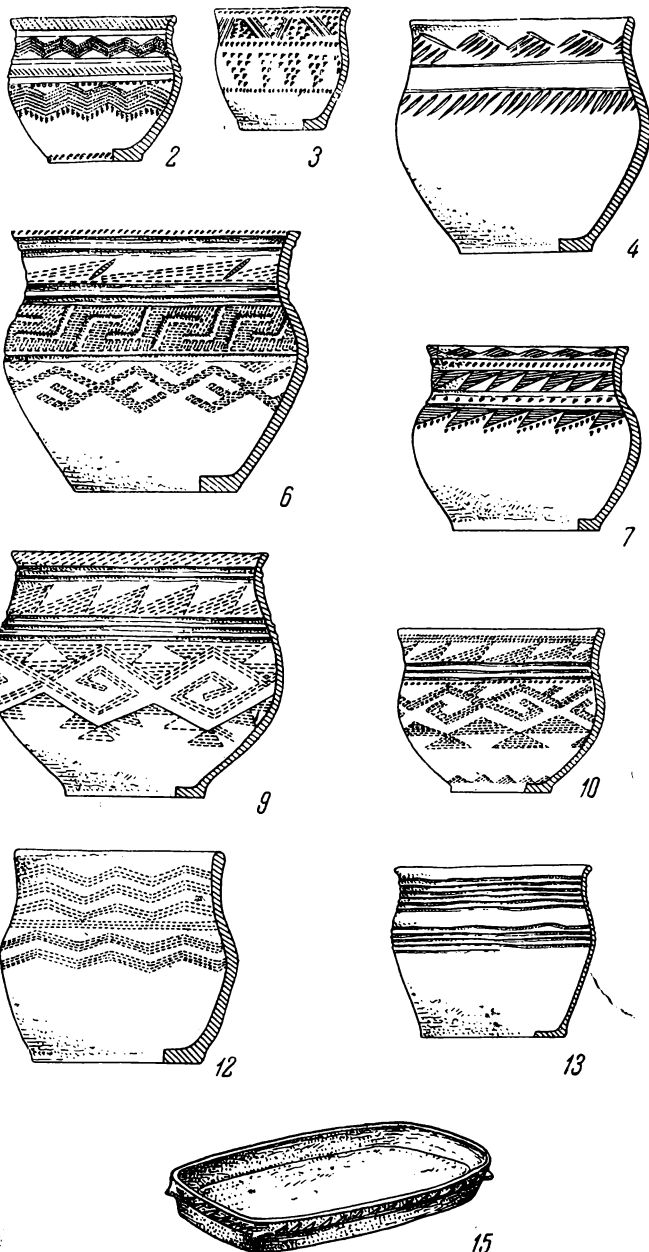
И, наоборот, не известно ни одного погребения, где бы совместно находились сосуды выдержанных федоровской и алакульской форм, чего следовало бы ожидать в том случае, если бы эти два типа сосудов являлись посудой племен двух различных культур, но синхронных и соседних. Подобного рода сочетание, доказывающее синхронность андроновцев на алакульском этапе и племен срубной культуры, наблюдается в могильниках Магнитогорского района.

Переход с федоровского на алакульский этап прослеживается не только по керамике. Погребальные обряды, столь разные на федоровском (сожжение) и алакульском (труположение) этапах в Зауралье, также связаны друг с другом различными вариантами переходных форм. В кургане 9 из раскопок Н. К. Минко в 1908 г. у с. Исаково могила содержала остатки кремации, но сопровождающая керамика представлена сосудами не федоровского, а выраженно алакульского типа — с уступчатым плечом, с резным орнаментом из прямых и зигзаговых поясков (рис. 47, 15).

Как известно, локальной особенностью федоровского этапа андроновских могильников причелябинского района является обряд трупосожжения. Но имеются и редкие исключения. В 30 км западнее Челябинска С. И. Руденко в 1928 г. раскопал у д. Нурбаковой (Токтыбаевой) три андроновские могилы,

46. Сосуды из окрестностей Челябинска

1—3 — Федоровка, 1936; 4, 5 — Смолино, 1924, курган 1; 6—9—Смолино, 1924, курган 2; 10, 11, 14—Сухомесово, 1924, курган 1; 12, 13, 15 — Сухомесово, 1924, курган 2

(Токтыбаевой) три андроновские могилы, ориентированные по линии запад — северо-запад — восток — юго-восток. В могиле 1 под слоем березовой коры найдены кости со следами огня, часть «медного спирального завитка, по-видимому ушного украшения, покрытого листовым золотом. В насыпи и могильной яме встречены обломки сосуда. В могиле 2, обложенной камнями и срубом в два венца, лежали в беспорядке кости мужчины высокого роста 40—50 лет и обломки двух сосудов. В могиле 3 при плохо сохранившихся человеческих костях оказались обломки двух сосудов и сложенные в углу тазовая и таранная кости лошади».

Отчет С. И. Руденко о раскопках этих погребений (архив ЛО ИА, д. 66) сопровождается фотографиями трех сосудов федоровского типа: два из них богато орнаментированы гребенчатым штампом, третий покрыт рядами желобков.

Классическая федоровская керамика в данном случае сопровождала не трупосожжения, а трупоположения. Относительно погребений 2 и 3 это несомненно, что касается погребения 1, то и там, очевидно, была неполная кремация, поскольку автор раскопок упоминает «кости со следами огня».

В могильнике у д. Нурбаковой, на наш взгляд, зафиксировано возникновение еще на федоровском этапе нового погребального обряда — трупоположения с сохранением в могиле 1 неполной кремации.

Прослеженный на памятниках прицелябинского района процесс перехода племен эпохи бронзы с федоровского этапа на алакульский протекал и в других районах, но в иной форме. Южнее Магнитогорска — в юго-восточном и южном Приуралье и в Западном Казахстане, как известно, нет федоровских памятников. Андроновская культура здесь представлена алакульскими памятниками с керамикой двух вариантов: кожумбердынского и алакульского. Нельзя забывать при этом, что территория к югу от Магнитогорска, а частично и несколько севернее, в федоровское время была заселена племенами иной этнической общности. Здесь нам известны такие полтавкинские памятники, как погребения в могильниках Мало-Кизыльском II (Сальников, 1962б) и на оз. Светлый Джаркуль (Формозов, 1956). На этой основе, очевидно, происходило сложение племен срубной культуры, на что указывает могильник срубного типа Степное II на р. Уй и примесь срубной керамики в срубно-андроновских погребениях в районе Магнитогорска, для которых к тому же характерна северная ориентировка костяков, типичная для срубной культуры.

В таких районах, как уйско-увельский и Магнитогорский, кожумбердынская керамика является результатом эволюции федоровской посуды. Отдельные федоровские могильники (Кинзерский, Спасское II) и поселения с федоровским слоем (Мохнатая гора, Нижне-Спасское) известны в этих местах. Но в орско-домбаровский район керамика кожумбердынского типа могла проникнуть лишь с андроновскими группами, пришедшими со стороны: с севера или, что вероятнее, с востока.

Иным нам представляется происхождение алакульского типа керамики. По форме, по бедности орнамента, по составу его элементов алакульские сосуды стоят ближе к срубной керамике Поволжья, нежели к андроновско-федоровской. В ее сложении предполагается большое участие раннесрубных родо-племенных групп южного и юго-восточного Приуралья — потомков полтавкинского населения. Не исключено участие и каких-то неизвестных нам этнокультурных групп. В этой связи интересна керамика с «ребристым профилем» Центрального Казахстана, которую С. В. Зотова (1964) считает древнейшей алакульской. Сейчас трудно определить территорию формирования алакульской керамики. Однако нельзя не заметить, что в своих классических формах (типа Алакуль — Алексеевка) она распространена в районах контактной срубно-андроновской зоны. За пределами последней андроновская керамика алакульского времени имеет значительные отличия. В Центральном и Северном Казахстане керамика этого типа представлена в большинстве сосудами со сложным нарядным орнаментом (Комарова, 1962, рис. 6), который ближе кожумбердынскому типу.

Участие родо-племенных групп срубной культуры в формировании культуры алакульского этапа отразилось и в погребальном обряде на территории контакта андроновских племен со срубными. Для андроновских могильников не характерно наличие в могилах красной краски, но в тех районах, где андроновскому населению предшествовали полтавкинско-срубные группы, такие случаи известны. Особенно ярко это явление наблюдалось в таком памятнике, как могильник Ново-Белогорка на западе Оренбургской области, который по многим признакам можно смело считать срубно-андроновским. Близким соседством к основной территории расселения срубных племен и ранней датой, относящейся к грани полтавкинского и срубного этапов, только и можно объяснить случаи употребления при погребениях большого количества красной краски. В погребении 17 кургана 2 этого могильника красная краска интенсивно покрывала кости таза, предплечья, кистей, коленных суставов погребенного; в погребении 3 кургана 4 окрашенными оказались предплечье, кисти, локтевой сустав и грудная кость (Федорова-Давыдова, 1964). В более восточных памятниках южного Приуралья краска встречалась в меньшем количестве. В кургане 4 Ново-Кумакского могильника оказались только мелкие кусочки и порошок охры (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964), в могильнике Агапова II красная краска попадалась в виде пятен вместе с золой в насыпи кургана 2, следы краски обнаружены под черепом в погребении 8 того же кургана (Россадович, Отчет 1953), в погребении 1-кургана 1 Мало-Кизыльского I могильника были окрашены стопы скелета. В том же могильнике погребение 4 кургана 1 содержало трупосожжение, но на дне могилы прослеживалась посыпка из красной краски и мела (Сальников, Отчет 1948 г.). В последнем погребении черты погребального обряда срубной

культуры сочетались с элементами андроновско-федоровской обрядности, выражающейся в трупосожжении.

Несмотря на большую роль срубных племен в формировании керамики алакульского типа, население юго-восточного Приуралья все же нельзя причислять к племенам срубной культуры или видеть в них представителей особой алакульской культуры. Даже в таком памятнике, как Тасты-Бутак I, где антропологический тип погребенных сближается с типом костяков срубных могильников Поволжья и отличается от андроновского типа, погребальный инвентарь и погребальный обряд имеют типично андроновский характер. Все могильники этого района сохранили андроновскую ориентировку погребенных — головой на запад и юго-запад, которая практиковалась еще в могильниках федоровского этапа.

Наоборот, в районе Магнитогорска срубная струя в культуре была настолько сильной, что считать местное население чисто андроновским нельзя, скорее оно было смешанным срубно-андоновским. Формирование обоих типов керамики алакульского этапа, вероятно, шло параллельно, но в тех районах, где сильнее было влияние срубных элементов, сложился алакульский тип.

На алакульском этапе в то же время происходили какие-то массовые перегруппировки населения, в результате которых интенсивно шло смешение разнородных этнокультурных элементов, что получило отражение в составе керамики могильников. В одних из них (Тасты-Бутак I, Царево-Курганский) сосуды представлены кожумбердынским (рис. 36; 43, 3) и алакульским (рис. 50, 1—6; 43, 14) типами, в других (Мало-Кизыльские I и II, Агаповка II) вместе с андроновскими формами (рис. 37, 2, 8, 11, 13; 39, 1—9, 11) встречается срубная керамика (рис. 37, 5, 7, 9; 39, 10, 12—16).

Особенно показателен в этом отношении в могильнике Агаповка II курган 4 с шестью могильными ямами. Погребение 1 содержало трупосожжение, сопровождаемое двумя ребрами лошади, керамика отсутствовала. В остальных могильных ямах оказались костяки на левом боку, ориентированные головой на север и северо-восток. В погребении 2 найдено 23 медных бусинки из узкой пластинки и три сосуда: один типично алакульской формы с уступчиком (рис. 39, 11), другой — острореберный срубного типа (рис. 39, 10), третий — баночный, с резным зигзаговым орнаментом алакульского типа (рис. 39, 12). Погребения 3 и 4 сопровождались широкими чашками срубного типа (рис. 39, 13, 14). В погребении 5 также находился грубый баночный сосуд срубного типа, а также серебряный желобчатый браслет, белые пастовые бусинки. Могильные ямы 4 и 5 были перекрыты каменными плитами. Погребение 6 оказалось парным с богатым инвентарем, но без керамики. Заслуживают внимания семь бронзовых ажурных блях от головного убора. Они имеют форму ромбов, в которые вписаны меандрообразные фигуры (рис. 39, 17).

В погребениях описанного кургана переплетаются черты, свойствен-

ные андроновским и срубным могильникам. Ориентировка всех костяков, лежащих головой на север и северо-восток, и даже ориентировка с севера на юг могильной ямы 1 с трупосожжением федоровского типа совсем несвойственны андроновским памятникам, а характерны для срубной культуры. Погребения 4 и 5 с северной срубной ориентировкой содержали срубного типа грубые баночные сосуды с бугристой поверхностью, с большой примесью в глине дресвы, а могильные ямы оказались перекрытыми по-андроновски каменными плитами. В погребении 2 сочеталась керамика андроновских и срубных форм. В парном погребении, сопровождавшемся типично андроновским инвентарем, костяки имели ориентировку, характерную для погребального обряда срубных племен.

Агаповский курган 4 близко напоминает погроменские курганы со смешанными срубно-андроновскими чертами (Сальников, 1950а). В других курганах могильника Агаповка II, как и в соседних — Мало-Кизильских I и II и Первомайском, погребальный обряд и инвентарь имеют также смешанный срубно-андроновский характер.

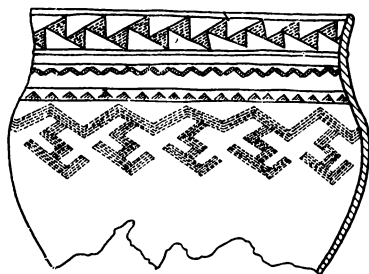
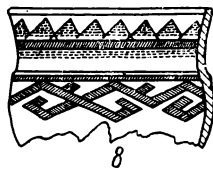
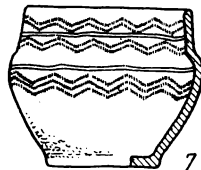
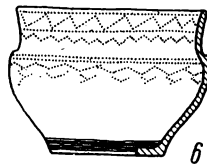
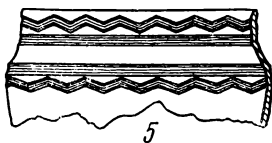
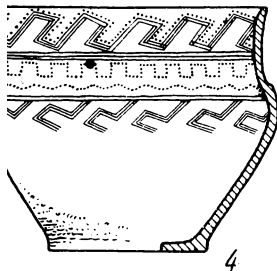
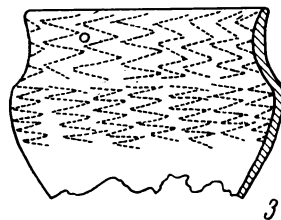
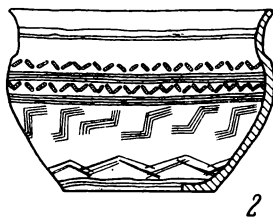
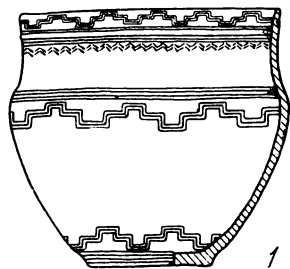
Из изложенного выше можно, на наш взгляд, сделать вывод, что два варианта алакульских памятников являются синхронными, различия в их керамике вызваны степенью участия в ее формировании родо-племенных групп срубной культуры.

Памятникам алакульского этапа предшествуют в северной части южного Зауралья федоровские памятники, в южной — полтавкинские. За алакульским этапом следовал замараевский. Выше было уделено достаточно внимания доказательству поздней, по сравнению с алакульским временем, датировке валиковой керамики замараевского типа.

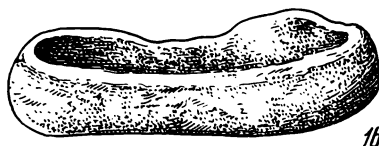
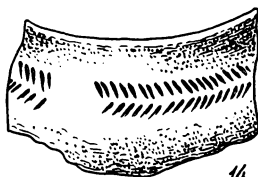
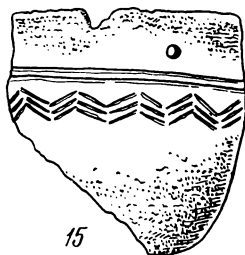
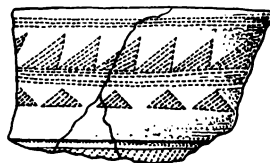
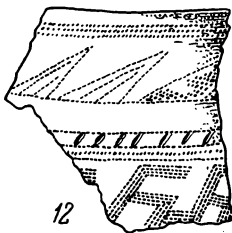
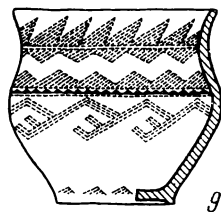
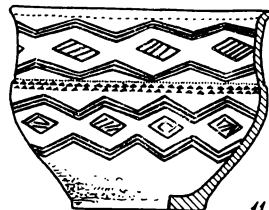
В итоге можно прийти к заключению, что в западных районах андроновской территории в разных формах, но повсюду андроновское население в своем развитии прошло через три этапа: федоровский, алакульский и замараевский. Первые два хорошо прослеживаются по могильникам, третий характеризуется главным образом по материалам поселений.

Датировка У нас нет никаких оснований предполагать на территории Южного Урала существование андроновских памятников, предшествовавших во времени федоровским. Андроновская культура начинается с федоровского этапа и, следовательно, дата возникновения андроновской культуры и нижняя дата федоровского этапа должны совпадать.

Почти 20 лет назад нами были предложены датировки этапов андроновской культуры по памятникам Зауралья: федоровского — середина II тыс. — XII в. до н. э.; алакульского — XI—IX вв. до н. э.; замараевского — VIII—VII вв. до н. э. (Сальников, 1948, 1951, стр. 119—120). На основании стратиграфических взаимоотношений отложений абашевской, срубной и андроновской культур на поселении Береговское I в Башкирии

0 5 CM

нам удалось позднее уточнить и пересмотреть датировку алакульского этапа, отнеся его к XIV—XI вв. до н. э. (Сальников, 1959, 1959а). Э. А. Федорова-Давыдова на других материалах также пришла к выводу, что алакульский этап нужно удревнить и датировать XV — XIII вв. до н. э. (Федорова-Давыдова, 1960). Соответственно, следовательно, отодвигается влгубь и время бытования памятников федоровского типа.

В связи с данными, полученными исследованиями в последние годы, возникает необходимость пересмотра датировки всех этапов андроновской культуры.

Что касается времени возникновения федоровского этапа, то памятники западных районов не дают никаких оснований для пересмотра даты, предполагаемой сейчас для андроновской культуры в целом. Сложение ее С. В. Киселев в своей последней работе (1962) относит к XVIII—XVII вв. до н. э. Мы попытаемся определить дату федоровского этапа на материалах Зауралья и Приуралья. Для этой цели можно использовать бронзовый наконечник стрелы из кургана 7, раскопанного Н. К. Минко в 1907 г. у с. Смолино близ Челябинска.

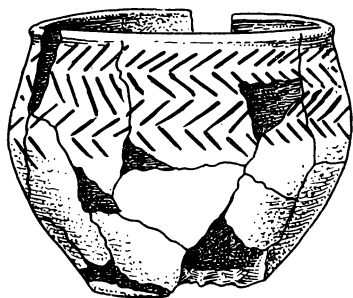
Условия находки наконечника автор раскопок рисует так:

«Курган № 7. Окружность 28 арш., высота 1³/₄ арш. У основания коегде уцелели камни, наполовину врытые в землю. Тотчас по снятии дерна — грудa камней, затем опять чернозем. На глубине 1³/₄ арш. два черных пятна, одно в центре, другое в двух аршинах к северу; между ними на материке найдено два горшка (рис. 49, 2, 3), между которыми обломки сильно окислившегося медного предмета, кажется, наконечника стрелы. Центральная яма длиной 1³/₄ арш., шириной 1¹/₄ с трех сторон, исключая западную, обложена деревом; в центре раздавленный горшок (рис. 48, 9), около него медный наконечник дротика (рис. 52, 12) и две бараньих кости; в восточной части куча пережженных костей. Во второй яме, по размерам несколько меньшей и не обложенной досками, в центре найдены черепки разбитого, а в восточном второй целый горшок (рис. 49, 4)» (Минко, Отчет 1907 г.).

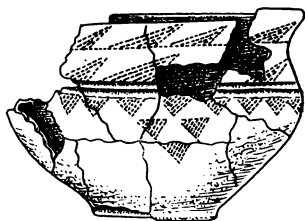
Обряд погребения: оградка из камней, трупосожжения в районе Челябинска типичны для могильников федоровского этапа. Под одной насыпью паходятся по две могилы, сооруженные, очевидно, одновременно, на что указывают вещи, помещенные на земляной перегородке, эта же картина

47. Сосуды из окрестностей Челябинска

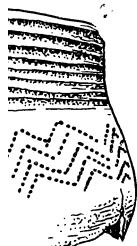
1, 5, 7 — Исаково, 1924, курган 1; 2, 6 — Исаково, 1907, курган 15; 3, 4 — Исаково, 1924, курган 2; 8 — Синеглазово, 1909, курган 27; 9 — Исаково, 1909, курган 23; 10 — Синеглазово, 1909, курган 28; 11 — Исаково, 1909, курган 17; 12, 13 — Исаково, 1907, курган 16; 14 — Черняки, 1908, курган 37; 15 — Исаково, 1908, курган 9; 16 — Сосновка, 1907, курган 1
1—15 — глина; 16 — камень

2

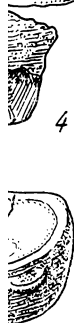
3

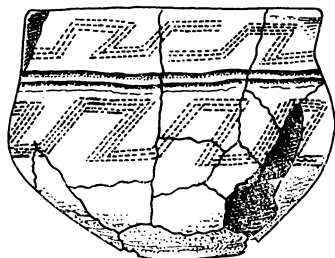
4

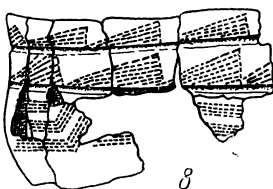
5

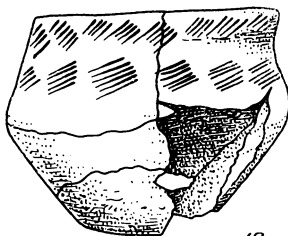
6

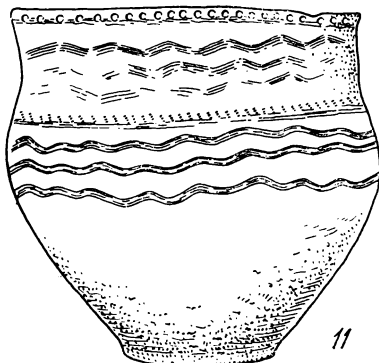
7

8

10

11

наблюдалась в одном из курганов могильника у с. Федоровки. Керамика смолинского кургана представлена сосудами федоровского типа. Таким образом, это погребение позволяет отнести возникновение втульчатых копье-видных наконечников стрел к федоровскому этапу.

В литературе упоминается только один наконечник стрелы, происходящий из памятника федоровского этапа. Он найден в могильнике Биляр-кол в Северном Казахстане (Оразбаев, 1958, табл. IV, рис. 17).

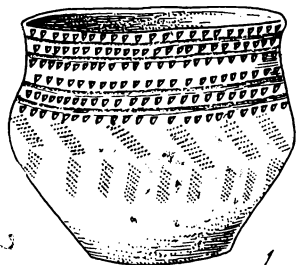
На Южном Урале известны еще три случая находок металлических стрел в поселениях эпохи бронзы: у сел Садчиково (Кривцова-Гракова, 1951, рис. 17, 2), Алексеевка (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 33, 1) и на оз. Березовском (рис. 53, 2). Однако их датировка остается неясной. Первые два происходят из двухслойных памятников и не могут быть привязаны к определенному этапу. Можно лишь сказать, что это предметы послефедоровского времени. Березовский экземпляр обнаружен местными жителями в 200 м от поселения (Шмидт, Отчет 1927 г.), а само поселение расположено в лесной полосе, за пределами расселения степных андроновских племен, хотя следует заметить, что типологически березовский наконечник синхронен со смолинским. Все прочие бронзовые наконечники стрел эпохи бронзы, найденные на территории андроновской и соседних синхронных культур, происходят из памятников послефедоровского времени и отличаются небольшими размерами и короткой втулкой. Наконечники из поселений Капай (Черников, 1960, табл. XVI, 25), Мало-Красноярка (Черников, 1960, табл. XXXVI, 2—6), I Сусканское (Мерперт, 1958, рис. 14, 14), у Монашеского Сада близ г. Куйбышева (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 14, 14), из Алексеевки (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 33, 1), Садчиковского (Кривцова-Гракова, 1951, рис. 17, 2), Омской стоянки (Членова, 1955, рис. 3, 6—8), могильника Вуадиль (Гамбург, Горбунова, 1957, рис. 4), за исключением одного экземпляра с поселения Мало-Красноярка, имеют размер 3—4 см, при этом длина короткой втулки не превышает длину пера. Такие пропорции приближают эти орудия к стрелам эпохи раннего железа. Совершенно по-иному выглядит смолинский наконечник, который имеет длинную втулку. При общей длине наконечника в 6,2 см втулка равняется 3,8 см и превышает длину пера в полтора раза.

Общепризнано, что ранние бронзовые наконечники стрел происходят от наконечников копий.

---

48. Сосуды из окрестностей Челябинска

1, 2 — Смолино, 1908, курган 7, погребение I; 3 — Сосновка, 1907, курган 3; 4—6 — Смолино, 1908, курган 7, погребение 2; 7 — Смолино, 1907, курган 5; 8 — Смолино, 1907, курган 4; 9 — Смолино, 1907, курган 7, погребение 1; 10, 11 — Смолино, 1907, курган 8

1

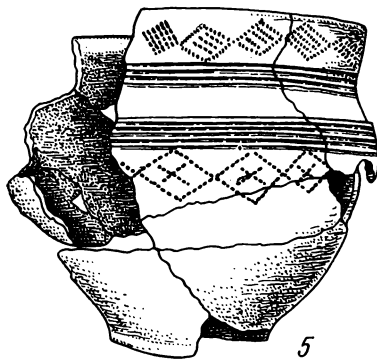
2

3

4

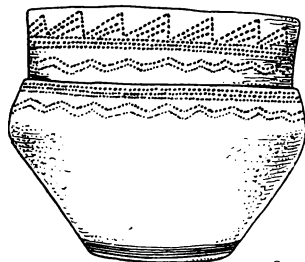
5

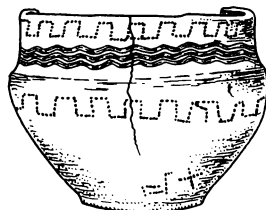
6

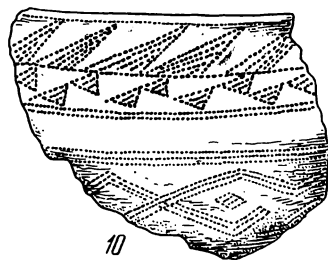
7

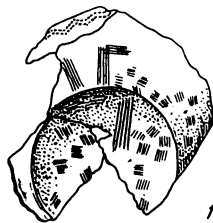
8

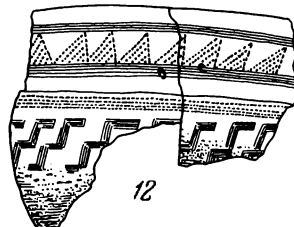
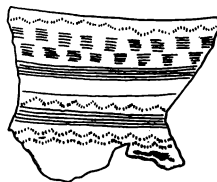
9

10

11

12

Стрела из смолинского кургана по пропорциям ближе к наконечникам копий, чем другие известные нам стрелы из памятников андроновской и близких к ней культур эпохи бронзы. Очевидно, эта стрела и древнее других. Ее прототип следует искать среди ранних наконечников копий с Урала. Длинно-втульчатые копья найдены вкладах Верхне-Кизыльском (Bortvin, 1928), Куш-тау (Ахмеров, 1951), Коршуновском (Спицын, 1928), в Турбинском могильнике (Бадер, 1964, рис. 40).

Датировка Турбинского могильника XVI—XV вв. до н. э. на основе аналогий с вещами из шахтных гробниц Микен установлена в ряде новейших работ О. Н. Бадера (1964, 1965). Длинновтульчатое копьё Турбинского могильника (Бадер, 1964, рис. 40) по форме, технике изготовления и орнаменту на втулке сближается с копьями Верхнекизыльского и Коршуновского кладов и некоторыми чертами с копьемклада Долгой горы (Куш-тау). Все они относятся к ранним типам копий с откованной втулкой. Появление таких орудий О. А. Кривцова-Гракова допускает несколько раньше середины II тыс. до н. э. Она упоминает о находке такого копья в раннесрубном погребении близ с. Мазурка Воронежской области вместе с остроереберными сосудами с орнаментом из отгисков перевитой веревочки (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 63). Первой половиной II тыс. до н. э. датирует такие копья и Мария Гимбутас (Gimbutas, 1957). Перечисленные копья имеют довольно сложную форму. Несомненно, им должны были предшествовать более примитивные. Таковы копья Балановского могильника (Бадер, 1963) поселения Ош-Пандо (Степанов, 1950), копеецкий наконечник (Сальников, 1962, рис. 3, II). Первые два найдены в памятниках балановского этапа, дата которого определяется в пределах XIX—XV вв. до н. э. Так же должен датироваться копеецкий наконечник, являющийся почти копией ошпандинского. Подобные кованые наконечники копий и могли служить прототипом смолинской стрелы. Место находки копеецкого копья, надо заметить, отстоит от Смолинского могильника всего приблизительно на 40 км. Очевидно, наиболее приемлемой будет датировка смолинского наконечника стрелы второй четвертью II тыс. до н. э. Поскольку этот предмет найден был в погребении федоровского этапа, время бытования его — XVIII — XVI вв. до н. э.

Как будет показано ниже, алакульский этап следует датировать XV—XII вв. до н. э., а федоровская керамика, по наблюдениям на селищах Кинель и Баборыкино II, залегает ниже алакульской. Следовательно,

---

49. Сосуды из окрестностей Челябинска

1 — Смолино, 1907, курган 6; 2, 3 — Смолино, 1907, курган 7; 4 — Смолино, 1907, курган 7, погребение 2; 5—12 — Исаково, 1907, курган 15

и стратиграфические данные подтверждают датировку федоровского этапа второй четвертью II тыс. до н. э.

Вопрос об абсолютной дате алакульского этапа решается легче. Накоплено много разнохарактерных фактов в пользу отнесения алакульских памятников к XV—XII вв. до н. э. Против датировки сосудов алакульского типа поздним временем — четвертой четвертью II тыс. до н. э. (по Е. Е. Кузьминой) или замараевским этапом (по В. С. Сорокину) — говорят не только совместные находки таких сосудов с горшками кожумбердынского типа. Курган 2 срубно-андроновского могильника Новая Белогорка, исследованного Э. А. Федоровой-Давыдовой, содержал алакульскую посуду наряду с горшками, близкими к полтавкинским (Федорова-Давыдова, 1964, рис. 5). Автор раскопок на этом основании справедливо отнес этот могильник к середине II тыс. до н. э.

Нельзя не упомянуть об определении даты бытования керамики алакульского типа радиоуглеродным методом, не забывая все же, что метод этот еще далек от совершенства, что имеются случаи получения неточных данных. В радиоуглеродной лаборатории Института археологии АН СССР была исследована древесина, взятая из стен и пола погребца поселения Баборыкино II на р. Исети в Курганской области и полученная при наших раскопках в 1958 г. Погреб представлял собой круглую яму глубиной 2 м от древней поверхности. В нижней части стенок сохранилось крепление из переплетенных драпок или прутьев, пол состоял из толстых плах. Погреб расположен на территории андроновского поселения, в культурном слое которого отложились обломки разновременных и разнотипных сосудов: федоровских, черкаскульских, кожумбердынских, алакульских, замараевских. В верхних слоях заполнения ямы было найдено 32 черепка, из них 15 неорнаментированных, остальные по характеру орнамента принадлежат сосудам черкаскульского типа (7), алакульского (с «проташенной» гребенкой — 2), неопределенной культуры, но все, по-видимому, эпохи бронзы (8). Все фрагменты керамики со дна и из нижнего горизонта заполнения погребца относятся к сосудам с орнаментом алакульского типа, который на двух обломках состоял из резных зигзагов, на трех — из «проташенной» гребенки, на одном — из резных равнобедренных треугольников. Два фрагмента из числа орнаментированных «проташенной» гребенкой содержат в глине очень большую примесь толченого талька, отчего имеют «стальной» цвет. На пол погребца черепки могли попасть или в то время, когда погреб находился в хозяйственном пользовании, или, что вероятнее, в процессе естественного заполнения заброшенного погребца при обвале стенок. В этом случае прежде всего должен был осыпаться со стенок верхний горизонт культурных наслоений, синхронный времени сооружения погребца.

Таким образом, по находкам керамики на полу погребца установлено, что им пользовались в алакульское время, а радиоуглеродным методом

дата его существования определена в пределах 3420 ± 65 , иначе говоря, XV—XIV вв. до н. э. (Бутомо, 1963, стр. 29).

По остаткам плетня из погребца алакульского поселения Тасты-Бутак дата его радиоуглеродным методом была определена XIII—XII вв. до н. э. (3190 ± 80 . Бутомо, 1963, стр. 29). Этот памятник В. С. Сорокин рассматривает как поселение, оставившее могильник Тасты-Бутак I, а в нем керамика относилась к алакульскому и кожумбердынскому типам. Отсюда следует, что по данным радиоуглеродного анализа памятники алакульского этапа, для которых характерна керамика как алакульского, так и кожумбердынского типа, датируются XV—XII вв. до н. э. Нижняя дата подтверждается сочетанием алакульской керамики с пережиточно полтавкинской в Ново-Белогорском могильнике (Федорова-Давыдова) и на поселении Береговское I в Башкирии (Сальников, 1959).

К аналогичному выводу приводит и анализ состава металлических изделий, происходящих из памятников алакульского этапа. Для этой цели благодарным материалом являются втульчатые наконечники копий сейминского типа и ножи с выступами так называемого срубного типа. Дата сейминский копий теперь определяется в пределах XV—XIII вв. до н. э. (Кривцова-Гракова, 1955, стр. 7; Gimbutas, 1957). Они найдены на Южном Урале в двух памятниках андроновской культуры. Один экземпляр входит в состав инвентаря погребения, обнаруженного во время строительных работ в 1934 г. в Орске (Формозов, 1951), и сопровождался набором кремневых наконечников стрел сейминского типа, плоским теслом и двумя ножами — листовидным и срубного типа с выступами.

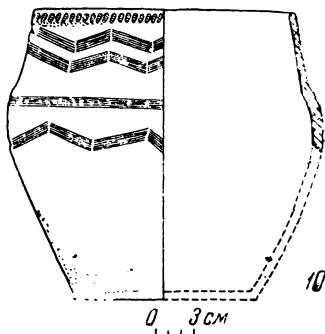
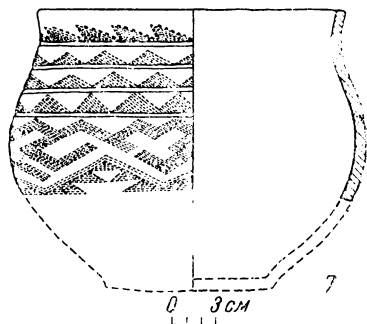
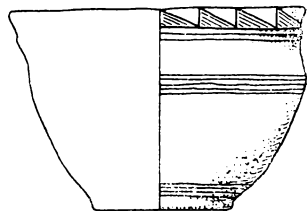
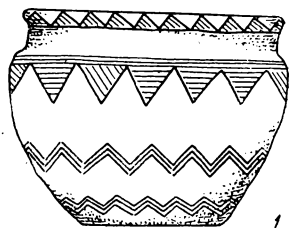
Весь этот комплекс не противоречит дате погребения, установленной по копыю. Аналогичные перечисленным предметы найдены в известном Покровском могильнике срубной культуры, который Н. Я. Мерперт по сопоставлению с абсолютно датированными памятниками Средиземноморья и Передней Азии относит к XV в. до н. э. (Мерперт, 1962, стр. 20—21). Территориально близкими аналогиями теслу являются: найденное в Орске, в пос. Никель (хранится в Орском музее) тесла Верхне-Кизыльскогоклада (Bortvin, 1928, fig. 2, 15), Мало-Кизыльского селища (Сальников, 1950, рис. 24) и из погребения у ст. Эмба (Кузьмина, 1961а, стр. 86, рис. 32, 10). Последняя находка интересна тем, что в том же погребении оказались обломки сосудов с уступчиком и орнаментом в виде равнобедренных треугольников, что позволяет отнести погребение к алакульскому этапу андроновской культуры. Близость типа тесел из Орского и Эмбинского погребений дает некоторое основание Орское погребение, керамика из которого до нас не дошла, датировать алакульским временем. Другой экземпляр сейминского копия найден в 1957 г. много западнее, в Илецком районе Оренбургской области, у с. Кумак, в кургане группы Близнецы, совместно с металлическим ножом архаичного типа, с едва заметными выступами (рис. 51, 10). Вместе с копьём и ножом в могиле оказались два сосуда

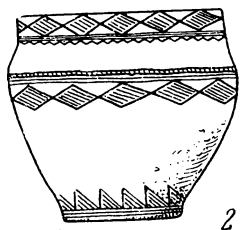
андроновского типа (Федорова-Давыдова, 1960) Автор раскопок относит один сосуд к алакульскому этапу, а другой — к федоровскому.

На основании находок копий описанные два погребения могут датироваться XV—XIII вв. до н. э., чему не противоречат тесло, ножи срубного типа и каменные наконечники стрел сейминского типа из орского погребения.

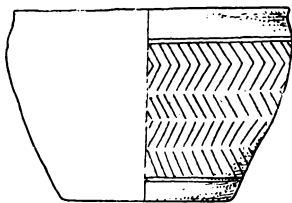
Находки ножей срубного типа в андроновских могильниках позволяют синхронизировать большую группу памятников. Нам известно 10 экз. бронзовых ножей ранней формы, происходящих из алакульских могильников. Из них восемь относятся к так называемому срубному типу, для которого характерны выступы, отделяющие клинок от черешка. Такие предметы найдены в кургане Близнецы, в погребении в г. Орске, в могильниках Кожумбердынском, Алексеевском, Царево-Курганском, Ульке I, Агапова II, Купухта. Многочисленные аналогии этим ножам можно указать в памятниках срубной культуры Поволжья. Они найдены в курганах 7 и 13 Покровского могильника (Рыков, 1927) и во многих памятниках покровского этапа, в том числе на территории Южного Урала и Приуралья: в курганах у с. Кротовка (Гольмстен, 1928) и у с. Александровка близ Бугуруслана (Толмачев, 1914).

Андроновские могильники, содержащие ножи срубного типа, можно синхронизировать с памятниками покровского этапа срубной культуры. Ножи такой формы Н. Я. Мерперт относит ко второму и третьему этапу своей схемы периодизации срубной культуры (Мерперт, 1962, стр. 18—19), иначе говоря к XV—XIV вв. до н. э. (Мерперт, 1958, стр. 81; 1962, стр. 24). Эта дата для ножей из погребений Близнецы и Орского подтверждается совместной находкой с копьями сейминского типа. В царевокурганском погребении 7 вместе с ножом нами обнаружен вислообушный топор южноуральского типа — первая находка такого орудия в погребении, четырехгранное небольшое шило, галька

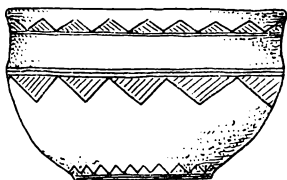
2

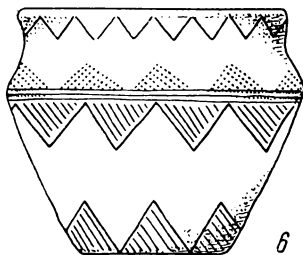
3

50. Сосуды из андроновских памятников

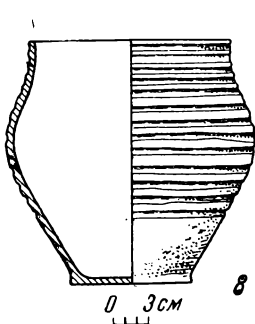
1—6 — Царево-Курганский могильник; 7—12 — селище Баборыкино II (реконструкция)

5

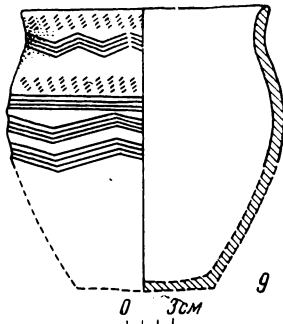

6

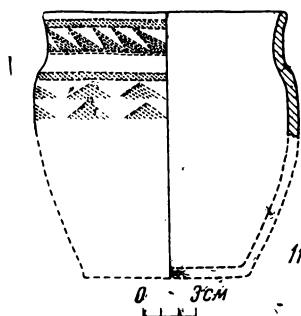
8

0 3cm

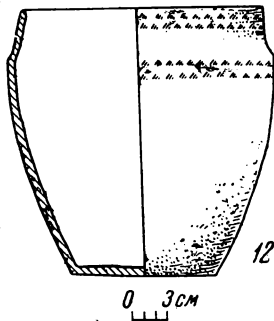
9

0 3cm

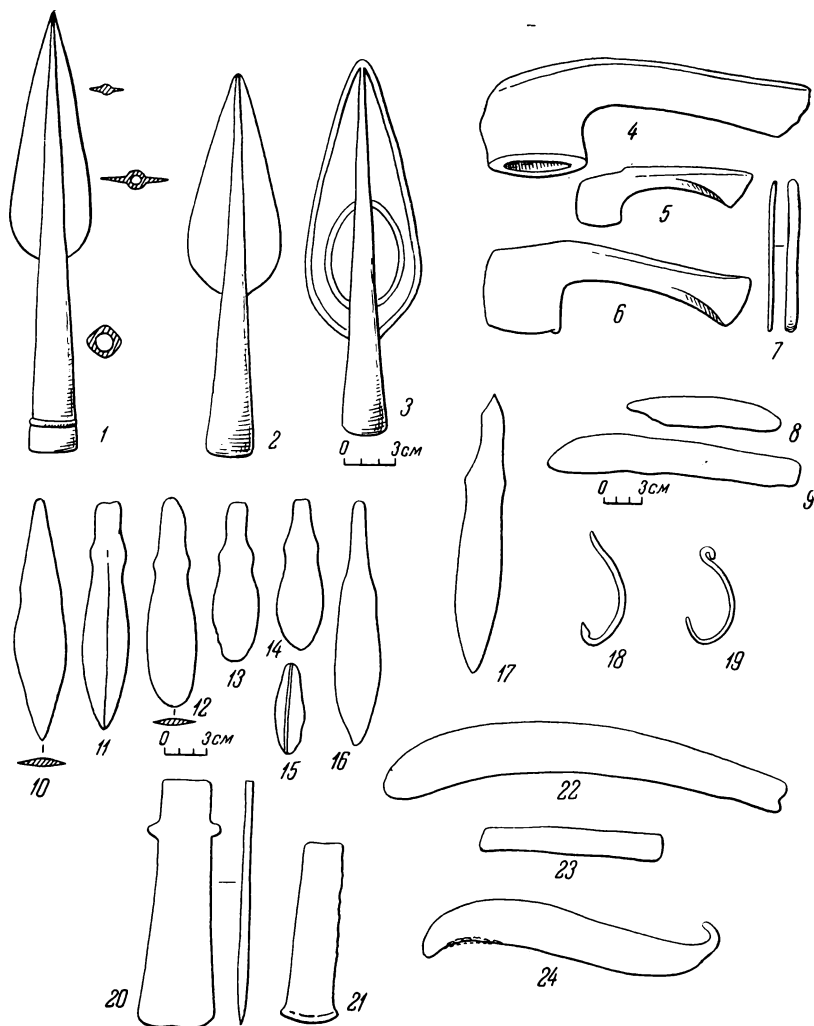
11

0 3cm

12

0 3cm

51. Медно-бронзовые орудия

1, 10 — Близнецы; 2, 17, 21 — Орск; 3 — Миасс; 4—5, 11 — Царев Курган на Тоболе; 6 — Бакланское; 7 — Кипель I; 8, 18 — селище 15 на Киимбае; 9 — селище 56а на Киимбае; 12 — Алексеевка; 13, 15 — Стариково; 16 — Кожумбердынский; 19, 22 — Тулайкин аул; 20 — Айдырля; 23 — Сосновка, 1907, курган 1; 24 — Караблева

типа терочника, костяная ворворка и сосуды (рис. 51, 5) с уступчиком и острореберные. На внутренней поверхности одного — слабые следы отпечатков ткани, типичные для алакульской посуды. Нарядность орнамента, преобладание гребенчатых оттисков позволяют рассматривать погребение как раннеалакульское.

Применение метода шагающей гребенки в орнаментации острореберного сосуда (рис. 36, 4) также архайзирует памятник. О том же говорит применение в погребальном ритуале могильника огня, что выразилось в обжиге могильной ямы перед положением в нее умершего. Вислообушный топор не противоречит этой датировке. Южноуральские топоры возникают в середине II тыс. до н. э. (Тихонов, 1960, стр. 63). Этим временем датируются Мало-Кизыльское селище под Магнитогорском и Ибракаевский клад в Башкирии, в состав инвентаря которых входили вислообушные топоры южноуральского типа.

Нож из могильника Ульке I в Актюбинской области, опубликованный В. С. Сорокиным (1958, рис. 20, 5), аналогичен ножу из кургана у с. Макарова на Нижней Волге (Сивилцын, 1947), где в могиле с трупосожжением оказалась в значительном количестве краска, что заставляет рассматривать памятник как весьма ранний, очевидно, начала второй половины II тыс. до н. э. Следовательно, и могильник Ульке. I не может быть отнесен к поздним.

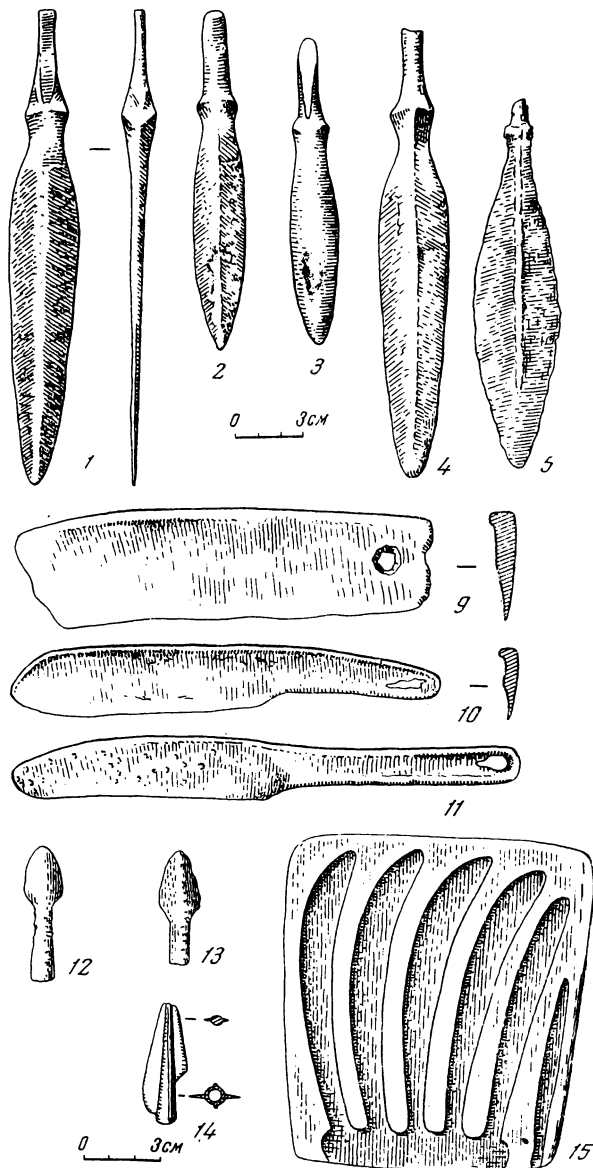
Нож из могильника Агаповка II (рис. 51, 13) происходит из погребения 5 кургана 2. В этом кургане оказалось две могилы эпохи бронзы — 5 и 8. В первом, кроме ножа, находились два сосуда. Один был приземистой формы, с высоким горлом, которое резким уступчиком отделялось от низкого тулова с нависающими боками, чем этот сосуд напоминал керамику из Кожумбердынского могильника. Резной орнамент состоял из равнобедренных треугольников вдоль венчика и меандрообразных фигур из заштрихованных полос почти по всему тулову (рис. 39, 9). Рисунок этот повторяет орнамент на одном из сосудов в Ново-Буринском кургане федоровского времени (рис. 45, 7). Второй сосуд (рис. 39, 8) выглядел более по-алакульски, но отличался от алакульских горшков округлостью тулова. Если к этому добавить, что в ненарушенной могиле не оказалось костяка, а обнаружена лишь грудка золы, что позволяет предполагать трупосожжение, то данную могилу нельзя омолаживать и выносить за пределы третьей четверти II тыс. до н. э. На то же время указывает находка в другой могиле кургана 2 под черепом костяка красной краски.

Отличную от описанных форму имеют два ножа, найденные на Стариковском поселении (рис. 51, 15, 16), которое характеризуется керамикой алакульского типа. Один нож не имеет выступов, клинок переходит в черешок через уступы-плечики. Эти признаки сближают нож с катакомбными, близок он и к ножу, найденному в Мало-Окуловском могильнике раннесрубного типа (Збруева, 1947, рис. 6), который датируется по форме

ранних остросреберных сосудов не позднее начала третьей четверти II тыс. до н. э. От второго ножа Стариковского поселения сохранился только клинок с рельефным продольным валиком (рис. 51, 15). Полную аналогию ему трудно указать.

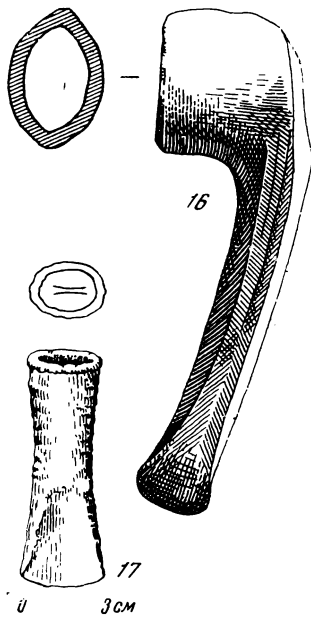
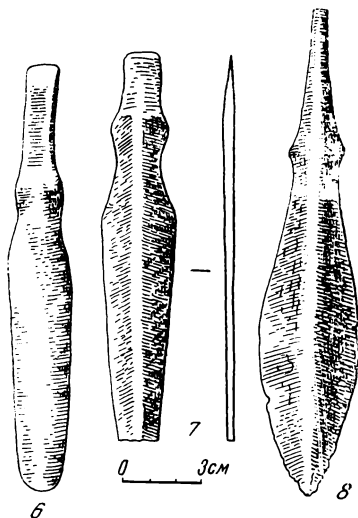
Таким образом, все ножи, найденные в алакульских памятниках, убедительно датируют этот этап XV—XIII вв. до н. э.

Среднеазиатские аналогии приводят к тем же выводам. Все авторы лепную керамику андроновского облика, sporadически встречающуюся в памятниках эпохи бронзы Туркмении, рассматривают как алакульский тип (Массон, 1959, стр. 27; Кузьмина, 1964). В. М. Массон культуру Намазга VI, в памятниках которой встречается такая керамика, относит к середине и второй половине II тыс. до н. э. (Массон, 1959, стр. 28). Анализируя стратиграфию залегания различных типов степной керамики в поселениях эпохи Намазга VI, Е. Е. Кузьмина уточняет датировку и склоняется датировать слои с фрагментами, близкими алакульской посуде, третьей четвертью II тыс. до н. э., в то время, как керамика с на-

52. Медно-бронзовые орудия

1—оз. Кунгур; 2—Троицкое; 3—Кагайск; 4, 11—Малый Касаргуль; 5, 9, 10, 14, 17—Алексеевка; 6—Ужоянское; 7—Красногорское; 8—Ульке I; 12—Смолино, 1907, курган 7; 13—Садчиково; 15—Кундровинский; 16—Сулакский пр. и ск

лепными валиками с насечками «на всех поселениях располагается в верхней части культурного слоя Намазга VI и, таким образом, должна быть датирована последней четвертью II тыс. до н. э.» (Кузьмина, 1964, стр. 153).

В заключение можно указать на находки костяных псалий в ряде алакульских памятников: в могильниках Алакуль (Сальников, 1952, рис. 7, 2) и Айдабуль I (Акишев, 1959, рис. 8), на поселении Тасты-Бутак (К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 60). Роговые псалии такого типа в памятниках эпохи бронзы Венгрии датируются XIV—XII вв. до н. э. (К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 63). Следовательно, и эта категория вещей подтверждает датировку алакульского этапа третьей четвертью II тыс. до н. э., не исключая, впрочем, начала последней четверти.

Абсолютная дата памятников замараевского этапа определяется по металлическим орудиям, прежде всего происходящим из культурного слоя **Алексеевского поселения**. Датированными являются секач сосново-мазинского типа (рис. 52, 9), литое втульчатое долото (рис. 52, 17), нож киммерийского типа (рис. 52, 5), однолезвийный нож (рис. 52, 10). Относя Алексеевское поселение к X—VIII вв. до н. э., О. А. Кривцова-Гракова опиралась, в частности, на аналогии этим предметам в комплексах хвалынской и карасукской культур (Кривцова-Гракова, 1948, стр. 162—163). Двуслойность Алексеевского поселения не должна смущать. Все перечисленные предметы имеют аналогии в памятниках последалакульского времени и, очевидно, входили в

состав наслоений замараевского этапа. Вопрос может стоять об абсолютной их дате.

В последнее время датировка многих позднебронзовых предметов и целых их комплексов, например Сосново-Мазинского клада, пересматривается в сторону удревления. Н. Я. Мерперт (1962, стр. 24) считает, что этот клад не может быть датирован позднее XII в. до н. э. Пересматривая хронологию предскифского периода, А. И. Тереножкин (1965) датирует сабатиновский этап срубной культуры Причерноморья XIV—XII вв. до н. э. и синхронизирует с ним Сосново-Мазинский клад и вообще памятники хвалынского этапа срубной культуры Поволжья.

Материалы Урала не позволяют с этим согласиться. XII век до н. э. можно принять как нижнюю дату хвалынского этапа. Заканчивая его XII в. до н. э., мы до VIII в. до н. э., когда появляются памятники эпохи раннего железа, получим hiatus в три столетия. А между тем время существования ряда предметов из Сосново-Мазинского клада может быть продлено до начала VIII в. до н. э. Близкие кельтам-геслам этого клада орудия Южной Сибири обычно относят к X—VIII вв. до н. э. (Грязнов, 1941, табл. IV), а подобные находки на Урале — к XI—VIII вв. до н. э. (Тихонов, 1960, стр. 48). В VIII в. до н. э. складывалась культура эпохи раннего железа, но начало этого столетия еще можно включить в бронзовый век как конец замараевского этапа андроновской культуры и хвалынского этапа срубной культуры. Эта дата хорошо подтверждается находкой кельта с лобным ушком в комплексе с сосудом ерзовского типа в верхнем слое заполнения землянки на поселении Забойное I в Прикамье (Бадер, 1959а, стр. 61—62). Другое орудие Сосново-Мазинского клада — литое желобчатое долото с сомкнутой втулкой — не выходит из пределов упомянутой даты. Такое орудие найдено на относимой А. В. Збруевой к концу II — началу I тыс. до н. э. Луговской II стоянки (Збруева, 1960). Керамика стоянки имеет типичные для предананьинского времени черты. Она свободно может быть сопоставлена с керамикой культур курман-тау и ерзовской. В частности, один сохранившийся целым сосуд со стоянки Луговская II (Збруева, 1960, рис. 10, 1) близок к забойнинскому горшку. Эта близость распространяется и на форму и на орнамент. Оба имеют слабый воротничок и ряд ямок на шейке. В связи с изложенным не лишне будет напомнить о находках на Ананьинской дюне вместе с керамикой предананьинского времени литого втульчатого долота и кельтов киммерийского и дербеденевского типов (Збруева, 1952, табл. XXXV и XXXVI).

Широкие исследования памятников ерзовского типа позволили В. П. Денисову (1961) определить их дату в пределах XI—VIII вв. до н. э. К этому времени относятся и памятники культуры курман-тау, близкие ерзовским (Сальников, 1954б), которые захватывают, возможно, и конец XII в. до н. э.

Ножи-кинжалы киммерийского типа на территории Южного Урала, кроме Алексеевского поселения, найдены в ряде других пунктов, но вне

комплексов, что лишает возможности судить о их дате. Ценна в этом отношении находка такого орудия на Алтае, у с. Ильинского вместе с замараевской керамикой (Уманский, 1964). Близкой формы нож входит в состав Дербеденевского клада (Булычев, 1902, табл. VI, 8), синхронного Сосново-Мазинскому. Своеобразному оудию — наконечнику стрелы или дротика с раздвоенным лезвием из Дербеденевского клада — имеется аналогия на литейной форме Шадринского музея, опубликованной П. А. Дмитриевым (1930). На той же форме вырезаны углубления для отливки кельта поздней формы и долота с выступами. Подобные однолезвийному ножу Алексеевского поселения орудия известны в карасукских памятниках, что отмечала О. А. Кривцова-Гракова (1948, стр. 162).

Таким образом, аналогии в памятниках хвалынского этапа срубной культуры и в карасукских памятниках позволяют замараевский этап андроновской культуры датировать XII — началом VIII в. до н. э.

В итоге схема развития андроновских племен Южного Урала по этапам нам представляется в следующем виде:

Федоровский этап — XVIII—XVI вв. до н. э.,

Алакульский этап — XV—XII вв. до н. э.,

Замараевский этап — XII — начало VIII в. до н. э.

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйственная деятельность андроновского населения протекала в ксеротермический период. Большая засушливость того времени доказывается не только специалистами — климатологами и почвоведом (Земляков, 1934; Берг, 1936). Об этом свидетельствуют и многочисленные наблюдения на археологических памятниках как в Предуралье, о чем шла речь выше (см.

Скотоводство раздел «Племена срубной культуры»), так и в Зауралье. В слое чернозема, погребенного под речными отложениями, залегали андроновские культурные остатки на поселении у с. Кипель (Сальников, 1951).

Ценные наблюдения в пользу совпадения андроновской эпохи с ксеротермическим периодом получены при исследовании многослойного поселения Баборыкино II на р. Исети близ Шадринска. Северная часть поселения, более удаленная от берега реки, представляет собой невысокую дюну, южная — относительно горизонтальную площадку у основания дюны. На дюне обнаружены жилища эпохи неолита, керамика сарматского времени и бакальской культуры. На заливаемой площадке между дюной и берегом реки на площади в 312 м² (раскоп V) расположены были жилища баборыкинской раннебронзовой культуры, а также землянка, ямы-погреб, огромный зольник и большое количество керамики андроновской культуры. Следовательно, границы поселений на описываемом памятнике в разные эпохи не совпадали. Во время весеннего разлива вода сейчас подходит к основанию дюны. Так же, по-видимому, было и в эпоху каменного века, чтоставляло неолитические и позднелитические племена сооружать свои жилища на возвышениях. В эпоху бронзы вода, очевидно, не выходила за пределы коренных берегов. Это позволило племенам баборыкинской и андроновской культур поселиться на более удобной, ровной площадке за пределами дюны и ближе к реке.

В начале эпохи раннего железа климат снова приблизился к современным условиям. Поэтому культурные слои этого времени отложились опять на дюне.

В 200 м к западу от поселения Баборыкино II расположено непосредственно на берегу реки поселение Баборыкино VI. На этом памятнике

культурные остатки андроновского времени залегают под метровой толщей речных наносов (Сальников, 1961).

Наконец, находка В. С. Сорокиным на поселении Тасты-Бутак креплений стенок колодцев из саксаула, северная граница ареала которого проходит сейчас на 400 км южнее, особенно красноречиво говорит не просто о засушливости, а о полупустынном характере климата в андроновское время на севере Казахстана (Сорокин, 1962а).

В соседнем Домбаровском районе Оренбургской области в то время, по-видимому, не было леса, так как стены полуземлянок крепили не деревом, а каменными плитами (Кузьмина, 1962; Сальников, Новиченко, 1962). Применение дерева для устройства могил, отмеченное, например, М. П. Грязновым в андроновских могильниках на притоках Урала, объясняется существованием в то время лесной растительности в поймах этой реки.

Экономика андроновских общин так же, как срубных, базировалась на пастушеском скотоводстве и пойменном мотыжном земледелии. О значении скотоводства в хозяйстве андроновцев мнения расходятся. С. В. Киселев, анализируя состав и количество костей домашних животных, найденных в Алексеевском селище, приходит к выводу, что у андроновцев «мясная пища не была не только единственной, но и главной» (Киселев, 1951, стр. 94). О. А. Кривцова-Гракова по материалам того же памятника считает, что основной пищей андроновского населения было мясо скота. Мы присоединяемся к мнению этого исследователя.

У племен Зауралья на всем протяжении андроновской эпохи скотоводство играло большую роль в хозяйстве. Кости диких животных в остеологическом материале поселений составляют всего несколько процентов. В погребениях они совсем не встречаются. В могилах обычно находят лишь кости коровы, овцы, лошади.

О большом значении скотоводства говорят ритуальные погребения собаки (Федотовка, Сухомесово), которая, очевидно, ценилась как помощница пастуха, как защитник скота от хищников. Находки на андроновских памятниках указывают на разностороннее использование продуктов животноводства. Скот разводили не только из-за мяса и кож, что типично для ранней стадии животноводства. Андроновцы изготавливали и молочные продукты; при этом они использовали и сосуды с отверстиями у дна. Из шерсти делали ткани.

Все эти обстоятельства говорят о возникновении скотоводства у племен степного и лесостепного Зауралья еще в доандроновское время, что подтверждается находками, правда редкими и недостаточно документированными, на памятниках предшествующей эпохи. Кости домашних животных найдены на стоянках Светлый Джар-куль и Затобольская близ Кустаная вместе с керамикой и кремневым инвентарем энеолитического облика (Формозов, 1951а). Сыгравшие немалую роль в сложении андроновской

культуры южного Зауралья полтавкинские племена появились в Зауралье, имея не одну сотню лет опыта в разведении скота.

Характер скотоводства андроновской культуры в целом довольно ясен (Кривцова-Гракова, 1948; Сальников, 1951), намечены и две основные ступени развития скотоводства у андроновских племен (Грязнов, 1957): раннее пастушеское и позднее (в замараевское время) — яйлажное, полукочевое. Следует более детально выяснить особенности и динамику скотоводства в Зауралье. Характер скотоводства по этапам на основании находок на поселениях установить трудно, так как на всех селищах оказались наслоения не одного этапа развития андроновских племен, а двух-трех. Для этой цели более надежным источником служат данные об остеологических остатках, сопровождающих погребения.

Оседлые скотоводы-андроновцы разводили коров, овец, лошадей, используя для выпаса пойменные луга. Есть основания предполагать, что в их стадах имелись и верблюды: на алексеевском селище найдена одна кость этого животного, а на Ушкаттинском поселении на юго-востоке Оренбургской области (Кузьмина, 1962, рис. 3, 4; 1963) глиняная фигурка двугорбого верблюда.

Погребения с сожжением у с. Федоровки дали кости очень малорослой лошади, что заставляет считать уровень животноводства на раннем этапе низким. Очевидно, на первых порах не выработались еще навыки ухода и содержания лошади. Низкопородность этого животного в памятниках федоровского этапа косвенно может поддерживать мнение ряда исследователей, что центром приручения лошади была территория андроновских племен, где водилась дикая степная лошадь (Громова, 1940, стр. 111; Кривцова-Гракова, 1955, стр. 71).

В погребениях следующего этапа, в могильнике у оз. Алакуль представлены в небольшом числе остатки лошади среднего размера, а главным образом кости коровы и овцы, причем размеры коровы сильно варьируют: есть и мелкие, есть и крупные. Обращает на себя внимание один череп, принадлежащий очень крупной комолой породе, размером с череп серого украинского скота. Эти наблюдения свидетельствуют о росте животноводческого мастерства у андроновцев алакульского этапа.

Определения костных остатков имеются с четырех зауральских андроновских поселений: Алексеевского (Кривцова-Гракова, 1948), Кипельского, Ново-Буринского и Замараевского (Сальников, 1954а). Состав стада на них неоднороден, вследствие особенностей окружающей среды и хронологического различия. Для более южных, вернее более степных Кипельского и Алексеевского поселений характерна большая роль овцеводства. Удельный вес коровы выше в северных поселениях Ново-Буринском и Замараевском. Место лошади в стаде или, скорее, ее роль в мясном питании возрастает во времени; в самом древнем Кипельском селище она занимает скромное место, а в позднем Алексеевском относительное место ее в стаде

возрастает вдвое. В дальнейшем, с возникновением кочевого и полукочевого хозяйства, лошадь занимает первое место в мясном питании. Очень убедительно об этом говорит, по заключению В. И. Громовой, состав остеологических находок на городище Чудаки эпохи раннего железа (см. табл. 21).

На протяжении андроновской эпохи от этапа к этапу улучшается породистость скота, что особенно хорошо видно при сравнении костей лошади из Федоровского и Алакульского могильников.

Рослая порода крупного рогатого скота, возможно, использовалась в качестве транспортного животного. Серый украинский крупный рогатый скот, с которым сравнивается крупная порода коровы из андроновских памятников, на Украине ходит в упряжке. У зауральских абашевцев имелись, по определению В. И. Цалкина, волю. Почему их не могло быть у андроновцев?

Т а б л и ц а 21. Состав костных остатков на городище Чудаки
(по раскопкам 1937 г.)

<i>Животные</i>	<i>Число костей</i>	<i>%</i>	<i>Минимальное число особей</i>
Лошадь	608	46,5	15
Корова	400	30,5	10
Овца	247	19,1	13
Верблюд	32	2,5	3
Дикие	20	1,4	
Всего	1307	100	41

Высокое развитие скотоводства, разведение лошадей, начавшееся на заре андроновской культуры, привели, надо полагать, к раннему использованию лошади для транспортных нужд (еще в рамках федоровского этапа). На алакульском этапе завершилось освоение коня как верхового животного. На краю центральной могилы кургана 13 в Алакульском могильнике найдены два полных костяка лошади. В них мы видели верховых коней пастуха-воина (Сальников, 1951, стр. 124), что подтверждается находкой в этом погребении костяного псаля (К. Ф. Смирнов, 1961). При этих условиях понятна подвижность андроновских племен, усилившаяся особенно в алакульское время и приведшая к быстрому распространению культуры на значительных площадях. На заключительном, замараевском, этапе, к которому надо относить возникновение яйлажной формы скотовод-

ства, повышается потребность в верховых конях (Грязнов, 1957). Материальные доказательства использования лошади для верховой езды — костяные псалии — все происходят из памятников алакульского времени. Таковы в Казахстане Степняк (Грязнов, 1955, стр. 26), Айдабуль (Акишев, 1959), в Зауралье — могильники Алакульский и Тасты-Бутак, в Поволжье — курганы у сел Усатово и Комарово. Уже в это время создавались предпосылки для отгонного скотоводства, а возможно, оно делало свои первые шаги.

Исключительно редки на андроновских поселениях находки костей свиньи. Природные условия Южного Урала не препятствовали ее разведению. Паллас пишет, что раньше по берегам степных речек — Бузулук, Донгус и Илек водились бобры, выдры и кабаны; последние встречались на Донгусе и в его время (Паллас, 1773, стр. 318 и 345). Создается впечатление, что андроновцы свиней не держали. «Несмотря на наличие дикой свиньи как материала для приручения в южной полосе Сибири, о чем свидетельствуют кости дикого кабана из ряда сибирских раннекультурных находок, остатков домашней свиньи нигде в известных до сих пор сибирских стоянках найдено не было. Этот загадочный факт,— считает В. И. Громова,— требует историко-культурного объяснения» (Громова, 1940, стр. 109). Такая попытка была сделана С. С. Черниковым (Черников, 1957, стр. 32). Он связывает отсутствие костей свиньи в андроновских поселениях с ранним возникновением яллагного и отгонного скотоводства. Трудно согласиться с этим мнением, в особенности в отношении андроновских племен Зауралья, развитие которых во многом шло параллельно развитию срубных племен Поволжья. У последних же в культурный слой всех поселений входят наравне с костями других домашних животных и кости свиньи. Скорее причину надо искать в особенностях природных условий. «Разведение коров в древние времена не находилось в такой сильной зависимости от наличия лесистых районов, какая существовала между разведением свиней и наличием лесов» (Кларк, 1953, стр. 126). Все андроновские поселения, с которых определялись костные остатки, лежат в древней степной полосе, где без привлечения для корма продуктов земледелия разведение свиней в домашних условиях чрезвычайно затруднительно. Земледелие же на федоровской и алакульской стадиях у андроновцев было развито слабо.

Лишь на Замараевском, этом северном андроновском поселении, на кости свиньи падает 11,53% от общего числа костных остатков. Более облесенная местность и очень широкая пойма р. Исети, на берегу которой расположено Замараевское селище, создавали условия, необходимые для культивирования этой отрасли скотоводства.

В заключение, на основании материалов многих памятников, можно сказать, что скотоводство и земледелие дополняли друг друга как источники продуктов питания андроновских племен.

Специфика земледелия такова, что, в отличие от скотоводства, его продукция сохраняется на археологических памятниках в исключительных случаях. Отсюда нередко проистекает недооценка роли земледелия в хозяйстве андроновских племен. На первое место, как поставщик продуктов питания, выдвигается скотоводство. С этим нельзя не согласиться.

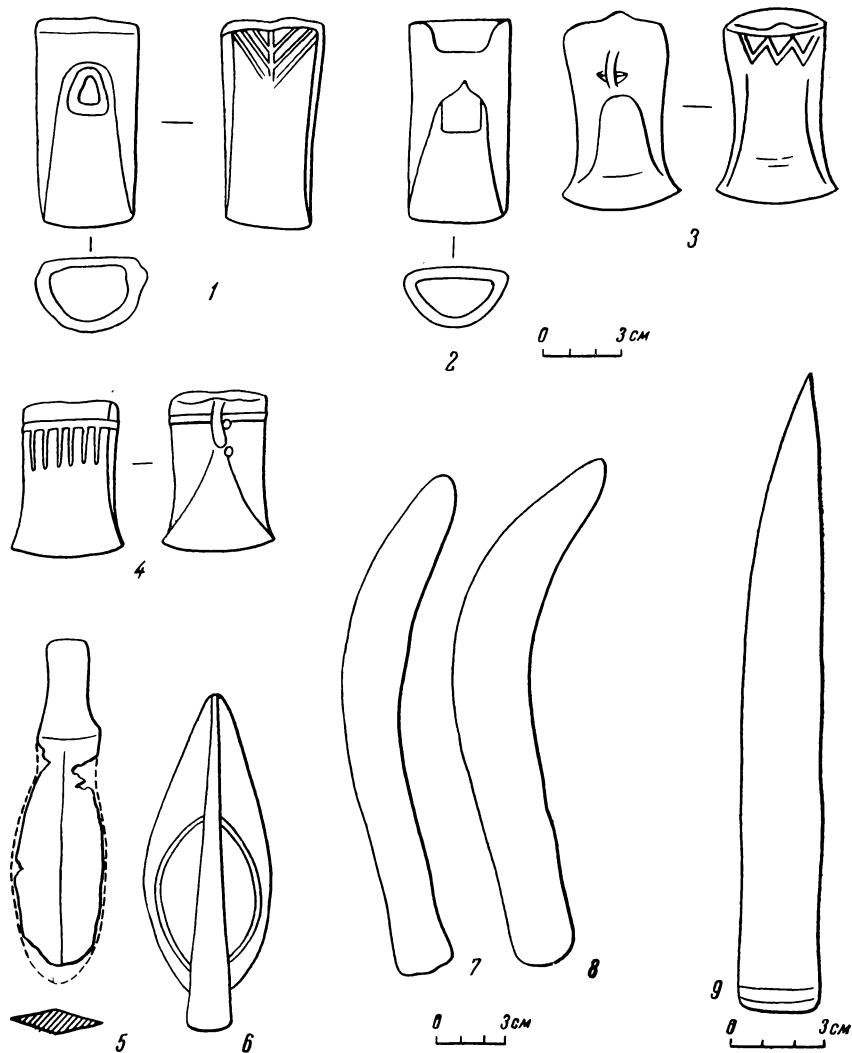
Земледелие

Вместе с тем будет неправильным не считать с немалым значением в хозяйстве андроновских общин земледелия, возможно, уже на раннем этапе их развития. В Восточном Казахстане земледелие было известно предшественникам андроновцев — неолитическим племенам, как это видно из находок кремневых вкладышей серпов на поселении Усть-Нарым (Корбкова, 1963, стр. 229—230). Андроновское земледелие, очевидно, стояло выше. С памятников этой культуры и из случайных находок в южном Приуралье и Зауралье известны более совершенные орудия труда, связанные с земледелием: бронзовые серпы и секачи, каменные мотыги и зернотерки. О большой потребности в этих орудиях говорят находки каменных форм для одновременной отливки в них нескольких серпов. Форма для изготовления сразу 5 экз. серпов найдена на Новопавловском прииске у с. Кундравы Миасского района Челябинской области (Тихонов, 1960, табл. XX, 14; хранится в Свердловском музее; см. рис. 52, 15). О находке близ Оренбурга подобной формы для одновременной отливки 3 экз. серпов упоминает С. В. Киселев (1951, стр. 94).

Общепризнано, что хозяйство андроновцев было скотоводческо-земледельческим (или земледельческо-скотоводческим), причем обе отрасли связаны с использованием пойменных участков. Попытаемся проследить эволюцию земледельческого производства, поскольку маловероятно, чтобы на протяжении почти тысячелетней истории андроновских племен оно оставалось абсолютно неизменным. На самом древнем в Зауралье поселении андроновской культуры — Кипельском — орудия земледелия представлены одной маленькой зернотеркой, на которой растирание зерен возможно было только круговыми движениями небольшого песта, найденного там же (Сальников, 1951, стр. 125). Достойна внимания также символика, заключающаяся в геометрических и меандровых элементах федоровского орнамента на сосудах, которую связывают с культом селища земледельческих племен (Киселев, 1951, стр. 86).

Найденные на Стариковском селище в Красноармейском районе Челябинской области вместе с керамикой алакульского типа два слабо изогнутых серпа (рис. 53, 7, 8), какие отливались в кундравинской литейной форме, и находка подобного серпа в погребении 3 у аула Тулайкина (Граков, 1935, рис. 67, 6) свидетельствуют, по-видимому, о том, что на алакульском этапе земледелие в Зауралье было распространено широко.

На андроновских поселениях этого времени в Домбаровском районе А. С. Новиченко собрал несколько крупных каменных мотыг (Сальников,

53. Медно-бронзовые орудия

1 — Сулакский прииск; 2 — Канаш; 3 — Долговское; 4 — Кочневское;
5 — Купухта; 6 — Оюльничикова; 7, 8 — Стариково; 9 — Сысерть

Новиченко, 1962, рис. 6); такое орудие оказалось и в жилище поселения Ушкатты (Кузьмина, 1962а, рис. 3, 8).

Хлеб в алакульское время занимал видное место в питании населения. Он стал играть какую-то роль в обрядах, что видно из находок обугленных зерен пшеницы в сосудах жертвенного места в Алексеевке.

О более высокой ступени мотыжного земледелия, по сравнению с федоровским этапом, говорят зернотерки другой конструкции, относящиеся к позднеалакульскому — раннезамараевскому времени. Таковы две зернотерки, найденные в погребении под курганом у пос. Адамовского (Попов, 1954) вместе с сосудом со слабым уступчиком и орнаментом из заштрихованных резных полос. Терочный камень представлял собой крупную удлиненную плиту, которую передвигали двумя руками, держа перпендикулярно к продольной оси нижнего камня. Средняя часть терочника стиралась, и края спускались по сторонам нижней плиты. Этой конструкции зернотерки (в обломках) найдены на Алексеевском селище, 7 экз. в Усть-Нарымском, в частности возле жилища 2, которое С. С. Черников датирует замараевским (трушниковским) временем (Черников, 1960, стр. 37, табл. XXV). Большое количество таких зернотерок найдено в Узбекистане, на Чустском поселении эпохи бронзы, где, по мнению В. И. Спришевского, земледелие было основным видом производства (Спришевский, 1957). Помещение зернотерки в могилу в кургане у пос. Адамовка и совершенство ее формы свидетельствуют о крупной роли земледелия, так как андроновцев в могилу сопровождали самые необходимые вещи. К описываемому времени орудия земледелия, очевидно, стали обычными в их быту. Возросшая роль земледелия на западе андроновской территории, возможно, и была одной из причин тех изменений, которые произошли в алакульской посуде, по сравнению с федоровской. По всей вероятности, развитие земледелия в Зауралье связано с взаимовлиянием культуры андроновского населения и племен эпохи бронзы Средней Азии. Не случайно именно к алакульским формам близка керамика тазабагъябской культуры, а орнаментация сосудов амирабадской культуры (Итгина, 1963, рис. 9) сходна с замараевской. В это время племена Хорезма создали зачаточные формы ирригации (Толстов, Андрианов, 1957).

Достоин пристального внимания интересное наблюдение, сделанное опытным краеведом А. С. Новиченко. На юго-востоке Оренбургской области, на границе с Казахстаном, расположено большое озеро Буруктал. При ширине 70—120 м оно имеет длину около 50 км и глубину местами до нескольких десятков метров. На восточном отрезке озеро и отходящий от него проток Сага имеют береговые валы. В нескольких пунктах валы прорезаны каналами, через которые внешние воды поступают на прилегающие низины. Особенно много (10—12) мелких каналов с небольшими промежутками прорезают берег протока Сага. «Для создания заливного луга достаточно одного-двух каналов покрупнее и повыше на Буруктале, а серия

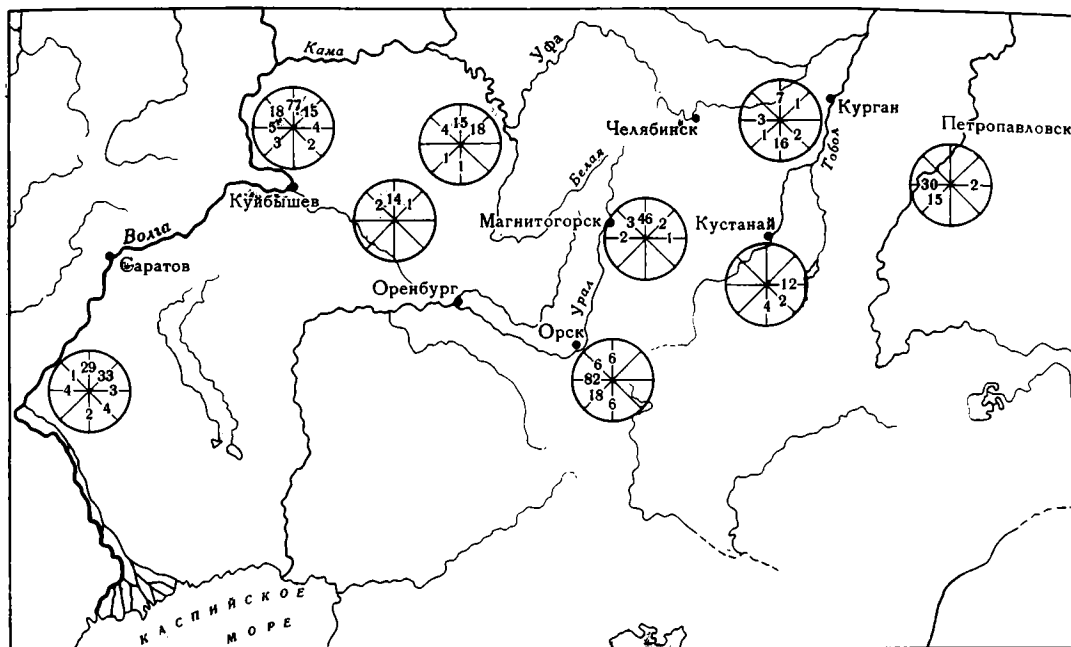
мелких каналов на Саге оказывается ненужной. Мелкие каналы по Саге, расположенные часто и равномерно, кажутся предназначенными для выпуска воды на отдельные участки (поля)». Как видим, А. С. Новиченко высказывает предположение, что каналы на Буруктале были связаны с древним орошаемым земледелием лиманного типа, как в Хорезме. Более десяти плотин для задержания внешних вод зарегистрировано А. С. Новиченко на верховьях логов по южному склону тоболо-иргизского водораздела (Новиченко, 1955).

Описанные каналы наверняка не природного происхождения и сооружены они не в эпоху железа: с начала железного века здесь обитали только кочевые скотоводческие племена. Наиболее вероятно видеть в сооружениях на оз. Буруктал остатки системы лиманного орошения полей эпохи поздней бронзы. Но до подтверждения даты буруктальских каналов уверенно можно говорить лишь о достаточно развитом у андроновцев мотыжном земледелии в поймах рек.

Однако андроновское население обитало на огромной территории в различных физико-географических условиях, что не могло не сказываться на характере хозяйства. Мы видели, что состав стада у лесостепных племен был иным, чем у степняков. Нечто подобное можно ожидать и в отношении земледелия. Так, вполне допустимо, что некоторые южные андроновцы, обитавшие в ксеротермический период в условиях полупустынь, вообще не занимались, как на основании материалов поселения Тасты-Бутак думает В. С. Сорокин (1962а), земледелием, а ограничивались разведением домашних животных. Мы бы все же не стали распространять это предположение на хозяйство всех андроновских общин даже того же района. Частые находки каменных мотыг и в особенности медного серпа под оградкой погребения у Тулайкина аула, расположенного в 100 км севернее селища Тасты-Бутак, свидетельствуют о возможности земледелия и на севере современной Актюбинской области. Может быть, для этого местами приходилось прибегать к ирригации лиманного типа, как на оз. Буруктал. Для основной массы андроновских племен Приуралья и Зауралья земледелие служило, наравне со скотоводством, одним из главных источников существования населения эпохи бронзы Зауралья.

Горное дело и металлургия

Природные условия южного Зауралья и Приуралья уже в древности были благоприятны для развития горного дела и металлургии меди. Уральский хребет, в том числе южная часть его восточного склона и южное Приуралье, а также степи Северного Казахстана богаты месторождениями меди. Медные руды по составу делятся на два вида — окисленные и сернистые. Первые лежат обычно неглубоко от поверхности и выплавка меди из них проста. Поэтому древнейшие разработки повсюду связаны с месторождениями окисленных руд. На таких месторождениях

54. Ориентировка костяков в погребениях эпохи бронзы Южного Урала и прилегающих районов (андроновская и срубная культуры)

и расположены древние рудники южного Зауралья и Приуралья, о которых сохранились сведения в сочинениях ученых XVIII в. и архивах того же времени, связанных с первыми шагами русской горной промышленности на Урале. Но сведения эти слишком скудны, большинство «чудских копей», сделавшихся известными науке и промышленности в XVIII в., тогда же и при позднейших разработках, производившихся путем расчистки, расширения и углубления древних выработок, были уничтожены. До нас дошли лишь скудные сведения, полученные в процессе этих работ, а специальных археологических исследований этих памятников на Урале не производилось, если не считать поверхностного обследования единичных рудников.

«Чудские копи» отмечаются вдоль восточных склонов Уральского хребта в верховьях р. Уй, на реках Багаряк, Увелька, Санарка, Кабанка и Каменка. Открыты они также на юго-востоке Оренбургской области на реках Киимбаи и Ушкаты. Следует оговориться, что только в отношении последних установлено, что разработка их велась в андроновское время.

Эксплуатация прочих рудников в эпоху бронзы вероятна, но документировать это предположение нечем.

Очевидно, в зависимости от характера и глубины залегания на разных месторождениях работы велись неодинаково.

На Каменском руднике следы древних выработок имеют сравнительно сложное устройство, они состоят из вертикальных неглубоких шахт и горизонтальных подбоев. На Усть-Кабанском руднике подобой отсутствуют, Еленовский представляет собой огромный открытый овальной формы карьер.

Из орудий, применявшихся при разработке медных руд, можно указать на медные кайла, найденные на юге Свердловской области (Тихонов, 1960, табл. XXIII, 6). Для этой же цели могли служить некоторые виды вислобушных топоров с настолько узким лезвием, что они более удобны для использования в качестве кирки, нежели топора. Один такой топор найден на Сулакском прииске бывшего Орского уезда (ныне Белорецкий район БАССР) (рис. 52, 16). На поверхность руду выносили в кожаных сумках и, вероятно, в корзинах.

Не совсем ясны источники олова, шедшего в сплав с медью для получения бронзы. Те небольшие месторождения оловянного камня — касситерита, которые известны во многих местах южного Зауралья, в частности в районе древних медных рудников в Багорякском и Качкарском районах Челябинской области, едва ли могли удовлетворять спрос на олово. Вероятна его доставка из Восточного Казахстана, где оловянные месторождения широко разрабатывались в ту историческую эпоху. В могильнике Тасты-Бутак I найдены бусы, металлы которых содержат примесь индия, что указывает на их алтайское происхождение (Богданова-Березовская, Наумов, 1962, стр. 205—206) и свидетельствует о далеких восточных связях андроновцев Приуралья.

На месте добычи следов плавки не известно. Наоборот, вблизи Еленовского рудника обнаружена на берегу р. Киймбай площадка, где производилось дробление руды для отделения ее от породы и отбора наиболее ценных кусочков. Здесь на площади в 120×50 м в большом количестве залегают на поверхности и на глубине до 15—20 см мелкие (от нескольких миллиметров до 2 см размером) угловатых очертаний кусочки руды — кварц-турмалиновые роговики, добывающиеся в Еленовском руднике. Инженер И. А. Рудницкий нашел здесь каменные песты и плиты, при помощи которых, очевидно, и производилось дробление. «Обогащенная» таким путем руда доставлялась на поселения, где производилась плавка. Медные шлаки, куски руды, слёски, мелкие слитки меди, оплакированные черепки обнаружены на многих поселениях, расположенных на реках Киймбай, Шандаша и Ушкатты на юго-востоке Оренбургской области, на расстоянии до 25 км от места добычи (Сальников, Новиченко, 1962, стр. 130—131). Та же картина наблюдается почти на каждом андроновском

поселении Зауралья. Находки медной руды, а также каменных молотков для ее дробления известны на Алексеевском и Ново-Буринском селищах. Для той же цели могли служить колотушка афанасьевского типа, случайно найденная на оз. Первом близ Челябинска (Сальников, 1951, рис. 13, 1). На Ново-Буринском селище был обнаружен обломок глиняного сопла. Один кусочек медной окисленной руды с вкраплением зерен малахита и кусочек шлака были найдены на Кипельском селище.

Кипельский кусок шлака заслуживает особого внимания. Он имеет форму неправильного сектора круга, диаметром около 10 см. Одна его поверхность — сравнительно гладкая, застывшая, другая — менее ровная, с игольчатыми кристаллами, а вдоль внешнего края имеется бортик высотой 0,5—0,6 см, отвесный внутри и округлый снаружи. Цвет шлака черный с металлическим оттенком, похожий на чугуна. Несомненно, что этот кусок имеет большую примесь железа. Думается, что описанная форма куска шлака говорит за принадлежность его к корке, которая образуется на медных лепешках при плавке руды в плавильных ямах. Бортик — это та часть шлака, которая затекала по краям лепешки; внешняя поверхность этого бортика очень неровна, с массой мелких углублений и выпуклостей, которые могли образоваться только в процессе застывания полужидкого шлака в соприкосновении с мелкими неровностями дна и стенок плавильной ямы (Сальников, 1951, рис. 13, 2).

Существовал и какой-то иной способ плавки, вне ям. На Бахтинском селище обнаружена вымостка из камней площадью около 2 м² с большим количеством на ней и возле нее шлаков и золы. Эту площадку можно рассматривать как специальную плавильню (Сальников, 1954а, стр. 218, рис. 5). Нечто аналогичное встречено в одном жилище Алексеевского поселения (Кривцова-Гракова, 1948).

Таким образом, несомненно, что плавка руды производилась непосредственно на селищах. Между тем в бассейне Тобола месторождения медных руд неизвестны, а ближайшие расположены по восточному склону Уральского хребта. Следовательно, из района добычи руды транспортировалась не только чистая медь и готовые орудия, но и сама руда.

Кипельский кусок шлака, содержащий большое количество железа, мог образоваться только при плавке неокисленных руд, вероятно медного колчедана. Можно, следовательно, предполагать, что здесь плавил уже сердечные руды, а это указывает на относительно высокое развитие металлургии.

Изготовление металлических орудий производилось ковкой или литьем в двухсторонних и односторонних формах. Для плавки металла служили, вероятно, небольшие круглые глиняные чаши на одной ножке. Такие чаши широко известны на поселениях эпохи бронзы. Ближайшее место находки — селище Баланбаш на р. Белой в Башкирии близ Стерлитамака (Сальников, 1954, рис. 9). На Кипельском селище было найдено несколько

ко глиняных изделий в виде цилиндра с небольшим перехватом; один конец их сравнительно ровный, другой представляет собой излом (Сальников, 1951, рис. 13, 3). Возможно, это ножки плавильных чаш. Такие чаши имели то преимущество перед плоскодонными сосудами, что при неровной поверхности очага они, будучи погружены ножками в угли, оказывались более устойчивыми, не лишаясь площади нагрева снизу.

Приготовлением металлических предметов занимались на каждом селище, в каждом жилище. Ремесло еще не выделилось в отдельную специальность. В толще стенок одного глиняного сосуда из могильника на оз. Алакуль была обнаружена любопытная находка — небольшой кусочек меди в виде застывшей капли. Такое включение в стенку сосуда могло произойти лишь в том случае, если литье медных предметов и лепка глиняных сосудов происходили в одном и том же месте, вероятно у очага.

Находки литейных форм не являются редкостью. Хорошо известна форма, хранящаяся в Шадринском музее. Она представляет собой два параллелепипеда из хлоритового сланца. На трех сторонах каждого из них вырезаны формы для отливки шестигранного кельта с одним ушком, наконечника с раздвоенным острием и плоского долота с цапфами (Дмитриев, 1930).

На Новопавловском прииске близ с. Кундравы найдена каменная форма, у которой с одной стороны вырезано углубление для отливки шести ножей различной величины, а с другой — углубление для отливки долота (Тихонов, 1960, табл. XX, 14) (рис. 52, 15). Среди находок на Замараевском селище имеются две глиняные формочки для отливки шильца и крестообразной привески. Такая же привеска и бляшка-розетка отливались в формочке с поселения Ялым (рис. 32, 25). На Кипельском селище обнаружен обломок поделки из талькового камня, представляющий собой, по всей вероятности, часть односторонней формочки для отливки какого-то плоского прямоугольного предмета. Другая поделка — обломок глиняного круглого стержня толщиной 0,02 м и длиной 0,05 м — может рассматриваться как вкладыш, служивший для образования отверстия в предмете при отливке. На Алексеевском и Замараевском селищах найдены глиняные льячки. Все это достаточно ярко свидетельствует о довольно развитой и повсеместной металлургии меди. В западных районах андроновской территории найдено значительное число разнообразных медно-бронзовых орудий труда. Большинство происходит из случайных находок и к андроновской культуре может быть отнесено лишь по территориальному и хронологическому признаку. Немало изделий из бронзы обнаружено в погребениях и на поселениях.

Приведем перечень металлических орудий, которые могут быть отнесены к андроновскому времени и характеризуют степень оснащения этими изделиями хозяйства населения зауральских степей в эпоху бронзы.

В состав находок на памятниках и случайного происхождения входят

вислообушные топоры южноуральского типа (рис. 51, 4—6; 52, 16), плоские топоры без выступов (рис. 51, 21) и с выступами (рис. 51, 20), крюкастые серпы (рис. 51, 24), серпы сибиро-казахстанского (рис. 52, 22) и андроновского типа (рис. 53, 7, 8), косари (рис. 52, 9), асимметричные кельты-тесла с ушком (рис. 53, 3, 4) и с «пещеркой» (рис. 53, 1, 2), долото, двустороннее кайло, втульчатое долото (рис. 52, 17), стамески (рис. 51, 7); ножи-скобели, ножи-кинжалы срубного типа (рис. 51, 10—11; 52, 6—8), ножи-кинжалы «киммерийского» типа (рис. 52, 1—5), однолезвийные ножи (рис. 51, 8, 9; 52, 10, 11), иглы, рыболовные крючки (рис. 51, 18, 19), булавы (Сальников, 1952, рис. 7, 1), прорезные копья (рис. 51, 3), наконечники стрел (рис. 51, 12—14).

Приведенный перечень не исчерпывает все многообразие изделий из меди и бронзы, которые бытовали у андроновских племен. Кроме того, выделялись разнообразные украшения, скрепки для починки глиняной посуды и деревянных поделок, отливались различные предметы домашнего обихода. Так, в кургане 13 на оз. Алакуль были встречены обломки каких-то крупных поделок в виде больших пластинок. При обработке дерева, несомненно, пользовались металлической пилой, на что указывает характер обреза плах, употребленных для настила пола ямы-погребца на поселении Баборыкино II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЛЕМЕН АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблемы происхождения андроновской культуры касались многие исследователи. С. В. Киселев (1949, стр. 61) видел в андроновских племенах потомков афанасьевцев, допуская при этом проникновение откуда-то со стороны новых этнических групп, которые содействовали окончательному сложению андроновской культуры. Позднее С. В. Киселев исключил Минусинскую котловину из территории формирования андроновцев, отметив, что «начинают накапливаться факты, указывающие на путь, которым андроновские племена с запада проникли на Енисей» (Киселев, 1957, стр. 42).

Проблема происхождения андроновской культуры

Маловероятно, что формирование такой территориально обширной культуры на столь ограниченной площади, занятой афанасьевцами (Минусинская котловина и Алтай), к тому же окраинной по отношению к андроновской территории, заставило других авторов искать предков в среде не одной, а нескольких культур.

Открытия последних лет убеждают нас, что сложение андроновской культуры протекало на широких просторах степной и лесостепной полосы Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири, с захватом южной кромки современных лесов. На этой территории выявлены памятники группы родственных в культурно-этническом отношении племен эпохи неолита и ранней бронзы. На некоторых из этих памятников уже появляется керамика с орнаментом, содержащим элементы будущих узоров андроновской посуды (Бабрыкино, Кысы-куль), и кости домашних животных (кустанайские стоянки) (Формозов, 1951а; Чернецов, 1955, стр. 56, 59; Черников, 1960, стр. 110; Сальников, 1961). В процессе дальнейшего экономического развития, с переходом от неолитического охотничье-рыболовецкого хозяйства к более прогрессивным видам трудовой деятельности — скотоводству, земледелию, металлургии, в среде этих культурно-этнических групп сформировались культуры эпохи бронзы: андроновская, черкаскульская, горбуновская, томская. Северные племена не так сильно и не так скоро «оторвались» от неолитических форм жизни

и культуры. Обитатели степей и лесостепей оказались в более благоприятных природных условиях, способствовавших быстрому распространению у них скотоводства и земледелия.

Степные просторы облегчали общение родо-племенных групп и распространение достижений культуры на большой территории, благодаря чему сложилась та однородность в основных элементах культуры, которая так характерна для раннеандроновских племен от Минусинска на востоке до Урала на западе.

Те же причины привели к формированию определенного антропологического типа европеоидного населения, который известен как андроновский тип. Сложение его происходило в доандроновское время на территории Казахстана и Алтая, откуда андроновцы проникли затем на восток в Минусинскую котловину (Дебец, 1948, стр. 70; Алексеев, 1961, стр. 147). Шло распространение и в других направлениях. Тот же антропологический тип представлен в могильниках на реках Киргильда и Терекла в районе Орска (Комарова, 1927), в Алакульском (Вильшау, 1939) и Алексеевском (Герасимов, 1955, стр. 548) могильниках. Андроновский антропологический тип оказался настолько стойким, что он сохраняется в Приуралье у сарматских племен и проникает в Нижнее Поволжье в I тыс. до н. э.

Федоровский этап (XVIII — XVI вв. до н. э.)

Ранний этап андроновской культуры в Зауралье представлен памятниками федоровского типа, которые были сосредоточены в северной части южного Зауралья, таковы курганные могильники Федоровский (Сальников, 1940), Кинзерский (Сальников, Отчет 1952), курганы в районе Челябинска у сел. Смолино, Исаково, Синеглазово, Сухомесово, исследованные Н. К. Минко и С. Н. Дурылиным; Больше-Караболкский и Ново-Буринский могильники на р. Караболке (Сальников, 1959б). Для них характерны погребения по способу трупосожжения и наличие в могилах костей домашних животных.

Есть основание видеть в погребенных федоровских могильников представителей автохтонного населения, поскольку в обряде трупосожжения можно усматривать генетическую связь с неолитическими и энеолитическими племенами. Непосредственно в районе расположения федоровских могильников в Зауралье мы не знаем погребальных памятников предыдущей эпохи. Но применение огня при погребениях у энеолитических племен начала II тыс. до н. э. в пещерах на р. Юрюзань (Бибилов, 1950) и господство этого обряда в неолитических погребениях Томского могильника, инвентарь которого близок к предметам материальной культуры неолитических памятников Урала (Комарова, 1952), позволяют сделать заключение, что в доандроновское время на северо-западе андроновской территории обряд трупосожжения был широко распространен. Антропологи-

ческие материалы с р. Юрюзани поддерживают такое предположение. Энеолитическое погребение в Бурановской пещере относится к андроновскому антропологическому типу (Бибилов, 1950; Дебец, 1953, стр. 67). Доандроновские погребения с сожжением обнаружены и в ряде пунктов Казахстана (Формозов, 1956).

Андроновские племена на федоровском этапе рисуются нам как далеко отошедшие от охотничье-рыболовческой культуры. Скотоводство уже вошло в быт населения, пища из мяса домашних животных стала настолько обычной, что это получило отражение в погребальном ритуале. Истоки скотоводства надо искать в предыдущее время, у энеолитического населения. Поселения скотоводов предандроновского времени мы знаем в районе Кустаная. На керамике здесь уже появляются элементы орнамента, типичного для посуды эпохи развитой бронзы. Но оставлены ли эти памятники формирующимися андроновцами или они являются результатом продвижения из Поволжья и южного Приуралья полтавкинских групп, предстоит еще выяснить. Более вероятно последнее, поскольку федоровские памятники в районе Кустаная неизвестны.

В первой половине II тыс. до н. э., приблизительно по линии Магнитогорск — Троицк, проходила граница между территориями расселения андроновских и полтавкинских племен. Вехами этой границы в районе Магнитогорска могут служить, с одной стороны, ямно-полтавкинские погребения II Мало-Кизыльского могильника (Сальников, 1962б, стр. 51—55), с другой — погребение с трупосожжением и федоровской керамикой, раскопанное В. С. Стоколосом в 1961 г. у с. Спасского севернее Магнитогорска, а также федоровский слой селища у горы Мохнатой близ того же города (Сальников, 1954а, стр. 230, рис. 22, 23) и поселения Нижне-Спасского (Сальников, Отчет 1961).

В районе Троицка такими же вехами служат федоровский могильник у пос. Кинзерского и раннесрубные курганы Степное II (Стоколос, 1962). Сосуды этого памятника по форме и по характерным штрихам на стенках, получающихся при сглаживании гребенчатым штампом, типичны для срубной культуры, но орнамент на них нанесен исключительно гребенчатым штампом, частично мелкогребенчатым, обычным для полтавкинской культуры и не известным на позднесрубной керамике. Отсутствие при этом резного орнамента, а также наличие острореберного сосуда позволяють датировать могильник Степное II самым началом третьей четверти II тыс. до н. э., вероятно XV в. до н. э. Очевидно, пределов уйско-увельского района достигли еще полтавкинские предки срубных племен. Кроме полтавкинских погребений близ Магнитогорска во II Мало-Кизыльском могильнике (Сальников, 1962б), к полтавкинскому времени относится могила, исследованная В. С. Сорокиным в могильнике Ак-Джар близ Актюбинска, а также интересное погребение с трупоположением на оз. Светлый Джар-куль близ Кустаная (Формозов, 1956). Его трудно связать

с предками андроновского населения, наоборот, больше оснований видеть в захороненном представителе ямно-полтавкинских племен. На такое предположение наталкивает уникальная форма каменного сверленого полированного молотка. Ближайшая аналогия ему имеется в отлитом из меди молотке из позднего погребения Увакского могильника в Оренбургской области (Федорова-Давыдова, 1962, рис. 5, 17). Размеры и формы обоих изделий почти совпадают.

Эти пока единичные памятники полтавкинской культуры и отсутствие в районе их распространения федоровских памятников показывают, что крайний юг Зауралья в первой половине II тыс. до н. э. населяли полтавкинские племена, очевидно, проникшие сюда с запада, из Поволжья.

Таким образом, в первой половине II тыс. до н. э. в южном Зауралье соседствовали представители двух этнокультурных групп: раннеандоновского (федоровского), занимавшего северную часть этой территории, и срубно-полтавкинского, памятники которого открыты южнее (см. карту, рис. 63).

Алакульский этап XV—XII вв. до н. э.)

В середине II тыс. до н. э. совершается переход от федоровского этапа к алакульскому. Изменяется погребальный обряд. Керамика этого времени приобретает новую, отличную от федоровской посуду, форму и орнаментацию.

К концу федоровского этапа на базе развивающегося скотоводства увеличивается прирост населения, что приводит к усиленной сегментации древних общин. Взаимопроникновение групп андроновского и полтавкинско-срубного происхождения ведет к их слиянию, начавшемуся в сравнительно раннее время, на грани федоровского и алакульского этапов. Как отмечалось выше, под Магнитогорском в могильниках смешанного срубно-андоновского населения — I Мало-Кизыльском и Агаповка II красная краска на костях и под костями — особенность древнего погребального обряда — сочетается с керамикой, уже имеющей уступчик.

На севере — в районе Челябинска, Кургана, Шадринска оформление культуры алакульского этапа носило автохтонный характер в том смысле, что от федоровских норм погребального обряда и форм керамики переходили к труположению и новому типу сосудов — с уступчиком, с неорнаментированной полосой на шейке. Посуда эта развивалась из федоровской, на что указывает сохранение в орнаменте элементов узора, свойственного федоровской керамике, хотя отсутствует пышная орнаментация, которая так часта на федоровских горшках. Памятники с такой керамикой — могильники Исаковский, Курганский и соответствующий слой на поселении Баборыкино II. Южнее, в районе Магнитогорска и Орска — Домбаровска, культура алакульского времени складывалась в иной форме.

В районе Магнитогорска на грани федоровского и алакульского этапов протекал сложный процесс: с одной стороны, население западного происхождения переходило здесь с полтавкинского этапа на собственно срубный, а с другой — оно смешивалось с андроновскими группами. Здесь удастся проследить преемственность культуры от полтавкинской к срубной. Во II Мало-Кизыльском могильнике часть погребений относится к полтавкинскому этапу, а в 1,5 км восточнее, в I Мало-Кизыльском могильнике, основная масса погребений датируется третьей четвертью II тыс. до н. э., но одна могила (курган 3 погребение 5) содержала костяк, лежащий на спине, ноги его поставлены вверх коленями; такое положение является пережитком полтавкинского ритуала. Северная ориентировка костяка и тип сосуда связывают это погребение с другими в данном могильнике, которые можно характеризовать как срубно-андоновские. С другой стороны, заслуживает внимание как бы символическое положение погребенного в этой могиле на костер, который был сооружен перед погребением умершего. В этом обряде нельзя не видеть затухание обряда трупосожжения, заимствованного у соседних андроновских племен, у которых он был в более раннее, федоровское, время господствовавшим.

Алакульское время под Магнитогорском представлено могильниками Первомайским, I и II Мало-Кизыльскими и Агатовкой II. В погребальном обряде и инвентаре этих могильников много черт срубной культуры. Для них характерны погребения под земляными курганами в могилах, покрытых накатником; сосредоточение под каждой насыпью по несколько могил; господствующая ориентировка погребенных головой на север. Керамика, поставленная в могилы, имеет много срубных элементов и в форме и в орнаментации, но встречаются и андроновские сосуды уже алакульских форм.

По магнитогорским погребениям с трупосожжением видно, что обряд этот в некоторых случаях племени со смешанной андроновско-срубной культурой продолжали применять и позднее федоровского времени.

На алакульской стадии смешанные андроновско-срубные племена, вместе с ними, может быть, и собственно андроновские группы, проникли далеко на запад.

В орско-домбаровском районе срубные черты в могильниках проявились не столько ярко, как под Магнитогорском. В частности, ориентировка костяков здесь, как правило, имеет андроновское направление — западное и юго-западное. Предполагаемое полтавкинское население в этом районе в середине II тыс. до н. э. заменяется андроновским, находившимся на аннеалакульском этапе и, очевидно, пришедшим со стороны. Ближайшими районами, откуда можно ожидать продвижение в восточные пределы Оренбургской области андроновских групп, являются юг Северного и Центральный Казахстан, а также центральная часть Челябинской обла-

сти: и там и тут андроновские племена обитали еще в федоровское время. Вероятнее восточный путь движения, так как на севере жило, как мы видели выше, смешанное срубно-андроновское население, оставившее могильники с иной ориентировкой погребенных. Андроновские племена донесли с востока в юго-восточное Зауралье обычай не только придавать погребенным ориентировку головой на запад и юго-запад, но и ограждать могилы на поверхности кольцом из камней, не насыпая в большинстве случаев заметного земляного кургана.

Однако антропологический состав населения не всегда связывает этот район с восточным вариантом андроновской культуры. Для последней характерен особый европеоидный тип, за которым в антропологии закрепилось наименование андроновского. Он распространен от Минусинска на востоке до Урала на западе, в частности могильники на реках Киргильда и Терекла содержали черепа этого типа (Комарова, 1927; Дебец, 1948, стр. 70). Но здесь имеются и памятники с совершенно иным антропологическим составом погребенных. В могильнике Тасты-Бутак I только один череп можно, да и то условно, рассматривать как принадлежащий к андроновскому антропологическому типу, основная же масса черепов относится к средиземноморскому типу, характерному для срубных племен Нижнего Поволжья. Сближаются черепа этого могильника также с черепами из Приаралья (Гинзбург, 1960, стр. 198). Следовательно, антропологический материал подтверждает большую роль западных, срубных этнических групп в сложении населения орско-домбаровского района.

Чересполосное расположение памятников срубной и андроновской культур в южном Приуралье отмечается и в работах целого ряда авторов. Это явление хорошо можно наблюдать, в частности, в курганном могильнике у с. Погромного (Сальников, 1950а) и в курганах у пос. Кошкара близ Ишимбая (см. главу «Племена срубной культуры»). Андроновские элементы проникают в толщу срубных племен до берегов Волги в пределах саратовского и куйбышевского Поволжья (Смирнов, 1957, стр. 7 и след., рис. 2). С другой стороны, черты срубной культуры прослеживаются на востоке вплоть до р. Тобол (Алексеевка, Садчиковка).

Но в целом можно говорить, что в рассматриваемое время в орско-домбаровском районе жило смешанное срубно-андроновское население, в культуре которого преобладали андроновские черты. А в районе Магнитогорска, судя по археологическим данным, могильники представляют собой в основном кладбища коренного срубного населения, испытавшего значительное влияние соседних или пришлых андроновцев.

Разнородность населения двух районов — орско-домбаровского и магнитогорского — хорошо отражена в ориентировке погребенных (рис. 54).

Окончательно оформившаяся в алакульское время культура на западе андроновской территории значительно отличалась от одновременной ей

культуры на востоке. Отныне развитие шло на западе и на востоке разными путями. Керамика на западе становится более близкой к срубной и тазабагыбской, нежели к андроновской федоровского этапа. Здесь вырабатываются металлические украшения таких типов, которые не находят аналогий на востоке. Столь распространенные на алакульско-срубной территории желобчатые бронзовые браслеты не известны в памятниках эпохи бронзы на востоке. Спиральные височные кольца запада также отсутствуют на востоке. Там их заменяют чуждые западным племенам кольца с раструбом. Несколько напоминают такие кольца серьги, найденные в могильниках Тасты-Бутак I (Сорокин, 1962, табл. XXXVII, 20) и Купухта (Кузьмина, 1963, рис. 39, 3). Но они все же относятся к другому типу. Совершенно одинаковые листовидные привески из Алексеевки, Тасты-Бутака, селища Береговое I и срубных погребений Нижнего Поволжья на востоке не встречены. Известно, как стойки типы национального, особенно женского, костюма. Единство частей костюма, сделанных из нетленных материалов, по всей вероятности, отражает однородность костюма женщин племен эпохи бронзы от Центрального Казахстана до Поволжья. По-видимому, в результате интенсивных передвижений групп андроновского и срубного происхождения в алакульское время окончательно складывается этническое единство на территории Западного Казахстана, южного Приуралья, Нижнего и Среднего Поволжья и Приаралья.

Еще об одном этнокультурном элементе не следует забывать, говоря о составе населения южного Зауралья во второй половине II тыс. до н. э. Мы подразумеваем племена абашевской культуры. В предгорной полосе, к западу от Магнитогорска обитание абашевцев в это время доказывается открытием Мало-Кизыльского селища и погребения с абашевским обрядом захоронения на его территории. По находкам абашевской керамики на Алексеевском поселении и жертвенном месте (Кривцова-Гракова, 1948, рис. 43 и 50) доказывается обитание абашевцев в Зауралье в алакульское время.

Ценные сведения о взаимоотношениях андроновского и абашевского населения можно почерпнуть в могильнике Степное I, раскопанном в 1958 г. В. С. Стоколосом на левом берегу р. Уя близ с. Степного Пластского района Челябинской области (Стоколос, 1962). Керамика, найденная в курганах, относится к алакульским, абашевским и гибридным абашевско-алакульским типам (см. раздел «Племена абашевской культуры»). Это интереснейший случай, документирующий процесс ассимиляции, о чем прежде всего говорит гибридная керамика. В несколько другой форме то же явление наблюдается в соседнем могильнике Степное II, где большинство курганов носит ярко выраженный срубный характер, но курган 6 стоит несколько особняком. Сосуд абашевской формы из погребения 1 связывает его с могильником Степное I, но этот сосуд сопровождался дру-

гим сосудом, скорее срубного, нежели андроновского типа. Второе, очевидно впускное, погребение описываемого кургана содержало типично алакульскую керамику.

В целом могильники Степное I и II представляют собой памятники, отражающие процесс ассимиляции племен трех культур эпохи бронзы: андроновско-алакульской, срубной и абашевской.

Абашевские группы в Зауралье были малочисленными, они растворились в массе андроновского населения, не оставив в культуре последнего никакого следа.

Более ощутительны результаты слияния андроновских племен со срубными. Этот процесс в алакульское время привел к сложению определенного комплекса материальной культуры. Особенно это проявилось в керамике, где наряду с сохранением андроновских элементов в орнаментике намечается переход к мотивам, свойственным срубной культуре. В последней большое место занимало украшение сосудов зигзагами и треугольниками, в алакульской керамике эти элементы также являются господствующими. Меандры, считающиеся типично андроновским элементом орнамента, в алакульское время приобрели упрощенные прямоугольные формы, обычные и на сосудах срубной культуры.

Что касается площади расселения андроновских племен на алакульском этапе, то их памятники достигают границы, проходящей несколько восточнее линии Петропавловск — Кокчетав — Акмолинск. Восточнее этой черты андроновские памятники продолжают сохранять в керамике федоровские формы, вследствие чего уже в 20-х годах исследователи стали делить андроновскую территорию на восточную и западную. Это различие не ограничивается сферой материальной культуры, но отражает особенности в этническом составе населения. Многие советские археологи (С. П. Толстов, А. Н. Бернштам и др.), основываясь на ретроспективном методе, видят в андроновцах ираноязычные племена. Нам думается, что этого нельзя сказать обо всех андроновских племенах. Лишь племена алакульского времени и типа вместе с племенами срубной и тазабагыбской культур составили ираноязычный этнический массив на границе Европы и Азии.

Восточные андроновцы не подверглись иранизации и, насколько можно судить по имеющимся далеко недостаточным данным, они связаны с угорской языковой средой. Ираноязычность населения алакульской территории подтверждается совпадением ее с районом расселения савроматов, происхождение которых от поволжских срубняков и западных андроновцев доказано (К. Ф. Смирнов, 1957; К. Ф. Смирнов, Петренко, 1963, стр. 5).

Спор о дате керамики замараевского типа (сосуды с округлыми плечиками, украшенные валиками, и грубым, преимущественно резным, орнаментом из поясков косых насечек, елочки, перекрещивающихся прямых; рис. 15, 16—19; 55) и об отношении ее к другим видам

Замараевский этап
XII — начало VIII в.
до н. э.)

сосудов теперь, как показано было выше, решен. Последний — замараевский — этап развития андроновской культуры характеризуется крупными изменениями как в материальной культуре и

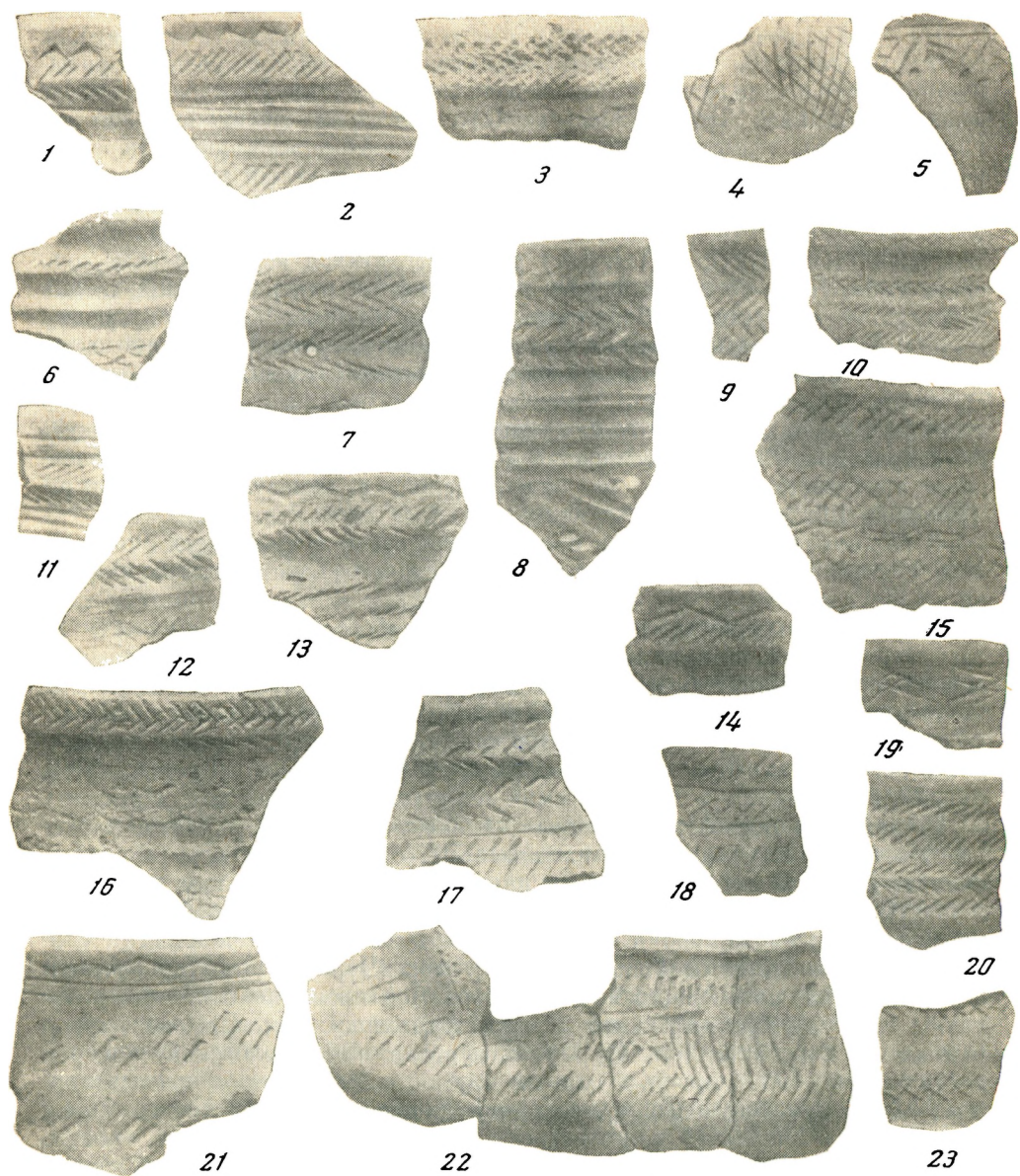
хозяйстве, так и в общественном строе.

На новую ступень переходит в это время металлургия. Преобладающим способом изготовления бронзовых орудий становится отливка их в формах. Вводятся в употребление кельты-тесла с «пещеркой» или лобным ушком, служившие, возможно, мотыгами.

Большие сдвиги произошли в основных отраслях производства. Развитие скотоводства привело к концу II тыс. до н. э. к значительному росту численности андроновских племен. Старые формы хозяйствования — охотничье-мотыжное земледелие и пастушеское придомное скотоводство — не могли обеспечить производство необходимых для существования продуктов в достаточном количестве.

Для расширения посевов путем освоения участков в открытой степи общины не обладали требующейся технической вооруженностью. Ручными мотыгами, даже металлическими, поднять целину невозможно. Некоторый выход был найден в очистке под пашню участков поймы из-под лустарников при помощи секачей того типа, что найдены были на Алексеевском селище (рис. 52, 9). Более существенные преобразования произошли в области скотоводства. После окончания засушливого ксеротермического периода климат стал более влажным. Сделалось возможным освоение открытой степи под выпас скота.

Еще на алакульском этапе лошадь превращается в ездовое животное, используется для верховой езды. Следовательно, имелись условия для перегона скота на значительные расстояния. Весьма вероятно, что именно это время возникла более прогрессивная форма скотоводства — яйлажная. На это указывают погребения замараевского времени. На смену многокурганным могильникам, расположенным поблизости от поселений алакульского этапа, теперь приходят курганы-одиночки. Таковы курганы 6 и 37 у с. Черняки на р. Миасс с сосудами замараевского типа; курган 1 пос. Сосновского близ Челябинска (Сальников, 1951, стр. 118—119); курган над Смеловской пещерой с сосудом сарматского типа, но с плоским (рис. 45, 19). Эти погребения связаны, очевидно, с летними пастбищами, удаленными от зимников. Вместе с тем в обособлении отдельных урбанов надо видеть какие-то сдвиги в общественном строе, выражающиеся в выделении из рода патриархальных семей и в усилении роли их

55. Керамика замараевского этапа. Замараевское селище

Переход к кочевому скотоводству еще не произошел, на некоторое время установилось полукочевое, яйлажное скотоводство, на что указывает существование поселений замараевского времени (Замараево, Алексеевка, Садчиково, Нижне-Спасское II), в которых, очевидно, надо видеть зимники, а может быть, отдельные семьи в это время еще не перешли на новую форму хозяйства и жили на поселениях круглый год.

На большей части территории, ранее занятой алакульскими племенами, и за пределами этой территории до Восточного Казахстана (ср. Черников, 1960, табл. LVII, LVIII, LX) распространяется керамика замараевского типа. Но в орско-домбаровском районе ее находки редки, и она здесь характеризуется не валиками, а «воротничками» при сохранении в орнаменте геометрических элементов. В Центральном Казахстане складывается особый дындыбаевский вариант, который иногда выделяют как самостоятельную культуру (Акишев, 1953). Наравне с андроновскими чертами в дындыбаевских памятниках проявляются элементы карасукской культуры. Это дало основание М. П. Грязнову видеть в дындыбаевских памятниках вариант не андроновской, а карасукской культуры (Грязнов, 1952).

В целом замараевский этап представляет собой переходную эпоху от оседлого многовекового быта племен бронзового века к кочевничеству эпохи железа.

Переходный характер культуры замараевского этапа проявляется во всем — от типа керамики до погребального обряда. Обычная на замараевской посуде орнаментация пояском резкой горизонтальной елочкой и пояском косых насечек на плечиках и шейке сохраняется как самый распространенный мотив и на керамике сарматской эпохи, главным образом лесостепного Зауралья (ср. Сальников, 1947; Стоянов, Фролов, 1962, рис. 29, 2; 30, 3—4).

Те немногие погребения, которые мы выделяем как переходные, характеризуются элементами, связывающими их, с одной стороны, с эпохой бронзы, с другой — с сарматскими памятниками. В одиночном кургане 1 у пос. Сосновского при скорченном костяке находилась необычная для погребений бронзовой эпохи каменная чашка, которая сближает его с сарматскими памятниками. В кургане 36 у пос. Черняки при скорченном костяке стоял плоскодонный сосуд, орнаментированный по плечикам узким пояском горизонтальной елочкой, типичным для замараевской и сарматской керамики (рис. 45, 17). В кургане над Смеловской пещерой костяк также был скорчен, а сосуд с крутыми плечиками и прямым горлом, имея сарматскую форму, сохранил плоское дно, как посуда эпохи бронзы (рис. 45, 19). К замараевской переходной эпохе следует отнести впускное погребение в могиле 4 могильника Урал-сай, где костяк лежал на спине, но с согнутыми ногами (Грязнов, 1927). Следует также отметить, что три из перечисленных погребений: Черняки, Сосновка и Урал-сай

связываются между собой одинаковой ориентировкой головы к востоку — не обычной для андроновских могильников, но встречающейся в сарматских. О генетической зависимости последних от андроновских говорит положение костяка скорченно на боку в погребениях с типично сарматским инвентарем, например в кургане 25 у пос. Исаковского (Сальников, 1951, стр. 119).

✱

Дальнейшее развитие потомков андроновцев — населения южного Зауралья — в эпоху раннего железа протекало по-разному в разных районах. В более южной части, в степи происходит окончательный переход к кочевому скотоводческому быту. Поскольку здесь не найдено ни одного поселения, надо полагать, что зауральские савроматы практиковали ту форму кочевания, которая описывается античными авторами у причерноморских скифов, пользовавшихся передвижными кибитками-жилищами на колесах.

В степных сарматских курганах сохраняются нередко черты, свойственные андроновским погребениям этого района: каменные выкладки вокруг могилы, широтная ориентировка погребенных. Черепа захороненных напоминают черепа андроновского антропологического типа.

В лесостепной полосе Зауралья, севернее приблизительно линии Челябинск — Курган, в сарматское время обитала другая группа племен, ведущая происхождение также от андроновцев, которая сохранила оседлый или полuosедлый образ жизни. По берегам рек Миасса, Исети и их притоков известно много городищ эпохи раннего железа с прочными, сложного устройства жилищами, но бедным культурным слоем (Сальников, 1947). Очевидно, эти поселения служили зимниками, а в летнее время жизнь переносилась в открытые стойбища, следы которых обнаруживаются на прибрежных дюнах р. Исети (Сальников, 1961). Традиции андроновской культуры прослеживаются в керамике и в погребальном обряде. Керамика поселений типа городища Чудаки и в форме и в орнаменте сохраняет черты, сложившиеся в замараевское время. В обнаруживаемых в лесостепном Зауралье сарматских погребениях с сильно обожженными костями можно видеть далекие отголоски трупосожжений, применявшихся местными андроновцами на федоровском этапе (Сальников, 1951).

Несомненной андроновской традицией являются находки в могилах сарматского времени перевернутых вверх дном сосудов, под которыми оказывается пепел от сожжения трав. О таких сосудах пишет А. Н. Зырянов, раскопавший в 1871 г. курганы сарматского времени близ с. Замараево на р. Исети (Зырянов, 1883). А в андроновских памятниках пепел от сожжения трав под перевернутыми сосудами найден нами при раскопках Алакульского могильника (Сальников, 1954а, стр. 57).

В то же время лесостепные племена сарматского времени обнаруживают большие различия в расовом отношении. Здесь не всегда сохраняется европеоидный андроновский антропологический тип, существовавший в эпоху бронзы. В кургане середины I тыс. до н. э., раскопанном нами близ городища Чудаки в урочище Елесина Яма, оказалось несколько костяков, черепа которых имеют, по определению Е. В. Жирова, ярко выраженные монголоидные черты. Это явление надо связывать с проникновением на территорию лесостепного Зауралья каких-то новых этнокультурных групп.

Достаточно уверенно можно говорить, что потомки населения эпохи бронзы южного Зауралья в сарматское время в этническом отношении были неоднородны. Общепризнана ираноязычность кочевых сарматских племен степной полосы Зауралья (К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 191). Однако этого нельзя сказать об оседлом населении лесостепи. Отличия в материальной культуре, хозяйстве, антропологическом типе заставляют отделить лесостепные племена, оставившие городища типа Чудаки, от сарматского населения степей. Отраженные в погребальном обряде некоторых лесостепных курганов сарматского времени аналогии с мифологическими представлениями обских угров служат сильным аргументом в пользу угроязычности лесостепного населения (Сальников, 1966а).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ПЛЕМЕНА
ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Памятники этой культуры сосредоточены в двух районах, разделенных значительным пространством, на территории которого следов пребывания черкаскульских племен почти не известно. Нам представляется, что объясняется это почти полной неизученностью промежуточной территории.

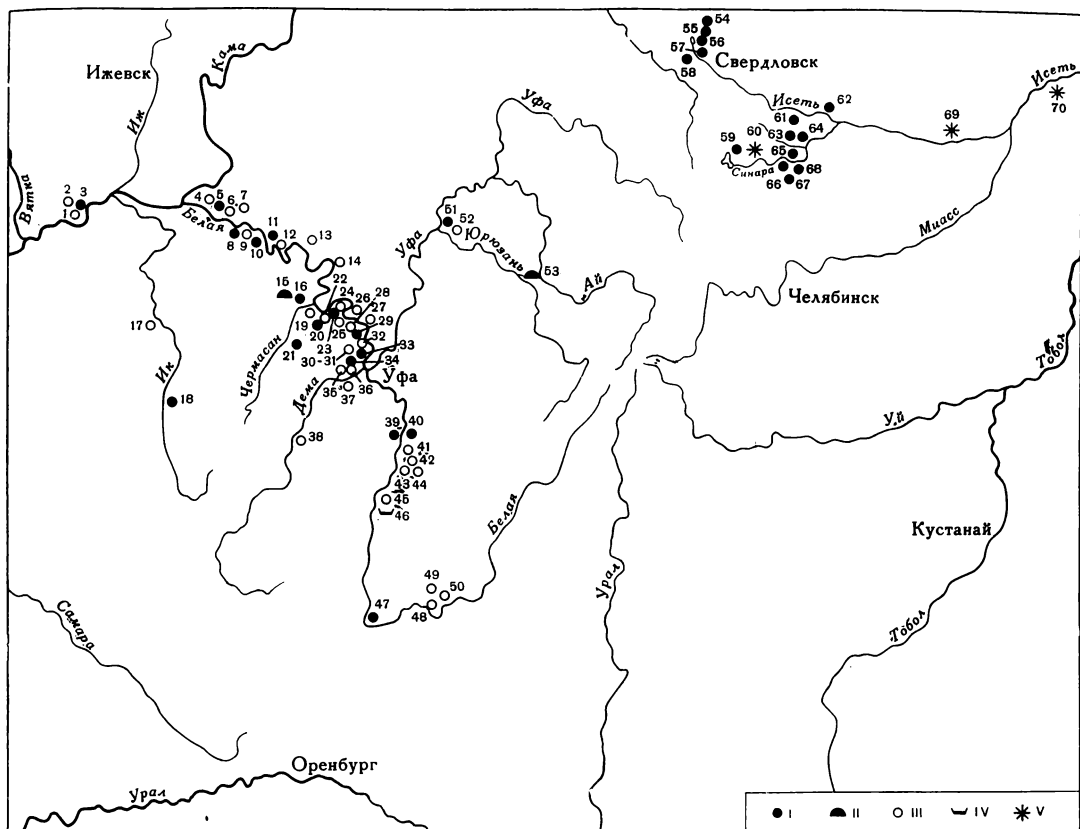
Одну группу черкаскульских памятников составляют поселения северной лесостепи и прилегающей полосы леса в Зауралье, на границе современных Челябинской и Свердловской областей. Во вторую группу входят памятники северной и отчасти центральной Башкирии.

В Зауралье выявлена (Сальников, 1964) группа поселений (см. карту, рис. 56) с керамикой, близкой к андроновской, но значительно отличающейся от тех типов посуды, которые хорошо известны в степных памятниках андроновской культуры. Зауральскую лесостепную керамику андроновского облика, на наш взгляд, можно расчленить на три хронологических типа: черкаскульский, межовский и березовский, соответствующие этапам развития местных племен.

Черкаскульский тип керамики наиболее полно представлен на селище Черкаскуль II, исследованном нами в 1956 г. на берегу одноименного озера в Каслинском районе на севере Челябинской области, в нескольких километрах от границы Свердловской области.

Вскрыто 216 м². Обнаружен большой зольник, 53 ямки от столбов, свидетельствующих о существовании, очевидно, наземных жилых сооружений, две ямы-погребка диаметром 1,40 и 1,70 м, в которых на глубине 0,80 м выступила зола. Культурный слой залегал непосредственно под дерном, доходил до глубины 0,60 м и состоял преимущественно из керамики, относящейся к трем эпохам: энеолиту (12 сосудов), раннему железу (6 сосудов) и бронзе (102 сосуда). Энеолит представлен керамикой того типа, который характерен для южной полосы лесного Зауралья и может быть датирован первой половиной II тыс. до н. э. К раннему железному веку относятся обломки посуды каменогорского типа.

Основную массу керамики селища составляют фрагменты сосудов эпохи бронзы горшечной формы, близкой к посуде андроновских памятни-

56. Карта-схема распространения памятников культур черкаскульской и курмантау

1 — Луговские курганы; 2 — Луговская II; 3 — Луговская I; 4 — Старо-Кабаново I; 5 — Старо-Ногаво II; 6 — Кюнь I; 7 — Бурнюш II; 8 — Медведевская; 9 — Медведевская; 10 — Чиятасевская; 11 — Елань; 12 — Ново-Биктовская; 13 — Камилевская; 14 — Бирская; 15 — Тартышево I; 16 — Князево; 17 — Тумутукская; 18 — Мостовая; 19 — Кушнарниковская; 20 — Тарабердино; 21 — Казарма II; 22 — Ахметово II; 23 — Ахметово I; 24 — Кереневская; 25 — Кармасан; 26 — Дуванейская; 27 — Благовещенская II; 28 — Кумлекуль; 29 — Кумлекуль; 30 — Романовка III; 31 — Романовка VIII; 32 — Сосновская; 33 — Сосновская; 34 — Романовка VIII; 35 — Нижегородская VI; 36 — Безымянная; 37 — Демская; 38 — Давлекановская; 39 — Нижний Тюкун; 40 — Утяшевская; 41 — Курмантау Нижнее; 42 — Михайловская; 43 — Касьяновская; 44 — Курмантаевское городище; 45 — Каштау Западное; 46 — Урнянский могильник; 47 — Тюбак; 48 — Муйнакташ; 49 — Максютювская; 50 — Акбута; 51 — Усть-Юрюзанская; 52 — Усть-Юрюзанская; 53 — Ахуново; 54 — Малевка; 55 — Коптяки II; 56 — Коптяки I; 57 — Коптяки III; 58 — Новая III; 59 — Черкаскуль II; 60 — Черкаскуль II; 61 — Березовское; 62 — Лужки; 63 — Межовское; 64 — Колпаковское; 65 — Кривое; 66 — Чесноковская пашня; 67 — Ново-Бурино; 68 — Третья пашня; 69 — Баборыкино II; 70 — Вархатово-Заречное.

I — поселения черкаскульской культуры; II — курганы черкаскульской культуры; III — поселения культуры курмантау; IV — могильник культуры курмантау; V — поселение с флажково-жемчужной керамикой

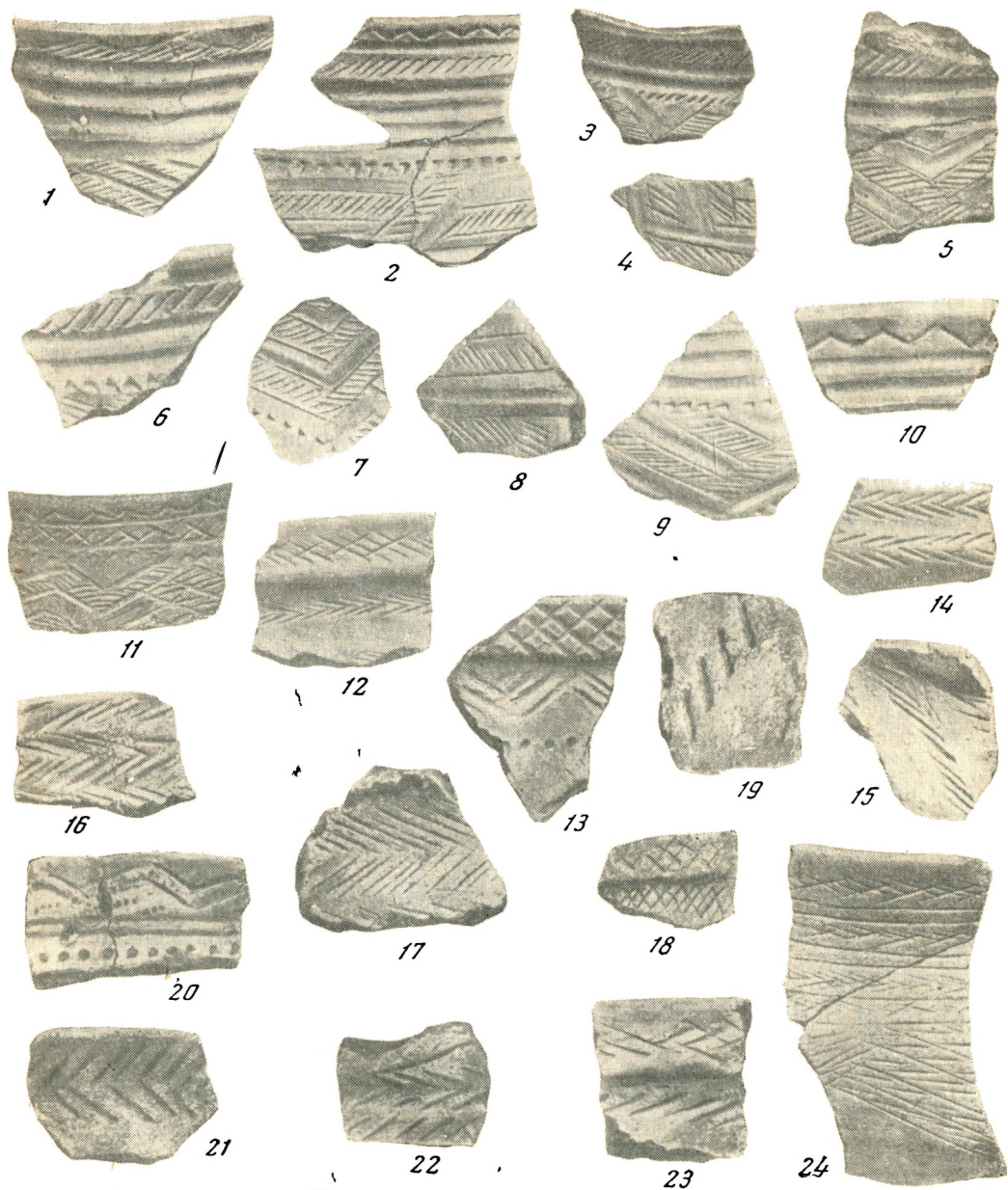
ков. Орнамент покрывает только верхнюю половину сосудов. Он нанесен гребенчатым или гладким штампом и резьбой острием, на единичных сосудах имеются оттиски веревочки.

Посуда с селища принадлежит к разным этапам бронзового века, но наиболее многочисленны два типа керамики: черкасульский (желобчатый) и межовский (валиковый). Остальные виды представлены небольшим количеством сосудов.

Для черкасульской посуды характерны широкие желобки, расположенные обычно рядами на горле (рис. 57, 1, 2). У большинства сосудов желобки дополняются вдоль самого края рядом резных зигзагов (рис. 57, 2) или пояском из насечек. Под зигзагами иногда идут заштрихованные фестоны, близкие по форме к равнобедренным треугольникам (рис. 57, 1). На плечики орнамент переходит также через ряд фестонов или насечек; последних бывает и по несколько рядов. Иногда между желобками идет ряд наклонных оттисков гладкого штампа или ряд насечек. Еще реже между желобками встречаются треугольные в разрезе валики (рис. 57, 2) или, наоборот, плоские валики (рис. 57, 6). В последнем случае они покрыты гребенчатой елочкой. Обе разновидности валиков, ограниченные и сверху и снизу глубокими желобками, несомненно, являются результатом подправки выступившей при нанесении желобков глины, а не сделаны преднамеренно. На плечиках сосудов нередок меандр, почти всегда резной и с поперечной штриховкой (рис. 57, 1—5, 7—9). Иногда меандр состоит из продольных гребенчатых оттисков.

Не менее характерны, чем наличие рядов желобков на горле, для 50% обломков сосудов черкасульского типа желобки между полосами меандров (рис. 57, 1—5, 7, 9). Они строго следуют за изгибами меандра. В редких случаях желобки служат границей заштрихованных поперек полос меандра. Обычно же полосы ограничены резными линиями, а желобки сделаны вслед за нанесением меандра, иногда они смазывают его границы.

Желобки и меандры в орнаменте черкасульской керамики сближают ее с федоровским типом андроновской посуды. В форме сосудов также не замечается серьезных отличий. И все же эти две разновидности керамики легко различимы. На федоровских сосудах решительно преобладает орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, и полосы меандров, сделанные продольными оттисками штампа. Для них обычны также характерные федоровские косые треугольники. Желобки на сосудах федоровского этапа присутствуют далеко не всегда и играют подчиненную нарядному гребенчатому орнаменту роль (Сальников, 1951, рис. 6, 1). Или, наоборот, весь сосуд покрыт — и горло, и плечики — многими рядами желобков (Сальников, 1951, рис. 6, 2). Никогда на федоровской керамике не встречается сочетание рядов желобков на горле с меандром на плечиках. Так же для нее не характерны желобки между полосами меандра.

57. Керамика селища Черкасуль II

1—10 — керамика черкасульского этапа; 11—24 — керамика межовского этапа

На черкаскульской посуде совсем нет такого выразительного федоровского элемента, как косые треугольники, да, впрочем, треугольники и других видов здесь редкое явление. Их заменяют иногда заштрихованные фестоны. Преобладание резного орнамента и поперечной штриховки полос меандра отличает черкаскульскую керамику от федоровской.

В орнаменте черкаскульской керамики наблюдаются элементы, характерные для посуды лесного энеолита (Сальников, 1951а, стр. 127). Таковы не встречающиеся на андроновской керамике или не характерные для нее заштрихованные фестоны, полоса тщательно нанесенной ромбической сетки, широкие желобки, незаштрихованные ромбы, концентрические ромбы; изредка встречается орнаментальная полоса вдоль внутреннего края сосуда и бахромка по нижнему краю орнаментальной зоны. Сюда же надо причислить ряды наклонных нарезок, собранных в группы по три — пять линий с интервалами между группами. Все эти особенности, отличающие черкаскульскую керамику от федоровской, находят аналогии в орнаментации посуды местных племен предшествующего времени. Следовательно, лесные племена внесли значительный вклад при сложении черкаскульской керамики.

Можно указать ряд памятников, на которых черкаскульская керамика количественно господствует: селища на оз. Кривом, Чесноковская Пашня, Третья Пашня, обследованные В. Я. Толмачевым. Собранные им коллекции хранятся в Свердловском краеведческом музее. В коллекции с селища Чесноковская Пашня на р. Синаре из 280 крупных орнаментированных фрагментов керамики лишь несколько носят черты классического федоровского орнамента и 10 черепков украшены алакульским узором. Остальные фрагменты — типично черкаскульские.

В небольшой коллекции со стоянки Третья Пашня на левом берегу р. Синары только несколько черепков с федоровским орнаментом, прочие относятся к черкаскульскому типу.

На оз. Кривом, близ с. Огневского Багарякского района Челябинской области, расположено поселение того же типа: 80 черепков относятся к черкаскульским сосудам и только несколько обломков — к межовским. Черкаскульская керамика характерна для среднего слоя селища на оз. Березовом в Покровском районе Свердловской области (Сальников, 1951а). Керамика черкаскульского и межовского типов собрана в 1959 г. учителем П. Ф. Зюзиным на р. Малевке близ восточного берега Исетского озера.

Ближе к черкаскульской, нежели к андроновской, сосуды с селища Новая III на р. Исети, выше Свердловска (Берс, 1958, табл. IV). Находки черкаскульской керамики известны на стоянках по берегам озер Иткуль и Чебаркуль в Челябинской области.

Черкаскульская керамика, несмотря на явное своеобразие некоторых

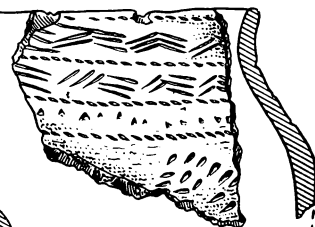
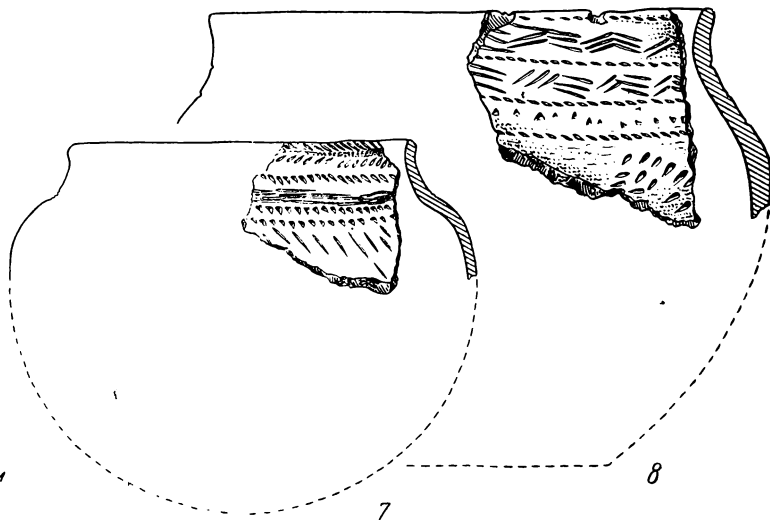
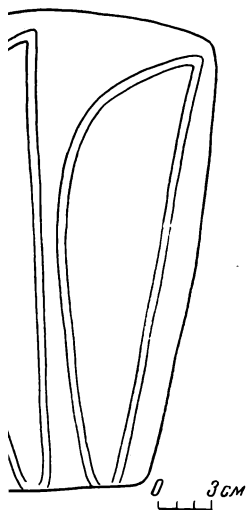
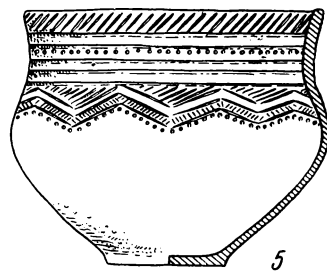
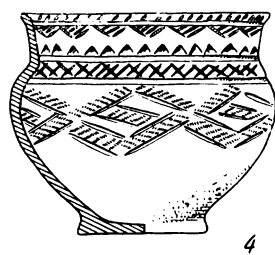
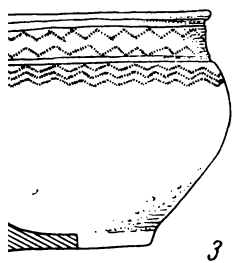
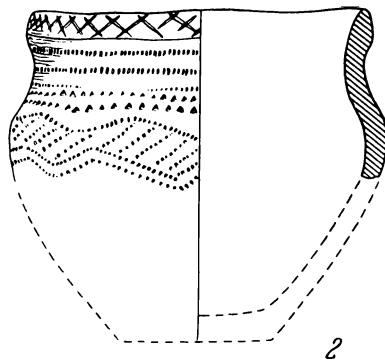
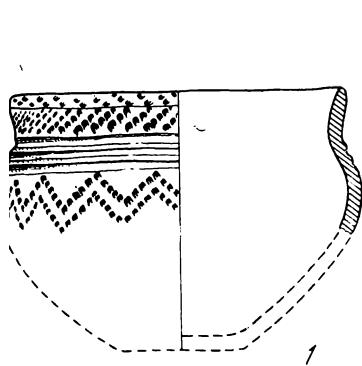
ее элементов, близка к посуде федоровского этапа андроновской культуры и, очевидно, должна датироваться тем же временем.

Межовский тип керамики характеризуется наличием на горле сосудов валиков. На поселении Черкасуль II валиковая керамика богато представлена наравне с черкасульской, но залегает выше нее. На позднюю дату валиковой керамики указывает и характер орнамента.

Памятником, где валиковая керамика представлена почти в чистом виде, является селище Межовка, исследованное нами в 1953 г. на реке Багаряк на севере Челябинской области. По этому памятнику и называем второй выделенный нами тип керамики.

Самой оригинальной чертой межовской керамики являются валики разной степени выпуклости (рис. 57, 12, 14, 16, 22, 23). Часто они так высоко подняты к краю, что получается воротничок (рис. 57, 13, 18). В большинстве случаев валики и воротнички выделяются незначительно. Сосуды украшены также оттисками гребенки, гладкого штампа или резбой. Орнамент состоит из ограниченного числа скромных элементов. Преимущественно в него входят елочка (рис. 57, 12, 14, 16, 17, 21, 22) и ромбическая сетка, образованная перекрещивающимися линиями (рис. 57, 11—13, 18, 23, 24; 58, 3), реже — зигзаг (рис. 58, 1, 4) и ряды наклонных оттисков (рис. 57, 15, 19) или насечек. В редких случаях удастся установить характер орнамента на плечиках сосудов этой группы, где он столь же скромен: ни меандров, ни геометрических фигур не встречено. Иногда плечики сосудов более выпуклы (рис. 58, 1), чем у сосудов федоровского и черкасульского типов, хотя горшечная форма сохраняется. К этой же группе следует отнести и те сосуды, которые хотя и не имеют на горле валиков и воротничков, но орнаментированы грубой ромбической сеткой, грубой елочкой (рис. 57, 17, 21). На плечиках таких сосудов нередко заштрихованные резные полосы, которые составляют не меандры, как на черкасульских сосудах, а лишь один — три ряда зигзагов, как бы упрощенный, выродившийся меандр (рис. 58, 3). Иногда ряды таких зигзагов даже не разделены интервалами (рис. 57, 11, 24).

Кроме Межовского селища и второго хронологического слоя на поселении Черкасуль II, межовская керамика встречается еще на ряде памятников: Колпаковское селище на окраине одноименного села на берегу р. Багаряк (коллекция Свердловского музея из сборов В. Я. Толмачева), селище Лужки на р. Исети ниже Каменск-Уральского (Стоколос, 1957, стр. 293). Подавляющее большинство фрагментов керамики на этом памятнике относится к межовскому типу. Лишь отдельные фрагменты покрыты черкасульским орнаментом. Типична межовская керамика для поселений Коптяки III на Исетском озере (коллекция Свердловского музея), на р. Малевке, на оз. Иткуль. Встречается она и на селище Коптяки II, на котором преобладает более поздняя посуда.

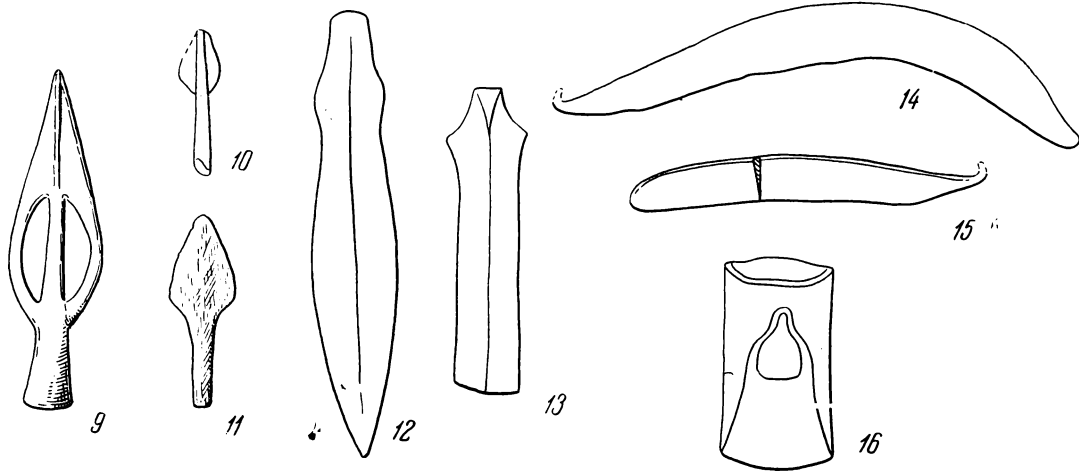
Т а б л и ц а 22. Распределение керамики по горизонтам на селище Черкасуль II

Типы керамики	Второй горизонт		Третий горизонт		Четвертый горизонт		Всего	
	количе- ство	%	количе- ство	%	количе- ство	%	количе- ство	%
Черкасульский . .	29	29,9	45	46,4	23	23,7	97	100
Межовский	33	60,0	20	36,4	2	3,6	55	100

Межовский тип керамики возник позднее черкасульского. К такому заключению приводит и орнамент и форма сосудов, на которых заметна тенденция к расширению плечиков, к округлению профиля. Зигзаги из заштрихованных полос являются, очевидно, отзвуком меандров. Грубая ромбическая сетка происходит от тщательно выполненной сетки, нанесенной гребенчатым штампом, которая встречается на черкасульской керамике. Статистический подсчет фрагментов по глубинам залегания на селище Черкасуль II подтверждает указанную последовательность (см. табл. 22).

58. Вещи черкасульской культуры

1, 2 — Межовское селище; 3—5 — могильник Тартышево I; 6, 12, 13 — Березовское; 11 — Межовское селище; 14 — Песчаное; 15, 16 — Чесноковская пашня

На время бытования керамики межовского типа проливает свет находка с Межовского селища — бронзовый наконечник дротика оригинальной формы. Он состоит из широкого треугольного пера (ширина 3 см) и плоского длинного черешка. Общая длина орудия — 8 см (рис. 58, 11). Ни на Урале, ни в Поволжье такие наконечники не известны. Аналогичные найдены на Северном Кавказе: в кургане у ст. Нестеровской (Крупнов, 1941, табл. I, 4), у ст. Распеватской (Марковин, 1960, рис. 9, 43), в могильнике Верхняя Рутха (Крупнов, 1951, рис. 14, 7), где они датируются II тыс. до н. э. Более точно определяет Е. И. Крупнов дату наконечника из могильника Верхняя Рутха — конец II тыс. до н. э. Почти полная аналогичность этого орудия с межовским наконечником позволяет тем же временем — четвертой четвертью II тыс. до н. э. — датировать Межовское селище и типичную для этого памятника керамику.

Березовский тип керамики впервые был обнаружен у оз. Березового на юге Свердловской области. Здесь на многослойном поселении типологически было выделено три слоя: энеолитический, черкаскульский и березовский (Сальников, 1951а). Последний представлен сосудами с вышуклыми плечиками, орнаментированными главным образом рядами насечек. Фрагменты сосудов березовского типа, в отличие от других, найденных на этом памятнике, обращают на себя внимание своими крупными размерами. Встречаются черепки, равные половине сосуда. Очевидно, эта посуда отложилась на последнем этапе жизни на селище и не подвергалась дальнейшему разрушению.

На Березовском селище одноименная керамика выделена типологически, хотя ее более поздняя дата, по сравнению с черкаскульской, устанавливается до некоторой степени и стратиграфически.

Но существуют и однослойные памятники с керамикой этого типа. Таковы поселения на Исетском оз. — Коптяки I и Коптяки II (коллекция Свердловского музея). Оба памятника исследовали в 90-х годах прошлого столетия Н. А. Рыжников и О. Е. Клер (Берс, 1951, стр. 207). В состав коллекции с первого памятника входит 709 обломков керамики березовского типа. На втором поселении среди 582 обломков керамики лишь небольшая часть не принадлежит сосудам березовского типа.

Для березовского типа керамики характерны сосуды с невысоким вертикальным или несколько отогнутым горлом, на котором нередко имеется валик или утолщение венчика в виде воротничка. Плечики сильно выпуклы благодаря чему, несмотря на плоское дно, форма тулова приближается к бомбовидной. Впрочем, не исключена и круглодонность некоторых сосудов (рис. 58, 7). Орнамент эволюционирует в сторону дальнейшего упрощения и обеднения. Самым типичным элементом являются насечки. Иногда украшение сосуда ограничивается несколькими рядами насечек (рис. 58, 7), в других случаях они дополняются зигзагами или елочкой (рис. 58, 8). Встречаются грубые заштрихованные ромбы и заштрихован-

ные полосы, часто без интервалов — межовского типа. Последние два элемента указывают на генетическую связь с посудой предыдущего этапа. Орнамент наносился нарезкой острием. В единичных случаях, наряду с резными узорами, по горлу оттискивались пояски веревочки. Гребенчатый штамп перестал употребляться.

Наконец, надо упомянуть еще о двух элементах орнамента, которые продолжают существовать и за пределами бронзового века. Это наклонные колонки из горизонтальных насечек, привешенные снизу к орнаментальной зоне (рис. 58, 8), и поясok из чередующихся групп нарезок, горизонтальных и наклонных. Оба последних элемента орнамента известны на сосудах иткульской культуры эпохи раннего железа (Сальников, 1962), некоторые типы сосудов которой и по форме близки к березовским.

Из изложенного видно, что, с одной стороны, березовская керамика обнаруживает генетическую зависимость от посуды предыдущего — межовского этапа, а с другой — она приняла, очевидно, участие в сложении форм и орнамента керамики иткульской культуры. Все это заставляет рассматривать березовский этап как заключительный в развитии бронзового века южной полосы лесного Зауралья.

Черкаскульский, межовский и березовский типы, несомненно, представляют собой генетический ряд.

Вряд ли может вызвать возражение синхронность черкаскульской посуды с федоровским этапом андроновской культуры. Развивающийся из черкаскульского межовский тип керамики, вероятно, следует датировать примерно последней четвертью II тыс. до н. э. Эта дата подтверждается находкой на Межевском селище бронзового наконечника дротика северокавказского типа. Намечающаяся генетическая зависимость березовского типа керамики, с одной стороны, от межовского, а с другой — близость ее к посуде иткульской культуры раннежелезного века позволяет отнести время существования березовского типа к начальным столетиям I тыс. до н. э.

Отмеченная генетическая последовательность развития трех типов керамики позволяет памятники, для которых эта посуда является характерной, объединить в особую культуру эпохи бронзы лесного Зауралья — черкаскульскую, с тремя этапами развития: черкаскульским, межовским и березовским.

При решении вопроса о происхождении черкаскульской культуры прежде всего нужно учитывать сочетание в андронидной керамике элементов степной андроновской культуры и местной горбуновской; это могло произойти или в результате слияния пришлой с юга андроновской культуры с культурой аборигенов (Кипарисова, 1960, стр. 24), или андронидная керамика черкаскульского типа возникла на месте в процессе развития горбуновской посуды, и местные элементы в ней объясняются генетической связью с последней. Нам представляется более вероятным

второе объяснение. Проблема эта требует специальной разработки с привлечением новых полевых, стратиграфических наблюдений. Это в равной мере касается как черкаскульской, так и сузгунской, томской, ирменской и других культур эпохи бронзы зоны леса и северной лесостепи. Но исходя из уже имеющихся данных, можно согласиться с мнением В. И. Мошинской, что близость керамики лесных культур эпохи бронзы Зауралья с андроновской нельзя объяснять влиянием андроновской культуры (Мошинская, 1957, стр. 134).

Родственность культур эпохи неолита и энеолита на огромной территории урало-казахстанской культурно-исторической общности, охватывающей не только степь, лесостепь, но и лесную полосу, закономерно должна была приводить к формированию в эпоху бронзы ряда родственных культур: андроновской, сузгунской, томской, черкаскульской.

✱

Вторая группа черкаскульских памятников распространена в Башкирии. Благодаря многолетним разведочным работам А. П. Шокурова в бассейне нижнего течения р. Белой открыто более двадцати поселений со своеобразной керамикой, отличающейся от широко распространенной в этом районе посуды срубной культуры, но до известной степени сходной с андроновской керамикой. В большинстве случаев эта керамика встречается вместе со срубной.

Поскольку известен памятник — поселение Ахметово I, на котором керамика представлена только описываемым типом, следовательно, существовали особые, отличные от срубных и андроновских, племена эпохи бронзы. На это указывают и находки могильников с керамикой того же типа.

С другой стороны, совместное, нерасчлененное стратиграфически залегание описываемой керамики в ряде случаев с обломками посуды срубной культуры указывает на одновременное бытование обоих типов сосудов на поселениях, очевидно, со смешанным населением. Таково поселение Кумлекуль. Мы располагаем достаточным для характеристики поселений материалом только с этого памятника, к описанию которого и переходим.

Селище Кумлекуль, открытое в 1959 г. А. П. Шокуровым, находится между селами Ильмурзино Чекамгушевского района и Кумлекуль Уфимского района (граница районов пересекает территорию селища) среди огромной поймы на овальной плоской площадке 180×33 м, представляющей собой останец, отрезанный от надпойменной террасы левого берега р. Белой. У основания останца расположена старица — оз. Глубокое или Иске-аул-куль.

В 1961 г. археологической экспедицией Башкирского филиала АН СССР и Башкирского государственного университета под руководством К. В. Сальникова на поселении были произведены раскопки на пло-

щади 252 м². Культурный слой распространен на всей поверхности останца, равняющейся приблизительно 7000 м².

Вскрыто жилище квадратной формы площадью 153 м². В середине юго-восточной стенки прослежен вход-коридор, шириной 1,25 м, длиной более 3 м. Земляные стенки жилища прослеживаются лишь в южной половине. Более определены границы восстанавливаются по ямкам от столбов, которые расположены по контуру жилища. На полу сохранились следы нескольких очагов.

В культурный слой поселения входят предметы, относящиеся к разным периодам — от эпохи энеолита до позднего железа. Но основная масса керамики представляет собой обломки посуды эпохи бронзы. Жилище также оставлено обитателями поселения того времени. Находки прочих эпох настолько малочисленны, что могут свидетельствовать лишь о весьма кратковременном обитании.

Культурный слой эпохи бронзы характеризуется прежде всего керамикой трех различных культур: курмантау (56 сосудов), черкаскульской (48 сосудов) и срубной хвалынского этапа (10 сосудов). На селище найдены различные изделия, по которым восстанавливается уровень хозяйственной деятельности его обитателей в эпоху бронзы: кремневый листовидный наконечник дротика, обломок кремневого наконечника стрелы, мотыга из гальки, высверлок, получившийся при изготовлении сверленого каменного топора, костяное острие, поделка из рога, прястице из черепка.

На материалах этого селища и дадим характеристику черкаскульской керамики памятников Башкирии. Для нее характерна примесь к глине толченых раковин. Небольшие размеры фрагментов затрудняют определение формы сосудов. По-видимому, они были горшковидными с плоским дном. Венчик у них слегка отогнут, в одних случаях горизонтально срезан, в других — скруглен или утончен. Плечики иногда довольно сильно выпуклы.

Орнамент ограничивается небольшим количеством элементов, куда входят елочка, ряды насечек, горизонтальные линии, наклонные заштрихованные полосы, наклонные колонки коротких оттисков, острые валики вдоль края сосуда. Наиболее характерен орнамент из нескольких рядов горизонтальной елочки (рис. 59, 3—7).

На других памятниках Башкирии эпохи черкаскульской культуры, в дополнение к приведенным, встречаются такие элементы орнамента, как ромбическая сетка, поясok из чередующихся горизонтальных и наклонных групп коротких отрезков линий, ряды зигзагов из заштрихованных полос, иногда располагающихся без интервала.

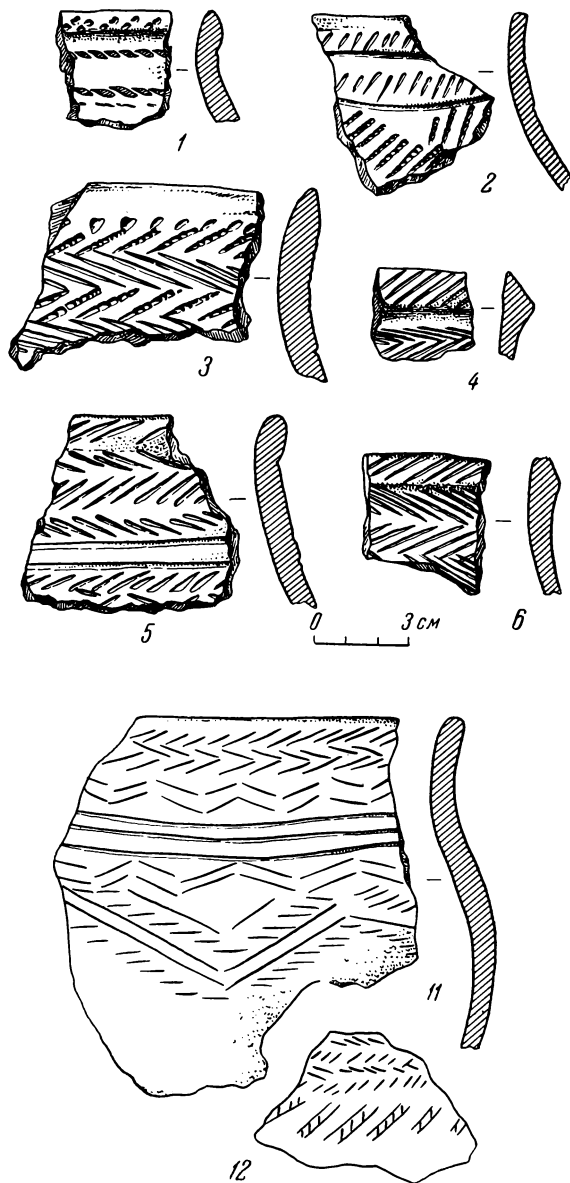
По орнаменту описанная керамика не имеет точек соприкосновения со срубной керамикой. Не меньшее различие наблюдается и в составе глины, из которой лепились сосуды.

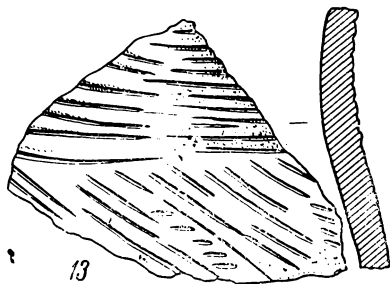
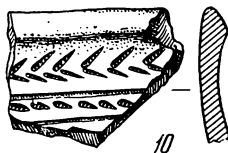
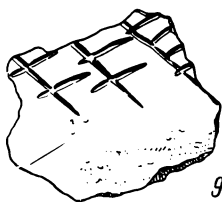
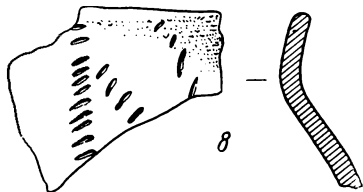
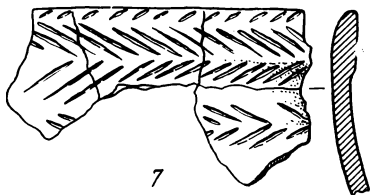
Полную аналогию орнамент этих сосудов находит в Зауралье на сосудах межовского этапа черкаскульской культуры. Но по составу глины они сильно различаются. В Зауралье в глину добавляли толченый тальк или слюду. Примесь раковин там — редкое явление. На селище КуMLEкуль основная масса керамики содержит примесь раковин и лишь восемь обломков — талька и слюды. Последнее, как и редкие находки в Зауралье фрагментов сосудов с примесью в глине толченых раковин, свидетельствует об общении населения Предуралья и Зауралья.

Носители черкаскульской культуры на территорию Башкирии проикли из Зауралья. В новых районах обитания не было материала для изготовления привычных примесей к глине, применявшихся при производстве посуды, и пришельцы перешли на подручный материал — речные раковины, которые по цвету и блеску близки к тальку и слюде.

Такая же керамика обнаружена нами в 1961—1962 гг. на селищах Романовка VIII, Нижний Тюкун и Тюбяк, а А. П. Шокуров указывает на находки ее более чем в десяти пунктах (см. карту, рис. 56); присутствует она и в верхнем слое Усть-Юрюзанской стоянки, исследованной Л. Я. Крижевской.

Из-за малочисленности раскопанных памятников трудно

дать полную характеристику хозяйства племен черкаскульской культуры.

По имеющимся данным можно говорить о знакомстве их с металлургией. На ряде селищ найдены медно-бронзовые изделия: на оз. Березовом — наконечник стрелы (рис. 58, 10), на Чесноковской Пашне — серп (рис. 58, 15) и кельт (рис. 58, 11), на Межевском селище — наконечник дротика (рис. 58, 11). Очевидно, случайную находку — крюкастый серп с оз. Песчаного близ Свердловска (рис. 58, 14) — также надо отнести к черкаскульской культуре.

К территории расселения зауральских черкаскульцев относятся случайные находки ряда других медно-бронзовых орудий: копья на оз. Куяш-Огневское (рис. 58, 9), двух ножей (рис. 58, 12, 13) и литейной формы для отливки косарей (рис. 58, 6) у с. Воскресенского на юге Свердловской области. С черкаскульских памятников Башкирии известна только одна находка: литейная форма для отливки ножа киммерийского типа (Б. Г. Тихонов, отчет за 1958 г.).

Последние две находки особенно важны, так как доказывают местное производство медно-бронзовых изделий.

Средства существования население черкаскульской культуры добывало путем разведения домашних животных, кости которых в большом количестве содержатся в культурном слое поселений (см. табл. 23 и 24).

Скотоводство черкаскульских племен, в особенности зауральских, носило иной характер, нежели у соседнего андроновского населения. Андроновцы не разводили свиней, а у черкаскульцев этот вид животных занимает в стаде значительное место: на селище

59. Керамика межовского этапа

1—10 — Кумлекуль; 11, 12 — Ахметово I; 13 — Медведовка

Т а б л и ц а 23. Остатки костей животных с поселения Ахметово I
(раскопки А. В. Збруевой, определение В. И. Цалкина)

Вид животных	Количество		% особей	
	костей	особей	к общему количеству животных	среди домашних животных
Крупный рогатый скот	145	9	29,2	34,6
Мелкий рогатый скот	57	6	19,3	23,1
Свинья	32	4	12,9	15,4
Лошадь	104	5	16,1	19,2
Собака	3	2	6,5	7,7
			84,0	100 среди диких животных
Лось	9	1	3,2	20
Лисица	2	1	3,2	20
Куница (?)	1	1	3,2	20
Заяц	2	1	3,2	20
Волк	2	1	3,2	20
			16,0	100
	357	31	100	

Черкаскуль II — 8,4%, а на селище Ахметово I — 15,4. Не малое значение, в отличие от андроновцев, имела охота. На селище Черкаскуль II костные остатки диких животных достигают 46,5% от общего количества найденных костей, причем 70% из них падает на мясных животных — лося и косулю, а на соседнем андроновском Ново-Буринском поселении, находящемся от упомянутого селища в нескольких десятках километров, кости диких животных не превышали 12%.

Ряд находок доказывает, что черкаскульцы занимались мотыжным земледелием: на селище Кумлекуль обнаружена грубая мотыга, сделанная из большой гальки, а на Чесноковской Пашне и оз. Песчаном — бронзовые крюкастые серпы.

Есть основание считать, что земледелие возникло у черкаскульских племен в результате заимствования методов обработки земли у племен

срубной культуры. Даже зауральские черкаскульцы пользовались металлическими земледельческими орудиями срубного типа. Бронзовый серп, найденный на оз. Песчаном близ Свердловска, сильно изогнут и имеет крючок на рукоятке. Это срубный тип (рис. 58, 14). Снабжен крючком и серп с поселения Чесноковская Пашня (рис. 58, 15). Южные соседи черкаскульцев — андроновцы степного Зауралья — пользовались серпами другой формы. Следовательно, земледелие и земледельческие орудия проникали к зауральским черкаскульцам не с юга, а с запада, из северной Башкирии.

Верховья р. Уфы и ее левых притоков близко подходят к верховьям притоков р. Исети, что, несомненно, облегчало взаимные связи населения Зауралья и Предуралья.

Общий облик хозяйственной деятельности черкаскульских племен, можно сказать, ничем не отличался от хозяйства других племен эпохи бронзы Южного Урала. Они стояли на том же уровне экономического развития и, очевидно, имели тот же общественный строй.

Культура черкаскульских племен, по всем данным, сложилась в Зауралье, где имеются памятники черкаскульского этапа, в то время как в Предуралье, на севере Башкирии известны поселения лишь межовского этапа.

Слабая изученность памятников эпохи бронзы в лесном Зауралье затрудняет решение вопроса о происхождении черкаскульской культуры, на раннем (черкаскульском) этапе которой имеются общие черты с андроновской степной культурой федоровского этапа, а также много общего с памятниками лесного среднего Зауралья.

На грани леса и лесостепи в Зауралье и Западной Сибири на общей поздненеолитической основе в середине II тыс. до н. э. сложилось несколько культур эпохи бронзы, в керамике которых наблюдаются общие элементы.

М. Н. Комарова отмечает, что в погребениях эпохи бронзы Томского могильника имеются в орнаменте керамики круглые плоские ямки по краю венчика и сетка, оттиснутая зубчатым штампом, что не характерно для горшков степной полосы времени андроновской культуры (Комарова, 1952, стр. 28).

Оба эти элемента мы видим в орнаменте керамики лесостепной черкаскульской культуры (рис. 58, 3, 5). Пояски и зигзаги из заштрихованных лент, столь обычные на керамике межовского этапа черкаскульской культуры, характерны в Приобье для сузгунских сосудов (Чернецов, 1953, табл. XVIII, стр. 48; Мошинская, 1957, табл. I). Дальше на восток общие с черкаскульской культурой элементы орнамента содержатся в керамике ирменских памятников (Членова, 1955). Керамика позднего этапа черкаскульской культуры — березовского — до некоторой степени может быть сопоставлена с посудой синхронных западнокарасукских памятников.

Т а б л и ц а 24. Остатки костей животных с поселения Черкаскуль II
(раскопки К. В. Сальникова, определение В. Н. Цалкина)

Вид животных	Количество		% особей	
	костей	особей	к общему количеству животных	среди домашних животных
Крупный рогатый скот	119	9	20	37,5
Мелкий рогатый скот	15	4	9	16,7
Свинья	7	2	4,5	8,4
Лошадь	57	7	15,5	29,0
Собака	4	2	4,5	8,4
			53,5	100 среди диких животных
Лось	42	3	6,6	14,4
Косуля	88	13	28,9	62,1
Кабан	2	1	2,2	4,7
Волк	1	1	2,2	4,7
Лисица	2	1	2,2	4,7
Куница	2	1	2,2	4,7
Бобр	1	1	2,2	4,7
Птица	2	—		
			46,5	100
	342	45	100	

Особенно близки они по форме сосудов (Грязнов, 1956, табл. V и VI).

Упомянутые культуры бронзовой эпохи Зауралья и Западной Сибири генетически родственны. У каждой из них в той или иной степени имеются корни в местных памятниках уральско-казахстанской культурной общности эпохи неолита и энеолита.

К западу от Уральского хребта такой непосредственной зависимости между памятниками добронзовыми и черкаскульской культуры не устанавливается. Правда, неолит северной Башкирии имеет некоторую близость с уральским неолитом. Но раннечеркаскульских памятников мы не

знаем к западу от Уральского хребта. Единственным исключением является незначительное количество (около 20) черепков андроновского типа на Луговской I стоянке близ Елабуги. В них переплетаются элементы черкаскульского и федоровского орнамента. Большая же часть керамики этого памятника (четвертая группа по А. В. Збруевой) близка к посуде межовского этапа (Збруева, 1960, рис. 5, 4, 5, 6), как и керамика северной Башкирии, имея в то же время общее и с сузгунскими сосудами (поясок глубоких ямок) (Збруева, 1960, рис. 5, 4).

К межовскому времени — последней четверти II тыс. до н. э., которым датируются черкаскульские памятники Башкирии, коренное местное неолитическое население было стерто проникшими сюда сначала абашевскими, а позднее срубными племенами. Межовские группы вселялись на территорию расселения последних. Связи между этими двумя группами племен установились, как видно по находкам на Луговской I стоянке, еще в середине II тыс. до н. э. К этому же времени надо отнести влияние на черкаскульскую культуру абашевских племен.

Нам уже приходилось отмечать в андроновидной (черкаскульской) керамике селища на оз. Березовом абашевские элементы (Сальников, 1951а, стр. 127). Специфическо абашевскими являются группы насечек, желобки и ряды плоских круглых ямок, иногда обрамляющих снизу орнаментальный пояс, как на сосуде из Тартышевского I могильника (рис. 58, 5).

Один из отмеченных выше черепков интересен тем, что, кроме элементов, связывающих его орнамент с абашевским, на нем присутствуют пояски, нанесенные двузубой гребенкой методом, близким к методу отступающей лопаточки, что является пережитком от времен местного энеолита.

Столь северное распространение элементов абашевского орнамента не может теперь казаться неожиданным. Близкая к абашевской керамика встречена А. П. Россадович при раскопках на р. Медведке близ Нижнего Тагила. Интересно напомнить о круглых плоских ямках, близких к абашевским, входящих в состав орнамента на андроновидной керамике Береговой стоянки на Горбуновском торфянике (Эдинг, 1940, рис. 5).

Таким образом, черкаскульская культура возникла на севере лесостепного Зауралья, очевидно, еще в первой половине II тыс. до н. э. На раннем, собственно черкаскульском этапе, носители этой культуры обитали лишь в Зауралье. Но в последней четверти II тыс. до н. э., на межовском этапе, черкаскульские племена проникают в западное Приуралье, где на территории северной Башкирии в это время появляются поселения с керамикой межовского типа. Уже массовость находок межовско-черкаскульской керамики Башкирии указывает не на простое заимствование местным населением этой посуды у восточных соседей. Еще убедительнее о проникновении черкаскульских групп на межовском этапе свидетельствует

пока единственный, к сожалению, могильник, оставленный этими племенами. Мы имеем в виду курганный группу Тартышево I, исследованную нами в 1962 и 1963 гг.

Ввиду уникальности этого памятника позволю себе остановиться на его описании подробно.

Могильник расположен на улице восточной части с. Тартышево Чекагушевского района БАССР, на выгоне и мусульманском кладбище к югу от села и состоит из шести насыпей. Доступными для исследования оказались два кургана.

В кургане 1 (высота 0,35 м, диаметр 16 м) находились два погребения.

Погребение 1. К юго-востоку от центра насыпи в верхнем горизонте грунтовой глины обнаружена ориентированная с востока на запад могильная яма нечетких очертаний. На дне ее, на глубине 1,12 м от поверхности кургана, лежал костяк взрослого человека, скорченно, головой к востоку. Кисти рук подогнуты к области черепа, который смещен и лежал теменем в сторону туловища. Первоначально умерший положен был, очевидно, на правый бок, но завалился на грудь, и кости тулова оказались спиной вверх. Кости ног согнуты вправо, но нарушены крупной норой. К югу от черепа стоял сосуд горшечной формы из глины с примесью толченых раковин, орнаментированный одним рядом насечек и пятью рядами зигзагов, нанесенных оттисками «слепого» гребенчатого штампа (рис. 58, 4).

Погребение 2. В 2 м к северо-северо-западу от центра кургана и в 3,5 м от погребения 1, на глубине 1,07 м от поверхности насыпи, в верхнем горизонте грунтовой глины обнаружена нечетких очертаний могильная яма, ориентированная по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. На дне могилы лежал костяк взрослого человека, скорченно на правом боку, грудной клеткой вниз, спиной вверх, головой к востоку-юго-востоку. Череп раздавлен. Кисть одной руки находилась перед лицом, другая рука сохранилась плохо. Ноги согнуты так, что бедренные кости образуют с позвоночником острый угол. На середине левой бедренной кости находилась медная согнутая петлеобразно проволочка. За головой стоял распавшийся на мелкие обломки сосуд горшечной формы из глины с примесью толченых раковин, орнаментированный оттисками «слепого» гребенчатого штампа, которые образуют сложный рисунок: ряды насечек, треугольников, уголков, ромбической сетки и меандровидных фигур из заштрихованных полос (рис. 58, 3).

В кургане 2 (высота 0,30 м, диаметр 11 м) в середине южной половины на глубине 1,10 м от поверхности насыпи находилась могильная яма в толще переходного к глине темного слоя, отчего точных границ могилы проследить не удалось. Ориентировочно размеры могильной ямы равны 1,70×1,05 м.

Костяк хорошо сохранился. Он лежал на правом боку, скорченно, головой к востоку. Правая рука вытянута перед грудью вперед, левая согнута в локте, кисть ее находится в области локтя правой руки.

В северо-восточном углу могильной ямы стоял горшок, сделанный из глины с примесью толченых раковин. Верхняя половина сосуда покрыта орнаментом из оттисков «слепой» гребенки, которые образуют зигзаг из заштрихованной ленты, и треугольники, дополненные рядами желобков, насечек и круглых ямок (рис. 58, 5).

У стенок могильной ямы местами прослеживаются остатки сруба, а на дне возле черепа заметны следы обвалившегося продольного накатника. В южной половине насыпи встречены две кости: овцы и крупного животного.

Расположение могильной ямы в южной половине кургана заставляло предполагать существование второй могилы в северной его половине. Но тщательное исследование с глубокой контрольной прокопкой грунта никаких признаков могильной ямы не дало.

Своеобразие могильника проявляется и в погребальном обряде и в особенностях керамики. Устойчивый обряд положения умершего головой к востоку на правый бок абсолютно чужд андроновским и срубным могильникам.

По форме сосуды близки к федоровским и черкаскульским. Столь выраженное слегка оттогнутое горло и выпуклые округлые плечики для срубных памятников не характерны. Еще дальше керамика могильника от срубной посуды по своему орнаменту. Зигзаги, ромбическая сетка из перекрещенных линий, заштрихованные полосы (ленты), образующие иногда искаженные меандровидные фигуры, ряды круглых плоских ямок мы видим на межовской посуде черкаскульской культуры.

Ту же форму и орнамент, в который входит зигзаг из заштрихованной ленты, имеет сосуд из кургана у с. Ахунова Салаватского района (раскопки Н. А. Мажитова, 1963 г.), где чрезвычайно плохо сохранившийся костяк, по всей видимости, лежал также головой к востоку. Состав глины погребальных сосудов, в который входят толченые раковины, аналогичен керамике черкаскульских поселений.

Об отличии черкаскульского населения от андроновских племен говорят и антропологические данные. Правда, пока имелась возможность изучить лишь один череп, происходящий из погребения 1 кургана 1 могильника Тартышево I.

По заключению М. С. Акимовой, он характеризуется европеоидными чертами, но «явно не андроновского типа. Он отличается иным соотношением размеров лицевого скелета, а отчасти мозгового» (из письма М. С. Акимовой автору от 12 января 1964 г.).

В продвижении из-за Урала в бассейн нижнего течения Белой и Камы черкаскульских племен, очевидно, надо видеть проникновение на запад-

ный склон Урала ранних угров, которое В. Н. Чернецов (1951) предполагал на основании близости керамики Луговской I стоянки и Сузгуна II. Приведенные нами памятники и пункты находок черкаскульской керамики разбросаны на огромной территории, разделяющей два памятника, отмеченные В. Н. Чернецовым.

Черкаскульские племена на р. Белой стали одним из компонентов, подготовивших сложение ананьинской культуры.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**ПЛЕМЕНА
КУЛЬТУРЫ
КУРМАНТАУ**

В истории населения северной Башкирии в эпоху поздней бронзы немалую роль играли племена культуры курмантау. Еще несколько лет назад курмантауские памятники казались явлением исключительным, они были сосредоточены на узкой территории по берегам среднего течения р. Белой (Збруева, 1957, стр. 32; 1959, стр. 57). Сейчас известно более тридцати курмантауских поселений по р. Белой, от устья до южной излучины (рис. 56). На семи памятниках (Курмантау Нижнее, Демская, имени Касьянова, Михайловская, Куштау Западное, Кумлекуль, Урнякский могильник) произведены раскопки.

Первым памятником, подвергшимся небольшому археологическому исследованию, было поселение Курмантау Нижнее, обследованное в 1928 г. краеведом М. И. Касьяновым (коллекция керамики хранится в краеведческом музее БАССР в Уфе). В 1934 г. П. А. Дмитриев произвел раскопки на разрушавшемся при строительстве железнодорожного моста через р. Дему поселении того же типа (Дмитриев, Сальников, 1941).

Четыре памятника раскапывались в 1953 г. А. В. Збруева изучала стоянки имени Касьянова и Михайловскую в с. Михайловка и его окрестностях (Збруева, 1969), К. В. Сальников исследовал у с. Урняк Стерлитамакского района поселение Куштау Западное и Урнякский могильник (Сальников, 19546). Тем же исследователем в 1961 г. было изучено поселение Кумлекуль. Отдельные обломки курмантауской керамики встречены были на многослойных поселениях Романовка III и Романовка VIII близ Уфы. Несколько фрагментов сосудов типа курмантау имеется в коллекции керамики с Курмантауского городища, исследованного в 1956 г. Г. В. Юсуповым. Более двадцати поселений по берегам р. Белой, от южных окрестностей Уфы до устья, открыто в 1955—1959 гг. разведками А. П. Шокурова. Несколько стоянок тот же исследователь за последние годы обнаружил на границе Башкирии с Татарией, на р. Ике, а также на южной излучине р. Белой. Там же и на окраине г. Давлеканово отдельные обломки керамики культуры курмантау обнаружил в 1962 г. Г. Н. Матюшин. Близкая к курмантауской керамика входит в состав находок на многослойном Усть-Юрюзанском поселении, исследованном Л. Я. Крижевской.

Керамика культуры курмантау своеобразна и легко отличима от посуды других культур данной территории.

Большинство сосудов имеют ясно выраженное горло и плечики, в глине — примесь толченых раковин. Выпады мелких кусочков раковин оставляют на поверхности характерные рябинки. Еще более выразителен орнамент. На керамике селища Курмантау Нижнее преобладающими элементами орнамента являются ряды отлогих зигзагов, на грани с плечиками — глубокие круглые ямки поодиночке, попарно или по три, вдоль самого края сосуда — густая мелкая елочка, на некоторых венчиках намечается «воротничок» ананьинского типа. Яркий оригинальный элемент орнамента представляют нанесенные резьбой «флажки» (краеведческий музей БАССР, колл. № 298) (рис. 60, 22, 26).

Тот же характер обнаруживает керамика селища Куштау Западное (Сальников, 1954б). В глине — примесь толченых раковин. Сосуды по форме делятся на два типа — с круглым или уплощенным дном: 1) с низким широким, прямым или несколько отогнутым горлом и выпуклыми плечиками (рис. 61, 12, 13, 16); 2) чашки без горла или с отогнутым наружу небольшим горлом (рис. 61, 14). Орнамент состоит из рядов горизонтальной или вертикальной елочки, образованной насечками; из круглых глубоких ямок, сгруппированных часто по две, по три с интервалами между группами; из таких же групп насечек, поясков из ромбов, иногда vyplненных в форме характерных «флажков». На некоторых экземплярах край сосуда оформлен в виде слабо выраженного воротничка, а ямки располагаются в легкой каннелюре.

На единичных экземплярах сосудов орнамент ограничивается резным отлогим зигзагом (1 экз.), «лесенками» (2 экз.) (рис. 60, 6), парами насечек (в одном случае — ямок) под отгибом венчика с настолько большими интервалами между группами, что по окружности размещается не больше трех-пяти групп (5 экз.) (рис. 61, 14).

Группы насечек и ямок, ряды ромбов и отлогих зигзагов на сосудах, сделанных из глины с примесью толченых раковин, с несколько отогнутым высоким горлом и выпуклыми плечиками, характерны и для керамики с Демской стоянки (рис. 60, 16—20) (Эрмитаж, колл. № 1696). У некоторых сосудов имеются слабо выраженные воротнички по краю.

На многослойном селище Кумлекуль (раскопки автора, 1961 г.) выделяется группа сосудов, характеризующихся всеми признаками, типичными для посуды культуры курмантау. Поскольку памятник не опубликован, позволю себе на описании этой керамики остановиться подробно.

Для нее характерна однородность состава глиняного теста — примесь толченых раковин. У большинства сосудов высокое горло, край или горизонтально срезан, или округлен и отогнут, плечики часто значительно выпуклы. Дно, вероятнее всего, круглое, так как с раковинной примесью выделено только 13 обломков плоских днищ и по наличию у них ранта

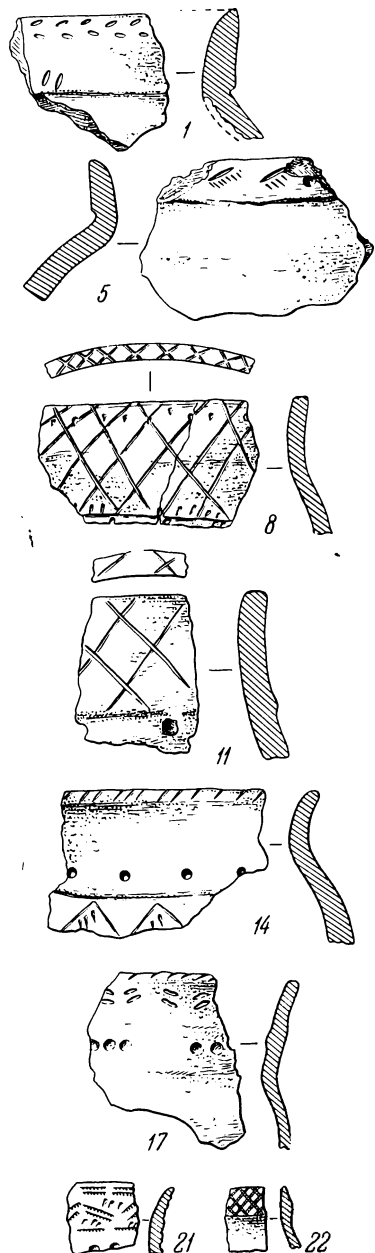
они скорее принадлежат к другой группе позднебронзовой керамики этого памятника — чертаскульской. Орнамент состоит чаще всего из рядов круглых ямок или насечек, те и другие часто сгруппированы по две-три (рис. 60, 9, 10), «флажков» (рис. 60, 9, 12), двойных и тройных зигзагов, крупной резной ромбической сетки (рис. 60, 8, 11).

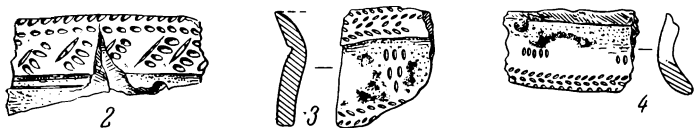
Наиболее крупные раскопки произведены были на стоянке имени Касьянова (Збруева, 1959), где добыто около 4000 обломков глиняной посуды. Но и эта большая коллекция характеризуется теми же чертами, что и керамика других поселений культуры курмантау. Особенностью этого памятника можно считать наличие на плечиках отдельных сосудов крупных лопастей, в виде треугольников и прямоугольников, состоящих из рядов насечек (Збруева, 1959, рис. 6, 5 и 7, 2).

Очевидно, благодаря массовости материала с этого памятника удалось выделить такие виды орнамента. Надо заметить, что такие же лопасти, как в орнаменте курмантауской керамики, есть на сосудах из могильника этой культуры у с. Урняк (Сальников, 1954б, рис. 4 — 5) (рис. 61, 15).

По форме сосудов, составу глины и по орнаменту описанные поселения с полным основанием могут быть объединены в одну культуру, и в то же время они близко стоят к предананьинским стоянкам Ананьинской дюны (Збруева, 1952, табл. XXXV), Луговской II (Збруева, 1960, рис. 9) на Нижней Каме, Гулькинской (Збруева, рис. 24 и 25) на Средней Волге, Малмыжской (Денисов, 1958, стр. 117, 118, рис. 6; Халиков, 1960, рис. 75) на Вятке и поселениям ерзовского типа на средней Каме (Денисов, 1961, рис. 4).

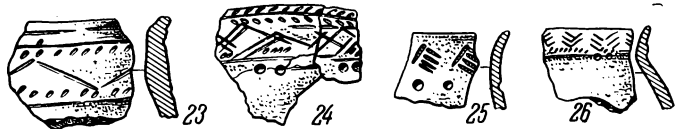
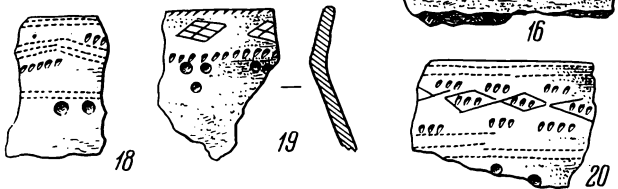
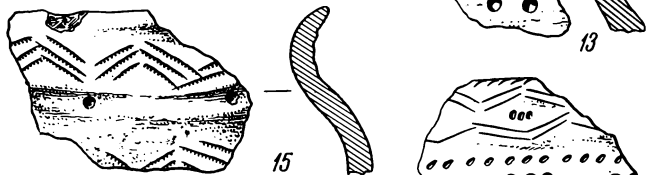
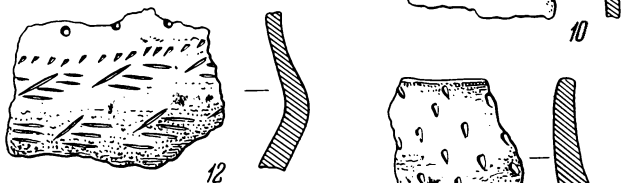
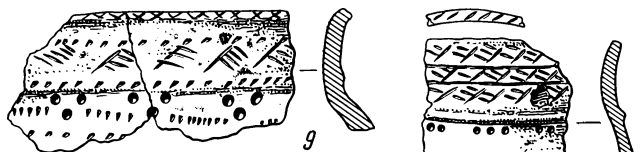
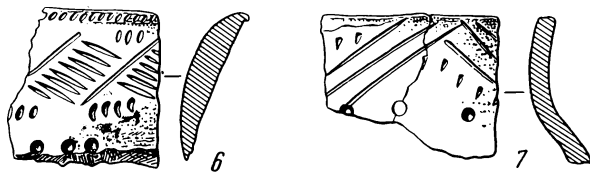
Чтобы закончить характеристику поселений культуры курмантау, надо в той мере, в какой позволяет ограниченный материал, дать описание прочего инвентаря, входящего в состав культурного слоя.

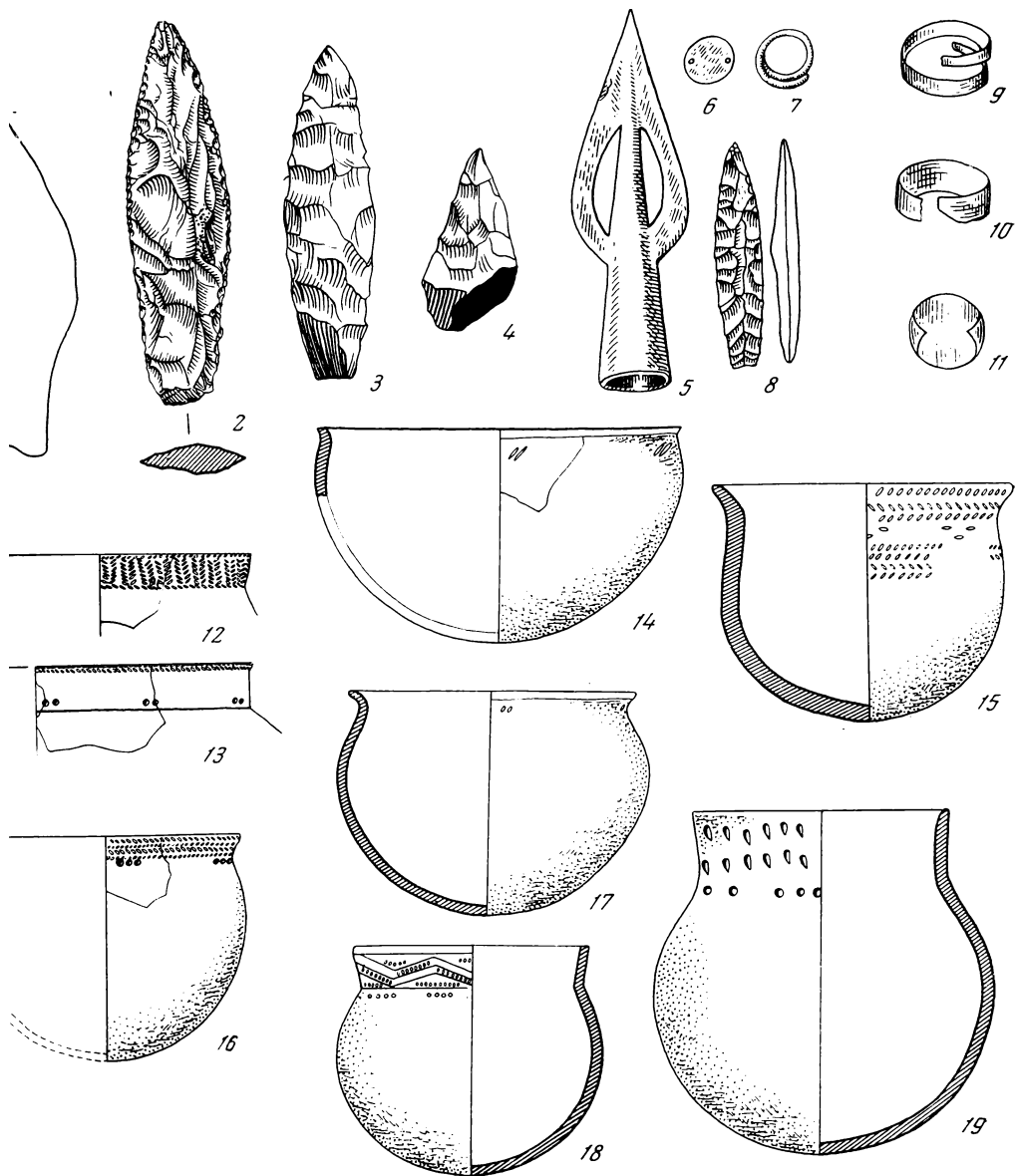

60. Керамика культуры курмантау

1—6 — Куштау Западное;
7—15 — Кумлекуль; 16—20 —
Демская; 21 — Кушнаренково;
22, 26 — Курмантау Нижнее;
23 — Медведовка; 24 — Акбута;
25 — Ахметово II

61. Вещи культуры курмантау

1 — Демская; 2 — Кумлекуль; 3, 4, 12—14, 16 — Куштау Западное; 5—8, 18, 19 — Манла-
шевка II; 9—11, 15, 17 — Урнянский могильник

В поселениях этой культуры обращает на себя внимание насыщенность культурного слоя изделиями из кремня. На небольшой исследованной на селище Куштау Западной площади (28 м²) найдено три наконечника стрел листовидной, треугольной и ромбической формы, скребки округлой формы на отщепах (7 экз.), концевые скребки (3 экз.), ножевидные пластинки (10 экз.), нож на широкой пластине с закругленным лезвием (типа сапожного ножа), скребок-проколка и 45 отщепов (Сальников, 1954б, стр. 14). На поселении имени Касьянова каменных орудий и отщепов найдено несколько сот (Збруева, 1959). На поселениях Демская и Кумлекуль также встречены были кремневые орудия.

Но и обработка металла стояла высоко. На Касьяновской стоянке найдены медно-бронзовое шило, два обломка пластин из листовой меди, маленькая плоская круглая бляшка (Збруева, 1959, стр. 52), на Демском селище — пластинка с заклепками и нож сильно искаженной формы с плоским черешком (Дмитриев, Сальников, 1941, стр. 136) (рис. 61, 1).

Основными видами хозяйственной деятельности, как и у племен эпохи бронзы предыдущего времени, оставались, очевидно, скотоводство и земледелие. На это указывает находка на Демском селище зернотерок. О скотоводстве свидетельствуют многочисленные находки на всех поселениях костей домашних животных. О составе стада дает представление табл. 25.

Таблица 25. Остатки костей животных со стоянки имени Касьянова (раскопки А. В. Збруевой, определение В. И. Цалкина)

Вид животных	Количество		% особей	
	костей	особей	к общему количеству животных	среди домашних животных
Крупный рогатый скот	58	3	15	23
Мелкий рогатый скот	8	1	5	7,7
Свинья	49	6	30	46,1
Лошадь	22	2	10	15,5
Собака	1	1	5	7,7
			65	100
			среди диких животных	
Лисица	3	1	5	14,3
Лось	4	1	5	14,3
Косуля	3	1	5	14,3
Медведь	3	1	5	14,3
Бобр	8	3	15	42,8
	159	20	35	100

Могильников этой эпохи известно не много. Один могильник культуры курмантау расположен у с. Урняк, в 1,5 км от поселения Куштау Западное; может быть, здесь похоронены обитатели этого поселения (Сальников, 1954).

Во время земляных работ при постройке дома, а также при посадке яблонь на усадьбе Каримова, расположенной на мысу, ограниченном высоким обрывистым берегом р. Белой и овражком, были найдены человеческие кости. В 1953 г. на улице перед домом Каримова Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского университета в разведочной траншее было вскрыто два погребения. Кроме того, были обнаружены два черепа из погребений, ушедших за пределы траншеи под огород. В 1962 г. экспедицией Башкирского филиала Академии наук СССР была предпринята попытка продолжить исследования могильника. С этой целью на дворе Каримова было заложено несколько траншей, но никаких признаков могильных сооружений обнаружить не удалось.

В исследованных в 1953 г. погребениях костяки оказались в плохой сохранности. В погребении 1 по остаткам бедренных костей и черепу, который лежал на левой щеке, можно говорить о положении на левом боку головой к востоку. Непотревоженность черепа доказывается находкой бронзовых височных колец (рис. 61, 10) возле правой ветви нижней челюсти и у левого ушного отверстия. Под черепом найдена медная бляшка-обоймица (рис. 61, 11). Перед лицевыми костями оказались остатки трубчатой кости (руки?) и глиняный круглодонный сосуд (высота 6,2 см, диаметр горла — 9 см) серого цвета, тонкостенный, по форме близкий к круглодонной чашке со слегка выделенной шейкой и отогнутым наружу краем. Орнамент образован насечками и сосредоточен в верхней половине. Вдоль края помещена горизонтальная елочка, ниже — группа из трех насечек, на плечиках — четыре лопасти из горизонтальной елочки в несколько рядов (рис. 61, 15).

В погребении 2 костяк лежал головой к западу, по-видимому, на левом боку, сохранились лишь отдельные кости. В ногах стоял глиняный круглодонный сосуд серого цвета, крупнее первого (высота 13 см, диаметр горла — 16 см), также в форме чашки с круглым дном и отогнутым краем. Орнамент почти отсутствует. Лишь под отгибом края помещены четыре-пять пар насечек (рис. 61, 17). В глине обоих сосудов небольшая примесь толченых раковин. Форма и элементы орнамента обоих сосудов из могильника имеют полную аналогию в керамике селища Куштау Западное (рис. 60, 13; 61, 14, 16). Поразительна идентичность оригинального орнамента в виде пояса из нескольких пар насечек на сосуде из погребения 2 (рис. 61, 17) и на одном из обломков керамики с поселения Куштау (рис. 61, 14).

Височные кольца из погребения 1 имеют форму спиральки в полтора оборота, сделанной из узкой медной или бронзовой ленты (рис. 61, 9, 10).

Обоймница в виде круглой полушарной бляшки, диаметром 1 см, снабжена двумя язычками, загнутыми внутрь, при посредстве которых она к чему-то прикреплялась (рис. 61, 11). В могильной засыпке погребения 1 на глубине 0,30 см от поверхности был найден маленький точильный брусок.

К этой же эпохе надо отнести Луговские курганы (Збруева, 1950). Они содержали погребения, близкие по ритуалу и инвентарю к Урнякскому могильнику. Отсутствие курганных насыпей в Урняке объясняется, очевидно, их нивелировкой: памятник расположен под постройками и огородами села. Спиральные колечки из бронзовых лент и круглодонные сосуды из Луговских курганов (Збруева, 1960, рис. 12, 1) близки подобным предметам из Урнякского могильника.

Многие черты Маклашевского II могильника (Збруева, 1948) позволяют включить и его в число памятников культуры курмантау. Здесь такие же каменные наконечники стрел (рис. 61, 8), как и на поселениях Луговском II и Куштау Западное (рис. 61, 3), такие же спиральные колечки, как в Урнякском могильнике и Луговских курганах. Круглая бронзовая бляшка из Маклашевки II отличается от бляшки из Урнякского могильника лишь способом прикрепления. Наконец, некоторые сосуды (рис. 61, 18, 19) орнаментом, а отчасти и формой близки к керамике с селища Куштау Западное и Кумлекуль (рис. 60, 13).

Весь луговской комплекс памятников (стоянка I и II, курганы) А. В. Збруева датирует концом II — началом I тыс. до н. э. (Збруева, 1960, стр. 33). Луговская II стоянка, которая сближается нами с культурой курмантау, относится к первым векам I тыс. до н. э. На этом памятнике было найдено желобчатое бронзовое литое долото, аналогичное находке на Ананьинском дюне — памятнике предананьинского времени.

К тому же времени относится могильник Маклашевка II, на что указывает тип прорезного копья из этого памятника (рис. 61, 5). Прорезные копья, возникнув в среде бронзовых культур Приуралья в конце II тыс. до н. э., эволюционировали в сторону сужения прорезей и удлинения втулки. Этот процесс завершился сложением ананьинского типа наконечников копий (Збруева, 1952, стр. 96). Наконечник из Маклашевки занимает среднее место в эволюционном ряду и, очевидно, относится к первым векам I тыс. до н. э.

Связь с этими памятниками в формах и орнаменте керамики и типах украшений других могильников и поселений культуры курмантау позволяет распространить датировку Маклашевки II на эту культуру в целом.

Десять лет назад группа памятников, расположенных по берегам нижнего течения рек Белой и Камы и на средней-Волге, нами была объединена в понятие культуры курмантау (Сальников, 1954б). Мы усматривали в этих памятниках черты преемственности с абашевской культурой и присоединились к мнению А. В. Збруевой, что памятники типа селища курмантау Нижнее относятся к предананьинскому времени и генетически

связаны с ананьинской культурой, в особенности с ее бельским вариантом.

За последнее десятилетие открыто много новых памятников и пунктов находок керамики курмантау. На территории Башкирии (см. карту, рис. 56) курмантауские племена в северных районах составляли довольно густое население. Но найти им прямые генетические корни в местных культурах предшествующего времени трудно. Ни из срубной, ни из андроновской ее выветы невозможно. Отдельные элементы в орнаменте (отлогие зигзаги, парные насечки, круглые ямки) роднят ее с абашевской так же, как и примесь толченых раковин в глине сосудов. Генетическая связь с абашевской культурой прослеживается на многих памятниках района расселения курмантауских и родственных им племен.

Абашевские формы и элементы орнамента отмечаются и в памятниках приказанской культуры (Калинин, Халиков, 1954, стр. 216, 217, 243). Особенно важно присутствие в орнаменте приказанской керамики и плоско-ямочного элемента (Калинин, Халиков, рис. 37, 10), с которым можно связывать ямочный узор на более поздней посуде культуры курмантау.

В погребальном обряде Луговских курганов обращает на себя внимание огненный ритуал. В некоторых курганах под насыпью или возле нее оказались пятна прокала или ямы, заполненные углисто-красным слоем, где «долго горел огонь и приносились заупокойные жертвы» (Збруева, 1960, стр. 29). А. В. Збруева отмечает, что «более темные очертания могил, начиная с горизонта, можно объяснить только подсыпкой в могилы углистого слоя из жертвенных костров» (Збруева, 1960, стр. 32).

Такое широкое применение огня в погребальном обряде, нам думается, ведет свое происхождение от абашевской культуры.

Пятна прокала, жаровни с углями встречались в курганах Абашевского могильника. Засыпка могилы кострищным слоем наблюдалась, в частности, на Мало-Кизыльском абашевском поселении. На том же памятнике найдены были признаки человеческого жертвоприношения (Сальников, 1954). На существование последних на Луговском поселении и курганах указывает А. В. Збруева (1960, стр. 33).

Между культурами абашевской и курмантау на территории Башкирии значительный хронологический разрыв. Их последовательность во времени здесь пока установить не удастся. Между абашевской эпохой и временем обитания на селере Башкирии племен культуры курмантау эта территория была заселена племенами срубной и черкаскульской культур. Вероятнее ожидать, что абашевские элементы вошли в состав узоров курмантауской посуды где-то в более северных или западных районах, а на территорию Башкирии курмантауские племена пришли уже в сложившемся виде.

В северной и горной Башкирии племена курмантау застали позднесрубные и черкакульские племена. Взаимоотношения разнородных культур на заключительном этапе развития эпохи бронзы хорошо прослеживаются

на селище Кумлекуль. В едином культурном слое в землянке и вне ее керамика на селище представлена синхронными, но разнокультурными видами. Флажковая керамика курмантау залегала совместно с черкаскульской межовского типа и срубной хвалынского типа с валиковыми «усами». Очевидно, этот памятник отражает тот ассимиляционный процесс, который протекал на грани II и I тыс. до н. э. в среде разноплеменного населения на берегах нижнего течения р. Белой.

Наряду с другими предананьинскими культурами в Прикамье культура курмантау сыграла большую роль в сложении ананьинской культуры раннего железного века.

Ананьинские памятники на Нижней Каме А. В. Збруева ставит в генетическую связь с поселениями луговского типа (Збруева, 1960, стр. 33). А. Х. Халиков участниками ананьинского генезиса считает большую группу родственных памятников, которые он объединяет в понятие позднеприказанской культуры, включая в нее и памятники типа курмантау наравне с синхронными поселениями Нижней Камы, и приказанского Поволжья и ерзовской группой со Средней Камы (Халиков, 1964). Что все эти памятники хронологически и культурно близки, можно согласиться. Они входят в одну культурно-этническую общность, внутри которой намечается несколько археологических культур. В частности, культура курмантау имеет ряд особенностей, позволяющих поставить вопрос о ее самостоятельности. Наиболее ярко это проявляется в таком красочном элементе орнамента, как флажки. Нигде в других районах в такой степени они не распространены.

Еще недостаточно материала для выяснения того процесса, который сблизил предананьинские памятники и привел к сложению ананьинской культуры. Не случайно существует так много теорий ее происхождения. Многие этнокультурные группы принимали участие в этом процессе. В одних районах ананьинской территории преобладали одни элементы, в других — другие.

В бассейне низовьев Белой ведущую роль, по всей видимости, играли племена культуры курмантау, в которой значительное место занимает абашевское наследие, что нам уже приходилось отмечать (Сальников, 1954б). На генетическую связь ананьинской культуры с абашевской неоднократно указывали А. П. Смирнов (Смирнов, 1949, стр. 55; 1952, стр. 63; 1957, стр. 24—26), П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Последние, считая, что «абашевские традиции в ананьинской культуре оказались очень устойчивыми», усматривают, в частности, много элементов, близких абашевским, в ананьинских украшениях (Ефименко, Третьяков, 1961, стр. 94—96, рис. 32). Большую роль абашевской культуры в сложении ананьинских памятников признают А. Х. Халиков и Г. А. Архипов (1959, стр. 118).

Нам представляется, что абашевские элементы в украшениях и в узорах керамики проникли к ананьинским племенам при посредстве курман-

тауских, что хорошо видно на примере предметов из Урнякского могильника и погребального обряда Луговских курганов.

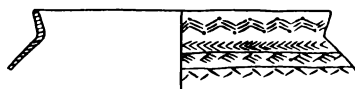
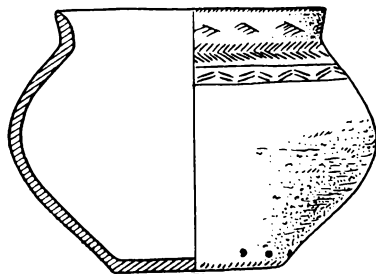
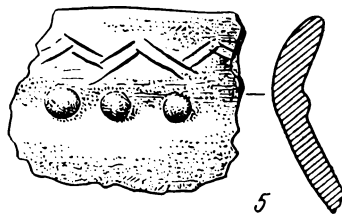
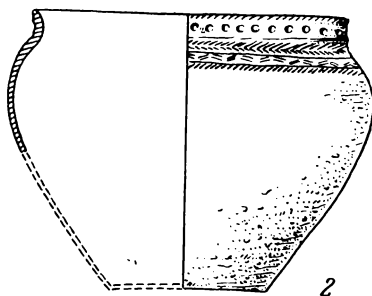
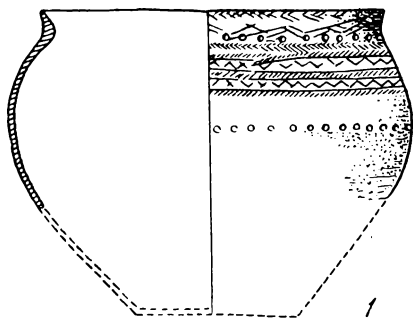
Очевидно, курмантауские племена участвовали главным образом в сложении бельского варианта этой культуры, который правильнее будет выделить в особую, родственную ананьину, карабызскую культуру. На носителей культуры типа стоянки Курмантау Нижнее как на предков бельского варианта ананьинской культуры неоднократно указывала и А. В. Збруева (1952, стр. 189—204; 1958, стр. 238).

*

Многочисленность теорий происхождения ананьинской культуры имеет свои корни в неоднородности населения Прикамья (в широком понимании) в эпоху поздней, финальной бронзы, в предананьинское время. Пестрота состава населения сказалась и на антропологическом облике предананьинских племен.

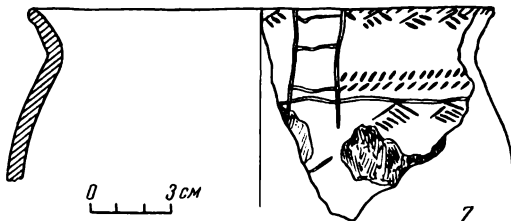
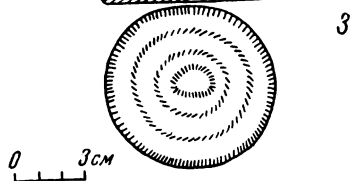
В жертвенном очаге землянки 1 на Луговской I стоянке оказались кости и черепа 19 человек, принадлежавшие к европеоидному и монголоидному типам (Збруева, 1960, стр. 13). Это говорит о проникновении населения с востока. Монголоидный тип предположительно можно связать с зауральской черкаскульской культурой, керамика которой входила в состав находок на Луговской I стоянке. В то же время надо учитывать, что черепа из черкаскульских курганов Тартышево I, по предварительному определению, несомненно европеоидного облика. Следовательно, черкаскульское население в антропологическом отношении не было однородным.

Монголоидная примесь отмечается и в антропологическом материале из предананьинских могильников Маклашеевка I и II (последний нами относится к культуре курмантау), причем смешение европеоидных и монголоидных элементов объясняли контактность района расположения этих могильников на границе леса и степи, и в монголоидах видели приток населения из лесной полосы (Дебеч, 1948, стр. 153; Трофимова, 1951, стр. 102). Думается, что в этом вопросе нельзя не учитывать и установленное по археологическим данным проникновение в Предуралье и нижнее Прикамье этнических групп из Зауралья. Авторы новых антропологических исследований склонны в этом направлении искать истоки монголоидных элементов в предананьинских памятниках Прикамья (Акимова, 1962, стр. 240). Преобладающим все же следует для этого времени считать европеоидный тип. В территориально близких к Южному Уралу памятниках — Кумысском могильнике (раскопки В. Ф. Генинга, 1958 г.) и Луговских курганах (раскопки А. Х. Халикова, 1958—1959 гг.) — черепа относятся к европеоидному типу, на отдельных экземплярах устанавливается слабый налет монголоидности, и лишь один женский череп из впускного погребения Луговского кургана 2 оказался выраженного монголоидного

0 5 CM

6

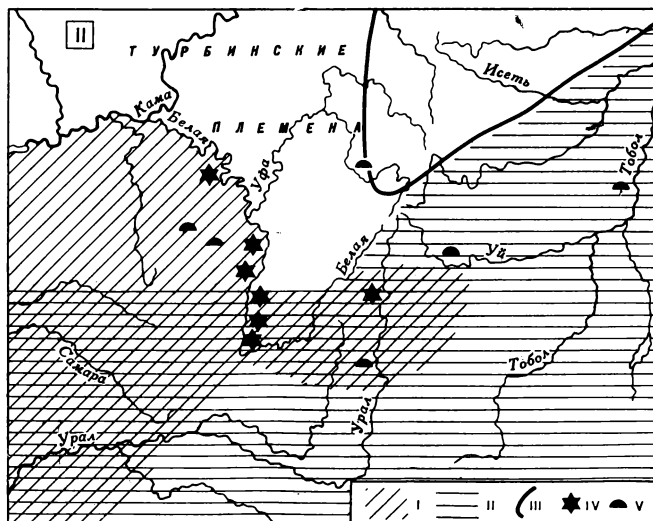
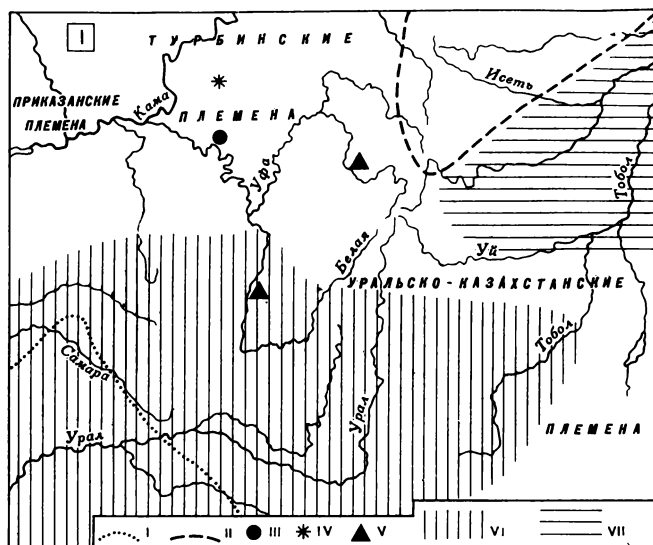
0 3 CM

7

62. Флажково-жемчужная керамика

1—5 — Басогыино II; 6, 7 — Черкаскуль II

облика (Акимов, 1962, стр. 234—235). Последнее погребение является впускным, более поздним, когда, очевидно, усилилось проникновение монголоидов, столь широко представленных в могильниках уже сформировавшейся ананьинской культуры.

Поселения, синхронные и близкие по культуре памятникам курмантау, за последнее время начинают выявлять и в Зауралье: на севере Челябинской и в Курганской области. Для этих памятников характерна своеобразная керамика. Она сближается с курмантауской сильной выпуклостью плечиков, утонченностью слегка скошенного наружу венчика. В орнаменте общим является нанесение рисунка нарезкой, отсутствие оттисков гребенчатого штампа, частое включение в узор отлогих зигзагов, мелкой

†63. Схематическая карта расселения племен Южного Урала в эпоху бронзы

I — во второй четверти II тысячелетия до н. э.

I — северо-восточная граница расселения ямных племен в III тысячелетии до н. э.; II — черкаскульские племена; III — Северо-Бирское погребение с предметами унетицкого типа; IV — Верхне-Савинское погребение балановской культуры; V — раннеабашевские памятники; VI — срубные племена полтавкинского этапа; VII — андроновские племена федоровского этапа

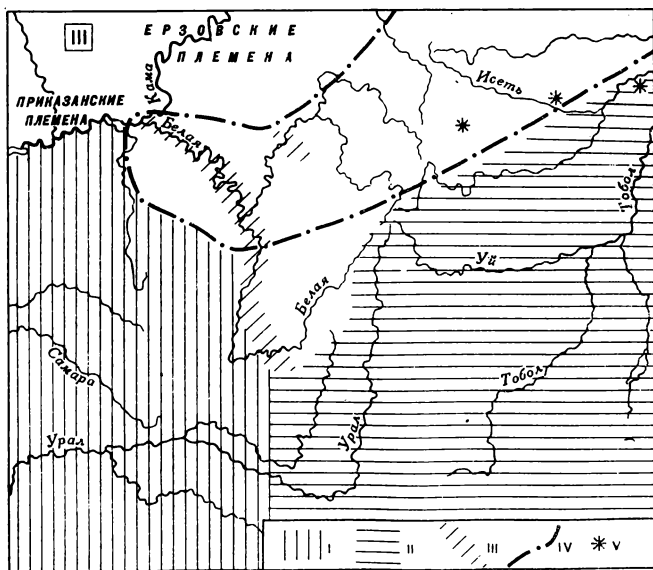
II — в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э.

I — срубные племена покровского этапа; II — андроновские племена алакульского этапа; III — черкаскульские племена; IV — абашевские поселения; V — абашевские могильники

III — в последней четверти II — начале I тысячелетия до н. э.

I — срубные племена хвалынского этапа; II — андроновские племена замараевского этапа;

III — племена культуры курмантау; IV — черкаскульские племена; V — поселения с флажково-жемчужной керамикой

елочки и «флажков». На зауральских памятниках, в отличие от курмантауских, преобладают плоскодонные сосуды, в орнаменте круглые глубокие ямки зачастую заменяются жемчужинами. Иногда на плечиках встречаются резные крупные прямоугольники, дополненные ямками и жемчужинами. В глине сосудов отсутствует примесь как толченых раковин, столь характерных для керамики курмантау, так и талька и слюды, обычной в керамике эпохи бронзы Зауралья.

Впервые флажково-жемчужная керамика на территории Зауралья была обнаружена нами в 1956 г. в культурном слое поселения Черкаскуль II на севере Челябинской области (рис. 62, 6, 7). На этом памятнике она залегала в верхнем горизонте: во втором штыке обнаружено было 45 обломков (86,6%), в третьем — 5 экз. (9,6%), в четвертом — 2 (3,8%). Ее отношение к другим типам керамики эпохи бронзы видно из табл. 26, что позволяет датировать ее самым концом эпохи бронзы — первыми веками I тыс. до н. э. Очевидно, она синхронна в Зауралье памятникам березовского этапа черкаскульской культуры и территориально соседствует с ними на востоке и на юге.

Таблица 26 Соотношение керамики с флажково-жемчужными орнаментами и других типов керамики на поселении Черкаскуль II

Тип керамики	2 шт.		3 шт.		4 шт.		Всего
	число обломков	%	число обломков	%	число обломков	%	
Черкаскульский . . .	29	29,9	45	46,4	23	23,7	97 100
Межовский	33	60,0	20	36,4	2	3,6	55 100
Флажковый	45	86,6	5	9,6	2	3,8	52 100

Такая керамика отмечена нами в 1958 г. среди находок в слое эпохи бронзы на поселении Баборыкино II на р. Исети близ Шадринска (Сальников, 1961, стр. 45, 46, рис. 3, 28; 5, 16, 19) (рис. 62, 1—5). Геологи Л. В. Ли и М. Г. Соболев обнаружили ее в 1959 г. на р. Исети близ дер. Бархатово-Заречное на границе Курганской и Тюменской областей. Встречается керамика этого типа на востоке Свердловской области, на р. Нице (Викторова, 1962, стр. 45). Разведочный отряд Н. И. Лепковой-Совцовой экспедиции Уральского университета в 1962—1963 гг. обнаружили ее на востоке Курганской области и в южных районах Тюменской области в более чем 30 пунктах.

Следует отметить, что наиболее характерные элементы орнамента этой керамики — флажки и жемчужины — на различных памятниках выступают в разной пропорции. Так, флажки присутствуют в составе узора чаще и в более западных памятниках, где они редко сопровождаются жемчужинами, которые здесь заменяются чаще ямками (Черкаскуль II). Чем восточнее памятник, тем реже в орнаментации керамики видим флажки и чаще жемчужины (Баборыкино II, Бахирево-Заречное). Если вспомнить, что жемчужины занимают большое место в орнаменте керамики ирменской культуры (Членова, 1955, стр. 44) и встречаются в поздних слоях памятников эпохи бронзы Восточного Казахстана (Черников, 1960, стр. 102), а флажки типичны для культуры курмантау Приуралья, то можно сделать предположение о встречном направлении распространения этих двух элементов в орнаменте финальной бронзы. Перекликается описываемая нами керамика некоторыми чертами и с керамикой карасукской культуры в ее алтайском варианте. Мы имеем в виду ямки на углах резных зигзагов (рис. 62, 6) (ср. Грязнов, 1956, табл. VI, 10; Киселев, 1951, табл. XVI, рис. 12). Приведенные аналогии подтверждают нашу датировку зауральских памятников с флажково-жемчужной керамикой.

Еще не накоплен материал, который позволил бы в деталях проследить процесс сложения на финальном этапе эпохи бронзы обширной этнокультурной общности, включающей, наряду с другими, и охарактеризованную нами культуру курмантау Приуралья и памятники Зауралья с флажково-жемчужной керамикой. Но их несомненное участие в формировании культуры угро-финских племен на заре железного века позволяет в племенах финальной бронзы Нижнего и Среднего Прикамья, северной Башкирии, Челябинской и Курганской областей, т. е. территории от устья Камы до Тобола, а, возможно, и восточней, видеть угрофинноязычное население.

- Абрамович Ю. М., 1956. К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во втором тысячелетии до н. э. Учен. зап. Пермского университета, т. XI, вып. 3. Пермь.
- Акимова М. С., 1950. Курганный могильник около дер. Тауш-Касы в Чувашии (раскопки 1947—1948 гг.) Учен. зап. Чув. НИИ, вып. IV. Чебоксары.
- Акимова М. С., 1962. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья. Труды МАЭ, т. II. Йошкар-Ола.
- Акишев К. А., 1953. Эпоха бронзы Центрального Казахстана (автореф. канд. дисс.). ГЭ. Ленинград.
- Акишев К. А., 1959. Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7.
- Алабин П. В., 1896. Некоторые предметы древности Самарского музея. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2.
- Алексеев В. П., 1961. Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья. ТИЭ, т. LXXI.
- Алихова А. Е., 1955. Курганы эпохи бронзы у села Комаровки. КСИИМК, вып. 59.
- Алихова А. Е., 1956. Абашевские курганы близ с. Земского Рязанской области. КСИИМК, вып. 64.
- Алихова А. Е., 1958. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61.
- Алихова А. Е., 1960. Памятники срубной культуры Самарской Луки. МИА, № 80.
- Алихова А. Е., 1960. Поселение у села Русская Бектяшка Ульяновской области. МИА, № 80.
- Артамонов М. И., 1933. Донская экспедиция ГАИМК. ПИМК, № 1—2.
- Арциховский А. В., 1954. Основы археологии. Москва.
- Ахмеров Р. Б., 1951. Новые археологические находки в Башкирии. КСИИМК, вып. 39.
- Ахмеров Р. Б., 1955. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, вып. 59.
- Бадер О. Н., 1937. Лихачевский могильник. СА, II.
- Бадер О. Н., 1939. К истории первобытного хозяйства на Оке и в верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, № 3.
- Бадер О. Н., 1940. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI.
- Бадер О. Н., 1947. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. КСИИМК, вып. XVI.
- Бадер О. Н., 1949. Работы Чусовского отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI.
- Бадер О. Н., 1950. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и северо-восточной Европы в свете археологических данных. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2.
- Бадер О. Н., 1953. Очерки шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Учен. зап. Пермского университета, т. IX, вып. 3.

- Бадер О. Н., 1953а. Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение. Там же.
- Бадер О. Н., 1956. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. Учен. зап. Пермского университета, т. XI, вып. 3.
- Бадер О. Н., 1957. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 70.
- Бадер О. Н., 1957а. К изучению эпохи бронзы в Прикамье. Учен. Зап. Пермского университета, т. X, вып. 3.
- Бадер О. Н., 1959. Мытищенский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, вып. 75.
- Бадер О. Н., 1959а. Поселение Забойное I. ОК(В)АЭ, вып. 1.
- Бадер О. Н., 1959б. Камская археологическая экспедиция в 1956 году. КСИИМК, вып. 74.
- Бадер О. Н., 1960. Основные этапы этнокультурной истории Урала и палеогеография. МИА, № 79.
- Бадер О. Н., 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99.
- Бадер О. Н., 1961а. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху неолита и бронзы. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Бадер О. Н., 1963. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. Москва.
- Бадер О. Н., 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. Москва.
- Бадер О. Н., 1965. Первый Турбинский могильник. КСИА, вып. 100.
- Баран В. Д., 1961. Поховання культури шнурової кераміки коло с. Ріпнів (Ріпнів II) Львівської області. Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вып. 3. Київ.
- Березанская С. С., 1960. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. СА, № 4.
- Берг Л. С., 1936. Физико-географические зоны СССР. Ленинград.
- Берс Е. М., 1951. Археологическая карта г. Свердловска и окрестностей. МИА, № 21.
- Берс Е. М., 1958. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья. Сб. «Вопросы истории Урала». Свердловск.
- Бибиков С. Н., 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII.
- Бибиков С. Н., 1953. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38.
- Бирюков В. П., 1926. Природа и население Шадринского округа Уральской области. Шадринск.
- Боголюбский С. Н., 1940. О путях к овладению эволюцией домашних животных. «Проблема происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. Москва — Ленинград.
- Боголюбский С. Н., 1940а. Научные работы проф. А. А. Браунера. Там же.
- Богданова-Березовская Н. В., Наумов Д. В., 1962. Химический анализ металлических предметов из могильника Тасты-Бутак I. МИА, № 120.
- Брюсов А. Я., 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Москва.
- Брюсов А. Я., 1953. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII.
- Булычев Н. И., 1902. Древности из Восточной России, вып. I.
- Гуров Г. М., 1965. Вытегодский край. Очерки древней истории. Москва.
- Бутомо С. В., 1963. Применение радиоуглеродного метода в археологии. Новые методы в археологических исследованиях. Москва — Ленинград.
- Викторова В. Д., 1960. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы. Сб. «Из истории Урала». Свердловск.
- Викторова В. Д., 1962. Археологические исследования по рр. Реж и Нице. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1957. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, № 3.

- Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу. ТИЭ, XXVIII.
- Гинзбург В. В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Волгоградского Заволжья (По антропологическим материалам Калининского могильника). МИА, № 60.
- Гинзбург В. В., 1962. Материалы по антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (Захоронения могильника Тасты-Бутак I в Актюбинской области). МИА, № 120.
- Глазкова Н. М., Чтецов В. П., 1960. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Волгоградской экспедиции. МИА, № 78.
- Гольмстен В. В., 1926. Музей Общества археологии, истории этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. Бюллетень ОАИЭ, № 4. Самара.
- Гольмстен В. В., 1928. Материалы по археологии Самарской губернии. Материалы по изучению Самарского края, вып. 5. Самара.
- Гольмстен В. В., 1929. Археологические памятники Самарской губернии. ТСАРАНИОН, IV. Москва.
- Гольмстен В. В., 1933. «Серпы» из Сосновой мазы. ПИМК, № 5—6.
- Гольмстен В. В., 1940. Возникновение скотоводства в Восточной Европе. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных». Москва — Ленинград.
- Гольмстен В. В., 1941. Об элементах орнамента керамики родового общества юга СССР. ТОИПК ГЭ, т. I. Ленинград.
- Городцов В. А., 1915. Культуры бронзовой эпохи Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г. Москва.
- Городцов В. А., 1928. Галлический клад и стоянка. ТСАРАНИОН, вып. III.
- Граков Б. Н., 1930. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Казиздат.
- Граков Б. Н., 1935. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, вып. 110.
- Граков Б. Н., 1958. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, № 4.
- Громова В. И., 1940. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», т. I. Москва — Ленинград.
- Грязнов М. П., 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Ленинград.
- Грязнов М. П., 1941. Древняя бронза Минусинских степей. ТОИПК, ГЭ, т. I. Ленинград.
- Грязнов М. П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI.
- Грязнов М. П., 1953. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. 50.
- Грязнов М. П., 1955. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, вып. 24.
- Грязнов М. П., 1956. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, вып. 64.
- Грязнов М. П., 1956а. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48.
- Грязнов М. П., 1957. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, вып. XXVI.
- Дебец Г. Ф., 1936. Материалы по антропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антропологический журнал, № 1.
- Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. ТИЭ, IV.
- Дебец Г. Ф., 1953. К палеоантропологии Урала. КСИЭ, вып. XVIII.

- Дебец Г. Ф., 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. МИА, № 42.
- Дебец Г. Ф., 1956. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР (Тезисы доклада на пленуме ИИМК).
- Денисов В. П., 1958. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, № 3.
- Денисов В. П., 1961. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. ВАУ, вып. 1. Свердловск.
- Джапаридзе О. М., 1951. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии в 1948 г. КСИИМК, вып. 39.
- Дмитриев П. А., 1930. Литейная форма Шадринского музея. ТСАРАНИОН, V. Москва.
- Дмитриев П. А., Сальников К. В., 1941. Уфа — Ишимбай. Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Москва — Ленинград.
- Дурцын С. Н., 1927. Раскопки под Челябинском. ЗУОЛЕ, т. 40, вып. 2. Свердловск.
- Дурцын С. Н., 1927а. Челябинские курганы. Сборник материалов по изучению Челябинского округа, кн. I. Челябинск.
- Евтюхова О. Н., 1959. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое Марийской АССР. Труды Мар. НИИ, вып. XIV. История, археология, этнография.
- Евтюхова О. Н., 1961. К истории изучения абашевской культуры. МИА, № 97.
- Евтюхова О. Н., 1961а. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, № 97.
- Евтюхова О. Н., 1964. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков».
- Ефименко П. П., 1929. Средне-Волжская экспедиция 1926—1927 гг. Сообщения ГАИМК, т. II. Ленинград.
- Евтюхова О. Н., 1961а. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, № 97.
- Заднепровский Ю. А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118.
- Збруева А., Смирнов А., 1939. Археологические находки на строительстве Куйбышевского гидроузла. ВДИ, № 4.
- Збруева А. В., 1947. Мало-Окуловские курганы. СА, IX.
- Збруева А. В., 1947а. Городище Грохань. КСИИМК, вып. 16.
- Збруева А. В., 1948. Маклашевские могильники. КСИИМК, вып. XXIII.
- Збруева А. В., 1950. Памятники поздней бронзы в Прикамье. КСИИМК, вып. 32.
- Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30.
- Збруева А. В., 1957. Культура поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. СА, № 2.
- Збруева А. В., 1958. Могильник Метев-Тамак. КСИИМК, вып. 72.
- Збруева А. В., 1958а. Итоги и задачи археологического изучения территории Башкирии. Сб. «400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа.
- Збруева А. В., 1959. Стоянка имени М. И. Касьянова. Башкирский археологический сборник.
- Збруева А. В., 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80.
- Земляков Б. Ф., 1934. О последледниковых колебаниях климата и их значении в археологии. ПИДО, № 2.
- Зотова С. В., 1964. О сибирских кельгах сейминско-турбинского типа. КСИА, вып. 101.
- Зырянов А. Н., 1863. Курганы у с. Замараевского Шадринского уезда Пермской губернии. ИРАО, т. IV.

- Зырянов А. Н., 1883. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них. ЗУОЛЕ, т. VII, вып. 3.
- Игнатьев Р. Г., 1873. Памятники древности в Курганском округе Тобольской губернии. Тобольские губернские ведомости, № 18—25.
- Иерусалимская А. А., 1958. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, № 2.
- Иессен А. А., 1934. Раскопки В. Н. Глазова у с. Тюнино в 1910 г. ПИДО, № 6.
- Иессен А. А., 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. Москва — Ленинград.
- Иессен А. А., 1948. Уральский очаг древней металлургии. Сб. «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь.
- Иессен А. А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII.
- Иессен А. А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23.
- Итина М. А., 1963. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958—1959 гг.), МХЭ, вып. 6.
- Кадырбаев М. К., 1961. Могильник Сангуыр II. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 12.
- Калинин Н. Ф., 1952. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. КСИИМК, вып. 44.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х., 1954. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42.
- Кастанье И. А., 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. ТОУАК, т. XXII. Оренбург.
- Каштанов Л. И., Смирнов А. П., 1958. Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала. КСИИМК, вып. 72.
- Кипарисова Н. П., 1955. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59.
- Кипарисова Н. П., 1960. О культурах лесного Зауралья. СА, № 2.
- Киселев С. В., 1949. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9.
- Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. Москва.
- Киселев С. В., 1957. Исследования бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, № 4.
- Киселев С. В., 1962. Некоторые вопросы истории первобытного общества. КСИИМК, вып. 88.
- Кларк Дж. Г. Д., 1953. Доисторическая Европа. Москва.
- Комарова М. Н., 1927. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам реки Урала. Сб. «Казак». Антропологические очерки, вып. 11. Ленинград.
- Комарова М. Н., 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24.
- Комарова М. Н., 1961. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник, вып. 3. ГЭ. Ленинград.
- Комарова М. Н., 1962. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Археологический сборник, вып. 5. ГЭ. Ленинград.
- Коробкова Г. Ф., 1963. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». Москва — Ленинград.
- Косарев М. Ф., 1963. Среднеобский центр турбино-сейминской бронзовой металлургии. СА, № 4.
- Косарев М. Ф., 1965. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА, № 2.
- Косвен М. О., 1953. Очерки истории первобытной культуры. Москва.
- Крайнов Д. А., 1941. Вауловский могильник. ТГИМ, вып. XII.
- Крайнов Д. А., 1962. Кухмарский курганный могильник. КСИИМК, вып. 88.

- Крайнов Д. А., 1963. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В1 — 19.
- Крайнов Д. А., 1964. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа. САИ, вып. В1—20.
- Кривцова-Гракова С. А., 1938. Горкинский могильник. ТГИМ, вып. VIII. Москва.
- Кривцова-Гракова О. А., 1941. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. ТГИМ, вып. XII. Москва.
- Кривцова-Гракова О. А., 1947. Абашевский могильник, КСИИМК, вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О. А., 1947а. Фатьяновская культура. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. ОИФАН.
- Кривцова-Гракова О. А., 1947а. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI.
- Кривцова-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник. ТГИМ, вып. XVII.
- Кривцова-Гракова О. А., 1949. Поселения бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI.
- Кривцова-Гракова О. А., 1951. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, № 21.
- Кривцова-Гракова О. А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46.
- Крижевская Л. Я., 1959. Новые неолитические стоянки Южного Предуралья. КСИИМК, вып. 74.
- Круглов А. П., Подгаецкий Г. В., 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119. Москва — Ленинград.
- Крупнов Е. И., 1941. Археологические памятники Ассиинского ущелья. ТГИМ, вып. XII.
- Крупнов Е. И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23.
- Крупнов Е. И., 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55.
- Крупнов Е. И., 1958. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, № 68.
- Кузьмина Е. Е., 1961. Андроновские племена эпохи бронзы в восточной части Оренбургской области. Тезисы докладов на Первой Оренбургской историко-археологической конференции. Оренбург.
- Кузьмина Е. Е., 1961а. Результаты работ на Эмбе в 1958 году. КСИИМК, вып. 85.
- Кузьмина Е. Е., 1962. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИИМК, вып. 88.
- Кузьмина Е. Е., 1962а. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. ВАУ, вып. 2.
- Кузьмина Е. Е., 1963. Купухта — могильник андроновской знати. КСИИМК, вып. 93.
- Кузьмина Е. Е., 1963а. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместификации бактрианов. СА, № 2.
- Кузьмина Е. Е., 1964. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». Москва.
- Кузьмина Е. Е., 1964а. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». Москва.
- Куфтин Б. А., 1944. О древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. Вестник Государственного музея Грузии, т. XII-В. Тбилиси.
- Латынин Б. А., 1957. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 70.

- Левитский Л. П., 1941. О древних рудниках (В помощь первооткрывателю). Москва — Ленинград.
- Лепехин И., 1802. Дневные записки путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.
- Лесков А. М., 1964. Древнейшие роговые псалли из Трахтемирова. СА, № 1.
- Либеров П. Д., 1961. Мастюгинские курганы (Некоторые материалы из раскопок 1959—1960 гг.). СА, № 3.
- Либеров П. Д., 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. Москва.
- Лисицына Н. К., 1955. Археологические исследования в РСФСР в 1952 году. КСИИМК, вып. 58.
- Лисицына Н. К., 1958. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1957 г. СА, № 2.
- Лисицына Н. К., 1959. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1958 г. СА, № 2.
- Литвицкий Б. А., 1952. Намазга-тепе. СЭ, № 4.
- Максимов Е. К., 1956. Памятники эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области. ТСОМК, вып. 1. Саратов.
- Максимов Е. К., 1962. Материалы из Хвалынского музея. СА, № 3.
- Максимова А. Г., 1959. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7. Алма-Ата.
- Максименков Г. А., 1964. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. КСИА, вып. 101.
- Малахов М. В., 1908. Посмертные записки. Вторая серия. ЗУОЛЕ, т. XXVII.
- Марковин В. И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, № 93.
- Массон В. М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73.
- Матвеева Г. И., 1962. Раскопки курганов у г. Троицка. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Матвеева Г. И., 1963. Памятники эпохи бронзы на р. Деме. Сб. «Из истории Башкирии». Уфа.
- Матюшин Г. Н., 1962. Археологические исследования в окрестностях города Уфы. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Матюшин Г. Н., 1962а. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИА, вып. 92.
- Мерперт Н. Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42.
- Мерперт Н. Я., 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61.
- Мерперт Н. Я., 1960. Раскопки абашевских курганов в Чувашии в 1957 г. Учен. зап. Чув. НИИ, вып. XIX. Чебоксары.
- Мерперт Н. Я., Смирнов А. П., 1960. Археология в некоторые вопросы почвоведения. СА, № 4.
- Мерперт Н. Я., 1961. Абашевские курганы северной Чувашии (раскопки 1957—1958 гг.). МИА, № 97.
- Мерперт Н. Я., 1961а. Энеолит степной полосы Европейской части СССР.
- Мерперт Н. Я., 1962. Срубная культура южной Чувашии. МИА, № 111.
- Минаева Т. М., Фурсаев А. Д., 1934. Ботанические находки в археологическом материале. «Советская ботаника», № 3.
- Москаленко А. Н., 1952. Памятники эпохи бронзы на верхнем и среднем Дону. КСИИМК, вып. 43.
- Мошинская В. И., 1957. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 58.
- Мошкова М. Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник. МИА, № 115.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А., 1964. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. КСИА, вып. 101.

- Мунчаев Р. М., 1961. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, № 100.
- Нефедов Ф. Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГ, т. III.
- Никитин А. Л., 1963. Дикариха. МИА, № 110.
- Новиченко А. С., 1955. Земли древнего орошения на озере Буруктал. Газета «Чкаловская коммуна», № 76 (8126), 31 марта.
- Новокрещенных Н. Н., 1914. Гляденовское костище Пермской губернии. Труды ПУАК, вып. XI.
- Окладников А. П., 1956. Предварительный отчет об исследованиях памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1956 г. Труды АН Тадж. ССР, т. XXXVII.
- Оразбаев А. М., 1958. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 5. Алма-Ата.
- Оразбаев А. М., 1959. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7.
- Орехов В. Ф., 1914. Раскопки двух курганов при с. Одаевщине Хвалынского у. ТСУАК, вып. 31.
- Очерк горного дела в Тургайской области, 1896. Оренбург.
- Очерки истории СССР. 1956. Первообытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. Москва.
- Паллас П. С., 1773. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб.
- Пассек Т. С., 1953. Раскопки трипольских поселений на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51.
- Пиотровский Б. Б., 1950. Кармир-блур. Ереван.
- Пиотровский Б. Б., 1955. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII.
- Подгаецкий Г. В., 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА, № 1.
- Подгаецкий Г. В., 1941. Город Воронеж. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» Москва.
- Попова Т. Б., 1953. Керамика мелекесских курганов. ТГИМ, XXII.
- Попова Т. Б., 1961. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, № 3.
- Попов С. А., 1957. Заметка. СА, № 4.
- Прыткова Н. Ф., 1953. Одежда хантов. Сб. МАЭ, XV.
- Раушенбах В. М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. ТГИМ, вып. 29.
- Раушенбах В. М., 1960. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. ТГИМ, вып. 37.
- Рыков П. С., 1926. Археологические раскопки и разведка в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области, т. I. Саратов.
- Рыков П. С., 1927. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете, т. II. Саратов.
- Рыков П. С., 1931. Археологическая экспедиция по Хопру. Сообщения ГАИМК, № 8.
- Рыков П. С. 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Садыхова М. Х., 1959. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Сальников К. В., 1940. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. МИА, № 1.
- Сальников К. В., 1947. Городище Чудаки Челябинской области. СА, IX.

- Сальников К. В., 1948. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь.
- Сальников К. В., 1950. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXV.
- Сальников К. В., 1950а. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного. СА, XIII.
- Сальников К. В., 1950б. Сарматские погребения в районе Магнитогорска. КСИИМК, вып. XXXIV.
- Сальников К. В., 1951. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21.
- Сальников К. В., 1951а. Раскопки на озере Березовом. КСИИМК, вып. 36.
- Сальников К. В., 1951б. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, вып. XXXVII.
- Сальников К. В., 1952. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 45.
- Сальников К. В., 1952а. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24.
- Сальников К. В., 1952б. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск.
- Сальников К. В., 1954. Абашевская культура на Южном Урале. СА, XXI.
- Сальников К. В., 1954а. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX.
- Сальников К. В., 1954б. К вопросу о происхождении апаньинской культуры. СЭ, № 4.
- Сальников К. В., 1957. Кипельское селище. СА, XXVII.
- Сальников К. В., 1957а. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии. КСИИМК, вып. 67.
- Сальников К. В., 1959. О датировке культур эпохи бронзы в юго-западной Башкирии. Научные исследования исторического факультета Уральского университета за 1958 уч. год. Свердловск.
- Сальников К. В., 1959а. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Сальников К. В., 1959б. Раскопки у с. Ново-Бурино. СА, XXIX—XXX.
- Сальников К. В., 1961. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, № 2.
- Сальников К. В., 1962. К истории древней металлургии на Южном Урале. АЭБ, т. I. Уфа.
- Сальников К. В., 1962а. Иткульская культура. Сб. «Краеведческие записки». Челябинск.
- Сальников К. В., 1962б. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», т. I. Уфа.
- Сальников К. В., 1962в. Царев Курган на р. Тоболе. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Сальников К. В., Новиченко А. С., 1962. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области. СА, № 2.
- Сальников К. В., 1964. Некоторые вопросы лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, вып. 6. Свердловск.
- Сальников К. В., 1966. Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии. Сб. «IV Уральское археологическое совещание». Пермь.
- Сальников К. В., 1966а. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. СЭ.
- Серошевский В. Л., 1896. Якуты. СПб.
- Синицын И. В., 1932. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея. Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения, т. V. Историческая серия. Саратов.
- Синицын И. В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
- Синицын И. В., 1949. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI.

- Синицын И. В., 1950. Археологические памятники по р. М. Узень. КСИИМК, вып. XXXII.
- Синицын И. В., 1951. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII.
- Синицын И. В., 1952. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. 45.
- Синицын И. В., 1954. Археологические исследования Заволжского отряда Волгоградской экспедиции. КСИИМК, вып. 55.
- Синицын И. В., 1956. Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. 63.
- Синицын И. В., 1956а. Археологические памятники у села Пролейка. Учен. зап. Саратовского университета, т. 47, вып. исторический. Саратов.
- Синицын И. В., 1958. Памятники родового общества степей Заволжья. Учен. зап. Саратовского университета, т. 66. Саратов.
- Синицын И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60.
- Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78.
- Синицын И. В., 1961. Ровненский курганный могильник. КСИИМК, вып. 84.
- Смирнов А. П., 1949. Археологические памятники на территории Марийской АССР, их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск.
- Смирнов А. П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28.
- Смирнов А. П., 1954. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках. КСИИМК, вып. 55.
- Смирнов А. П., 1957. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. СА, № 3.
- Смирнов А. П., 1961. К вопросу о формировании абашевской культуры. МИА, № 97.
- Смирнов А. П., 1961а. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95.
- Смирнов В. И., 1947. Говядиновский могильник. СА, IX.
- Смирнов К. Ф., 1957. Проблема происхождения ранних сарматов. СА, № 3.
- Смирнов К. Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Волгоградской области. МИА, № 60.
- Смирнов К. Ф., 1960. Быковские курганы. МИА, № 78.
- Смирнов К. Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, № 1.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, вып. Д1-9.
- Смирнов К. Ф., Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. Москва.
- Смирнов К. Ф., Федорова-Давыдова Э. А., 1965. Соотношение культур медно-бронзового века в Заволжско-Оренбургских степях. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Тезисы докладов. Баку.
- Смолин В. Ф., 1927. Археологическая разведка в Чувашской республике в 1926 г. Известия ОАИЭ, т. XXXIII, вып. 4.
- Смолин В. Ф., 1928. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары.
- Сорокин В. С., 1958. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области. КСИИМК, вып. 71.
- Сорокин В. С., 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120.
- Сорокин В. С., 1962а. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИИМК, вып. 91.
- Спицын А. А., 1901. Гляденовское костеище. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2. СПб.
- Спицын А. А., 1903. Галчский клад. ЗРАО, т. V, вып. 1.
- Спицын А. А., 1903а. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗРАО, т. V, вып. 1.

- Спицын А. А., 1928. Археологические заметки. ТСАРАНИОН, IV.
- Спришевский В. И., 1957. Чутское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, вып. 69.
- Степанов П. Д., 1950. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII.
- Степанов П. Д., 1951. Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII.
- Степанов П. Д., 1954. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53.
- Степанов П. Д., 1955. Курганы эпохи бронзы у села Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, вып. 59.
- Стоколос В. С., 1957. Заметка о раскопках Каменск-Уральского музея. СА, № 4.
- Стоколос В. С., 1962. Курганы эпохи бронзы у с. Степного. Сб. «Краеведческие записки», вып. I. Челябинск.
- Стоколос В. С., 1962а. Археологические исследования Челябинского областного музея. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Стоянов В. Е., Фролов В. Н., 1962. Курганные могильники у д. Воробьевой. ВАУ, вып. 4. Свердловск.
- Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА, № 35.
- Теплоухов А. Е., 1880. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. ЗУОЛЕ, т. VI, вып. 1.
- Теплоухов С. А., 1927. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2. Ленинград.
- Тихонов Б. Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90.
- Толмачев В. Я., 1914. Раскопки и разведки 1910 года. ИАК, вып. 53.
- Толмачев В. Я., 1915. Разведки в Пермской и Уфимской губерниях. ОАК, за 1913—1915 гг.
- Толстов С. П., Андрианов Б. В., 1957. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI.
- Толстов С. П., Итина М. А., 1960. Проблема суярганской культуры. СА, № 1.
- Третьяков П. Н., 1931. Из материалов Средне-Волжской экспедиции ГАИМК. Сообщения ГАИМК, № 3.
- Третьяков П. Н., 1932. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. 1.
- Третьяков П. Н., 1934. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. «Из истории родового общества на территории СССР». Москва — Ленинград.
- Третьяков П. Н., 1948. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары.
- Третьяков П. Н., 1953. Восточнославянские племена. Москва.
- Трофимова Т. А., 1951. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья. МИА, № 22.
- Трофимова Т. А., 1961. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, 5.
- Трубникова Н. В., 1958. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе. МИА, № 61.
- Трубникова Н. В., 1959. К вопросу о происхождении городецкой культуры. КСИИМК, вып. 75.
- Уманский А. П., 1964. Андроновский кинжал из села Ильинского. СА, № 2.
- Федоров Б., 1914. Памятники старины у с. Старых Печеур Хвалынского у. ТСУАК, вып. 31.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1960. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры). ТГИМ, вып. 37.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1961. Памятники эпохи энеолита и бронзы в Со-

- рочинском, Халиловском и Соль-Илецком районах Оренбургской области. Тезисы докладов на первой Оренбургской историко-археологической конференции. Оренбург.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1962. Новые памятники эпохи энеолита и бронзы в Оренбургской области. ВАУ, вып. 2. Свердловск.
- Федорова-Давыдова Э. А., 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. АЭБ, т. II. Уфа.
- Формозов А. А., 1951. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, вып. 36.
- Формозов А. А., 1951а. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX.
- Формозов А. А., 1953. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. ВДИ, № 1.
- Формозов А. А., 1956. Доандроновское погребение в Казахстане. КСИИМК, вып. 63.
- Формозов А. А., 1956а. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. КСИИМК, вып. 59.
- Фосс М. Е., 1949. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX.
- Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29.
- Фосс М. Е., 1959. Исследования неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году. КСИИМК, вып. 75.
- Халиков А. Х., 1955. История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы. Автореферат.
- Халиков А. Х., 1959. Новые памятники абашевской культуры в Волго-Вятском междуречье. СА, № 2.
- Халиков А. Х., Архипов Г. А., 1959. Марийская археологическая экспедиция 1957 года. Труды Марийского НИИ, вып. XIV. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, т. I.
- Халиков А. Х., 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, № 97.
- Халиков А. Х., 1961а. Доклад на Пленуме Института археологии АН СССР.
- Халиков А. Х., 1962. Очерки по истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. МАЭ, т. II. Йошкар-Ола.
- Халиков А. Х., 1964. Некоторые проблемы неолита и бронзы Среднего Поволжья. «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа.
- Ханин И. Я., 1960. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья. ТСОМК, вып. III. Саратов.
- Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51.
- Цалкин В. И., 1958. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, № 61.
- Цветкова Т. Б., 1953. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, вып. XXII.
- Чернецов В. Н., 1951. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. Москва.
- Чернецов В. Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35.
- Черников С. С., 1957. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, вып. XXVI.
- Черников С. С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88.
- Черных Е. Н., 1963. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореферат. Москва.
- Черных Е. Н., 1963а. Спектральные исследования медных изделий из могильников

- балановского и фатьяновского типов. В кн.: О. Н. Бадер. Балановский могильник. Москва.
- ерных Е. Н., 1964. О металле абашевской культуры. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». Москва.
- ерных Е. Н., 1965. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. Сб. «Археология и естественные науки».
- ернских М. П., 1910. О раскопках двух курганов у пос. Сухомесовского. ТОУАК, т. XXIII.
- игурьева А. А., 1960. Растительность Заволжья эпохи бронзы. МИА, № 78.
- ленова Н. Л., 1955. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, XXIII.
- илов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60.
- мидт А. В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Уфа.
- мидт А. В., 1935. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. ИГАИМК, вып. 106.
- мидт А. В., 1940. Стоянка у станции Левшино. СА, V.
- окуров А. П., 1959. По следам первобытного человека. Газ. «Октябрьский нефтяник», № 139 (20/XI).
- рамко Б. А., 1961. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, № 1.
- тукенберг А. А., 1901. Материалы по изучению медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Изв. ОАИЭ, т. XVII. Казань.
- динг Д. Н., 1940. Резная скульптура Урала. Москва.
- нитс Л., 1952. Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК, вып. 42.
- spelín I. R., 1877. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, t. I. Helsingfors.
- ortvin N. N., 1928. The Verkhny-Lizil Find. ESA, III. Helsinki.
- udinsky-Kricka Vojtech, 1965. Gräberfeld der später Schnurkeramischen Kultur in Veselé. Slovenská Archeologia, XIII — I. Bratislava.
- imbutas M., 1956. Borodino, Seima and their Contemporaries. Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, vol. XXII. Cambridge.
- eikel A., 1894. Antiquites de la siberia Occidentale. Helsingfors.
- rivtson-Grakov O., 1929. Une frouvaille d'objets de l'age du bronze dans la region du hant Tobol. ESA, IV. Helsinki.
- au P. D., 1928. Hockergräber der Volgasteppes. Pokrovsk.
- ukov P., 1927. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga. ESA, I. Helsinki.
- allgren A.-M., 1916. Collection Zauoussailov. Helsingfors.
- bert M., 1924. Reallexikon der Vergeschichte, Bd. 1. Berlin.
- bert M., 1925. Reallexikon der Vergeschichte, Bd. 2. Berlin.
- bert M., 1927/28. Reallexikon der Vergeschichte, Bd. 11. Berlin.

РУКОПИСИ

- ильшау К. В., 1939. Антропологическая характеристика костных остатков человека андроновской культуры в Челябинской области. Отчет археологической экспедиции Челябинского музея. Научный архив Челябинского музея.
- ипарисова Н. П., 1950. Отчет о работе Уйского разведочного отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1950 года. К. В. Сальников. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции. Архив ИА

- АН СССР; 1951. Отчет о работе Увельского разведочного отряда археологической экспедиции Челябинского музея в 1951 году. Архив ИА АН СССР; 1954. Отчет археологической экспедиции Оренбургского музея 1954 года. Архив ИА АН СССР, № 987.
- Минко Н. К., 1907. Отчет о раскопках в Челябинском уезде Оренбургской губернии. Архив ЛОИА АН СССР, № 209 за 1904 г.; 1908. Отчет о раскопках в Челябинском уезде, Оренбургской губернии. Архив ЛОИА АН СССР, № 209 за 1904 г.; 1909. Дневник о раскопках в Челябинском уезде, Оренбургской губернии. Архив ЛОИА АН СССР, № 63 за 1909 г.
- Россадович А. И., 1953. Отчет об археологических исследованиях краеведческого музея города Магнитогорска. Архив ИА АН СССР.
- Садыкова М. Х., 1963. Дневник археологического отряда ИИЯЛ 1963 г. Архив ИИЯЛ.
- Сальников К. В., 1948. Отчет археологической экспедиции Магнитогорского музея. Архив ИА АН СССР, № 207; 1949. Отчет об археологических исследованиях экспедиции Магнитогорского музея. Архив АХ АН СССР, № 302; 1950. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции. Архив ИА АН СССР, № 439; 1951. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Челябинского музея. Архив ИА, № 584; 1952. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции 1952 г. Архив ИА АН СССР, № 698; 1960. Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции. Архив ИА АН СССР, № 2043.
- Стоколос В. С., 1961. Отчет об археологических исследованиях Челябинского музея. Архив ИА АН СССР, № 2336.
- Фомина В. И., 1951. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Магнитогорского музея. Архив ИА АН СССР, № 570.
- Шмидт А. В., 1927. Отчет о раскопках в 1927 г. Архив ЛОИА АН СССР, № 127.
- Тихонов Б. Г., 1958. Отчет Башкирской экспедиции.
- Шокуров А. П., 1956. Отчет о разведках 1956 г.
- Збруева А. В., 1956. Отчет Башкирской экспедиции.
- Мажитов Н. А., 1962. Отчет экспедиции Башкирского филиала АН СССР.
- Гольмстен В. В., 1928. Дневник экспедиции Самарского общества краеведения. Архив ЛОИА.
- Руденко С. И., 1929. Отчет о раскопках летом 1928 г. в Баш. республике. Архив ЛОИА, ф. 2, д. № 140.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ЗУОЛЕ	— Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ АН Каз. ССР	— Институт истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
МАВГ	— Материалы по археологии восточных губерний
МАЭ	— Марийская археологическая экспедиция
Мар. НИИ	— Марийский научно-исследовательский институт
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции
ОАИЭЭ	— Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете
ОАИЭ	— Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОАК	— Отчет археологической комиссии
ОИФАН	— Отделение истории и философии Академии наук СССР
ОК(В)АЭ	— Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры

ПУАК	— Пермская ученая архивная комиссия
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
Сб. МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ	— Советская этнография
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ТИИ АН Тадж. ССР	— Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР
ТИИАЭ АН Каз. ССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии
ТОИПК	— Труды Отделения истории первобытной культуры
ТОУАК	— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации Научно-исследовательских институтов общественных наук
ТСОМК	— Труды Саратовского областного музея краеведения
ТСУАК	— Труды Саратовской ученой архивной комиссии
Чув. НИИ	— Чувашский научно-исследовательский институт

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Часть первая	
ПЛЕМЕНА АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	17
Глава первая. Памятники	18
Глава вторая. Хозяйство	47
Глава третья. Общественный строй и идеология	92
Глава четвертая. Датировка	101
Глава пятая. О происхождении абашевской культуры	110
Глава шестая. Вехи истории абашевских племен Южного Урала	137
Часть вторая	
ПЛЕМЕНА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ	147
Глава первая. Памятники	148
Глава вторая. Хозяйство	169
Глава третья. Периодизация и хронология	210
Глава четвертая. Вехи исторического развития срубных племен Южного Урала	224
Часть третья	
ПЛЕМЕНА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	241
Глава первая. Памятники	242
Глава вторая. Территориальные и хронологические различия	280
Глава третья. Хозяйство	326
Глава четвертая. Происхождение и вехи исторического развития племен андроновской культуры	340
Часть четвертая	
ПЛЕМЕНА ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ	353
Часть пятая	
ПЛЕМЕНА КУЛЬТУРЫ КУРМАНТАУ	375
ЛИТЕРАТУРА	392
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	406

Константин Владимирович Салеников

Очерки древней истории Южного Урала

Утверждено к печати Уфимским институтом истории, языка и литературы

Редактор издательства Л. С. Кручинина

Художник Н. Никахри-то. Технический редактор Р. М. Денисова.

Сдано в набор 8/1 1967 г. Подписано к печати 10/VI 1967 г. Формат 70х90/16.

Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 29,98. Уч.-изд.л. 26,4. Тираж 2300 экз. Г-05634. Тип. зак. 2194.

Цена 1 руб.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д.21.

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

